

Рецензенты:

кафедра истории и внешней политики стран Азии и Африки
Московского государственного института международных отно-
шений (зав. кафедрой докт. ист. наук, проф. А. В. Меликсетов);
зав. Отделом Японии Института востоковедения АН СССР
доктор. ист. наук, проф И. А. Латышев

662747

Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.
К 89 История Японии: Учеб. для студ. вузов, обучаю-
щихся по спец. «История» — М.: Высш. шк., 1988. —
432 с.

ISBN 5—06—001204—2

В книге излагается история Японии с древнейших времен до наших дней: древняя история, становление и развитие феодальных отношений, история нового и новейшего времени. В каждом из разделов специальные главы посвящены истории развития культуры. Большое место отводится борьбе народа Японии за социальные права, развертывание общедемократического и антивоенного движения в стране.

0506000000(4309000000)—485
К 001(01)—88

19—88

ББК 63,3(0)
9 (М)

ISBN 5—06—001204—2 © Издательство «Высшая школа», 1988

Предисловие

Учебник по истории Японии создан в нашей стране впервые. До сих пор главы о Японии включались в различные вузовские учебники и учебные пособия по истории зарубежного Востока, истории Азии и Африки и т. д. Да и вообще книг по истории Японии в целом, а не по отдельным ее периодам, издавалось незаслуженно мало. Лишь в послевоенные годы появились труды по различным аспектам истории, политики, экономики и культуры Японии, были осуществлены переводы некоторых источников¹. Все это создало возможность, опираясь на выводы монографических исследований советской японоведческой школы, еще раз проанализировать всю историю Японии, доведя ее изложение до наших дней. При этом в основу учебника была положена следующая периодизация истории Японии: первобытнообщинная формация начинает свой отсчет с 40 тыс. лет до н. э. и завершается VI в. н. э., феодальная формация датируется VII в. — серединой XIX в., капиталистическая — второй половиной XIX в., а высшая ее стадия — империализм — началом XX в. и продолжается по настоящее время.

Потребность в специальном учебнике по истории Японии, который освещал бы все ее этапы — от древности до современности, ощущается довольно остро. Расширение связей между СССР и Японией в различных областях повышает спрос на квалифицированных специалистов-японоведов, хорошо знающих как современную Японию, так и прошлое этой страны. Средства массовой информации и в особенности телевидение «приближают» сегодня Японию буквально к каждому человеку. Эта страна перестала быть далекой и таинственной, хотя ее вряд ли уже можно назвать близкой и понятной. Непрерывно растет число советских людей, побывавших в Японии, и еще быстрее — число тех, кто общается с японцами. Все это способствует росту интереса к Японии в нашей стране — интереса как профессионального, так и любительского.

Выдвижение Японии в число ведущих капиталистических государств в результате сравнительно быстрого роста ее экономики и особенно выход этой страны на передовые научно-технические и технологические рубежи привлекли к ней пристальное внимание во всем мире. Гора Фудзи и гейша уже давно перестали быть символами Японии, хотя продолжают существовать и сегодня. В наши дни Японию олицетворяют роботы и сверхбольшие интег-

¹ К сожалению, объем учебника не позволил подробно проанализировать источники и дать историографию истории Японии.

Первобытнообщинная формация

Каменный век

Древний каменный век, палеолит, датируется для Японии примерно 40—12 тысячелетиями до н. э. Япония тогда еще не отделилась от Азиатского материка и составляла с ним одно целое. Эта хронология основана на радиоуглеродном анализе археологического инвентаря, а также обнаруженных на о-ве Хоккайдо ископаемых останков лошади, относящихся к виду, распространенному 12 тыс. лет до н. э. на севере Азии.

✓ Впервые палеолитический инвентарь в Японии был найден в 1949 г. в префектуре Гумма при раскопках стоянки Ивадзюку. В слое вулканической глины были найдены древние каменные орудия из обсидиана. Затем последовали палеолитические находки на островах Кюсю и Хоккайдо. Керамика в палеолите отсутствует. Поэтому японские археологи именуют его иногда периодом докерамической или бескерамической культуры.

Для палеолита характерны одноручные орудия — копья, пики, их каменные наконечники обнаружены археологами. Найдены каменные ножи, скребки, полученные техникой бокового скалывания отщепов. Наиболее древние орудия изготавливались галечной техникой и аналогичны патжитанскому типу — древнейшей палеолитической культуре, открытой на юге Центральной Явы к западу от города Патжитан. Это грубые «болванки» камня — нуклеусы неправильных очертаний, массивные отщепы, крупные скребла, проторубила. Для изготовления этих орудий использовались небольшие речные гальки и крупные валуны. На о-ве Хоккайдо широко представлены каменные ножевидные пластины из обсидиана.

Примерно 25 тыс. лет до н. э. в Северной Азии началось резкое похолодание, пик которого приходился на 19—17 тысячелетия до н. э. Северная фауна распространилась на юг, а за ней пошел и человек, достигнув по сухопутному мосту через современный Сахалин и Корейю территории Японии. Кости мамонта обнаружены в Приморье, на о-ве Сахалин и о-ве Хоккайдо. Загонная охота на мамонта осуществлялась большим коллективом первобытной охотничьей общины, в которой женщины занимались собирательством. Для приготовления пищи уже использовался огонь. В социальном плане это было раннеродовое общество.

В эпоху среднего каменного века, мезолита (12—10 тыс. лет до н. э.), появляются лук и стрелы, широко использовавшиеся первобытными охотниками.

Наряду с каменным инвентарем в то время существовала и керамика: глиняные сосуды с линейным рельефным наlepным ор-

наментом, в виде валиков — характерная особенность японского мезолита.

В 10—8 тысячелетиях до н. э. в результате таяния ледников уровень Мирового океана поднялся примерно на 100 м, что впоследствии получило наименование потопы. Именно в это время Япония отделилась от материка и приобрела свои современные очертания. Согласно гипотезе итальянского ученого Флавио Барбьеро, подъем уровня Мирового океана был следствием не таяния ледников, а грандиозной катастрофы: у п-ова Флорида в Атлантический океан со скоростью 30 км в секунду врезалось космическое тело — астероид или комета — диаметром в 6—7 км и весом 200 млрд. т. В результате этого столкновения сдвинулась земная ось, произошли землетрясения, пошли дожди, поднялся уровень морей и океанов, существенно изменился климат Земли.

Новокаменный век, неолит, существовавший в Японии с 8 тысячелетия до н. э. по 300-е годы до н. э., характеризуется господством двуручных орудий, прежде всего рыболовных снастей и лука со стрелами, каменных и костяных орудий охоты и лова. Из цельного ствола дерева стали изготавливать лодки, используя для долбления каменные орудия.

По-видимому, в это время возникает простой товарообмен: археологами обнаружены каменные орудия, изделия из кремня, зеленого камня титибу и глиняные изделия в тех районах, где отсутствовал материал для их изготовления. Рыбаки, селившиеся вдоль побережья, охотники лесных краев и жители равнин имели свои специфические продукты, которыми обменивались.

Характерной чертой этого периода являлось широкое распространение охоты и рыболовства, что хорошо прослеживается на раковинных кучах — своего рода кухонных отбросах неолитического человека, — по названию которых весь период иногда именуется «неолитом раковинных куч». Обнаружено около 2500 раковинных куч, некоторые из них удалены от морского побережья на 50 и более километров, что свидетельствует о подъеме суши и изменении береговой линии в результате отступления моря.

Охота продолжала играть важную роль в экономике неолита. В раковинных кучах найдены кости примерно 50 видов животных, но в подавляющем большинстве случаев (до 90%) это кости оленя, охотились на которого в осенне-зимний сезон во время миграции стад, а также кабана. Реже встречаются останки бурого медведя, енота, лисицы, зайца, соболя, морских млекопитающих и птиц.

Весной широко практиковалось собирательство съедобных моллюсков: обнаружены остатки 353 видов.

Во внутренних водоемах ловили леща и окуня, а на Тихоокеанском побережье о-ва Хонсю и о-ва Хоккайдо — морских глубоководных рыб: тунца, бонито, макрель, камбалообразных и плосколобых. По словам японского археолога Ватанабэ, «ловили все, что попадалось под руку».

Охота на оленя, кабанов, медведя, лов глубоководных морских рыб могли осуществляться лишь при наличии общинных произ-

одственных отношений, коллективными усилиями, совместным трудом мужчин-охотников и рыболовов, тогда как собирательство юлльюсков было делом женщин и детей.

Лов рыбы определил возникновение культуры рыболовов, которая на севере, на о-ве Хоккайдо, дополнялась зверобойным промыслом морских животных — тюленей, морских львов, бурых ельфинов и выдр.

Однако экономика японского неолита не ограничивалась охотой, рыболовством и зверобойным промыслом. В центре о-ва Хоккайдо помимо охоты существовало собирательство, а дальше к югу на северо-востоке о-ва Хонсю возникло земледелие, которое аспространилось дальше на юг. Система земледелия была подсечно-переложная: выжигался лес и на одном и том же поле выращивали каждый год разные культуры. После истощения земли ее зарасывали и расчищали новый участок. От выращивания клубней ерешли к выращиванию злаков, прежде всего гречихе, наиболее добной зерновой культуре, для созревания которой требовалось сего 8—10 недель в условиях местного влажного и прохладного лимата. В городе Акита на дне ямы, куда сбрасывалась зола, были обнаружены зерна гречихи, и их возраст определен в 4500 лет. Помимо гречихи сеяли просо, а затем и рис, завезенный из Китая, выращивали тыкву и горох. Культивировали также каштаны, орехи желуди.

Переход от присваивающих форм хозяйства к производящим, к земледелию, знаменовал важный рубеж в развитии производительных сил и был назван поэтому английским археологом Г. Чайлдом «неолитической революцией». Возникновение новой отрасли экономики оказало влияние не только на рост производительных сил, но изменило и социальные отношения, воздействовало на мировоззрение, религию и искусство неолитического человека.

Земледелие вызвало появление земледельческих орудий производства: каменных мотыг, серпов, зернотерок, каменных тарелок. возникает специфическая «веревочная керамика» (дзёмон) с характерным орнаментом, полученным в результате нажима на влажную глину «веревки» — скрученного жгута из растительных стеблей. Термином дзёмон японские историки обозначают весь период юолита.

Наличие стабильной растительной пищи способствовало росту численности населения. Японские этнографы с помощью ЭВМ создали модель роста населения страны, согласно которой 6, 4, 2,5 тыс. лет до н. э. население Японии составляло соответственно 2, 106 и 260 тыс. человек. Однако среди женщин имела место льшшая смертность: сказывались антисанитарные условия родов последующими осложнениями.

Именно с трудом женщин, которые первоначально занимались собирательством пригодных в пищу растений, а затем стали возделывать землю, засевать ее и поливать, связано появление земледелия и оседлого образа жизни.

Земледелие явилось материальной основой повышения соци-

альной роли женщин, что нашло свое выражение в появлении женских глиняных изображений догу с преувеличенными чертами беременных женщин. Сохранившиеся догу оказались полыми, с косточками новорожденного внутри. Догу обнаружены вблизи очагов, в ритуальных местах и в захоронениях, причем у многих из них отломана правая рука. Все это дает основание предположить неоднозначность функций догу. Они являлись хранилищами, хозяйками огня, символизировали культ плодородия, прародительниц материнского рода, предназначались для охраны беременности, родов, детей, имели магическо-религиозное значение как предмет заклинания, отводящий болезни, увечья, несчастья. Порча догу преследовала цель их переправы в «страну мертвых», где они должны были продолжать выполнять свои функции при усопших. Существовали также догу-маски, применявшиеся во время ритуальных танцев.

Возможно, что догу изображали женщин, которых предстояло похитить из соседних общин. В японской мифологии имеется сюжет похищения женщин с острова «скрывающихся жен». Обычай ловли будущих жен существовал на островах Рюкю даже в начале XX в. и описан советским японистом Н. А. Невским. Японские филологи отмечают, что в древнеяпонском языке современным термином «жена» (цума) обозначался муж, и на этом основании считают, что наиболее древней формой брака являлась поимка женщинами мужчин на острове «скрывающихся мужей».

Догу свидетельствует о высоком социальном положении женщины в древней Японии: она пользовалась не только гражданским, но и религиозным авторитетом, причем последний превалировал.

Култ женщины как первоначальной хранилищи огня существовал помимо Европы и Азии и на Новой Гвинее, где был распространен миф, согласно которому огонь не только охранялся женщиной, но даже находился внутри ее половых органов.

Собирательство, лов рыбы, зверобойный промысел и особенно земледелие способствовали оседлости местного населения. Возникают поселки, состоящие из зимних полуземлянок-ям (татэана) прямоугольной или эллиптической формы. В земляной пол, иногда устланный камнями, врывали опорные столбы, на которых держалась крыша, имевшая отверстие для выхода дыма.

В летний период сооружались наземные четырехугольные каркасные жилища, покрытые двускатной тростниковой крышей.

В раковинных кучах находят скелеты погребенных людей, окрашенные красной охрой, лежащие в скорченной позе на левом боку, чаще всего головой на запад, реже на север и восток, что свидетельствует о существовании уже определенного похоронного обряда и религиозных воззрений. Скорченное положение трупа означало его уподобление человеческому эмбриону, что подчеркивалось его окраской в красный цвет, который символизировал, по мнению академика Б. А. Рыбакова, само чрево матери. Покойник, по представлению неолитических жителей, должен был вновь родиться в образе тотемного животного. Поэтому во время похорон

го готовили к посмертному возрождению, реинкарнации. Эмбриональная скорченность костяка отражала стадию тотемных верований, а преимущественная ориентация головы покойника на запад, в меньшей степени на восток и в единичных случаях на север свидетельствовала о наличии представлений о загробном мире, тесно связанных с солярным (солнечным) культом. Расположение загробного мира мыслилось либо там, где солнце еще не взошло (по идее, это первоначальная концепция), либо там, где солнце же зашло, что становилось господствующей точкой зрения.

В раковинных кучах обнаружены также костяки с переломленными конечностями, что, возможно, отражало страх неолитического человека перед покойником, желание воспрепятствовать возвращению умерших.

Японские острова в период неолита были заселены пещерными людьми — так называемыми земляными пауками, жившими не только в пещерах, но и в землянках, и мохнатыми жителями гор, потреблявшими лишь растительную пищу. Последние имели характерные черты предков айнов, но противопоставлялись им, по идее, из-за того, что уже восприняли земледелие. Не исключено, что на территории Японских островов жили и другие этнические группы, но основное население все же состояло из предков современных айнов, поэтому период дзёмон иногда именуется «страной айнов». Советский этнограф Л. Я. Штернберг убедительно показал, что реликты в культе, физический тип и язык свидетельствуют о южном происхождении айнов. Эта точка зрения разделяется и современными советскими востоковедами. В частности, З. Р. Кабо доказывает, что на существовавшем в древности материке Сунда (район совр. Индонезии) обитала этническая общность, часть которой при поднятии уровня Мирового океана и затоплении этого материка двинулась на юго-восток — в Австралию, а другая — на северо-восток, в Японию. Таким образом, и японцы, и австралийцы имеют общего предка, что подтверждается археологическим и этнографическим материалом и дает возможность реконструировать нравы и обычаи древних японцев, используя австралийские параллели.

Айны оказали на соседние народы значительное влияние, передав им производственные навыки, верования и обряды, истоки формирования которых восходят к Юго-Восточной Азии. Считается общепризнанным, что древнейшая керамика на островах Рюкю, этой «этнографической кладовой» современной Японии, принадлежала культуре предков современных айнов. У айнов прослеживаются в языке индонезийские элементы. Обычай чернения зубов, распространенный на о-ве Тайвань, в Индокитае и на Филиппинах, также говорит в пользу их южного происхождения.

Для айнов был характерен солярный культ, символами которого были спираль и змейка, широко используемые в их орнаменте, что было связано с мифом о небесном змее, спустившемся на землю в виде зигзагообразной молнии вместе со своей возлюбленной, югиной огня, являвшейся проводником умершего в загробный

мир. Богиня огня отождествлялась с солнцем-спиралью.

Формирование японской этнической общности выходцами из Юго-Восточной Азии подтверждается сравнительным изучением татуировки, обнаруженной в японских курганах и у современных народов Юго-Восточной Азии, а также фольклором прибрежных жителей-рыбаков (ама), среди которых широкое распространение имели мифы о плавающей в море земле и птице-корабле, якобы принесшей приморским людям солнце. Изображения корабля-птицы обнаружены в японских курганах. Образ летучей лодки-корабля широко распространен у народов Океании.

В последние годы появилась гипотеза японского этнографа Хабара Матакити об этнической принадлежности ама к морским цыганам Юго-Восточной Азии.

Догу

Период бронзы и железа

Японские историки именуют время сосуществования каменных, бронзовых и железных орудий периодом культуры яёй (300 г. до н. э. — 300 г. н. э.). С материка усилился приток переселенцев, уровень социально-экономического развития которых был выше, чем у аборигенов. Иммигранты принесли с собой бронзовые и железные орудия, культуру риса, завезли лошадей, коров. Переселенцы обладали более совершенными производственными навыками в сельском хозяйстве и ремесле. Начался длительный период освоения аборигенами материальной культуры пришельцев, их ассимиляции, в результате которой и возникла японская народность.

По археологическому инвентарю культура яёй четко подразделяется на два ареала: западный с центром на севере о-ва Кюсю и восточный в районе современного города Осака. Остров Сикоку и запад о-ва Хонсю можно рассматривать как переходный район, где встречается как западный, так и восточный инвентарь.

Для западного ареала характерна культура бронзовых мечей и другого бронзового оружия: наконечников копий и стрел, секир.

Массивные и узкие формы оружия аналогичны китайско-корейским образцам, широколезвенные и тонкие — типично японского производства, что подтверждается находками соответствующих литейных форм. Меч обожествлялся японскими язычниками как «тело» или «облик» бога. Вполне вероятно, что такое представление возникло под влиянием переселенцев. Скифы, по словам Геродота, считали, что в меч воплощается бог Арей, они водружали меч на насыпь и ежегодно приносили ему в жертву рогатый скот и лошадей. В честь меча умерщвлялся и каждый сотый пленник.

Север Кюсю являлся также центром распространения бронзовых зеркал китайского производства, имевших узор в виде зубчиков пилы. Зеркала не были предметом обихода, а имели магическо-ритуальное значение. У тюрко-монгольских народов, сибирских и корейских шаманов бронзовые зеркала рассматривались как вместилище духа шаманского предка, как символ небесного духа и средство отпугивания злых духов. Бронзовые зеркала почитались как изображения солнечного диска. По мнению Н. Я. Марра, смотреть в зеркало означало смотреть в «зеркало-небо». Зеркало представлялось китайцам талисманом, оберегающим от зла, наваждений, подстерегающих человека. Зеркало мыслилось как копия Вселенной, как посредник между человеком и «Всеобщим Законом Природы» (Дао), оно представлялось отражателем души. Представление о зеркале как двойнике души было распространено на Андаманских островах, Новой Гвинее, Новой Каледонии, как свидетельствует английский этнограф Дж. Дж. Фрэзер.

Наряду с мечами и зеркалами на севере о-ва Кюсю обнаружены яшмовые подвески. Яшма, по представлениям древних китайцев, охраняла своего носителя, отвращала от него беду.

Меч, яшма и зеркало стали у японцев символами царской власти, а впоследствии — «тремя священными сокровищами», регалиями японских императоров.

Восточный ареал представлен культурой бронзовых колоколов (дотаку), обнаруженных в районах древнейших культовых мест и храмов. Эти колокола, подобно бронзовым барабанам Южного Китая и Индокитая, имели культовое назначение, их подвешивали на ветвях священных деревьев и, ударяя по ним, обращались к небу с молитвами. На о-ве Сикоку обнаружен бронзовый колокол, датируемый III веком н. э. Его поверхность расчленена горизонтальными и вертикальными линиями на 12 частей, в каждой из которых имеются рельефные изображения производственных процессов (охоты, рыбной ловли, полевых работ, ткачества), жилищ, типичных для современной индонезийской архитектуры и воспроизведенных в синтоистских храмах Идзумо и Исэ. На колоколе изображены также звери, птицы, насекомые, пресмыкающиеся. Все это дает довольно полное представление о занятиях и быте японцев в период яэй.

Обнаруженные зеркала из бронзы были либо привозными, либо местными, что свидетельствует о развитии производства металлических изделий, литейной техники. Зеркала имели, как и на Кюсю,

ритуально-магическое значение и являлись символом власти. Наконечники стрел тоже типично местного производства, как и бронзовые браслеты.

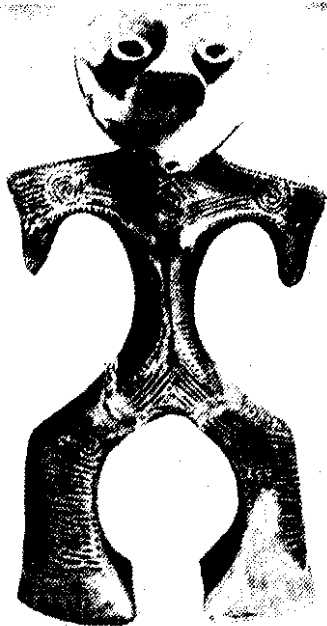
Бронзовые топоры, кирки и мотыги использовались сравнительно редко, поэтому по-прежнему широко применялись каменные орудия, например топоры, которые были аналогичны корейским и китайским образцам. Найдены полулунные ножи из камня, применявшиеся в качестве серпов при уборке урожая, каменные кирки-мотыги, каменные ступки и пестики для растирания зерен и шлифовальные камни. Каменные мечи, кинжалы и жезлы вождей (сэкибо) использовались в культовых целях.

Изделия из кости и рога похожи на неолитические, но их изготовление более тщательное и орнамент богаче. Деревянные предметы представлены плетеными корзинками и лакированными изделиями. Керамика яёй гладкая, красно-коричневого или желто-коричневого цвета, иногда окрашена в красный цвет. Изготавливалась при помощи поворотного приспособления — площадки, а затем и гончарного круга, что свидетельствует о техническом прогрессе и развитии производственных навыков. Среди мисок, котлов, горшков, кувшинов встречаются чаши на высокой ножке с мелким обрамленным ромбами орнаментом дзёмон, что очень напоминает древнюю культуру Кореи и Новой Гвинеи. В целом орнамент яёй беднее, чем у керамики дзёмон, он расположен лишь на верхней части сосудов в виде параллельных линий, треугольников, квадратов и оттисков гребенки.

В период яёй японцы добывали медь и получали сплав, близкий к бронзе, но чаще всего переплавляли старые китайские бронзовые изделия, что подтверждается сравнительным химическим анализом китайской и японской бронзы. Из бронзы изготавливали вооружение, ритуальные предметы, украшения. В это время появляются группы ремесленников, которые специализировались на изготовлении какого-либо одного изделия, хотя в целом ремесленное производство еще не отделилось от сельского хозяйства.

Охота, рыбная ловля и собирательство продуктов моря, в том числе и жемчуга, продолжали играть важную роль в экономике, особенно на юго-западе. Дальнейшее развитие получает земледелие как на суходольных, заболоченных, так и на поливных землях. Помимо проса, гречихи, ячменя, бобовых культур и конопли культивируется рис, завезенный с материка через Корею.

Земледелие укрепило оседлость и социальную структуру общества — земледельческую общину. В китайских летописях японская земледельческая община обозначается иероглифом «страна» (куни). Она состояла из деревень (мура), а последние — из домовых общин (сётай кёдотай), тождественных большой семье, которая территориально представляла собой двор (ко). Двор состоял из 5—6 жилищ типа землянок-ям (татэана). Это были почти наземные жилища из жердей, тростника и ветвей, засыпанных землей. От них сохранились круглые ямы глубиной в 30—100 см и диаметром в 4—8 м. Наряду с землянками татэана появляются свайные постройки (та-

Догу

каюки), использовавшиеся в качестве зернохранилища, впоследствии превращенные в синтоистские храмы. Аналогичные постройки распространены в Юго-Восточной Азии.

Главой земледельческой общины являлся жрец, само наименование которого — «резатель» — свидетельствует о его функции принесения жертвоприношений, в том числе, по-видимому, и людей — «майских девушек» во время весенней высадки рисовой рассады.

Жрец совершал молитвы о «великом очищении». Самыми тяжкими, «небесными» грехами считалось разрушение межей, поскольку общинная земля

наделялась во владение дворам, завал канав орошения, разрушение запруд, повторный засев, втыкание вех в чужое поле (символизировало присвоение чужой земли). Сдирание шкур, живодерство, сброс нечистот относились к тягчайшим грехам. Иными словами, это типичные запреты сельскохозяйственного коллектива, в котором были сильны общинные права на землю и оросительные сооружения, где производство риса становилось определяющим занятием населения. Следует обратить внимание и на запрет сдирания шкур, существовавший задолго до введения буддизма.

Прогресс в области этики семейно-брачных отношений проявился во введении ограничений на круг брачных партнеров, когда менее тяжким, т. е. «земным», но все же грехом объявлялся «грех любодейства» с собственной матерью, дочерью и скотоложство. К «земным» грехам относилось также сечение мертвой и живой кожи. Последнее, по-видимому, было направлено против тех сторон обряда инициации, которые сопровождались телесными повреждениями. Несчастья от «гадов ползучих», птиц и вообще «высших богов», заболевания проказой («белые люди»), наросты на теле, мор скота и «грех чародейства» также относились к «земным» грехам.

И «небесные», и «земные» грехи были в начале X в. н. э. записаны в синтоистских молитвах-заклинаниях «норито», которые вошли в синтоистский свод «Энги сики» и блестяще переведены Н. А. Невским. В этих синтоистских молитвах отражена имитативная магия слова в виде заклинаний-песен, исполнявшихся при посеве сельскохозяйственных культур. В этих песнях-заклинаниях воссоздавался

весь цикл сельскохозяйственных работ. Цель молитвословий — вызвать в действительности аналогичный их содержанию результат. Такие песни-молитвы сохранились до начала XX в. и зафиксированы Н. А. Невским на островах Рюкю.

Развитие производительных сил стимулировало процесс дальнейшего разделения труда внутри общины, появление ткачества, что подтверждается обнаружением каменных и керамических веретен на стоянках Карако и Торо (совр. префектура Нара и район города Сидзуока).

Земледельческая община представляла собой «...самодовлеющее производственное целое...». Основная масса продукта производилась «для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара...»¹. Однако это отнюдь не означало полного отсутствия обмена: поскольку еще существовали, особенно в горной местности, поселения, где неолитический быт почти не изменился, а в некоторых районах имелись продукты, которые отсутствовали в других местах, то между жителями Японских островов осуществлялся простой товарообмен. Это зафиксировано в китайской летописи «Вэй чжи», где сообщается, что люди на о-вах Цусима, Ики, на северо-западе Кюсю и юго-западе Хонсю «езды на кораблях покупать хлеб на север и на юг».

Появившиеся излишки продуктов стали присваиваться главами семейных групп, и прежде всего самим главой земледельческой общины, что приводило к имущественной дифференциации. У наиболее состоятельных лиц появляются лошади, завезенные с материка. Имущественная дифференциация отразилась и в способах погребения. Если рядового общинника попросту вывозили в поле и там оставляли на съедение животным, то знатных людей хоронили в керамических трубах с погребальным инвентарем: оружием, бронзовыми зеркалами, бусами. Аналогичные захоронения встречаются и на материке.

Глава земледельческой общины (дзокутё) имел меч и копье как символ власти, что свидетельствует о его функции военачальника. Подтверждение находим и в иероглифическом написании самого термина «глава общины»: слово «дзокутё» состоит из двух иероглифов. Первый — «дзоку» входит вторым компонентом в состав слова «семья» (кадзоку) и представляет собой «стрелу», расположенную под «штанدارтом», причем примечательно, что знамя у монголов считалось воплощением бога войны. Второй иероглиф — «тё» означает «глава», «начальник», «командир». Таким образом, и из иероглифического написания главы общины следует, что он был и военачальником, возглавлял вооруженных общинников.

Война между общинами была явлением постоянным. К. Маркс писал: «...война есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее...»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 369—370.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 480.

Войны между общинами являлись источником приобретения районов, которые первоначально принадлежали всей общине, но по мере усиления влияния главы общины рабы становились его собственностью. Рабы имелись и в больших семьях, но это были домашние, патриархальные рабы-слуги.

До сих пор в Японии бытует теория, которая разделяет культуры дзёмон и яёй, утверждая, что первая была протоайнская, а последняя — протояпонская и якобы никакой преемственности между ними не было. Однако есть основания полагать, что яёй является прямым продолжением древней неолитической культуры дзёмон.

Представление о культуре яёй может быть дополнено письменными источниками, к которым относятся немногочисленные надписи (стелы) в буддийских храмах, например в храме Хорюдзи (город Нара), а также корейские, китайские и японские летописи.

По данным современных исследований, этнорасовые миграции на Японские острова включали негроидов с о-ва Лусон, индонезийцев, индокитайцев, китайцев, тунгусов и палеоайнов. Основной миграционный поток, в том числе айнов, происходил не с Азиатского материка, а из Юго-Восточной Азии. Нельзя игнорировать иммиграцию монголоидов и корейцев. Таким образом, японцы — продукт смешения указанных народностей и этнических групп.

На рубеже нашей эры на территории Японских островов имелись следующие племена: на о-ве Сикоку и частично на юге о-ва Кюсю племя кумасо, которое, возможно, имело второе наименование хаято; на севере Кюсю — тэнсон; на о-ве Хонсю, юго-западнее п-ова Ното, — племя идзумо, в центре Хонсю — племя ямато и эмиси (эдзо) на северо-востоке Хонсю.

Для племени характерно наличие собственности на естественно возникшие орудия производства — пашню, воду. Племенная собственность «... соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенных земель. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда»¹.

Индивиды подчинены природе. Непосредственный производитель неотделим от условий его труда. Для племени характерно «природное единство труда с его вещными предпосылками». Целью труда являлось обеспечение существования всей общины, «отдельного собственника и его семьи»².

Люди были объединены племенной, территориальной и семейной связью. Господство собственника над несобственником основывалось на личных отношениях, «на том или ином виде сообщества»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 т. М., 1979. Т. 1. С. 10.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 461, 462.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. С. 44.

Между племенами шла непрерывная борьба, в ходе которой происходило смешение племен и складывание современного облика японцев, углублялось разложение первобытнообщинного строя, возникал слой более состоятельных общинников, возглавлявших большие семейные группы, формировалась японская народность. В ходе этой борьбы сформировался племенной союз, который, по данным китайских летописей (в японских летописях эти сведения отсутствуют), возглавила женщина Химики. Время правления Химики примерно с 173 по 250 г. н. э. Этот племенной союз Яматай (Ематай) находился либо на о-ве Кюсю либо на о-ве Хонсю. Но дело не только в выяснении местонахождения Яматай (археологический материал определенного ответа на этот вопрос не дает), а в трактовке проблемы образования японского государства, определении его социальной сущности.

Сторонники теории Северного Кюсю считают Яматай союзом малых государств, находившихся на этапе первобытной демократии. Сторонники теории Кинки — Ямато считают местом расположения Яматай район на юго-востоке от современного города Осака и трактуя государственную систему как политическую форму, развивавшуюся в направлении всеобщего рабства. В то время как сторонники теории Кинай настаивают на раннем образовании деспотического государства во II—III вв. н. э., сторонники теории Кюсю считают III—IV века периодом союзной власти влиятельных семей. Именно последнее направление внесло наиболее ощутимый вклад в конкретно-историческое изучение социальной структуры японского общества.

Современное иероглифическое написание имени Химики не скрывает ее социальной сущности, но если расшифровать его фонетически, то это «солнечная», или «огненная» (хи), шаманка (мико). Такая интерпретация ее имени соответствует китайской летописи, где утверждается, что она «занималась колдовством и обманывала народ». Примечательно, что на островах Рюкю в древности правитель-мужчина выполнял экономические и военные функции, а его сестра — шаманские, т. е. происходило разделение административно-хозяйственных и религиозных функций, аналогично тому как в племенном союзе Яматай брат Химики «помогал управлять страной».

Шаманизм — ранняя форма религии, характерная для первобытнообщинного строя. Шаманами становились люди, которые в переходном возрасте, при наступлении половой зрелости, начинали страдать нервными заболеваниями, сопровождавшимися истерическими припадками, обмороками, галлюцинациями.

Внутриэкономическое положение племенного союза Яматай было тяжелым. Из корейской летописи Силла известно, что в 193 г. «в шестом месяце люди Вэ (японцы) сильно голодали, поэтому более тысячи человек их прибыло [в Силла], прося еды».

Экономические трудности усугублялись политическими неурядицами: в том же году против Яматай выступило племя Кумасо, получившее поддержку со стороны государств Корейского полу-

Дотаку — бронзовый колокол

острова, а в 247 г. Химиико вела борьбу с вождем племени хаято «Собачьим слугой», которого поддерживали правители Китая.

Племенные союзы устанавливали внешнеполитические связи с Кореей и Китаем, куда направляли посольства. Отношения с Китаем приобрели форму преподнесения дани. Дарообмен являлся религиозно-магической фетишизацией межгосударственных отношений. Он знаменовал установление китайской системы номинального вассалитета, дани и инвеституры, что практиковалось Китаем для повышения своего политического престижа и имело значение для местных правителей в силу официального признания Китаем их власти.

Китайская летопись за 238 г. сообщала о преподнесении Химиико китайскому императору четырех рабов-мужчин, и шести рабынь. Сторонники рабовладельческой концепции трактуют это событие как доказательство правоты их точки зрения. Однако сам факт преподнесения всего десяти рабов свидетельствует об их большой редкости. Рабы в Японии были поистине «на вес золота» и свидетельство летописи не только не подтверждает, но полностью опровергает мнение адептов рабовладения.

В ответ на дань китайский император преподнес Химиико золотую печать с пурпурной лентой, жемчуг, золото, медные зеркала, шелковую ткань, два меча и ковры.

Современные японские исследователи (Мияги Эйсё, Ои Минобу и др.) относят общество II—III вв., изображенное в китайской летописи «Вэй чжи», к переходному периоду от матриархата к патриархату, но в Японии матриархат в «чистом» виде не обнаружен: наряду с высоким социальным положением женщины существовал и мужчина-вождь, символом власти которого был «жезл вождя» (сэкибо). Поэтому этот «переходный период» следует датировать начиная с неолита и вплоть до VII в., когда менялось соотношение функций женщины и мужчины, но женщина — жена правителя осуществляла религиозно-магические шаманские функции, которые лишь впоследствии стали прерогативой наследственной

жреческой группировки. Но и тогда женщины из жреческой среды, становясь женами правителя, сообщали его веления, являясь посредниками между правителем-богом и его подданными.

Племенной союз, который возглавляла Химико, японские историки именуют «племенным государством», что едва ли правомерно: как известно, государство — продукт классового общества¹. В племени классы еще не сформировались, и поэтому более точно наименование «племенной союз», который можно рассматривать лишь как самый ранний, первоначальный этап образования государства, когда такие общественные должности, как военный предводитель и жрец, олицетворяли «зачатки государственной власти»². Носители этой власти выражали общеплеменные интересы и чаяния нарождавшейся знати.

После смерти Химико около 250 г. мужчина, возможно, ее брат, провозгласил себя царем, однако правители других общин не признали его верховенства. Вспыхнула междоусобная война, прекратившаяся лишь после того, как племенной союз возглавила дедушка по имени Иё, по-видимому, 13-летняя дочь Химико. Этот факт свидетельствует о сохранении и после смерти Химико предпочтительного верховенства женщины, власть которой признавалась главами других общин.

Китайская летопись сообщает о посылке Иё дани в Китай: 30 рабов, 5 тыс. белых жемчужин, двух зеленых жемчужин и 20 штук парчи. Хотя число рабов по сравнению с ранее преподнесенными Химико возросло в 3 раза, однако и это количество не столь велико и не является основанием для того, чтобы предполагать наличие в Японии рабовладельческой формации.

На месте захоронения Химико был насыпан большой холм диаметром свыше 100 шагов — один из первых курганов в Японии. Однако на севере о-ва Кюсю могильники раннего курганного периода не обнаружены. Они найдены на юге Кюсю в провинциях Хюга и Осуми (современные префектуры Миядзак и Кагосима), а поэтому обоснованной представляется гипотеза о расположении первого племенного союза не на севере, а на юге о-ва Кюсю.

Период древних курганов

Культура древних курганов (кофун) датируется второй половиной III в. — VII веком. Это были захоронения, где гроб из дерева или камня помещался в яму типа татэана, которая затем засыпалась. Наибольшее распространение курганов зафиксировано в районе Киная, в окрестностях современных городов Осака, Киото и Нара.

Для раннего курганного периода (III—IV вв.) характерны квадратно (спереди)-круглые (сзади) курганы, напоминающие в плане замочную скважину. На квадратной части приносились

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 169; Ленин В. И.: Полн. собр. соч. Т. 39. С. 68.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 184.

жертвы, а сам курган насыпался над могилой. Курганы этого типа помимо района Кинай обнаружены в провинциях Оми, Кибии и Сануки (совр. префектуры Сига, Хиросима и Окаяма — на о-ве Хонсю, Кагава — на о-ве Сикоку). Их распространение совпадает с районами обнаружения зеркал, являвшихся символом царской власти. Погребальный инвентарь типично религиозно-магический, жреческий, кроме того, встречаются земледельческие орудия и мечи.

Квадратно-круглый курган Цукинова, расположенный в современной префектуре Окаяма, оказался парным погребением мужчины и женщины со сходным погребальным инвентарем: бронзовые зеркала, железные мечи и кинжалы свидетельствуют о религиозных и военных функциях, присущих в равной степени и мужчине, и женщине.

Для раннего курганного периода характерно наличие металлических орудий для обработки земли, прежде всего железных серпов и других сельскохозяйственных орудий, но продолжали еще существовать и орудия из дерева.

Развитие производительных сил обусловило численный рост населения.

Продолжалась борьба между земледельческими общинами. Победенных облагали данью, а вождей, которые добровольно признали контроль центральной власти, стали именовать «общинными царскими рабами» (куни-но мияцуко). Эти «царские рабы» в действительности продолжали занимать главенствующее положение в своей земледельческой общине и являлись «рабами» лишь номинально, причем уже в середине III в. в написании термина «мияцуко» иероглифы «царский раб» упраздняются и заменяются иероглифом «делать», «создавать» (цукуру) при сохранении прежнего фонетического чтения, что лишний раз подтверждает номинально «рабское» положение глав подчиненных общин.

К середине IV в. складывается второй племенной союз, называвшийся Ямато и расположенный уже определенно в центре о-ва Хонсю. В этой связи существуют три гипотезы: о влиянии Северного Кюсю на образование племенного союза Ямато, о «восточном походе» и о завоевании Центрального Хонсю иным народом с материка.

Первые две гипотезы связаны с объективно имевшим место процессом миграции населения Японских островов с юго-запада на северо-восток. Восточный поход отождествляется с именем легендарного основателя японского государства Дзимму, правление которого, по мнению некоторых историков, относится к 271—307 гг. или к 311 г., а сам поход — к 295—300 гг.

Проблема «императора» Дзимму связана с одним из основополагающих тезисов японской буржуазной историографии об «основании империи» в 660 г. до н. э. И хотя еще Араи Хакусэки (1657—1725) усомнился в правомерности этой даты и отнес поход Дзимму на 600 лет позднее, а японской исторической наукой помысел об «основании империи» в 660 г.

до н. э., в настоящее время японские правящие круги пытаются вдохнуть новую жизнь в этот миф с целью повышения престижа императорского дома.

Именно этот «факт» положен в основу декрета от 9 декабря 1966 г. о ежегодном праздновании даты «основания государства» 11 февраля, что, по существу, воссоздает довоенный праздник «основания империи». В современных официальных изданиях 660 год до н. э. снова фигурирует как достоверная дата. Дзимму преподносится как «основатель государства», и указываются даже годы его «жизни» (711—585). Доцент Осацкого университета Наоки Кодзиро высказал предположение, что предание о Дзимму смоделировано не с событий «восточного похода», а с воцарения царя Кэйтай (507—531). Наоки и его единомышленники (Сёдзи Хироси, Уэда Масааки) аргументируют свою гипотезу тем, что согласно «Кодзики» и «Нихон сёки» Кэйтай — местный правитель в провинции Этидзэн (совр. префектура Фукуи), — воспользовавшись отсутствием наследников после смерти царя Бурэцу в 506 г., провозгласил себя царем и, миновав три столицы, прибыл в Ямато в местность Иварэ. Дзимму, якобы выступив из Хюга (совр. префектура Миядзаки на о-ве Кюсю), также миновав три столицы, прибыл в Ямато, где его стали именовать Иварэхико. В пути следования и Кэйтай, и Дзимму останавливались дважды: в первый раз — на семь лет, во второй — на восемь. Кэйтай правил в Ямато 6 лет, а в «биографии» Дзимму, который, по преданию, дожил до 76 лет, ежегодные записи в летописях охватывают лишь последние 6 лет. Далее, одновременно умерли Кэйтай и наследник престола, а после смерти Дзимму его старший сын был убит. После Кэйтай трон не замещался 2 года, после Дзимму — 3. Помощь «императорам» и в первом, и во втором случае оказывали семейные группы Отомо и Мононобэ.

Гипотеза о завоевании Хонсю народом-всадником аргументируется японским исследователем Эгами Намио археологически: в ранний курганный период характер царской власти был аналогичен власти Химико, что подтверждается погребальным инвентарем, имевшим заклинательско-шаманский, земледельческий характер, а затем он приобрел черты воинственности североазиатского типа народов-всадников. Такое существенное различие раннего и позднего курганного периодов могло быть следствием завоевания. Кочевники завоевали Южную Корею и Японию, поэтому японская и континентальная культуры всадников идентичны.

Во второй половине III в. продолжался процесс завоевания соседей и дань (мицуги) с побежденных племен стала взиматься дифференцированно: мужчины должны были поставлять добычу с охоты, а женщины — «изделия своих рук» — ткани. Цари Ямато подчиняли местных глав земледельческих общин, учреждая на завоеванных землях свои владения (агата), переименовывая глав общин в «глав агата» (агата нуси), причем археологически установлено единство между порайонным распределением курганов раннего периода и административных единиц «агата». Можно го-

ворить о процессе «агатизации» более мелких земледельческих общин, о превращении их во владения, в своеобразные провинции племенного союза Ямато.

У царя-шамана появляется собственная земля в виде «священных полей» (мита), которые огораживались «священной» веревкой из рисовой соломы. Возникает и собственность царя на урожай, который хранился в «священных» амбарах (миякэ).

Жертвоприношения рисом постепенно превращались в постоянно взимаемый налог сельскохозяйственными продуктами (тати-кара), кроме того, члены общины платили налог изделиями ремесла (мицуги) и несли трудовую повинность (этати). Трудовая повинность широко использовалась при сооружении могильных курганов и в ирригационных работах. При царе Суйнин (год его смерти — 295 — считается достоверным) было создано 800 прудов, что способствовало определенному подъему земледелия. В это время из Китая завозится дикий апельсин.

Летопись «Кодзики» сообщает, что Суйнин однажды услышал вопли закапываемых в землю людей: тогда существовал обычай хоронить вождя вместе с его живыми спутниками. Это якобы так потрясло царя, что он отменил закапывание живых людей и повел впредь хоронить их глиняные изображения — ханива.

Ханива в миниатюре воспроизводили людей и реальные предметы: седла, сбрую, лодки, а также лошадей, животных — все, что сопровождало умершего в реальной жизни. Однако вряд ли с введением ханива прекратились человеческие жертвы: сохранились сведения об императорском указе 642 г., который отменял принесение в жертву людей.

В японо-корейских отношениях вторая половина III в. характеризовалась почти непрерывными набегами японцев на Корейский полуостров. Японцы облагали побежденных данью, создавая там специальные склады для ее хранения, но сообщение японских летописей о длительном (250-летнем) господстве на юге Корейского полуострова в Мимано в настоящее время подвергается сомнению, главным образом корейскими учеными.

В 300 г. в японо-корейских отношениях наступил перелом: произошел обмен посольствами, а спустя 12 лет японцы попросили прислать невесту для сына правителя. Началась иммиграция корейско-китайских переселенцев, вызванная падением в 280 г. царства У в Южном Китае под натиском кочевников и продолжавшимися их набегами на Китай с запада. Переселенцы основали в 320 г. в дельте реки Иодо город Нанива, переименованный в XVI в. в Осака. Иммигранты начали сооружение в дельте реки отводного канала для защиты земель от наводнений, создали оросительную систему, улучшили судоходство. Более высокий уровень производства и технических навыков, а также более совершенная обработка земли у переселенцев способствовали подъему производительных сил на Японских островах.

В 313 г. на Корейском полуострове была ликвидирована китайская провинция Лолан, образованная в 108 г. до н. э., и на се-

вере возникло государство Когурё, на востоке — Силла, а на западе — Пэкче.

В середине IV в. царь Тюай продолжил завоевательные походы своих предшественников против эбису на северо-востоке и кумасо на юго-западе. В 345 г., порвав дипломатические отношения с Кореей, он предпринял поход против Силла, нанес корейцам поражение и обложил побежденное государство данью. 80 кораблей было сооружено для вывоза этой дани. Пленные силланцы основали в Центральной Японии четыре поселения кузнецов, которые принадле-

жали царю. Грабительская политика японцев в Корее вызвала большое недовольство. В стране вспыхнул мятеж, для подавления которого в 364 г. японцы предприняли новый поход, но на этот раз потерпели от силланцев сокрушительное поражение.

Около 370 г. японцы решили установить связь с западным государством Пэкче, рассчитывая с его помощью победить Силла. Высказывается предположение, что Тюай был против нового похода в Корею, за что и был убит в 389 г. по приказу своей жены Дзингу.

Официальная версия японских летописей повествует о походе Дзингу-шаманки в Корею, однако достоверность этого сообщения оспаривается уже с 1888 г. Считается, что Дзингу в качестве местной правительницы Кюсю если и совершила поход на Корейский полуостров, то потерпела поражение. Как свидетельствует надпись на стеле «Расширителя земель», воздвигнутой в 414 г. сыном покойного правителя Когурё Хотэвана, последний «...разбил и прогнал японцев, вторгшихся во владения племени кая, обитавшего по нижнему течению реки Нактонган». Иными словами, стела свидетельствует о сокрушительном разгроме японцев в Корее. Возможно, что после поражения в Корее Дзингу изменила направление похода, пошла на северо-восток, покорила местное население долины Ямато и перенесла свою резиденцию в район современного города Нара. Родившийся у Дзингу сын Одзин, который по времени не мог быть сыном Тюай, стал основателем новой династии корейского происхождения. Мать была при нем регентом. Впоследствии Одзин был обожествлен и слился с образом бога войны Хатиман (по мнению некоторых ученых корейского происхождения).

Керамический сосуд. III—IV вв.

Правление корейской династии в Японии, так называемых первых «пяти царей Ва» (Одзин, Хансё, Ингё, Анко и Юряку) относится к позднему курганному периоду. Достоверно известна хронология пребывания у власти лишь двух последних царей — Анко (454—456) и Юряку (456—479). Что же касается первых, то можно сказать лишь одно: они царствовали в первой половине V в.

Погребальный инвентарь позднего курганного периода существенно отличался от раннекурганного. Если прежде характер захороненных предметов свидетельствовал о жреческих функциях правителя, то с V в. это типичное захоронение военачальника: обнаружены железные латы, мечи, луки и железные наконечники для стрел — инвентарь, встречающийся в могилах курганах воинственных кочевников центральноазиатского происхождения на обширной территории Японии, Кореи, Северо-Восточного и Северного Китая, Центральной Азии, юга России и Венгрии. В курганах позднего периода появляются стеклянные сосуды, аналогичные персидским времен династии Сасанидов. В Афганистане во время археологических раскопок кургана Тилля-Тепе обнаружена корона с орнаментом, идентичным корейскому и японскому из захоронений V в.

Для периода правления «пяти царей Ва» характерен ввоз железа с Корейского полуострова в центральный, Кинайский район о-ва Хонсю. Железные орудия составили техническую основу кораблестроения, строительства, производства сельскохозяйственных орудий и, наконец, оружия, обеспечив материальную основу боеспособности войск этих правителей.

Китайский железный плуг стал символом власти местных глав земледельческих общин как в районе Кинай, так и в Киби, на северном побережье Внутреннего Японского моря.

В социально-экономической области важное значение имела иммиграция корейско-китайских переселенцев и их натурализация. К этим переселенцам, именовавшимся «бэ», относились люди самых разных специальностей: ремесленники, земледельцы, знатоки искусств и грамоты. Но в Японии существовало несколько категорий бэ. Наиболее древними были побежденные местные общинники, обязанные выплачивать дань победителю. Из числа наиболее знатных общинников рекрутировались служители культа (имбэ), лица, обслуживавшие царскую семью (микосиробэ и минасиробэ). Существовали лица из местных семейных групп, наследственно охранявшие дворец (тономори), поставлявшие воду (монтори), убиравшие дворцовые покои (канимори). В окончании их наименований имеется иероглиф «бэ», однако его фонетическое звучание отсутствует, что, по-видимому, свидетельствует об утрате смыслового значения «бэ» из-за давности их функций.

Своеобразными царскими охранниками являлись сазкибэ, к которым, возможно, относились потомки племени хаято. Их «ох-

«Сильных духов», что практиковалось под пологом в дождливую погоду и при выездах царя: лаяльщики бежали впереди, по бокам и сзади паланкина, в котором восседал царь, и при пересечении дорог, въезде в лес и преодолении водных преград «отгоняли» лых духов залившимся лаем. Среди иммигрантов-корейцев сагабэ были наиболее значительной группировкой, выполнявшей функции казначеев. Другие группы бэ заведовали оружием, его производством и хранением.

Однако существовала и другая категория иммигрантов, подпавших под юрисдикцию местных влиятельных семей. Они также являлись данниками, но не царя, а провинциальной знати. Эта категория бэ получила наименование какибэ, в самом написании которого сохранилась грамматическая структура древнекитайского языка, когда определение следовало за определяемым (бэаки).

Из Силла прибыла большая группа китайских переселенцев хата, расселившихся в 127 местах юго-западной и центральной частей о-ва Хонсю. Хатабэ очень ценились как сельскохозяйственные работники. Техника возделывания земли была у них выше, чем у японских крестьян. Помимо района Биттю (совр. префектура Окаяма) они возделывали земли в бассейне рек Камогава и Кацурагава (район совр. города Киото), культивировали тутовое дерево и разводили гусениц шелкопряда, положив начало шелководству. Хата ткали шелковую ткань и сдавали ее в виде налога. Они занимались также ремесленным производством, торговлей и были даже служителями культа. Поскольку они знали китайскую грамоту, то могли учитывать и записывать налоговые поступления, поэтому при Юряку их поставили во главе царской казны — «большой сокровищницы» (Окура), куда поступали дань и налоги. Иными словами, они стали чиновниками фискальной системы, а их потомки были даже придворными лекарями.

В социальном плане бэ не были однородны. Каждая из групп бэ имела своего руководителя. Например, глава жреческой группы Имбэ ведал религиозными обрядами очищения, читал синтоистские молитвы норито, гадал, а подчиненные ему какибэ изготавливали зеркала, мечи, щиты, копья, соломенные головные уборы, хлопчатобумажную ткань, обрабатывали драгоценные камни. Аналогичное положение существовало и в других группах бэ, где стали возникать социальные различия между небольшой прослойкой руководителей и основной эксплуатируемой массой бэ. Группы бэ обязаны были платить натуральный оброк, в остальном же юрисдикция правителя на них не распространялась.

Иным было положение общинника, совершившего преступление. Он превращался в раба и клеймился «глазной татуировкой»: в надрез у века впрыскивалась тушь, в результате чего глазницы приобретали синий оттенок. В «Нихонги» сообщается, что царь призвал к себе некоего Хамако и сказал, что он замыслил заговор, заслуживает смерти, но помилован и приговаривается к татуировке около глаз. В рабство обращали и за менее тяжкое

преступление. В «Нихонги» (запись 467 г.) говорится: «Собака человека из Уда загрызла насмерть птицу из царского птичника. Царь (Юряку) рассердился, приказал татуировать этого человека около глаз и отдал его в птичники». Эти рабы были конюхами, птичниками, собачниками, свинопасами. Их унижение подчеркивалось даже одеждой: они должны были носить детский костюм и делать детскую причёску.

Рабы подразделялись на казенных и частных. Последние появились прежде всего у глав земледельческих общин в виде патриархальных рабов из числа пленников и общинников, обращенных в рабство за преступление.

Обращение военнопленных в рабов являлось источником рабства в Японии, как и в других странах. С покорением окрестных племен в конце V в. иссяк этот основной резерв пополнения рабов, а обращение общинников в рабство за преступление не носило массового характера. Поэтому в Японии отсутствовали объективные условия для существования рабовладельческой формации, рабство существовало в виде уклада, при котором раб выполнял функции домашнего слуги, патриархального раба, обслуживающего своего господина и не производящего продукции на внешний рынок.

Иммигранты стимулировали дальнейшее развитие простого товарообмена: в начале V в. в центральной части о-ва Хонсю, в Ямато, возник первый «Китайский рынок», затем в районе современного города Осака появилось еще несколько рынков, причем они именовались по названиям деревьев: камелии, тутового дерева, дикого апельсина. Это дает основание предположить, что первоначально обмен товарами происходил под сенью больших деревьев, считавшихся священными. Простой товарообмен обычно совершался осенью после уборки урожая. Обменивались зерно, рыба, оружие, лошади, скот, рисовая водка, медвежьи шкуры, а позднее — предметы роскоши.

В 413 г. Дзингу направила в Китай посольство с целью добиться признания ее сына Одзина «королем Ва» (Японии). Аналогичные посольства с данью направлялись и при Одзине в 425 г., и при его младшем брате Хансё в 438 г. для получения от Китая инвеституры и звания главнокомандующего по замирению Востока. Китайский император пожаловал Хансё, а затем и другим японским царям звание не главнокомандующего, а генерала («цзян цзюнь» по-китайски, «сёгун» по-японски). Такое звание, по-видимому, связано с отождествлением японских и китайских местных правителей, которым жаловалось аналогичное генеральское звание. Последнее японское посольство в Китай состоялось в 468 г., затем дипломатические отношения с Китаем прервались до начала VII в.

В связи с усилившейся социальной дифференциацией общества и необходимостью юридического закрепления этого процесса в середине V в. при Ингё (умер около 462 г.) вводятся социальные ранги «кабанэ». За их носителями закреплялась фамилия, им

предоставлялась должность и жаловалось определенное количество рабочей силы.

Социальные ранги подразделялись на высшие и низшие. К первым относились «кими» в двух иероглифических написаниях: «господин» и «государь». Этот ранг предоставлялся главным образом выходцам из царского дома. К низшим относились ранг «инаги», который присваивался уездному начальнику, отвечавшему за поставки риса, и ранг «сугури», который получали деревенские старосты.

Ранги определяли социальное положение человека в обществе. Пожалование и лишение рангов являлось прерогативой центральной власти, что свидетельствует скорее не о ее силе, а о слабости: пожалование ранга означало юридическое признание реальной власти местных влиятельных семей, которые в ряде случаев оспаривали ее у центрального правительства.

В основе пожалования рангов лежал генеалогический, наследственный принцип, но затем в недрах системы кабанэ началось присвоение владельцами рангов прибавочного продукта, произведенного приписанными бэ. В результате стала возникать феодальная собственность на произведенные продукты и зависимых людей, шел процесс образования классов эксплуататоров и эксплуатируемых, осуществлялся переход от бесклассового к классовому обществу.

Родовой строй был взорван «разделением труда и его последствием — расколом общества на классы» и «был заменен *государством*»¹.

Система социальных рангов тесно связана с патронимическими группами (удзи). Удзи — не род, не естественно возникающая социальная организация, а семейная группа, где главенствующее положение занимает влиятельная семья, включавшая не только кровных родственников, но и лиц, не состоявших с ней в родстве. Семейные группы подразделялись на три категории: царских родственников, неродственников царя и иммигрантов.

Удзи в сочетании с кабанэ — система управления, организация господства двора Ямато, лжеродовая система, учрежденная с фискальными и военными целями. Эта система управления была создана формирующимся раннефеодальным государством с целью осуществления господства влиятельных семей над зависимым населением.

При Юряку продолжалась консолидация второго племенного союза Ямато, шло дальнейшее развитие тенденций, возникших в начале V в. Укрепила свои позиции патронимическая группа Сога, ставшая к тому времени хранительницей царской казны, всех трех сокровищниц (религиозно-ритуальной, внутренней, и большой). Оформился чиновничий аппарат. Усилилась царская охрана, что косвенно отражало как возросшую власть царя, так и обострение борьбы за власть. Последнее в особенности проявилось в восстаниях правителя Киби (совр. префектуры Окаяма и Хиросима), занимавшего второе место после Ямато в политической и культурной жизни.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 169.

ни. Юряку предпринял ряд завоевательных походов, в результате которых завершилось образование единого государства.

У царя Бурэцу (499—506) не было наследников, и с его смертью прекратилась династия корейского происхождения. После смерти Бурэцу местный правитель в Этидзэн (совр. префектура Фукуи) провозгласил себя внуком Одзина и царем Кэйтай. Самозванец предпринял поход в Ямато с целью подавления смуты, продолжавшейся около 20 лет, и упрочения своей политической власти.

Такова в общих чертах современная трактовка длительного процесса формирования японского государства. И хотя, как считает японский историк Яги Ацуру, «проблема становления государства еще во многом не решена», выдвинутые гипотезы и теории полностью опровергают домыслы о 660 годе до н.э. как якобы времени основания государства в Японии. Возрождение в современной Японии этой даты не имеет ничего общего с подлинной наукой и используется для воспитания молодого поколения в духе шовинизма и национализма, в корне противоречащего подлинным интересам японского народа.

Заключительный этап курганного периода датируется началом VI в. В погребальном инвентаре стали появляться орудия повседневного пользования и предметы украшения местного производства. Однако главной особенностью этого периода было появление групп малых курганов типа Ёкоана: в кургане наряду с основным захоронением имелся целый ряд более мелких. Это отражало распад земледельческой общины и рост влияния патриархальных семей. Такие курганы раньше всего появились в Киби.

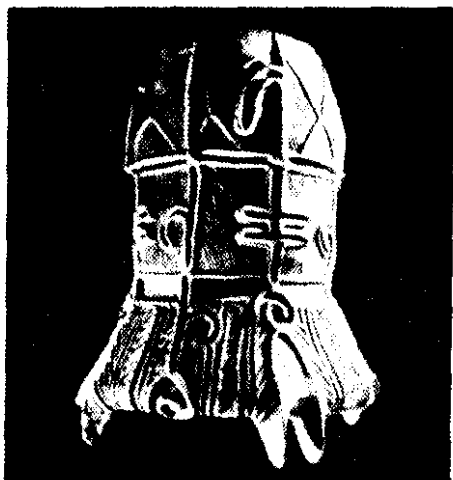
В административно-территориальном управлении произошел переход от областей агата к провинциям куни, изменилась семантика этого слова: в VI в. это уже не «земледельческая община», а провинция при сохранении прежнего иероглифического начертания. Провинция стала административной единицей взимания трудовой и воинской повинности. Общее число провинций достигло 120. Каждая провинция подразделялась на 10 уездов, которые первоначально именовались «агата», а затем «кори».

Управляющие провинциями были обязаны направлять своих родственников ко двору в качестве приближенных царской семьи (минасиробэ и микосиробэ), царских прислужниц (унэмэбэ), царской охраны (тонэрибэ), лучников (югэибэ), изготовителей посуды (касивадэбэ), что лишний раз опровергает гипотезу о «рабстве бэ», поскольку придворные слуги набирались из среды провинциальной знати. Провинциальные управляющие, являясь полновластными местными правителями, стремились избавиться от царского контроля и неоднократно поднимали мятежи.

Ожесточенная борьба за власть шла не только в провинции, но и в центре, где в 531 г. вспыхнула междоусобная борьба за верховенство между двумя патронимическими группами: Отомо и Сога, причем первая была местного происхождения, а вторая состояла из корейских иммигрантов знатного происхождения. По-

беду одержали Сога, стремившиеся установить свой контроль и над провинцией.

Сепаратистские тенденции провинциальных управляющих побудили центральную власть создать в провинциях свои опорные пункты (миякэ), которые были прежде всего военно-стратегической территорией царя, плацдармом для подавления крамолы. Они возникли на основе жреческих «священных полей» и стали крупной царской земельной собственностью, передававшейся по наследству. В районе современного города Осака учреждается миякэ Манда, на севере о-ва Кюсю — Наноцу, на территории пяти уездов Кибі — Сираи. На этих царских землях трудом «полевых бэ» (табэ) осуществлялось поднятие нови.

Керамический сосуд. III—IV вв.

Миякэ управлялись чиновниками, которые контролировались Сога. Поэтому создание военно-стратегических опорных пунктов знаменовало наступление нового этапа государства Ямато, установление более действенной системы контроля прежде всего Сога над местными правителями. Группировке Сога удалось поставить у кормила правления своего ставленника царя Киммэй (539—571), который прежде всего усилил институт охранников (тонэри) и направил в 553 г. посольство в Пэкче для ввоза в Японию лекарей, гадалей и сведущих в календаре лиц.

Борясь против сепаратизма синтоистских служителей культа, Киммэй в 558 г. санкционировал исповедование буддизма.

С целью более точного взимания налогов и повинностей Киммэй в 569 г. в миякэ Сираи провел первую подворную перепись «полевых бэ» (табэ) и барщинников — «работников» (ёборо). Занесенные в подворные переписи люди — в прошлом иммигранты — стали собственностью царя, «казенным человеком» (комин). Впервые в качестве податной единицы регистрировались крестьянские дворы «ко», представляющие собой не крестьянский двор в современном смысле, а двор большой патриархальной семьи (кафутэсэйтэки кадзоку), которая включала не только родственников, но и свойственников, состояла из нескольких моногамных семей детей патриарха, а также рабочей силы, возможно, и рабов, не находившихся в родстве с основной семейной группой.

Крестьянские дворы образовывали семейную общину или «домовую общину», которая была обязана платить налог рисом, поставлять ко двору изделия ремесла и отбывать трудовую по-

винность, барщину. Это уже типично феодальные налоги и повинности, феодальные производственные отношения.

Тенденция к феодализации усилилась в конце VI в. с превращением охранников «тонэри» в управляющих, чиновников, назначавшихся из центра, с расширением контингента чиновничьего аппарата, который стал рекрутироваться не только из «бэ», но и из «людей» (хито), как, например, «кладовщики» (курабито), «виноделы» (сакэбито)¹.

Ко второй половине VI в. в племенном союзе Ямато наметилась определенная специализация в выполнении административных функций. За группой Сумэраги закрепились функции номинального верховного правителя, а реальная власть все больше сосредоточивалась у Сога, которые контролировали финансы страны (главным образом в виде риса) и хранили регалии царской власти — меч, зеркало и яшму. В распоряжении Сога имелась вооруженная сила в лице охранников тонэри. Охрану царя осуществляла группа Мононобэ, а жреческие функции сконцентрировались в руках Накатомибэ.

Окрепнув экономически, захватив в свои руки основные рычаги административно-хозяйственного управления, Сога решили, что пробил их час для завоевания политической власти. В 587 г. они нанесли удар по вооруженной силе царя — Мононобэ, разгромив их в битве у горы Сиги. Поражение Мононобэ означало победу военной организации тонэри, состоявшей из детей и младших братьев глав провинциальных влиятельных домов, над старой родоплеменной структурой лучников, составлявших костяк дружины Мононобэ.

Лишив царя военной поддержки, Сога в 592 г. убили и самого верховного правителя и взяли власть в свои руки, посадив на престол женщину по имени Суйко. Регентом при правительнице стал принц Умаядо, вошедший в историю под посмертным именем Сётоку-тайси («Сётоку» означало высшую конфуцианскую добродетель, а тайси — титул наследного принца).

Суйко и Сётоку-тайси укрепили чиновничий аппарат из бэ, продолжали осуществлять административно-территориальное управление через управляющих провинций, официально провозгласили основное крестьянское население «казенным людом» (комин), но институт бэ не упразднили. Положение эксплуатируемых масс не улучшилось, гнет государства усилился, что вело к восстаниям, нестабильности внутриполитического положения.

Для упрочения своих позиций в борьбе против родового строя Сога решили использовать в качестве идеологического оружия буддизм, противопоставив его синтоизму, который исповедовали Мононобэ.

Синтоизм — древняя языческая религия японских племен — питал первоначальные формы религии в виде фетишизма, магии,

¹ Термин «хито», по мнению японского историка Ота Акира, употреблялся в трех случаях: для обозначения профессии, знатности и зарубежного происхождения.

тотемизма, обожествления сил природы и почитания культа предков. Это была местная религия, имевшая в каждом районе свои специфические особенности, что в религиозном плане оправдывало и обосновывало родоплеменную раздробленность.

Иное дело буддизм. Первоначально буддизм воспринимался японцами примитивно, в духе магии, подобно синтоизму. К буддизму обращались при болезнях, во время стихийных бедствий. Поэтому, вероятно, обе религии сосуществовали. Затем произошло определенное «разделение труда»: синтоизм стал овящать радостные события в жизни — рождения, свадьбы, проведение сельскохозяйственных работ, очищение от грехов путем омовения в реке, а буддизм — печальные: смерть, поминки (после смерти 49 дней читались заупокойные молитвы, поскольку буддисты считали, что в это время душа усопшего бродит в потемках между этим и потусторонним миром). Праздник поминания умерших (урабон) отмечался 13—16 июля песнями и танцами, как это делали древние японцы (по свидетельству китайских летописей).

Буддизм отрицал реальность существующего мира и утверждал истинность потустороннего мира, мира «вечного блаженства». Путь в «истинный мир» предполагал отказ от «ложных» желаний в мирской жизни. Буддизм был выгоден эксплуататорам, поскольку ратовал за бездеятельность, отрешение от жизни, как непременное условие достижения блаженства в потустороннем мире. Буддизм был понятен всем угнетенным, ибо проповедовал равенство всех перед Буддой.

Буддизм выступал против жертвоприношений, а концепция «души» как общечеловеческого начала способствовала крушению местного сепаратизма, утверждению идеи общности людей разных племен.

Буддизм стал идеологической основой концепции «универсального государства», получившей распространение в то время. По мнению некоторых историков, универсальные законы могли быть применены и к враждующим народностям, принадлежавшим к одному культурному кругу, чтобы ликвидировать антагонизм, способствовать политическому и военному объединению, становлению власти сильного правителя.

Политическому объединению в рамках раннефеодального государства в немалой степени способствовала и привнесенная буддизмом церковная организация.

Большую роль в распространении буддизма сыграла группа Сога и ее ставленник Сётоку-тайси, объявленный в 593 г. наследным принцем.

В то время в Японии распространялся не только буддизм, на эксплуататорскую верхушку раннефеодального общества оказали определенное влияние и конфуцианские идеи. Они нашли практическое воплощение на японской почве, когда Сётоку-тайси ввел в 603 г. табель о рангах. Их было шесть, но каждый подразделялся на высший и низший, образуя систему из 12 рангов. В наименование этих рангов вошли пять свойств человека, разра-

ботанные конфуцианством. Высшим рангом являлась «добродетель», за которым закреплялся пурпурный цвет одежды. Затем следовали «гуманность» — зеленый цвет, «церемония» — красный цвет, «вера» — желтый цвет, «истина» — белый цвет и «мудрость» — черный цвет.

Чиновник каждого ранга носил на голове шелковую повязку или головной убор соответствующего цвета. Китайская летопись «Тан-шу» так описывает шапку японского посла, имевшего высший ранг «добродетель»: «Верхушка ее представляла цветок, раскрывающийся на четыре стороны».

Введение табели о рангах преследовало цель создать более широкую социальную базу пополнения чиновничьего аппарата. Отныне чиновниками могли быть не только выходцы из влиятельных домов центрального, Кинайского района, но и способные люди независимо от семейной группы и социального ранга.

Весной 604 г. эти ранги впервые присваиваются чиновникам и одновременно вводится китайский придворный церемониал: сановники были обязаны лежать ниц перед верховным правителем, вползать и выползать из помещения, где он находился, но так, чтобы все время быть обращенными к нему лицом. За нарушение придворного церемониала виновный приговаривался к смертной казни.

VII век — период интенсивного насаждения буддизма правящей группировкой Сога. К концу века количество буддийских храмов и монастырей увеличилось более чем в 12 раз, достигнув 545. Этим буддийским монастырям и храмам предоставлялись большие земельные владения и налоговый иммунитет, к ним приписывались крестьяне.

Становление раннефеодального государства сопровождалось укреплением западных рубежей: в 609 г. на о-ве Кюсю создается генерал-губернаторство (Дадзайфу). Помимо чисто военных функций оно осуществляло административно-хозяйственный контроль, в частности собирало подати.

В составе Дадзайфу имелось астрологическое управление (онъёрё), которое не только занималось гаданием, но по звездам определяло подходящее время для проведения сева. Это ведомство связывало также небесные явления с социальными событиями и регистрировало их. Из астрологии впоследствии выделились в качестве самостоятельных наук астрономия и история.

Изменился характер внешнеполитических связей. До середины VI в. Япония вмешивалась в междоусобную борьбу трех корейских государств, а затем установила с ними мирные отношения: направлялись посольства для знакомства с культурой, ввозились разные предметы обихода.

В Китае к концу VI в. прекратилось 300-летнее разделение на Северное и Южное государство и в 589 г. дом Суй объединил страну. Власть Суй просуществовала до 616 г., а с 618 по 907 г. при династии Тан произошло усиление Китайской империи.

До конца VI в. Япония являлась вассалом Китая, но при

династии Суй она начала стремиться к установлению равноправных отношений. В 600 г. в Китай направляется первое посольство. Особенно примечательным было посольство 607 г., отправленное от имени Сётоку-тайси: в его составе находилось 8 молодых людей, посланных на учебу. Они сыграли затем важную роль в политической жизни Японии в середине VII в., а также стали консультантами по вопросам конфуцианства и медицины.

В привезенной посольством грамоте, адресованной китайскому императору, говорилось: «Сын Неба страны, где солнце восходит, посылая грамоту Сыну Неба страны, где солнце заходит, желает здравия». Это отождествление китайского императора с правителем каких-то заморских «карликовых людей» (во жэнь — наименование японцев в китайских летописях) привело китайский двор в шоковое состояние и он оставил это обращение без ответа. Однако затем было направлено ответное посольство, принятое в Японии с почетом. При возвращении китайского посла сопровождало новое японское посольство. Основной целью посольств являлось на только укрепление внешнеполитических связей на принципах равенства, но и изучение методов государственного управления.

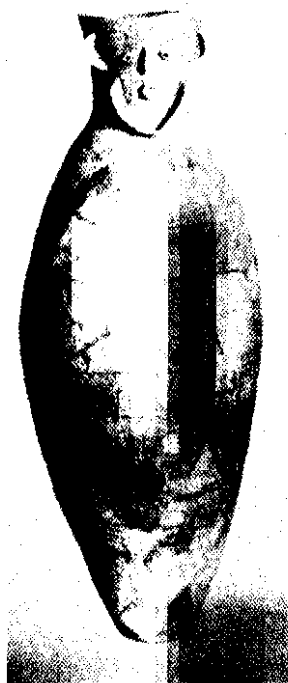
Сётоку-тайси стремился поднять авторитет своей страны и путем присвоения ей наименования «Корня Солнца» («Нихон», где «рождается и откуда восходит солнце»). Эта тенденция проявилась и в переименовании своего «Сына Неба» (тэнси) в «Небесного государя» (тэнно)¹, тождественного императору. Социальной опорой тэнно являлась средняя и мелкая аристократия, стремившаяся с его помощью укрепить свое положение. В 643 г. Сога снова заменили титул своего верховного правителя на «Микадо», но все эти переименования не способствовали стабилизации положения в стране.

Испытывая острую нужду в средствах, Сога начали осуществлять контроль за рынками с целью взимания рыночного налога. Но с ними начали конкурировать некоторые предприимчивые иммигранты, например Хата-но Оцути из Ямасиро, который торговал в отдаленных районах, в провинции Исэ (совр. префектура Мие), получая от этой торговли большие барыши.

Для строительства своего дворца Сога мобилизовали во всех провинциях барщинников (экитэй), а для сооружения курганов и других строений нещадно эксплуатировали бэ и крестьян, членов патронимических групп (удзибито).

Тяжелое экономическое положение страны усугублялось голодом и эпидемиями. Чума в 624 г. опустошила юго-западные районы, а спустя два года разразился голод: население ело траву, на дорогах лежали трупы, орудовали разбойники, появилось много беглых и обездоленных крестьян. Усилился процесс разложения земледельческой общины. Свободные общинники закрепощались более сильными семьями.

¹ Термин «тэнно» заимствован из древнего Китая, где даосы так именовали Полярную звезду — свое верховное божество.

*Керамический сосуд.
III—VI вв.*

Местные должностные лица эксплуатировали население в своих корыстных целях, присваивали землю и воду, обкрадывали казну, оставляя себе большую часть взимаемых налогов.

Недовольство населения проявилось в форме религиозной ереси: в 644 г. некий Охо совместно с односельчанами стал поклоняться насекомому, именуя его «воплощением божества вечного мира». Последователям он стал внушать уравнилельные идеи о всеобщем обогащении, вечной молодости. Сектанты стали уклоняться от работы, бросали имущество, дома, скот, надеясь на скорое обогащение. Деятельность сектантов привела к большим опустошениям.

Сога не смогли предотвратить кризис хозяйства, не ликвидировали пережитков родоплеменных отношений, не закрепили землю за крестьянскими семьями, не смогли пресечь коррупцию должностных лиц. Дни Сога были сочтены.

Культура Японии в период первобытнообщинной формации

Культура раннего палеолита определялась уровнем развития производительных сил и хозяйственной деятельностью древних обитателей Японского полуострова Азии.

Это был безрелигиозный период, когда человек, делая первые шаги на длительном пути исторического прогресса, осваивал простейшие трудовые навыки, без которых он просто не мог бы существовать.

С возникновением материнского рода социальные отношения усложнялись и человек, ощущая свое бессилие перед силами природы, зависимость от местных условий существования, невозможность постижения истинной причинно-следственной связи природных, биологических и социальных явлений, стал искать «подсказку» своим действиям извне, перенося на природу свои чувства, «чувственные вожеления», иллюзорно полагая, «будто «бесчувственная вещь» может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть»¹.

Источниками для реконструкции ранних религиозных верова-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 98.

ний японцев являются материалы археологии, сравнительной этнографии, литературные памятники VIII в. — первая поэтическая антология «Собрание мириад листьев» («Манъёсю») и географо-этнографические описания древних провинций («Фудоки»).

Наиболее ранняя форма религиозного сознания — фетишизм проявился в Японии в виде фетиша камня, что, возможно, было обусловлено основной производственной деятельностью — изготовлением каменных орудий. Поэтому именно обыкновенный камень — галька — стал первым фетишем. В японских храмах были обнаружены гальки, расписанные красной охрой и именовавшиеся «камнями детских душ», которые поразительно похожи на австралийские чуринги, также считавшиеся вместилищами душ детей.

На западе о-ва Кюсю, в районе современного города Нагасаки, близ села Фунахо, находились 4 камня, якобы помогавших женщинам избавиться от бесплодия и вызывавших дождь.

На северо-западе о-ва Кюсю, на территории современной префектуры Фукуока, в районе деревни Фукаэ, имелись два похожих на яйца камня, влиявших, по мнению местных жителей, на роды и содействовавших успеху.

В центре о-ва Хонсю, в префектуре Нагано, обнаружено святилище Уваппара: 29 каменных столбов, собранных в три группы, образовывали круг. В северной части круга находилось 10 каменных куч, под которыми оказались ямы с углем. Это дает основание считать, что наряду с культом камней существовал и культ огня, что подтверждается и обнаружением догу вблизи очага.

Аналогичные каменные кучи обнаружены и в Корее. Вера в возможность вызывать дождь или бурю путем заклинания камня существовала у всех тюрко-монгольских народов. Культ камня отмечен у греков, древних жителей Палестины, евреев, а черный камень «кааба» (по-видимому, метеорит) является основой мусульманской святыни в Мекке.

Перенесение японцами чувств на окружающую природу нашло отражение в легенде о любви двух гор — Кагюяма и Миминаси к горе Унэби или о любви двух звезд — Вега (Волопас) и Алтаир (Ткачиха), разлученных Млечным Путем (Небесной рекой). Встретиться они могли лишь раз в год — 7 июля. В этот день стал отмечаться традиционный японский «Праздник Ткачихи».

Другой формой выражения первобытной религии была магия, которая подразделялась на магию фетиша (талисман), имитативную магию, магию жеста, звука, слова и цвета. На о-ве Бэнтэндзима в районе города Немуро (северо-восток о-ва Хоккайдо) обнаружено наскальное изображение охоты на кита — бесспорное свидетельство наличия имитативной магии. В «Манъёсю» сообщается о существовании в древней Японии магических обрядов «избиения» и «восхваления» вина. В первом случае, потрясая лезвием меча, якобы рубили вино, чтобы «изгнать» из него злых духов, во втором перед началом пира присутствующие восхваляли

вино, произнося слова заклинания о здоровье, счастье, успехах. При этом примечательно, что ритуальное вино изготовлялось так, как его делают, по данным этнографов, народы островов бассейна Тихого океана и аборигены о-ва Тайвань племени Цоу по сей день: «виноделы» садились в круг, посреди которого ставили чан, в который сплевывали разжеванные зерна проса или риса. Содержимое чана бродило, выдерживалось определенное время и «божественный» напиток был готов к употреблению.

Магия жеста проявлялась в обете верности, когда влюбленные на прощание завязывали друг другу шнур на одежде, а его развязывание означало нарушение обета. Завязывание стеблей соответствующих трав, корней, ветвей растений также рассматривалось как магическое действие и сопровождалось молением о счастье, благополучном пути, неизменной любви.

Отголоски магии звука — удары в барабан, имитирующие гром — голос «гневающегося Небесного Дракона». Такая магия монозвука была характерна не только для всего Дальнего Востока в древности, это всемирно-историческое явление для определенной стадии развития человеческого общества.

Пережитки магии слова нашли свое отражение в синтоистской концепции «истинного слова» (макото), веры в «душу слова», что проявилось в синтоистских молитвах «норито». В них говорили о цикле сельскохозяйственных работ с верой в то, что в действительности они будут воспроизведены в таком же порядке, как и в молитве. Здесь есть оттенок и имитативной магии, по которой словесные действия якобы вызывают их реальное проявление в действительной жизни. Магия слова отражена в «Манъёсю» в названиях растений, раковин, гор, районов и рек.

Магия имени, согласно «Манъёсю», выражалась в том, что японская девушка не смела назвать свое имя постороннему, в противном случае это означало дать согласие на интимные отношения или на брак. Магия наименования сохранилась до наших дней в девизах правления японских императоров («Мэйдзи» — «Просвещенное правление» — 1868—1911 гг.; «Тайсё» — «Большая справедливость» — 1912—1925 гг.; «Сёва» — «Блестящая Япония» — 1926 г. по настоящее время).

Магия света возникла в виде культа огня. Айны, например, хоронили обычно ночью, при свете костра, или разводили огонь при выкапывании могилы, чтобы «бог огня встретил покойника, а злой дух не мешал захоронению». Возможно, что над могилой зажигали или возле нее оставляли огонь. Здесь по-видимому уже имело место слияние культа огня с культом умершего, когда огонь на могиле являлся первоначальной формой почитания предка.

Магия цвета проявилась в поверье, что красный цвет спасает от злых сил, болезней, бед и несчастий, символизирует любовь. У древних японцев еще отсутствовало четкое различие цветов, в рудиментарном виде это сохранилось в значении 174-го иероглифического ключа «аои», который одновременно обозначает и си-

ний, и зеленый цвета. Примеры такого древнего «дальтонизма» встречаются и у других народов (чукчей, орочей).

Возникновение родовой организации общества — первоначально тотемного, а затем и предкового рода, ведущего свое начало от достоверно известной женщины, позже — мужчины, — способствовало появлению тотемизма и культа предков.

Для тотемизма как религии раннеродовых охотничьих общин, религии возникающего рода характерен перенос кровно-родственных отношений человеческого общества на природу и установление кровного «родства» коллектива людей с тем или иным животным или растением. Поскольку жизнь неолитических охотников зависела от наличия животных, прежде всего оленей, возник культ Небесных оленей и лосих — «Прародительниц» животного мира. Этот культ отразился в древнем японском обычае гадания по трещинам на оленьей лопатке, которую держали над огнем. Этот вид гадания был характерен для монгольских народов и распространился вместе с их появлением на территории современной Японии.

Существует гипотеза, что раковинные кучи являлись местом обрядов — проводов на небо душ съеденных животных, чтобы они вернулись и обеспечили людей пищей.

Название префектуры Кумамото («Медвежья основа») на о-ве Кюсю свидетельствует о проживании там в древности социальной общности, поклонявшейся медведю, считавшей его своим тотемным предком. Такой тотем характерен для предков современных айнов, которые хоронили кости медведя аналогично погребению человека.

Почитание в современной Японии лисиц, обезьян, черепах и змей можно рассматривать как отголосок тотемизма.

Наличие тотемизма в древней Японии подтверждается и сказочным образом птицы феникс Хоо с головой петуха, шеей змеи, горлом ласточки, спиной черепахи и рыбьим хвостом.

В качестве тотемов-предков почитались и деревья: у айнов — вяз, из которого они делали орудия труда, добывали огонь путем трения, а из лыка изготавливали одежду; у тунгусских, маньчжурских народов и у японцев таким деревом была сосна. Японцы почитали также кипарис и вечнозеленое дерево из семейства цитрусовых — дикий апельсин (татибана). Под этими деревьями-предками проводились языческие обряды и осуществлялась меновая торговля.

Наличие культа предков-женщин доказывается археологически их глиняными изображениями, обнаруженными не только в Японии, но и на огромной территории Азии и Европы.

Развитие земледелия, его зависимость от природных условий вызвали появление аграрного и солярного культов. Бессилие первобытного человека перед силами природы привело к возникновению различных магических обрядов, которые характерны для аграрного культа. Цель этих магических действий состояла в том, чтобы способствовать выпадению дождя, появлению солнца, созда-

нию благоприятных условий для произрастания и созревания сельскохозяйственных культур. Для «оттона» злой силы широко практиковалась магия слова в виде ритуального сквернословия, являвшегося древнейшей формой образного отрицания, преследовавшего одновременно и цель утверждения, стимулирования плодородия и в конечном счете сохранения урожая.

Для усиления действия магических обрядов земля уподоблялась женскому организму, а плодородие земли отождествлялось с плодородием человека. Поэтому имело место ритуальное обнажение женщин-шаманок, обожествление половых органов, приведшее к возникновению фаллического культа, что подтверждается находками в неолите каменных палок (сэкибо) длиной от 40 см до 2,5 м с утолщениями на концах. Поклонение каменному символу фаллоса просуществовало в Японии до XIX в.

Солярный культ, отражавший суточный и годовой солнечные циклы, общий для всего региона Юго-Восточной Азии, пришел в Японию, по-видимому, из Кореи в виде мифа о Женщине-Солнце. В реконструкции он выглядит так: «В море обитает огромная Черепаха. Когда она всплывает на поверхность, ее можно принять за плавающий остров-гору. На голове Черепахи располагается Дракон (Змей). Черепаха и Дракон — супружеская пара, которая то всплывает на поверхность, то погружается в воду. Они производят на свет дитя — Дочь-Солнце. Дитя появляется из головы Черепахи сначала в стадии «предмета» — в виде цветка, красной яшмы, жемчужины и т. п. Дракон вымогает «предмет» у Черепахи, прячет его в пояс и держит при себе. Так он «донашивает» дитя. Однажды пара Черепаха и Дракон встречается с юношей, который забирает «предмет» у Дракона. Юноша относит его в свой дом, где он и превращается в красавицу-девушку, которая становится женой юноши. Жена готовит яства и потчует мужа (или занимается ткачеством или другой хозяйственной деятельностью). Муж без причины бранит жену. Жена в обиде покидает дом мужа и уходит в море, возвращаясь в свое «исходное состояние»: она оказывается вновь в голове Матери-Черепахи». Иными словами, «появление солнца утром (или усиление его активности ранней весной) мыслится как рождение его в стадии предмета; максимальная его активность днем (или летом) мыслится как превращение в красавицу-девушку и супружество Женщины-Солнца. Угасание солнца вечером (или осенью) понимается как нарушение супружеских отношений Женщины-Солнца, как уход ее из дома мужа. Ночь (или зима) понимается как пребывание солнца в стадии смерти-зачатия в голове своей родительницы Черепахи. И так — каждый день, и так — каждый год»¹.

Наличие в Японии солярного культа подтверждается археологически находкой в префектуре Акита на северо-востоке о-ва Хонсю, в местности Ою, солнечных часов в виде каменного круга диа-

¹ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. С. 145—146.

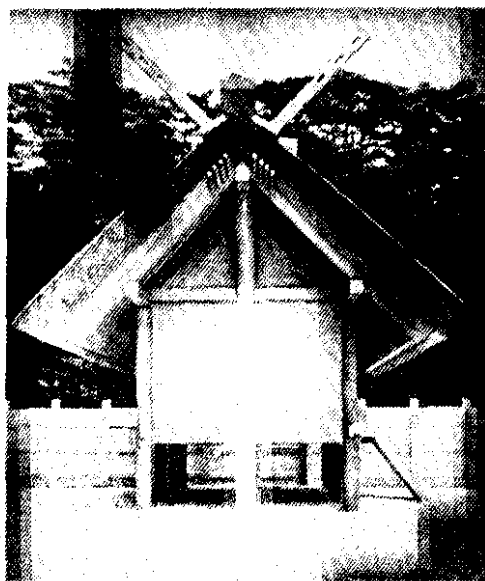
метром в 14,5 м, в северо-западной части которого находится каменный «небесный столп» (менгир), а вокруг него радиально располагаются продолговатые крупные камни. Все это сооружение окаймляется вторым каменным кольцом диаметром в 46,5 м. Среди камней были обнаружены сэкибо, зернотерки, каменные тарелки.

Аналогичные солнечные часы имеются в Англии (Стоунхендж), во Франции (Южная Бретань, к северу от города Карнак), в США (штат Нью-Мексико, каньон Чако), что свидетельствует о всемирном распространении солярного культа и опровергает «монополию» на него японцев.

Таким образом, религия древних японцев прошла практически те же этапы развития, что и религия у других народов, пережитки древних верований сохранились в Японии и по сей день, будучи синтезированы синтоизмом.

Одним из важнейших обрядов родового общества являлась инициация — своеобразный «первобытный университет», по прохождении которого молодые люди становились взрослыми полноправными членами коллектива. Обряд инициации символизировал смерть новообращаемого (неофита), его «путешествие» в страну мертвых, к тотемному предку, у которого он якобы проходил курс «обучения», и последующее возвращение в свой коллектив уже иным, взрослым человеком. Во время обряда инициации неофиты отделялись от коллектива, поселялись отдельно в «мужском» (и, соответственно, «женском») доме, где они обучались навыкам владения оружием, приемам охоты, знакомились с мифами своего рода. Здесь проверялась их физическая и моральная стойкость путем нанесения ранений и других испытаний. Те из неофитов, которые выдерживали эти истязания, в конце обряда инициации омывались, одевались в новую одежду, и нареченные взрослым именем, возвращались в свой коллектив, где даже родители относились к ним как к совсем другим, взрослым людям. Обряд инициации юношей описан этнографами довольно подробно. Инициация девушек освещена в этнографической литературе хуже, но социальная его суть аналогична. Во время обряда инициации девушек глава социального коллектива осуществлял их ритуальную дефлорацию, пережитки которой сохранились в период средневековья в праве феодала на «первую ночь».

Описание обряда инициации у японцев не сохранилось, однако его реликты дают полное основание утверждать, что Япония и в этом отношении не была исключением. Доказательство тому — обряд совершеннолетия «гэмбуку»: за 1—2 года до обряда у юношей подбрасывали волосы на углях лба, над висками. Сам обряд совершался в 12-летнем, а позднее — в 15-летнем возрасте, когда мальчику впервые делалась взрослая прическа «мотодори»: пучок скрученных волос перегибали и завязывали на макушке. Срезание «мотодори» считалось величайшим бесчестьем. Обряд завершался надеванием парадного головного убора — «вороньей шапки» и заменой детского имени на взрослое.

Святылище Исе

Девушкам на голову одевалось украшение в виде «цветочного парика», который, по-видимому, первоначально изготовлялся из перьев.

В японской деревне до конца XIX в. сохранялись мужские и женские «молодежные группы» — институт совместного обучения и воспитания юношей и девушек, их подготовки к хозяйственной деятельности, сельским обрядам и церемониям, к брачным и семейным отношениям. В эти группы вступали юноши и девушки в 15-летнем возрасте и выбывали из них при вступлении в брак. Молодежные группы жили самостоятельно в особых «молодежных домах» и

возглавлялись либо «домовыми родителями», либо заместителями старост.

В период существования племенной религии — шаманизма — возникает устная история. Рассказы о прошлом включали историю данной местности, смесь реальных фактов и легенд, предсказаний, сновидений, моральных норм и генеалогий наиболее именитых представителей родоплеменной знати. Хранителями устной традиции первоначально выступали главы общин, выполнявшие жреческие функции. Затем появились специальные сказители, которые стали уважаемыми членами наиболее могущественных семейных групп, хранителями и толкователями прошлого. Во время похорон они выступали со «словом-воспоминанием», где говорилось не только о деяниях покойного, но и о подвигах его предков. Эти сказы, по-видимому, стали записываться в V в., когда среди иммигрантов появились «люди грамоты» (фухито), знавшие китайский язык, производившие необходимые административно-хозяйственные записи и ставшие придворными историографами. Появление письменности датируется началом V в. и подтверждается археологически надписью на мече из кургана Фунаяма (совр. префектура Кумамото, о-в Кюсю): «Тому, кто будет носить этот меч, даруются долголетие, много детей и внуков». По поверьям того времени предмет с начертанным текстом считался облеченным магической силой, что впоследствии распространилось на письменные тексты вообще.

Учет налоговых поступлений, проведение переписей осуществ-

влились на китайском языке, который стал распространяться среди придворной аристократии. Однако уже в конце VI в. стала употребляться и японская азбука катакана. Археологи обнаружили на кирпиче производственный знак, изображенный японской азбукой.

В VI—VII вв. составляются официально-правительственные писанные истории. В них фиксировались лишь те события, которые соответствовали интересам правящего дома, и опускались сведения о его противниках. Первыми письменными памятниками VI в. были «Хроника императорского дома» («Тэйки») и сборник древних мифических и легендарных сказаний о первых правителях «Древние слова» («Кюдзи»), которые легли в основу последующих японских летописей.

Распространению китайской письменности способствовало конфуцианство, завезенное в Японию в V в., однако в то время наибольшее влияние на культуру оказал буддизм. Его появление в Японии датируется также началом V в., но особенно интенсивно буддизм стал внедряться с конца VI в. как идеологическое оружие укрепления центральной власти. Буддизм был синкретической идеологической формой, которая объединяла помимо религиозных воззрений также этические и эстетические нормы раннефеодального общества. Буддизм принес с собой свою культуру, составной частью которой являлась и наука: многие трактаты излагали вопросы мировоззрения, человеческой жизни, содержали сведения по астрономии, физике, психологии, философии и другим отраслям знания, а также литературу разных жанров — повествовательной прозы (жития святых), риторической прозы (проповеди), документальной прозы (церковные уставы).

Буддизм оказал влияние и на архитектуру: многоярусные буддийские сооружения устремлялись ввысь, что отражало идею связи исполненного тяжких страданий мира земного с небесным царством Спасения.

Вместе с тем торжественный облик храма-дворца с интерьером, наполненным скульптурными изображениями Будды, бодхисатв, сверкающей ритуальной утварью, выкованными из серебра букетами цветов, богатейшим, с течением времени все усложняющимся декором, представлял для японца совершенно новое явление. Если синтоистское святилище с его чистыми и пустынными дворами тщательно изолировалось несколькими оградами от посторонних взглядов, то территория буддийских храмов предназначалась для пышных торжественных обрядов и различных празднеств.

Самые ранние буддийские сооружения на японской земле, дошедшие до наших дней, не только представляют современному человеку материалы, каноны и декор древнеяпонских сооружений, но в силу воспринятого ими китайского влияния являются сейчас единственными свидетельствами древнекитайской и древнекорейской архитектурной традиции. В Китае и Корее подобных сооружений древнего периода не сохранилось.

Наиболее известным среди сооружений древнего зодчества Японии является единственное в стране, сохранившееся до наших дней и самое древнее деревянное сооружение в мире монастырь «Благоденственного Закона» — Хорюдзи. Основанный в 607 г. по приказу сётоку-тайси он расположен в окраинной части современного города Нара. Храмово-монастырский комплекс Хорюдзи с его пагодой Годзююто, Золотым павильоном — Кондо, с асимметрией и свободной планировкой входящих в него других архитектурных сооружений показал очевидное умение японских строителей использовать каноническую схему, заимствованную из Китая для формирования и выражения национальных художественных идеалов.

Главное здание храма — Золотой павильон — имел настенную роспись корейского художника Тамджин из Когурё. Все сооружение было выдержано в стиле Асука с характерным ветвистым растением в орнаменте. (Асука — наименование периода с 593 по 710 г. по месту резиденции двора правителя в современной префектуре Нара, где археологами раскопан храм Асука-дэра.) Этот орнамент первоначально зародился в Египте и Ассирии, получил свое завершение в античной Греции и перешел затем во все страны Востока.

В сохранившихся трех статуях Будды, установленных в 623 г., искусствоведы обнаружили сходство со статуями Северовейского государства, созданными в период, когда оно было отдельным Сяньбийским царством и, таким образом, определили истоки искусства Асука.

Фрески Хорюдзи, пострадавшие во время пожара 1949 г., подтверждали связь японского искусства VII в. с индийским искусством времен империи Гуптов IV—V вв.

В храме имелся ковчег, расписанный картинами из жизни Будды, и шелковый занавес с вышитой картиной «Небесного царства» и изречением сётоку-тайси: «Наш мир — обман. Только Будда — истина». Предание приписывало вышивку жене сётоку-тайси — Татибана Ирацумэ, которая верила, что своей работой она будет способствовать возрождению в потустороннем мире усопшего супруга.

2

Феодальная
Япония
VII в.
-середина XIX в.

Становление феодальных отношений
(VII—IX вв.)

Образование раннефеодального государства

Специфика исторического развития Японии состояла в непосредственном переходе от первобытнообщинного строя к феодализму минуя рабовладельческую формацию. И хотя эту точку зрения разделяют далеко не все японские историки, она в последнее время завоевывает все больше сторонников. Наиболее глубоко она разработана и обоснована основоположником советской школы японоведения академиком Н. И. Конрадом.

Датой образования в Японии раннефеодального государства стал 645 год, когда противники Сога объединились, организовали заговор во главе с представителями царского дома Наканоэ и членом старинной жреческой группировки Накатоми Каматари и совершили государственный переворот. Во время приема корейских послов заговорщики напали на Сога Ирука, убили его и перебили остальных Сога, а их дворец сожгли. На престол был возведен старейший из Сумераги — Кару под именем Котоку, годы правления которого (645—654) получили наименование «Великих перемен» (Тайка). Под «Великими переменами» подразумевались реформы Тайка, согласно которым вместо ранее существовавшего племенного союза было создано государство по китайскому образцу. При этом вводилась китайская система обозначения годов правления императоров особым девизом, по которому стали вести официальное летосчисление.

Японская буржуазная историография связывает реформы Тайка с императорским декретом 646 г., где декларировалось упразднение частных владений и категории частнозависимого населения, земля объявлялась собственностью государства, т. е., по существу, императорского дома, подданные наделялись земельными наделами, а для держателей наделов устанавливались повинности трех видов (трудовая повинность, налог поземельный и налог с изделий ремесла), упразднялась прежняя политическая система, основанная на господстве местных родственных семейных групп, создавалось централизованное бюрократическое государство, столица которого первоначально находилась в Нанива (совр. город Осака), а с 653 г. — в Асука (р-н совр. города Нара).

Однако в настоящее время прогрессивные японские историки относятся к манифесту 646 г. либо более критически (в нем установлены прямые текстуальные заимствования, например из доклада чиновника Дун Чжунша императору У Ди во II в. до н. э.), либо видят в нем провозглашение определенной программы мероприятий, либо вообще отрицают его достоверность. События 645 г.

считаются лишь государственным переворотом, а реформы Тайка интерпретируются как целая серия полувековых мероприятий, вызванных внутренними и внешними факторами.

Одна из основных причин падения Сога состояла в неудовлетворении ими крестьянских требований предоставления земли. Не освободили они от зависимости и податное население бэ, что в сочетании с ухудшающимся экономическим положением, усугубленным стихийными бедствиями и эпидемиями, накопило до предела внутриполитическую обстановку в стране. Осуществление аграрных преобразований являлось первоочередной задачей новой власти. В 652 г. началась частичная перепись податных дворов (ко) как подготовительное мероприятие к введению надельной системы. В том же году был издан указ об обязанностях членов пятидворок (гоко), где им предписывалось следить за любыми передвижениями людей в районе их местожительства и докладывать о них властям, нести полную ответственность за членов пятидворки, в течение 5 лет вести розыск скрывшихся членов пятидворки, ведать имущественными делами той семьи, где нет мужчин-наследников, воспитывать детей преступника, приговоренного к смерти, немедленно докладывать о нарушениях или преступлениях, совершенных членом пятидворки, оказывать помощь пострадавшим от кражи и семье убитого, поддерживать хорошее состояние дорог и разводить тутовые деревья.

Это первое в истории Японии четкое определение функций пятидворок, которые впоследствии, особенно в XVII—XVIII вв., уже стали рассматриваться как низовые административно-хозяйственные и фискально-полицейские единицы.

После смерти Котоку в 654 г. императрицей стала его мать под именем Саймэй. Имея пристрастие к пышным дворцовым сооружениям, она мобилизовала для строительства нового дворца около 100 тыс. человек, работавших в чрезвычайно трудных условиях на добыче камня, прокладывании канала для его транспортировки, на самом сооружении дворца, что вызвало большое недовольство среди населения. Этим воспользовались противники режима во главе с Сога Аказ. Он привлек на свою сторону сына Котоку — Арима — и в 658 г. они предприняли неудачную попытку поднять мятеж. Многие участники выступления были казнены, но зачинщики избежали наказания.

Внутренние трудности усугублялись осложнениями на границах. На северо-востоке происходили довольно интенсивные контакты с предками современных айнов — племенем эмиси, представители которых включались даже в состав посольства, направлявшихся в Китай (в 650 и 663 гг.), однако чаще всего «контакты» с эмиси проявлялись в набегах последних на японские пограничные заставы. В 658 г. против этого племени была предпринята карательная экспедиция, завершившаяся в 660 г. ожесточенным сражением, к концу которого оставшиеся в живых эмиси, не желая сдаваться в плен, убили детей и жен и покончили с собой. Но и после поражения эмиси не прекратили своих набегов.

С тунгусским племенем су шэнь, совершавшим набеги на о-в Садо, японцы впервые встретились во время своего северо-восточного похода. Таким образом, обеспечение безопасности на северо-восточных границах являлось в то время важной проблемой.

Однако наибольшая угроза исходила с юго-запада. В своей внешней политике Япония в середине VII в. поддерживала западно-корейское государство Пэкче, которое в 660 г. потерпело поражение от танского Китая, а сын пэкчевского царя бежал в Японию. Через год в Пэкче вспыхнуло восстание и корейский принц вернулся на родину с 5 тыс. японцев.

Императрица Саймэй переехала на о-в Кюсю для подготовки экспедиционной армии, но смерть помешала ее планам осуществиться. Подготовку армии возглавил наследник престола, один из участников государственного переворота Наканооэ (император Тэнти, 662—671). Тэнти в 662 г. направил в Корею 27-тысячную армию на 400 кораблях. В битве на реке Пэккан в 663 г. объединенные танско-силланские войска нанесли японцам сокрушительное поражение и сожгли их флот. Китай захватил государство Пэкче, а спустя 5 лет — северокорейское государство Когурё и стал готовиться к походу в Японию, требуя от своего союзника Силла активного участия. Однако правители Силла, формально признав сюзеренитет Китая, исподволь сосредоточили войска, разгромили китайскую армию на территории Кореи и в 70-е годы VII в. объединили страну под своим началом.

Угроза военного вторжения, нависшая над Японией на юго-западе, явилась одним из решающих факторов, диктовавших необходимость проведения реформ. Император Тэнти стал их вдохновителем. По его инициативе еще в 646 г. была начата кампания за «добровольный» отказ знати от прав на свою землю и людей. Показывая личный пример, Тэнти отказался от 524 «именных кормильцев» (минасиробэ) и 181 царского владения (миякэ), поскольку в стране, по его мнению, могла быть лишь одна форма зависимости — государственная, зависимость от императора.

С целью укрепления социальной базы своей власти — крупных семейных групп-патронимий — Тэнти назначал их глав, поднимал их авторитет путем учреждения в 664 г. званий: «Бог патронимии» (удзи-но ками), «Основатель патронимии» (удзи-но со), «Старший патронимии» (удзи-но тёдзя). «Богу» большой патронимической группы жаловался большой меч, а «богу» малой группы — малый.

Тэнти осуществил социальное деление общества на «народ» (тами) и «чернь» (якабэ). Труд последних использовался в семейных группах.

В 670 г. в фискальных целях осуществляется перепись населения и повсеместно вводится система административных деревень (гёсэй сонраку) как средство борьбы с бегством крестьян и сокращением налоговых поступлений в казну. В деревнях этого типа отсутствовало самоуправление, а административно-хозяйственные функции выполняли назначенные из центра чиновники.

В местности Оми (совр. префектура Сига) началась работа по составлению уголовного и гражданского кодексов (Омирицу и Омирё), известных под названием «Законов Оми» (Омирицурё). Гражданский кодекс был составлен участником государственного переворота Накатоми-но Камако, обнародован в 668 г., а его автора в следующем году назначили на должность Первого министра (Дадзёдайзин) с присвоением фамилии Фудзивара. Влияние этой жреческой семьи при дворе все возрастало, особенно после 729 г., когда была нарушена традиция выбора жен для императора из императорского дома и их, а также наложниц стали брать из семьи Фудзивара. Реальная политическая власть стала сосредотачиваться в руках императриц, за которыми стояли Фудзивара.

Повышение политического престижа Японии в межгосударственных отношениях, начатое Сётоку-тайси, проявилось в 670 г., когда вместо уничижительного обозначения Японии в китайских летописях как страны «карликовых людей» в летописи «Тан-шу» Япония впервые названа «Корнем Солнца» (Жи-бэнь по-китайски, Нихон по-японски). Новое наименование страны не только указывало на расположение Японии в месте восхода солнца, но и отождествляло ее с основой солнца, солнечным корнем.

В 671 г. Тэнти умер и началась борьба за власть между сыном покойного — Кобун и его дядей Оама, младшим братом Тэнти. Кобун царствовал всего 8 месяцев и после военного поражения кончил жизнь самоубийством. Дядя-победитель провозгласил себя императором Тэмму (673—686). Эти события, известные в истории как «мятеж (годов) Дзинсин», с новой силой показали исключительную нестабильность внутриполитического положения, обострение противоречий между мелкими семьями и претерпевающими процесс распада крупными патронимическими группами, настоятельную необходимость скорейшего решения аграрного вопроса, стабилизации внутриполитического положения, укрепления государственного аппарата, осуществления военной реформы. Именно после смуты, при Тэмму, усиливается положение средних и мелких аристократических семей, а некоторых потомков знати — участников смуты — переселяют на восток и превращают в крестьян.

Крестьяне в зависимости от состоятельности подразделяются на три категории.

Зависимое население (какибэ) и земли, ранее принадлежавшие отдельным крупным семейным группам, объявляются «казенным людом» (комин) и «казенными землями» (коти).

В местности Киёмихара (р-н совр. города Осака) форсируется подготовка нового «Законодательства Киёмихара» (Киёмихарарё). Впервые провозглашается освобождение от долгов.

Вводятся ежегодные отчеты чиновников о проделанной работе. Чиновники лишаются права вмешиваться в дела церкви (за исключением двух или трех храмов).

Церкви предоставляются земли в кормление на срок от одного до тридцати лет.

Керамический сосуд. V—VI вв.

Для идеологического укрепления власти императорского дома создается комиссия по написанию летописи.

Вводится постоянная военная тренировка.

Для глав семейных групп устанавливаются новые звания с целью повышения социального положения некогда менее знатных лиц и соответствующего понижения общественной значимости бывших высоких рангов. Эти новые звания (в нисходящей последовательности) — Мабито, Асоми, Сукунэ, Имики, Митиноси, Оми, Мурадзи, Инаги — постепенно превратились в фамилии, а провинциальные должностные лица начали именоваться по местным географическим названиям.

Семейным группам предписывается сдать в казну крупное наступательное и оборонительное оружие (арбалеты, катапульты).

Китайским иммигрантам делается строгое предупреждение о недопустимости их неloyальных действий.

В провинциальных присутственных местах устанавливаются кiotы с буддийскими изображениями, вводится запрет на употребление в пищу мяса домашних животных (коров, быков, лошадей), но на мясо диких зверей запрет не распространялся.

Законодательная деятельность японских правителей продолжалась и после смерти Тэмму.

При императрице Дзито (687—696) практически была завершена работа по составлению законодательства «Киёмихарарё».

В 689 г. вводится воинская повинность, при которой каждый четвертый мужчина в семье призывался на военную службу.

Учреждается административная единица — село (сато) в составе 50 крестьянских дворов (ко).

Специальным постановлением значительно сокращается институт рабства: теперь старший брат уже не мог продать младшего в неволю, отменяется долговое рабство, дети от смешанного брака (свободного и раба) считались свободными, отпущенные рабы не могли быть снова закабалены, однако продажа детей в рабство не только не отменялась, а, наоборот, сохранялась и узаконивалась.

Запрещается раздельное проживание супругов, но в реальной жизни еще длительное время сохранялись пережитки матрилокального брака и брак в форме периодического посещения мужем жены до рождения детей и экономической самостоятельности супругов.

В 696 г. Дзито отреклась от престола в пользу четырнадцатилетнего внука (император Момму, 697—707), впервые в истории Японии «удалилась на покой» в буддийский монастырь и была первой императрицей, которую кремировали.

Особенность японского раннего средневековья состояла в том, что эксплуатацию крестьян и формирование сословий феодального общества осуществляло государство при помощи своих институтов и законодательной деятельности. Последняя получила свое окончательное оформление в своде «Законов (годов) Тайхо» (Тайхорё) 702 г., составленном из 30 кодексов. Среди этих законодательных актов наиболее важным являлось введение надельной системы (хандэн).

Аграрные отношения

Землевладение в период раннего средневековья развивалось в двух формах: государственной надельной системы и крупного частнофеодального землевладения (сёэн).

При надельной системе, согласно кодексу, вся земля объявлялась принадлежащей государству. Каждый крестьянский двор (ко, гоко) получал во временное пользование пахотную землю соответственно числу членов семьи, считая с 6-летнего возраста. Размер надела мужчины равнялся 2 танам (1 тан около 0,12 га в VIII в.), женщина получала $\frac{2}{3}$ этой площади. Каждые 6 лет должны были производиться переделы земли в соответствии с изменением числа податных лиц в семье. За крестьянской семьей закреплялись садовый и усадебный участки, а также поднятая новь.

Такое наделение земель подрывало первобытнообщинные связи.

Надельное крестьянство должно было уплачивать государству зерновой налог и налог изделиями ремесла, главным образом тканями. Помимо продуктовой ренты крестьяне выполняли барщину — работали в пользу государства и его органов управления на местах до 100 и более дней в году, что отрывало их от сельскохозяйственных работ во время самой страды. Это были типично феодальные методы эксплуатации крестьян. Уход крестьян с надела или отказ от него карался, поскольку это уменьшало получаемые с крестьян налоги и сборы.

Тяжелое положение крестьян усугублялось воинской повинностью, при которой каждый третий мужчина в семье (с 689 г. — каждый четвертый) подлежал рекрутскому набору и обязан был отслужить три года в качестве пограничного стража. Эта военная система экономически не была обеспечена: мобилизованные должны были сами экипироваться и питаться, а каждые десять рекрутов обязаны были обеспечить фураж для шести лошадей.

Поэтому для крестьян призыв на военную службу даже одного члена семьи был равносителен разорению.

Так была установлена система государственного закрепощения крестьян. Лично свободные в прошлом общинники и большинство бз составили сословие закрепощенного крестьянства, прикрепленного к земле и закабаленного феодалами. Термин бз сохранился лишь в применении к ограниченной группе ремесленников, обслуживающих двор.

На протяжении VIII в. происходило постепенное размывание наделного землепользования, что особенно проявилось в 70-е годы: подавляющее большинство наделных крестьян под тяготами барщины и непомерных поборов разорялось, пополняя ряды бедняков, а незначительная часть превращалась в относительно более состоятельных крестьян. Этому способствовало наличие в крупных семьях большого количества орудий и рабочей силы, поскольку обедневшие крестьяне бежали в другие провинции и становились батраками у состоятельных крестьян. Помимо уплаты тяжелого общегосударственного налога крестьяне эксплуатировались чиновниками. Последние хищнически стремились захватить подведомственные им земли и превратить их в свою собственность либо собрать с подвластного им населения как можно больше средств. Они беспощадно облагали крестьян дополнительными поборами. Чрезвычайно тяжелым бременем была ростовщическая ссуда. При провинциальном и уездном управлениях имелись особые зерновые фонды, остававшиеся после отправки основной массы натурального налога в столицу. Правительство разрешало выдавать часть этого фонда в качестве ссуды и получало дополнительные средства в виде процентов (30—50%). Местные администраторы, в распоряжении которых находились эти фонды, стали предоставлять ссуду неофициально, присваивая себе весь доход. Кроме того, губернаторы принуждали население брать ссуду независимо от потребности в ней, значительно завышая официальный ссудный процент.

Разорявшиеся крестьяне бросали свои земли, уходили в горы и леса, создавая отряды, именуемые в летописях как «шайки разбойников» на суше или «отряды пиратов» на море. К IX в. относится первое крупное крестьянское выступление. Во второй половине столетия крестьяне о-ва Кюсю восстали, убили губернатора и разгромили провинциальные учреждения.

Крестьяне прибегали еще к одному средству борьбы против притеснений государства: они тайно переходили в частновладельческие земли — сёэны, получая у феодала «защиту» от местной правительственной администрации. Переход освобождал крестьян от всех установленных и незаконных поборов со стороны государства, от долгов и недоимок. Впоследствии, когда сёэн стал преобладающей формой феодальной собственности, положение крестьян резко ухудшилось: их стали принуждать к обработке земель феодала в порядке барщины. Барщина имела широкое распространение. Практически барщина не была ограничена: она исполь-

зовалась в сельском хозяйстве весной при посадке рисовой рассады, при прополке сорняков, во время жатвы, при выполнении различных работ на местного феодала и чиновников центральной власти, которые широко практиковали внеэкономическое принуждение.

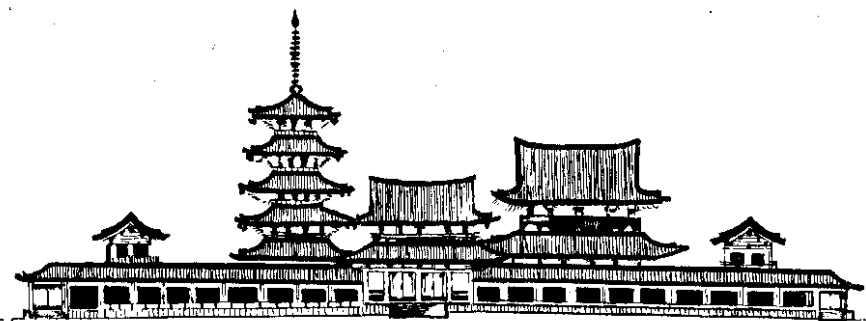
Согласно кодексу «Тайхорё», размер наделов знати зависел от титула или занимаемой должности и превышал крестьянский надел от 40 до 1250 раз. В состав таких «привилегированных наделов» входили ранговые, должностные наделы, а также наделы, полученные за «заслуги перед государством», т. е. за участие в перевороте Тайка, и жалованные императором земли — самые крупные наделы. Ранговые и должностные наделы давались на срок пребывания в том или ином ранге или должности. Жалованные наделы были пожизненными. Наделы за заслуги давались в зависимости от заслуг на одно, два, три поколения, а в отдельных случаях навечно, т. е. становились частнофеодальной собственностью.

Все прочие наделы формально давались во временное пользование на разные сроки, но поскольку владельцы привилегированных наделов принадлежали к аристократии и заполнили весь аппарат государственного управления, превращение права пользования наделами в право собственности было только вопросом времени.

К наделам знати приписывались крестьянские дворы. Число приписанных дворов менялось соответственно рангам от 100 до 800 и в зависимости от должности от 300 до 3000. Число дворов, приписываемых за «заслуги» перед государством, не регламентировалось. Приписанные крестьяне должны были отдавать половину зернового налога в казну, а другую половину — феодалу. Подать и рабочая повинность целиком шли феодалу.

Императорский двор пользовался доходами не только со своих прямых владений, но и прибавочным продуктом, взимаемым с надельного крестьянства по всей стране. Часть этих доходов в форме жалованья (шелковыми тканями, шелковой ватой, сельскохозяйственными орудиями и т. п.) двор распределял между представителями господствующего класса соответственно иерархии рангов и чинов, а также принадлежности к лагерю победителей при перевороте 645 г. Вместо прежде существовавшего порядка передачи должностей и званий только по наследственной линии все сановники и чиновники стали назначаться от имени императора соответственно табели о рангах, хотя принцип наследования сохранил свое значение.

Японская надельная система не была точной копией китайской: если в Китае земля распределялась в зависимости от трудоспособности, по возрастным группам, то в Японии — в зависимости от пола и социального положения. В Китае женщины, за исключением вдов, лишались надела, а глава семьи получал большой надел. В Японии социальное положение женщины было еще относительно высоким, она пользовалась значительно большими

Храмовый комплекс Хорюдзи

правами и свободой, в частности в семейно-брачных отношениях, а также в наследовании.

Свод законов «Тайхорё» и дополнения к нему говорят о том, что в VIII в. практиковалось раздельное наследование и законный наследник не имел еще преимуществ в наследовании: имущество делилось на равные части, распределявшиеся следующим образом: по две части получали мать наследника либо мачеха и законный наследник, по одной — младшие братья, по полчасти — женщины, а также наложницы. Таким образом, налицо относительно высокое социальное положение японской женщины, а с другой стороны, определенная неразвитость в то время патриархальных отношений. Патриарх при наделении земель не имел каких-либо преимуществ, что свидетельствует о значительно более низком уровне развития патриархальной системы в Японии по сравнению с Китаем.

Распределение земли по китайским законам осуществлялось ежегодно, а переписи производились один раз в три года, тогда как в Японии и распределение земли, и переписи осуществлялись один раз в шесть лет.

Создатели японской наделной системы учитывали безусловно опыт Китая, но исходили из реалий японской действительности, социально-экономический уровень которой был ниже, чем в Китае и Корее того времени.

Другая форма раннефеодального частного землевладения — сёэн сосуществовал с наделной системой. Большая часть раннего сёэна (середина VIII в. — IX в.) возникла в результате поднятия нови, а меньшая — на основе лесных угодий, дарованных церкви в качестве источника получения строительного материала.

Поднятие нови требовало больших затрат труда и немалых средств, что было под силу лишь состоятельным лицам. В 722 г. принимается решение поднять 1 млн. тё пустоши (1 тё в VIII в. = 1,05 га). В следующем году новь объявлялась собственностью поднявшего ее лица на 2—3 поколения и облагалась зерновым налогом. Однако для подъема 1 млн. тё земли этого было явно недостаточно, и поэтому в 743 г. поднятая новь объявляется собственностью навечно, что стимулировало развитие сёэнов.

Невозделанная земля могла быть получена либо в виде дара от императорского дома или влиятельных придворных, либо в результате правительственного разрешения на огораживание и подъем целины. Кроме того, земля могла быть приобретена путем покупки уже возделанной земли у лица, который ее поднял.

В раннем сёэне земля располагалась относительно компактно или возделываемые участки находились близко друг к другу, разделенные полосами неподнятой земли, поскольку ее возделывание зависело от наличия ирригации, согласия местных властей, отсутствия возражений провинциальных феодалов на огораживание земли и от других местных условий.

Для раннего сёэна характерна простая структура управления: владелец лично следил за состоянием дел, причем часто он был одновременно и местным административным лицом. Для сёэна этого вида налоговый иммунитет не был обязателен, поскольку невозделанные земли жаловались до подачи петиции о предоставлении иммунитета, до его получения, если он вообще даровался.

Поднятие нови стало столь широко практиковаться, что власти были вынуждены установить ограничения: наибольший размер нови — до 500 тё — предоставлялся членам правящего императорского дома и придворным высшего (первого) ранга, а наименьший — 30 тё — разрешалось поднять уездным начальникам.

В сёэне, созданном на основе лесных угодий, использовался лес для строительных целей, но на определенный срок дарованные леса, как правило, не возвращались, присваивались духовным феодалом и использовались не только по прямому назначению, но и как плацдарм для захвата или приобретения близлежащих возделываемых земель. Так, например, Великий храм Востока (Тодайдзи) в середине VIII в. получил 25 тё лесных угодий и создал на их основе сёэн Курода (провинция Ига — совр. префектура Миэ), территория которого к концу XII в. возросла в 12 раз.

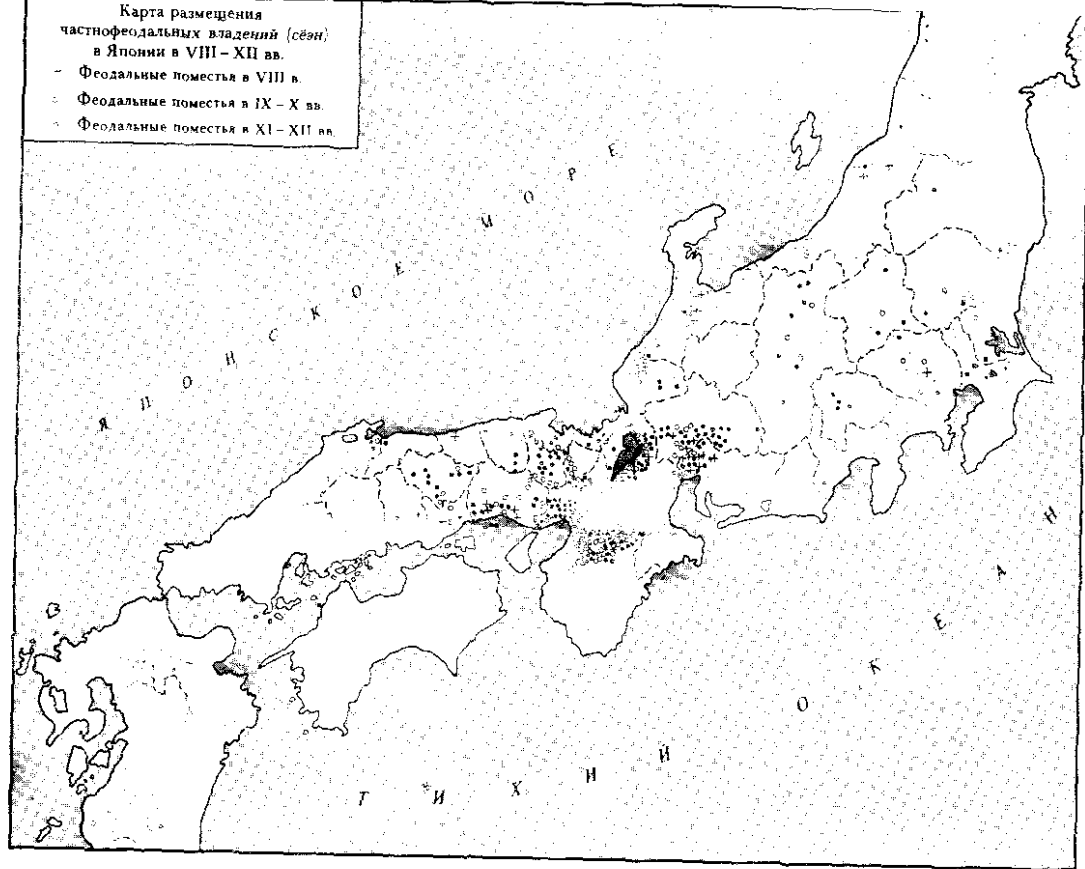
По мере усиления провинциальной власти, роста ее произвола и нестабильности социальных условий держатели ранних сёэнов стали преподносить, коммендировать свои земли более влиятельным феодалам, получая взамен покровительство и защиту при сохранении своих административных функций. Коммендация знаменовала появление нового вида сёэна, характерного для последующего периода.

В сёэне основной податной единицей был относительно состоятельный крестьянин. В документах середины IX в. (впервые в 859 г.) появляется термин «тато», что было связано с процессом огораживания земельного участка при возделывании нови. Это подтверждается написанием тато, где первый иероглиф обозначает рисовое поле, а второй — изгородь, забор.

Наиболее распространенной системой возделывания земли у тато являлся подряд, когда заключалось обычно годовое соглашение на владение землей. Тато стремились превратить подрядную землю в свое собственное, управляемое ими поле. Последнее было юридически еще слабым и неустойчивым, поскольку подряд мог

Карта размещения
частнофеодальных владений (сёэн)
в Японии в VIII—XII вв.

- Феодальные поместья в VIII в.
- Феодальные поместья в IX—X вв.
- Феодальные поместья в XI—XII вв.

и не быть возобновлен. Однако в результате сложившейся практики ежегодного возобновления подряда управляемая земля имела тенденцию превращаться в собственность подрядчика, в так называемое именное поле, а его владелец — в «именного хозяина».

Социальный и государственный строй

Законодательные мероприятия раннефеодального государства после переворота Тайка юридически оформили власть новых феодальных хозяев. В подавляющем большинстве это были потомки глав семейных групп в разлагавшейся земледельческой общине. Они составили нарождавшуюся феодальную аристократию и закрепили за собой все экономические и политические привилегии.

Надельное крестьянство превращалось в сословие феодального общества. Согласно кодексу «Тайхорё», оно именовалось «добрым человеком» в отличие от рабов — «низкого люда». Таким образом, раннефеодальное законодательство признавало рабство, обставляя рабовладение рядом юридических гарантий, определяло функции категорий рабов. Владение рабами давало возможность получить дополнительную землю: на каждого государственного раба выдавался такой же надел, как и на свободного, на каждого раба, принадлежавшего частному лицу, — $\frac{1}{3}$ надела свободного. Отдельные семьи знати владели довольно большим числом рабов, и поэтому феодал за счет рабов мог значительно увеличить свои земельные владения. Наибольшее количество рабов имелось у царского двора и буддийской церкви.

Господствующий класс стремился увеличить число имевшихся у него рабов. Основной источник получения рабов — пленные из местных «инородцев» — в то время мог иметь значение лишь на окраинах. Но и этот путь исчерпал себя с прекращением завоевательных походов. Более того, если раб случайно попадал в плен, но потом сам освобождался и возвращался в Японию, его освобождали и зачисляли в категорию свободных. Если чужеземные рабы добровольно прибывали в Японию, они освобождались и зачислялись в разряд свободных. Для пополнения числа рабов стали прибегать к насильственному уводу, похищению крестьян, особенно детей, к купле у глав семей их младших детей. В рабство можно было обратиться за преступление, за неуплату долга. Практиковалась и самопродажа в рабство. Однако все эти источники рабства были ограничены. Преобладали казенные рабы. И хотя они подвергались жестокой эксплуатации (законодательство предписывало при их содержании не допускать «излишнего расхода казенного довольствия»), все же юридически они имели право на день отдыха каждые десять дней, могли заключать браки с людьми одинакового социального положения, а дети от связи раба со свободными считались свободными. Раб мог подать прошение о переходе в сословие свободных. Раб, достигший 76-летнего возраста, становился свободным. Тайно постригшийся в монахи

Каннон босацу

раб, если он знал священные книги, считался свободным. Иными словами, положение японского раба существенно отличалось от римского «инструментум вокале» как по режиму содержания, так и в области права.

В начале VIII в. при численности населения около 6 млн. количество рабов составляло около 10% всего населения, а в отдельных деревнях и того меньше. Анализ «Тайхорё» показывает, что из всего массива Свода лишь 2,86% статей касаются положения рабов, что подтверждает их относительную малочисленность. Труд рабов применялся в основном на тяжелых строительных работах. Руками рабов и бар-

щинным трудом крестьян был построен город Нара, отлита колоссальная статуя Будды. Однако к середине IX в. рабский труд стал применяться все реже, а использование рабов в земледелии совершенно прекратилось.

Вне сословного деления находились японские парии (этá). Они селились обособленно, в «избыточных селах» (амабэ, амарибэ), имели мизерный клочок земли, меньший даже, чем у обычных крестьян. Занимались они преимущественно ремеслом, убоим скота, обработкой кожи, что запрещалось буддизмом.

Высшим правительственным органом стал Государственный Совет (Дадзёкан) при императоре. Центральному правительству подчинялось 8 ведомств (двора, культа, складов и финансов, верховных дел, гражданских дел, церемоний и чинов, военных и публичных дел).

Страна была поделена на провинции, подразделявшиеся на уезды. В этих административных единицах были созданы органы управления с губернаторами и уездными начальниками во главе. Уездные начальники осуществляли административный контроль над крестьянскими поселениями деревенского и сельского типа, храмовыми селами (камубэ), почтовыми дворами и «избыточными сёлами». Провинциальная администрация подчинялась центральной власти.

Весь этот административный порядок складывался в течение

более полувека и юридически был оформлен в своде законов «Тайхорё».

Другим знаменательным памятником раннефеодального государства является «Закон из 17 статей». Ранее он приписывался Сётоку-тайси и датировался 604 годом, однако современные исследователи относят его составление на 100 лет позднее смерти Сётоку, который умер в 622 г. В этом памятнике отразились как буддийские, конфуцианские, так и даосские влияния. Здесь сформулированы положения того политического строя, который был создан в результате «Реформ Тайка». «Закон» констатировал усиление царской власти, опиравшейся на разветвленный бюрократический аппарат.

Формирование раннефеодального государства привело к возникновению городов — административно-политических, ремесленно-торговых и религиозных центров. Еще корейско-китайские переселенцы в 320 г. основали город Нанива (совр. город Осака). С 593 г. существовал город Асука, также, по-видимому, возникший при сильном влиянии северо-корейской культуры Когурё. Однако последующее градостроительство проходило уже под определяющим влиянием Китая. В период Нара (710—784) и Хэйан (794—1192) планировка столиц повторяла китайскую модель — город Чанъань (совр. город Сиань). Согласно китайскому образцу, эти города были ориентированы по странам света с обращенными на юг главными воротами. На севере Хэйан располагался обширный дворцовый квартал, где помещались правительственные учреждения. Фасад дворца был обращен к югу, откуда для верующих буддистов исходил «Предвечный свет Чистой Земли» — обители Будды. В ограде дворцового квартала было несколько ворот. Главными были центральные — «Ворота Красной птицы»¹. От этих ворот шла прямая магистраль, пересекавшая столицу с севера на юг, — «Проспект Красной птицы». Он заканчивался большими воротами, служившими главным входом в город. Восточная половина Хэйан, расположенная по левую сторону от проспекта, именовалась «Левым городом», а расположенная по правую сторону западная половина — «Правым городом». Параллельно проспекту как в Левом, так и в Правом городе шли улицы. Проспект и улицы пересекались под прямым углом дорогами. Улицы и дороги образовывали кварталы, в пределах которых пролегли переулки.

Города Нара и Хэйан являлись относительно крупными ремесленно-торговыми центрами, где ремесленники-крестьяне, обслуживавшие императорский двор и феодалов, продавали на двух городских рынках в Левом и Правом городе высококачественные военные изделия, предметы роскоши, парчу, металлические изделия, сельскохозяйственные орудия и другие товары.

¹ «Красная птица» — одно из божеств четырех стран света китайской мифологии и в то же время наименование «Южного созвездия», господствующего над всей южной стороной неба.

Правление регентов и канцлеров

Нестабильность внутриполитического положения — характерная черта раннего средневековья. Помимо классовой борьбы крестьян против феодалов она определялась непрекращавшимся соперничеством в правящем лагере, что проявилось в поражении (785) телохранителей императора из группы Отомо и укреплении жреческой группировки Фудзивара. Стремясь ослабить императорский дом, Фудзивара захватили императора и увезли его на север, в провинцию Ямасиро, где в 784 г. началось сооружение новой столицы «мира и покоя» (Хэйан).

Внутри господствующего класса все отчетливее складывались три группы.

Первую составляли феодалы, входившие в число столичной служилой и придворной знати.

Ко второй принадлежали феодалы, занимавшие высокие должности в провинциальном государственном аппарате. Будучи выходцами из столицы, они постепенно оседали в местах своего назначения.

Третья группа состояла из низшей знати, никогда не покидавшей провинции.

Среди придворной аристократии на первом месте находилась группа Накатоми, с древнейших времен связанная с синтоистским религиозным культом и поэтому пользовавшаяся большим влиянием. Глава этой группы Каматари участвовал в перевороте Тайка и сделался фактически одним из наиболее влиятельных лиц в стране. В 669 г. ему была присвоена фамилия Фудзивара. Его потомки закрепили за собой руководящее положение, сосредоточивая в своих руках наиболее важные должности.

К 729 г. Фудзивара возвысились настолько, что обязали императора брать себе жен только из их семейной группы. В 858 г. Фудзивара добились места регента при малолетнем императоре, а в 887 г. захватили и пост канцлера при подросшем правителе. Установилось правление регентов-канцлеров (сокращенно сэккан).

Период раннего сэккан, продолжавшийся около 40 лет, характеризуется еще относительной самостоятельностью императора, не всегда находившегося в отношении с Фудзивара (например, император Уда в конце IX в.), и определенной политической несостоятельностью самих регентов и канцлеров, что являлось следствием их экономической слабости. Фудзивара ориентировались на государственные должности, замещавшиеся их родственниками, на ранговые и должностные надель с приписными крестьянскими дворами, т. е. на надельную систему. Частнофеодальное крупное землевладение у них тогда еще отсутствовало.

В связи с экономической и военной слабостью раннего сэккан в 895 г. страна была закрыта для внешнего мира, отношения с Китаем и Кореей прерваны, въезд и выезд запрещен под угрозой смертной казни.

Культура в период становления феодалных отношений

Создание свода законов «Тайхорё» и «Закона из 17 статей» способствовало укреплению в сознании крестьян идеи законности, что было характерной чертой раннефеодалного общества.

Укреплению императорской власти способствовали первые летописи: «Запись о деяниях древности» («Кодзики», 712 г.) и «Анналы Японии» («Нихон сёки», сокращенно «Нихонги», 720 г.). Перед составителями летописей была поставлена политическая задача: «исторически» обосновать право императорского дома на власть. Эта задача была осуществлена путем прямого искажения исторической действительности. Императоры изображались потомками богов, в особенности богини Солнца Аматэрасу — главного божества синтоистского пантеона. Начало императорской династии было отнесено к 660 г. до н. э. Поскольку история страны в то время не давала достаточного материала для построения такой длительной генеалогии императорского дома, составители хроник прибегли к прямым заимствованиям из китайских династийных историй и к нагромождению всевозможных небылиц. Более достоверные сведения хроники содержат с V—VII вв., освещающая, однако, преимущественно события придворной жизни.

В летописях зафиксированы древние мифы, сказания и легенды. Мифы были основаны на устной традиции императорского дома и тесно с ним связанных семей.

Мифическая часть летописей подтверждает наличие у японцев первоначального безрелигиозного периода и стихийно-материалистического мировоззрения. Анализ мифологии позволяет реконструировать дуальную социальную организацию, характерную для ранней стадии развития человеческого общества, элементы первобытной демократии (совет богов), установить наличие в древности относительно высокого социального положения женщины, возникновение ранней, магической формы религии.

При критическом подходе к летописям, как убедительно показали советские исследователи, и прежде всего академик Н. И. Конрад, из них можно извлечь рациональные зерна для реконструкции древней истории Японии и выявления общих закономерностей развития страны.

Если в VIII в. мифы использовались для обоснования политического господства императорского дома и его ближайшего окружения, то в настоящее время японская мифология изучается с целью решения проблемы происхождения японского народа. Ни один из японских мифов не имеет исключительно местного происхождения, налицо аналоги за пределами Японии. Сравнительное изучение мифов Японии, Кореи, Китая, стран Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана показывает идентичность представлений древних японцев и народов сопредельных стран Дальневосточного региона о происхождении мира и Земли, о земледелии и сельскохозяйственных культурах. На этом основа-

нии делается вывод о происхождении некоторых этнических компонентов японского народа из районов распространения идентичных мифологических представлений.

В начале VIII в. были составлены «Записи обычаев и земель» («Фудоки»), представлявшие собой географо-этнографические описания провинций. Они включали подробное административное деление провинции, перечисление и объяснения географических названий, данные о производимых в провинции продуктах, о флоре и фауне, местные старинные сказания и легенды, описания достопримечательностей.

Во второй половине VIII в. составляется первый свод японской поэзии «Собрание мириад листьев» («Манъёсю»), в котором наряду с лирическим описанием природы и человеческих отношений имелись образцы зарождения социальной темы (Яманоз Окура), сатиры (Отомо Табито), правдиво отражались тяготы рекрутской службы, своеобразие семейно-брачных отношений.

При храмах и дворцах во время синтоистских и буддийских праздников исполнялись священные пляски, сопровождавшиеся инструментальной музыкой и пением. Эти представления имели магическое или обрядовое назначение. В праздник «Умиротворения душ» танцовщица плясала на опрокинутом чане с веткой бамбука и копьем в руках, имитируя миф об удалении Аматаэрасу в Небесный грот и ее последующее появление. Дворцовые телохранители исполняли воинские пляски с мечами. Бродячие скомоорохи выступали с музыкально-песенными и танцевальными номерами, посвященными посевам или посадке рисовой рассады, новому урожаю, прославлению амбара.

Одним из важных политических мероприятий укрепления власти раннефеодального государства было дальнейшее внедрение буддизма: строились монастыри, росли ряды монахов. К 624 г. в Японии уже насчитывалось 46 буддийских храмов и 1385 монахов. Монахи в своем большинстве были наиболее образованными людьми и часто ездили в другие страны, как правило, в Китай. Монастыри имели значительные земельные угодья, к ним приписывались крестьяне. Монастырское хозяйство стало типичным частнофеодальным владением.

Первые города возникли вокруг монастырей. В городе Нара находилось семь буддийских монастырей, главным среди которых был «Храм торжества Закона» (Хорюдзи) — первый монастырь в Японии, основанный в 607 г. Это древнейший образец деревянного храмового зодчества. Монастырь стал памятником японского национального искусства. Его главное здание — храм Золотой павильон (Кондо) — имело настенную роспись работы корейского художника Тамджин из Когурё. Все сооружение было выдержано в стиле Асука¹ с характерным ветвистым растением

¹ Асука — наименование периода с 593 по 710 г. по месту резиденции двора правителя в современной префектуре Нара, где археологами раскопан храм Асука-дэра.

Храм Тодайдзи

в орнаменте. Этот орнамент впервые появился в Египте и Ассирии, получил свое завершение в античной Греции и перешел затем во все страны Востока.

Фрески Хорюдзи, погибшие во время пожара 1949 г., подтверждали связь японского искусства VII в. с индийским искусством времен империи Гуптов IV—V вв. В храме имелся ковчег, расписанный картинами из жизни Будды, и шелковый занавес с вышитой картиной «небесного царства» и изречением Сётоку-тайси: «Наш мир — обман. Только Будда — истина». Предание приписывало вышивку жене Сётоку-тайси — Татибана Ирацумэ, которая верила, что своей работой она будет способствовать возрождению усопшего супруга в потустороннем мире.

Другим знаменитым монастырем был «Великий храм Востока» (Тодайдзи), сооружение которого было закончено в 759 г. Само название монастыря говорит о том значении, которое ему хотели придать основатели: они мечтали превратить его в оплот буддизма на всем Востоке. Поэтому главный храм монастыря был посвящен важнейшему божеству буддийского пантеона Вайрочане — Будде «Всеозаряющий свет». В храме и по сей день высится отлитая из бронзы позолоченная статуя сидящего Вайрочаны. Высота фигуры около 16 м, а ширина одного глаза — 1 м. Для той эпохи это было чудо литейной техники. В храме находились многочисленные предметы искусства — скульптура, изделия художественных промыслов из бронзы, золота и лака.

Монастыри вокруг города Хэйан превратили его в крупный религиозный центр. Монастырь Энрякудзи на горе Хиэй был центром секты «Опора небес» (Тэндай), а монастырь Гококудзи — секты «Истинного слова» (Сингон).

Ранний японский буддизм основывался на принципе «служения государству», и поэтому его условно можно назвать «придворным буддизмом». Однако по мере ослабления политического влияния двора идеологические установки этого буддизма перестали отвечать запросам времени. Назрела необходимость в обновлении религиозной доктрины. Новые секты отвечали этим требованиям. Своим кредо они считали «служение вере», их сторонники объединялись в буддийские общины, которые по замыслу руководителей должны были быть организационно и экономически самостоятельными.

Эти секты первоначально имели успех лишь среди фрондирующих слоев эксплуататорского сословия. Однако возникновение сект знаменовало новую тенденцию в распространении буддизма. Он стал отражать в религиозной форме назревавшие в обществе социальные противоречия, что особенно наглядно проявилось позднее, в XIII в., когда буддизм проник в среду крестьян, ремесленников и горожан, обретя черты «простонародного буддизма».

Глава 3

Развитие феодальных отношений (X—XIV вв.)

Развитие феодальных отношений в Японии происходило в обстановке самоизоляции страны и проявилось прежде всего в дальнейшем распаде надельной системы и росте частнофеодального землевладения сёэн.

Первоначально сёэн возник в результате освоения нови во второй половине VIII в., но его значительный рост приходится на X в. Дальнейшее развитие сёэна связано с приобретением прав на использование барщины, причем знать и церковь со временем уже не довольствовались одним барщинным трудом крестьян, а стали предъявлять права и на землю, возделывавшуюся этими крестьянами. Сёэны этого типа имели распространение в XI—XII вв. в относительно экономически развитом центральном районе Кинай (район современного города Осака).

В X в. возник сёэн коммendaционного типа, широко представленный в XII в., когда сёэнская система находилась в зените. По мере ослабления центральной власти и усиления произвола провинциальной администрации местные землевладельцы для гарантии безопасности своего владения коммандировали свои земли губернатору, оговаривая себе либо должность приказчика, либо управляющего на ранее принадлежавших им землях. Губернатор в свою очередь часто коммандировал эту землю либо представите-

лю придворной аристократии, прежде всего Фудзивара, либо самому императору. При такой двойной коммемдации губернатор становился владельцем, а вышестоящее лицо — патроном, покровителем сёэна. Для сёэна этого типа характерна пирамидальная структура землевладения, где низшим звеном являлся первоначальный коммемдатор, а высшим — покровитель-аристократ или сам император. Каждое звено этой социально-экономической лестницы имело свои права и обязанности. Администрация сёэна должна была следить за исправным внесением рисового налога и выполнением барщины.

Размер основного налога обычно определялся на основе переписи. В принципе каждое новое поколение владельцев осуществляло перепись с целью наиболее полного учета площади рисовых полей и установления новой нормы налогообложения. Местное население стремилось утаить возделываемые земли. Владельцы сёэнов, как и низовая провинциальная администрация, пытались расширить свои земли за счет казенных полей, но даже в период наибольшего развития сёэнов (со второй половины XI и на протяжении XII в.) казенная земля хотя и сократилась, но еще продолжала существовать, а в более отсталых районах свыше 50% земли находилось под юрисдикцией государства, что свидетельствовало о сохранении социальных отношений, порожденных введением надельной системы. Поэтому наряду с численным ростом сёэнов после периода временного упадка имело место возрождение, новое усиление государственной власти в провинциях, укрепление низовых единиц провинциального управления. Основой этого повторного усиления как центральной, так и провинциальной власти был сёэн коммемдационного типа.

Главной обязанностью патрона являлось ограждение сёэна от посягательств извне. Если он этого не делал, владелец сёэна мог его перекоммемдировать другому покровителю. Права патрона могли завещаться, наследоваться, продаваться полностью или частично, но все подобные операции не затрагивали производственной основы сёэна. Права патрона не распространялись на компактное владение, поскольку сёэн коммемдационного типа был рассеян территориально.

Заброшенные участки надельной земли, покинутые крестьянами и включенные в сёэн, именовались сёэном типа «разбросанных полей» (сандзё). На этих землях возникли особые поселения бродяг, беглых крестьян и ремесленников, именовавшихся «людьми сандзё». Они производили работы, не выполнявшиеся крестьянами. Экономическую основу сёэна этого типа составляли ремесленники, освобожденные от налогов, податей и повинностей, связанных с владением землей, но обязанные выполнять повинности для удовлетворения хозяйственных нужд феодала. Экономическая власть феодала в этих сёэнах была относительно слабее, чем в сёэнах других типов, что давало жителям «разбросанных полей» возможность накапливать некоторые излишки и продавать их на рынке.

В период начавшегося распада сёэнов, особенно в XIV—XV вв., когда феодалы стали широко наделять своих вассалов землей, отвоёванной у противников, возник сёэн жалованного типа.

Для создания сёэна и утверждения местного землевладельца в обязанностях и правах приказчика или управляющего требовалось либо письменное удостоверение центрального правительства, либо разрешение губернатора. Удостоверения, полученные при создании сёэна, имели общее наименование «удостоверений учреждения» и являлись документом, подтверждавшим законность сёэна. Если такой документ отсутствовал, сёэн конфисковывался.

Сёэн, прежде всего коммendaционного типа, был экономической основой правления регентов и канцлеров на завершающем этапе их политического господства (X в. — 1068 г.). В этот период позднего сэккан Фудзивара занимали доминирующее положение не только в центре, но и в провинции, замещая своими родственниками должности губернаторов, и на протяжении X в., начиная с 902 г., неоднократно издавали указы об «упорядочении» сёэнов. Признавались лишь те сёэны, на которые имелись выданные губернаторами (Фудзивара) документы, подтверждающие право владения. Эти указы были направлены против императорского дома, поскольку отменяли феодальную земельную собственность, обладающую по указу императора налоговым иммунитетом. Такое «упорядочение» проводилось в интересах Фудзивара, которые в период регентско-канцлеровского правления владели 402 сёэнами, причем 116 из них находились в центральном районе Кинай и были созданы главным образом путем коммendaции.

Произвол Фудзивара, коррупция чиновничьего аппарата и моральная деградация буддийского духовенства — характерные явления для X в., нашедшие отражение в источниках того периода.

В переписях начала X в. губернаторы с целью присвоения налогов занижали количество податного населения, налогоплательщиков, резко увеличивали число женщин. В ряде населенных пунктов, согласно этим лжепереписям, проживали одни лишь женщины.

Второй источник — «Памятная записка» Миёси Киёцура, крупного ученого, математика, литератора, историка. Автор, широко используя переписи VIII и X вв., красочно описал события, свидетелем которых он был. Миёси прежде всего отметил резкое сокращение численности населения, в частности количество податных лиц (оно уменьшилось, по его мнению, на $\frac{2}{3}$). Записка отразила практику продажи земли, превращения полей в личную собственность: «Богатые люди все более и более извлекают выгоду из земли, скапливающейся в их руках».

Миёси привел описание обряда чтения молитв об урожае (4 февраля) и молитвы о защите богов, читавшиеся первоначально ежемесячно, а затем два раза в год (11 июня и 11 декабря), когда направлялись жертвоприношения в храмы. В эти дни на площади перед Ведомством по делам культа на столах размещались для жертвоприношения связки белой бумаги, шелковые полосы, круж-

ки с сакэ, копья с железными наконечниками, а рядом ставились лошади, предназначенные для храмов. На площади присутствовали представители храмов, чиновники Государственного Совета, придворная аристократия. Чиновник культового ведомства зачитывал молитвы, а затем распределял жертвоприношения по храмам. Ритуал предписывал представителям храмов поститься и в сохранности доставить приношения в свои храмы. Вместо этого на виду у всех они набрасывались на «святые дары», залпом выпивали сакэ, спешно обматывали вокруг себя шелковые полосы, судорожно отламывали наконечники копий и прятали их за пазуху, хватали коней и выводили их за дворцовые ворота навстречу поджидавшим перекупщикам.

В то время существовала практика ежегодного возведения в сан священнослужителя монахов, сдавших экзамены, а при чрезвычайных обстоятельствах (болезни, смерти в императорском доме) производилось массовое пострижение в монахи до 1 тыс. человек. Миёси отмечал, что среди постриженных «больше половины плохих и испорченных» лиц, что крестьяне, уклоняясь от налогов, самовольно постригались в монахи и без разрешения носили монашеское одеяние, что $\frac{2}{3}$ населения стало монахами, которые получили свои должности за взятки, все приношения в храм использовали в целях личного обогащения, имели жен и детей, вели свое хозяйство, занимались торговлей, тайно изготавливали монеты, собирались в шайки разбойников, грабили на дорогах, оказывали вооруженное сопротивление властям, одним словом, заслуживали, по мнению самого автора, определения «бесстыжие типы».

Дворцовая стража «вместо того, чтобы быть столичными тиграми, охраняющими дворец, превратилась в деревенских волков, грабивших страну».

В столицу поступало много жалоб на беззакония лихоимствующих губернаторов. Чиновники, направленные на расследование, прежде всего арестовывали губернатора и учиняли допрос с пристрастием. Миёси указывал, что сначала надлежало бы установить

Ко-Омoko — женская маска театра Ноо. XV в.

виновность должностного лица, а затем уже арестовывать, в противном случае его авторитету наносился ущерб.

Поскольку губернаторы в подавляющем большинстве являлись родственниками Фудзивара, источник отразил их произвол и деспотический характер власти.

Происхождение, источники формирования, организационная структура и идеология самурайства

Социальной опорой регентов и канцлеров являлось дворянское, самурайское сословие.

Существовало три источника формирования самурайского сословия. Основная масса самурайства вышла из крестьянской верхушки, зажиточного крестьянства, в результате углубления процесса социальной дифференциации.

Второй путь — наделение земель домашних слуг. Принадлежа к семейной группе, но не находясь в родственных или свойственных отношениях с ее главой, они первоначально трудились за рисовую похлебку и в случае военной необходимости с оружием в руках защищали земельные владения этой семьи. Из-за отсутствия материальных стимулов ведения боевых действий их боеспособность была низкой, что особенно сказывалось на северо-востоке, где предки современных айнов совершали непрерывные набеги. Тогда главы семейных групп стали наделять слуг землей, что сразу сказалось на повышении их боеспособности, ибо теперь они сражались не за харчи, а за свою, лично им принадлежавшую землю.

В-третьих, верхи самурайского сословия пополнялись за счет губернаторов, которые, обогащаясь на основе коммендируемых им сёэнов, превращались в крупных феодальных собственниках.

Самурай объединялись в отряды (то) и в более крупные группы (дан). Эти формирования состояли из кровных родственников, свойственников, их вассалов и возглавлялись либо главой семейной группы, либо старшим из наиболее влиятельной самурайской семьи в округе. Самурайские подразделения выступали на стороне враждующих феодальных группировок, стремившихся заручиться поддержкой наибольшего числа самураев, от боеспособности и численности которых зависел успех или поражение в междоусобных войнах.

Среди самураев выделились две основные соперничавшие группировки: Тайра и Минамото.

Внутри самурайских групп отсутствовало единство, что проявлялось в мятежах и умело использовалось правящим лагерем для подавления военной оппозиции. В этом отношении показательны мятеж 936 г. Фудзивара Сумитомо на о-ве Кюсю и мятеж 938—946 гг. на востоке, поднятый Тайра Масакадо с целью захвата престола. Масакадо провозгласил себя императором и назна-

чил своих губернаторов в восточные провинции. На подавление этого мятежа был направлен другой представитель той же семейной группы — Тайра Садамори. Эти выступления самураев явились предшественниками других аналогичных мятежей, число которых увеличилось во второй половине X в., что знаменовало собой усиление процесса феодализации в период раннего средневековья.

Идеология самурайского сословия отразилась в военных эпосах, крупнейшими из которых являлись «Повесть о доме Тайра» и «Повесть о великом мире». В первой повествовалось о соперничестве Тайра и Минамото, во второй — о борьбе за власть между западными и восточными феодалами.

Военные эпосы сложились на основе народных устных сказаний, излагавшихся странствующими слепыми сказителями, аккомпанировавшими себе на разновидности японской домбры (бива). В этих произведениях отразилось мировоззрение самурайского сословия — «Путь воина» (бусидо), в основе которого лежало буддийское учение о предопределенности судьбы (карма), идея бренности, непрочности всего земного, фатализм.

В качестве норм поведения прославлялись верность вассала своему господину, мужество, скромность, самопожертвование, утверждался приоритет долга над чувством, словом, идеализировался феодальный рубака. Однако в реальной жизни самураи не обладали всеми этими качествами, что подтверждается наличием большого числа прошений с изложением обстоятельств проявления воинской доблести, написанных самими самураями для получения вознаграждения. Самовосхваление было типичным явлением в повседневной жизни самураев. Мораль самопожертвования первоначально также отсутствовала. Они стремились прежде всего к личной славе, добивались получения земельного владения и обеспечения своей семьи, а верность господину служила лишь средством для достижения этой цели.

В «Пути воина» имел место синтез трех идеологических течений: японского синто с его идеей патриотизма, доходящего до верноподданничества; китайского Чан (Дзэн) буддизма с концепцией самоконтроля и самообладания, выработки психологического настроя путем самососредоточения (медитации) и вхождения в небытие перед лицом смертельной опасности; конфуцианства с проповедью верности долгу, послушания господину, морального совершенствования, презрения к производимому труду, убежденности в извечности эксплуатации крестьян как Всеобщего Закона, «Пути Вселенной» (дао).

В дальнейшем, когда идеология самурайства пустила глубокие корни, «истинный самурай», отправляясь в поход, давал три обета: забыть навеки свой дом, забыть о жене и детях, забыть о собственной жизни. Самоубийство вассала (вспарывание живота) после гибели сюзерена стало традицией. Примечательно, что утвердившийся в европейской литературе термин «харакири» имеет для японцев ироническую окраску в отношении самурая, неудачно

«распоровшего живот». Истинный социальный смысл этого действия определяется как демонстрация беспредельной верности вассала господину и связывается с термином «сэппуку» — иероглифы те же, что и в «харакири», но «облагороженные» прочтением по-китайски.

Самураи оспаривали друг у друга первенство в бою. С этой целью они стремились перед боем первыми во всеуслышание назвать себя, чтобы прославиться, затем, вызвав на поединок «достойного» противника, отсечь ему голову и предьявить ее в качестве почетного трофея (голова «недостойных» врагов с презрением выбрасывались).

Правление экс-императоров

Сокращение земельных владений императорского дома в результате «антисёэнской» политики регентов и канцлеров Фудзивара имело своим следствием утрату императорами их политического влияния, что проявилось в исчезновении в источниках упоминания об их «божественном происхождении», а с 969 г. — и самого термина «император» (тэнно), замененного на «отрекшийся император» (ин). Император отрекался от престола в пользу своего малолетнего сына и постригался в монахи.

Социальной опорой экс-императоров являлось самурайство и прежде всего провинциальное самурайство, возникшее на основе превращения губернаторов в крупных феодалных землевладельцев.

Если ранее реальная власть в императорском доме была в руках матери и жены императора, происходивших из дома Фудзивара, то теперь отрекшийся император приобретал всю полноту власти и, не обремененный никакими ограничениями, стал пользоваться поддержкой самурайства, провинциальных должностных лиц и церкви. Теперь он мог реально восстановить и приумножить земельные владения императорского дома, выйти победителем в борьбе за власть между соперничавшими придворными группами, отеснить от власти Фудзивара. Императорскому дому надо было прежде всего вернуть себе экономическое влияние путем увеличения своих земельных владений. Для реализации этой цели первоначально использовались губернаторы, которым предписывалось в интересах императорского дома «упорядочить» сёэны, упразднить «незаконные» земельные владения. Однако вскоре обнаружилась полная несостоятельность губернаторов в этом деле, поскольку они были лично заинтересованы в сёэнах коммемориационного типа. В 1069 г. учреждается ведомство по регистрации сёэнов. Это ведомство не признавало законными сёэны, документально не оформленные и созданные после 1045 г., принадлежавшие главным образом Фудзивара. И хотя ведомство просуществовало всего четыре года, его деятельность способствовала значительному росту земельных владений императорского дома за счет конфискованных земель. Таким образом к XII в. поразительно быстро выросли бывшие «карликовые» владения императорского дома, у

которого возник огромный сёэн, простиравшийся более чем на тысячу мест, расположенных в 60 провинциях. Императорский дом снова превратился в крупнейшего земельного собственника, которому стали коммендировать земли, в особенности самурайская группа Тайра.

В сёэне XII в. основной податной единицей стал «именный хозяин» (мёсю) — зажиточный крестьянин, укрепивший свои права на землю. Становление крестьянской собственности на землю отразило развитие производительных сил в сельском хозяйстве. В большем объеме стали использоваться разные виды удобрения, вводится севооборот, что давало возможность получать при благоприятных погодных условиях по 2—3 урожая в год, особенно на юго-западе. Возросла численность населения, составившая XII в. более 11,32 млн. человек¹.

У сельских богатеев создавались определенные излишки прибавочного продукта, которые направлялись на рынок.

Барщина и многочисленные налоги тяжелым бременем лежали на крестьянах. За невыполнение повинностей не только сгоняли с земли, разрушали жилища, но и отрезали уши, как это практиковалось в Англии времен Стюартов. На усиление эксплуатации крестьяне повсюду, даже в самых отдаленных районах, отвечали восстаниями. В центре страны эти восстания приобрели такую силу размах, что угрожали самой столице. Восставшие громили и сжигали правительственные здания и дворцы знати, нападали на тюрьмы, освобождали заключенных. Правительство не могло справиться с движением и призывало на помощь крупных феодалов с их дружинами и отрядами вооруженных монахов.

Этот период в истории страны именуется правлением экс-императоров (Инсэй) и обычно датируется 1068—1167 годами, хотя практика самопострижения императоров в монахи существовала и позднее, когда экс-императоры противостояли правлению самураи и стремились вернуть себе всю полноту власти.

Развитие японских городов

Экономической основой обострения социальных противоречий явилось развитие товарно-денежных отношений и рост городов, что определялось ростом ремесленного производства в X—XIV вв.

Японские города по своему происхождению подразделялись на четыре типа: прихрамовые, сложившиеся вокруг буддийских храмов и монастырей (Нара и Хэйан), почтовые, возникшие на основных дорогах (Оцу), портовые (Хёго, Сакаи) и призамковые (Нагоя). Последние стали особенно многочисленными в XVI в., в период развитых феодальных отношений.

Столицей продолжал оставаться Хэйан, который хотя и сгорел дотла в апреле 1177 г., однако вскоре был отстроен заново, переимено-

¹ Средний ежегодный прирост населения с VIII по начало XVII в. составил около 13 300 человек.

нован в Столичный город (Киото) и сохранил свое административно-политическое, экономическое и религиозное значение.

Социально-экономические изменения в раннефеодальном обществе проявились в новой стратификации Киото: в XIII—XIV вв. город уже четко делился не вдоль оси «север—юг», как это было ранее в Хэйане, а распался на северную часть — квартал аристократов, и южную — район горожан. Такое компактное расселение ремесленно-торгового люда отражало процесс углубления социального размеживания и возросшую экономическую роль рынка, в орбиту которого постепенно втягивались и близлежащие деревни.

На столичном рынке в XI в. возникли специальные объединения ремесленников (дза). В дза в период его возникновения ремесленник и торговец составляли одно лицо: торговля в то время еще не отделилась от ремесленного производства. Термин «дза» (сидеть) сначала обозначал место на рынке, где ремесленники одной специальности продавали свои изделия, затем объединения лиц одной профессии, обладавшие монопольным правом на производство и сбыт своей продукции. Необходимость в монополии диктовалась большой конкуренцией при относительно низком спросе на изделия ремесла. Монополию гарантировал феодал-патрон, им мог быть и придворный аристократ, и храм. Ремесленники расплачивались за покровительство изделиями своего ремесла или единовременным сбором.

Первый дза возник в 1092 г. в провинции Ямасиро (р-н совр. Киото), затем стали образовываться дза артистов и художников, дза кузнецов в городе Нара при храме Тодайдзи. Это были дза обслуживания нужд феодала — ранний вид ремесленного объединения. К их числу относились и специальные объединения поставщиков двора и церкви, монопольно снабжавшие своих сюзеренов продуктами питания и ремесленными изделиями. Дза обслуживания феодала обеспечивались кормовыми рисовыми полями, что свидетельствует об отсутствии в то время отделения ремесла от сельского хозяйства.

Уровень экономического развития городов был разным: западные города, находившиеся в экономически более развитом районе, превосходили восточные. Товары продавались не только на городских рынках, где усилилась специализация (в Киото, например, возник специальный рынок леса), но и в местах жительства ремесленников-торговцев. Товары стали вывозиться даже в отдаленные районы северо-востока (совр. префектуры Ниигата и Аомори).

У почтовых станций, вдоль больших дорог, в портах, вдоль рек, в провинциальных городах примерно с XI в. возникли рынки, которые открывались три раза в месяц, — свидетельство наметившейся порайонной специализации. Однако качество и ассортимент провинциальных изделий значительно уступали столичным. На рынках преобладал товарообмен. Средствами обмена выступали ткани, рис, монеты, главным образом китайского производства, поскольку с 958 по 1587 г. в Японии монеты не изготавливались.

Камакурский сёгунат (1192—1333)

Наряду с обострением классовой борьбы в период правления экс-императоров усилилось и соперничество между отдельными группами самурайского сословия, обострилась борьба Тайра и Минамото.

Минамото удалось в 1185 г. в битве при Данноура (бухта к востоку от Симоносэки) наголову разгромить Тайра. Присвоив себе в 1192 г. звание главнокомандующего (сёгун), они учредили свою штаб-квартиру на востоке в городе Камакура. Создание резиденции в Камакура было вызвано стремлением Минамото ослабить власть императорского дома и намерением создать свое независимое правительство. По наименованию местонахождения штаб-квартиры в японской историографии выделяется период Камакурского сёгуната, для которого характерно двоевластие. Хотя Камакура являлся столицей сёгуната, он был расположен в отдаленном восточном районе, что в конечном счете предопределило его экономическую слабость и привело к гибели. Киото продолжал оставаться важнейшим экономическим центром: в XIII в. там насчитывалось 44 ремесленно-торговых объединения дза, тогда как в Камакура их было всего 27. К тому же киотоские дза были экономически сильнее камакурских.

В начале 80-х годов XII в. Минамото стремились охватить своей властью все население страны, однако в условиях социального хаоса это было невыполнимо. Поэтому хотя двор, утратив контроль над восточными провинциями, был вынужден санкционировать политическую власть самурайского сословия, уже во второй половине 80-х годов самураи побудили императора снова взять на себя функции управления невассалами сёгуна, что юридически было оформлено в специальном указе 1205 г., согласно которому все апелляции невассалов сёгуна надлежало направлять в Киото на рассмотрение экс-императора. Кроме того, все внешнеполитические связи контролировались киотоским двором, а не сёгунатом.

Экономической основой двоевластия является сёэн, начавший распадаться, дробиться, поскольку земли противников сёгуна распределялись среди его вассалов, которые превращались в мелкопоместных дворян, самураев. Однако сёгунат зорко следил за своими вассалами и ограничивал процесс их феодализации, стремясь сохранить сёэн как экономическую основу своей власти. Поэтому хотя сёэнская система претерпевала распад, отдельные сёэны просуществовали до XVI в. как форма землевладения двора, придворной аристократии, церкви и самурайского сословия.

В XIII в. началось размытие основной податной единицы в сёэне — «именных хозяев» — этого промежуточного социального слоя, на одном полюсе которого образовались «новые имена» — мелкие феодалы и самураи, осевшие на землю, а на другом — мелкое крестьянство. Это знаменовало развитие процесса социального размежевания сословий крестьян и дворян (самураев).

Мелкие крестьяне в большей степени, чем зажиточные, нуж-

Сад Дайсёи-ин монастыря Дайтокудзи

дались в коллективной защите своих интересов, что вело к некоторому укреплению сельской общины, которая в законодательстве начала XIV в. определялась в составе четырех деревень. В предшествующий период в деревне, именуемой сёэнской, должностные лица назначались главным образом из центра для взимания с крестьян налогов и повинностей. Такие деревни, по существу, распадались на отдельные изолированные друг от друга хутора, которые в период преобладающего господства «именных хозяев» объединялись лишь формально. Разумеется, там, где производственный процесс требовал коллективных усилий значительного числа людей (при проведении ирригационных работ, рыболовстве, морском промысле), социальные связи сельской общины были сильнее.

В сельской общине XIII—XIV вв. общинные земли (санъя) еще являлись собственностью феодала. Крестьянам разрешалось косить траву, собирать хворост, но это не было их незыблемым правом. Возникало много споров о правах на общинные земли.

В общине этого периода отсутствовало самоуправление. Сёгунский администратор — «земельный глава» (дзито) вершил суд и осуществлял надзор за выполнением повинностей и сбором налогов. Определенную инициативу проявляли зажиточные крестьяне, которые заключали налоговые контракты с феодалами и администрацией, чтобы налог ежегодно не пересматривался.

В начале XIV в. возникает общинная солидарность в виде клятв (кисёмон), подписанных всеми членами общины при достижении соглашения по определенному вопросу.

В конце XIII — начале XIV в. получают распространение

письма — апелляции крестьян (хякусё мосидзё), которые феодалы и сёгуны уже не могли игнорировать. В 1250 г. устанавливается процедура «тяжбы общинников», согласно которой жалобы формально поощрялись сёгуном. Однако крестьяне фактически не могли жаловаться на беззакония дзито, поскольку для подачи жалобы им надо было иметь разрешение от дзито, на которого подавалась жалоба.

Некоторое укрепление сельской общины способствовало консолидации основной массы крестьян, хотя влияние зажиточной деревенской верхушки в вопросах руководства общиной не уменьшилось.

О развитии товарно-денежных отношений в XIII в. свидетельствует запрет 1226 г. употреблять ткань в качестве денег. В 1290 г. в Китай направляется специальное посольство для закупки медных денег в обмен на золото, поскольку в обращении находились лишь медные монеты, не изготавливавшиеся тогда в Японии.

Вдоль рек центрального района о-ва Хонсю появилась оптовая торговля. Первоначально ее вели должностные лица сёнов, сочетавшие управленческие функции с перевозкой и складированием зерна, но затем они стали специализироваться и на перевозках ремесленных изделий, иногда на довольно большие расстояния. Эти оптовики, имея дело с большим количеством риса, начали изготавливать рисовую водку и заниматься ростовщичеством.

Развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой частичную замену барщины и натурального налога деньгами (коммутация). Этот процесс ускорился во второй половине XIII в. и означал возникновение денежной реформы феодальной земельной ренты, сохранившейся до конца XVI в. Коммутация резко ухудшила материальное положение основной массы крестьян, лишенных возможности продавать свои продукты на рынке, не имевших денег для уплаты налогов. Единственным для них выходом было обращаться за денежной помощью к торговцам-ростовщикам и сельским богатым. Последние, втягиваясь в товарно-денежные отношения, значительно обогащались, а масса бедняков неизбежно попадала в кабальную зависимость. Социальная дифференциация крестьян увеличила разрыв между отдельными их категориями.

Появление сёэнских рынков стимулировало развитие денежной формы феодальной земельной ренты. Феодалы рассматривали сёэнские рынки как свою собственность. Некоторые из этих рынков в Центральной Японии охватывали территорию нескольких провинций. Торговля на сёэнском рынке давала феодалу дополнительный источник дохода и знаменовала собой появление нового типа землевладельца, стремившегося к сокращению отработочной и увеличению продуктовой ренты, к росту доходов от торговли и ростовщичества. Социальные условия камакурского режима сковывали деятельность этой категории новых феодалов, и они все активнее выступали за его свержение.

В конце XII и особенно в XIII в. появились сельские дза, знаменовавшие проникновение товарно-денежных отношений в

деревню, втягивание сельских богатеев в местный, локальный рынок.

Таким образом, развитие торговли явилось экономической основой обострения социальных и сословных противоречий.

Административная структура власти самурайского сословия возникла на основе распространения практики управления феодальными домами на все дворянское сословие. Военное управление сёгуната, именовавшееся Полевой ставкой (Бакуфу), подразделялось на две основные группы: административную и судебную в составе Административной палаты и Высшей судебной палаты. Кроме того, существовало специальное Самурайское управление.

Для осуществления административно-полицейских функций сёгунат учредил институты Земельного главы (дзито) и Охранников, защитников (сюго).

Источники датируют возникновение дзито 1185 годом. Они начинались из числа вассалов Минамото, однако первое время еще не регулярно. В течение нескольких месяцев (с ноября 1185 г.) дзито направлялись в 36 западных провинций для обеспечения сёгунских войск продовольствием, но уже в следующем году эта функция стала сходить на нет. По подрядному соглашению с Камакура дзито предоставлялось полное право управления на местах в обмен на регулярно поставляемые налоги. После 1221 г. дзито стали уполномоченными сёгуна в частнофеодальных сёэнах, где их административная и полицейская деятельность дублировала функции управляющих, назначенных владельцами сёэнов. Дзито творили беззакония, игнорировали судебные решения Камакура, заставляли местных жителей подписывать благоприятные для себя письменные показания. Дзито получали кормовые земли, однако широко практиковали присвоение части годового налога сёэна. Там, где дзито сосуществовали с местными должностными лицами, главным образом на западе, их доход был меньше, чем на востоке, где они обладали неограниченными правами управления. Со второй половины XIII в. началась практика раздела доходов между владельцами сёэнов и дзито. Права последних укрепились за счет сокращения реальной власти и доходов владельцев сёэнов.

Сюго с 1190 г. стали назначаться сёгуном в провинции в качестве руководителей полицейских сил для наведения порядка и поддержания связи с вассалами сёгуна. Обладая вооруженной силой, они стали вытеснять губернаторов и, присвоив себе их основные функции, стали основной военно-административной силой в провинции, военными губернаторами.

Сёгун провозгласил себя «Главой сюго и дзито», претендуя на всю полноту административной и полицейской власти. Однако его распоряжения встречали оппозицию даже среди самурайского сословия, не говоря уже о его противниках. Вооруженное подавление ослушников осуществлял «уполномоченный по принуждению» — один из сильнейших вассалов сёгуна.

Характерной особенностью камакурского сёгуната являлось все-

властие (сорё) глав больших семейных групп. Это всевластие существовало во всех социальных слоях того времени, но лучше изучено у самурайства.

Глава семьи был обязан заботиться о сохранении семейной собственности, фамилии как символа семьи, традиционной семейной профессии, осуществлять контроль за членами семьи. Нарушителей установленного порядка он мог лишить земли. Глава семьи отправлял культ предков. В условиях военного времени он командовал своим семейным подразделением.

В период Камакура функции главы семьи могли быть сосредоточены и в руках женщины, чего уже не наблюдалось впоследствии.

Авторитет главы семьи был непререкаем, в его решения не вмешивался даже сёгун.

Помимо руководства внутрисемейными делами патриарх нес социальные функции и в этом плане подчинялся сёгуну, будучи его непосредственным вассалом (гокэнин). Юридически это определялось жалованной грамотой, согласно которой за предоставленную землю вассал был обязан обеспечить уплату налога, выполнение трудовой и воинской повинностей.

Земли сёгунских вассалов подразделялись на наследственные (санкционированные сёгуном) и полученные за заслуги. Оплаченные кровью пожалованные земли составляли предмет особой гордости самураев. Последняя категория земли ценилась ими особенно высоко.

Невассалы сёгуна (хигокэнин) ставились в более низкое социальное положение по отношению к сёгунским вассалам, так как служили другим феодалам, которые потенциально могли быть носителями центробежных тенденций.

По мере естественного роста и распада больших семейных групп сёгунат становился все более заинтересованным в увеличении числа своих вассалов и превращал в вассалов отделившихся младших сыновей. Этот процесс происходил в начале XIV в. и свидетельствовал об утрате патриархами их былого всевластия. Предоставление с 1303 г. главам мелких отделившихся семей таких же жалованных грамот, как и патриархам, уравнивало в правах и тех и других. Японский материал подтверждает мысль К. Маркса, высказанную в «Капитале»: «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами ренты, а числом их подданных...»¹

Ослабление влияния глав крупных семейных групп и одновременное усиление мелких семей привели к выделению из состава самурайских объединений (то) мятежных лиг (икки). Они состояли из младших сыновей, которые нанимались то к одному, то к другому феодалу. От поддержки таких лиг часто зависел успех или поражение сторон в междоусобных войнах за землю, за власть, за единоличное право феодала эксплуатировать крестьян.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 729.

Смерть в 1199 г. Минамото Ёритомо — основателя камакурского сёгуната — была использована его тестем Ходзё Токимаса для насильственного пострижения в монахи сына Минамото — Ёрииз и фактического захвата власти под видом правителя (сиккэн).

Смертью Минамото Ёритомо воспользовался и экс-император Готоба, который, опираясь на формирование западных самураев, в частности на группу Миура, попытался вернуть себе власть во время смуты 1219—1221 гг. (годы Сёкю), но заговорщики потерпели поражение. С этого времени Ходзё начали регулярно направлять двух инспекторов с отрядами в Киото, в район Рокухара, где были расположены официальные учреждения регентов, для надзора за действиями императора и его окружения. У мятежников было конфисковано более 3 тыс. сёэнов в пользу сёгуна и его сторонников.

Стабилизация положения восточных самураев в результате разгрома дворцовой оппозиции была юридически закреплена в 1232 г. Сводом законов из 51 статьи («Дзёэй сикимоку»). Свод был составлен для решения судебных дел самурайского сословия. Не опубликованный официально, он представлял собой скорее предписание властей для служебного пользования и вместе с последующими дополнениями довольно точно отражал социально-экономическое положение страны в XIII в. Этот юридический памятник свидетельствует о наличии еще не полностью развитой наследственной ленной системы, при которой земельная собственность подразделялась на собственно ленную землю (рёти, или гигё), земли синтоистской и буддистской церкви (синрё и буцурё), подпадавшие под понятие ленного владения, и, кроме того, неленные земли крупных землевладельцев и провинциальной администрации. И хотя неленные земли продолжали именоваться «казенным полем» (кодэн), они уже не являлись собственностью императорского дома. Еще существовала поднятая новь (кондэн), подразделявшаяся на «именные поля» (мёдэн) — владения отдельных лиц, расчистивших землю под пашню, получившие имя первого корчевателя, и леса, пастбища, водные угодья, находившиеся в собственности феодалов.

При дворе в Киото продолжало существовать свое законодательство. Подобно камакурскому, оно предусматривало свободную волю главы семьи в выборе наследника и при разделе владения между несколькими наследниками. Однако киотоское законодательство отрицало правомерность внесения изменений, тогда как камакурское признавало право пересмотра завещания, изменение наследника (ст. 18 и 26).

Если в ранний период Камакура наследование прерогатив главы семьи разрешалось лишь после его смерти, то, согласно закону 1241 г., — и при его жизни: в случае преклонного возраста, при удалении от дел (инкё), в связи с болезнью.

Самурай имел право передать наследство не только старшему сыну, но он должен был получить на это санкцию сюзерена, а

старшему сыну гарантировать $\frac{1}{5}$ долю наследства (ст. 22, а также законодательство семейной группы Тёсокабэ, ст. 82).

Характерной особенностью камакурского периода было высокое социальное положение женщины, и это сближает его с предшествующим, а не с последующим временем. Вдова при условии целомудренного поведения могла возглавить семью, владеть землей покойного мужа и даже получить от сёгуна жалованную грамоту (законодательство 1238 и 1267 гг.). Имущество жены конфисковывалось лишь при тяжком преступлении мужа, в случае его участия в мятеже, разбое, причем тогда жена рассматривалась как его соучастница. В остальных случаях ее имущество не подлежало конфискации (ст. 11).

В то время не проводилось четкого различия между женой и наложницей. Обе защищались законом, у них не отбиралось владение, дарованное мужчиной, если последний ушел от них без вины с их стороны (ст. 21).

Женщина, не имевшая детей, могла взять приемного сына и передать ему владение. Если женщина являлась главой семьи, она решала вопрос сама, замужней требовалось разрешение мужа (ст. 23).

Вдове предписывалось оплакивать покойного, ее повторный брак считался аморальным (ст. 24), однако в действительности он часто имел место, что подтверждается дополнениями к Своду от 1238, 1239 и 1286 гг., вновь и вновь запрещавшими повторное замужество.

Если по кодексу «Тайхорё» (702 г.) отец после замужества дочери терял право на приданое, то теперь он мог потребовать его возвращения, что одновременно означало расторжение брака. Вместе с приданым в родительский дом возвращалась и замужняя дочь (ст. 17).

При введении Свода Ходзё Ясутоки установил практику клятвы вассала на верность своему сюзерену. Приносящий клятву накалывал себе палец, смачивал кровью печать, заменявшую в то время подпись, и прикладывал ее к своей клятве.

Но даже скрепленные кровью клятвы не были в состоянии предотвратить нарастание социальных конфликтов, обусловленных углублением противоречия между уровнем развития производительных сил и нестабильностью двоевластия. С целью предотвращения конфликтов в 1238 г. в Киото создается специальная стража для поддержания порядка (кагария сюгонин).

Несмотря на поражение в смуте Сёкю (1219—1221), двор и его окружение все еще представляли серьезную угрозу господству самурайского сословия. Для ослабления своих противников в 1252 г. распоряжением Ходзё дом Фудзивара был разделен на 5 ветвей, которым поочередно присваивались регентско-канцлеровские придворные звания.

С разделом дома Фудзивара хронологически совпадает деление императорского дома на две ветви: Северную и Южную. В 1259 г. император Гофукакуса удалился в монастырь Дзимёин, а в 1276 г.

Террасное земледелие

император Камэяма, покинув мир, поселился в буддийском храме Сюкты Сингон — Дайкакудзи. Так в императорском доме возникли Северная ветвь (Дзимёинто) и Южная ветвь (Дайкакудзито). В результате посредничества камакурского сёгуна была достигнута договоренность о поочередном наследовании престола между этими двумя линиями. Налицо определенная политика сёгуна, направленная на ослабление своих наиболее влиятельных противников.

Угроза нашествия монголов

Угроза монгольского нашествия, возникшая во второй половине XIII в., обострила внутривосточное положение.

В 1266 г. Хубилай хан прислал послов с требованием признания его власти над Японией. Это наглое требование было оставлено без ответа, а на последующие аналогичные притязания японцы ответили отказом.

В ноябре 1274 г. к западным берегам Японии подошел монгольский флот, захвативший о-ва Цусима и Ики, затем началась высадка войск на северо-западе о-ва Кюсю в провинции Тикудзэн (совр. префектура Фукуока). Самурайские подразделения вели ожесточенные сражения, однако они не были подготовлены к отражению натиска столь сильного противника. Нагрянувший тайфун уничтожил более 200 вражеских кораблей и сорвал монгольское вторжение.

В июне — августе 1281 г. предпринимается новый поход к берегам Японии: две армады общей численностью в 3500 судов и лодок подошли к японским берегам — одна с Корейского полуострова, а другая из Китая. К этому времени побережье было уже укреплено, подготовлены и боевые суда, но налетевший тайфун разметал неприятельский флот, а оставшиеся корабли были потоплены японцами. С тех пор тайфун стал именоваться «Божественным ветром» (камикадзэ) — термин, которым в годы второй мировой войны именовали смертников, посылавшихся на бомбежку или потопление кораблей противника.

В борьбе с монголами японские самурайские дружины встретились с новой тактикой — взаимодействием разных подразделений, с маневрами обхода и окружения, действиями с флангов, с огнестрельным оружием, уничтожившим большую часть береговых укреплений. Это способствовало выработке новой военной организации, тактики маневренного боя, а также облегчению военного снаряжения и впоследствии было использовано феодалами в их непрекращавшихся междоусобных войнах.

От угрозы монгольского вторжения выиграли юго-западные феодалы, которые за счет казны укрепили собственные владения, а также торгово-ростовщический капитал, финансировавший военные приготовления. Однако социально-экономическим последствием монгольского нашествия явилось общее ухудшение положения самурайства в результате мобилизации, что вызвало массовую продажу, заклад земли. Ослабление вассалов сёгуна отразилось на положении сёгунского правительства, утратившего свои прежние позиции. Это привело к обострению борьбы внутри самурайского сословия. Правление Ходзё приняло деспотический характер. Деспотизм Ходзё, усилившийся в 80-е годы XIII в., проявился в захвате домом Ходзё основных должностей в правительстве, в обсуждении главных вопросов правления на узких собраниях-сходах членов их семьи. Ходзё стремился предотвратить упадок самурайского сословия, его закабаление торгово-ростовщическим капиталом. С этой целью первым, но отнюдь не последним законом, имевшим целью сохранение земельного фонда самурайства, явился указ 1297 г. (Токусэйрё), аннулировавший сделки вассалов сёгуна по продаже, закладу земли, самурайскую задолженность ростовщикам. Однако это законодательство было не в состоянии существенно ослабить позиции торгово-ростовщического капитала в условиях развития товарно-денежных отношений.

Камакурский сёгунат препятствовал деятельности феодалов, связанных с рынком, ремесленно-торгового люда и зажиточного крестьянства, и поэтому все они стали бороться с этим режимом. Противники сёгуната из самурайского сословия именовались в официальных документах «плохими отрядами» (акуту). В действительности это были прогрессивные силы. Их возникновение было особенно характерно для периода обострения социальных противоречий в конце XIII—XIV вв.

Антисёгунские силы на о-ве Кюсю стремились сбросить усилившееся после монгольского нашествия ненавистное иго дома Ходзё.

В Центральной Японии, в районе Кинай и его окрестностях, оппозиция выступала прежде всего против владельцев сёнов, поскольку состояла из местных феодалов, которые являлись административными лицами в сёнах и стремились использовать свое должностное положение для присвоения урожая и захвата земель у сёэнских феодалов. К ним примыкали также и монахи буддийских храмов. Они как феодальные собственники тяготились сёгунскими администраторами в своих владениях и выступали за их упразднение.

Крестьяне боролись против сёгуната как в самурайских дружинах, так и самостоятельно, отстаивая свои интересы коллективными усилиями в военных отрядах сельских общин. Крестьяне вели борьбу против беззаконий сёэнской и центральной администрации, против барщины, отработочной ренты.

Разнородность оппозиционных сил обусловила необходимость их консолидации. В то время она могла быть осуществлена лишь на религиозной основе, с помощью авторитета императора. Используя свое религиозное влияние, император Годайго (представитель Южного двора), наследовавший в 1318 г. трон, готовил заговор с целью возвращения императорскому дому политической власти. Опираясь на самураев центрального района и на некоторых сёгунских вассалов восточных провинций, на военную силу ряда буддийских монастырей, Годайго в 1324 г. стал стягивать к Киото своих сторонников, но заговор был раскрыт, руководители самурайских групп покончили самоубийством.

В марте 1332 г. за новую попытку захвата власти Годайго был низложен и сослан на о-в Оки, откуда в феврале следующего года бежал и открыто примкнул к антикамакурским силам.

Влиятельный юго-западный феодал Асикага Такаудзи в начале мая 1333 г. захватил Киото, а в это время восточный феодал Нитта Ёсикада вторгся в Камакура и поголовно истребил всех Ходзё.

Объединенная армия феодалов о-ва Кюсю свергла сёгунского инспектора местного военного управления, и почти одновременно была отстранена от власти сёгунская администрация в остальных провинциях.

Камакурский сёгунат был низложен. Теперь началась борьба среди победителей: Асикага и Нитта. Они представляли два типа хозяйственных районов: передовой западный и отсталый восточный. Если на западе преобладали заливные рисовые поля, имелись хорошие водные транспортные артерии, развитое ремесло и процветающая торговля, то на востоке царил запустение, многие земли были заброшены или вообще не возделывались, транспортная система находилась в плачевном состоянии, отсутствовали условия для широкого развития ремесла и торговли. Экономическая победа Асикага была предрешена.

Правительство Кэмму¹

После свержения камакурского сёгуната в июне 1333 г. экс-император Годайго возвратился в Киото, низложил императора Когэн, возведенного на престол в 1332 г., и восстановил свою власть: было создано правительство Кэмму. Провозглашается политическая формула нового режима: «Единение придворных аристократов и самураев», — но в действительности это была попытка реставрировать политическую власть императорского дома.

Годайго наследовал огромный сёэн коммендационного типа, часть земель которого он пожаловал буддийскому храму; раздал придворным большие земельные владения, стимулируя тем самым создание частнофеодалного землевладения и подрывая экономическую основу своей власти.

Острая нехватка средств побудила Годайго обложить 5%-ным налогом имущество провинциальных губернаторов, что пагубно сказалось на положении правительства, лишившегося поддержки местных администраторов. Стремясь сократить задолженность эксплуататорского сословия торгово-ростовщическому капиталу, Годайго подобно Ходзё издал указ об аннулировании задолженности (Токусэйрё). Это мероприятие лишило экс-императора поддержки ростовщиков, влияние которых продолжало усиливаться.

Асикага, воспользовавшись провалом политики Годайго, изменил последнему, занял Киото в январе 1336 г. и посадил на престол другого представителя Северной ветви императорского дома. Годайго, захватив регалии императорской власти, бежал на юг в дачную резиденцию Ёсино. С этого времени начался более чем полувековой период вооруженной борьбы внутри императорского дома. В эту борьбу были втянуты все слои японского средневекового общества.

В ноябре 1336 г. Асикага объявил о возобновлении военного управления страной, о переходе власти в руки Полевой ставки (Бакуфу). Время политического господства Асикага именуется сёгунатом Муромати по наименованию района в Киото, где находилась резиденция сёгунов.

Сёгунат Муромати (1336—1573)

Становление политического господства дома Асикага проходило в обстановке острой политической борьбы, в которую были вовлечены все слои средневекового общества. Японские буржуазные историки акцентируют внимание на законность, легитимность враждовавших группировок внутри императорского дома, именуя это время периодом борьбы «Южной и Северной династий» (Намбокутё, 1336—1392). Борьба завершилась прибытием в Киото представи-

¹ Кэмму — наименование годов правления экс-императора Годайго — январь 1334 — февраль 1336 г.

теля Южного двора и примирением враждующих сторон в буддийском храме Дайкокудзи. Однако истинная сущность социально-экономических последствий войн XIV в. заключается не в консолидации императорского дома, утратившего к концу XIV в. свое политическое, административное влияние и даже религиозный авторитет, а в перераспределении земли в пользу самурайского сословия, упразднении сёзна Южного двора, в значительном сокращении сёзнов коммемдационного типа и некотором росте частных земельных владений Северного двора.

Следствием усилившегося распада сёзнов явилась утрата императорским домом и придворной аристократией бывшего экономического и политического влияния. Падение авторитета императора ярко проявилось в эпической «Повести о великом мире» (первая половина XIV в.), где «потомок богов» впервые в истории Японии именуется мятежником.

Провинциальная администрация, прежде всего губернаторы, захватывая земли аристократов, концентрируя в своих руках административную и политическую власть, постепенно превращались в полноправных правителей — князей, интересы которых выражал Асикага.

В поисках дополнительных источников дохода для ведения войн феодалы стали заниматься торгово-ростовщическими операциями, осуществлять коммутацию повинностей. Это усугубило и без того тяжелое положение крестьян и усилило их борьбу против разных форм эксплуатации, и в особенности против барщины. Экономическое развитие страны, массовое участие крестьян в войнах побудило феодалов осуществлять переход от отработочной ренты, барщины, к продуктовой ренте, оброку, что, по К. Марксу, «предполагает более высокую культуру производства у непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще...»¹.

Культура в X — XIV вв.

Закрытие страны в конце IX в. стимулировало развитие японской культуры.

В X в. развивается японская художественная литература, авторами которой были женщины. Сэй-сёнагон создает «Записки у изголовья», а Мурасаки Сикибу — «Повесть о Гэндзи», первый в мировой литературе средневековый роман.

Умение рисовать, играть на музыкальных инструментах и слать стихи являлись неотъемлемыми элементами придворной образованности того времени, что способствовало распространению при дворе поэзии, живописи и музыки.

В X в. создается вторая поэтическая антология «Кокинсю». Возникают музыкальные театральные представления, не только

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 358.

заимствованные в Корее и Китае, но созданные уже на собственном японском материале. Особой популярностью пользовались «Веселые игры» (Саругаку), включавшие клоунаду, акробатику, пантомиму. Новым в них было появление определенного сюжета, пародий на придворных и монахов. На их основе в XIV в. возникают театрализованные представления, знаменовавшие появление драматического театра Ноо, а комические элементы саругаку трансформировались в интермедии пародийного содержания — фарсы «Сумасшедших слов» (Кёгэн), исполнявшиеся в театре Ноо в перерыве между драматическими представлениями.

При буддийских храмах с целью привлечения прихожан устраивались представления языческих обрядовых «Полевых игр» (Дэнгаку), ранее исполнявшихся во время посадки риса и уборки урожая.

Элементы народной гротескной образности проникли как в религию, так и в искусство: у южных ворот буддийского храма Тодайдзи была установлена статуя силача Конго, сказочного персонажа, призванного всем своим обликом создать впечатление необыкновенной силы. Источником этих сказочно-гротескных образов являлись мифы о синтоистских божествах, индийские и китайские сказания, помещенные в известном произведении XI в. «Стародавние повести». Эти повести, по определению известного японского писателя Акутагава Рюноске, — «человеческая комедия хэйанской эпохи». В ней изображены не только власть имущие, но и крестьяне, нищие, разбойники, описываются голод и эпидемии, когда с улиц столицы не успевали убирать трупы, рассказывается о нападениях вооруженных монахов на город и многое другое.

На смену придворной поэзии пришли популярные песни (имаёута), которые распевались на улицах бродячими кукольниками, исцеляемыми девицами — предшественницами гейш, исполнявшими песни и танцы в мужской одежде. Культура народных масс с элементами карнавала, смеха, переодевания противостояла религиозному мировоззрению, исключавшему проявление эмоций.

Обострение социальных противоречий в середине XIII в. проявилось в активизации деятельности буддийских сект. Секта «Чистой Земли» (Дзёдо), возникшая в Китае в VII в., подчеркивавшая примат веры, объединилась с сектой «Истины, Истинной веры» (Синсю), в результате чего возникла секта «Чистой Земли — Истины» (Дзёдо синсю), именовавшаяся также «Учением об Одном» (Икко). Основателем этой секты был монах Синран. Секта чрезвычайно упростила, «приземлила» буддизм: принцип веры сводился к прославлению Амида-будды (Наму Амида буцу). Утверждалось, что для спасения души отнюдь не обязательно удаление от мира. Служителям культа разрешалось иметь семью. Это обмирщение буддизма (своеобразный, по выражению Н. И. Конрада, «буддийский протестантизм») сделало его чрезвычайно популярным среди крестьян, ремесленников, торговцев, низшего самурайства, обедневших средних и низших слоев аристократии. Половина

всех буддистов того времени стали приверженцами этой секты. Начался второй этап в развитии буддизма. Раньше буддизм был распространен лишь при дворе, его условно можно именовать «придворным буддизмом». Теперь он распространился вширь, проник в деревню и город, знаменуя наступление «простонародного буддизма». Тем самым был сделан шаг к обособлению религии от государства.

Успех секты определялся не только проповедью веры «твердой, как алмаз» (Синран), но и заострением внимания на обете Будды Амитаба вести всех в рай, уверенностью в возможности достигнуть спасения не силами других (тарики), а собственными силами (дзирики).

Вместе с тем Синран, проявляя нетерпимость к высокому социальному положению женщины, наделил ореолом божественности всех истинно верующих мужчин, приравняв их (и только их!) к Будде.

Секта «Солнечного лотоса» (Нитирэн), возникшая в 1253 г., получила название по имени монаха-основателя, который японизировал буддизм, преобразовав эту мировую религию в чисто японское явление и став проповедником духовного избрничества японцев. Утверждая, что Будда явился в мир не ради спасения всех вообще людей всех времен (трёх эр), а ради людей последней эры «Конца Закона» (период маппо), Нитирэн осовременил буддизм, приблизил его к реальной жизни японского общества, государства. Он стал даже обличителем существовавших социальных порядков, за что в 1271 г. чуть не был казнён. Впоследствии секта Нитирэн стала одним из религиозных источников националистических тенденций и в современной Японии активно выступает на общественно-политической арене.

Секта Нитирэн, критикуя существовавшие порядки, приобрела авторитет среди крестьян, деклассированных самураев и особенно городского населения — ремесленников, мелких торговцев, все в большей степени испытывавших на себе гнет феодальных производственных отношений. Проповедуя личное самосовершенствование, сектанты Нитирэн относились к другим сектам крайне нетерпимо, враждебно. Секта Сингон фигурировала в их высказываниях не иначе как «разрушитель государства», секта Рицу — как «предатель отечества», но особую неприязнь они питали к секте Дзэн, предавая ее анафеме как «небесного дьявола».

Врагом номер один секту Дзэн считали не случайно: дзэнское учение переносило эпицентр религиозного спасения в земную жизнь, озаряя ее доступными каждому вспышками мгновенного просветления (сатори). При этом сохранялись реликты земледельческого культа, народных карнавальных традиций и даже элементы завуалированного атеизма.

Секта Дзэн (по-китайски Чань) возникла в Китае, а в Японии появилась в XIII в. Ее вероучение не касалось вопроса о связи религии с государственной властью, а идея бога спределялась через отрицание (апофатизм): бог невыразим, непознаваем, не кон-

Грaсopa Тopиu Kuñiazu

кретен, «лучший рассказ о боге — ничего о нем не говорить, лучшее познание бога — не стремиться его познать».

Дзэн — единственная буддийская секта, допускавшая смех. Своим разрушительным, отрицающим действием смех противопоставлен любой религии, но он присущ человеку как его отличительный признак и созидательное начало. Связанная с земледельческим культом магия смеха была использована сектой Дзэн для упрочения своих позиций. Смех, по мнению дзэнцев, результат просветления, сатори; с другой стороны, просветление достигается смехом, как, впрочем, и ударом, шлепком или другой аналогичной «шоковой терапией». Доходило до того, что дзэнский проповедник допускал откровенно богохульное отождествление Будды с туалетной бумагой на основании одинакового фонетического звучания слов «бог» и «бумага» (ками).

Просветленное состояние, по мнению дзэнцев, достигалось не столько через молитву, сколько путем труда — приготовления пищи, уборки монастырских помещений, работы в монастырском парке, но главным все же считался труд духовный, внутренняя работа над собой, при помощи которой и достигалось «просветление», необходимое для познания сущности бытия («природы будды»). Дзэн-буддизм не отрицал бытия. Он рассматривал бытие как материальное и духовное существование, отвергая лишь житейскую суету сует. Проповедовалось не отшельничество, а жизнь среди людей по принципу «растворения в мирской жизни». При этом приоритет отдавался не познанию социальной среды, а внутреннему самосозерцанию, иррациональному принципу «озарения». Достижение последнего могло прийти во время неподвижного сидения по-дзэнски (дзадзэн) с полным отрешением от всего окружающего (медитация).

С дзэнской практикой медитации связано распространение в Японии чая, завезенного из Китая в 1191 г. монахом Эйсай. Первоначально чай употреблялся в качестве лекарства, а затем нашел широкое употребление на основе созданной дзэнцами целой ритуальной системы чаепития. Существует предание, что основатель секты Дзэн монах Дарума уснул во время медитации. Проснувшись, он оборвал свои веки, чтобы они не мешали ему следовать к «просветлению», бросил их на землю, где они превратились в чайный куст. Последователи секты Дзэн стали употреблять чай против сна во время ночных бдений.

Секта Дзэн не призывала к преобразованию действительности, проповедовала не спасение, а утешение и вместе с тем выступала за естественное равенство людей. Дзэнцы были противниками обыденного здравого смысла, общих истин, общепринятых норм и авторитетов. Последняя тенденция близка народному творчеству не только японцев, но и других народов: во время народных праздников, карнавалов снимались социальные ограничения и допускались вольности, строго каравшиеся в обычное время.

Секта Дзэн выступала за самосовершенствование, индивидуальные благородные действия. Прославляла она простоту, бедность,

одинокость, преклонялась перед быстротечной красотой преходящего — капелек росы, лепестков вишни.

Популярности дзэн-буддизма способствовало и то обстоятельство, что основной труд дзэнского проповедника первой половины XIII в. монаха Догэн был написан по-японски и поэтому был доступен. Однако сами дзэнцы считали, что «озарение» наступает не в результате изучения священных книг и сутр, и даже высказывали сомнение в их необходимости. Знание для дзэнца не могло быть выражено ни словом, ни письменно, а лишь созерцанием самого себя и окружающей природы, что полнее достигается с помощью искусства. Главным объектом искусства было для них не божество, а человек, его портрет. Дзэнские художники изображали наиболее почитаемых деятелей своего учения, а в изображении природы стремились техникой монохромной живописи выделить самое главное, придерживаясь принципа простоты.

Дзэнцы широко практиковали диалоги «вопросов-ответов» для «непосредственного показа человеческого сердца». Целью диалогов была не полемика, а религиозное общение, но не с богом, а между людьми. Поэтому, несмотря на отрицание значения письменных текстов, в дзэнских храмах на портретах религиозных деятелей имелись надписи-завещания: своеобразный диалог «вопросов-ответов» учителя с учениками.

Центром жизнедеятельности человека дзэнцы считали не сердце, а живот (хара), и поэтому обряд вспарывания живота у самурайского сословия был связан с влиянием дзэн-буддизма, получившего широкое распространение в XIII—XIV вв. в Камакура.

В Киото сильнее было влияние сект Тэндай и Сингон, которые пользовались покровительством придворной аристократии и императорского дома.

Борьба самурайских домов Тайра и Минамото отражена в «Повести о доме Тайра», а события первой половины XIV в. — в «Повести о великом мире».

Глава 4

Япония в период развитых феодальных отношений (XV—XVII вв.)

Феодализм периода Муромати

Развитые феодальные производственные отношения существовали со времени наибольшего политического влияния Асикага в первой половине XV и до начала XVIII в., включая первое столетие правления сёгунов из дома Токугава. В этот период завершился распад сёгунов, ставших тормозом на пути развития производительных сил. Сёэн как форма крупного раннефеодального землевладения

практически исчерпал себя и больше не обеспечивал экономического развития отдельных районов и страны в целом. Это проявилось в нарушении сёэнскими должностными лицами подрядных соглашений во время непрекращавшихся войн XV в.

Наряду с распадом сёэнов происходило становление княжеств как социально-экономической основы развитого феодализма. Эти две тенденции обнаружались в практической деятельности военных губернаторов, становившихся князьями, что отразилось и в японском термине «губернатор-князь» (сюго даймё). Военные губернаторы-князья имели двойную экономическую основу: сёэн жалованного типа (последний его этап) и княжество, которое укреплялось и развивалось.

Военные губернаторы играли на периферии главенствующую роль, распоряжались землей, решали споры между феодалами, выступали в качестве управляющих в сёэнах по подрядным соглашениям, которые они все в большей степени нарушали. Игнорирование подрядных соглашений знаменовало углубление процесса феодализации, постепенное превращение военных губернаторов в полноправных местных феодалов. Однако ленная провинция еще не была полной собственностью военного губернатора-князя. Он мог лично владеть частью земель в провинции или даже иметь свои земли за ее пределами, но постепенно он увеличивал свое частнофеодальное княжество в ущерб сёэну.

Военные губернаторы-князья не устранили многочисленные сёэнские должности, а передавали их вассалам с целью усиления своего влияния. Они максимально использовали аппарат провинциального управления для консолидации своих владений.

Если в период раннего средневековья господствовала «вертикальная» иерархия прав и обязанностей, свойственная сёэну коммемдационного типа, то теперь права князя распространялись «горизонтально» на все княжество, он был, по существу, полновластным феодальным правителем над сплошной земельной территорией (в сёэнах земля не была расположена компактно, особенно в сёэнах коммемдационного типа, а находилась в разных районах). В княжестве часть сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла производилась на рынок.

Князь имел теперь дело не с сёэнской деревней или общиной камакурского периода, где отсутствовало самоуправление, а с сильной сельской общиной. Если раньше крестьяне платили феодалу за право пользования водой, то теперь в ряде случаев феодал стал платить крестьянам за воду! Члены общины были вооружены и представляли угрозу самому существованию самурайского сословия.

Организационное укрепление крестьян проявилось на регулярно созываемых сходках, где после совместных обсуждений принимались решения по основным вопросам сельскохозяйственного производства (иригация, освоение нови, распределение ренты, борьба за уменьшение феодальной эксплуатации, самооборона). Если раньше, в конце XIII — начале XIV в., общинная солидарность проявлялась в виде клятв, подписанных всеми односельчана-

ми, то теперь идея законности, глубоко укоренившаяся в сознании крестьян со времени раннефеодального периода, материализовалась в форме «сельских уставов», «сельских законов», «крестьянских предупреждений».

Укрепление сельской общины проявилось в активизации классовой борьбы крестьян. Они боролись за отмену долгов, сокращение налогов, барщины, за смещение сёэнских администраторов, превышавших свои полномочия. Формы борьбы крестьян были довольно многообразны: тяжба, подача петиций, уход, мятежи в виде «земельных восстаний», кульминация которых приходилась на конец 20-х годов XV в. «Земельные восстания» были обусловлены порайонными различиями в развитии экономики, и в частности торговли. Восстания были особенно распространены в сёэнских деревнях центрального Кинайского района о-ва Хонсю, в сёэнах, принадлежавших придворной аристократии и храмам. Восставшие требовали упразднить заставы на окраинах Киото, поскольку они препятствовали им вести торговлю в столице.

В далеких провинциальных деревнях с относительно слабым экономическим развитием и возросшей военной силой местных феодалов восстаний не наблюдалось.

«Земельные» повстанцы, вовлекаемые в междоусобную борьбу феодалов, стали обладателями оружия. Однако в своих военных действиях крестьяне, как правило, не выходили за пределы мест обитания, что археологически подтверждается обнаруженными круговыми рвами вокруг сельских общин. Крестьяне не поддерживали борьбы соседей, в этом проявлялась ограниченность их мировоззрения. В отдельных случаях они совершали нападения даже на дворец императора в Киото (1447), громили склады столичных ростовщиков (1454, 1457), захватывали храмы для пополнения своих запасов оружия и продовольствия.

В обстановке социальной нестабильности князья стремились укрепить свои резиденции, возводя замки. Так, например, князь Ота в 1457 г. основал замок Эдо, положив начало современному городу Токио. Города подобного типа получили название призамковых, так как возникли вокруг княжеских укрепленных пунктов. К концу XVI в. насчитывалось 83 призамковых города.

Укрепление экономического положения горожан выразилось в появлении городского самоуправления: избирались старейшины, создавалась своя городская стража. Это имело место прежде всего в портовых городах — Нагасаки и Хаката на о-ве Кюсю, Сакаи и Осака на о-ве Хонсю. Вдоль реки Иодо, на побережье озера Бива, Внутреннего и Японского морей, вдоль побережья Тихого океана возникло 30 свободных портов.

Ремесленно-торговый люд, укрепив свои позиции в провинции, стал поставлять продукцию не только на местный, но и на столичный рынок.

Активизировалась деятельность торгово-ростовщического капитала в лице оптовых торговцев (тоия), которые не только перевозили и продавали рис, но и налаживали производство рисовой водки

(сакэ), прокладывали дороги, поскольку это скоропортящийся продукт и его после изготовления необходимо скорее доставить к потребителю. Тоия также создавали на дорогах постоянные дворы и занимались ростовщичеством. Эти оптовики не только платили пошлины, которые стали играть все более существенную роль в доходах князей, но и кредитовали феодалов, чем нередко держали в своих руках эксплуататорскую верхушку развитого средневекового общества.

Могущество князей находилось в прямой зависимости от экономического положения их владений, наличия там ремесленного производства, поэтому они всячески способствовали его развитию.

Военные губернаторы-князья проживали не только в провинции, но по традиции и в столице, создавая там свои резиденции, поскольку сёгун требовал их пребывания в Киото, а на время отсутствия они должны были оставить сыновей в качестве заложников. Однако столица удерживала их не только системой заложничества. Князья принимали активное участие в выработке политики на заседаниях Совета-сходки, где обычно присутствовало 7—8 представителей наиболее влиятельных феодальных домов. Находясь в столице, военные губернаторы-князья имели возможность установить контакты с торгово-ростовщическим капиталом и тем самым получить дополнительный источник дохода, они могли пользоваться услугами торговцев и в заморской торговле и, наконец, участвовать в культурной жизни столицы: сёгунский дворец в период Муромати являлся культурным центром того времени. Проживание военных губернаторов в Киото не было юридически узаконено, но это была строго соблюдавшаяся традиция, установленная в начале XV в. Возвращение в провинцию без согласия сёгуна расценивалось как неповиновение и приравнивалось к измене.

Отсутствие военного губернатора в провинции ослабляло его экономически и административно, он утрачивал контроль над подведомственной ему территорией и ее жителями. Поэтому он обычно стремились вернуться в провинцию для восстановления своего влияния, для обеспечения поступления доходов, для подавления сопротивления своих противников. Но сёгун упорно противился их отъезду, что в конечном счете ослабило военных губернаторов и привело к утрате ими своего влияния.

Воспользовавшись длительным отсутствием военных губернаторов, в провинциях активизировались их вассалы, местные феодалы, именуемые «провинциалами» (кокудзин). Они состояли из осевших на землю самураев — «земельных богатеев», а также младших сыновей больших феодальных домов. «Провинциалы» объединялись со своими соседями в лиги и вели борьбу с князьями за землю, крестьян, за свои феодальные права.

Из «провинциалов» сёгун формировал свои воинские подразделения гвардейского типа «служилого казенного народа» в качестве противовеса княжеской военной силе, но они были немногочисленны, их общее число не превышало 350 человек.

Верховными правителями в масштабе всей страны являлись сёгуны из дома Асикага, которые в первой половине XV в. находились в зените своей власти. Асикага не владели большими земельными угодьями. Непосредственно контролируемые ими земли состояли из 35 владений, расположенных на территории современных префектур Тотиги, Тиба, Канагава, Айти, Киото и Окаяма. Поэтому их доход с земли был ограничен и они изыскивали дополнительные источники: обложили богачей специальным

Керамический сосуд для воды

налогом, издавали указы о норме обмена денег, так как феодалы стали выпускать бумажные деньги, имевшие хождение лишь на контролируемой ими территории; аннулировали задолженность самураев торгово-ростовщическому капиталу (Токусэйрё) при условии внесения от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ долга в казну. В середине XV в. на протяжении одного месяца издается 9 таких указов, а восьмой сёгун (Ёсимаса) поставил рекорд, издав их 13!

Сёгунат был заинтересован во внешней торговле, которая давала значительные доходы. В 1434 г. с Китаем заключается торговый договор, действовавший до 1547 г. Договор предусматривал посылку один раз в 10 лет торговой миссии под видом поднесения дани. Всего в Китай за время действия этого договора было направлено 11 миссий, в общей сложности около 50 кораблей, из которых 7 были направлены сёгунатом, а остальные — храмами и местными феодалами, среди которых особенно выделялся князь Оути, имевший свои владения на западе о-ва Хонсю. Япония вывозила мечи, высоко ценившиеся на рынках Дальнего Востока, подобно дамасским клинкам на западе, медь, серу, веера, ширмы, лакированные изделия, а из Китая ввозились медные и серебряные монеты, шелк-сырец и шелковые ткани.

Хотя внешняя торговля с Китаем осуществлялась в форме дани, она приносила большую прибыль и между феодалами шла ожесточенная борьба за установление своего контроля над ней.

Административные органы сёгуната в принципе основывались на предыдущей административной системе камакурского сёгуната: в XV—XVI вв. существовали Самурайский приказ, Административная палата, Судебный приказ и Архив. Асикага ввели должность заместителя сёгуна (канрё), которая замещалась лицами из его ближайшего окружения, представителями наиболее влиятельных феодальных домов (Сиба, Хосокава, Хатакэяма, Ямана, Акамацу, Оути, Иссики и Имагава).

Об усилившемся влиянии заместителя сёгуна и военных губернаторов свидетельствуют события 1434 г., когда шестой сёгун Ёсинори намеревался разгромить монастырь на горе Хиэй, но его заместитель и военные губернаторы воспротивились этому. Для ослабления оппозиции сёгун стал натравливать князей друг на друга и даже казнил некоторых из них. Он сам лишал прав законного наследника и предоставлял жалованные грамоты другим членам семьи, нарушая традицию наследования, чем и подорвал свою социальную опору. В довершение всего он конфисковал земли у военного губернатора Акамацу и его сына, которые в 1441 г. убили сёгуна.

После гибели Ёсинори между военными губернаторами с новой силой вспыхнула междоусобная борьба, ранее опальные князья стремились восстановить свое бывшее положение, а дом Хосокава намеревался захватить должность заместителя сёгуна, нарушив тем самым принцип чередующегося замещения этой должности. Борьба среди вассалов сёгуна сказалась на ослаблении политического влияния всего дома Асикага.

Ослабление сёгуната стимулировало рост междоусобной борьбы феодалов, и отсюда возникло наименование заключительного 100-летнего периода сёгуната Муромати — «Эпоха воюющих провинций» (1467—1573), начало которой ознаменовалось войнами годов Онин (1467—1477).

Войны годов Онин — самый крупный военный конфликт этого периода — имели место в центре страны, в районе города Киото. За главенство боролись два лагеря: Западный и Восточный. Первый насчитывал 116 тыс., а второй — 161 500 самураев. И хотя активные боевые действия продолжались лишь первые два года, в результате их столица была разрушена, а мародерство «доблестного» самурайства привело к уничтожению многих культурных ценностей. Асикага утратили контроль над Киото, где хозяевами положения стали горожане.

Обострение междоусобных войн резко ухудшило и без того тяжелое положение крестьян: сократилась площадь обрабатываемой земли¹, вводились новые налоги, взимались дополнительные поборы. Все это способствовало росту крестьянских восстаний. Границы «земельных» восстаний расширились до размеров целых провинций, откуда и их наименование: «провинциальные восстания». Крупнейшим из них было восстание в провинции Ямасиро, начавшееся в 1485 г.

Провинция Ямасиро была относительно высокоразвитой в экономическом отношении. Значительных размеров достигло производство риса, чая, шелка. Провинция снабжала этими товарами города Киото и Нара, через нее пролегал путь, по которому в эти города доставлялись товары из других районов. В Ямасиро усилилось влияние перевозчиков транзитных товаров.

¹ В начале X в. возделывалось 862 796 тё (1 тё = 1,2 га), в начале XV в. — 946 016, а в конце XV в. — 854 711 тё.

Крестьяне, как и в других районах, осуществляли здесь самоуправление, решая в пределах сельской общины вопросы использования общинных земель, средств орошения, вырабатывали требования к феодалам. В Ямасиро на протяжении всего XV века не прекращалась борьба между отдельными феодалами за более плодородные и выгодно расположенные земли. В конце 1485 г. крестьяне многих деревень и уездов провинции собрались на массовую сходку, где потребовали немедленного вывода всех войск феодалов за пределы провинции, прекращения феодальных войн, возвращения прежним владельцам захваченных земель, уничтожения застав.

На первом этапе восстания (1485—1487) в нем активно участвовали все слои крестьян, ремесленники, мелкие торговцы, возчики, низшие самураи. Руководили выступлением зажиточные крестьяне и возчики, тесно связанные с внутренним рынком и пользовавшиеся определенным влиянием.

Восставшие избрали специальный орган провинциального самоуправления из 36 человек, которые ежемесячно выбирали из своей среды главу провинции и созывали общие собрания для решения важнейших дел. Восставшие определили размер налогов (они были снижены примерно вдвое — до 40% урожая), обложили налогами монастырские владения. Собранные средства расходовались на содержание органов самоуправления и вооруженных отрядов. Восставшие, создав народное ополчение, строго следили за порядком и сурово карали нарушителей. Силы повстанцев были столь значительны, что феодалы были вынуждены вывести свои войска за пределы провинции. И чиновники сёгуна убрались из Ямасиро.

Крестьяне, организовав самоуправление, заботились о поддержании в хорошем состоянии оросительной системы, ремонтировали дороги, содействовали развитию торговли.

На втором этапе (с 1488 г.) зажиточные крестьяне стали использовать свое руководящее положение в корыстных целях: они снова повысили налоги, установили таможенные заставы. Стремясь уйти от ответственности за участие в восстании, они вынашивали план заключения компромиссного соглашения с феодалами, но среди них не было единства по вопросу, с кем из феодалов (светских или духовных) вести переговоры.

Провинциальное самоуправление начало противопоставлять себя остальным восставшим, которые перестали его признавать, и осенью 1493 г. оно фактически распалось. Общие собрания перестали созываться, ополчение было дезорганизовано. Вновь назначенный губернатор накапливал силы на границах провинции, тайно вербовал себе сторонников среди повстанцев, а затем перешел в наступление. В 1494 г. были подавлены последние очаги сопротивления.

Недостаточная организованность, раскол среди повстанцев, отсутствие ясных целей борьбы — характерная особенность восстания, в котором проявилась стихийность крестьянского движения.

Другой формой крестьянских выступлений явились движения за аннулирование долгов торгово-ростовщическому капиталу, поэтому они именовались «восстаниями за аннулирование долгов». Они отражали противодействие крестьян процессу неуклонного роста влияния торговцев и ростовщиков.

В XV и особенно в XVI в. широкое распространение получили выступления крестьян под религиозными лозунгами. Недовольство крестьянских масс пытались использовать в своих интересах различные буддийские секты, активно участвовавшие в междоусобных феодальных войнах. Наибольшее влияние в то время среди крестьян имела буддийская секта «Учение об Одном» («Икко»), поэтому эти выступления именовались «Восстаниями Икко». Сторонники этой секты считали, что для спасения души достаточно одно: многократно повторять «Благословен Амида-будда!» — и при этом отнюдь не обязательно отрекаться от мирских благ, что делало это учение чрезвычайно популярным среди трудящихся масс, и прежде всего крестьянства.

В 1487 г. в провинции Кага (совр. префектура Исикава) вспыхнуло крупнейшее восстание под лозунгом секты Икко, охватившее около 200 тыс. крестьян. Почти 100 лет здесь существовала «крестьянская провинция», где власть захватили местные феодалы и служители культа секты Икко. Повстанческая армия несколько раз направлялась в соседнюю провинцию Этидзэн (совр. префектура Фукуи), чтобы освободить ее из-под гнета могущественного феодала Асакура, однако примерное равенство сил не обеспечило успеха повстанцам. Восстание в Кага способствовало распространению влияния секты Икко и в других провинциях, например в провинции Микава (совр. префектура Айти), где они имели место с 1428 по 1580 г.

Крупнейшее выступление произошло также летом 1532 г., когда повстанцы осадили город Сакаи, где преобладали сторонники секты Нитирэн. Затем иккоисты направились к городу Нара, сожгли там буддийский храм Кофукудзи и, разграбив храм Касуга, стали готовиться к выступлению против Киото.

Крестьянские выступления под религиозными лозунгами были направлены против местной администрации, представители которой обогащались за счет крестьян и превращались в крупных феодальных земельных собственников. Социальный протест крестьян использовался церковью как для достижения успеха в фракционной религиозной борьбе, так и для противоборства светским феодалам.

После поражения этих выступлений победитель-феодал обычно приказывал побежденным «переменить секту», а если они отказывались это сделать, то подвергались преследованиям и изгонялись за пределы провинции.

После войн годов Онин явно обозначилась слабость военных губернаторов-князей, которым так и не удалось превратить контролируемые ими провинции в личное феодальное владение. Это было обусловлено также ослаблением вассальных отношений,

изменой вассалов. Лишь некоторые военные губернаторы в центре пережили войны 1467 — 1477 гг., а Оути удалось даже временно укрепить свои позиции на западе о-ва Хонсю, но и этот последний феодальный дом военного губернатора-князя пал в 1555 г. под ударами местного феодала — «провинциала» Мори.

От «провинциалов» произошли «князья сражающихся провинций» (сэнгоку даймё). Эти «сражающиеся князья» упразднили сёэны и создали поместья — феоды (тигё), которые в отличие от классических сёэнов были расположены компактно. У этих князей были более сильные, чем при системе сорё, мнимо родственные вассальные отношения «родителей — детей» (ёриоя — ёрико), когда первые командовали, а вторые беспрекословно подчинялись. Для отстаивания своих сословных интересов они объединялись в территориальные военно-политические ассоциации — лиги (икки), члены которых заключали между собой договоры о взаимных действиях для гарантии своей независимости.

«Князья сражающихся провинций» издавали кодексы семейного права (кахо), которые регулировали как внутрисемейные, так и социальные отношения на территории княжества.

В области семейно-брачных отношений в это время окончательно утвердился патрилокальный брак (ёмэирикон), при котором жена переходила в семью мужа. Женщина утратила свое бывшее относительно высокое социальное положение, характерное для периода становления феодальных производственных отношений.

Для увеличения налоговых поступлений князья закрепили за собой ранее взимавшийся с военных губернаторов налог (тансэн), поступления от которого расходовались центральным правительством на строительство дворцов, коронации императоров и тому подобные чрезвычайные нужды.

В XVI в. существенно изменились статьи дохода в бюджете феодалов. Если раньше, например, доход придворного феодала Сандзёиси от сёэна в XIII в. составлял более 50%, то в начале XVI в. он снизился до 29%. От обложения торговцев на заставах и переправах этот феодал стал получать 28%, куда входили также поощрения за составление прошений, редактирование стихотворений и другой литературный труд, поскольку феодал являлся самым сведущим человеком в округе. Доход от ремесленно-торговых объединений давал 43% всех средств! Поэтому феодалы были заинтересованы в развитии ремесленного производства и торговли на территории своего владения и страны в целом. Князья развивали добычу полезных ископаемых, изготавливали деньги, устанавливали свои меры для сыпучих и жидких тел.

В XVI в. возникло три производства мануфактурного типа по изготовлению гончарных изделий и одно — в винокурении. На этом основании советский японист А. Л. Гальперин выдвинул гипотезу о генезисе капитализма в Японии в XVI в.¹ Однако малочисленность фактического материала не дает возможности без-

¹ См.: О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962.

оговорочно признать эту точку зрения, что отмечалось в советской историографии И. Г. Поздняковым¹.

Японский историк Кимура Сёноскэ (Каваи Эцудзо) связал возникновение капитализма не с мануфактурным, а с мелкотоварным производством на скупщика (1936). Эту концепцию развил в 1949 г. Хориэ Хидэити, сославшись на теоретический вывод В. И. Ленина². Начало первого этапа капиталистического производства Хориэ датировал 20—30-ми годами XVIII в., а мануфактурный период рассматривал как более поздний, второй этап капиталистического производства. Эта точка зрения получила признание в современной японской историографии.

Возникновение первого «свободного рынка» в 1549 г. в приамовом городе Исидэра в провинции Оми (совр. префектура Сига) при буддийском храме Каннодзи знаменовало дальнейшее развитие товарного производства. Для привлечения ремесленников и купцов рыночное налогообложение здесь было отменено. Аналогичные рынки затем возникают и в других местах.

Если раньше провинциальные ремесленно-торговые объединения были связаны с дза оптовых торговцев центрального района, то в период «воюющих провинций» местные дза добились независимости от оптовиков, а князья стремились устранить влияние киотоских купцов на своей территории и предоставляли льготы своим собственным «официальным торговцам».

Появление у южных берегов Японии португальцев в 1543 г. и спустя 6 лет испанцев, которые достигли Восточного побережья Японии плывя из Мексики, положило начало распространению огнестрельного оружия, а также христианства.

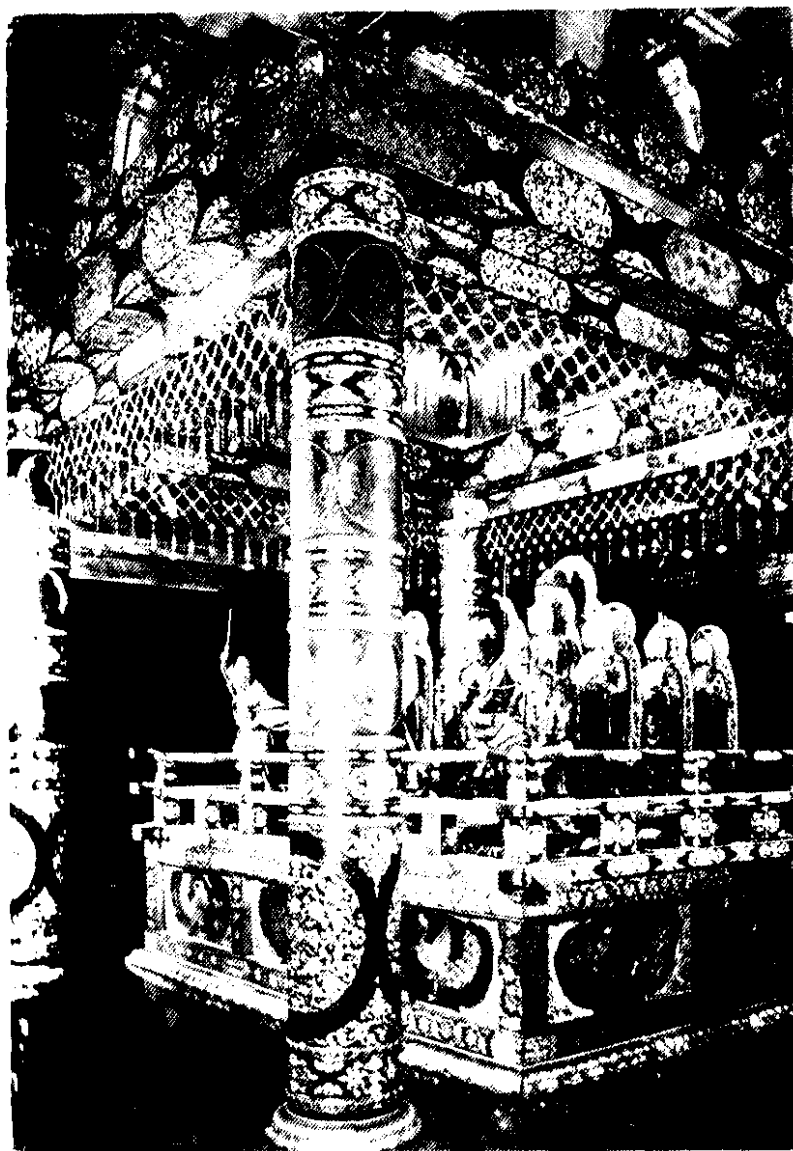
Огнестрельное оружие совершило переворот в военном деле: раньше главная роль в бою принадлежала всадникам-самураям, а пехотинцы были оруженосцами. Теперь на первое место вышли пехотинцы (асигару), которые должны были владеть огнестрельным оружием, а это могло быть достигнуто лишь в результате систематического, повседневного тренажа. Одним словом, возникла необходимость в профессиональном солдате. Князья стали формировать свои дружины не только из самураев, но и из крестьян, которых заставляли жить при замках, полностью оторвав их от сельского хозяйства и предоставив рисовый паек в качестве жалованья.

Введение огнестрельного оружия оказало влияние и на технику возведения укреплений, в частности замков, которые окружались крепкими стенами и рвами с водой.

Проповедь католицизма получила особенно широкое распространение на о-ве Кюсю, где стали открывать христианские церкви, школы. Князья принимали христианство и заставляли своих вассалов следовать их примеру, чтобы привлечь иностранных торгов-

¹ См.: Генезис капитализма в промышленности/ Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1963.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 542.

Интерьер храма

цев, вооружиться огнестрельным оружием и получить поддержку сиронейцев в междоусобной феодальной борьбе.

Появление европейцев способствовало усилению торгового капитала, совершенствованию военного дела, обострило междоусобные столкновения и привело к возникновению опасности подчинения Японии европейцам по образцу Филиппин, где в 1571 — 1575 гг. укрепились испанцы.

«Князья сражающихся провинций» стремились компенсировать свою индивидуальную слабость коллективными усилиями в борьбе за объединение страны.

Борьба за объединение страны определялась междоусобными войнами, которые в сочетании с крестьянскими восстаниями создавали реальную угрозу самому существованию феодалов. Кроме того, торговый капитал стремился к созданию единого рынка и устранению феодальных преград для своего нормального функционирования. Немаловажное значение для объединения Японии играло стремление оградить страну от иностранного порабощения. Тенденция к объединению была присуща и другим странам, в частности европейским, где «объединение более обширных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов»¹.

Инициаторами объединения выступили феодалы центральной части о-ва Хонсю — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу.

Борьба за объединение Японии

Ода Нобунага происходил из семьи мелкого феодала в провинции Овари (совр. префектура Айти). Он был вторым сыном. Отец построил ему небольшой замок в Нагоя и поселил отдельно от семьи. После смерти отца в 1551 г. семнадцатилетний Ода стал захватывать чужие земли самыми вероломными методами, не щадившими ни ближайших родственников, ни свойственников, ни соседей. Вооружение дружины огнестрельным оружием способствовало его военным успехам. Сожжением в 1571 г. буддийского монастыря на горе Хиэй, считавшегося «неугасимым светильником Закона», Ода нанес сокрушительный удар по церковной оппозиции, пытавшейся сохранить свою независимость от светской власти. Двумя годами позже он сверг последнего Асикага, который к тому времени уже полностью утратил политическое влияние.

Для обеспечения войск продовольствием Ода ввел специальный налог рисом, сохранившийся до конца феодального периода.

Ода подчинил около половины территории страны и в завоеванных районах упразднил заставы, отменил таможенные поборы, которые взимались феодалами за право провоза товаров и являлись существенным источником их доходов, а также придворной аристократии и церкви, что встретило с их стороны сильную оппозицию. Поэтому упраздненные в Киото 7 застав по неоднократным петициям придворных были вскоре восстановлены, что свидетельствует о непоследовательности его политики в защиту интересов торгового капитала, с которым он сотрудничал: купцу Имаи, налажившему производство огнестрельного оружия, Ода предоставил право взимать налог с соляного дза и дза по добыче продуктов моря.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 24.

Ода стремился изъять для из-под контроля придворных и церкви и использовать доход от них для вознаграждения своих вассалов. Он стимулировал развитие торговли путем постройки дорог, наказания за разбой, создавал «свободные рынки», однако последние были территориально ограничены приамковыми городами, а в прочих местах продолжала господствовать монополия дэн. Упразднив частные меры жидких и сыпучих тел, Ода ввел унифицированную «киотоскую меру», равную 1,8 л.

Ода устанавливает обменный курс, запрещает использование риса в качестве средства обмена, поощряет применение золота и серебра при импорте пряжи, шелка, лекарств, чайной посуды. Ода начал выпускать золотые монеты, однако золота и серебра было еще мало для налаживания массового производства денег, хотя он захватил серебряные рудники Икуно (в современной префектуре Хёго) в результате победы над князем Ямана.

Ода придавал большое значение городам. Когда сёгун предложил пожаловать ему почетные титулы, он отказался наотрез, попросив взамен предоставить ему право разместить своих представителей в городах Оцу (юг озера Бива), Кусацу (к востоку от Оцу) и в Сакай. Ода стремился поставить под контроль города, имевшие самоуправление. В 1568 г. он обложил Сакай тяжелым военным налогом, что встретило сильное сопротивление горожан, однако оппозиция была подавлена и городу было запрещено держать наемное войско. Когда жители северной части Киото и Амагасики (город к западу от Осака) отказались вносить военный налог рисом, они были разгромлены, а их жилища преданы огню. Город Хирано за союз с Сакай, направленный против Ода, был поставлен под непосредственный контроль объединителя, а горожане подверглись репрессиям. Только городу Сакай удалось сохранить свою независимость.

Ода жесточайшим образом подавлял крестьянские восстания. В 1582 г. он, окруженный в киотоском храме войсками противника, покончил жизнь самоубийством.

Дело объединения страны продолжил Тоётоми Хидэёси, происходивший из крестьян и выдвинувшийся на службе у Ода. Внутренняя политика Хидэёси была продолжением политики Ода. На завоеванных территориях Хидэёси осуществил обмер земель и отнес их к категории «прямо контролируемых владений», которые давали 2 млн. коку¹ риса. К этой категории владений были отнесены города Осака, Киото, Нара, Оминато (север о-ва Хонсю, в современной префектуре Аомори) и связанные с внешней торговлей города на о-ве Кюсю Нагасаки и Хаката. По приказу Хидэёси в Сакай насыпается ров — символ независимости горожан, а сам город становится под контроль администратора, назначенного Хидэёси. Однако самоуправление Сакай во внутренних делах все же было сохранено.

Особый интерес представляет аграрная политика Хидэёси,

¹ Коку — мера объема 180,4 л, мера веса — 160 кг.

сутью которой была реставрация крепостнической системы, укрепление феодальной социальной структуры.

Хидэеси впервые в масштабе всей страны провел перепись, где крестьяне были подразделены на две группы: податные «основные крестьяне», к которым причислили не только зажиточных крестьян, но и середняков с целью увеличения численности податного населения; безземельные крестьяне, находившиеся «вне переписи». Они не были прикреплены к земле, им разрешалось передвижение.

Перепись Хидэеси отразила упразднение сёэнов, подтвердила существование сельской общины и наличие развитых вассальных отношений.

Выходец из крестьян, Хидэеси жесточайшим образом подавлял крестьянские восстания. Закрепощение крестьян сопровождалось изъятием у них оружия. Согласно указу 1588 г. об «Охоте за мечами» крестьянам запрещалось иметь мечи, кинжалы, ружья и другое оружие, которое надлежало использовать на гвозди и заклепки при создании статуи Великого Будды. За 20 лет до изъятия оружия был издан указ о норме подати и прикреплении крестьян к земле, согласно которому крестьянин имел право не более чем на $\frac{1}{3}$ урожая, а сеньор — не менее $\frac{2}{3}$.

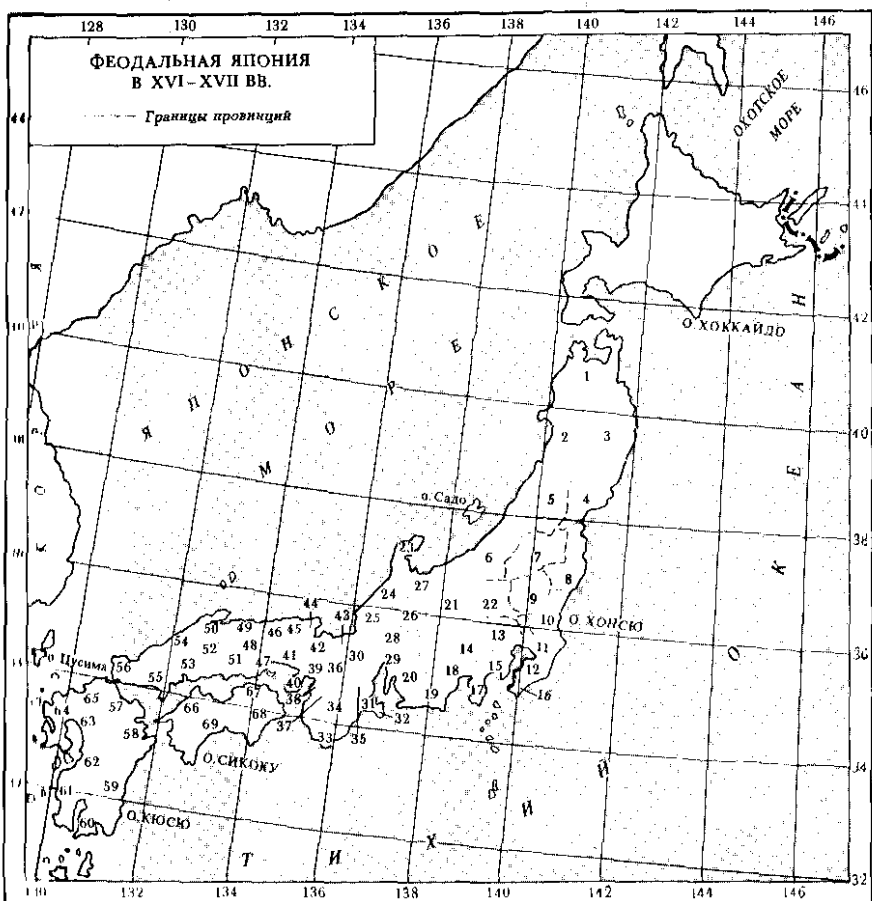
Спустя три года после «охоты за мечами» издается указ о закреплении социальных различий, который знаменовал отделение воинов и торговцев от крестьян. Население Японии, насчитывавшее в XVI в. 16,64 млн. человек, подразделялось на три сословия: самураи (си), крестьяне (но) и горожане (симин). Последние состояли из купцов и ремесленников, которые в то время еще не были дифференцированы.

В качестве низовой административной единицы в 1597 г. вводятся пяти- и десятидворки, устанавливается система круговой поруки. Через год с целью увеличения налогообложения крестьян уменьшаются единицы земельной площади: тан с 0,12 га сокращается до 0,1 га, а тё — с 1,2 га до 1 га при сохранении прежних норм обложения, в результате чего налоговый гнет крестьян увеличился примерно на 20%.

Хидэеси подтвердил упорядочение ренты, ее перевод с денежного исчисления на продуктовую основу (рис), что практически уже осуществил его предшественник.

Запрещается миссионерская деятельность. В 1587 г. издается первый антихристианский указ, однако это «закрытие страны» не было полным, поскольку Хидэеси рассчитывал с помощью европейцев получить суда и оружие для осуществления своих внешнеполитических авантур.

Финансовая слабость Хидэеси, обусловленная непрерывными войнами, предопределила его союз с торговым капиталом и политику в его интересах. Уже в 1582 г. Хидэеси упразднил контроль двора над заставами в Киото, восстановленный Ода после многочисленных петиций придворных. Эта мера стимулировала свободное движение товаров на рынке. Спустя три года в Киото,

1. Муцу	18. Суруга	35. Ига	52. Бинго
2. Уго	19. Тотоми	36. Ямасиро	53. Аки
3. Рикутю	20. Микава	37. Кавати	54. Ивами
4. Рикудзэн	21. Синано	38. Идзуми	55. Суо
5. Удзэн	22. Кодзука	39. Сэцу	56. Нагато
6. Этиго	23. Ното	40. Авадзи	57. Будзэн
7. Ивасиро	24. Кага	41. Харима	58. Бунго
8. Иваки	25. Этидзэн	42. Тамба	59. Хюга
9. Симодзука	26. Хида	43. Вакаса	60. Осуми
10. Хитати	27. Эттю	44. Танго	61. Сацуума
11. Симоса	28. Мино	45. Тадзима	62. Хиго
12. Кадзуса	29. Овари	46. Инаба	63. Тикуго
13. Мусаси	30. Оми	47. Бидзэн	64. Хидзэн
14. Каи	31. Исэ	48. Мимасака	66. Иё
15. Сагами	32. Сима	49. Хоки	67. Сануки
16. Ава	33. Каи	50. Идзумо	68. Ава
17. Идзу	34. Ямато	51. Биттю	69. Тоса

а затем и в провинциях упраздняются дза, что лишило придворную аристократию и храмы прибыльного для них контроля над ремесленно-торговыми объединениями. Повсеместно вводится единая «киотская мера» жидких и сыпучих тел (около 1,8 л). Осуществляется выпуск монет, обусловленный развитием товарно-денежных отношений и ростом добычи золота, серебра и меди. В 1587—1588 гг. Хидэеси приказал изготовить большие золотые монеты для крупных торговых сделок.

Официальным поставщиком Хидэеси был купец из города Сакаи Кониси, а банкирами являлись купцы Камигая, Симай, Харада, которые вели обширную заморскую торговлю с Кореей, Китаем, Сиамом и Филиппинами. Эти купцы оказывали влияние на внешнюю политику Хидэеси. Харада настаивал на завоевании Филиппин. Хотя эта идея и не была реализована, за свои личные заслуги Харада был награжден земельным участком, дававшим доход в 500 коку риса.

С самого начала своей деятельности Хидэеси вынашивал мечту о расширении границ. Еще в 1583 г. он направил специального посла в Корею с требованием уплаты дани. Корея отклонила это требование. Тогда в 1591 г. в Корею направляется князь Со с о-ва Цусима с требованием, чтобы корейский король стал вассалом Японии. Корейские власти ответили отказом. В мае 1592 г. 137 тыс. армия японцев высадилась на юге Корейского полуострова и тремя колоннами менее чем за 20 дней, захватив важнейшие стратегические пункты, подошла к Сеулу. Король бежал на границу с Китаем, прося помощи своего сюзерена.

Борьбу корейского народа против японских захватчиков возглавил талантливый адмирал Ли Сунсин, который сумел в короткий срок организовать оборону и поднять в тылу у японцев партизанское движение. В том же году Ли Сунсин нанес первое поражение японскому флоту, однако в результате придворных интриг он был снят и разжалован в рядовые.

Новый корейский командующий развалил флот, чем не замедлили воспользоваться японцы, которые в 1597 г. вновь предприняли поход на Сеул. Перед лицом поражения корейские власти были вынуждены вернуть Ли Сунсина к руководству флотом. И на этот раз он сумел в кратчайший срок восстановить боеспособность корейских войск и уже в 1598 г. нанести японцам сокрушительное поражение. В морском бою японский флот был разгромлен, но Ли Сунсин погиб. Под ударами партизан и корейских войск, испытывая недостаток в боеприпасах и продовольствии, японцы были вынуждены эвакуировать свои войска.

Корейская кампания ослабила юго-западных феодалов и торговый капитал, связанный с внешним рынком. На передовые позиции вышли князья Северо-Восточной и Центральной Японии, менее пострадавшие от тягот войны, и торговый капитал, который действовал на внутреннем рынке.

Прогрессивное значение княжеств как новой формы организации сельскохозяйственного производства в период развитого фе-

одализма, а также объединение страны, осуществленное Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, сказалось на росте площади обрабатываемых земель к концу XVI в. почти на 46,24% по сравнению с концом XV в. Однако смерть Хидэёси в 1598 г. свела на нет результаты его деятельности.

С новой силой вспыхнула междоусобная борьба между третьим объединителем Токугава Иэясу и его противниками, которые сгруппировались вокруг сына Хидэёси — Хидэёри. Потерпев поражение в битве при Сэкигахара (на Восточном побережье озера Бива) в 1600 г., Хидэёри и его сторонники обосновались в Осака, который на протяжении 15 лет стал центром оппозиции.

В 1603 г. Токугава Иэясу принял титул сёгуна и, основав сёгунат со столицей в Эдо (совр. Токио), положил начало военно-феодальной диктатуре наиболее влиятельного самурайского дома того времени.

Установление сёгуната Токугава

После смерти Хидэёси в стране сложилась напряженная политическая обстановка. Фактически ни одно из мероприятий феодального диктатора не было доведено до конца. «Объединительные» походы не ликвидировали сепаратизма князей, хотя и обеспечили признание ими власти диктатора. В 1598 г. Хидэёси, предвидя возможность возобновления феодальных войн с целью захвата центральной власти, создал высший орган управления из пяти тайро (главных министров), в который вошли Токугава Иэясу, Маэда, Уэсуги, Мори и Укита. Тайро должны были править до совершеннолетия Хидэёри, однако через два года Токугава Иэясу отбросил видимость лояльности и начал военную кампанию.

Победив в битве при Сэкигахара в 1600 г. коалицию объединившихся против него феодальных князей, дом Токугава фактически с этого времени начинает управлять всей страной. В 1603 г. Иэясу присваивает титул сёгуна, положив начало династии феодальных правителей Японии.

В начале XVII в. в стране насчитывалось около 260 крупных и мелких княжеств, население страны составляло 28 млн. человек, почти 80% населения было занято в сельском хозяйстве.

Еще в 1590 г. Токугава Иэясу получил в награду от Хидэёси восемь провинций района Канто и стал самым крупным феодалом в стране. Теперь богатейший феодальный дом, укрепляя свою власть, постепенно расширял контроль над другими княжествами. Семейству Токугава принадлежало около одной четверти территории страны.

В установленной Токугава сословной системе си-но-ко-сё си было представлено самурайством, но — крестьянством, ко — ремесленниками и сё — торговцами; самурайство занимало высшую ступеньку общества. Однако си было также неоднородно — его верхушку составляли сёгун и его ближайшее окружение. Император, живший в старой столице Киото, осуществлял лишь ре-

Осакский замок

лигиозно-церемониальные функции, вся полнота власти была сосредоточена в руках сёгуна. В окружение императора вошла аристократическая знать кугэ, не имевшая земель и, следовательно, не обладавшая экономической и политической силой. Она получала жалованье рисом от сёгуна и полностью зависела от его действий.

Своеобразие феодальных производственных отношений Японии нашло отражение в двойственной структуре власти: император — «живой бог» — царствовал, но не управлял, почитание его было связано с религиозным культом — синтоизмом, реальной же властью обладал сёгун.

Основной административно-хозяйственной единицей в стране

были феодальные княжества. Владетельные князья, в подавляющем большинстве находившиеся в зависимости от дома Токугава, делились на категории согласно доходам — по количеству собранного в их владениях риса (рис был основным мерилom ценностей). Самое небольшое феодальное княжество приносило доход в 10 тыс. коку риса в год. Общий сбор риса в стране оценивался в 11 млн. коку, из которых дому Токугава принадлежало 4 млн. коку. Самые богатые феодальные князья, такие, как Мори, Маэда, Уэсуги владели землями, приносящими доход в 1 млн. 200 тыс. коку риса, 16 феодальных домов собирали свыше 300 тыс. коку риса каждый. Класс феодалов, включая все его слои, составлял 10% населения. При этом общее количество самураев, имеющих земельные участки и ведущих хозяйство, постоянно уменьшалось. Со времени междоусобных войн крупные князья (даймё) переселяли самураев-ленников в замок, переводя их на рисовый паек — жалованье, примерно соответствующее количеству риса, обычно снимаемого с участка.

Земли в Японии были как государственные (владения сёгуна), так и частные (владения князей, храмов и монастырей).

Крестьяне, прикрепленные к земельным участкам, в княжествах вели самостоятельное хозяйство на правах наследственного держания. Характерной чертой феодальных производственных отношений Японии было отсутствие открытых форм крепостничества. Феодал не мог продать или купить крестьянина, хотя и существовала личная зависимость — прикрепление к определенному феодальными властями участку земли.

Основной формой землепользования выступала аренда, а основной формой повинностей — рисовая рента (нэнгу); иногда феодал взимал налог деньгами. Отработочная рента (барщина) не получила в токугавской Японии широкого распространения, так как по большей части феодал не вел своего хозяйства. Лишь в отдельных районах Японии на землях самураев-ленников существовала барщина. Но даже в этом случае она не была формой непосредственного производства сельскохозяйственной продукции. Отработочная рента здесь играла подсобную роль. Это было обусловлено личными нужд феодала: ремонт помещений, заготовка топлива, кормов для животных, а также выполнение общественных работ, которые вменялись в обязанность главе княжества чиновниками бакуфу, — строительство и ремонт дорог, мостов и т. д.

Анализируя социально-экономический и политический строй Японии токугавского периода, К. Маркс писал: «Япония с ее чисто феодальной организацией землевладения и с ее широко развитым мелкокрестьянским хозяйством дает гораздо более верную картину европейского средневековья, чем все наши исторические книги, проникнутые по большей части буржуазными предрассудками»¹.

Токугавская Япония имела немало городов, концентрирующих

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 729.

ремесла и торговлю. Крупнейшими из них были Эдо, Осака, Киото, Нагоя, Нагасаки, Сакаи, Хаката и др. Вскоре после захвата власти Токугава начал строить столицу, выбрав для этого отдаленный от императорской столицы — Киото — восточный район долины Канто. Указом о строительстве Эдо значительную часть расходов сёгун перекладывал на феодалов князей, которым вменялось в обязанность выделять рабочую силу в порядке принудительной барщинной повинности. На строительство замка и его укреплений, мостов и дорог, на вымощивание болотистой территории требовалось большое количество камня и леса. Огромные камни возили с полуострова Идзу. Один камень поднимали сто человек, на перевозку основной массы камней потребовалось три тысячи судов. Поскольку даймё должны были поставить для работ с каждой тысячи коку риса одного человека, общее количество занятых на строительстве столицы должно было составить не менее 10 тыс. человек.

В середине XVII в. население Эдо составило 500 тыс. человек, Киото — 500 тыс., Осака — 270 тыс.

Токугава, так же как и Хидэёси, был вынужден рассматривать проблему взаимоотношений с иностранцами. Он стремился использовать технические знания иностранцев, ввоз различных товаров, в том числе и оружия. Однако возможность использования оружия южными феодалами-сепаратистами против бакуфу вызывала значительные опасения Токугава. Беспокоила власти и активная деятельность иностранцев, пытавшихся укрепить влияние в стране, а также, используя князей, принявших христианство, проникнуть в государственный аппарат.

После смещения с должности чиновников, повинных в связях с иностранцами, и в подтверждение указа о запрещении миссионерской деятельности токугавское правительство перешло к решительным мерам — несколько христиан были казнены, а в 1614 г. особым указом было введено полное и безоговорочное запрещение новой религии. Эти правительственные меры были приняты в связи с христианизацией населения о-ва Кюсю, где даймё, преследуя исключительно коммерческие интересы, нередко насильственно насаждали христианство. В 1636 г. под страхом смертной казни японцам было запрещено покидать территорию своей страны, а также строить большие корабли, которые могли бы использоваться для дальних плаваний. Иностранцам строго было запрещено заниматься миссионерской, политической деятельностью. Купцы обязаны были давать специальное обязательство заниматься только торговлей. При этом все торговцы с Кюсю, с о-ва Хирадо были переселены в Нагасаки на маленький, специально созданный для них у входа в бухту островок Дэдзима, где они должны были жить в строгой изоляции и торговать в условиях установленных властями регламентаций.

В 1637 г. в Симабара (вблизи Нагасаки) произошло крестьянское восстание, вызванное притеснением местных даймё. Будучи антифеодальным по своей сущности, оно вследствие широко-

го распространения христианства на Кюсю проходило под христианскими лозунгами. Крестьяне были вооружены огнестрельным оружием, полученным от миссионеров. Восстание быстро охватило значительный район Кюсю. Сёгунская армия в течение нескольких месяцев не могла подавить восстание. Только помощь голландских кораблей, бомбардировавших с моря замок Хара, где сосредоточилась мужественно сопротивляющаяся тридцатитысячная армия повстанцев, позволила войскам Токугава взять его штурмом и учинить кровавую расправу. После подавления симабарского восстания сёгунат рядом указов окончательно «закрывает» страну, стремясь пресечь любое иностранное влияние. В 1638 г. по указу Токугава высылаются из страны все португальцы, на испанцев репрессии были распространены еще раньше. Исключение было сделано лишь для голландцев: помощь сёгунату в подавлении восстания обеспечила им особое положение в закрытой стране, где они монополизировали все контакты с западным миром. В единственный порт в стране — Нагасаки — два раза в год был разрешен заход голландских, а также корейских и китайских кораблей.

Режим, установленный династией сёгунов Токугава, имел цель создания и сохранения стабильного социального порядка, основанного на господстве военно-дворянского сословия (самураев) и подчиненном, угнетенном положении всех остальных слоев населения, порядка, способного устоять как перед опасностью чужеземных завоеваний, так и перед вооруженными крестьянскими восстаниями.

Феодальный класс и его социально-политическая организация

Токугавский режим, окончательно сформировавшийся как политическая система при третьем сёгуне Измицу (1632—1651), проводил политику жесткого и скрупулезно разработанного социального контроля и над классом феодалов.

Токугава Изясу разделил дворянство на несколько разрядов и категорий. Кугэ — придворная киотская аристократия номинально составляла самый высокий разряд феодального дворянства, остальная его часть была отнесена к категории букэ (военные дома), которые и представляли господствующий в стране класс военно-феодального дворянства. Букэ в свою очередь делились на владетельных князей (даймё) и рядовых дворян (буси), не имевших, как правило, земельных владений. Владельцы крупных княжеств стали объектом пристального внимания сёгунов. Самый верхний слой даймё составляли симпан, связанные с домом сёгуна родственными узами. Остальных, в зависимости от их участия в битве при Сэкигахара на стороне Токугава или его противников, Изясу поделил на две категории: фудай-даймё и тодзама-даймё. Фудай — это прямые вассалы сёгуна, свыше 150 князей, связанных с Токугава еще до прихода его к власти. Из них составлялись

высшие правительственные органы, заполнялись вакансии наместников в провинции. Тодзама-даймё были опальной группировкой высшего дворянства. 80 феодальных князей, более богатых и сильных, чем фудай, и не уступавших по экономической силе сёгунскому дому, рассматривались Токугава как постоянные и опасные соперники. Тодзама не разрешалось занимать правительственные посты; в отдаленных районах Кюсю, Сикоку и юга Хонсю, где были расположены владения тодзама, правительство строило замки, передавало отдельные княжества (Нагасаки и др.) центральной власти, чтобы затруднить создание коалиций против бакуфу.

Наряду с этими мерами сёгунский дом создавал новые репрессивные системы. Наиболее серьезно подрывающими мощь и влияние тодзама были конфискация и перераспределение земельных владений и заложничество. Первое крупное вмешательство в систему земельных владений даймё Токугава Иэясу осуществил сразу же после захвата власти. С 1600 по 1602 г. были полностью конфискованы владения 72 даймё, 61 даймё были переведены из одного района в другой с увеличением владений; во владениях богатых тодзама, таких, как Мори, Уэсуги, Хатакэ, Акита была проведена конфискация земель; только 60 даймё были не затронуты ограничительными мерами. За двухлетний период больше половины княжеств Токугавской Японии сменили своих владельцев. Эти мероприятия отразились не только на положении даймё — конфискация княжеского владения традиционно превращала его вассалов (буси) в ронинов («человек-волна», бродячих самураев), лишившихся и земельных владений, и жалования рисом. Сотни тысяч самураев с семьями оказались жертвами борьбы Токугава за власть.

Весьма активно давить на даймё позволяла система заложничества (санкинкотай). Официально она была введена третьим сёгуном Иэмицу в 1634 г., однако начальный этап ее можно отнести к годам правления Асикага (XV в.) и Хидзёси, обязавшего семьи всех даймё жить не в княжествах, а под постоянным наблюдением в Осака и Фусими — официальных резиденциях могущественного диктатора.

Токугава в начале правления стремился заставить тодзама-даймё приезжать в Эдо, добиваясь демонстрации признания ими верховной власти сёгунского дома. После 1634 г. условия усложнились — все князья были обязаны через год приезжать в столицу с семьей и свитой. По истечении года даймё возвращался в княжество, жена и дети оставались при дворе сёгуна в качестве заложников. Неповиновение, попытка создания антиправительственной коалиции вызывали немедленные репрессии в отношении членов семьи даймё. Кроме того, санкинкотай возлагала на князей и дополнительное финансовое бремя: постоянные переезды, жизнь в столице, строительство и содержание там собственных дворцов ослабляли княжество, одновременно обогащая и украшая Эдо.

Сёгунат не облагал налогом феодальные княжества, но периодически по заведенному обычаю князья преподносили сёгуну

Каменные будды в буддийском храме

«дары» — золотые и серебряные монеты (от нескольких сотен до нескольких тысяч — «дар» крупнейшего тодзама Маэда Тосиэ).

Несмотря на существовавший верховный контроль бакуфу, князь имел большую самостоятельность, особенно это касалось его взаимоотношений с представителями других социальных слоев — крестьян, горожан-торговцев и ремесленников. Нижний слой военно-феодалного дворянства составляли хатамото — непосредственные вассалы сёгуна и удельных князей. Они не имели

земельных участков и получали жалование в рисовом исчислении. Из них формировалось чиновничество государственного аппарата, обширная система сыска и надзора, набиралось сёгунское войско. Особое место занимали чиновники мэцукэ (смотрящие), деятельность которых была направлена на выявление нарушений интересов сёгуна. Будучи независимыми от должностных лиц и совмещая функции полицейской и прокурорской надзора, мэцукэ осуществляли тайную и явную слежку не только за служилым самурайством центрального и местного аппарата, но прежде всего за князьями.

В условиях длительного мира изменилось положение самого многочисленного слоя — служилого дворянства. Согласно кодексу самурайской чести, японский дворянин не имел права заниматься в жизни чем-либо, кроме военного дела. Теперь же князья больше не нуждались в сильных и многочисленных дружинах, а кроме того, указы сёгуната предписывали значительное их сокращение. Княжествам, имеющим доход в 100 тыс. коку, разрешалось иметь не более двух тысяч воинов. Таким образом, теряя сюзерена, самураи низших рангов разорялись, становились ронинами, ряды которых пополняли и обедневшие самураи, покидавшие князя из-за того, что их уже не удовлетворял размер рисового пайка. Вчерашние дворяне отказывались от своих сословных привилегий и становились людьми свободных профессий — учителями, врачами, художниками, мелкими служащими. Вместе с тем бездомные и деклассированные самураи увеличивали все возрастающий слой недовольных общей социальной системой токугавского государства.

Официальной идеологией, призванной освящать созданный токугавской династией сёгунов общественный порядок, было конфуцианство. Буддизм с его проповедью бренности человеческого существования, мог, по представлению высшего токугавского чиновничества, привести к пренебрежению обязанностями подданных. К тому же сёгунат беспокоила военная и экономическая мощь монастырей, а также их тайная поддержка недовольных токугавской системой тодзама-даймё. Этическая программа конфуцианства с ее фанатичной верой в непогрешимость традиции, с ее концепциями покорности, послушания и почитания старших полностью соответствовала целям и идеалам сёгунов Токугава.

Антифеодалные выступления в городе и деревне

В первые десятилетия XVII в. в связи с прекращением междоусобных войн обрабатываемая площадь в стране и сборы урожая значительно увеличились. Размеры нэнгу (натуральная рента), которые при Хидэеси составляли $\frac{2}{3}$ урожая, при Токугава (XVII в.) были значительно снижены — до 40% («четыре доли князю и шесть долей крестьянину»). Оброчная система при незначительной величине барщины позволяла крестьянской семье не только обес-

печить пропитание, но даже иметь некоторый излишек сверх необходимого минимума. Распространяются новые сельскохозяйственные культуры, а также увеличивается посевная площадь культур, имевших раньше ограниченное употребление: сладкий картофель, хлопок, табак, чай, тутовое дерево, сахарный тростник.

Феодалы власти старались насаждать в деревне широкий административно-политический контроль, позволяющий регламентировать все стороны жизни крестьянства. Регламентации запрещали крестьянам употреблять в пищу рис, расходовать его на лепешки (которые считались растратой риса) и сакэ (в непраздничные дни еду готовили из муги: овес, ячмень, просо), носить одежду из шелка (предписывалось использовать хлопковые и льняные ткани). Покрой и окраска одежды тоже были точно определены. Строго запрещалось превышение установленного размера жилищ и их украшение, запрещались также такие развлечения, как театральные зрелища, пышные церемонии. Свадьба, похороны и другие события должны были обставляться с «достойной скромностью».

Важным элементом системы управления деревней в токугавский период была круговая порука, внедряемая правительственными органами повсеместно. Для удобства надзора, сбора налогов и контроля за выполнением правительственных распоряжений деревня была разбита на пятидворки. Пятидворка несла ответственность за деятельность всех ее членов, во главе ее стоял староста, обычно назначавшийся властями из зажиточных крестьян. В экстремальных случаях, например при побеге крестьянина, староста раскладывал налоги бежавшего на остальных членов пятидворки.

Известно высказывание Токугава Иэясу, характеризующее существо правительственной политики в деревне: «Крестьянин, что кунжутное семя; чем больше жмешь, тем больше выжмешь».

Сёгуны Токугава, создавшие суровый полицейский режим в стране, не смогли, однако предотвратить возникновение и развитие антифеодалного протеста. За время токугавского правления официальная статистика зафиксировала 2726 крестьянских выступления в разных районах страны. Это были вооруженные восстания и петиционные движения. Для начального периода токугавского правления наиболее распространенной формой сопротивления были коллективные выступления крестьян против тяжелейших поборов и повинностей. Обычно они передавали феодалу петиции, челобитные, составленные в форме почтительных просьб.

Петиционная форма движения свидетельствовала о низкой форме сознательности крестьянства, о наивной вере в то, что в эксплуатации повинны лишь те лица, с которыми они непосредственно сталкиваются, а вышестоящие власти об этом не знают. Но даже подачу петиции указы сёгуната квалифицировали как тяжчайшее преступление, так же как и «незаконные сборища» крестьян или бегство «с земли».

Обращение к представителям вышестоящих инстанций сёгунской или княжеской власти каралось смертью. Особенно жестоко

феодалы расправлялись с руководителями восстания — распятие и расправа с семьей на глазах приговоренного к смерти были самой распространенной казнью.

Широкою известность в 50-х годах XVIII в. получило крестьянское движение, возглавленное народным героем (гимин) Сакура Согоро. Измученные непомерными поборами крестьяне составили петицию, которую сумел передать сёгуну деревенский староста Сакура Согоро. За это у него на глазах казнили четверых его детей, а сам он был распят.

Поскольку крестьяне испытывали двойной гнет — со стороны феодалов (даймё) и представителей торгово-ростовщического капитала, они нередко выступали и против купцов. Купцы-откупщики, получая право от феодала на сбор налогов, не только беспощадно грабили деревенских бедняков, но и всячески препятствовали торговле богатых крестьян, которая ущемляла их собственную торговую монополию. Поэтому нередко богатые крестьяне возглавляли подобные выступления. Среди требований встречались такие, как «свобода торговли», а также протесты против принудительного возделывания сельскохозяйственных культур, на котором настаивали откупщики. В исторических материалах о крестьянских восстаниях, наиболее крупные из которых происходят на XVIII век, имеются упоминания об убийстве агентов торговых монополий и разрушении купеческих контор и складов.

Города. Городские сословия

Городское население, не принадлежащее к господствующему феодальному классу, занимало последние ступени токугавской сословной системы (ко — ремесленники, сё — торговцы). Юридически оно имело меньше прав, чем остальные сословия, но экономическая сила торговой буржуазии и богатых ремесленников обеспечивала им возрастающее политическое влияние в стране. Оба социальных слоя были связаны с обслуживанием феодального класса; даймё и сёгунат, используя капиталы богатого городского населения, стремились опереться на него для укрепления феодального режима.

Рост внутренней торговли, развитие сети коммуникаций содействовали созданию крупных городов — центров политической и экономической жизни. Таких городов в токугавской Японии насчитывалось 17. Главными центрами торговой буржуазии были Эдо, Осака, Киото, Сакаи, Нагасаки. В сёгунской столице Эдо крупные купеческие фирмы были зависимы в своей деятельности от интересов представителей верховной власти в стране, в Киото они ориентировались на потребности императорской столицы, и лишь в Осака купечество занимало более независимую позицию, добившись различных привилегий. Мощные купеческие гильдии (кабунакама) и цехи ремесленников (дза) превратили Осака в главный центр коммерческой деятельности, называемый «кухней» страны (дайдокуро). В Осака был главный рынок Японии, куда

Гравюра Андо Хиросигэ

дэймё свозили со всех княжеств производимую там товарную продукцию (рис, шелк, хлопчатобумажные ткани, лаковые изделия, фарфор, бумагу, воск и др.). В Осака была рисовая биржа, производящая скупку риса и дающая кредиты под залог будущих урожаев, биржи по оптовой торговле рыбой, овощами. Хотя главным мерилom ценности оставался рис, все более широкое распространение получали деньги.

Феодальные княжества все больше теряли свой замкнутый характер. Производство на рынок приводит уже в XVII в. к тому, что в разных частях страны сложились районы, специализирующиеся на определенном виде продукции. Северный и юго-западный Кюсю производил фарфор и хлопчатобумажные ткани, район Киото — Пару — парчу, шелковые ткани, сакэ, изделия из металла и лака, район Нагоя Сэто — керамику и фарфор, Нагано — шелк-сырец, Сизума — сахар, Тоса и Тёсю — бумагу.

Усилившийся процесс общественного разделения труда активизировал формирование внутреннего общенационального рынка, несмотря на то что этому препятствовало незавершившееся объединение страны (сохранялись сепаратистские позиции южных княжеств).

Торговый капитал, содействуя укреплению связей между отдельными районами, начинает постепенно вмешиваться в ремесленное производство. Купец-скупщик снабжал ремесленников сырьем, скупал готовые изделия. Выступая посредником между ремесленником и рынком, он диктовал вид, качество, количество

продукции. Скупая, например, хлопок на Кюсю, он раздавал его прядильным цехам в Осака, готовую пряжу передавал красителям, ткачам и т. д. Ремесленники, таким образом, специализировались на отдельном процессе производства того или иного продукта, все больше подчиняясь купцу, становившемуся капиталистическим предпринимателем.

В XVII в. в отдельных отраслях японского производства возникли первые мануфактуры, зарождались начальные формы капиталистического предпринимательства.

Однако количество мануфактур в это время (в основном текстильные и производящие продукты питания) было очень невелико. Преобладающей формой производства оставалась работа на дому, подчиненная скупщику-торговцу, имеющая характер рассеянной мануфактуры. По оценке Маркса, при этом происходит консервация старых производственных отношений и ухудшается положение непосредственных производителей.

Торговый капитал завоевывал все более прочные позиции в жизни города. Особенно большим влиянием пользовались гильдии оптовых торговцев каким-либо одним видом товаров или монополизировавших торговые операции в определенной части страны. Например, осакские компании «Хигаки Кайсэн» и «Тару Кайсэн» обслуживали Эдоский и Осацкий районы. Компания «Мацумаэ-бунэ» перевозила товары в районе Хоккайдо и обслуживала северную и центральную части Хонсю, до Осака.

Регламентации токугавского правительства, объявлявшие «борьбу с роскошью» и распространявшиеся на купечество, как и на других горожан, запрещали ношение шелковой одежды, золотых и серебряных украшений, строительство просторных домов. В действительности купечество сосредоточивало в своих руках значительные капиталы и редкостные предметы роскоши. Деятельность компании «Ито ваппу», которая ввозила в Японию пользующийся огромным спросом китайский белый шелк, подтверждает факт широкого использования его представителями третьего сословия. Осацкое купечество, обходя регламентации в отношении жилых помещений, создало даже особый тип строения — «Осака госи», в котором строго соблюдалась регламентированная ширина фасада (9 м), зато в глубину квартала дом имел протяженность в четыре раза больше. К тому же, чтобы не платить налог за окна, делали полностью глухой фасад с одной узкой дверью, закрытой, как окно, деревянной решеткой и пропускающей свет в помещение. Скромность и безыскусственность фасада восполнялась богатством и роскошью интерьера.

Правительство, получая от купечества кредиты, в очень редких случаях пыталось препятствовать концентрации богатств в его руках. Иногда законодательные ограничения вступали в силу, обнаруживая баснословный уровень обогащения купеческих фамилий. Документы о конфискации имущества у осакского торгового дома Ёдоя Сабуроэмон содержат длинный перечень изъятого: 50 пар золотых ширм, ящики с золотыми пластинами и тысяча-

ми золотых и серебряных монет, 150 кораблей, 730 складов для драгоценностей, 80 амбаров-зернохранилищ, 92 дома в разных городах и многое другое.

Положение ремесленников отличалось более строгими, чем для купечества, регламентациями и контролем. Ремесленники были организованы в цехи, которые обладали монополией производства, имели четкую иерархию и наследственность занятия ремеслом. Правительство предоставляло цехам определенные привилегии и защищало их монополию. Вместе с тем, используя цехи как постоянный источник дохода, оно активно осуществляло политику давления — вводило различные ограничения в их деятельность, осуществляло скрупулезный надзор за выпускаемой продукцией и выходом ее на рынок.

В число горожан входила складывающаяся интеллигенция — выходцы из различных сословий: самураев, купечества и ремесленников. Учителя, художники, врачи испытывали постоянное и разнообразное воздействие токугавского режима, стремившегося ограничить возможности развития этого слоя. Поэтому очень часто представители интеллигенции являлись выразителями недовольства горожан и даже нередко руководили выступлениями.

В конце XVIII в. возросло количество восстаний городского населения, к которым иногда присоединялись и крестьяне. Чаще всего вспыхивали «рисовые бунты», когда поводом к выступлениям было повышение цен на рис, спекуляция купцов, скупавших, а потом продававших его по высоким ценам. Для предотвращения народных выступлений сёгунат периодически пытался приостановить спекуляцию рисом с помощью регулирования рисовых цен. Однако реальных результатов это не давало. Крупные феодалы, сам сёгунат — поставщики риса на рынок — были заинтересованы в высоких ценах на рис. «Рисовые бунты», выступления против феодального произвола, отражали нарастающий рост социальных противоречий в городе.

Наряду с этим шла многовековая, кровопролитная борьба за правовой статус города как социального организма. По правовому положению города Японии делились на три категории: принадлежавшие сёгунату, владельческие (княжеские) и «вольные». Фактически все они правовой стабильности не имели. Даже города, управляемые бакуфу и находящиеся в самых жестких условиях административного контроля и мелочной опеки сёгунских чиновников, не имели гарантии от дальнейшего ущемления своего правового положения. Так, особой властью, с полномочиями, расширяющимися в соответствии с обстановкой, обладал губернатор (сёсидай) в Киото, губернатор (дзёдай) в Осака (после расправы Токугава Иэясу с наследником Хидэёси Хидэёри в 1615 г. город перешел в распоряжение сёгуна). В Нагасаки — город, в который могли прибывать иностранцы и который был единственным «окном в мир» в закрытой Японии, назначались два губернатора-префекта (бугё), управлявшие в целях наивысшей эффективности надзора по полгода каждый, не встречаясь друг с другом (один управлял городом,

другой, выполняя санкинкотай, находился в Эдо, затем они сменялись).

На княжеские владения не распространялась такая жесткая регламентация сёгунских властей, однако на их территории открыто действовал мэцукэ и подчиненный ему законспирированный аппарат политического сыска. К тому же сёгунат, особенно с периода правления Иэмицу, начал под разными предлогами передавать территории отдельных феодальных княжеств в подчинение бакуфу. Эти территории становились форпостами системы сёгуната, нарочито введенными для контроля в массу феодальных княжеств в отдаленных частях Южной и Юго-Западной Японии: Кюсю (Нагасаки), побережье Сэто Найкай (Осака) и т. д. Отсутствие правовой неприкосновенности княжеского города подтверждает и указ Токугава Икко-дзё, предписывающий иметь лишь один призамковый город (дзёкамати) в феодальном владении; введение этого указа привело к разрушению замков и потере значения многих городов в княжествах.

В Японии было всего несколько независимых от феодальных властей, самоуправляющихся городов. К ним относились Сакаи, Хаката, выросшие и разбогатевшие на внешней торговле еще в XVI в., Нагасаки — торговый центр, державший всю торговлю с иностранцами, и Осака — «кухня страны». Однако «вольница» даже этих японских городов ограничивалась действиями чиновников бакуфу. Сёгунат был заинтересован в получении значительной доли овеществленного городским ремеслом прибавочного продукта земледелия, а также высокой торговой прибыли. После восстания 1637 г. на Кюсю даймё Омура был лишен прав на Нагасаки и город был передан в правительственное подчинение. Так же сёгунат поступил и с Осака после захвата города в 1615 г. Полностью лишить осакское купечество самостоятельности не удалось, но изъятие значительной доли прибыли, получаемой главным экономическим центром страны, правительство бакуфу осуществляло весьма успешно на основе закрепленной юридически, эпизодической практики.

Нестабильность правового положения отличала фактически все городские слои. Юридические и фактические преимущества самурайства не спасали даже самые высшие его слои от репрессивных мер сёгуната. Общее кризисное состояние высшего сословия привело к активному размыыванию его нижнего уровня — служилого самурайства, пополнявшего теперь ряды деклассированных элементов и нового слоя лиц «свободных профессий».

Купцы и ремесленники пытались восполнить изъяны правового статуса созданием гильдий и цеховых организаций. Возрастающее экономическое могущество торгово-ростовщического капитала привело к изменению его правовых позиций. Сёгунат вынужден был официально признать существование кабунакама — мощных компаний, полностью контролирующих рынок, устанавливающих цены и спекулирующих на рисе, подчиняющих в городах производство товаров и прочие услуги. Правительство вынуждено было также

признать право богатых крестьян (гоно), освоивших в XVIII в. целинные земли, стать владельцами новых земельных владений, т. е. признать дальнейшее усиление формирующейся буржуазии.]

Городское население составляли высшие слои военно-феодалного дворянства, самураи-землевладельцы, живущие в городе, служилое самурайство, торговцы, ремесленники, монахи многочисленных буддийских монастырей и синтоистских храмов, ронины и прочие деклассированные элементы, крестьяне, поселившиеся на городских окраинах. Это свидетельствовало об открытости города и высоком уровне мобильности населения. В известной мере правительственная политика содействовала расширению социальной мобильности. Переселение самураев из всех дзёкамати в один, главный в провинции, влекло за собой волну переселенцев — ремесленников, купцов, представителей складывающейся интеллигенции и пр.

Глава 5

Культура в XV—XVII вв.

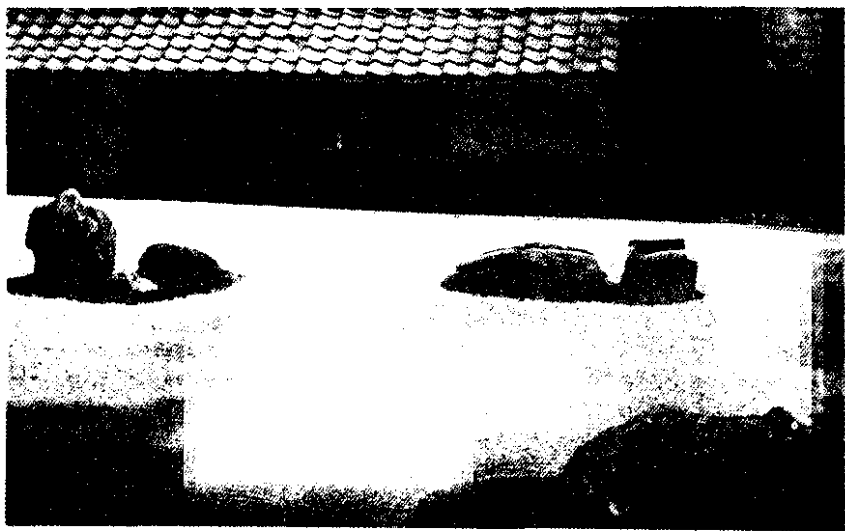
Основные тенденции развития

Культура Японии эпохи развитых феодальных отношений объединила в себе разнородные, фактически трудно совместимые явления — элементы культур придворной хэйанской аристократии и военно-феодалного дворянства, разнообразие китайского влияния и активное воздействие секты дзэн на формирование мировоззрения и эстетических взглядов японцев. За время, прошедшее с завоевания государственной власти военным сословием, нравственные и эстетические идеалы самурайства претерпели существенное изменение.

Кульм мужественной силы и подвига, освященный моралью бусидо, продолжал существовать, но аскетизм и суровая простота быта, характерная для периода становления системы сёгуната, уже не соответствовали представлениям и требованиям добившегося безраздельного господства в стране военного дворянства. Все отчетливее обнаруживается его стремление к подражанию жизни хэйанской знати, проявляется тяга к роскоши, к изощренной, утонченной эстетике жизни, бывшей раньше предметом осуждения и даже презрения.

Немалое влияние на формирование эстетических принципов этой эпохи оказало дзэнское монашество, буддийские монастыри, многие из которых были тогда культурными, просветительскими центрами.

Эволюция китайского влияния, прежде всего утрата дзэн чистой религиозности, свойственной камакурской эпохе, содействовала изменениям мировоззренческих основ культуры Японии. Попытки связать пантеистические идеи дзэн с мифологией и

Сад Рёандзи в Киото

космогонией синто нашли отражение в практике разнообразных искусств (садовое конструирование, ландшафтная архитектура, чайная церемония, составление букетов и т. д.), когда отвлеченные, религиозно-философские идеи воплощались в конкретных формах мира природы. Каждое из этих искусств пережило на японской почве в XIV—XVI вв. серьезную трансформацию, достигнув в интеллектуальном и эмоциональном осмыслении необычайно разработанного и совершенного уровня.

Эстетическая концепция периода Муромати сложилась, таким образом, на основе синтеза вышеизложенных разнородных явлений. Сутью ее стало обращение к красоте — би, постижение и постоянный поиск ее, главным образом в природе, как воплощения совершенства окружающего мира, как идеала и для мира человека.

Эта концепция отражала новый этап в сложном и длительном процессе познания японцем окружающего его мира, попытки не только постигнуть, но и определить свое место в нем. Если ранее главным в восприятии человека была подавляющая его бескрайность мироздания, в котором он ощущал себя песчинкой, то новое видение мира давало ему более конкретно-осязаемые, приближенные к каждодневной жизненной практике ориентиры. Это выражалось в стремлении отразить богатство, красоту и неисчерпаемое разнообразие мира в созидательной, творческой деятельности человека — архитектуре жилища, сада, прикладном искусстве и т. д.

Важной чертой нового эстетического идеала стало умение видеть прекрасное в малом, самом обыденном и повседневном, ценить не внешнюю и бросающую яркость, а приглушенную красоту

простоты, составляющую, согласно этим представлениям, внутреннюю сущность предметов.

Этот новый этап в развитии японской культуры средневековья характеризовался участием более широких, чем ранее, социальных слоев, не только аристократии и самурайства, но и дзэнского монашества, своего рода интеллигенции, духовной верхушки военного дворянства, а также горожан и крестьянства. Именно последние внесли в эстетическую систему Муромати живительную струю демократического начала, открывшего возвышенность и одухотворенность в простой житейской деятельности человека. Однообразие и устойчивость общих принципов сделали возможным как синтез разнообразных искусств, так и их стилевое единство.

Наиболее ярко свидетельства нового мировоззрения проявились в архитектуре и искусстве конструирования садов.

Архитектура. Садовое искусство

Подлинных сооружений периода Муромати до наших дней не дошло, однако представление об этом строительстве можно составить по сохранившимся в Киото (хотя и со значительными перестройками) монастырям: Нандзэндзи, Дайтокудзи, Токуфукудзи, — а также резиденциям сёгунов Асикага Кинкакудзи и Гинкакудзи, Золотому и Серебряному павильонам.

Золотой павильон относится к числу наиболее известных построек XIV в., сохранившихся до нашего времени. Он входил в число построек загородного дворца, построенного в 1398 г. сёгуном Асикага Ёсимину. Квадратное в плане здание, увенчанное двумя крышами, крытыми корой дерева хиноки¹, напоминает по своим объемам китайские дворцовые павильоны того времени. Однако подчеркнутая обнаженность конструкции — тонкие опоры и кронштейны, простые ограждения террас и обходных балконов, раздвижные двери, отражение павильона в водах пруда, создающее впечатление легкости всего сооружения, — все это были черты, характерные для национальной архитектуры. Композиция первого этажа еще сохраняла дворцовый стиль (синдэн) с единым внутренним пространством, разделенным лишь колоннами тонких деревянных опор; второй, закрытый этаж использовался как салон музыки и поэзии; третий представлял из себя часовню.

Свое название павильон получил от покрытия стен снаружи и внутри позолотой и лаковой росписью.

В 1408 г. комплекс дворцовых построек, в который входил Кинкакудзи, был превращен в буддийский храм Рокуондзи. В настоящее время Золотой павильон и многочисленные беседки в обширном парке, окружающем комплекс, полностью восстановлены.

Серебряный павильон (Гинкакудзи), построенный в восточной

¹ Хиноки — японский кипарисовик.

части Хэйана в 1468 г. для сёгуна Асикага Ёсимаса (1449—1471), представлял собой важный этап в эволюции жилой архитектуры. Он объединял черты дворцового стиля синдэн с элементами новых жилых сооружений, так называемых сёин. В зданиях стиля синдэн все обширное внутреннее пространство оставалось единым и отделялось от внешнего пространства или разделялось на отдельные части по мере надобности ширмами и занавесами. Для стиля сёин, достигшего расцвета к концу XVI в., было характерно соединение нескольких зданий под разными крышами. В отличие от дворцовых павильонов синдэн, поднятых на высоких столбах, сооружения сёин были лишь незначительно приподняты над землей. Они имели также боковое крыльцо (гэнкан), где обычно оставлялось оружие, а впоследствии — обувь, которую снимали при входе в дом.

Первый этаж Серебряного павильона занимали жилые помещения, во втором размещался буддийский храм. Такое, не имевшее примера ранее, соединение культового и жилого объемов в одном здании было в значительной мере подготовлено формированием в XVI в. ансамбля дзэнского монастыря.

Быстрое распространение вероучения буддийской секты дзэн объяснялось ее активной апелляцией к широкому народным массам, прагматизмом и земным характером ее проповедей, отрицавших такие трудные и длительные способы постижения истины, как обрядность, чтение священных текстов, поклонение иконам и т. д. Истина таким образом становилась общедоступной, она открывалась любому как просветление, озарение — сатори, достигнутое в земной жизни с помощью разнообразной деятельности человека, будь то концентрация воли либо внутренняя сосредоточенность или достижение совершенства в выполнении любого из обыденных житейских дел.

В соответствии с этой доктриной изменилось и отношение к храму, произошло активное его приближение к жизни японца. Характерной чертой культового зодчества стала крайняя строгость и скромность, полностью исключающая пышность и яркость декоративного убранства, всю торжественную помпезность храма-дворца раннего периода распространения буддизма в Японии. Перестало быть обязательным для буддийского комплекса строительство пагоды, которую заменило скромное хранилище реликвий (сяридэн), почти полностью был упразднен алтарь с его недавней насыщенностью разнообразной скульптурой.

В то же время, поскольку достижение истины мыслилось в обыденной жизненной практике человека, поднималась эстетическая значимость самых обычных жилых и подсобных сооружений, входящих в комплекс буддийского монастыря — жилья монахов и настоятеля, бани, кухни и т. д. Они были столь же важны по своей эстетике, как и храмовые павильоны.

Эта равноценность с точки зрения буддийской доктрины и нового эстетического идеала и делала возможным соединение жилого и храмового помещения в Серебряном павильоне.

Важная роль, которую сыграл Серебряный павильон в эволюции жилой архитектуры, заключалась также в том, что он выявил и сконцентрировал основные архитектурные принципы японского национального жилища, окончательно сложившегося к концу XVI в. и сохраненного современным традиционным жилым строительством Японии.

Стремление объединить внутреннее пространство с окружающей природой привело в зданиях сёин к созданию интерьера начиная с Серебряного павильона, с конструкциями скользящих деревянных дверей (амадо) и скользящих деревянных стен (сёдзи). Сёдзи, так же как и внутренние раздвижные перегородки (фусума), представляли собой деревянную решетку. При этом сёдзи оклеивались с наружной стороны рисовой бумагой, пропускающей свет, а фусума — непрозрачной бумагой с двух сторон.

Фусума могли разделять весь внутренний объем на ряд помещений, функциональное назначение и размеры которых могли варьироваться в зависимости от потребностей.

Пол был покрыт (тоже нововведение) татами — матами из рисовой соломы, плотно уложенной в тростниковую раму — покрывашку. Размер татами был стандартным ($0,9 \times 1,8$ м) и стал служить модулем для определения площади помещения.

Полностью раскрывающийся и как бы сливающийся с природным окружением интерьер определил минимальную заполненность его предметами быта. Очаг с деревянной решеткой — котаци — или жаровня с углями, ставящиеся в углубление в полу в холодное время, небольшой столик цукуэ и несколько подушек для сидения обычно составляют бытовое убранство японского дома. Все вещи повседневного быта, включая спальные принадлежности, появляются в нем по мере надобности, хранясь обычно в стенных шкафах — кура. Исключение составляют книги и предметы искусства, введенные в интерьер зданиями сёин.

Название стилю, элементы которого впервые появились в Серебряном павильоне, дало помещение для занятий типа кабинета — сёин. Сёин выделялся из главной комнаты поднятием небольшой части уровня пола. На задней стенке его встраивалась широкая ниша — токонома, в которой была полка — тана для книг и письменных принадлежностей и место для мэйбуцу — произведений искусства. Роль мэйбуцу мог выполнять свиток живописи и каллиграфии или ваза с букетом цветов. Их красота подчеркивалась светом, падающим из окна, которое было прорезано в боковой стенке токонома. Составление букета для токонома требовало высокого мастерства, поскольку здесь также присутствовала символика. Каноны были заимствованы из Китая, но японские мастера, и прежде всего Икэнобо из Киото, ставший родоначальником национальной школы икэбана, внесли свое понимание и в систему аранжировки цветов.

Таким образом, в интерьере зданий сёин появился центр, художественно организующий все внутреннее пространство.

Икэбана — искусство конструирования букетов

Вместе с тем приобрело большое значение окружение дома — сад, искусство создания которого претерпело в это время значительные изменения. Сады, ранее рассчитанные на праздничные гуляния, теперь уменьшаются в размере и предназначаются для уединенных прогулок или созерцания с открытой террасы дома — энгава, которая, по существу, была промежуточной зоной, соединяющей интерьер с садом. Складываются каноны — построения сада, его символика. Вокруг монастырских зданий или резиденций представителей высшего самурайства разбивались

пейзажные сады, задачей которых являлось не воспроизведение конкретных естественных пейзажей или случайных природных сочетаний, а создание гармонического целого, несущего определенный философский смысл. Каждое подобное конструирование природного окружения было созданием сада-символа, рождением символической картины всего мироздания.

Проектировали такие сады художники, дзэнские монахи, умело вводившие в асимметричную планировку камни, песок и гравий, причудливого облика и формы скалы, деревья, кустарники, ручьи и водопады, вертикали и горизонтальности сооружений, искусственные холмы и водоемы.

Первоначальный сад вокруг Серебряного павильона (сейчас его окружает другой) проектировал монах-художник Соами. Он использовал основные правила организации садового ансамбля с меняющимися пейзажами, установленные известным мастером садового искусства монахом Мусо Кокуси (1276—1357).

Наиболее известными шедеврами садового искусства являются сады киотских монастырей Тэнрюдзи, Дайтокудзи, Дайгодзи и Сайходзи (Храм мхов). В 1339 г. Мусо Кокуси разбил здесь сад, главным акцентом и украшением которого стало, более пятидесяти видов мхов, поражающих необыкновенной цветовой гаммой, переходом оттенков от золотистого до почти густо-черного.

В XV в. в Японии широко распространилось конструирование

так называемых сухих садов, представляющих своеобразное соединение камня и песка. Из растительности в таком саду могли быть использованы различные виды мхов, покрывающих камни. «Сухие» сады с «причесанными» правильными бороздками белым песком или гравием обычно разбивались на небольшой территории и были предназначены не для прогулок, а для созерцания, для философских размышлений. Наиболее известным является Сад камней при монастыре Рёандзи (XVI в.), сооруженный выдающимся художником-монахом Соами. На огражденной с трех сторон небольшой площадке (218 кв. м), засыпанной белым гравием, ассиметрично расположены пятнадцать камней различной формы. «ложная и интересная композиция из глыб, поросших мхом, и камней, сгруппированных в выразительные скульптурные изображения, задумана так, что, какую бы позицию ни занимал человек, сидящий на террасе монастыря, пятнадцатый камень все время ускользает из его поля зрения, «прячется» за другими. Сад-символ наглядно демонстрирует положения дзэнской доктрины — непознаваемость мира, ускользающую истину познания, что-то всегда еще остающееся неоткрытым для человека. В то же время чрезвычайно емкий зрительный образ композиции дает каждому свое «прочтение» «сценария» сада. Для одних это символическая картина мироздания, для других — просто строгий графический пейзаж: волны океана, омывающие скалистые острова. Стремление художника вызвать у посетителя цепь разнообразных ассоциаций делает каждого, кто приходит в Рёандзи, и творцом, и соавтором шанеритого Соами.

Период феодальных междоусобиц, кровопролитные войны между князьями, начавшиеся с «беспорядков» годов Онин (1467—1477) и длившиеся больше столетия, оказали определенное разрушающее влияние на развитие общенациональной культуры. Центрами, сохраняющими культурные и художественные традиции и это время, продолжали оставаться дзэнские монастыри. Значительный вклад внесло дзэнское монашество в развитие монохромной «черно-белой» живописи, ставшей еще к концу XIV в. ведущим направлением японской живописной школы.

Монохромная живопись

Широкому распространению монохромной живописи суйбоку содействовала деятельность буддийской секты дзэн, заменившей религиозную иконографию изображением природы. Согласно буддийскому мировоззрению, природа была высшим проявлением истины и гармонии. Пейзаж рассматривался как естественная возможность выразить глубокое философское осмысление реальной действительности, высокие идеи и чувства. Художественную выразительность суйбоку, заимствованной из Китая еще в X—XIII вв., составляла лаконичная, гибкая линия тушью и тушевое пятно на белом, незаполненном фоне свитка. Они повторяли, как

правило, основную схему и составные элементы классического китайского пейзажа.

Примером может служить произведение дзэнского священника монастыря Тофукудзи Минтё (1352—1431) «Хижина отшельника у горного ручья», состоящее из двух частей: поэтической надписи и пейзажа. Тонкой градацией тонов туши от черного до серебристо-серого художник изображает деревья, пелену тумана, из которого выступает хижина с фигуркой сидящего в ней человека, белый поток, омывающий серые камни, едва проступающие контуры горных вершин. Легкий размыв туши создает впечатление воздушной среды, глубины и пространства изображения.

В таком же стиле создан и свиток художника Дзёсэцу (XV в.) «Ловля рыбы тыквой»: на берегу горного потока изображен старик, пытающийся поймать в его водах рыбу тыквой-горлянкой.

Непритязательные, на первый взгляд, сюжеты суйбоку несли глубокий подтекст. Для дзэнских монахов была важна не декоративность, а значительность и символичность, которая придавалась как самой малой детали пейзажа, так и обыденным действиям человека. Например, усилия при попытке поймать рыбу воспринимались как символ стремления и бесконечного труда, неизбежного на пути к познанию и постижению мира; старость — как длительность этого процесса; ветхость и бедность одежды как пренебрежение к мирским, житейским благам и т. д.

Несмотря на то что живопись суйбоку была областью, в которой в течение длительного времени китайское влияние проявлялось наиболее сильно, в творчестве учеников и последователей Дзёсэцу все активнее обнаруживается стремление внести свое восприятие традиционных китайских канонов.

Работы художника Сюбуна (первая половина XV в.), ученика Дзёсэцу и священника монастыря Сёкокудзи, показывают глубокое проникновение в тайны сложной системы монохромной живописи и необыкновенную легкость и свободу письма. В его свитках «Пейзаж с озером и горами», «Дом, в котором можно слушать шум ветра в ветвях сосны», «Вечерняя заря на озере и в горах» создан обобщенный и величественный образ природы, исполненный внутренней гармонии и красоты.

Ко второй половине XV в. развитие суйбоку в Японии достигает самых значительных высот. Расцвет его связан с деятельностью знаменитого японского художника Сэсю (1420—1506). Творчество Сэсю относят к самым значительным явлениям искусства Дальнего Востока. Вместе с тем оно представляет яркое национальное своеобразие и специфику японской живописи того времени.

Для работ Сэсю характерен отход от традиционной схемы обобщенного торжественного образа Вселенной и привнесение в изображение природы собственного настроения, связанного в то же время с общим характером мироощущения эпохи. Этот творческий метод позволил художнику, не отступая полностью от традиционного канона, создавать в его рамках произведения не-

эмоциональной насыщенности и национальной насыщенности. Сэсю достигал этого соединением в свитке двух образов: первого — с приближенным к зрителю выразительным изображением (сосны, камни) и второго — традиционного образа грандиозной Вселенной в виде величественных гор.

Известные работы Сэсю «Пейзаж» и «Зима» построены именно по этому принципу. Первый план «Пейзажа» изображает скалистый берег с двумя соснами, стаю птиц, в отдалении поднявшихся над водой, в туманной дымке уходящий ввысь косяк журавлей. На втором плане — традиционная для суйбоку невозмутимая тишина, спокойствие громадных друг над другом горных вершин. Сосны, написанные сильными, резкими штрихами, привлекают сразу внимание зрителя. Вцепившиеся в расщелины скал, резко обрубленные и повисшие над водой, истлестанные ветром, они упрямятся вверх. Выразительность и наглядность символа стойкости была очевидна и понятна японцу. В свитках Сэсю все это вопреки канону проявляется своя, эмоциональная трактовка темы природы.

Нововведение проявилось и в средствах изобразительности. Художник все реже использует тушевое пятно, главной становится линия, насыщенная ломающаяся линия. Так, композиция свитка «Зима» построена на ритме параллельных и пересекающихся линий. Виртуозное владение штрихом позволяло художнику выразительно представить угловатые очертания покрытых снегом холмов и маленького храма, замерзающий ручей с переходящим его мостом человеком. Но все же главным, что делало работы Сэсю необычными, было умение передать эмоциональный настрой — в свитке «Зима» это ощущение скованности всего вокруг зимним холодом.

Попытки дальнейшего изменения канона монохромной живописи обнаруживает деятельность художников XVI — начала XVII в., прежде всего так называемой школы Кано. Основателем школы Кано считается Кано Масанобу (1434—1530), официально признанный придворным художником, принимавший участие в украшении росписями дворцового строительства сёгуната.

Одним из наиболее значительных представителей школы Кано конца XV — первой половины XVI в. был Кано Мотонобу (1476—1559). Кано Мотонобу — первый художник, который, еще более подчеркивая декоративность композиции, ввел в общую схему монохромного пейзажа яркие, красочные сочетания — детально и точно переданные изображения цветов, птиц и т. д. Наиболее известно собрание произведений художника «Цветы и птицы», состоящее из 49 свитков. Яркие, красочные сочетания были заимствованы Кано Мотонобу у школы Тоса¹, представляющей классическое искусство Японии.

¹ Школа Тоса наследовала традиции аристократического, изысканного искусства Ямато — первой школы светской живописи, возникшей в XI в. Ямато — другое название Японии. Школа Ямато, живопись Ямато — национальная школа живописи.

Усиление декоративности свитка лишило суйбоку прежнего содержания и фактически превратило художественную систему монохромной живописи в условность. Но тем не менее Кано Мотонобу и его последователи добились гармонического слияния трудносоединимых элементов: цветовой насыщенности стиля Тоса и строгого, монохромного рисунка, характерного для художников школы Кано.

Живопись школы Кано стала не только направлением, определяющим развитие искусства XVI—XVII вв., но и важнейшим вкладом в национальную культуру.

Чайная церемония

Большое влияние на развитие различных аспектов культуры (архитектуры, конструирования садов и прикладного искусства) оказало развитие так называемой чайной церемонии (тя но ю). Первоначально возникший в дзэнских монастырях обычай пить для бодрости редкий, привозной из Китая напиток — чай — в XV—XVI вв. получил широкое распространение в аристократических и самурайских кругах. Строгий ритуал тя но ю был разработан буддийским монахом Мурата Сьюко при сёгуне Асикага Ёсимаса (1449—1490). Церемонию стали возглавлять специальные мастера чая (тядзины), которые приобрели большое влияние в среде высшего самурайства, в том числе и представителей сёгунской, а также и придворной аристократии. Деятельность таких знаменитых мастеров чая, как Ноами (XV в.), Сэнно Рикю (XVI в.), Соами (XVI в.), а позднее Фурута Орибэ (XVII в.) оказала огромное воздействие не только на формирование канонов чайной церемонии, но и всей художественной культуры Японии.

Первоначально чайная церемония проводилась в отгороженной ширмой части жилого помещения. В XV в. стали строить отдельные небольшие по объему павильоны, напоминающие крестьянскую хижину с четырехскатной соломенной крышей. Строгость и аскетическая простота являлись главным, что определяло внешний и внутренний облик чайного павильона (тясицу) — деревянный или бамбуковый каркас с земляной или глиняной штукатуркой, гладкие, без украшений также оштукатуренные стены спокойных тонов, бамбуковый потолок, небольшие окна с решетчатыми раздвижными рамами, оклеенными плотной белой бумагой. Слабый рассеянный свет, проникающий в тясицу, должен был содействовать атмосфере спокойствия, сосредоточенности, настрою на созерцательность и эстетическое восприятие всего окружающего. Единственным украшением и художественным центром чайного дома была токонома, в которой помещались свиток монохромной живописи и букет цветов, обычно определяющих главную тему церемонии, ее философский настрой. Стремление сделать чайный павильон местом уединения адептов секты дзэн

светного мира, созерцательности и философских размышлений определило целый ряд установлений чайной церемонии, созданных самым известным мастером чая Сэнно Рикю (1521—1591). Он определил размер чайного павильона только в четыре с половиной татами (около 7,3 кв. м), рассчитывая площадь всего лишь на пять участников церемонии.

Помимо обычного входа с задней стороны домика для тядзина устраивался вход для гостей — нидиригути. Конструктивное его уменьшение — фактически до размеров лаза (90×90 см) оправдывалось не только общим сокращением размеров павильона, но и той символикой, которая придавалась Сэнно Рикю каждой детали — низкая притолока заставляла каждого склонять голову, следовательно, «уравнивала» в чайном павильоне представителей всех социальных слоев.

Символическое значение имел и один из опорных столбов коконома — даймё-басира. Необработанный, сохраняющий кору ствол дерева должен был представлять неразрывную связь интриера с природой.

Неотъемлемой частью чайного дома был маленький и тихий чайный сад — тянива, с густой растительностью, с тропинками из плоских камней для уединенных прогулок, с каменным фонарем и каменными сосудами для воды — цукубаи. Разрабатывая в деталях чайный павильон, Сэнно Рикю хотел воплотить в конструировании сада и чайного дома эстетический принцип саби, означающий гармоническое слияние простого и изысканного, печального и спокойного, несущего как бы патину времени.

Наиболее ранними из дошедших до наших дней чайных павильонов считаются киотские Тогудо (1485), Серебряного павильона (1489), монастыря Сайходзи (конец XVI в.). Эталоном чайного павильона и сада считается знаменитый Тэйэн-сад в храме Мёкиан (окрестности Киото), созданный в 1573 г. Сэнно Рикю.

Чайная церемония и ее атрибуты

Простота и лаконичность конструкций чайного павильона оказали влияние на формирование в XVI в. национального жилища, что является наиболее серьезным достижением японского зодчества феодального периода.

Строительство крепостных сооружений

В период могущества феодального дома Хидэёси (конец XVI в.) в стране шло широкое строительство богатых резиденций высшего слоя самурайства, воздвигались замки-крепости в центрах провинций. Распространение огнестрельного оружия в Японии XVI в. привело к созданию новой военной тактики — строительству замков-крепостей со сложной системой оборонных укреплений. Подобных сооружений не было в других странах Дальнего Востока, они представляют собой памятники, характерные лишь для японского зодчества. Некоторые исследователи японской архитектуры связывают появление замков с использованием фортификационного опыта и помощи португальских инженеров. В действительности замки на японской земле строились и до появления огнестрельного оружия, наружные замковые укрепления были глинобитными, в XVI в. стены замков стали сооружаться из плотно подогнанных друг к другу каменных глыб. Пример подобного строительства представляет замок Инуяма (совр. префектура Айти, 1530 г.), построенный задолго до появления первых португальцев на Японских островах.

При возведении крепости-zamка обычно учитывались природная возвышенность, наличие реки или озера, водное пространство которых использовалось для защиты подступов к замку. Каменные стены такой крепости поднимались на семи-, восьмиметровую высоту, в отдельных случаях достигали сорока и более метров. Искусственные рвы вокруг замка имели двадцатиметровую ширину и глубину семь-восемь метров. Внутреннее пространство представляло собой сложную систему крепостных глинобитных и каменных стен и внутренних дворов, умышленно спланированный лабиринт на случай, если в крепость ворвутся враги.

Для маскировки укреплений на территории замка сажали деревья, а также разбивали сады, окружавшие жилые помещения владельца крепости и его приближенных. Главным сооружением укрепленной территории была многоэтажная сторожевая башня тэнсюкаку («господин небес»), в некоторых замках достигавшая семиэтажной высоты. Она давала хороший обзор местности, в ее многочисленных помещениях хранились боеприпасы и провиант, стены ее, как и других построек, имели прорези для стрельбы из лука, треугольные и круглые отверстия для огнестрельного оружия, решетчатые выступы для сбрасывания камней. Возведенные по углам крепостных стен 2—3-этажные башни (ягура) также использовались для хранения боеприпасов.

Замок был социальным центром складывающихся и разви-

находящихся городов, вокруг него группировались кварталы ремесленников и торговцев, в наиболее почетной зоне городской территории — вокруг замка — сооружались резиденции представителей богатых самурайских домов (вассалов князя).

Архитектурный облик замка представляет сложное чередование крыш и фронтонов, постепенно уменьшающихся кверху этажей, что зрительно облегчает все грандиозное сооружение. Несмотря на то что многоэтажные каменные крепости резко отличались от общего низкоэтажного и деревянного строительства японского города, они не выглядели инородным вкраплением. Как выразительность архитектурных форм, так и расположение замка на возвышенности делали его естественным центром и доминантой всей городской застройки.

Наиболее значительным из крепостных сооружений феодальной Японии являлся замок — резиденция Хидэёси, построенный в 1583 г. в Осака. Самым крупным феодальным владельцем было приказано поставлять камень на строительство замка. Цоколь (он сохранился) был сложен из мощных валунов. Самый большой из них (520 т) имеет площадь 87 кв. м. В замке было три комплекса защиты, идущие один за другим. Внешняя полоса укреплений представляла собой опоясывающий всю территорию крепости глубокий двенадцатиметровой ширины ров с высоким земляным валом, за которым шли каменные стены с многочисленными бойницами. Однако внешне замок казался легким и светлым благодаря стройной, с белыми стенами, сторожевой башне, поднимавшейся на сорокадвухметровую высоту. Обилие золотых украшений на фронтонах ярусов создало крепости славу «золотого замка». В многочисленных сражениях сложная система защиты крепости была разрушена. В наши дни существует лишь сторожевая башня, восстановленная в 1931 г. и внешне повторяющая прежнюю постройку.

Значительным и своеобразным памятником национального искусства является также замок в Химэдзи (префектура Хёго), построенный в XIV в. и реконструированный в конце XVI в. Его высокая сторожевая башня окружена системой внутренних дворов с монументальными каменными стенами и объединяется в единый комплекс с тремя башнями меньшего размера. Каменный постамент всего сооружения, отличающийся необычной высотой, обеспечивал неприступность замка. Богатство архитектуры и белизна стен способствовали тому, что в просторечии он стал называться «Замок Белой цапли» (Хакуродзё).

Прекращение длительного периода междоусобных феодальных войн и объединение страны, завершенное Токугава Иэясу в начале XVII в., содействовали общему экономическому и культурному подъему.

Быстрый рост городов, характерный для XVI и XVII вв., был связан с глубокими социальными процессами — выходом на историческую арену нового класса — молодой японской буржуазии. Широкое развитие буржуазной, так называемой городской куль-

Майко — ученицы школы гейш в Киото

туры привело к оттеснению на второй план культуры придворной киотоской аристократии и самурайства.

Токугавский режим всячески содействовал сохранению феодальной системы во всех областях жизни страны, в том числе и в области культуры. За период изоляции произошло значительное отставание японской науки того времени от европейской. Однако постепенно влияние средневекового буддизма все более теряет свою силу и центры культуры начинают перемещаться из храмов и монастырей в быстро развивающиеся города, прежде всего в экономический центр страны Осака и новую столицу

Эдо. Почти весь XVII век городская культура наиболее активно развивалась в Осака, где проживало самое богатое купечество и где система правительственных регламентаций действовала наиболее, чем в столице. В то же время в Эдо культура третьего сословия развивалась в условиях, когда сёгунат стремился перенести сюда и сохранить аристократическую культуру старой столицы Японии. Приглашенные сёгуном художники, скульпторы, писатели и поэты должны были содействовать созданию центра, не уступавшего Киото ни по богатству и пышности, ни по значению в развитии культуры.

Именно формирование культуры горожан, достигшей расцвета в конце XVII — начале XVIII в. (годы Гэнроку), превратило Эдо, а также Осака в действительные культурные центры в масштабе всей страны. Теперь они уже оказывали влияние на прежнюю аристократическую атмосферу старой столицы Японии, на самурайство. Однако меркантилизм, стремление к роскоши, новые моральные нормы купцов и горожан, не имевших политических привилегий, но завоевывавших положение в обществе при помощи богатства, стали вызывать недовольство правительства. Самые известные представители официальной конфуцианской школы, такие, как Араи Хакусэки (1657—1725), выступили с осуждением этических норм третьего сословия, критически оценивали культуру периода Гэнроку, считая недопустимым прославляемые ею вольность, гедонизм, отступление от старых идеологических канонов. Но это привело к возникновению оппозиционных течений — в защиту «натуральной», а также европейской науки и культуры.

Остановить процесс демократизации культуры было невозможно. Большое значение в распространении новых идей имело широкое развитие книгопечатания, заимствованного в XVI в. из Кореи. При помощи подвижного шрифта было напечатано 757 книг. Однако политика изоляции страны привела к восстановлению ксилографического способа — печатный станок сочли проявлением «иностранныго влияния». Широкое распространение искусства гравюры в известной мере также содействовало использованию ксилографии — почти в каждой гравюре изображение сочеталось с текстом, декоративность которого становилась особенно выигрышной при применении ксилографического метода.

Демократизация культуры вызвала к жизни новые формы театрального, изобразительного искусства, искусства слова. В XVII в. возникают театр Кабуки и кукольный театр Дзёрури, цветная гравюра на дереве, демократическая проза, отражающие новое видение мира, новую систему художественного постижения действительности.

Годы наивысшего развития городской культуры Японии — период Гэнроку (1688—1704) — были отмечены редким созвездием талантов живших и творивших тогда мастеров: прозаика Ихара Сайкаку, драматурга Тикамацу Мондзаэмон, поэта Мацуо Басё, художников Моронобу и Огата Корин, народного скульптора Энку.

Школа и просвещение

Усиление социальных позиций городских сословий привело к ликвидации ранее существовавшей монополии высших классов на образование. Если раньше обучение детей происходило в школах при буддийских храмах (тэракоя), то в токугавский период этим стали заниматься образованные люди — выходцы из различных слоев общества. Тэракоя постепенно приобретала характер светской школы, где семи-восемилетние мальчики и девочки в течение семи лет обучались чтению, письму, арифметике, получали некоторые практические знания. Количество учащихся обычно не превышало тридцати человек — большие тэракоя были только в Эдо и Осака. По окончании школы дети состоятельных родителей продолжали обучение в частных заведениях, остальные шли в объединения ремесленников или в услужение в богатые дома. Существовали частные школы повышенного типа, где возраст и срок обучения учащихся не регламентировались. Здесь изучали китайскую литературу и историю, философию, японскую историю, древнюю литературу. Идеологической основой просвещения была конфуцианская идеология. На основе конфуцианства строилась и система высшего образования. В 1633 г. в Эдо была основана Академия, готовившая высшие правительственные кадры. Для обучения детей самураев было создано более двухсот (к началу XIX в.) правительственных и княжеских учреждений, преподавание в которых велось на основе неоконфуцианства. Здесь изучали «гражданские и военные предметы» — китайскую и японскую историю и литературу, военное искусство и медицину. Выпускники школ в княжествах поступали в высшую столичную школу (сэйто), где они фактически продолжали образование. После окончания сэйто они могли работать преподавателями или чиновниками.

Литература

Характерной чертой литературы этого периода было появление произведений, в значительной мере освободившихся от влияния буддизма и живо отражавших повседневную жизнь разнообразных слоев общества. Однако новое направление сложилось не сразу. Связующим звеном между традициями средневековой литературы и литературой реалистического направления стали произведения канадзоси (букв. книжки, написанные слоговой азбукой — каной), получившие широкое распространение в XVII в. Вопреки названию в канадзоси наряду со слоговой азбукой употреблялись и иероглифы, но определяющим было то, что они объединяли произведения, написанные по-японски, в отличие от произведений, писавшихся на китайском, традиционном литературном языке, доступном ограниченному общественному слою ценителей и знатоков китайской культуры.

Обращенная к широкому читателю канадзоси включала множество жанров: помимо повестей произведения, близкие по харак-

туру к историческим хроникам, переводы и переложения из китайской и европейской прозы, религиозные и этические трактаты, путеводители по стране — своеобразные учебники географии, приноучительные произведения и эссе. Значительную часть прозы киндзоси составляли новые повествовательные жанры: развлекательная, комическая и народная литература. Будучи важным переходным этапом к реалистической литературе, произведения киндзоси вызывали большой интерес — они входили в число первых книг, напечатанных с помощью подвижного шрифта.

Но подлинно новое осмысление действительности с позиций буржуазных слоев города происходит в укиёдзоси — демократическом и реалистическом направлении литературы, основоположником и блестящим представителем которого был Ихара Сайкаку (1642—1693).

Слово «укиё», давшее название прозе, в средневековье имело традиционное буддийское значение — «бренный мир», «мир грез». Во времена Сайкаку оно приобрело другой оттенок. Главным в нем стал акцент на постоянную изменчивость мира. Укиёдзоси — это повести об «изменчивом мире», о современной автору быстротекущей жизни со всей ее житейской яркостью и блеском.

Будучи купцом по происхождению, Ихара Сайкаку прекрасно знал атмосферу города. Его романы и короткие новеллы отразили жизнь разнообразных слоев населения. Критическое отношение к аристократу всегда сопровождалось показом ума и смекалки дуэли, жадности ростовщика, торговца подчеркивалась бескорыстием и честностью простого труженика. Немало страниц в его произведениях было посвящено тяжелому положению японской женщины, и прежде всего самым бесправным из них — обитательницам «веселых кварталов».

К наиболее известным произведениям Сайкаку относятся «История любовных походов одинокого мужчины», «Пять женщин, предавшихся любви», «Рассказы о самурайском долге», «Японская сокровищница», представляющая собой энциклопедию жизни купечества, и др.

Популярность Сайкаку и при жизни подтверждается многократными изданиями его произведений, а также деятельностью многочисленных последователей и подражателей. Творчество писателя, воплощающее демократические идеи самоценности человеческой личности и самоценности земного человеческого существования, не только стало важной ступенью в развитии японской прозы, но и оказало влияние на развитие разнообразных направлений национальной культуры.

Влияние идеалов третьего сословия отражается и на развитии поэзии этого периода. Модным литературным жанром становится поэзия «нанизывания» строк — рэнга, когда последнее слово стиха становится началом нового стихотворения. Поэзия рэнга была известна и ранее, но неожиданное сочетание утонченности, характерной для классики, с лексикой живого, разговорного языка — пословицами, поговорками — превратило стихи в пар-

Театральная маска бугаку

дийную шуточную рэнга. Особенно был известен подобными стихами поэт Соин. Выпускались сборники начальных строф рэнга — считалось, что первую строфу написать всегда труднее.

Постепенно строфа размером в 17 слогов (5—7—5) выделилась в самостоятельный жанр хокку, или хайку (шуточная строфа). Наивысшего расцвета этот жанр достиг в творчестве знаменитого поэта XVII в. Мацуо Басё. Стихи Басё отличаются краткостью и точностью образов, вызывающих целую цепь ассоциаций. Их совершенство заключается в глубоком эмоциональном воздействии на читателя. Тематика хайку Басё обширна,

прежде всего это воспевание величия природы, пейзажная лирика. Вместе с тем демократический характер нового жанра исключал настроения уныния, безнадежности, призрачности земного существования, характерные для классической поэзии прошлого. Поэт видит окружающий мир прекрасным, и отражение многообразия жизни проникнуто в его творчестве духом реализма.

Новый поэтический стиль имел многочисленных последователей, наиболее известные среди них — поэты Буссон, Исса и др.

Значительные изменения произошли и в традиции создания литературы для театра. Длительное время тексты постановок были примитивны — успех целиком зависел от игры актеров. Приход в театр Тикамацу Мондзаэмон (1653—1725), писавшего пьесы для Кабуки и театра кукол Дзёрури, кардинально изменил ситуацию. Драмы Тикамацу, ставшие высшим достижением театральной драматургии, начали свое триумфальное шествие по стране с 1675 г. и обеспечили настоящий расцвет театра кукол. Тикамацу писал исторические драмы о древних, легендарных временах, о бранных подвигах, о славе самурая, верного своему воинскому долгу, создавал «мещанские» драмы сэвамоно, где поднимал проблему долга — гири — в ее сложном и многозначном звучании. Драмы Тикамацу, в частности «мещанские», были особенно понятны и созвучны настроению простого горожанина. Герои на сцене словно повторяли бесхитростные житейские ситуации Осаких и Эдоских кварталов. В 1703 г. впервые была поставлена драма «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки».

В основу драмы были положены действительные события из жизни средневекового города Осака: молодой торговец и девушка из унесительного квартала Сонэдзакки покончили жизнь самоубийством в храмовой роще.

«Веселый квартал», его персонажи, выведенные на театральные подмостки, и двойное самоубийство влюбленных, которое называлось «синдзю» («искренность сердца»), — все это были типичные явления из жизни средневековой Японии, так же как и запреты синдзю правительством, обоснованно рассматривающего их как своеобразный антифеодальный протест. «Веселый квартал» был единственным местом, где богатый горожанин чувствовал себя равным самураю. Здесь наиболее ярко проявились социальные коллизии, дававшие пищу творчеству художников и писателей.

Жизнь куртизанки, любовь к ней купца или самурая стала темой множества драм и романов, сюжетом разнообразных аспектов изобразительного искусства.

Художественная ткань произведений Тикамацу тонка и необычайно поэтична. Хотя в основу произведений Тикамацу легли реальные происшествия, талант автора превращал простую жизненную историю в драматическую поэму высокого художественного звучания. Тикамацу создал девяносто «исторических пьес» и двадцать четыре «мещанские драмы», шедшие во многих театрах страны. Произведения Тикамацу Мондзаэмона стали серьезным вкладом национальной драматургии в общемировую сокровищницу культуры.

Театр

Потребности и вкусы горожан определили изменения в развитии театрального искусства этого времени. Театр Ноо, сложившийся в XIV в. и развивавшийся как утонченный аристократический театр, пользовался поддержкой и покровительством высших представителей самурайского сословия. Так, сёгун Асикага Ёсимицу (1358—1408) взял труппу Ноо под свое покровительство. Феодалный диктатор Тоётоми Хидэёси не только поддерживал развитие театрального искусства, но и играл в пьесах Ноо, выбирая для себя наиболее торжественные и благородные роли. По его замыслу писались драмы, в которых он играл себя, выступая легендарным героем, облеченным божественной властью.

В начале XVII в., с приходом к власти дома Токугава, начинается новый этап в развитии театра Ноо. Он существовал теперь под непосредственным наблюдением и покровительством сёгуна и становится официальным, церемониальным искусством (сикигаку). Первым проявлением нового положения театра было церемониальное представление в честь провозглашения Токугава Иэясу сёгуном в 1603 г. С этого времени складывается традиция отмечать торжественными представлениями Ноо важные события в жизни правящей элиты: приход к власти сёгуна, бракосочетание

и рождение наследников в именитых семьях и т. д. Пышные, торжественные многодневные представления для избранных устраивались в замке сёгунов в Эдо. Ритуальный характер представлений способствовал тому, что условно-символическое решение спектакля приобрело характер незыблемого художественного канона, а игра актеров стала развиваться как постоянное совершенствование техники исполнения.

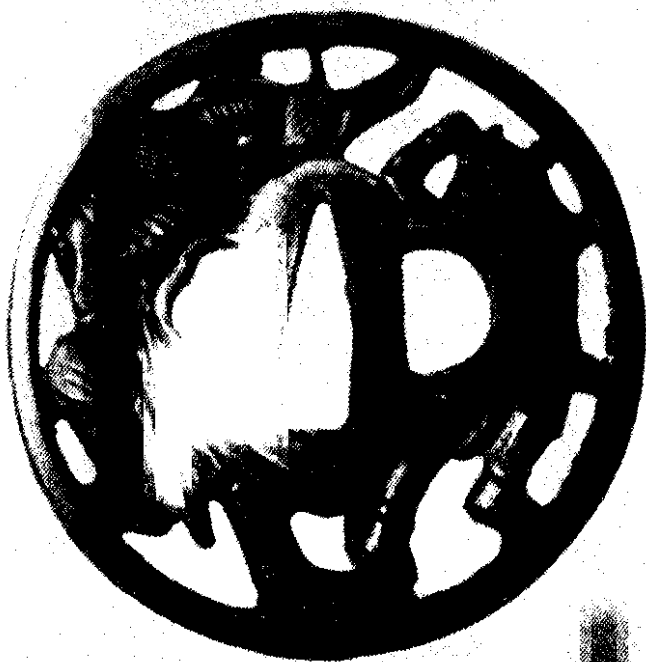
В эпоху Эдо актеры Ноо впервые получили гражданский статус, приравненный к нижнему разряду самураев, и рисовый паек — жалование, которое выплачивалось им сёгуном и даймё. Были случаи, когда актер удостоивался высшего самурайского звания — даймё, но известны и факты, когда за плохую игру его принуждали сделать сэппуку.

Спектакль театра Ноо представлял собой гармоническое соединение разнообразных искусств: слова, музыки, танца, пантомимы, декоративно-прикладного искусства, эстетики. Однако в XVII в. классическая национальная драма театра Ноо — ёкёку, происшедшая от простейших народных представлений (песни, танцы, акробатика, жонглирование и т. д.), все реже ставится для простой публики. Интересы горожанина, жизнь быстро развивающегося и экономически усиливающегося города стал отражать театр простолюдина — Кабуки — театр живого актера, и Нингё дзёрури — театр марионеток.

Возникновение Кабуки в начале XVII в. принято связывать с выступлениями бывшей храмовой танцовщицы Окуни, ставшей основательницей нового популярного зрелища бытового характера — она исполняла песни, танцевала, разыгрывала небольшие сценки. С 1603 г. на открытых площадках уже выступает труппа Кабуки. Представления состояли преимущественно из танцев с незначительными введениями драматических сенок. Текста пьес не существовало, актеры импровизировали по ходу сценического действия. Но уже к концу XVII в. в Кабуки ставились многоактовые пьесы с сюжетами, нередко заимствованными из героического феодального эпоса. В больших городах — Эдо, Осака, Киото — существовали целые театральные кварталы с помещениями для театральных представлений и довольно сложным оборудованием сцены.

Первоначально в труппе Кабуки играли только женщины. Однако пристрастительный контроль над театром, популярность которого все возрастала, привел к запрету в 1629 г. выступлений актрис. На сцену театра теперь допускались только юноши. Однако и этот театр в 1652 г. был распущен как «безнравственный». Только в 60-х годах XVII в. с большими оговорками театр Кабуки получил разрешение на открытие, но играть отныне все роли могли только мужчины. Это привело к появлению специального амплуа оннагата — исполнение мужчиной женских ролей, которое является одной из характерных особенностей Кабуки и в наши дни.

Правительственная политика регламентаций по отношению к

Цуба с изображением демонов

Кабуки, так же как и к другим театрам горожан, включала социальные ограничения и территориальную изолированность актеров. Правительство боролось с широкой известностью и огромным успехом актеров в городской среде. В то же время оно не могло пойти на запрет театров, понимая, что театральное действо выступало своеобразным «социальным громоотводом», позволяющим отвлекать низшие слои населения от насущных социальных проблем. Феодалские регламентации строго определяли назначение театров: Кабуки был для горожан, Ноо — исключительно для самурайства.

На вкусы простолюдина был рассчитан и Нингё дзёрури — театр марионеток, появившийся в XVI в. из устного песенного ска-на, сопровождаемого аккомпанементом сямисэна и игрой кукол. Специфика театрального жанра дзёрури заключается в том, что куклы здесь безмолвны и лишь иллюстрируют пение и декламацию рассказчика — гидаю, ведущего весь спектакль. Первые куклы почти не двигались по сцене. Постепенно механизм управления ими усложнялся, и они «ожили». Выработалась также традиция, когда кукловод, ведущий большую (в две трети человеческого роста) куклу, работает на виду у публики: мастера — в цере-

мониальной одежде, с открытыми лицами, их помощники — в черных костюмах и капюшонах с прорезями для глаз.

Пьесы, которые писались для кукольного театра, составили особую драматургию, поднимавшую самые острые проблемы жизни городских сословий. Название пьес, так же как и театра, произошло от имени героини популярного «Сказания о девушке Дзёрури». В 1684 г. в Осака, а в 1675 г. в Киото были открыты театры Нингё дзёрури, занявшие особое место в общественной атмосфере Японии тех лет благодаря ставившимся здесь драмам великого драматурга Тикамацу Мондзаэмон.

Глава 6

Япония в период кризиса феодальных отношений

Социально-экономическая политика сёгуната в XVIII в.

Конец XVII — начало XVIII в. были отмечены ухудшением общей экономической ситуации в стране. Разрыв между уровнем жизни дворянства и простого народа чрезвычайно возрос. Сёгунский двор устраивал пышные торжества и многочисленные праздники, покровительствовал различным искусствам. Даймё подражали жизни при дворе, тратили огромные средства и постепенно все чаще оказывались в зависимости от ростовщиков и купцов. Несмотря на значительное развитие товарного хозяйства, в деревне ухудшается положение крестьянства вследствие увеличения феодалами нормы налогов (ранее «четыре доли — государю и шесть — народу», теперь «пять долей — государю, пять — народу»). Разорение крестьянского хозяйства привело к сокращению населения. В 1726 г. население Японии составляло 26,5 млн. человек, в 1804 г. — 25,5 млн. человек. Широкое распространение в неурожайные годы получило детоубийство. Ухудшению жизни крестьянина, усилению феодального гнета в этот период содействовало практиковавшееся феодалом взимание налогов на несколько лет вперед, а также передача на откуп купцу феодальных поборо

с деревни. Прямым следствием усиления эксплуатации было бегство крестьян из деревни. К концу XVIII столетия число бежавших достигло 1 млн. 400 тыс. человек. С 1712 г. по указам сёгуната стали проводиться постоянные проверки городского населения с целью возвращения беглых крестьян на прежнее местожительство. Усилению контроля содействовали и общие переписи населения, регулярно проводившиеся с 1726 г., а также указы, запрещавшие крестьянам собираться и создавать какие-либо объединения. Тяжелое положение трудового населения усугублялось

стихийными бедствиями, обрушившимися на Японию в этот период (землетрясения, наводнения, тайфуны, и т. д.). В 1732 г. значительная часть урожая в Центральной Японии и на о-ве Кюсю погибла из-за наводнений и нашествия саранчи; от голода умерло около 1 млн. человек. В 80-х годах начался массовый страшный голод по всей стране. Он был следствием не только стихийных бедствий, но прежде всего беспощадной эксплуатации чиновников бакуфу и даймё, забиравших у крестьянской семьи почти весь урожай риса.

Доведенные до крайности крестьяне восставали. Новой чертой крестьянских выступлений, особенно характерной для второй половины XVIII в., была их массовость и необычный размах, нередко охват нескольких провинций, когда правительственные войска или военные соединения князей не могли справиться с восставшими. Так, голодающие крестьяне провинции Дова подняли восстание в 1747 г., быстро захватившее значительную территорию, а в 1749 г. в связи с голодом и неурожаем начались волнения в княжестве Айдзу. Одно из крупнейших восстаний с числом участников 200 тыс. человек произошло в 1754 г. в районе Курумэ на о-ве Кюсю, где дополнительным налогом было обложено все население княжества в возрасте от 8 до 80 лет. Крестьянское восстание в 1764—1765 гг. в районе Канто (провинции Кодзукэ, Симодзукэ, Мусаси) вылилось в грандиозный поход на Эдо, в котором участвовало 200 тыс. человек. Поводом к выступлению стало введение дополнительных налогов, которые в итоге развернувшихся событий правительством вынуждено было отменить. Но сотни участников восстания погибли в тюрьмах.

80-е годы XVIII в. были временем большого количества и городских восстаний, проходивших одновременно с крестьянскими бунтами и выступлениями. В мае 1787 г. восстаниями в городах была охвачена вся страна, начавшись в Осака они перебрались в города центральной и южной части Хонсю, островов Кюсю и Сикоку. Самым крупным было выступление городской бедноты в столице в мае 1787 г., вызванное спекуляцией торговцев рисом. Движение захватило соседние с Токио города, народ громил рисовые склады и дома богачей. Восстание подавили войска бакуфу и хотя чиновникам сёгуната и даймё иногда приходилось содействовать снижению цен, голод продолжает свирепствовать в последние десятилетия XVIII в. В городе и деревне население вынуждено было питаться травой, использовать размельченную кору деревьев, корни растений. В северной части Японии ежедневно умирало от одной до двух тысяч человек.

Представители токугавского сёгуната путем всевозможных административных мероприятий (реформ, законодательных установлений) пытались приостановить разложение феодальных порядков. Но финансовый кризис бакуфу, расстройство основы экономики — натурального хозяйства, происходившее в результате развития товарно-денежных отношений, ослабление пози-

ций самурайства и активное развитие торгово-ростовщического капитала — все эти явления наблюдались еще при пятом сёгуне из дома Токугава — Цунаёси, находившемся у власти в 1680—1709 гг. Политика восьмого сёгуна Токугава Ёсимунэ, правившего страной с 1716 по 1751 г., имела ту же ориентацию на восстановление былого экономического и политического положения дворянства. Но осуществление этого было невозможным вследствие значительно углубившихся кризисных явлений в феодальном обществе Японии.

Мероприятия Ёсимунэ получили название реформ годов Кёхо (1716—1735). «Рисовый сёгун» (так его прозвали в народе) был известен возросшим сбором риса по стране, что объяснялось расширением посевной площади риса в результате освоения новых земель и усовершенствования ирригационной системы. Однако в действительности речь шла прежде всего об увеличении поступлений в казну сёгуната не столько за счет роста общего производства риса, сколько за счет установления новой нормы поступлений основного налога нэнгу.

Таким образом, увеличение объема товарного риса было прямым следствием ухудшения положения крестьянина. К тому же для упорядочения бюджета бакуфу Ёсимунэ обложил временным общегосударственным налогом даймё, что в конечном счете привело также к утяжелению налогового гнета труженика деревни. Борьба сёгуна против взяточничества, всевозможных злоупотреблений чиновничества дала весьма слабый результат. Огромное сопротивление встретили его выступления против роскоши в жизни высших слоев самурайства и представителей торгово-ростовщических кругов.

По распоряжению Ёсимунэ были сохранены ограничения, существовавшие на торговлю Японии с западными странами — строго определялся объем экспорта меди (2400—2700 т), полностью запрещался вывоз золота, почти прекращался вывоз серебра, сокращалось количество китайских и голландских кораблей, которым разрешалось прибывать в порт Нагасаки (голландских — не более двух), в целях пресечения контрабанды устанавливался более жесткий контроль над всей торговлей.

К 1742 г. относится составление законодательного кодекса токугавской династии, который фактически суммировал административные мероприятия годов Кёхо. Кодекс из 100 статей имел в виду прежде всего интересы феодального класса, но не мог не отразить важнейшие изменения социально-экономической ситуации в стране — активное развитие товарно-денежных отношений и укрепление позиций торгового капитала. Во многих статьях уделено внимание земельным отношениям, закладу земли, денежным долгам, процентам по ним и т. д.

В отличие от «Завещания Иэясу», которое по существу являлось инструкцией его будущим преемникам власти и определяло скорее систему взаимоотношений различных слоев дворянства, кодекс 100 статей Ёсимунэ был первым законодательным

документом Токугава. Общее, что объединяло два документа — исключительно подробно и тщательно разработанный раздел о мерах наказания различных преступлений. Прежде всего имелись в виду преступления простолюдинов против самурайства, наказание женщин, провинившихся перед мужем. Кодекс имел приложение с наглядным изображением наказаний (сожжение, повешение, заключение в тюрьму, татуирование, избивание палками и пр.).

Хотя реформы годов Кёхо по-существу не дали реальных результатов, в конце XVIII в. вновь были предприняты попытки укрепления феодального режима и противодействия росту экономической мощи торгово-ростовщического капитала, буржуазных элементов общества. Регент при малолетнем сёгуне и фактический правитель страны в 1786—1793 гг. Мацудайра Саданобу под флагом борьбы за экономию начал наступление на расточительство и роскошь в среде самурайства и богатых горожан и крестьян. Он сократил средства, шедшие на обеспечение императорского двора. С целью укрепления пошатнувшегося экономического положения самурайства он освободил вассалов сёгуна от уплаты по долговым обязательствам, превышающим шестилетнюю давность. Однако недовольство и противодействие торгово-ростовщического капитала, объединившегося с дворянской оппозицией, режиму экономии, привело к полному краху политики Мацудайра Саданобу [реформ годов Кансэй (1787—1793)].

Япония и иностранные державы на Дальнем Востоке в конце XVIII — начале XIX в.

Длительная изоляция Японии от внешнего мира никогда не была полной. Регулярные, хотя и строго регламентированные сёгуна-том связи поддерживались с голландскими и китайскими купцами. Торговля полностью монополизировалась чиновниками бакуфу. В то же время сёгунский дом и императорское окружение регулярно отправляли снабженные особыми разрешениями на плавание за пределами страны корабли для торговли в странах Юго-Восточной Азии (Аннам, Сиам). Сёгунат через самураев, изучавших язык иностранцев, а с 50-х годов XIX в. через штат чиновников, знавших голландский язык и переводивших материалы, книги, которые регулярно привозили голландские корабли, получал сведения о западном мире.

С начала XVIII в. в Японию доходят сведения о выходе соседней России на берега Тихого океана и ее активной деятельности по освоению этого района.

Первые десятилетия XVII в., когда Япония вступила в полосу длительной изоляции и ее жителям было запрещено совершать далекие плавания, стали как раз временем, когда русские в процессе присоединения Восточной Сибири к российским владениям

вышли к Охотскому морю. Походы Ермака, Пояркова, Москвитина, Дежнева, Атласова, Хабарова, мореплавание на Тихом океане привели ко многим географическим открытиям. На русских картах XVII в. были нанесены Татарский пролив и отмечено островное (а не полуостровное, как считалось ранее) положение Сахалина. В 1697 г. после похода Атласова к России была присоединена Камчатка, и в первой четверти XVIII в. началось обследование Шантарских (открытых в 1645 г.), Караганского и Курильских островов. Большая часть Курильской гряды была картографирована в результате нескольких экспедиций (1711, 1713, 1719—1721), возглавленных русскими исследователями — И. П. Козыревским, Д. Я. Анциферовым, Ф. Ф. Лужиным, И. М. Евреиновым и др. Результаты обследования содержали также обстоятельное описание айнского населения Курил, а также сведения о Японии. В ходе обследования северо-западной части Тихого океана русские мореплаватели в 1732 г. высадились на Американском континенте; продолжались также поиски путей в Японию. В июне 1739 г. экспедиция М. Шпанберга и В. Вальтона впервые подошла к Северо-восточному побережью о-ва Хонсю и затем высадилась на Восточном побережье о-ва Эдзо (Хоккайдо).

Несмотря на дружественные контакты с местным населением, экспедициям установить торговые отношения с Японией не удалось. Бакуфу подтвердило свое неуклонное следование политике изоляции выпуском новой инструкции о насильственных мерах в отношении иностранных кораблей (1739). Экономическое развитие дальневосточных владений России, их хозяйственная деятельность содействовали продолжению исследований Охотского моря и северо-западной части Тихоокеанского бассейна. В 1742 г. А. Шельтинг уточнил островное положение Сахалина. Последний был изображен островом в составленной в 1745 г. первой научной карте Восточной Азии, вошедшей в «Академический атлас России». Приоритет открытия и изучения Сахалина и Курильских островов принадлежит русским исследователям, с первой половины XVII в. осуществлявшим планомерное, систематическое их обследование и заселение. Во второй половине XVIII в. русские поселения существовали на о-вах Парамушир, Шумшу, Симушир, Уруп и Итуруп. В эти же годы было проведено более сорока экспедиций на Алеутские острова и Аляску.

Созданная в 1799 г. Российско-Американская торговая компания унаследовала от действовавшей ранее компании купцов Шелехова и Голикова обширные обследованные территории, где были русские поселения (Курильские острова, Сахалин, Алеутские острова, Западное побережье Северной Америки от Аляски до Калифорнии).

Попытки исследования островов Южно-Курильской гряды со стороны Японии относятся к значительно более позднему периоду (80-е годы XVIII в.) и выглядят на фоне русских исследова

ний XVII—XVIII вв. единичными. Наиболее известный японский географ и исследователь Могами Токунай был первым из своих соотечественников, достигших о-вов Итуруп и Уруп в 1786 г. Но высаживаясь в конце XVIII — начале XIX в. на Курильских островах, японцы ломали пограничные знаки, вытесняли русских поселенцев, применяя угрозы и силу.

Русское правительство стремилось наладить контакты с тихоокеанским соседом. В 1792—1793 гг. с целью установления с Японией официальных торговых отношений была отправлена экспедиция А. Лаксмана. Хотя пребывание русских было ограничено о-вом Эдзо, Лаксман был принят как официальный представитель и получил письменное разрешение на прибытие в Нагасаки одного русского корабля в год. Это было значительным успехом — впервые за все годы «закрытия» страны русские получили права, одинаковые с голландцами, монополизировавшими торговлю с Японией. Однако русское правительство в течение двенадцати лет не воспользовалось разрешением на торговлю. Прибывшему в Нагасаки осенью 1804 г. посольству Н. П. Резанова (вместе с первой русской кругосветной экспедицией Крузенштерна) было отказано даже в переговорах. Неудача постигла и последующие русские экспедиции 1806—1807 гг.

Причиной этого являлась правительственная политика в отношении иностранцев. Кроме того, усилившиеся агрессивные действия японских чиновников и купцов, захвативших в эти годы рыболовные участки на Кунашире и превративших остров в базу постоянных набегов на русские поселения на Южно-Курильских островах. Местное айновское население было обложено налогами, сбор которых производился японцами с особой жестокостью и не раз приводил к столкновениям между туземцами и купцами. В 1789 г. вспыхнуло восстание айнов на Кунашире, было убито более 70 японцев, сопротивление местного населения удалось подавить лишь благодаря военной помощи феодального княжества Мацумаэ, отправившего на Кунашир 30 судов.

Осенью 1806 г. с целью обследования и укрепления русских поселений на Курилах и Сахалине, а также снабжения их продовольствием была отправлена экспедиция лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова. Они пытались восстановить пограничные знаки на островах, освободить айнов от японской кабальной зависимости. Это привело к конфликту с японцами. За самовольное нарушение правительственных инструкций о сугубо мирном развитии взаимоотношений с тихоокеанским соседом против Хвостова и Давыдова было возбуждено следствие комиссией военного суда. В качестве наказания им аннулировали награды за проявленные в войне со Швецией храбрость и мужество.

Неудачной была и экспедиция капитан-лейтенанта В. М. Головина с целью обследования Шантарских и Курильских островов. 11 июля 1811 г. на Южном побережье Кунашира он с группой

русских моряков был вероломно захвачен японцами и пробыл в японском плену на о-ве Эдзо более двух лет.

Токугавское правительство продолжало упорно сохранять и даже усиливать систему заградительных мер, поддерживающих режим изоляции. Любое новшество рассматривалось им как угроза стабильности существующего феодального порядка.

Глава 7

Япония накануне буржуазной революции

Экономическое положение Японии в начале XIX в.

Социально-экономические процессы, происходившие в стране в период правления последних сёгунов из дома Токугава, свидетельствовали о глубоких противоречиях в обществе. Сельское хозяйство к середине XIX в. стало обнаруживать проявления серьезного кризиса. Обрабатываемая площадь с начала XVIII в. не расширялась, оставаясь на одном и том же уровне (2,9 млн. тё — 3 млн тё). Прирост населения был предельно низок — с начала XVII в. до середины XIX в. он составил 0,01% в год. Усилилось расслоение в деревне, быстрыми темпами шло обезземеление крестьянства. Вследствие того, что натуральное хозяйство уже не было единственной формой национального хозяйства и шло быстрое развитие товарно-денежных отношений, крестьянин, нуждающийся в деньгах, все больше попадал в зависимость от торгово-ростовщического капитала. Поскольку кредит обычно предоставлялся под залог будущего урожая, быстрыми темпами шло обезземеление крестьянства, рост арендаторских слоев, появление беднейшего пауперизированного крестьянства мидзуноми («пьющих только воду»).

В японской деревне между тем шел медленный, но неуклонный процесс разложения феодального способа производства. Характерной его чертой был подрыв монополии дворянства на землю, потеря земельных владений крестьянами и концентрация их в руках нового социального слоя — землевладельцев из купечества, в руках богатых крестьян (гоно) и землевладельцев из рядовых самураев (госи).

Наиболее ярким свидетельством активно идущего вызревания в экономике Японии предпосылок капиталистического способа производства было неизменное увеличение количества мануфактур. В первой половине XIX в. в стране возникло более 180 новых мануфактур, что превышало общую цифру за два предшествующих столетия. Мануфактуры создавались представителями торгово-ростовщического капитала, феодальными князьями и правительственными ведомствами бакуфу (так назы-

аемые казенные мануфактуры). Мануфактуры, создаваемые купцами, были в красильном, гончарном, текстильном производствах (ткацкие и прядильные), в производстве сакэ, пищевых продуктов и пр.

Среди феодальных мануфактур подавляющую часть составляли производящие вооружение. Особенно это характерно было для княжеств юга и юго-запада Японии, отличающихся на протяжении всей истории сепаратистскими тенденциями и, следовательно, заинтересованностью прежде всего в производстве оружия. Были в княжествах также мануфактуры шелкоткацкие, хлопкопрядильные и производящие пищевые продукты.

Казенные мануфактуры фактически были мануфактурами самого богатого в Японии феодального дома Токугава. Однако несмотря на мощную финансовую базу, они возникли гораздо позднее купеческих и княжеских мануфактур и имели более низкую в сравнении с ними техническую оснащенность. Были также горно-рудные, железоделательные казенные мануфактуры.

Как правило, на мануфактурах всех трех типов использовался наемный труд. Отделение производителя от средств производства — основа первоначального накопления — активно шло уже во второй половине XVII в., но в целом процесс задерживался тем, что нередко разоренный крестьянин не покидал деревню, а здесь же становился арендатором. Однако беглые крестьяне, разоренные ремесленники, ронины составляли значительный резерв свободной рабочей силы, определяющий появление предприятий капиталистического типа.

На мануфактурах феодальных княжеств также использовался наемный труд (в отличие от вотчинных мануфактур России, где работали крепостные крестьяне).

Работницы шелкоткацких мануфактур в Кумамото, Киото, сахарных мануфактур в Кагосима, в промышленных поселениях провинций Фукусима, Гифу, Симоса и других получали за свой многочасовой (16 часов) труд заработную плату. В мануфактурное производство вводились различные технические усовершенствования, прежде всего в горном деле, в плавке металла. Мануфактура в этот период имела специализацию и дифференцированную оплату: например, казенное горнодобывающее производство в северо-западной части Хонсю насчитывало около двухсот рабочих, которые были распределены согласно видам выполнявшихся ими работ. Заработная плата имела строгую дифференциацию (2—4 иены — заработная плата рабочего, 70 иен — заработная плата управляющего). Об активном и широком развитии капиталистического уклада говорит распространение по разным районам Японии предприятий с начальными формами капиталистической промышленности, хотя в целом уровень экономического развития страны был значительно ниже по сравнению с европейскими странами и Америкой. Историк Хаттори считал, что в 30-е годы XIX в. существовала мануфактурная стадия развития капитализма.

Ваза металлическая с инкрустацией

В настоящее время эта концепция раскритикована самими японскими историками, которые считают, что развитие мануфактур имело место после незавершенной буржуазной революции. Советские историки считают, что в этот период в Японии созрели экономические предпосылки буржуазной революции, хотя несомненно база для революционных преобразований была еще незначительной.

Политический кризис системы сёгуната Токугава

Острое недовольство различных социальных слоев и классов режимом сёгуната выражалось в крестьянских восстаниях, город-

ских «рисовых бунтах», в участии в вооруженных выступлениях представителей торговой и зарождавшейся промышленной буржуазии и даже представителей правящего самурайского сословия. Это была та социальная сила, которая постоянно расшатывала режим сёгуната и привела в начале XIX в. к глубокому политическому кризису.

Одним из крупных антиправительственных выступлений было восстание Осио Хэйхатири (1794—1837) в Осака в 1837 г. Осио принадлежал к самурайскому сословию и занимал должность начальника городской стражи. Начавшимся в округе голодом воспользовались торговцы рисом, развинтившие цены. Осио обратился к чиновникам сёгуната с требованием наказать торговцев-богачей, развязавших спекуляцию. Получив отказ, Осио распродал свое имущество, в том числе фамильную библиотеку с редкими, ценными рукописями и книгами, и, купив рис на вырученные деньги, раздал его городскому населению.

Осио и его сторонники разослали воззвание к народу и прокламации в 33 административных пункта осакской и соседних провинций — Сэцу, Кавати, Харима, Идзуми.

17 февраля 1837 г. триста вооруженных повстанцев открыли склады богачей и начали раздавать рис. В городе захватывали и жгли богатые кварталы, дома ростовщиков, оптовиков-рисоторговцев, в том числе были сожжены дома и склады двух влиятельных фирм, уже в то время объединявших торговую и промышленную деятельность — Мицуи и Коноикэ. В восстании, преждевременно раскрытом и подавленном, не успели принять участие крестьянские отряды, шедшие на помощь в Осака из окрестных провинций.

Восстание Осио вызвало широкую ответную волну в самых различных районах страны. Одним из подобных движений было выступление против торгово-ростовщической буржуазии восьмисот горожан и крестьян в районе Касивадзаки под руководством Икута, называвшего себя учеником Осио.

Руководители восстания в Осака не представили, да и не могли иметь реальной программы социального переустройства. Тем не менее при всей противоречивости призывов (Осио заявлял, что не выдвигает политических задач, но в то же время критиковал феодальный режим, призывал свергнуть сёгуна и восстановить власть императора) восстание стало важнейшим этапом в истории развития сопротивления угнетенных масс Японии. Важным было также то, что в выступлении объединились представители разных социальных слоев — городские низы поддержало крестьянство, у руководства восстанием стояли самураи. Все это свидетельствовало также о серьезных изменениях в общей политической обстановке страны.

Нарастание крестьянских и городских бунтов по всей Центральной Японии после восстания 1837 г., подрыв экономики и политической стабильности могут объяснить новую попытку сёгуната укрепить феодальные порядки. После серии реформ

периодов Кёхо (1716—1735) и Кансэй (1787—1793) эти мероприятия бакуфу известны как реформы годов Тэмпо (1830—1843). Осуществлял введение реформ дом Мидзуно, после отставки Мацудайра Саданобу фактически руководивший политикой сёгуната в течение 30 лет. В 1834 г. энергичный представитель этого дома Мидзуно Тадакуни занял пост члена Совета старейшин (родзю), а после смерти сёгуна Изнари в 1841 г. получил почти неограниченные полномочия правителя при новом сёгуне Изёси (1838—1853).

Реформы Мидзуно Тадакуни в значительной их части явились повторной попыткой осуществить мероприятия Мацудайра Саданобу по укреплению экономического положения самурайства и поднятию его престижа как признания прежнего особого положения воинского сословия. Реформы запрещали роскошь, богатое украшение домов, торжественные праздничные шествия, курение табака и многое другое как разрушающее нравы и «скромный» образ жизни.

Но наибольший эффект должно было дать серьезное ограничение деятельности торгово-ростовщического капитала — указ о роспуске в декабре 1841 г. монопольных гильдий кабунакама. Однако за длительное время существования эти организации приобрели такую экономическую мощь и влияние, что сёгунат оказался не в состоянии добиться реформами каких-либо результатов. Указ о роспуске кабунакама, означающий свободу торговли, не только не привел к снижению вздутых монополиями цен, но вызвал совершенно неуправляемое состояние рынка. Указы о запрещении торговых корпораций и оптовой торговли, а также попытка ликвидировать проценты на долги самурайства у торговцев рисом вызвали такой взрыв недовольства со стороны торговцев и ростовщиков и саботаж реформ, что Мидзуно Тадакуни в сентябре 1842 г. был вынужден уйти в отставку, а ликвидация кабунакама была официально отменена в 1851 г. Крах третьей попытки реформ, имевших целью укрепить феодальный строй, свидетельствовал о дальнейшем ослаблении позиций класса феодалов и неуклонном росте активности буржуазных слоев, добившихся уничтожения феодальных ограничений и получивших таким образом перспективы более быстрого, чем ранее, развития.

Немаловажное значение в деятельности оппозиционных сёгунату сил имело «идеологическое» обоснование их выступления. Оно заключалось в попытках доказать юридическую несостоятельность, «незаконность» правления сёгуна, узурпировавшего власть у «законного» правителя — императора. Еще в середине XVII в. образованные самураи из числа тодзама-даймё, политически и экономически притесняемых деятельностью дома Токугава, объединились с целью доказать «историческими» аргументами неправомерность существования сёгунского режима. В 1660 г. один из образованнейших представителей феодального дома Мито — Мицукуни, создавший «историческую школу Ми-

го», вместе со своими учениками и коллегами завершил составление «Дайнихонси» — огромного собрания древних мифов, легендарных и полуполулегендарных сведений, исторических хроник. Публикация разнообразных древних историко-литературных памятников должна была «документально» подтвердить древность и непрерывность в веках существования императорской династии, подлинность ее прав на управление страной и, таким образом, обожать и подчеркнуть узурпаторскую роль сёгуна.

Вторым направлением, характерным для публикации и пространных комментариев, было выделение и подчеркивание ценности всего сугубо национального в противовес иноземному, и прежде всего китайской школе, в политике, общественной жизни и культуре.

Это было также прямым выпадом против сёгуната, официальной идеологией и этической практикой которого было чжуси-люкское конфуцианство.

Идеи школы Мито продолжала так называемая национальная школа кокугаку. Наиболее значительными ее представителями были Камо Мабути (1697—1769), Мотоори Норинага (1730—1801), Хирата Ацутанэ (1776—1843).

Публикациями древних документов, исследованиями и комментариями к «Кодзики», «Манъёсю», «Нихонсёки», «Гэндзи-моноготари», к обрядовым песням кагура и молитвам норито, которые имели противокитайскую направленность, ученые этой школы стремились показать значительность и весомость национального наследия, глубину японской классической культуры. Об огромном объеме работы, проделанной кокугакуся (учеными национальной школы), свидетельствуют труды только одного Мотоори Норинага — он оставил 263 тома завершенных работ, а также огромное количество эссе, дневников и разных записей.

Историческая концепция кокугаку исходила из «подлинности» мифологической эры как начала японской истории, а также «божественного» сотворения Японских островов и особого «божественного» происхождения японского императора и всей японской нации. Наиболее ясно эта идея была развита в работах Хирата Ацутанэ — «Наша земля — родина богов, и все мы произошли от них». «Уникальность» власти японского императора одновременно является поводом для кокугакуся продемонстрировать специфику и неповторимость «японского пути». В Китае «обыкновенный человек случайно становится царем, и царь нигде превращается в обычного человека...». В Японии, «пока существует земля и небо, пока светит луна и солнце, на протяжении бесчисленного количества тысяч поколений, он вечен, державный правитель». Признание истинности «японского пути» в противовес китайскому, законности и почитания императора «сонно» в противовес узурпаторской позиции сёгуна стало главной линией дворянско-буржуазной идеологии в первой половине XIX в., подготовившей политическую борьбу накануне событий 1867—1868 гг.

В атмосферу социального кризиса дополнительный «горючий» материал внесла усилившаяся борьба в феодальном лагере. Могущественные князья-тодзама объединились против дома Токугава. Их княжества на юго-западе страны (Сацума, Тёсю, Тоса, Хидзэн), значительно удаленные от Эдо, обладали экономической и военной самостоятельностью. Знаменем антитокугавской коалиции стал император и его окружение. Выдвинув задачу восстановления «законной» императорской власти, князья-тодзама выступали, таким образом, против «узурпатора» — сёгуна. Однако антисёгунская направленность коалиции складывалась постепенно.

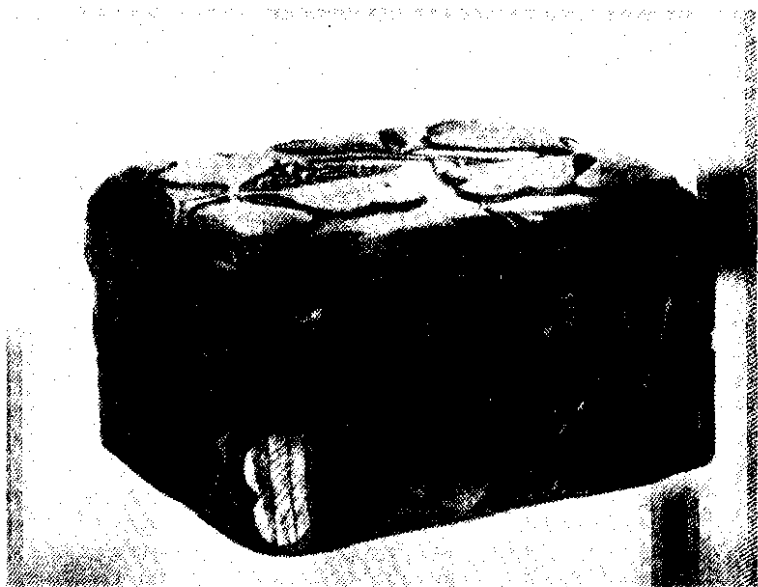
Отход значительной части феодалов от поддержки токугавского режима определялся также неудачами во внутренней политике сёгуната, опиравшейся на систему регламентаций, и фактическим крушением политики изоляции. «Закрытие» страны консервировало наиболее застойные формы феодальных отношений и привело к отставанию Японии от европейских стран, но не могло прекратить развитие производительных сил, товарно-денежных отношений, хотя в известной мере и затормозило этот процесс. В условиях внутреннего кризиса всей феодальной системы токугавского сёгуната участились попытки визитов европейских и американских военных кораблей к японским берегам. В 1825 г. бакуфу еще продолжало рассылать старые предписания обстреливать иностранные суда в случае их приближения к японским берегам, но уже в 1842 г. был издан указ требованием снабжать прибывающие в японские порты иностранные суда водой и продовольствием и лишь потом требовать их ухода.

«Открытие» страны и заключение неравноправных договоров

40-е годы XIX в. были отмечены активной борьбой Англии за захват колониальных позиций в Китае. Для США Дальний Восток представлял также значительный интерес как огромный потенциальный рынок, составными частями которого являлись Япония и Китай.

В 1845 г. конгресс предоставил полномочия президенту США на установление торговых отношений с Японией. После нескольких неудачных попыток начать переговоры с японцами была снаряжена военная экспедиция в Японию. 8 июля 1853 г. в бухту Урага южнее столицы вошла эскадра commodора Перри, корабли угрожающе направили пушки на берег. Перри отказался перенести переговоры в Нагасаки и передал сёгуну письмо от президента, а также модели машин последнего американского производства.

Очевидная военная демонстрация сочеталась с обещанием подождать ответа до весны 1854 г., когда американские корабли

Лаковая шкатулка с инкрустацией перламутром

вернутся в Японию после визита в китайские порты. Появление «черной эскадры» (паровые корабли оставляли при движении шлейф черного дыма) вызвало страшную панику в городах и деревнях. Сёгунат, нарушив установленную им самим традицию, запросил у императорского дома совет по поводу сложившейся ситуации. В растерянности правительство даже обратилось к голландцам за консультацией и с просьбой помочь в организации обороны Эдо. Однако чиновники бакуфу понимали, что в подобных обстоятельствах трудно рассчитывать на успех в организации вооруженного отпора, даже с использованием голландского оружия. Было решено под прикрытием длительных переговоров с американцами избегать конкретного ответа на требование США открыть страну. Однако прибытие commodore Перри в феврале 1854 г. в бухту Урага совершенно изменило ситуацию. Девять военных кораблей, оснащенных 250 пушками, команда из 1800 человек, требования Перри, сопровождаемые угрозами вызвать в Эдо весь американский флот, наконец, высадка 500 военных моряков на берег во время переговоров показали сёгунату как возможность военной интервенции, так и всю серьезность планов заокеанской державы в отношении Японии.

31 марта 1854 г. в Канагава (Иокогама) был подписан первый японо-американский договор. Американские корабли получили право захода в порты Симода (п-ов Идзу) и Хакодате, где на деньги или в обмен на товары через посредство сёгунских чиновников могли приобретать продовольствие, воду, уголь и дру-

гие товары. Договор, подписанный в Канагава, не был торговым соглашением, и американцы настаивали на заключении еще одного по образцу американско-китайского договора 1844 г. 14 октября 1854 г. был подписан англо-японский договор, повторяющий основные положения Канагавского.

Почти одновременно с эскадрой Перри — 21 августа 1853 г. в Нагасаки прибыла русская миссия во главе с вице-адмиралом Путятиным. Она имела директиву только мирным путем добиваться установления торговых отношений, а также признания русскими владениями Сахалина, являвшегося частью Приамурского края, и Курильских островов. Переговоры, которые сёгунское правительство всячески затягивало, не привели к заключению договора. Не удалось Путятину договориться и с Перри — он уклонился от контактов, явно стремясь заключить первым договор с Японией и получить максимум привилегий. Начавшаяся русско-турецкая война и возникшая угроза нападения англо-французской эскадры на Петропавловск и русское Приморье заставили Путятину выйти из Нагасаки и отплыть на север.

Договор между Россией и Японией был подписан 7 февраля 1855 г. в Симода. Граница была проведена между островами Уруп и Итуруп, однако вопрос о Сахалине остался неразрешенным, остров оставался в совместном владении обеих стран.

Согласно договорам, подписанным с Англией и Россией, для кораблей этих стран открывался порт Нагасаки.

США и Англия не были удовлетворены заключенными с Японией договорами. Договоры, навязанные Китаю, были построены на основе режима неравноправия — этот принцип они хотели использовать в договорных отношениях и с Японией. Однако первой страной, дополнившей условия заключенных Японией с западными странами договоров с целью получения новых привилегий, стала Голландия.

Подписанные в 1856—1857 гг. два голландско-японских договора оформили установление консульской юрисдикции для голландцев, введение таможенных пошлин в размере 35% от стоимости товара, открытие для торговли порта Нагасаки и т. д. Но образцом для всех последующих соглашений с западными странами стал американско-японский договор 1858 г., неравноправный и унижительный для Японии. Он был заключен после почти двухлетних переговоров, которые вел в Симода первый генеральный консул США Гаррис. Договор предусматривал свободу торговли, устанавливал консульскую юрисдикцию и право постоянного проживания американцев на основе создания особых экстерриториальных поселений (сеттельменты) для иностранцев в портах и городах, открытых или в ближайшие годы подлежащих открытию [Хакодате, Симода, Канагава (Иокогама), Нагасаки, Ниигата, Хёго (Кобэ), Осака, Эдо]. Шкала таможенных пошлин имела минимальный уровень 5% и максимальный 35% — в зависимости от товара. Но главным было то, что Япония, подписав этот договор, потеряла право таможенной автономии и не

могла протестовать против пониженного импортного тарифа. Этот договор о «дружбе и торговле» предполагал посредничество США в конфликтной ситуации Японии с любой западной державой, он включал статью о праве Японии закупать американское оружие и приглашать военных специалистов из США.

7 августа 1858 г. в Эдо был подписан договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией, действовавший до 1895 г. Торговый договор обеспечил русским право экстерриториальности, наибольшего благоприятствования и другие привилегии. Однако русско-японский трактат не имел статей о посредничестве и о предоставлении Японии судов и вооружений, что подчеркивало давнюю российскую позицию нейтралитета и неимешательства во внутренние дела своего соседа.

Царская Россия, стремившаяся к дальневосточным рынкам и получившая те же привилегии, что и другие страны, фактически не воспользовалась ими из-за своей экономической отсталости, соперничества США, Англии и Франции, а также упорной позиции Японии, не желавшей признавать исторические права России на Курильские острова и Южный Сахалин.

Целая серия так называемых ансэйских договоров¹, заключенных Японией с западными странами в 1854—1858 гг. (японо-американские — 31 марта 1854 г., 29 июля 1858 г.; голландско-японские — 30 января 1856 г., 1858 г.; англо-японские — 14 октября 1854 г.; 26 августа 1858 г.; франко-японский — 9 октября 1858 г.; русско-японские — 7 февраля 1855 г., 19 августа 1858 г.), завершили длительную изоляцию страны и в то же время стали рубежом нового периода — превращения ее в зависимое государство.

Подписание японо-американского договора 1858 г. привело к усилению политического брожения в стране и расколу в правящей группировке. Если в первые годы после открытия страны (1854—1859) оппозиционные правительству силы лишь формировались и охватывали главным образом разнообразные (начиная от даймё и кончая служилым самурайством) слои правящего класса, то заключение договора стало толчком к расширению социальной базы и активизации всего движения.

Гражданская война 1863—1867 гг.

Действия оппозиционных сил включали теперь выступления горожан, представителей разнообразных слоев складывающейся буржуазии, ронинов, крупных боевых отрядов самурайства, которые боролись не только против бакуфу, но и против верхушки феодальных княжеств.

Обратившись к императору за «советом» в момент прибытия в страну эскадры Перри, сёгун как бы связал себя обязательством

¹ От названия периода Ансэй (1854—1859)

и в дальнейшем консультироваться с двором. Переговоры с американцами вызвали сопротивление императора и кугэ, но сёгунат, невзирая на их противодействие, подписал договор. Это усилило противостояние двух группировок правящего лагеря и объединило различные группы дворянской оппозиции в активных действиях и пропаганде против сёгуната. Особенную ненависть вызывал правительственный деятель Ии Наосукэ (1815—1860), назначенный регентом (тайро) в мае 1858 г. и жестоко расправлявшийся с оппозицией. Вскоре после подписания договора (1858) более ста самураев подверглось тюремному заключению, четверо были казнены. Среди них Хасимото Санаи (1834—1859) и Ёсида Сёин (1830—1859) — два образованных самурая, деятельные противники сёгуната, сторонники реформ и реставрации императорской власти. Фигура Ёсиды Сёин после событий 1867—1868 гг. была овеяна легендами, он стал национальным героем. Крупные политические деятели считали его своим духовным и интеллектуальным наставником.

Однако полицейские расправы не могли остановить ни продолжавшихся крестьянских восстаний, ни массовых выступлений самурайства. В марте 1860 г. Ии Наосукэ был убит самураями из возглавлявшего антисёгунскую оппозицию княжества Мито. Тогда токугавское правительство решило изменить тактику — оно пошло на соглашение с группой высшей придворной бюрократии в Киото. Это объединение военно-феодалного дворянства буси с кугэ (своеобразная форма политического компромисса между сёгуном и рядом влиятельных даймё) составило группировку кобугаттай, которая, с одной стороны, стремилась укрепить оплот феодализма — сёгунат, а с другой — содействовала проведению политики бакуфу «изгнания варваров». Внешне сёгунские чиновники продолжали соблюдать договоры, поддерживать нормальное обращение с иностранцами, в то же время по стране тайно рассылались директивы населению готовиться по сигналу выступить против «иностранных варваров».

Этот лозунг, рассчитанный на удовлетворение самурайской оппозиции, хотя и привлек значительные социальные силы, но не смог предотвратить выступление тодзама-даймё.

В 1862 г. князь Симадзу (юго-запад Кюсю, княжество Сацума) во главе своих войск вошел в Киото с намерением продемонстрировать императору верноподданнические чувства, а потом двинулся на Эдо. Это была явная демонстрация независимости, к тому же Симадзу потребовал у сёгуна отмены прежних регламентаций в отношении санкинкотай. Сёгунат вынужден был отступить, система заложничества была отменена. Даймё должны были являться в столицу не ежегодно, а раз в три года; кроме того, они должны были привлекаться к участию в решении важнейших для страны политических вопросов.

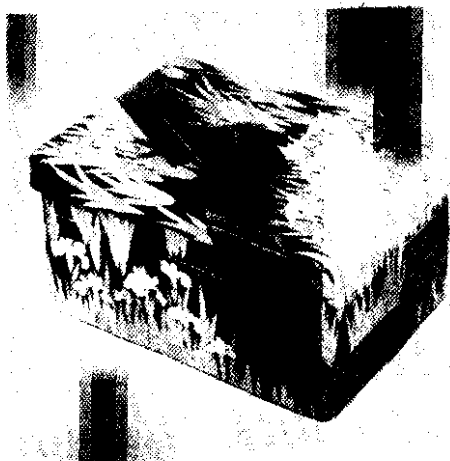
Маневры сёгуната в политике в отношении иностранцев привели к тому, что по всей Японии начались стихийные и организованные выступления против представителей Запада. В 1862 г. в

княжестве Сацума самураи убили англичанина, в июне 1863 г. крепостные укрепления Симоносэки в княжестве Тёсю в соответствии с директивой «почитание императора, изгнание варваров» обстреляли иностранных суда. Правительству пришлось выплатить компенсацию за убийство англичанина, а попытка объявить решение о закрытии портов для иностранцев была встречена разрушительной бомбардировкой Кагосима — столицы княжества Сацума. Самурайские войска Симадзу, все еще державшие в полном подчинении занятую в 1862 г. императорскую столицу Киото, спешно отправились на юг, в Сацума, чтобы вступить в борьбу с англичанами. В Киото осталось самурайство из Тёсю. Значительную часть этих воинских сил составляли самураи низших рангов, ронины, примыкавшие к ним вооруженные отряды горожан (кихэйтай). Социальный состав определял их действия — выступления были не только против сёгуната, но все чаще против имущих классов: феодалов, торговцев, ростовщиков и других привилегированных представителей городского населения — сторонников кобугаттай. Боясь движения низов гораздо больше, чем мятежных феодалов, сёгунат попытался договориться с иностранцами, уладить конфликт между англичанами и Сацума и получить помощь в ликвидации критической ситуации в Киото. Используя помощь войск феодального дома Симадзу, который на этот раз пошел с сёгуном на соглашение, а также поддержку французов, предоставивших оружие и инструкторов, обучающих правительственные войска, бакуфу заставило самураев из Тёсю и другие вооруженные отряды покинуть Киото.

Однако отступившие отряды кихэйтай нашли подкрепление в Тёсю и других княжествах и вновь двинулись на Киото. 19 августа 1864 г. в жестоком сражении они потерпели поражение от сёгунских войск. Получив приказ от императора организовать карательную экспедицию против Тёсю и опираясь на кобугаттай, представители дома Токугава разгромили силы дворянско-буржуазной оппозиции.

Дополнительным ударом по оппозиционному движению стали совместные действия иностранных держав. 4—5 сентября 1864 г. объединенный флот Англии, США, Франции и Голландии подверг сокрушительной бомбардировке Симоносэки (Тёсю). Расширение гражданской войны со все возрастающей активностью низших слоев населения вызывало беспокойство держав и определило тактику, отражавшую их соперничество в стране. Англия все более определенно поддерживала антисёгунскую коалицию, Франция по-прежнему ориентировалась на сёгунат.

Однако несмотря на цепь неудач, в 1865 г. оживилась деятельность радикальной части дворянско-буржуазной оппозиции, представленной сацумскими руководителями — Окубо Тосимити, Сайго Такамоори. Усилилось влияние руководителей кихэйтай в Тёсю Ито Хиробуми (1841—1909) и Такасуги Синсаку (1839—1867), образованных дворян, побывавших за границей и уверовавших в необходимость скорейшей перестройки общественной жизни.

Шкатулка с изображением ирисов

ни и экономики Японии с учетом достижений западной культуры и техники. Организация второй карательной экспедиции против Тёсю, объявленной бакуфу в мае 1865 г., затянулась, княжество Сацума, на помощь которого рассчитывал сёгунат, отказалось принимать в ней участие, и даже фудай-даймё всячески старались избежать посылки своих войск. Фактически подготовка экспедиции привела к сплочению и укреплению дворянско-буржуазной оппозиции. Со

времени поражения сёгунских соединений в июле 1866 г. в войне с Тёсю требование «Тобаку!» — «Долой бакуфу!» становится центральным лозунгом и стержнем всего движения. Антисёгунская коалиция четырех юго-западных княжеств — Тёсю, Сацума, Тоса и Хидзэн — получила значительную финансовую поддержку от нескольких банковских домов, в том числе дома Мицуи. Главенство в антисёгунском движении все более активно переходило к рядовому, радикально настроенному самурайству. Требование ликвидации сёгуната как виновника навязанных Японии неравноправных договоров, так же как и призыв «Долой варваров!», приобретало в глазах представителей широких городских и крестьянских масс патриотический и прогрессивный смысл.

60-е годы стали временем нарастания общего политического кризиса — движение оппозиции проходило на фоне непрерывных антифеодальных крестьянских восстаний и выступлений горожан. С 1860 по 1867 г. крестьянских восстаний было примерно в два раза больше, чем в предшествующие 50-е годы. Массовые крестьянские выступления, парализовавшие всю центральную часть о-ва Хонсю, прошли в провинциях Сэцу, Синано, Кодзукэ, Этиго, Ивами, Мусаси, Кавати, Бинго и др. Причиной выступлений было повышение цен на рис. Нередко восставшие крестьяне объединялись с городской беднотой, как это произошло, например, в Хёго и Титибу. Городские восстания охватили прилегающие территории Хёго, Осака, Эдо и Титибу.

Антифеодальные движения нередко носили и полурелигиозную форму, например массовые беспорядки, известные под сокращенным названием «Ээ дзя най ка?» В августе 1867 г. в Центральной Японии — традиционном районе храмового паломничества — распространился слух, что в Нагоя произошло чудо: над храмом с неб спустились амулеты, что толковалось как событие, возвещавшее... В Нагоя со всей Центральной Японии хлынули

толпы народа, стихийно стали возникать шествия, пляски, во время которых пелась песня, высмеивающая существующие нормы морали, с постоянным рефреном «Ээ дзя най ка?» («Разве так не лучше?»). Толпы народа врываются в дома богачей, открывали рисовые склады, делили рис и имущество. Движение паломников «Ээ дзя най ка?», хотя и не было организованным, охватило две трети страны и было продолжением крестьянских восстаний и городских бунтов.

В условиях обострения обстановки и явного ослабления позиций сёгуната западные державы осенью 1865 г. потребовали немедленного открытия предусмотренных договором 1858 г. Хёго и Осака, а также пересмотра таможенных тарифов. Сёгун полностью принял требования иностранцев и добился их ратификации императорским двором.

В 1866 г. умер сёгун Иэмоти и к власти пришел Кэйки (Хиточубаси), последний сёгун Токугава. Группировка южных княжеств, объединенная лозунгом «тобаку», двинула войска к Киото.

В начале 1867 г. умер император Комэй, и это также сыграло немаловажную роль в дальнейшем ослаблении позиций сёгуната — Комэй был крупнейшей фигурой кобугаттай и поддерживал соглашение с сёгуном. Его преемник, четырнадцатилетний Муцухито, естественно, не мог выступить серьезным противником этой политики. Воспользовавшись слабостью его позиций, лидеры дворянско-буржуазного блока предъявили сёгуну меморандум, составленный от имени нового императора, с требованием немедленно «вернуть» власть «законному правителю». В октябре 1867 г. меморандум был вручен сёгуну Кэйки. Кэйки, видя решительность глав оппозиции и военную силу противника, согласился с предъявленными требованиями. Но формальный отказ от власти был простым прикрытием: Кэйки, сохранивший власть в Центральной и Северной Японии, активно готовился к борьбе. Однако в битвах при Фусими и Тоба в окрестностях Киото с антисёгунской коалицией в январе 1868 г. он потерпел поражение и бежал в свою резиденцию — замок Эдо. Войска южных феодалов, выступавшие как правительственные (сёгун был объявлен мятежником), быстро двигались к столице. 3 мая 1868 г. Кэйки без боя сдал эдоский замок, однако окончательно господство дома Токугава было сломлено лишь в длительной гражданской войне, охватившей три четверти территории страны. Даймё некоторых феодальных княжеств в Канто, а также северной части Хонсю отказались подчиниться новому правительству и начали сопротивление. На Южном побережье Хоккайдо, куда отплыл непокоренный флот сёгуна, адмиралом Эномото Такэаки была провозглашена «дворянская республика». В мае 1869 г. после ожесточенных боев на Хоккайдо было сломлено сопротивление последнего оплота защитников сёгуната и окончательно ликвидировано господство феодального дома Токугава.

Пришедшее к власти правительство номинально возглавлялось императором Муцухито. Девизом правления было выбрано «Мэйд-

зи» («Просвещенное правление»). Имя императора теперь тоже стало «Мэйдзи». События 1867—1868 гг. официальная историческая школа Японии назвала «Мэйдзи исин» (Реставрация Мэйдзи).

Сменивший Токугава новый политический режим отражал интересы сложившегося в борьбе против сёгуната буржуазно-помещичьего блока. Хотя высшие посты в правительстве занимали представители придворной знати (председатель — князь Арисугава, член императорской фамилии; старшие советники — члены императорской фамилии, кугэ и даймё), основной состав аппарата новой власти был представлен низшим самурайством юго-западных княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн). Активное влияние в формировании политики имели лидеры антисёгунского блока — Окубо Тосимити и Кидо Такамаса — яркие представители обуржуазившегося дворянства.

Программа нового правительства не отличалась особой радикальностью. Но даже имея ограниченный либеральный характер, она была трудновыполнима. Общая цель — борьба против Токугава — объединила в антисёгунский блок разнородные по своим интересам классы и слои, и именно в результате этого им было трудно добиться единства после победы. Движущими силами в событиях 1867—1868 гг. выступали:

1. Низшее самурайство.

2. Молодая, экономически слабая и политически неопытная промышленная буржуазия.

3. Оппозиционное дворянство — феодальные князья и знать, стремящиеся свергнуть правящую династию с целью замены ее другой, более удовлетворяющей их требованиям.

4. Крестьяне и городской плебс.

Специфической чертой революционных событий 1867—1868 гг. было широкое участие в их зарождении и развитии низшего самурайства и неоднородность каждой из выступавших в них социальных сил, значительное переплетение их интересов.

Крестьянские восстания и городские бунты расшатали токугавский феодальный строй. Победа дворянско-буржуазного блока южных феодальных княжеств стала возможной лишь благодаря все расширявшейся и нараставшей крестьянской войне, парализовавшей основные экономические и политические центры системы сёгуната. Но наряду с беднейшим крестьянством и городским плебсом в выступлениях участвовали и богатые крестьяне, имевшие землю, эксплуатировавшие безземельных бедняков, смыкавшиеся по своим интересам с представителями торговоростовщического капитала. Богатые горожане нередко с помощью денег «исправляли» свою сословную принадлежность — покупали самурайское звание. Купцам, обслуживающим и финансирующим сёгунат или крупных даймё, в последний период правления токугавского дома бакуфу предоставляли самурайское звание и все новые привилегии. Об активном разрушении сословных перегородок свидетельствовало появление в городе и деревне особого слоя — сомо, связанного с торговоростовщической деятельно-

стью. К нему относились богатые крестьяне и горожане, ставшие одновременно владельцами земли, предпринимателями и торговцами. Сомо раздражало отсутствие юридических прав на приобретенную собственность, всевозможные феодальные преграды, и все это сближало его с оппозиционным дворянством и буржуазией.

Позиции японской буржуазии во многом определялись ее экономической слабостью, что, в свою очередь, было следствием ограниченных источников первоначального капиталистического накопления. Длительный период изоляции исключил широкое развитие внешней торговли, развитие колониальной экспансии. Единственным источником накопления капиталов был узкий и бедный внутренний рынок. Большая часть буржуазии была связана с земледелием, торговлей и участвовала в ростовщических операциях. Основные денежные накопления находились в руках не промышленной, а торговой, торгово-ростовщической буржуазии. Наиболее богатые, привилегированные слои буржуазии, с одной стороны, были связаны с сёгунатом и крупными даймё и находились под их покровительством, с другой — выступали с большей решительностью, нежели представители дворянской оппозиции. Они были заинтересованы в преодолении феодального сепаратизма, легализации торгово-предпринимательской деятельности и правовой неприкосновенности жизни и имущества.

Однако слабость экономических позиций буржуазии и переплетение ее интересов с интересами феодалов обусловили ее политическую незрелость и несамостоятельность. Она гораздо больше боялась своего естественного союзника — крестьянина и горожанина, чем феодала, представлявшего полярные социальные интересы, и шла на соглашение с представителями этого уходящего с исторической арены класса. В этом главная причина половинчатости революционных событий 1867—1868 гг.

Японское дворянство состояло из различных слоев. Интересы даймё отличались от интересов хатамото и самого нижнего размывавшегося слоя самурайства — ронинов, которые становились теперь ремесленниками, купцами, людьми свободных профессий. Наиболее радикально настроенным дворянством была та его часть, которая в условиях упадка натурального хозяйства и роста товарно-денежных отношений все более связывала себя с капиталистическим предпринимательством в торговле и промышленности. Интересы этого дворянства тесно переплетались с интересами богатого, привилегированного купечества, часть высшего дворянства из оппозиционных сёгунату слоев (в основном тодзама-даймё) стремилась лишь к ограниченным реформам, которые, не приводя к серьезным изменениям в существующей системе, должны были улучшить их положение и усилить влияние этих опальных княжеств.

Культура Японии в период позднего феодализма

Основные тенденции развития

Социально-экономическое развитие страны, зарождение и рост капиталистических отношений определяли особенности культуры Японии периода позднего феодализма.

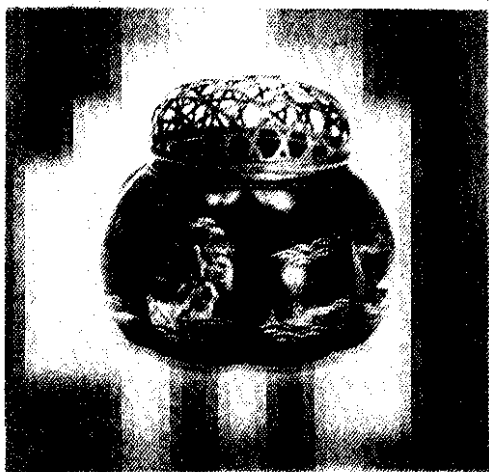
Сложными и разными путями развивались дворянская, самурайская культура и так называемая городская — культура нарождавшейся буржуазии. Дворянская культура все более теряла свои позиции, в то время как самобытная, полнокровная культура экономически укреплявшейся буржуазии стремительно набирала силы и завоевывала новые области культуры. Она стала базой, на которой развернулось наиболее активное усвоение иноземного влияния после революции 1868 г. и сформировалась японская буржуазная культура.

Изобразительное искусство

Демократические идеалы, характерные для общего подъема культуры в Японии XVII в., а также для развития ее в последующий период, наиболее ярко проявились в одной из самых значительных областей японского изобразительного искусства — цветной гравюре на дереве. Искусство гравюры не было нововведением художников направления укиё-э, еще с VIII в. гравюра использовалась для печатания небольших буддийских икон, при иллюстрации и воспроизведении текста сутр. Однако лишь в токугавский период гравюра утверждается как самостоятельный вид искусства. Распространению ее содействовала доступность, дешевизна ксилографического метода изготовления. Гравюры заменяли в небогатых домах горожан дорогостоящую живопись, широко стали использоваться для иллюстрации книг и альбомов, оформления календарей и театральных афиш, рекламы и поздравительных текстов. Тематика японской ксилографии обширна и разнообразна. Это быт города: жизнь ремесленников, купцов, актеров, гейш, персонажей «веселых кварталов». Сложился особый жанр, долгие годы занимавший самое значительное место, — изображение красавиц из этих районов города — «бидзинга». Постепенно появлялись и другие жанры: театральная гравюра, исторический жанр, изображение цветов и птиц и получившая широкое признание в середине XIX в. пейзажная гравюра.

Первые гравюры были монохромными, но строгость цвета восполнялась и подчеркивалась выразительностью линий. В середине XVII в. появляется цветная печать, в создании которой обычно

принимали участие несколько человек — художник, резчик и печатник. Первым крупным художником японской ксилографии был Моронобу Хисикава (1638-1714), оставивший большое количество альбомов гравюр, более 150 иллюстрированных исторических книг. Моронобу увидел красоту и значительность в обычной, повседневной жизни города.

Курильница лаковая

С 60-х годов XVIII в. до начала XIX в. японская гравюра переживала свой классический период.

В ней наиболее ярко отражались вкусы крепнущей городской торговой буржуазии, широких слоев ремесленников. Выдающимися представителями этого периода японской гравюры были Харунобу, Сибя, Сюнсо, Киёнага, Ейси, Сяраку, Утамаро.

С именем Судзуки Харунобу (1725—1770) связано введение с 1765 г. многокрасочного печатания с нескольких досок. Харунобу создавал произведения в светло-розовых, оранжевых, светло-зеленых тонах, рождающих ощущение праздничности. Его гравюры, основная тема которых — изображение молодой женщины, с особой, характерной для этого художника атмосферой изысканности, открывают классический период японской гравюры. После появления многокрасочной гравюры, печатавшейся со многих досок, в ее производстве возникла специфическая область — театральный портрет. Впервые им стал заниматься Сюнсо (1726—1792), написавший множество портретов актеров Кабуки, а также портретов борцов сумо и сцены состязаний. Традиции Сюнсо продолжил Сяраку (1723—1791), профессиональный актер, работавший как художник всего два года, но создавший более ста выразительных, с элементами сатиры, изображений актеров.

Одним из талантливых художников направления укиё-э был Киёнага (1752—1815). Сохраняя многокрасочность гравюры, Киёнага впервые использовал многофигурную композицию с обилием разнообразных деталей.

Для японской гравюры, в том числе школ центрального района (Осака, Эдо), конец XVIII в. стал переломным — вместо небольших гравюр появляются листы большого формата с изображением полуфигур, с сериями голов в натуральную величину и сценами, имеющими глубокий задний план.

Крупнейшим мастером этого периода считается Утамаро (1754—1806). Он начал с иллюстрации книг, где, используя релье-

ефное печатание, золочение, перламутровую пыль, изображает дикий экзотический мир раковин и насекомых.

Новаторство Утамаро выразилось в создании особой формы жанра «бидзинга» — эмоционального портрета, когда устраняется фон, всевозможные детали, и внимание зрителя сосредоточивается на выражении лица модели.

В начале XIX в. появляются новые тенденции в развитии цветной гравюры — возникает самостоятельный жанр — пейзаж. Если раньше ксилография противопоставляла законы строгой графики живописи, то теперь активизируется живописная часть гравюры. В произведениях крупнейших пейзажистов Хokusая Кацусика (1760—1849) и Хиросигэ Андо (1793—1858) дается не обобщенная и символическая трактовка природы, а ее реалистическое изображение. Создаются целые серии мест, известных своей красотой. Таковы серии Хokusая «Сто видов Фудзи», «Водопады», «Мосты». Его знаменитые манга (смешанные эскизы), изображающие городскую жизнь, героические сцены, ландшафты — это, по существу, тонкие акварели, переведенные на дерево виртуозным резцом великолепного мастера. Пейзажи Хиросигэ — «Сто видов Эдо», «Тридцать шесть видов Фудзи», «Сто пейзажей различных провинций», «53 станции Токайдо» изображают не только природу. У него лист всегда наполнен людьми, деятельной обывательской жизнью.

Цветная гравюра школы укиё-э долгое время не признавалась представителями феодально-аристократических верхов, рассматривалась ими как грубый лубок. Но в период деятельности Хokusая и Хиросигэ, последних крупных представителей плеяды замечательных мастеров японской гравюры, ее влияние сказывается не только на формировании национальной художественной культуры, но и на развитии европейского искусства конца XIX — начала XX в.

Скульптура

В отличие от переживающей в это время расцвет японской ксилографии судьбы другой области японского изобразительного искусства — скульптуры — были совершенно иными. С XIV в. начинается упадок буддийской скульптуры, связанный с сокращением влияния буддизма и потерей общественно-политических позиций буддийской церкви. Роль идеологического оружия и морально-этической системы выполняло теперь конфуцианство, с XVII в. активно поддерживаемое токугавским правительством. В то время как буддийская скульптура перестала выражать идеалы своего времени, появилось народное искусство, в котором было очевидно противопоставление официальной вере своего понимания мира. К такому искусству можно отнести творчество многочисленных народных скульпторов, выдающимися представителями которых были странствующий монах Энку (1628—1695) и проповедник

Мокудзики (1718—1810). Энку не был профессиональным скульптором. Он рассматривал свои вырубленные из дерева (в основном топором) скульптуры как средства проповеди. В своих странствиях по стране Энку, работавший необычайно быстро, оставил в разных местах около 5 тыс. скульптурных изображений будд, бодхисатв, божеств-охранителей. Оригинальные и самобытные скульптурные изображения Энку обнаруживают его глубокую связь с народом, причастность к жизни простого труженика. В деревянных божествах нет торжественности, свойственной традиционной буддийской скульптуре. Его будды имеют облик крестьянина, понятного и близкого миру японской деревни. Для Энку будда — не воплощение карающей силы, а защитник, исцелитель и утешитель. Даже такие божества, как Нио — стражи, охраняющие от злых духов, или Фудо мёо — грозные боги очистительного пламени, выглядят у него добродушными, таящими скрытую усмешку.

Среди большого количества народных мастеров, работавших в скульптуре в XVII—XVIII вв., известен Мокудзики, странствующий проповедник, подобно Энку оставивший свои статуи в разных районах страны. Стиль Мокудзики, однако, в отличие от Энку характеризуется отшлифованной поверхностью скульптуры, мягкими линиями и большим вниманием к деталям.

В то же время общим для работ Энку и Мокудзики является отрицание традиционных канонов официальной буддийской скульптуры и обращение к приемам реализма. Произведения обоих скульпторов, изображавших простых людей своего времени, глубоко гуманистичны и национальны.

Среди народных скульпторов, работавших в это время на Южном Хоккайдо и в районе Канто, известны имена Мокудзё, Соэн, Дзидзай Хоси. Последний в статуях для храмов стремился запечатлеть черты местных жителей — айну.

Наряду с деревянной скульптурой в XVIII в. создается множество каменных изображений: придорожных будд, храмовых божеств, которые по стилю, демократическому духу отличаются от ортодоксальной буддийской скульптуры. В 1782 г. были созданы статуи 500 учеников Будды в храме Китано в городе Кавагоэ, вблизи Токио. Целая галерея каменных изваяний, живых, выразительных, лишенных возвышенности и строгости храмовой скульптуры представляет картину народной жизни средневековой Японии. Имя автора этих творений неизвестно. В северных районах Японии и в наши дни находят анонимные работы народных скульпторов этого времени. Их объединяют и выделяют реализм и демократические тенденции в формировании пластических образов.

Прикладное искусство

Обогащение купечества, быт богатых горожан содействовали широкому развитию прикладного искусства, происходит расцвет художественных ремесел.

Еще с первых веков нашей эры на Японских островах были известны приемы литья и художественной обработки металла. Семьи кузнецов-оружейников изготавливали боевые клинки, ковали и закаливали мечи. В XVI—XVII вв. высоко ценилось художественное оформление оружия — короткие мечи вакадзаси (полуметровые) и длинные (полутораметровые), двуручные мечи катана украшались гравировкой по металлу, а рукоятки — драгоценными камнями. Более всего украшалась часть боевого меча — цуба (гарда) — круглая или овальная пластинка с прорезями в центре. На ней, используя сплавы цветных металлов, создавались декоративные композиции. Боевой меч становился высокохудожественным образцом прикладного искусства.

С развитием чайной церемонии появилась потребность в изготовлении специальной посуды — массивных литых котлов, железных и бронзовых чайников. Посуда, напоминающая обычную кухонную утварь в крестьянских хижинах, в действительности имела изысканную нарочитую простоту формы в соответствии с эстетическими идеалами чайной церемонии.

Широкое распространение приобрело искусство лаковой росписи. Работы по лаку очень трудоемки — гладкая лаковая поверхность требует не менее шестидесяти операций. Особенно был известен золотой лак с применением рельефного изображения и инкрустации. В XVII—XVIII вв. набор лаковых изделий был весьма обширным — столики, ширмы, шкатулки, бутылки, подносы, коробки для косметики и т. д. Сложилось несколько династий мастеров, работающих по лаку: Кома, Кадзикава. Крупным мастером, известным своими живописными композициями цветов с инкрустациями из металлов, был знаменитый художник Коэцу. Как непревзойденный мастер лаковой росписи в традиционном стиле яматоэ прославился Корин. Шкатулки, тушечницы, ларцы и другие изделия работы Корины считаются шедеврами национального искусства.

Интересную и своеобразную область прикладного искусства представляет миниатюрная скульптура — нэцкэ. Нэцкэ — это род пуговицы или брелок. В национальном японском костюме нет карманов. В XV в. с появлением пояса возникли и нэцкэ, при помощи которых к нему прикрепляли кисет, трубку, кошелек и веер. Постепенно нэцкэ становятся предметом украшения, самостоятельным видом прикладного искусства.

В конце XVII в. было много резчиков-профессионалов, вырезающих нэцкэ из слоновой кости, лака, металла, коралла, янтаря и агата. Тематами миниатюрной скульптуры первоначально были сюжеты, заимствованные из Китая, но вскоре их сменили исконно японские образы. Наиболее часто мастера нэцкэ изображали мифологических героев и поэтов, богов, духов, демонов, актеров, национальные символы, животных, растения, цветы.

Широким спросом в стране пользовались изделия керамического производства. Первые образцы фарфора в стране были получены в Сэто в XIII в. с использованием китайского опыта.

Фарфор был назван сэтомоно. В XVI в. на Кюсю в Арита был впервые получен фарфор, покрытый глазурью. Под названием арита он вывозился в разные районы страны и пользовался заслуженной славой не только в Японии, но с конца XVII в. и в Европе. Отличительной особенностью его производства были белые глины, роспись под глазурью кобальтом, цветной мелкий рисунок, нанесенный на покрытое глазурью изделие, которое вновь подвергалось обжигу.

Высококачественные изделия провинции Хидзэн с орнаментом «парча», которые представляли собой многоцветную подглазурную роспись, вывозились в Европу.

С конца XVI в. получило известность фарфоровое производство провинции Сацума на юге Кюсю, когда здесь начали работать насильственно переселенные после войны 1592—1598 гг. корейские мастера-керамисты. Используя разнообразные методы декорирования фарфоровых изделий, они создавали произведения с твердым белым черепком и рисунком, выполненным по глазури эмалевыми красками. Изделия одного из центров провинции — Татэно — отличались глазурью золотистого оттенка с сеткой тонких искусственных трещин.

Среди изделий керамических мастерских Японии был дорогой фарфор, предназначенный только для семьи сёгуна и крупных даймё. Так, фарфор из мастерских Миковаси (остров Хирадо) — белоснежные изделия с тончайшим черепком и живописной кобальтовой росписью — не поступал в рыночную продажу, его запрещалось вывозить за границу.

Распространение ритуала чайной церемонии и формирование ее канонов оказали значительное влияние на развитие японской керамики. В процессе приготовления чая использовались двадцать четыре предмета. Десять из них изготовлялись керамистами. Это сосуды для горячей воды, порошка чая, ароматных курений, курильница для их сжигания, чашки для чая, глиняный очаг и др. Эстетическим канонам церемонии, требующим простоты обстановки и атрибутов, обладающих неброской, скрытой, но истинной красотой, вполне соответствовала простая грубая керамика с массивными формами, с глазурью густых и неярких тонов. Ценились чаши для чая с небольшой неточностью формы, даже с отпечатками пальцев мастера. Считалось, что это придает дополнительную ценность изделиям. Подобным эстетическим воззрениям соответствовала глиняная посуда карацу (Кюсю), керамика мастерских из Ига, Сэто, Орибэ, Киото.

Характерные особенности керамики раку (Киото) — мягкая пористая глина, покрытая густой черной и серовато-розовой глазурью, — определились, когда в ее производстве принял непосредственное участие законодатель чайной церемонии Сэнно Рикю. Немало мастеров занималось производством ваз для икэбана. Вазы, отличающиеся оригинальностью облика, делал известный художник Огата Кэндзан. Была широко известна киотоская керамика для икэбана (киёмидзюяки) с характерными для нее отсут-

ствием орнаментальности и подчеркнутой асимметричностью форм.

Район Киото был известен также глазурованными гончарными изделиями кёяки, впервые полученными знаменитым мастером Нинсэй. Тонкостенную и хрупкую керамику он тщательно обрабатывал и декорировал эмалевой росписью, сочетающейся с мелкими блестящими золотом и сеткой трещин. Нововведения Нинсэя оказали большое влияние на общее развитие керамического производства в Японии.

Значительных успехов в этот период достигло ткачество и крашение, производство национальной одежды и многочисленных аксессуаров к ней. Большое значение имело изобретение способа крашения тканей юдзэн-дзомэ, названного по имени художника Юдзэн, впервые применившего действующий и сегодня метод нанесения на ткань тонких графических рисунков.

Архитектура

Сложность формирования культуры периода Эдо отразилась и в развитии архитектуры, в которой существовали полярно-противоположные тенденции: строительство пышных, претенциозных культовых и светских зданий в стиле момояма (период правления Хидэёси, конец XVI в.) и сооружений в строгом традиционном стиле, а также появление жилой архитектуры, отражавшей вкусы экономически укрепляющихся городских сословий.

В начале XVII в. с укреплением позиций конфуцианства происходит сокращение храмового строительства. Идет лишь реставрация старых буддийских храмов и комплексов XIV — XVI вв. Исключение составляет многолетнее сооружение мавзолеев сёгуну Токугава. Первый из них — Тосёгу, посвященный Токугава Иясу, был завершен в 1617 и значительно перестроен в 1636 г. В 1651 г. начали строить мавзолей Тайю-ин, посвященный внуку Токугава — Измицу. К участию в строительстве были привлечены крупнейшие князья, поделившие с казной огромные затраты.

Мавзолеи в Никко — это комплекс синтоистских и буддийских храмов, насчитывающий более пятидесяти сооружений — главных и второстепенных зданий, надвратных храмов, крытых и открытых галерей. Шедевр средневековой культуры, Никко отличается редкой гармоничностью сочетания природы и высокохудожественных произведений человеческого труда. В то же время пышный и изысканный декор — яркость красок живописи, украшение крыш и колонн деревянной резьбой, скульптурная орнаментация с позолотой и цветным лаком создают впечатление перегруженности и растворенности в обилии украшений строгой конструктивной системы, характерной для национального зодчества.

Характер светской архитектуры можно представить по дворцовому строительству Хидэёси и Токугава.

В начале XVII в. часть дворца Фусими (бывшая резиденция Хидэёси) была перенесена в Киото (теперь приемный зал мона-

Статуя Будды в Камакура

стыря Нисихонгандзи). Другая часть построек была перевезена в храм Кодайдзи (тоже Киото). Особую ценность представляли архитектурные детали с лаковой росписью, выполненной мастерами знаменитой семьи Коами. Архитектурная конструкция огромного парадного зала Нисихонгандзи традиционна — каркасная система опор и балок, раздвижные стены, пол с покрытием татами. Особую торжественность интерьеру придавали декоративные росписи на стенах, раздвижных перегородках, дверях с изображением на золотом фоне деревьев, цветов и т. д. Сёдзи и верхние решетчатые окна были украшены резьбой по дереву, важную часть декора составляли скульптурный рельеф и металлические позолоченные пластины — ручки, мелкие детали и т. д.

Так же выглядело оформление и дворца Нидзё, построенного для Токугава Иэясу в начале XVII в., где парадные и жилые комнаты были расписаны. Наиболее часто как в Нисихонгандзи, так и в Нидзё встречалось напоминающее задник в театре Ноо изображение раскидистой сосны на золотом фоне. Эта настенная роспись приписывается известному художнику того времени Кано Таню. Мастера школы Кано, успешно соединявшие красочный национальный стиль ямато-э с композиционными приемами монохромной живописи, пользовались покровительством токугавского правительства и декорировали самые крупные сооружения того времени — ансамбль Никко, сёгунские дворцы и др.

Вершиной развития светской архитектуры этого периода стал построенный принцем Тосихито и его сыном Норитада загородный дворец Кацура (район Киото) — эталон подлинного синтеза архитектуры, декоративного и садово-паркового искусства. Общая композиция ансамбля, строившегося и перестраивавшегося в 20 — 50-х годах XVII в., отражает влияние эстетической концепции, связанной с чайным культом. В XVII в. возрастает светский акцент чайной церемонии и формы чайного дома максимально приближаются к жилой архитектуре. Возникает стиль сукия, фактически представляющий и в наши дни конструктивную и эстетическую систему национального дома. Ансамбль Кацура представляет органическое сочетание зданий в трех стилях: синдэн-дзукури, сёин-дзукури, сукия-дзукури, — а также обнаруживает естественную взаимосвязанность строений с окружающей природой.

Икэбана

Каноны чайной церемонии содействовали выделению в самостоятельную сферу искусства аранжирования цветов. Выросшее из обычая ставить цветы перед статуями в буддийских храмах, искусство икэбана претерпело длительную эволюцию. Оно чутко реагирует на исторические изменения в японской культуре в целом, постепенно преодолевающей прямое воздействие культур Индии и Китая. Все активнее освобождаясь от непосредственной причастности к религиозному ритуалу, к середине XV в. (в японской историографии — период Муромати) икэбана складывается как самостоятельная область декоративного искусства со своей особой эстетикой, символикой и техническими приемами.

Однако будучи тесно связанным с архитектурой, живописью, каллиграфией и поэзией, развивающимися на усвоении дзэнской традиции в культуре, искусство икэбана не утратило религиозно-философской окраски при перемещении композиции из храма во дворец аристократа и феодала, в монастырь и, наконец, в жилой интерьер горожанина. И хотя социальные задачи цветочной композиции в каждом из случаев были различны, стабильными остались формообразующие элементы структуры любой композиции —

Небо (син), т. е. мир природы, Земля (тай) — весь объем жизненных, повседневных дел, и Человек (соз). Взаимодействие этих элементов в строго определенных позициях выражало изменения, происходящие в осознании человеком окружающего мира, и поэтому «прочтение» композиции, имеющей серьезный философский подтекст и использующей символику и аллегорические образы, требовало длительного и трудоемкого обучения. За долгий период развития сложились школы и стили икэбана. Самым ранним, классическим (с начала распространения буддизма) был стиль рикка — аранжировка храмовых монументальных букетов.

К периоду XVI—XIX вв., времени наивысшего расцвета и распространения икэбана, рикка эволюционировала от праздничной аранжировки цветов в честь звезд к композициям камерным, ставившимся в жилых помещениях, как объект эстетического наслаждения.

В конце XVI в. происходит кардинальное изменение рикка в сторону упрощения, а также появляется новый стиль — нагаирэ — свободная композиция из цветов, впервые созданная мастером чайной церемонии Сэнно Рикю. Аранжирование цветов он считал одним из обязательных компонентов чайной церемонии. Икэбана к чайной церемонии в отличие от строгих и точных предписаний требовала лишь простоты и естественности композиции из самых обычных цветов и трав.

В начале XVIII в. складывается новый тип композиции — сэйка, получивший особенно широкое распространение не только в районах Камигата (Осака — Киото) и Эдо, но и по всей стране. Привлекательным в нем было сочетание традиционных положений рикка со свободным композиционным решением. Появляется несколько школ этого стиля — Соами, Фурута, Ясиро. Однако в целом для периода Эдо характерно не столько создание новых стилей икэбана, сколько множественность форм и разнообразие композиций. Вкусам богатого горожанина, его стремлениям насладиться радостями быстротечной жизни удивительно импонировала выразительность икэбана, ее умение отразить современность и на редкость наглядно воплотить мироощущение нового социального слоя.

Вместе с тем для средневековой Японии важными были те демократические тенденции, та социальная роль, которую стала играть икэбана, оказывая эстетическое воздействие на все более широкие слои населения.

Искусство школ икэбана, в том числе школы прославленного мастера Икэнобо Сэнко и его учеников (XVII в.), приобретает этическое значение. Рассматривая икэбана как путь просвещения, приобщения к культуре, обучения человека умению видеть и понимать красоту изысканного, искусство конструирования цветочных композиций включается в систему обучения как обязательное и действенное средство воспитания. Каллиграфия и икэбана стали обязательной частью воспитания и образования женщины как средство становления высокого художественного вкуса, а следовательно, и подлинной нравственности. Впервые художественный образ

цветочной композиции начинает цениться не за умение следовать принципам школы, а за способность импровизации в пределах строгих рамок канона.

Развитие искусства икэбана — пример того, как в условиях жесткой политической и экономической регламентированности всей жизни средневековой Японии сфера культуры с ее различными областями искусств — архитектура, живопись, поэзия, каллиграфия, чайная церемония и др. — служила воспитанию и формированию личности японца, являясь возможностью своеобразного «тренажа» эстетического и нравственного восприятия мира, активизации заложенных в человеке творческих начал.

3

Развитие
капиталистических
отношений
середина XIX в.
—начало XX в.

Становление капиталистической Японии

Внутреннюю борьбу разнородных социальных сил в пришедшем к власти буржуазно-помещичьем блоке усиливала развернувшаяся сразу после революции 1867—1868 гг. классовая борьба в городе и деревне. Для низших слоев горожан и крестьянства смена власти — замена сёгуна Кэйки императором Мэйдзи — не принесла ощутимого ослабления феодального гнета и эксплуатации. Социальный протест, особенно недовольство аграрной реформой, резко усиливается. Если в 1866 г. было 17 крупных крестьянских выступлений, то через год после ликвидации сёгуната их было 48, в 1870 г. — 31, в 1873 г. — 36. В восстаниях участвуют десятки и сотни тысяч человек. Наряду с антифеодальными требованиями (снижение податей, отмена повинностей, налогов на промыслы и т. д.) развернулась борьба под лозунгом «исправления жизни» или «уравнения жизни», охватившая многие районы страны, особенно северные княжества. Правительственные войска с трудом противостояли революционной стихии. Буржуазные элементы в правящем блоке, более объективно оценивавшие сложившуюся ситуацию, несмотря на противодействие феодалов, выступили с предложением проведения ряда реформ.

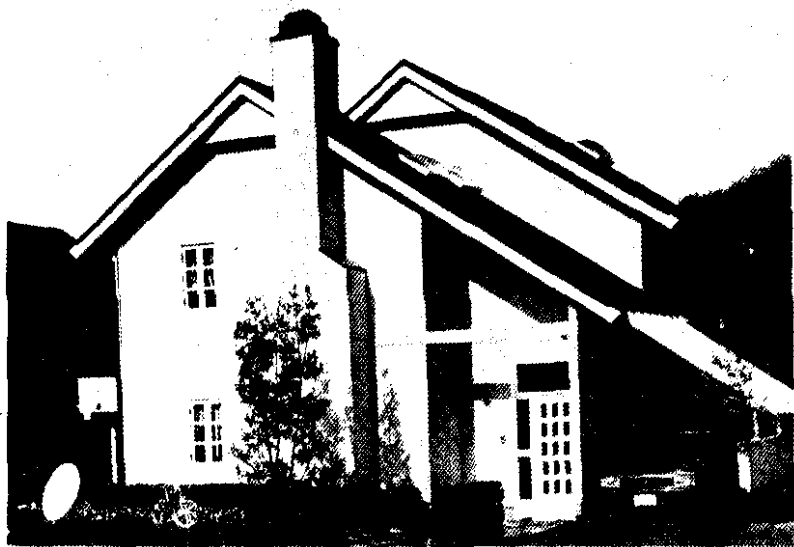
Буржуазные реформы

Реформы, которые должны были удовлетворить требования двух социально полярных правительственных группировок, носили ограниченный характер.

Ликвидации феодального сепаратизма и завершению государственного объединения страны содействовали уничтожение феодальных княжеств и создание вместо них в 1870—1872 гг. префектур (кэн) и трех столичных префектур (фу): Токио, Киото, Осака. Создание новой административной системы, уничтожившей господство феодальных князей, было осуществлено в соответствии с интересами развития капиталистической экономики.

В марте 1872 г. были учреждены три сословия: высшее дворянство (кадзоку), в которое вошли бывшие даймё и кугэ; дворянство (сидзоку) — самурайство; простой народ (хэймин) — остальное население. Фактически самурайство не потеряло привилегированного положения. Кадры чиновничества пополнялись преимущественно из среды самурайства. Сложилась традиция, что на высшие государственные посты, руководство армией и флотом выделялись выходцы из оппозиционного дворянства двух княжеств — Сацума и Тёсю (представители Сацума занимали руководящие посты во флоте, Тёсю — в армии).

В 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность на

Сборный жилой дом

ная удар по монополии самурайства в военной области. В 1873 г. в Токио была открыта военная академия, готовящая под руководством французских офицеров командный состав японской армии. Английские офицеры преподавали в военно-морской академии и военно-морском инженерном училище.

Хотя армия капиталистической Японии создавалась по европейскому образцу, ее идеологическая основа строилась на основе средневековой самурайской морали — использовался кодекс «бусидо», синтоизм и тенноизм с их культом предков и божественным происхождением императора, патернализм («офицер — отец солдата») и пр.

Наиболее значительным мероприятием правительства страны было проведение аграрной реформы в 1872—1873 гг. Содействуя развитию капиталистического предпринимательства в деревне, правительство стремилось укрепить положение новых помещиков и богатых крестьян, имевших в фактическом пользовании заложённые бедняками земельные участки. Объявление собственниками земли всех тех, кто владел ею к моменту издания закона, означало признание земельных сделок (закладных, дарственных и т. д.), запрещённых в период токугавского правления и означавших экспроприацию участка у крестьянина новым слоем собственников в деревне. В 1872 г. была официально разрешена купля-продажа земли.

Прогрессивное значение реформы состояло в том, что она ликвидировала земельную монополию феодального класса и вводила буржуазный принцип частной собственности на землю.

В то же время бедное крестьянство — наследственные держатели земельных наделов в княжествах — теперь зачастую не могли их сохранить из-за обременённости долгами, а приобретя землю, вскоре теряли ее, закладывая и продавая помещику или богатой верхушке деревни. Обезземелению крестьянина после реформы, превращению его в арендатора содействовало принятие в 1873 г. закона об изменении земельного налога. Многочисленные феодальные подати и повинности были заменены единым налогом в размере 3% от стоимости земли независимо от урожая. Вместо кокудака (подати рисом) новый налог выплачивался деньгами. Вследствие чрезвычайно высокой цены, установленной правительством на землю, он составлял почти 50% валового дохода крестьянского двора, что снова приводило к закабалению и потере крестьянином участка.

Поступления от земельного налога составляли почти 80% государственного бюджета страны. В результате половинчатой аграрной реформы, сохранившей помещичье землевладение, и высокого земельного налога не сложились условия для формирования крепких самостоятельных крестьянских хозяйств капиталистического типа. Земельные участки, полученные основной массой крестьянства, как правило, были невелики по размеру. Реформа активизировала процесс классовой дифференциации. Все возрастающее количество арендаторов, еще недавно бывших собственников, противопоставлялось богатой деревенской верхушке, сохраняющей черты полуфеодального землевладения (полуфеодальная аренда, натуральная арендная плата). Выросло число арендаторов участников крестьянских восстаний: за десятилетие с 1868 по 1878 г. произошло 185 выступлений с числом участников, нередко достигавшим десятков и сотен тысяч.

Однако при всей ограниченности аграрная реформа содействовала развитию капиталистических производственных отношений в Японии. Высшая феодальная знать перестала быть социальной опорой правительства в деревне — ею окончательно становились новые помещики и сельская буржуазия.

Незавершенность революционных событий 1867—1868 гг. в Японии проявилась во всех реформах, проведенных дворянско-буржуазным блоком. Она была определена двойственной позицией буржуазии, не боровшейся за полноту власти, а пытавшейся уступками удовлетворить своего союзника — феодалов — и отодвинуть, предотвратить революционные выступления масс, недовольных ограниченностью реформ.

Тем не менее буржуазная революция стала важнейшим рубежом, отделившим феодальную Японию от периода капиталистического развития страны, хотя и отягощенного множеством феодальных пережитков. Объединение страны способствовало формированию японской буржуазной нации и созданию самостоятельного национального государства. Эти условия В. И. Ленин считал важнейшими при рассмотрении вопроса о том, почему Япония опередила другие страны Азии в экономическом развитии по капитали-

Кирпичный жилой дом. Конец XIX — начало XX в.

стическому пути. «...В самой Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее свободного, широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, т. е. только в самостоятельном национальном государстве»¹, — писал он. Но поскольку это государство было буржуазным, оно само встало на путь воинствующего национализма и колониальной политики.

Реакционные выступления самурайства

Буржуазные реформы содействовали развитию капиталистических отношений в стране. Положение буржуазии в правящем дворянско-буржуазном блоке укреплялось. В то же время самурайство за исключением привилегированной феодальной знати, занявшей высокие посты в государственном аппарате, с трудом находило

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 262.

себе место в новой социально-политической системе. Недовольство реформами, стремление любой ценой повернуть историческое развитие вспять и возвратиться к прежним порядкам стало характерной позицией значительной части самураев.

В 70-х годах XIX в. в Японии вспыхнули антиправительственные мятежи самурайства, выдвигавшего требования отмены реформ, восстановления прежнего его положения в государстве. Серьезной причиной недовольства было введение воинской повинности, лишавшей самураев монополии на ношение оружия и ущемлявшей их ликвидацией издавна существовавшего особого положения в системе социальных отношений. Недовольны они были и внешней политикой правительства.

Организатором и идеологом оппозиционного самурайства выступил представитель высшего дворянства из Сацума, некоторое время бывший военным министром в правительстве Сайго Такамоти. Видя постепенное изменение соотношения сил в правящем блоке в пользу позиций буржуазии, он выдвинул программу развертывания агрессивных войн с целью усиления императорской Японии и укрепления позиций самурайства. Примером для самурайства служил захват островов Рюкю в 1872 г. (с 1879 г. префектура Окинава), а также «открытие» Кореи в 1876 г., когда японцы под предлогом спровоцированного инцидента заставили ее прекратить изоляцию и навязали неравноправный договор. Сайго требовал организации похода на Корею, предполагая, что война поднимет престиж самурайства как воинского сословия, а восстановленные привилегии ослабят позиции буржуазии и остановят буржуазные преобразования. В 1874 г. была организована военная экспедиция на о-в Тайвань под фальшивым предлогом «защиты японских подданных» (рыбаков с Рюкю) от нападения местных жителей. Однако активная борьба населения острова заставила японские войска отступить и эвакуироваться, хотя правительство получило за это с Китая (подвассальная территория) денежную компенсацию.

Сопrotивление самураев вызвала и так называемая капитализация пенсий. В 1873 г. правительство предложило даймё и самураям в добровольном порядке согласиться на единовременную выплату пенсии за несколько лет (половину наличными, половину облигациями государственного займа). Денежная компенсация пожизненных самурайских пенсий официально рассматривалась как обеспечение дворянству возможности заняться предпринимательской деятельностью в области промышленности, банкового дела, торговли, сельского хозяйства и т. д. В 1876 г. была объявлена принудительная «капитализация пенсий» (в размере 5—14-летней суммы пенсии). Однако значительная часть самураев в силу длительной традиции занятий только военным делом оказалась не способной ни к предпринимательской, ни к трудовой деятельности. К тому же капитализация пенсий для рядовых самураев составила сравнительно небольшие суммы.

Весной 1877 г. Сайго поднял в Сацума мятеж, известный

впоследствии как «сацумская война». Феодалные войска Сайго после нескольких месяцев кровопролитных сражений с правительственной армией в сентябре 1877 г. потерпели поражение. Для буржуазного правительства поражение самурайства послужило не только укреплению его позиций, но и было использовано как доказательство правомерности и необходимости буржуазных преобразований (превосходство регулярной буржуазной армии над феодално-самурайскими формированиями, ее вооружение и др.).

События 1867—1868 гг. в советской и японской историографии

События, происшедшие в Японии в 1867—1868 гг., их анализ и место в развитии страны стали почти сразу же одной из главных, к тому же дискуссионных тем в японской исторической науке, актуальность и острота которой сохраняются и в наши дни. Ранее всего было начато изучение истории событий Мэйдзи дворянско-монархической школой историков, работавших под эгидой нового правительства, которое было заинтересовано в определенной, выгодной для него трактовке. Тенденциозная концепция этих историков — осэй фукко (реставрация императорской власти) — восходила к традициям школы Мито и кокугаку, выдвинувшим в противовес «узурпаторской» сущности системы сёгуната «законность» императорской власти, божественность ее происхождения и исключительность японского пути развития. Согласно этой концепции, сущность событий 1867—1868 гг. сводится к борьбе двух группировок правящего лагеря — сёгуна и императорского дома, давшей название политическому процессу, происходившему в стране, «Мэйдзи исин» («обновление, реставрация Мэйдзи»). Социально-экономические преобразования при этом рассматривались как имеющие подчиненное значение.

Изучением истории Мэйдзи, особенно ее социально-экономических аспектов, занимались также буржуазные ученые разных исторических направлений — Хондзё Эйджиро (1888—1973), Цугия Такао (род. 1896) и др.

Но наиболее серьезное изучение проблем Мэйдзи началось в 20—30-х годах XX в., когда в японской исторической науке стала складываться марксистская школа с ее научным подходом к событиям общественно-исторического процесса, с марксистско-ленинской методологией исследования.

Внимание к проблемам Мэйдзи было определено практическими задачами развития рабочего и социалистического движения тех лет, что требовало изучения уровня социального развития общества, уяснения природы японского капитализма. Исследование проблем генезиса и развития капитализма в Японии объединяет ученых-марксистов, начавших с мая 1932 г. выпускать серию работ «Очерки по истории развития японского капитализма». Несмотря на единый марксистский методологический подход к

исследованию исторического материала, среди этих ученых (Норо Эйтаро, Хани Горо, Ямада Моритаро, Хаттори Сисо, Хирано Ёситаро и др.) не существовало единой точки зрения на сущность событий Мэйдзи и генезис японского капитализма. Одна группа историков рассматривала события 1867—1868 гг. как буржуазную революцию, вторая — как процесс формирования абсолютистского режима.

Проблема Мэйдзи исин продолжает оставаться и сейчас в центре идеологической борьбы в научной и политической жизни Японии, она является актуальной в борьбе прогрессивной науки Японии против буржуазных концепций общественного развития.

Советская историография, тщательно и объективно исследовав вопрос о характере и значении Мэйдзи исин, о предпосылках и классовой сущности этих событий, рассматривает их как незавершенную буржуазную революцию. Составляя сводку главных данных всемирной истории после 1870 г. В. И. Ленин в графе «Революционные движения (непролетарского характера)» отметил: «1868—1871: Япония. (Революция и преобразования)»¹.

Происшедшая как результат закономерного процесса общественного развития, классовой борьбы прогрессивных сил японского общества против феодальной системы, но осуществленная под лозунгом восстановления императорской власти, Мэйдзи исин отличается определенным историческим своеобразием. В отличие от английской буржуазной революции XVII в. и французской революции конца XVIII в., когда в недрах феодальной формации этих стран сформировался капиталистический уклад, в Японии буржуазия не стала крупной экономической и политической силой, готовой пойти на революционное переустройство общества. Буржуазная по своему содержанию революция была совершена низшим самурайством, радикальным крылом дворянства, прогрессивной самурайской интеллигенцией, а буржуазия неспособная возглавить движение за ликвидацию феодального господства, вошла в союз с феодалами и правящим блоком.

Это и определило незавершенный характер революции 1867—1868 гг., половинчатость буржуазных преобразований.

Советские историки на основе исследования японских исторических и статистических материалов пришли к выводу о том, что главной силой, подготовившей события Мэйдзи, были крестьянские восстания, приведшие страну, несмотря на стихийность и раздробленность, к крестьянской антифеодальной революции.

Для определения характера преобразований Мэйдзи большое значение имеет выяснение степени развития капиталистического производства в Японии к 1867—1868 гг. Поэтому значительное место в советской исторической науке занимает изучение экономических и социальных аспектов генезиса капитализма. Работы Е. М. Жукова, А. Л. Гальперина, Х. Т. Эйдуса, П. П. Топехи,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 671.

Д. И. Гольдберга, А. А. Губера, А. Н. Хейфеца, И. Г. Позднякова и других убедительно показывают развитие капитализма в «закрытой» токугавской Японии. «Закрытие» страны, вызвавшее консервацию феодальных отношений, сыграло и определенную положительную роль: в стране, избежавшей колониального порабощения, создавшей преграду проникновению иностранного капитала, медленно, но неуклонно шло развитие ростков капиталистического уклада.

Советские исследования подчеркивают прогрессивное значение преобразований буржуазной революции, избавивших Японию от угрозы колониального порабощения, ликвидировавших феодальную раздробленность и способствовавших национальному объединению страны, которая вступила на путь капиталистического развития.

Марксистская историография критически рассматривает выводы некоторых японских исследований, преувеличивающих значение внешнего фактора в событиях 1867—1868 гг.

Безусловно, иностранный нажим, система неравноправных договоров, насильственно включившие Японию в орбиту мирового хозяйства, соприкосновение с буржуазной культурой Запада не могли не усилить затянувшийся политический кризис токугавского режима. Сыграло роль в развитии послемэйдзийской Японии и стабильно-формационное соотношение стран Запада и Японии в период ее «открытия», государств с развитым промышленным капитализмом и страны, находившейся на уровне разложения феодализма, формирования капиталистических отношений и оказавшейся под воздействием элементов более передового способа производства.

Немаловажным фактором считает советская историография международную ситуацию, которая во второй половине XIX в. оказалась благоприятной для исторических судеб Японии. Произошло ослабление натиска на Японию со стороны западных держав, предостережение активного вмешательства в ее дела Англии и США. Англия была отвлечена событиями в Индии и Китае (восстание сипаев, «опиумная война» и участие в подавлении восстания тайпинов), а США — начавшейся там гражданской войной. Академик Н. И. Конрад писал: «...Япония в этот критический момент своей истории многим была обязана именно революционной стихии мирового исторического процесса... им, этим революционным силам... следовало бы воздвигнуть памятник благодарности за помощь в Мэйдзийском обновлении»¹.

Советские историки при изучении проблем Мэйдзи считают необходимым учитывать как внешние, так и внутренние обстоятельства событий, решающая роль при этом отводится анализу социально-экономического и политического развития страны.

Важнейшим направлением советской историографии является критика современных буржуазных трактовок Мэйдзи исин, при-

¹ Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974. С. 190.

обретших в послевоенной Японии политическую окраску и вышедших за рамки японской историографии. В связи с празднованием столетнего юбилея Мэйдзи и син в 1968 г. реакционными кругами правящего лагеря была начата широкая кампания идеализации японского капитализма, преподнесения его как эталона оптимального «безболезненного» превращения отсталой аграрной страны в одну из сильнейших стран мира. В наши дни, в условиях обострения идеологической борьбы в мире буржуазные историки капиталистических стран, прежде всего Японии и США, пытаются представить опыт развития японского капитализма как образец подражания для развивающихся стран, умалчивая при этом о чудовищной эксплуатации японского народа, об агрессивных войнах и колониальном ограблении народов Кореи, Китая, Юго-Восточной Азии.

Глава 10

Японский капитализм и либеральное движение

Промышленное развитие страны в 70—80-е годы

80-е годы XIX в. стали для Японии периодом быстрого промышленного развития. В первые десятилетия после революции возникло около пятисот промышленных предприятий. Деятельность государственных предприятий играла важную роль в развитии капиталистической промышленности. Однако правительство решило перейти к политике поощрения частнокапиталистической промышленности и передачи государственных предприятий частным лицам. С осени 1880 г. правительство стало продавать или передавать в аренду привилегированным представителям буржуазии и выходцам из высшего дворянства, нередко правительственным поставщикам и кредиторам так называемые образцовые предприятия. Среди них были известные фирмы — Мицуи, Мицубиси, Фурукава, Ясуда, Асано, Кавасаки и др. Правительство продало на весьма выгодных условиях медные рудники в Асио фирме Фурукава, самый большой в стране судостроительный завод в Нагасаки, серебряные рудники Икуно и угольные шахты на Хоккайдо — фирме Мицубиси.

Протекционистская политика правительства фактически осуществляла для промышленности первоначальное накопление (счет налоговых поступлений (80% которых составлял поземельный налог), а также защищала японское капиталистическое производство от вторжения иностранных товаров по низким таможенным пошлинам (следствие неравноправных договоров).

По характеристике К. Маркса, «система протекционизма была

Храмовый фонарь и тории

искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприровать независимых работников, капитализировать национальные средства производства и жизненные средства, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному»¹.

Результатом протекционистской политики государства стали неравномерность и однобокое развитие промышленности с преоб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 767.

ладанием легкой, главным образом текстильной. Промышленная буржуазия, получившая «образцовые предприятия», была заинтересована и в дальнейшем участии государства в издержках производства. Таким образом, возникла тесная связь японской буржуазии с монархическими кругами, укреплялся союз японских помещиков и капиталистов. Их объединяла также общность методов эксплуатации, ее феодальные формы, характерные как для деревни, так и для города. Система контрактации, позволяющая использовать в массовых масштабах женский и детский труд, пятнадцатичасовой рабочий день, тюремного типа общежития, влияние патерналистских традиций («предприниматель — отец»), обеспечивали безнаказанность эксплуатации пролетариата. Наличие феодальных пережитков являлось основой жесточайшей эксплуатации и ограбления крестьянства.

Правительство субсидировало развитие предприятий, прежде всего работавших на армию и флот, а также содействовало развитию средств транспорта и связи. Почти исключительно за счет государственных средств быстро растет железнодорожный транспорт — в 1872 г. построена первая железная дорога Токио — Иокогама, с 1882 по 1890 г. протяженность железнодорожной сети достигла 2190 км, т. е. увеличилась примерно в 10 раз по сравнению с началом строительства.

Несмотря на быстрые темпы формирования промышленной базы, по общему уровню развития Япония значительно отставала от крупных капиталистических стран. В промышленности преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, промышленный пролетариат в 1890 г. составлял всего лишь 346 тыс. человек (0,87% населения).

Экономическую отсталость отражала и внешняя торговля страны, для которой были характерны вывоз сельскохозяйственных продуктов и ввоз готовых изделий. Постоянная ориентация на внешние рынки сырья вследствие слабости собственной промышленно-сырьевой базы, а также ограниченная емкость внутреннего рынка стали основой разработки агрессивных внешнеполитических планов.

Осуществлению планов захвата внешних рынков, особой агрессивности Японии содействовал ряд обстоятельств, сложившихся в стране после революции, важнейшим из которых была самостоятельная роль военщины — значительная часть самураев была сконцентрирована в армии и флоте. По оценке В. И. Ленина, в Японии монополия военной силы «...отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала»¹. Не менее серьезным обстоятельством была агрессивность молодой японской буржуазии. В первые годы после революции большая часть ее не хотела вкладывать капиталы в развитие промышленности, оставаясь торгово-ростовщической. Передачи

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 174.

правительством почти за бесценок «образцовых предприятий» капиталистам стала своеобразным этапом в развитии соотношения сил в правящем блоке и в формировании внешнеполитического курса. Получив промышленные объекты, капиталисты сразу же проявили заинтересованность в реализации продукции этих, как правило, военных предприятий, т. е. в развитии агрессии. На этой основе сомкнулись интересы воинствующего самурайства и буржуазии.

Важным также в развитии Японии была помощь со стороны сильных капиталистических государств. В. И. Ленин, отмечая быстрое экономическое развитие Японии, подчеркивал, что в то же время она оставалась слабой. Япония «...никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может»¹.

Движение за свободу и народные права («Дзию минкэн ундо») и первые политические партии

Укрепление экономических позиций буржуазии в стране привело к активизации ее политической деятельности. Одним из проявлений этого явилось оппозиционное движение за принятие конституции, названное «Дзию минкэн ундо» («Движение за свободу и народные права»). Активную позицию занимало в «минкэн ундо» обуржуазившееся дворянство, требовавшее созыва парламента, отмены неравноправных договоров. Однако наибольшее беспокойство правительственных кругов вызвало участие в движении демократических слоев населения (мелкобуржуазная интеллигенция, представители мелкой буржуазии города и деревни, пролетариата). Движение «за народные права» приобретало все более боевой характер и в середине 80-х годов даже вылилось в некоторых районах страны в вооруженные выступления, жестоко подавленные правительством.

В такой напряженной политической обстановке в стране возникли политические партии. В 1881 г. была создана партия Риккэн дзюто (Конституционная либеральная партия) или просто Дзюто (Либеральная партия), партия средних и мелких либеральных помещиков, возглавляемая Итагаки Тайсукэ. Дзюто, защищая интересы помещиков и сельских буржуа-предпринимателей, требовала снижения поземельного налога, выступала против монополии в правительстве узкого круга бюрократии и самурайства. Партию поддерживала фирма Мицуи, имевшая тесные связи с помещиками и сельской буржуазией.

В 1882 г. возникла партия Кайсинто (Партия реформ), президент Окума Сигэнобу. Программа ее имела в виду активное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 227.

укрепление позиций буржуазии — развитие внешней торговли, скорейший пересмотр неравноправных договоров, проведение денежной реформы, а также выход японских капиталистов на внешние рынки. Партия, связанная с фирмой Мицубиси, представляла интересы крупной торговой и финансовой буржуазии, обуржуазившихся помещиков, либеральной интеллигенции. Идеологом партии Фукудзава Юкити был известным пропагандистом идеологии западного либерализма — произведений французских материалистов и английских экономистов.

Расширение движения «минкэн ундо» заставило правительство послать за границу правительственную миссию во главе с князем Ито для ознакомления с конституционной практикой европейских стран и США. Наиболее приемлемым для Японии образцом представительских учреждений, по мнению Ито, был прусский парламент, и в 1889 г. в Японии была принята конституция, многом воспроизводившая бисмарковскую конституцию.

Конституция 1889 г. укрепляла монархический строй. Проводившая особу императора «священной и неприкосновенной», она предоставляла императору неограниченные права главы государства — права объявления войны и заключения мира, заключения договоров, утверждения и издания законов, созыва и роспуска парламента, назначения и увольнения всех гражданских и военных должностных лиц, а также право верховного командования армией и флотом. Парламент состоял из палаты пэров и палаты представителей. Верхняя палата состояла из членов императорской фамилии, титулованной аристократии, крупнейших налогоплательщиков и лиц, назначавшихся императором. Согласно избирательному закону, опубликованному одновременно с конституцией, нижняя палата избиралась мужчинами старше 25 лет, уплачивавшими не менее 15 иен прямого налога. Активным избирательным правом пользовались лица не моложе 25 лет, пассивным — не моложе 30 лет.

Парламент пользовался правом законодательной инициативы, утверждения бюджета и пр., однако, согласно конституции, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором. В случае отклонения парламентом бюджета правительство могло не уходить в отставку, а принимало бюджет предыдущего года. Таким образом парламент лишался возможности воздействовать на политику правительства.

Конституция определила высший консультативный орган при императоре — Тайный совет.

Конституция 1889 г. представляла собой юридическое оформление союза помещиков и буржуазии под эгидой реакционной монархии. Парламентская буржуазная оппозиция добивалась ликвидации «клановых» правительств — бюрократии и военщины и Сацума и Тёсю. Однако на основе агрессивной внешней политики оппозиция довольно быстро нашла общий язык с правящими кругами.

Агрессивная внешняя политика Японии в 70—90-е годы. Японо-китайская война

Строительство военных предприятий, вооружение и прежде всего строительство сильного военно-морского флота свидетельствовало об активно идущей в стране подготовке к захватническим войнам. Наиболее близким объектом для агрессии была Корея. Подготовку к захвату Корейского полуострова японское правительство намеревалось осуществить договорившись с Россией о ее нейтралитете в японо-корейской войне, однако эти предложения были отвергнуты. В 1875 г. было заключено русско-японское соглашение — о-в Сахалин, государственная принадлежность которого до тех пор не была определена в международно-правовом порядке, полностью отошел к России, которая в обмен передала Японии Курильские острова, бесспорно являвшиеся русским владением. Позициям России на Тихом океане был нанесен значительный ущерб. Царская дипломатия оказалась неспособной отстоять законные государственные интересы страны.

Навязав неравноправный договор Корею в 1876 г. и монополизировав почти полностью ее внешнюю торговлю, в 1882—1884 гг. японцы добиваются расширения экспансии в Корею под предлогом «содействия» национально-освободительному движению против Китая. Одновременно оказывается давление и на Китай. В 1885 г. состоялось подписание японо-китайского договора в Тяньцзине, по которому обе стороны обязывались не вводить войска в Корею, формально находившуюся под китайским суверенитетом, без взаимного согласования. Начавшееся в 1893 г. в Корею массовое крестьянское движение тонхаков и введение китайских войск для его подавления было использовано Японией как повод для высадки своих воинских соединений на Корейском полуострове. Обвинив Китай в нарушении Тяньцзиньского договора, японцы оккупировали важнейшие стратегические пункты страны.

Созданное японцами корейское правительство прояпонской ориентации провозгласило независимость Кореи от Китая и сразу же обратилось за «помощью» к Японии. 25 июля 1894 г. без объявления войны японским военным кораблем был потоплен английский транспорт, перевозивший китайских солдат, японская армия вторглась в Корею. Затем военные действия были перенесены на территорию Китая. 17 апреля 1895 г. в Симоносэки был подписан мирный договор, по которому: 1) Китай признавал независимость Кореи; 2) передавал Японии о-в Тайвань, Пескадорские острова и п-ов Ляодун; 3) должен был выплатить Японии контрибуцию более 300 млн. иен; 4) открыть для торговли и судоходства ряд портов, разрешить плавание японским судам по рекам Янцзы и Усун; 5) разрешить временную оккупацию территории Вэйхай-ля; 6) обязывался заключить торговый договор с Японией с теми же правами и привилегиями, которыми пользовались западные

Традиционная трапеза

державы. Кроме того, Япония получила право строительства промышленных предприятий в Китае и ввоза туда машин. Парламентская оппозиция выступила с критикой Симоносэкского договора, считая необходимым расширить перечень требований к Китаю. Однако западные державы и царская Россия оценили результаты японо-китайской войны иначе, видя в них прямую угрозу своим интересам. 23 апреля 1895 г. Россия, Германия и Франция выступили с «рекомендацией» Японии отказаться от пункта Симоносэкского мирного договора, предусматривающего передачу ей Ляодунского полуострова. Япония была вынуждена принять

«дружеский совет», но при этом добилась увеличения суммы военной контрибуции до 350 млн. иен.

Японо-китайская война явилась важным рубежом в развитии Японии, с 1894 по 1899 г. почти втрое увеличилась сумма капиталов, вложенных в японскую промышленность, чрезвычайно расширился объем внешней торговли. Война отделила существование полузависимой страны, являвшейся объектом колониальной политики империалистических держав, от новой хронологической полосы, когда сама Япония превращается в угнетателя других народов, в соперника крупных капиталистических держав.

Усилилось японское влияние в Корее. Однако убийство японцами корейской королевы Мин и бегство корейского короля для спасения в русскую дипломатическую миссию имели определенные последствия для изменения соотношения сил Японии и России в Корее. Возросло русское влияние на корейское правительство. Усилились также позиции России в Маньчжурии — в 1896 г. было подписано русско-китайское соглашение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в 1897 г. Россия получила в аренду оставленный перед этим японцами Порт-Артур.

В начавшемся после японо-китайской войны разделе Китая на «сферы влияния» приняла участие наряду с западными державами и Япония — она добилась признания провинции Фуцзянь своей «сферой влияния», а также получила концессии. Столкновение интересов Японии и России в Китае и Корее шло на фоне постоянного подталкивания к конфликту со стороны Англии, США и Германии, которые, стремясь ослабить Россию, обещали японцам поддержку в будущей русско-японской войне.

Глава II

Становление японского империализма

Формирование рабочего класса и промышленное развитие страны после японо-китайской войны

Рабочий класс капиталистической Японии формировался за счет горожан-ремесленников, подмастерьев, рабочих мануфактур, разорвавшихся крестьян. Однако специфика формирования рабочего класса была в том, что японский крестьянин в отличие от процесса обезземеления в других странах, не покидал деревню, лишившись земли, а оставался в ней арендатором. Отправляя на фабрику по кабальному контракту на несколько лет своих детей или сам уходя в город, такой крестьянин не порывал окончательно связей с деревней, составляя неустойчивые, трудные для организации, текущие промышленные кадры. Для молодой японской промышленности было характерно преобладание раннекапиталистических

форм производства. Это определяло структурные особенности рабочего класса Японии: малочисленность и текучесть фабрично-заводского пролетариата, высокий удельный вес рабочих мелких и средних предприятий мануфактурного типа, не порывающих связи с сельским хозяйством, широкое использование женского и детского труда, особенно в прядильном и ткацком производстве. Отсутствие фабричного законодательства, полное бесправие, произвол администрации, более чем двенадцатичасовой рабочий день, низкая заработная плата (мужчины — 10 сэн, девушки и дети 3—4 сэн в день) характеризовали положение японского рабочего класса.

Успехи грабительской войны были использованы японским правительством для принятия уже в конце 1895 г. так называемой послевоенной программы развития хозяйства, по существу, представлявшей собой план активной милитаризации экономики на путях к новой войне. Рассчитанная на 10 лет (1896—1905), программа предусматривала расширение промышленной базы, создание ряда отраслей тяжелой промышленности. В действительности это в значительной мере была политика «расширения вооружений», рассчитанная на реорганизацию и укрепление вооруженных сил страны. Предполагалось увеличить вдвое армию (с 6 до 13 дивизий), заново создать ее отдельные подразделения (кавалерия и артиллерийские части), построить несколько arsenалов. Должен был возрасти более чем в четыре раза флот, предусматривалось строительство новых военно-морских баз (Майдзуру, Такэсики и др.). Планировалось создать впервые в истории страны мощный металлургический комбинат в Явата.

Проведение в жизнь этой программы вызвало в стране промышленный подъем, правительство предпринимало меры для развития металлургии, машиностроения, строительства железных дорог, расширения телеграфной и телефонной связи. Было завершено сооружение сталелитейного завода в Токио, заводов горного оборудования в Фукуока и подвижного состава в Осака и Нагоя. Однако около 90% сумм, полученных после войны как контрибуция, было израсходовано на милитаризацию страны — перевооружение армии и флота, опережающее развитие военной тяжелой промышленности.

При этом, несмотря на активное и целенаправленное развитие тяжелой промышленности, все же ведущую роль в хозяйстве страны в эти годы занимала по-прежнему текстильная промышленность.

Начало рабочего движения

Стихийные протесты против эксплуатации, первые выступления рабочего класса относятся к 70-м годам XIX в. В 1872 г. на шахтах Такасима (Нагасаки) произошли стихийные выступления горняков. В 1881 г. был организован первый профсоюз печатников.

типографии Сакума. В 1878 и 1884 гг. на рудниках Такасима снова вспыхнули волнения из-за жесточайших условий труда (рабочий день здесь достигал 18—20 часов), администрация занималась откровенным издевательством над шахтерами. Даже среди таких неорганизованных и забытых слоев японского пролетариата, как работники текстильных фабрик, возникали возмущение и протест. В 1886 г. произошла первая забастовка работниц текстильной фабрики в городе Кофу.

В 90-х годах начинается активный рост организаций рабочего класса, большое значение в этот период имела деятельность Катаяма Сэн. Родившийся в 1859 г. в крестьянской семье, Катаяма прошел трудный жизненный путь эмигранта, сменившего множество профессий, получившего высшее образование в США и вернувшегося на родину профессиональным революционером. В 1897 г. Катаяма создал Лигу по организации рабочих профсоюзов. Затем им были организованы союзы машинистов, металлистов и печатников. С 1898 г. под руководством и при участии Катаяма стал выходить журнал «Рабочий мир» и начало работать Общество по изучению социализма. Большая заслуга Катаяма в том, что он пытался слить в одно русло деятельность разрозненных интеллигентских кружков по изучению социальных проблем и массовое рабочее движение. В своих выступлениях он разоблачал широко распространявшуюся капиталистами теорию «сотрудничества труда и капитала», доказывая необходимость для трудящихся создания классовых организаций.

Перерастание японского капитализма в монополистическую стадию

Начало XX в. ознаменовалось для Японии вступлением в империалистическую стадию развития. Некоторые черты перехода капитализма в монополистическую стадию выявились уже в конце XIX в. Этому содействовал финансовый кризис конца 1897 г., последовавший за послевоенным (1894—1895) экономическим подъемом. Поглощение в ходе финансового кризиса мелких предприятий более крупными способствовало концентрации производства и централизации капитала. Процесс создания крупнокапиталистических объединений монополистического характера был ускорен тем, что многие из них выросли из торговых (Мицуи), торгово-ростовщических, торгово-промышленных (Сумитомо) компаний феодальной Японии. Кроме того, не менее важным было стадийно-формационное соотношение в развитии Японии и главных промышленно развитых стран, которое сложилось после ее включения в мировую капиталистическую систему. Переход мировых держав к империализму воздействовал как фактор ускорения на экономическое развитие Японии, и непосредственным результатом этого было возникновение монополий в ходе так называемого промышленного переворота в годы после японо-ки-

тайской войны. Формирование объединений монополистического типа шло при постоянном правительственном контроле и опеке государства. В начале XX в. протекционистская политика правительства содействовала структурной перестройке торгово-финансовых семейных компаний (Мицуи, Мицубиси), которые постепенно эволюционируют к форме концернов. Государственные и монополистические интересы часто сливаются [компания Южно-маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), Восточно-колонизационное общество].

В 1905—1907 гг. в стране завершается промышленная революция, но по-прежнему большое место в экономике занимает мелкая промышленность; сказывается также разделение промышленных объектов на две категории: железо, текстиль, суда и т. д. производят крупные предприятия с машинным производством; все остальное — мелкие предприятия, мануфактуры, даже домашняя промышленность. Со второго десятилетия XX в. происходит опережение концентрации производства концентрацией капитала: финансовая олигархия, отражая крепнущее господство монополий, все более решительно занимает ведущее положение в правящем лагере. Грабительское обогащение во время японо-китайской войны стало основой укрепления крупнокапиталистических фирм близких к правительству.

Показателем империалистического характера японской внешней политики является начавшийся вывоз капитала. В январе 1904 г. Япония предоставляет Китаю первый заем — 3 млн. иен на освоение рудного месторождения Дайе для снабжения своего металлургического комбината на о-ве Кюсю.

Незавершенный характер буржуазной революции, наличие в результате ее монопольной силы в руках самурайства при сохранении полуфеодальной помещичьей системы, а также быстрый переход страны на путь милитаризма обусловили военно-феодальный характер японского империализма.

Почти до первой мировой войны в сельском хозяйстве Японии было занято более 60% населения. Депрессия в промышленности, начавшаяся с кризиса 1900—1903 гг. (исключая кратковременный подъем 1905 г.), оказывала влияние на положение деревни. Увеличивалось аграрное перенаселение, вследствие сохранения помещичьего землевладения создавались дополнительные возможности взимания высокой, феодального типа ренты, а в промышленности — сохранения раннекапиталистических форм эксплуатации. Сохранение феодальных пережитков и неравномерность и длительность капиталистической перестройки сельского хозяйства, особое положение в структуре правящего лагеря воинов, представлявшей прочную основу для императорской системы (тэнносэй), также определяли военно-феодальный характер японского империализма.

После японо-китайской войны Япония уже выступает как активная империалистическая сила на мировой арене.

В 1894 г. она добивается частичного пересмотра неравноправ

ных договоров, отменяет экстерриториальность иностранцев. Полное равноправие было достигнуто в 1911 г. В 1899 г. вступает в силу отмена ограничений таможенной независимости.

В 1900 г. Япония принимает активное участие в подавлении народного выступления в Китае против гнета иностранных держав, известного как Ихэтуаньское восстание.

Между тем вследствие роста межимпериалистических противоречий обстановка на Дальнем Востоке становилась все более напряженной. Строительство Россией железных дорог в Маньчжурии, аренда Порт-Артура и Дальнего вызывали враждебное отношение Англии и США и обусловили английскую и американскую поддержку Японии, подталкивая ее к войне с Россией (Англия предоставила третий по счету крупный заем в 10 млн. ф. ст.).

Внешняя политика Японии в начале XX в.

Пришедший к власти в 1901 г. милитаристский кабинет Кацура, опираясь на заключенный в 1902 г. англо-японский союз, который предусматривал «особые» интересы Англии в Китае, а Японии — в Китае и Корее, развернул активную подготовку к войне с Россией. Правительство получило поддержку в парламенте, даже представители либерального крыла буржуазии вошли в шовинистическую парламентскую группировку «Тайро досикай» («Антирусское товарищество»). Шовинистическая пропаганда захлестнула страницы буржуазной печати. В этих условиях заранее был ясен провал русско-японских переговоров о разграничении сфер влияния в Китае. Япония прервала переговоры, а 8 февраля 1904 г. японская эскадра адмирала Того напала на русский флот в Порт-Артуре. Лишь 10 февраля 1904 г., через несколько дней после нападения (так же, как на начальном этапе японо-китайской войны), Япония формально объявила войну России. Военные планы японцев предполагали широкие сухопутные операции на Ляодунском полуострове и в Мукденской провинции и активные действия на море. Успешная атака японскими кораблями русской эскадры, а также гибель флагманского корабля «Петропавловск», подорвавшегося на mine, позволили японцам блокировать Порт-Артур и обеспечить превосходство на море.

В августе 1904 г. произошло первое крупное сражение под Ляояном, нанесшее серьезный урон японской армии, которая потеряла 20% состава убитыми и ранеными. Но бездарность русского командования, приказавшего войскам отступать (из-за опасения попасть в окружение), превратила операцию под Ляояном в поражение русской армии. Не удавалось японцам добиться, как они рассчитывали, и быстрой капитуляции Порт-Артура. Однако предательская позиция отдельных представителей русского командования стала причиной сдачи крепости 2 января 1905 г. В. И. Ленин в статьях по поводу падения Порт-Артура оценивал этот факт как символ поражения царизма в войне:

«Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»¹.

В марте 1905 г. в кровопролитном сражении под Мукденом, где русским войскам удалось расстроить планы японского командования, царские генералы снова, как и у Ляояна, отдали приказ об отступлении. Армия потерпела крупное поражение. 28 мая 1905 г. в Цусимском проливе была разгромлена русская эскадра, пришедшая на Дальний Восток из Балтийского моря. Цусимским боем закончились военные действия в русско-японской войне.

Несмотря на слабость России, военные поражения, следовавшие одно за другим, завершение войны не было легкой победой для Японии. В письме маршала Ямагата от 10 марта 1905 г. премьер-министру Кацура раскрывалось тяжелое положение японской армии: огромные потери командного кадрового состава и невозможность восстановить положение в ближайшее время. В меморандуме главнокомандующего Ояма, адресованном правительству также в марте 1905 г., выдвигалось предложение о проведении дополнительной срочной мобилизации не менее 250 тыс. человек, необходимые военные расходы оценивались в 1,5 млрд. иен. 31 мая 1905 г. министром иностранных дел Комура японскому посланнику в Вашингтоне было дано поручение обратиться к президенту Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве в мирных переговорах между Россией и Японией.

В августе 1905 г. начались мирные переговоры в Портсмуте. Русская делегация не была знакома с истинным критическим положением Японии. Не знало о реальном положении в экономике и финансовом состоянии страны и население Японии. Наполненные шовинистическими статьями газеты выступали с требованиями аннексии Приморья и Сахалина, трехмиллиардной контрибуции, передачи русских интересов в Маньчжурии и т. п., между тем директивы японского правительства предписывали добиваться скорейшего заключения договора, даже в случае отказа России от территориальных уступок и выплаты контрибуции. Подписанный 5 сентября 1905 г. Портсмутский мирный договор практически устанавливал протекторат Японии над Кореей. Квантунская арендованная область с Порт-Артуром и южной веткой КВЖД переходила к Японии. Япония также получила южную часть о-ва Сахалин (к югу от 50-й параллели) и право рыбной ловли в территориальных водах России.

В. И. Ленин, рассматривая события русско-японской войны, подчеркивал их империалистический характер. «Империализм, — писал он, — как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг.»²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 158.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 164.

Подъем рабочего движения в Японии

Развитие рабочего движения вызвало репрессивные действия правительства. Кабинет, возглавлявшийся одним из видных представителей военщины Ямагата, принял в начале 1900 г. так называемый закон об охране порядка. Полицейский закон запрещал забастовки, действия профессиональных союзов и других организаций рабочего класса, ставя вне закона рабочее движение.

Японские социалисты в сложных условиях постоянного полицейского контроля поставили задачу объединения работы отдельных социалистических кружков и создания единой первой в стране социалистической партии. Под руководством Катаяма и известного деятеля социалистического движения Котоку в мае 1901 г. была создана Социал-демократическая партия (Сякай минсюто). Программа партии, признающая легальные методы борьбы, была скорее реформистской, чем социалистической, и свидетельствовала о незрелости и теоретической слабости японского социалистического движения. Однако партия сразу же была запрещена властями.

Несмотря на роспуск партии, социалисты продолжали пропаганду среди рабочих. Большая заслуга японских социалистов была в развертывании антивоенной пропаганды в годы, предшествующие русско-японской войне и во время ее. Свою антивоенную деятельность они начали с 1903 г., с агитационной поездки по стране, в ходе которой разъясняли захватнические цели и тяжелые последствия готовившейся войны. 18 октября 1903 г. в Токио был проведен первый антивоенный митинг, на котором выступил Катаяма, осудивший шовинизм и противопоставивший ему международную солидарность рабочих. Антивоенную пропаганду социалисты вели через еженедельную газету «Хэймин симбун» («Народная газета»), выходившую с 1903 г. по январь 1905 г. В обстановке шовинистического угара и спекуляций на реакционности России «Хэймин симбун» смело разоблачала милитаризм, лжепатриотизм, грабительские цели войны, которая ею характеризовалась как империалистическая. В специальном разделе показывалось бедственное положение трудящихся в связи с войной, помещались антивоенные выступления Котоку, его обращения к сторонникам мира. Котоку выступил на страницах газеты как переводчик произведений классиков марксизма. В 1904 г. «Хэймин симбун» опубликовала его перевод «Коммунистического Манифеста». За публикацией последовала конфискация газеты, редакторы подверглись репрессиям, а затем эмигрировали из Японии. Последний номер «Хэймин симбун» по примеру «Рейнской газеты» Маркса вышел напечатанным красной краской.

В 1904 г. Катаяма на Амстердамском конгрессе II Интернационала выступал от имени японских социалистов. Он обменялся рукопожатием с Плехановым, представлявшим русскую социал-демократию. Это демонстративное, символическое рукопожатие дол-

*Культовое сооружение с покрытием из коры
дерева хиноки*

жно было показать всему миру дружественное отношение японских социалистов к представителям русского народа, в то время как господствующие классы втянули страны в грабительскую войну.

Расширение деятельности японских социалистов привело к новой попытке создать политическую организацию. Значительное влияние на развитие социалистического движения оказала революция 1905 г. в России. В 1906 г. была создана Социалистическая партия (Нихон сякайто). Партия ставила перед собой цель

организовать и сплотить трудящихся и пыталась осуществить ее с помощью массовых митингов, демонстраций с красными флагами, собраний и т. д.

В мае 1906 г. из эмиграции вернулся Котоку. В США он вступил в реформистскую организацию Индустриальные рабочие мира и воспринял ряд анархо-синдикалистских положений, которые стал активно пропагандировать.

Идейные разногласия в Нихон сякайто привели к борьбе между Котоку — сторонником «прямых действий» в противовес парламентским формам борьбы — и откровенными реформистами. Идейные разногласия завершились организационным распадом партии.

В 1910 г. полицейскими властями был спровоцирован так называемый инцидент Котоку, или «дело об оскорблении трона». Деятельность Котоку и его сподвижников была объявлена террористической, социалисты были представлены в прессе как организация, ставящая целью ниспровержение существующего политического строя и покушение на жизнь императора. В закрытом судебном заседании по «делу» социалистов Котоку и его 11 товарищей были приговорены к смертной казни. Правда о процессе, о мужественном поведении социалистов стала известна в Японии лишь после капитуляции, когда были опубликованы материалы процесса, тайно скопированные поэтом Хираидэ Осаму, выступавшим адвокатом на суде. Член группы социалистов, журналистка Сугано Сугако заявила: «...императора надо свергнуть. С экономической точки зрения он — главарь грабителей, с политической точки зрения — корень преступлений, а с идеологической — главный источник предрассудков». Расправа с социалистами имела

серьезные последствия, идейный разброд усилился, часть социалистов покидала кружки, часть перешла на позиции терроризма. В это трудное время только небольшая группа революционеров во главе с Катаяма Сэн продолжала работать. В декабре 1911 г. они организовали крупную стачку рабочих городского транспорта. Катаяма был арестован, а по выходе из тюрьмы вынужден был эмигрировать.

В это время легально действует лишь одна организация «Юайкай» («Братство»), созданная капиталистом Сибудзава в целях отвлечения рабочих от политической борьбы и ориентированная на сотрудничество труда и капитала. Однако перед первой мировой войной, когда «Юайкай» объединяла несколько тысяч человек, она нередко против воли ее реформистских руководителей выступала выразителем и защитником интересов трудящихся.

Япония в период между русско-японской и первой мировой войной

Завершение русско-японской войны открыло новый период в истории Японии. Важнейшим последствием ее было дальнейшее укрепление военно-феодального империализма, развитие его новых, современных форм, выразившееся в изменении баланса сил в правящем лагере, в значительном укреплении монополистического капитала в структуре государственной власти, в экономической и политической жизни страны. Превращение Японии в крупную колониальную державу изменило и международные позиции страны, впервые она была причислена к так называемым великим державам, что выразилось в возведении западными державами и США своих представителей в Японии в ранг послов.

После заключения Портсмутского мира правящие круги Японии сразу же приступили к использованию всех положений договора для укрепления своих позиций в Китае и Корее. Договор передавал в аренду Японии Порт-Артур и Дальний (по-японски Дайрэнь), железную дорогу Куанчэнцзы — Порт-Артур со всеми принадлежащими ей предприятиями и имуществом. В декабре 1905 г. между Китаем и Японией был подписан Пекинский договор, еще более расширивший права Японии в Южной Маньчжурии: был открыт ряд новых портов, передана концессия на сооружение железнодорожной линии Мукден — Аньдун, Китай дал согласие на создание японо-китайского акционерного общества по лесным разработкам на реке Ялу.

В 1906 г. была создана полуправительственная компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), Восточно-колониальное общество (1908), ставшие основным рычагом закабаления этого района японскими монополиями. Половина капитала компании принадлежала известным монополиям (Ясуда и др.), которые имели здесь крупную собственность: железорудные и каменноугольные копи, земельные и лесные участки,

промышленные и портовые предприятия (Дайренский порт), гостиницы и др. Довольно скоро японский капитал стал контролировать рынки Южной Маньчжурии, ввозя свои товары и поглощая большую часть экспорта.

Результаты войны были также использованы Японией для завершения окончательного захвата Кореи. Этому содействовали позиции держав — Россия по Портсмутскому договору была вынуждена предоставить Японии свободу действий в Корее, США и Англия занимали благожелательную позицию. 17 ноября 1905 г. Корее был навязан силой оружия договор, установивший японский протекторат над Кореей (дворец, где корейское правительство обсуждало условия договора, был окружен японскими войсками).

В декабре 1905 г. японское правительство учредило в Корее должность генерального резидента и назначило в Сеул крупного представителя японской бюрократии Ито Хиробуми. Резидент руководил внешними и внутренними делами страны, а также «в целях охраны порядка и спокойствия в Корее» был облечен правом отдавать распоряжения корейскому правительству, местным властям и командующему японскими войсками в Корее. Бесцеремонное хозяйничанье японцев вызвало гнев народа, начались восстания. Втайне от японцев корейский король обратился к проходившей в Гааге международной конференции с просьбой помочь в восстановлении независимости и суверенитета Кореи. Но корейскую делегацию даже не допустили на конференцию. После этого японцы заставили короля отречься от престола в пользу наследного принца, власть резидента еще более расширилась и укрепилась. В 1909 г., используя в качестве предлога убийство Ито корейским патриотом, Япония развернула террор по всей стране, а в 1910 г. объявила о ликвидации самостоятельной независимой Кореи. 22 августа 1910 г. корейский король подписал акт отречения от своих суверенных прав в пользу японского императора.

Война и начавшаяся после нее милитаризация экономики оказали значительное влияние на развитие промышленного потенциала Японии. Например, только тоннаж спущенных на воду за два года (с 1905 по 1907 г.) судов вырос вдвое. Наибольший уровень обогащения наблюдался у крупных монополистических объединений, имевших тесные связи с правительством, особенно у тех, кто получил теперь выгодные позиции на китайском и корейском рынках. Растут экспортные отрасли промышленности, за период с 1905 по 1913 г. общие капиталовложения в национальную экономику достигли 4 млрд. иен, при этом более половины составляли вложения в промышленность и транспорт.

Особенно был велик относительный рост металлургии, за период от русско-японской войны до первой мировой войны объем металлургической продукции возрос почти в десять раз (с 24 тыс. т до 228 тыс.).

Однако общий уровень развития японской промышленности был невысок — несмотря на рост тяжелой индустрии, основной была легкая, прежде всего текстильная. Япония по-прежнему продолжала оставаться аграрно-индустриальной страной, в общей национальной продукции которой промышленная продукция составляла 40%.

В 1907—1908 гг. японская экономика пережила кризис, являвшийся частью мирового экономического кризиса. Непосредственным его следствием была усилившаяся концентрация производства и централизация капитала. Вслед за годами кризиса и кратковременной депрессией наступил период промышленного оживления, длившийся почти до первой мировой войны. Происходила дальнейшая концентрация производства. В 1909 г. на фабрично-заводских предприятиях, имевших более 500 рабочих, было занято около 20%, в 1914 г. — более 25% всех рабочих. В 1907 г. крупные монополистические объединения сосредоточивают в своих руках более 80% предприятий меднорудной промышленности. Еще более быстрыми темпами идет процесс централизации капитала. В 1913 г. из оплаченного капитала всех акционерных компаний 98% приходилось на долю крупных с капиталом свыше 5 млн. иен. Такие монополистические объединения составляли всего 0,4% от общего числа компаний, действующих в стране.

После войны 1905—1907 гг. торгово-финансовые, торгово-промышленные семейные компании, банковские дома Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Сибудзава, Окура, Асано и другие эволюционируют к форме концернов. Концерны Мицуи, Мицубиси, Ясуда создавали головные держательские и дочерние компании в разных отраслях промышленности, во внутренней и внешней торговле, контролируя с этого времени важнейшие направления в развитии национальной экономики.

Укрепление роли буржуазии в правящем лагере страны нашло отражение в создании и деятельности буржуазных политических группировок. Еще в 1900 г. была создана политическая партия Сэйюкай (Общество политических друзей). Возглавляемая Ито Хиробуми, она была создана как опора феодально-буржуазного правительства в парламенте. Большая часть партии Дзюкото вошла в новую партию, которая стала выразителем интересов части помещиков и буржуазии, имевших тесные связи с правительственной бюрократией. В 1913 г. была создана партия Досикай (Общество единомышленников), возглавляемая активным милитаристом Кацура. Так же как и Сэйюкай, Досикай отражала внутренние процессы, происходящие в правящем блоке, — стремление монополистической буржуазии добиться более тесных связей с военной.

Однако существовала область политики, в которой любые группировки правящего лагеря находили общий язык. Это агрессивные внешнеполитические программы. В 1905 г. Япония заключила новый союзный договор с Англией, призванный охранять интересы и территориальные права договаривающихся сторон «в районах Восточной Азии и Индии». В июле 1907 г. Япония подписала

договор с царской Россией, секретные статьи которого предусматривали разделение сфер влияния в Маньчжурии.

Активное проникновение японского империализма в Маньчжурию привело к обострению японо-американских отношений. Действия Японии против России в Маньчжурии вызывали благожелательное отношение у американских капиталистов. Но активность японских монополий, препятствующая американской экспансии в Китае, и, кроме того, обнаружившиеся тенденции к сближению России и Японии привели к изменениям в американской дальневосточной политике. В 1909 г. американское правительство выступило с проектом интернационализации маньчжурских железных дорог, который был направлен на подрыв влияния России и Японии в Маньчжурии. Вместе с ухудшением отношений с США у японского правительства возникли осложнения со своим давним союзником Англией. Торговое соперничество японского монополистического капитала с англичанами в Китае, обострение японо-американских отношений, которое могло потребовать от Англии как союзника Японии участия в конфликте с США, чрезвычайно беспокоило правящие круги этой страны.

В 1911 г. при продлении союзного англо-японского договора в его текст были внесены поправки — Англия гарантировала себе возможность не оказывать военную помощь Японии в случае ее конфликта с США.

В 1910 и 1912 гг. были подписаны японо-русские соглашения, определявшие разграничение «сфер влияния» каждой из сторон в Маньчжурии и Внутренней Монголии. В этих документах, несмотря на империалистические противоречия, очевидно стремление оградить «общие» интересы договаривающихся сторон от других держав, прежде всего от США и Англии. Это намерение подтверждает и секретный союзный договор Японии и царской России, подписанный в 1916 г, также имеющий цель объединить усилия в защите совместных интересов в этом районе против США и Англии.

Япония в годы первой мировой войны

Вступление в войну 1914 г. японское правительство связывало с выполнением союзнического (англо-японский союз) долга. В действительности японский империализм использовал конфликт между двумя империалистическими группировками, вынашивая давние планы осуществления территориальных захватов в Китае. К моменту, когда обострение англо-германских отношений достигло наивысшего предела, союзнические отношения Англии и Японии были в значительной мере подорваны. Главной причиной их обострения была политика держав в Китае: Япония пыталась подорвать еще прочные позиции англичан, активно проникая в «колыбель» английского капитала — в бассейн реки Янцзы, успешно конкурируя в торговле и в других районах. Об этом убедительно свидетельствовала статистика английской коммерчес-

кой палаты в Шанхае. Вместе с тем разорвать союзнические отношения с Англией и выступить на стороне Германии, с которой правительственные, особенно военные, круги имели тесные связи, Япония не решалась. В начале августа 1914 г. японское правительство известило державы о готовности выполнить свой союзнический долг, если Англия вступит в войну. Западные державы понимали, что Япония может использовать их занятость военными действиями на Западе, получив «свободу рук» в Китае. Очевидность агрессивных действий со стороны Японии предвидело и китайское правительство, обратившееся к США с просьбой ограничить войну Европой и не вести военных действий на Дальнем Востоке.

23 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии. Еще накануне буквально вся японская пресса была наполнена разнузданной антибританской пропагандой и доброжелательной информацией о Германии. Военные действия японцев ограничились взятием небольшой арендованной Германией территории Циндао в Шаньдуне. Япония потеряла в войне 2 тыс. убитыми и ранеными. В январе 1915 г. японское правительство, пользуясь удачно сложившейся международной обстановкой, предъявило Китаю «21 требование», представлявшее собой программу политического, экономического и военного подчинения Китая Японии. «21 требование» состояло из пяти групп. Первая группа относилась к Шаньдунской провинции. Она предусматривала признание Китаем всех соглашений, которые могли быть заключены между Германией и Японией относительно Шаньдуна, неотчуждение частей территории провинции. Предусматривалась также передача Японии прав на постройку железных дорог, открытие для Японии главных городов и портов. Вторая группа касалась Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Япония требовала продления срока

«День мальчиков»

аренды Порт-Артура и Дайрена, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог до 99 лет, предоставления японцам права приобретения и аренды земель, права проживать, передвигаться и заниматься любым видом деятельности на данной территории, приглашения японцев в качестве советников по политическим, финансовым или военным вопросам, а также предоставления Японии на 99 лет Гири-Чаньчуньской железной дороги. Третья группа предлагала превратить в смешанное японо-китайское предприятие Ханьпинский промышленный комбинат, объединявший рудники и железоделательные заводы. Четвертая группа запрещала Китаю отчуждать и сдавать в аренду гавани, бухты и острова вдоль Китайского побережья. Пятая группа предусматривала приглашение японцев в качестве советников для центрального правительства по политическим, финансовым и военным вопросам, признание земельной собственности в Китае для японских храмов, больниц и школ, создание японо-китайских военных заводов и использование помощи Японии инженерами и материалами, предоставление Японии прав на постройку железных дорог, консультации с Японией в случае строительства железных дорог, рудников и портов в Фуцзянской провинции, предоставленные японцам права религиозной пропаганды в Китае.

«21 требование» являлось программой полного подчинения Китая японскому диктату. В то же время оно наносило значительный ущерб позициям империалистических соперников Японии в Китае. Однако ни Англия, интересы которой в бассейне реки Янцзы непосредственно затрагивала третья группа требований, ни США не пошли дальше формальных протестов, полагая, что финансовая слабость Японии не позволит ей осуществить грандиозную программу экономического и политического подчинения Китая. Китай не мог оказать вооруженного сопротивления Японии. «21 требование» (за исключением пятой группы требований, вызвавшей возмущение даже западных держав) было принято китайским правительством и стало основой широкой программы колониального ограбления этой страны японским империализмом.

Глава 12

Культура капиталистической Японии

Основные тенденции развития

Незавершенность революции 1868 г. осложнила формирование буржуазной культуры. В открытую после двухсотлетнего затворничества страну ворвались иноземные веяния. Складывавшаяся в недрах феодальной формации самобытная культура городских сословий наряду с влиянием угасающей культуры феодального класса подверглась сильному воздействию развитой буржуазной культуры Европы и Америки.

Вскоре после событий 1868 г. новое правительство стало проводить в жизнь политику широкого заимствования европейской и американской культуры, науки и техники, что привело к оживлению экономики, развитию промышленности, транспорта и связи. В то же время начался выпуск периодических изданий (в годы, предшествующие революции, в Нагасаки была открыта типография, использующая опыт европейской техники наборного шрифта). Широкую известность получили газеты: официозная «Токио нитинити», либеральная «Ёмиури»; на рубеже XIX и XX столетий появилась рабочая и социалистическая печать. В 1903 г. в Токио социалистами Котоку Сусуй и Сакаи Тосихико стала издаваться газета «Хэймин симбун».

Восприятие Японией культуры передовых капиталистических стран содействовало общему культурному развитию страны. Наряду с техническими науками развивались и гуманитарные. Историческая наука испытывала, с одной стороны, влияние передовой западной науки, с другой — покровительство нового правительства, заинтересованного в «историческом обосновании» «законности» как императорской власти, так и притязаний Японии на Корею и другие приграничные к ней территории. Доказательствами этого должны были служить ссылки на разнообразие древние источники. В 1869 г. правительством был создан специальный отдел, собирающий хроники, летописи, исторические документы, в 1898 г. началась публикация исторических материалов. Первыми были издания двух серий источников: «Материалы по истории Японии» и «Собрание древних исторических японских документов». Значительными успехами отмечено в это время развитие археологии. Общественный интерес к древности страны, к ее доисторической культуре позволил открыть в 1884 г. Антропологическое общество, в 1895 г. — Археологическое общество. Однако общее развитие истории и как части ее — археологической науки тормозилось необходимостью признания уникальности древнего периода — особого, божественного происхождения императора, исключительной миссии японского народа, достоверности мифов, входящих в первые письменные памятники «Кодзики» и «Нихонги» (VIII в.) как начала действительной истории нации. Научная критика подобной трактовки истории не допускалась, ученые, пытающиеся реконструировать подлинную историю своего народа, подвергались репрессиям.

Добиваясь отмены неравноправных договоров, японское правительство пыталось создать у иностранцев впечатление активного принятия всего западного, вводило в стране европейские обычаи и порядки. В 1872 г. вместо лунного календаря был введен общеευропейский. В этом же году было введено европейское платье в качестве парадной одежды, а несколько лет спустя оно стало повседневной одеждой для чиновников. Вошли в моду женское европейское платье и европейская прическа. В клубе Рокумэйкан — столичном центре «вестернизации» — устраивались на западный манер пышные балы для представителей высших слоев.

Однако правительственная политика «вестернизации» (а фактически — европеизации), предполагавшая в основном половинчатые реформы — заимствование научных, прежде всего технических, достижений для модернизации армии и флота, вызывала недовольство прогрессивно настроенного дворянства и буржуазии. Вопрос о благотворительности или губительности Запада был предметом многолетней дискуссии в прессе. Активные приверженцы Запада (министр просвещения Мори Аринори) готовы были отказаться от всего национального, включая и язык, в то же время те, кто разделял противоположные взгляды, отвергали все идущее из-за границы. Группировка, поддерживающая правительственные реформы, выдвигала необходимость компромисса — «японский дух, европейское знание». В западные страны, прежде всего в Германию, Англию, Францию и Италию, для прохождения обучения были направлены молодые японцы. Они изучали здесь естественные и гуманитарные науки, искусство, политику, экономику, активно общались к богатой европейской культуре. Жадно впитывая знания, почти все они работали в нескольких областях науки, пробовали себя в разных видах искусства. Например, Мори Огай (1862—1922), четыре года учившийся в Германии и ставший впоследствии известным японским писателем, изучал философию, литературу и искусство, медицину, микробиологию, санитарии и гигиену, архитектуру и строительство.

На формирование и развитие буржуазной культуры послеэмэйзийского периода оказало значительное влияние противоборство двух тенденций — европеизации и стремления сохранить национальную самобытность. Оппозиция правительственному насаждению всего западного, отказу от национальных традиций имела и положительную сторону — возрастание интереса к национальному наследию. Но при этом чрезмерная утрированность этого интереса неизбежно вела к национализму, шовинизму.

Однако ни одна из этих тенденций не могла стать главной в общественной жизни страны. Решающим был необратимый, объективно-исторический процесс взаимопроникновения и взаимовлияния культур, в котором наряду с технико-экономическими заимствованиями в Японию шел импорт идей и происходила переоценка традиционных духовных ценностей. Спецификой этого сложного, активно идущего до наших дней синтеза культур стало длительное социальное апробирование всякого иноземного влияния, приводившее иногда к полной переработке заимствованного в соответствии с социальным и психологическим складом японца.

Введение буржуазно-демократических свобод, реформа просвещения, содействовавшая повышению общего образовательного и культурного уровня населения, оказали серьезное влияние и на формирование моральных принципов японцев. Социализация личности в стране с бурно развивающимися капиталистическими отношениями должна была проходить в условиях иных, чем прежде, — извечно существовавшей в Японии социальной ориента-

ции на группу, строгой вписанности личности в сложную систему формальных и неформальных сообществ. Развитие капиталистических отношений, новых форм хозяйствования требовало развёртывания индивидуальной, частной инициативы, личностных качеств. Таким образом впервые возникла общественная ориентация на самоценность личности, противопоставившая ее авторитету группы. Однако процесс размыывания длительно действующей системы ценностей в стране с многовековыми традициями не мог происходить быстро. К тому же капиталистические предприниматели были заинтересованы в сохранении многих социально-экономических структур, характерных для феодальной Японии. Разнообразные сообщества, в том числе большая феодальная семья — из, объединение горожан по месту жительства — тэнанкай — с их иерархическим подчинением и почитанием старших были благодетельной почвой для воспитания преданных, деловых, дисциплинированных работников. Эти сообщества фактически продолжали выполнять задачу воспитания молодого поколения, на них удобно было возложить разрешение сложных проблем трудовых отношений и социального обеспечения — жизненное устройство уволенных с предприятий рабочих и работниц, содержание стариков и больных.

К середине 90-х годов обсуждение проблем политики европеизации начинает терять политическую остроту в общественной жизни страны. Это было связано со снижением общих либеральных настроений, с переходом оппозиции к полной поддержке экспансионистского внешнеполитического курса и реакционной внутренней политики правительства. В то же время неокрепшие организации рабочего класса не могли возглавить борьбу за демократическое, прогрессивное общественное развитие. Все это нашло отражение в сравнительно слабом развитии демократического течения в японской культуре этого времени.

Школа и просвещение

Перестройка школьного образования являлась одной из главных задач буржуазных преобразований после революции 1868 г. Создание нового централизованного административного аппарата, широкое строительство многочисленных фабрик, железных дорог, телеграфа требовали неотложной подготовки специалистов широкого профиля, чиновников и педагогов.

В 1869 г. были закрыты школы «теракоя», обеспечившие в период Эдо достаточно высокий уровень грамотности по стране.

В 1872 г. правительственным законом была введена новая (по образцу французской) система просвещения. Страна была разделена на восемь университетских округов с учрежденными в них университетами. Округа делились на 32 района со средней школой в каждом и 210 начальными школами. Платное начальное образование со сроком обучения четыре года, а с 1907 г. — шесть лет было объявлено обязательным.

Представление театра Ноо

Общий срок получения среднего образования был семь лет. Школы подразделялись на тюгакко (средняя школа) с пятилетним сроком обучения и котогакко (средняя, повышенная) с двухлетним сроком обучения. Последние обычно имели специализацию: педагогику, сельское хозяйство, коммерцию и др.

Систему высшего образования представляли государственные и частные университеты. В 1877 г. был учрежден Токийский университет. В 1886 г. после присоединения к нему Технического института и Сельскохозяйственной школы он принял название Императорского университета. Императорские университеты были открыты в Киото, Сэндай, Фукуока и Саппоро.

Среди частных заведений, сыгравших серьезную роль в распространении просвещения в Японии, была школа, основанная известным общественным деятелем Фукудзавой Юкити (1834—1901) и превращенная впоследствии в крупнейшее частное учебное заведение — университет Кэйо. Крупным государственным деятелем Окума Сигэнобу был основан университет Васэда, заслуживший известность как оплот либеральных идей в сфере науки.

В 1897—1906 гг. шло усовершенствование среднего специального образования — создавались ремесленные училища, профессиональные школы, дающие техническое образование. К концу XIX в. в Японии стало развиваться и женское образование, работали специальные женские школы, девушки могли поступить в высшее учебное заведение.

В первые десятилетия после реформы реальное расширение системы образования (особенно начального) продвигалось медленно. В 1878 г. посещаемость начальных школ по стране составляла всего лишь 41%. Однако традиционная престижность образования, а также принудительные меры правительства, стимулирующие посещаемость в школах, к концу века значительно изменили общую ситуацию в системе просвещения. Можно сказать, что образование наряду со службой в армии и уплатой налогов стало третьей важнейшей обязанностью японца.

Правительственные задачи в проведении реформы фактически сводились к организации двух негласных уровней. Нижний составляли нормальные начальные и средние школы, выпускники которых — выходцы из крестьянских слоев должны были работать школьными преподавателями. Только наиболее способные могли поступить в одну из семи (на всю страну) средних школ повышенного типа, готовивших своих выпускников к обучению в императорских университетах. Университеты и другие высшие учебные заведения представляли высший уровень в структуре образования и одновременно организованную систему подготовки элиты, прежде всего правительственной бюрократии.

Влияние западной буржуазной культуры привело к значительному распространению в школе либеральных идей. Поскольку политика в области образования проводилась с националистических позиций, в 1881 г. преподавателям начальных школ было запрещено заниматься политикой, а в учебную программу введен курс морали и этики.

Наиболее концентрированно идеи национализма и «уникальности» отношений императора и подданных были выражены в изданном в 1890 г. «Императорском рескрипте о народном воспитании». В противоположность демократическим принципам и либеральным идеям в качестве основы формирования личности японца было выдвинуто сочетание конфуцианских и синтоистских идеалов. Рескрипт, провозглашающий «верноподданность» и «сыновнее послушание и почтительность», концентрирующий дух национализма и монархизма, был объявлен основой системы народного образования и социального порядка в стране.

Важную роль в распространении просвещения в стране играли ряд видных общественных деятелей, активно популяризирующих достижения западной буржуазной культуры. К ним относится Фукудзава Юкити, известный своими либеральными взглядами и широкой просветительной деятельностью, множеством работ по истории, политике и идеологии. Один из известных деятелей движения «Дзию минкэн ундо» Накаэ Тёмин (1845—1901) также внес значительный вклад в развитие просвещения. Сформировавшийся под влиянием идей французских просветителей XVIII в., блестящий публицист, философ и историк, Накаэ Тёмин активно содействовал распространению знаний. Школа, созданная им, воспитала немало известных общественных деятелей и деятелей культуры.

Литература

Под влиянием идей движения «Дзию минкэн ундо» в конце XIX в. в японской литературе складывается направление так называемого политического романа. Подобный жанр давал возможность прогрессивным журналистам и политическим деятелям «Дзию минкэн ундо» популяризировать передовые идеи, оказывать влияние на молодежь.

Произошло серьезное изменение в характере переводной литературы. Впервые в 1888 г. появился подлинный художественный (а не просто переложение текста) перевод части «Записок охотника» (рассказ «Свидание») И. С. Тургенева. Перевод был сделан Фтабэтэй Хасэгава. Он положил начало публикации в Японии произведений русских писателей: Пушкина, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Гоголя, Горького, завоевавших огромный интерес и признательность японских читателей.

Знакомство с западной литературой, с ее разнообразными направлениями оказывало большое влияние на молодую японскую интеллигенцию, стремившуюся всесторонне приобщиться к европейской культуре. Началось широкое литературное обновление, создание новых направлений и жанров. Романтический подъем и идеалы прогрессивной японской интеллигенции в послереволюционные годы отразились в возникновении романтического направления в японской литературе 90-х годов. Ярким его представителем был Исикава Такубоку (1886—1912), выпустивший несколько поэтических сборников в духе этого направления. Однако с 1907—1908 гг. начинается его переход на позиции реалистической поэзии. Его обширное литературное наследие включало повести, рассказы, критические статьи. Главным же достижением Исикава является реконструкция им традиционной формы «танка». Поэт ввел в структуру короткого стиха не свойственные ему социальную проблематику и лексику, новые художественные образы. Глубоко демократическая по духу поэзия Исикава вдохнула новую жизнь в традиционную поэтическую форму.

Обновление в поэзии было связано также с именем Китамура Тококу (1868—1894) — блестящего публициста, издававшего пер-

вый в Японии антивоенный журнал «Мир» (1892). Китакура Токую пытался развить новые поэтические формы. Приверженностью к романтизму на раннем этапе своей деятельности известен крупнейший писатель Японии Симадзакэ Тосон (1872—1943). В 90-х годах он выступал как лирический поэт, создатель новой формы свободного стиха. Однако с начала XX в. он становится одним из наиболее ярких представителей реалистического романа. Наиболее известные его произведения поднимают острые социальные проблемы: роман «Нарушенный завет» посвящен судьбе японских париев — эта; «Весна» рассказывает о крушении иллюзий молодого поколения; «Семья» дает картину гибели семьи в условиях капитализма.

Еще с конца XIX в. в японской литературе все более четко начинают проявляться тенденции реалистического изображения общественной жизни. Этому способствовало влияние европейской литературы и русского критического реализма. В первые десятилетия XX в. в японской литературе складывается два направления: натуралистическое и реалистическое, граница между которыми в определенной степени условна. Отличительной чертой первого являются не столько элементы натурализма (хотя они есть), сколько принцип строгого следования жизненной правде, стремление показать явление во всей его суровой неприкрашенности.

Японские литературоведы считают представителями натуралистического направления крупных японских писателей: Кункида Doppo (1881—1908) — «Судьба», «Экстренный выпуск», и Таяма Катай (1871—1930) — «Жизнь», «Родство». В действительности произведения этих писателей (особенно Кункида Doppo), отражающие конфликт личности с общественной средой, по своей остросоциальной тематике ближе ко второму направлению — реалистическому роману.

Основоположителем реалистического романа считается Футабэтэй Хасэгава — первый переводчик Тургенева и пропагандист идей Белинского. Он был инициатором движения за создание нового, более демократического литературного языка, доступного широким массам. Его романы критикуют пришедшую после революции к власти элиту и устанавливаемые ею социальные порядки.

Впервые в японской литературе в поле зрения писателя оказался «маленький человек» — мелкий чиновник, городской обыватель (роман «Плывущее облако»). Произведения Футабэтэй Хасэгава отражают серьезное влияние русской литературы. Его пассивные, страдающие и беспомощные герои открывают новую тему в японской литературе — тему беспощадной критики общественного строя через показ сломанных им судеб. В отличие от русской литературы, создавшей образы активных борцов, Футабэтэй и его последователи не идут дальше простого неприятия, отрицания окружающего мира — они далеки от идей революционного переустройства общества.

Крупнейший писатель этого времени — Токутоми Рока (1868—1927) создал произведения, на которых воспитывалось не одно по-

коление его соотечественников. Он первый перевел на японский язык произведения Льва Толстого. Благодаря ему в японской литературе были подняты не только масштабные социальные проблемы, но и впервые выявлена тема глубинного исследования внутреннего мира человека. Литературоведческие исследования творчества Льва Толстого, разнообразные эссе, рассказы, романы — «Черное течение», показывающий отрицательное отношение к политическому и социальному устройству общества, «Лучше не жить», дающий критику семейных устоев, — все, что писал Токутоми Рока, отмечено глубинным проникновением в сущность изображаемых им явлений.

Особое место в японской литературе занимает Нацумэ Сосэки (1867—1916), писатель-гуманист, написавший всего за одиннадцать творческих лет шестнадцать романов, множество повестей и рассказов, эссе, составивших в истории японской литературы целую эпоху. Произведения Сосэки показывают Японию XX в., сложный пореформенный период, когда разнообразные слои населения, в том числе и интеллигенция, освобождались от идиллических представлений о прогрессивной роли капитализма и якобы закономерных для него благотворных социальных перемен. Исследованию интеллигенции, а также семьи и положения в ней и в обществе женщины посвящены романы «Затем», «Врата», «Путешественник». Острую сатиру на современное писателю общество представляет роман «Ваш покорный слуга кот».

Большое значение в развитии литературы конца XIX — начала XX в. сыграла публицистическая деятельность социалистов, прежде всего представителей движения «Хэймин ундо», возглавляемых Котоку Дэндзиро (Сюсуй). Издаваемая ими «Народная газета» («Хэймин симбун») не только давала обширную информацию о забастовочном движении и положении рабочих в Японии и за ее пределами, но и вела активную антивоенную кампанию в период подготовки к русско-японской войне. Котоку — блестящий публицист, первый переводчик на японский язык «Коммунистического Манифеста», пропагандист идей научного социализма, выступал с пламенными статьями в защиту мира, звучащими актуально и сегодня.

С 1914 г. начинается спад в развитии японской литературы, отражающий трагические события в общественно-политической жизни страны. Было разгромлено движение «Хэймин ундо», казнен Котоку и другие социалисты, арестованные по сфабрикованному делу «об оскорблении трона», демократической литературе был нанесен непоправимый удар. Кризисное состояние литературы привело к потере позиций, завоеванных реалистическим романом, к ликвидации буржуазного критического реализма как метода. Появились новые литературные течения — «неоромантизм», акцентирующий внимание на эмоциональности как факторе раскрытия действительности (Нагаи Кафу), «неореализм» (восприятие мира через систему интеллектуальных и психологических ценностей (Акутагава Рюноскэ)).

Вместе с тем демократические тенденции в литературе, политическая заостренность публицистики не исчезли бесследно, они дали стимул развитию революционной литературы, появлению в первых десятилетиях XX в. произведений, проникнутых идеями социализма. Особенно явно это проявилось в так называемой рабочей литературе, созданной выходцами из рабочего класса — Миядзи Кароку (1884—1958), Миядзима Сукэо (1886—1951) и др. Несмотря на идейную нечеткость и схематизм, «рабочая литература» отражала растущее в ожесточенных стачечных сражениях 1915—1920 гг. самосознание японского пролетариата как действенной социальной силы общества. Значение «рабочей литературы» в том, что она составила переходный, подготовительный этап для революционной литературы периода общедемократического подъема в стране в 20-х годах XX в.

Театр

Политика европеизации сыграла значительную роль в судьбах японского народа. С падением сёгуната изменилось привилегированное положение театра Ноо. Оказавшись без поддержки бакуфу, театр пришел в упадок. Распалась труппа, актеры занимались деятельностью, не имевшей отношения к игре на сцене, чтобы как-то прокормиться. Распродавался театральный реквизит, музыкальные инструменты, терялось мастерство, имеющее вековые традиции. Та же ситуация была характерна и для театра Кабуки, хотя, созданный городским сословием, он по тематике и меньшей условности должен был больше удовлетворять потребностям буржуазной Японии. Политика заимствования в театральной культуре привела к созданию зданий для представлений, оборудованных по европейскому образцу, рассчитанных для размещения зрителей в зале на стульях, а не на плоских подушках — дзабутонах, как было раньше.

В 1875 г. был открыт театр европейского типа «Симпудза», в репертуаре которого шли исторические и бытовые драмы — сэвамоно, созданные талантливым драматургом этого времени Каватаси Макуами. В отличие от прежних «мещанских» драм они не были подробным слепком современности, а пытались отразить возникновение целого узла противоречий в обществе — закономерного последствия вступления страны на капиталистический путь развития, взаимодействия двух противоположных по духу культур — Востока и Запада. Даже Кабуки в этот период для завоевания зрителя ставит пьесы злободневной современной тематики.

Однако европейская организация представления потребовала и соответственных ей европейской драматургии, исполнительской техники и реквизита. Формирование и деятельность театра, использующего европейскую драматургию, связано с именем Цубоути Сёё (1859—1935). Сначала он делал вольные переводы пьес Шекспира для постановок в стиле дзёрури, впоследствии сделал

Народный фестиваль на о-ве Садо

первоклассные переводы всех пьес Шекспира, а также попытался создать теоретическую программу преобразования театра в соответствии с требованиями времени.

Наиболее известными коллективами, работавшими в это время, были Симпа, ставившая современные пьесы и представления в стиле подражания Кабуки, а также «Свободный театр», строивший свой репертуар исключительно на современной западной драматургии.

Искусство и архитектура

В первые годы после революции 1868 г. изобразительное искусство переживало характерный для всей национальной культуры период активного интереса ко всему западному. Произведения японской живописи и прикладных ремесел, национальные ювелирные работы не пользовались у покупателей спросом.

Однако в 80-х годах обстановка изменяется — на фоне общего подъема экономики появляется интерес к национальному художественному наследию. Возникло движение за обновление японского национального искусства. В 1888 г. было учреждено Токийское художественное училище, где обучали и готовили художников для работы в традициях национальной школы, специализирующихся в живописи, резьбе по лаку, в художественных работах по металлу. Постепенно восстанавливается внимание к традиционным видам национального искусства: к танцам театра Ноо, старинной дворцовой музыке, возрождаются чайная церемония, бонсай (выращивание в специальных условиях карликовых деревьев) и др.)

В 90-х годах возникает тенденция развития японского классического искусства с привлечением методов западных школ. Инициатива в этом движении принадлежала известным художникам — Ёкояма Тайкан, Хасимото Масакуни и др. В Токийском художественном училище открывается отделение западной живописи, были приглашены художники из Италии, Англии и других стран Европы.

Несколько иным путем стало развиваться прикладное искусство. Непосредственно связанное с бытом, оно испытало наиболее интенсивное западное влияние, особенно в первые десятилетия после революции, появляются новые художественные ремесла с западной техникой, методами эстетического оформления.

Однако традиционное прикладное искусство Японии получило в эти годы неожиданный стимул к развитию в виде все возрастающего внимания на Западе к художественной культуре страны. Изделия киотоских мастеров, изготавливающих парчу «нисики», керамика и фарфор, лак и эмали, декоративные работы по металлу, использующие только традиционные технические приемы, получили широкую известность и распространение на Западе.

В последние десятилетия XIX в., в период форсированного развития капитализма, произошли значительные изменения в японском городе — в формировании его физической структуры и архитектурного облика.

В отличие от средневековья централизация политической власти привела к централизации системы городов и превращению их в узловые пункты развития национальной экономики. Из 46 столиц прежних провинций 34 стали префектуральными центрами.

Замковая территория и окружающий ее район теперь стали местом размещения префектуральных и городских официальных учреждений, институтов, колледжей, «штабов» делового мира. Остальная часть городской застройки примерно до начала 30-х годов XX в. сохраняла нетронутыми национальное жилое строительство (деревянные двухэтажные дома) и запутанную сеть улиц.

Большая часть приамкововых городов даже в годы так называемого промышленного переворота (80-е годы XIX в.), когда начинается активная ломка структуры традиционного города, еще долго охраняет неизменной центральную часть застройки — промышленные предприятия лишь в 90-х годах перемещаются из окраинных айонов города в его срединную часть. Развитие промышленности растущая концентрация рабочего класса вызвали необходимость оздания сооружений нетрадиционного типа — фабрично-заводских зданий, резиденций фирм и т. д. Их проектировали иностранцы. Многоэтажное строительство, использующее каменную и кирпичную ладку, не учитывало природно-климатических условий Японии.

В 1872 г., после пожара, уничтожившего большую часть центра толицы, была начата перестройка Гиндзы — ведущего торгового айона города. Однако перестройки центра города не произошло. Получивший название «Кирпичная Гиндза» центр представлял собой две шеренги пяти-шестиэтажных кирпичных домов по сторонам главной улицы района. За ними по-прежнему простирались варталы деревянных двухэтажных строений феодального города.

В Японии в эти годы строили известные западные зодчие — француз Буанвиль, англичане Кондор и Уотерс, американец Бридсенс, представители немецкой школы. Облик города, и прежде сего столицы, приобретал черты эклектизма, причудливой смеси стилей. Отсутствие единого плана градостроительных преобразований привело к тому, что капиталистический город Японии складывался по типу введения в старую феодальную застройку объектов промышленного, гражданского (буржуазные особняки) и общественного строительства. К крупным сооружениям этих лет относятся здания императорского Токийского университета (Уотерс, 882), здания парламента и министерства юстиции (1887). Наинают строить и японские архитекторы, получившие образование в Европе, — Тацуно Кинго, Катаяма Токума, Сонэ Тацудзо и др. значительными работами Тацуно Кинго являются здания Японского банка и Токийского вокзала.

После землетрясения 1901 г. японскими и западными архитекторами начинается разработка принципов антисейсмичного строительства, предлагающего использование железобетонных конструкций со стальным каркасом. К сооружениям такого типа относится «Империял-отел», построенный в центре столицы американским архитектором Ф. Райтом. Здание выдержало сильнейшее землетрясение 1923 г. и даже сохранило работающими системы водоснабжения и электрического освещения. Японские архитекторы начинают эти годы использовать новую европейскую технику и нетрадиционные материалы в сооружениях национального характера — театрах, музеях, буддийских и синтоистских храмах.

Сложный, зачастую противоречивый и многоплановый процесс становления широких контактов многовековой самобытной культуры Японии с передовой буржуазной культурой западных стран оказал благотворное влияние на ее дальнейшее развитие.

Япония на первом этапе общего кризиса капитализма 1918—1945 гг.

Глава 13

Подъем демократического и рабочего движения в Японии после Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1923)

Японский капитализм после первой мировой войны. Рабочее и крестьянское движение

Первая мировая война оказала значительное влияние на развитие японской экономики, а для правящей верхушки Японии она стала временем осуществления давних завоевательных планов. Участвуя в войне, по существу, номинально (военные действия свелись к захвату в 1914 г. Циндао — германской морской базы в Шаньдуне), японская военщина использовала этот период для активного проникновения в экономику Китая, для создания системы своего военно-политического и экономического господства в этой стране. США, Англия, а также царская Россия, Германия, Франция; поглощенные событиями на западноевропейском театре войны, не могли противостоять Японии, оттеснившей их не только в Китае, но и на рынках других стран Дальнего Востока. Это привело к значительному росту в годы войны промышленности и торговли и обеспечило огромные прибыли монополистическим концернам (дзайбацу), прежде всего Мицуи, Мицубиси, Ясуда и Сумитомо. Немалые прибыли принесло монополизирование торговым флотом Японии перевозок на Дальнем Востоке и Тихом океане. Для крупнейших японских судостроительных компаний это явилось стимулом многократного обновления основного капитала, привело к значительному расширению строительства судов. Однако «золотой век» японской экономики во время войны имел и обратную сторону — непрерывно возрастающую эксплуатацию рабочего класса и ограбление крестьянства. Уровень организованности рабочего класса оставался все еще чрезвычайно низким, хотя в ходе стачечной борьбы, нараставшей с 1916—1917 гг., рабочими все более осознавалась необходимость организации в профсоюзы. К 1918 г. насчитывалось уже свыше 107 профсоюзных рабочих организаций, деятельность которых расширялась с каждым годом. В этот период в Японии еще не было коммунистической партии, и борьба рабочего класса носила стихийный характер, но в целом

политическая активность масс непрерывно увеличивалась. Сельское хозяйство Японии, отягощенное феодальными пережитками, переживало хронический кризис. Продолжался процесс обезземеления крестьян-собственников, росло число арендаторов и полуарендаторов. Жесточайшая эксплуатация рабочего и крестьянина, все возраставшее обнищание трудящихся масс Японии вызвали обострение классовой борьбы. Важнейшим фактором развития, расширения рабочего, крестьянского, общедемократического движения в стране стала победа Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Великий Октябрь и Япония

Первые сообщения о революции в России поступили в Японию через зарубежные телеграфные агентства, а также от собственных корреспондентов. В течение нескольких дней, пока буржуазная печать Японии не сориентировалась, не разобралась в классовом характере происходящих в России событий, центральные полосы японских газет были заполнены сравнительно объективной информацией о социалистической революции. Так, в токийской прессе появилось сообщение о штурме Зимнего дворца восставшими матросами и рабочими, о поддержке большевиков воинскими частями Петроградского гарнизона, о руководящей роли в восстании В. И. Ленина. Газета «Дзидзи Симпо» даже поместила фотографию В. И. Ленина. Особенно горячий отклик у трудовой Японии вызвало изложение Декретов о мире и земле. Но уже через несколько дней правящие круги, столкнувшись с огромным интересом японской общественности к молодому пролетарскому государству, с горячими симпатиями к нему японских трудящихся, начали разнузданную кампанию злобных измышлений и клеветы, сфабрикованных для дискредитации социалистической революции и ее завоеваний. Но правда об Октябре доходила до Японии через все преграды, через препоны и рогатки цензуры. «Вести из России, — писал японский журналист Огура, — Япония впитывала так же жадно, как высохшая почва пустыни впитывает воду»¹. Один из основателей Компартии Катаяма Сэн, находясь в Америке, нелегально переправлял в Японию материалы об Октябрьской революции. С началом (в январе 1918 г.) японской интервенции на советском Дальнем Востоке распространению правдивой информации о пролетарском государстве стали содействовать солдаты японской оккупационной армии, возвращавшиеся домой. Обращения большевиков к солдатам оккупационной армии, раскрывавшие правду о характере Советской власти, об истинных целях высадки японских войск на Дальнем Востоке, знакомство с жизнью и героической борьбой русского народа способствовали тому, что многие из этих солдат впоследствии пришли в революционное движение.

¹ Цит. по: Октябрь и Япония. М., 1968. С. 7.

Интервенция на советском Дальнем Востоке

Антисоветские действия международного империализма начались с первых же дней Советской власти. В ноябре 1917 г. по инициативе США была объявлена экономическая блокада Советской России. В декабре 1917 г. шли переговоры между США, Англией, Францией и Японией об организации интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Одновременно Маньчжурия была превращена в плацдарм борьбы против Советской России.

Победа социалистической революции на побережье Тихого океана напугала империалистов, они боялись, что искры революционного пожара могут перекинуться на их владения в Корею, Китае и Юго-Восточной Азии. Первые попытки военного вторжения относятся к ноябрю 1917 г., когда во Владивостокский порт самовольно вошел американский крейсер «Бруклин». Месяц спустя здесь появились японский крейсер «Ивами» и английский крейсер «Суффолк». Представители США, Японии, Англии и Франции вступили в контакты с деятелями свергнутого Временного правительства, что и активизировало контрреволюционные организации Сибири и Дальнего Востока. Значительную роль в организации белогвардейского движения сыграли иностранные консульства, представители иностранных, главным образом японских и американских, фирм и контор. В феврале 1918 г. Красная Армия предотвратила, а также подавила контрреволюционные мятежи в Омске, Новониколаевске, в марте — в Благовещенске-на-Амуре. 19 марта 1918 г. был подавлен контрреволюционный мятеж на Камчатке (село Сероглазка вблизи Петропавловска-Камчатского), к организации которого были причастны японцы.

Интервенты всячески пытались подорвать экономику молодой Советской Республики, вопреки нормам международного права вмешиваясь в ее внутренние дела и стремясь сорвать национализацию промышленности и транспорта. В мае 1918 г. английские империалисты в союзе с китайскими милитаристами захватили в портах Китая русские пароходы, обслуживавшие северо-восточный район Тихого океана, в том числе Камчатку и Чукотку. Они поддерживали действия русской буржуазии, распродававшей иностранцам национальное имущество. Так, амурскими судовладельцами было продано 50 пароходов, часть которых была куплена представителем американских морских сил адмиралом Найтом, несмотря на очевидную незаконность сделки.

С весны 1918 г. иностранные интервенты развернули необъявленную войну против Советской России. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадился десант англичан и японцев. Под покровительством Японии, США, Франции и Англии в Маньчжурии формировались белогвардейские отряды Семенова, Калмыкова и Орлова. В Даурии действовал отряд помощника Семенова — барона Унгерна. Террор белогвардейцев вызвал решительный отпор местного населения.

Партизанские отряды и советские воинские части под командованием С. Лазо в июле 1918 г. нанесли серьезный удар белогвардейцам и интервентам, отбросив их в Маньчжурию.

Действия японских интервентов на Дальнем Востоке отличались жестокостью. Зимой и весной 1918—1919 гг. карательные отряды японцев за поддержку партизан только в Амурской области сожгли около 30 сел и деревень. В селе Белоярово японские солдаты согнали на лед реки Зеи все мужское население, от малолетних детей до стариков, и расстреляли их из пулеметов. Особо известно злодеяние японских интервентов в селе Ивановка Амурской области. 22 марта 1919 г. японская артиллерия обстреляла Ивановку, фактически уничтожив село. Было сожжено 196 домов и убито 257 ее жителей, при этом мужчины были загнаны в сарай и сожжены заживо.

Хозяиничанье интервентов вызвало широкое партизанское движение.

В конце января 1920 г. партизанские соединения вошли в Уссурийск и Владивосток, в феврале — в Благовещенск, 29 февраля был взят Николаевск-на-Амуре.

Однако в городах еще оставались японские войска. В марте 1920 г. в Николаевске-на-Амуре, нарушив заключенное с партизанскими отрядами соглашение, японские войска внезапно напали на них. Провокационные действия японской военщины вызвали протесты трудящихся как в Советской России, так и в Японии. Однако японцы, голословно обвиняя партизан в «николаевском инциденте», 4—5 апреля 1920 г. организовали новое нападение на партизан во Владивостоке, Уссурийске, Спасске-Дальнем, Хабаровске и других городах и селах Приморья. В эти дни погибло более 5 тыс. человек. Были зверски убиты — сожжены в паровозной топке — члены Приморского Военного Совета С. Лазо, А. Луцкий, В. Сибирцев.

К началу 1920 г. правительства Антанты были вынуждены объявить об эвакуации своих войск. В сложной международной обстановке Советская Россия пошла на компромисс: в апреле 1920 г. было создано буферное государство — Дальневосточная республика (ДВР).

Однако военные действия продолжались. Разгром белогвардейцев под Спасском и Волочаевкой заставил японцев ускорить эвакуацию своих войск. 25 октября 1922 г. Народно-революционная армия ДВР, завершившая освобождение Приморья от интервентов и белогвардейцев, вступила во Владивосток. 14 ноября 1922 г. было ликвидировано буферное государство и Дальний Восток воссоединен с РСФСР.

Японские и американские империалисты и белогвардейцы продолжали грабить природные богатства Камчатки и Чукотки. Выбывшие с советского Дальнего Востока японские интервенты продолжали держать свои войска на Северном Сахалине до 1925 г., до подписания советско-японской конвенции, предусматривавшей их немедленный вывод.

«Рисовые бунты» 1918 г.

Наиболее ярким отзвуком, настоящим эхом Великого Октября, прокатившимся по Японии, стали события, известные как «рисовые бунты».

Движение, начавшееся в августе 1918 г. в префектуре Тояма, быстро охватило почти всю территорию Японии. Поводом для «рисовых бунтов» стало взвинчивание спекулянтами цен на рис. 3 августа жены рыбаков в одном из прибрежных селений префектуры Тояма захватили груженное рисом судно, а затем начали громить принадлежащие спекулянтам амбары с рисом. 10 августа волнения перекинулись в Киото, где толпы голодающих открыли рисовые лавки и стали делить рис. 11—12 августа начались многотысячные выступления городской бедноты в Осака, Кобэ, Нагоя, распространившиеся затем на Токио и другие города. Восставшие разрушали рисовые склады, поджигали дома богачей, оказывали упорное сопротивление правительственным войскам, вызванным для подавления беспорядков. В короткое время «рисовые бунты» охватили две трети территории Японии, превратившись в боевые, революционные выступления рабочих и городской бедноты с количеством участников около 10 млн. человек. Народное движение распространилось на шахты и рудники Кюсю, на сталелитейные заводы и судостроительные верфи крупнейшего концерна Мицубиси. Благодаря широкому участию промышленных рабочих и шахтеров начавшиеся стихийно «рисовые бунты» были подняты на более высокую ступень классовой борьбы, перерастая в отдельных случаях в вооруженное восстание. Но неорганизованность рабочего класса, отсутствие общего руководства облегчило подавление этого героического выступления трудящихся Японии. Правительство жестоко расправилось с участниками «рисовых бунтов». Было арестовано более 8 тыс. человек, многие из них приговорены к каторге и пожизненному заключению, тысячи людей были убиты без суда. Всякие публикации о «рисовых бунтах» были запрещены, все книги и журналы, содержащие материалы о них, подлежали изъятию. Крупнейшая буржуазная газета Японии «Асахи симбун» подверглась репрессиям только за то, что она поместила сообщение о начавшихся бунтах.

Но несмотря на жестокое подавление, «рисовые бунты» стали важным фактором в развитии рабочего и демократического движения в Японии в последующий период: расшатывая устои правящего режима, они подрывали основы японской колониальной империи и этим несомненно способствовали возникновению массового народного движения в Корее в марте 1919 г.

Укрепление власти монополий. Движение против интервенции на советском Дальнем Востоке

3 сентября 1918 г. правящие круги Японии, напуганные мощным размахом народного движения, решили сменить откровенно милитаристское правительство генерала Тераути. Формирование нового

правительства было поручено Хара Кэй, лидеру буржуазно-помещичьей партии сэйюкай, получившей большинство в парламенте. Для политической истории Японии это был весьма знаменательный факт. Впервые в правительство вошли прямые представители финансовой олигархии, что свидетельствовало не только о возросшей за время первой мировой войны экономической мощи буржуазии, но и об укреплении ее роли в правящем блоке. Правительство Хара, представляемое буржуазной печатью как «символ укрепления позиций демократических сил в Японии», в действительности было правительством реакционной бюрократии. Интересы финансового капитала определили его внутреннюю и внешнюю политику — усиление империалистической агрессии, расширение колониальной экспансии, подавление демократического движения внутри страны. Послевоенные годы показали растущий уровень классовой борьбы японского пролетариата. Стачечное движение 1919 г. стало яркой страницей в истории рабочего движения. В трудовых конфликтах за этот год участвовало около 335 тыс. рабочих. В 1920 г. забастовочная борьба становится более острой, а стачки — более продолжительными. Крестьянское движение также поднялось в эти годы на более высокую ступень.

Правительство Хара жестоко подавляло борьбу трудящихся. Оно выступило душителем общедемократического движения за всеобщие выборы, провалив в парламенте законопроект о всеобщем избирательном праве. Искусно применяя приемы политики «кнута и пряника», сочетая террор и демагогию, правящая партия несколько снизила имущественный ценз на выборах. Это не только должно было способствовать сохранению парламентских иллюзий в массах, но и дать некоторое представительство в нижней палате зажиточному слою города и деревни. Правительство Хара потопило в крови массовое антияпонское выступление корейского народа в марте 1919 г. К моменту восстания Корея в течение уже десяти лет была японской колонией, которая эксплуатировалась японским империализмом «с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹. Но широкое народное движение заставило правительство Хара пойти на уступки — военный режим управления колонией был заменен гражданским, в специально созданный при японском генерал-губернаторе совещательный орган были допущены представители феодально-буржуазной верхушки Кореи.

Кабинет Хара продолжал развязанную японским империализмом в начале 1918 г. интервенцию на советском Дальнем Востоке.

В Японии началось движение против интервенции в России. Оно было частью обширного движения мирового пролетариата, в разных странах выступившего под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», с требованием прекратить разбойничью войну против молодого государства трудящихся. Летом 1922 г. в Японии возникло общество «Руки прочь от России!», проводившее многочисленные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 61.

митинги протеста против интервенции на советском Дальнем Востоке. Компартия, созданная в июле 1922 г., стремилась объединить разрозненные течения и создать широкое движение народных масс. В сентябре 1922 г. под руководством Компартии создается Кансайская Лига борьбы против интервенции в России. Растущее влияние социалистов в крупной профсоюзной организации Содомэй, победы над анархистами и реформистами привели к тому, что Содомэй, несмотря на ее общую реформистскую окраску, выступила также протестом против интервенции в России. Компартия выдвинула также лозунг «Всеми средствами на помощь голодающей России».

Находившийся в Советской России Катаяма Сэн обратился с призывом к солдатам японской оккупационной армии немедленно покинуть Сибирь и вернуться на родину или же лишить офицеров власти и организовать в каждом полку солдатские советы. Идеи солидарности с борющимся народом трудовой России не только оказывали влияние на морально-политическое состояние солдат японской армии, но и находили все более широкий отклик среди передовой части японских трудящихся.

Вашингтонская конференция

После первой мировой войны обострились империалистические противоречия между крупными державами, борющимися за влияние в странах Тихого океана. Ни США, ни Англия, связанная с Японией англо-японским союзом, не хотели мириться с тем, что Япония удерживала позиции, завоеванные ею на Дальнем Востоке за время первой мировой войны. Обострение японо-американских отношений в эти годы достигло таких масштабов, о которых В. И. Ленин писал: «Не сегодня-завтра Америка и Япония бросятся друг на друга...»¹, «...ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой...»². В этой обстановке созванная США в ноябре 1921 г. конференция по ограничению морских вооружений и по тихоокеанским и дальневосточным вопросам представляла собой попытку США потеснить своих конкурентов и добиться наиболее выгодных условий для экономического и политического внедрения в страны Тихоокеанского региона. Кроме того, США стремились создать блок империалистических сил против Советской России и национально-освободительного движения народов Дальнего Востока.

Подписанный 6 февраля 1922 г. договор девяти держав зафиксировал возросшую после войны мощь американского империализма, добившегося официального признания выдвинутого еще в 1899 г. принципа «открытых дверей» — одного из наиболее активных методов американского капитала в его стремлении к утверждению монопольного господства в Китае. США добились расторжения англо-японского союза, в течение 20 лет (с 1902 г.) служившего поддержкой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 92.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 94.

Японии в ее агрессивной внешней политике. Его заменило соглашение четырех держав (США, Англия, Япония, Франция) о взаимной гарантии неприкосновенности их островных владений в Тихом океане. Соглашение отсрочило японо-американское столкновение. На конференции был заключен договор пяти держав об ограничении тоннажа военно-морских флотов, по которому строительство крупных военных судов должно было быть прекращено в течение 10 лет. Япония вынуждена была согласиться на американское предложение о соотношении линейных флотов. Для флотов США, Англии, Японии, Франции и Италии устанавливалась пропорция 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75.

Однако, хотя США и добились выгодного разрешения вопроса об уровне вооружений, они были вынуждены сделать существенные уступки в отношении укреплений и морских баз. То что США и Англия не могли возводить и расширять укрепления на ряде их островных владений на Тихом океане, а право Японии строить базы на ее основных островах не было ограничено, создавало ситуацию, при которой договор пяти держав не наносил серьезного ущерба военно-морской мощи Японии. Конференция приняла решение о возвращении Китаю арендованной территории в провинции Шаньдун, переданной Японии по решению Парижской конференции 1919 г. Национально-освободительное движение китайского народа, размах антияпонского бойкота заставили японских империалистов согласиться на возвращение территории на Шаньдунском полуострове. Однако сохранение значительных экономических привилегий и политического влияния на Шаньдунскую провинцию обеспечило Японии довольно прочные позиции в этом районе Китая. Антисоветский характер конференции в Вашингтоне был очевиден задолго до ее первого заседания — империалистические страны отказались пригласить на конференцию правительства РСФСР и ДВР. Тем не менее внимание мирового общественного мнения было привлечено к вопросу об интервенции на Дальнем Востоке. Делегация ДВР, хотя и не была допущена на конференцию, опубликовала в американской прессе ряд секретных документов, разоблачающих империалистическую политику Японии, Франции и других держав, сделала гласным соглашение между японским правительством и белогвардейскими атаманами. Решения Вашингтонской конференции не могли создать прочного режима послевоенного мира на Дальнем Востоке и Тихом океане. Направленные против Советского Союза и национально-освободительного движения народов этого региона, они подрывались, с одной стороны, империалистическими противоречиями, с другой — сопротивлением китайского, корейского и других народов, вдохновленных успехами Советской Республики.

Подъем демократического движения. Создание Коммунистической партии Японии

Послевоенный экономический кризис 1920—1921 гг. особенно сильно ударил по Японии вследствие ее исключительной зависимости от

внешних рынков. В годы кризиса серьезно обострились классовые противоречия в стране, наблюдался значительный подъем социалистического и общедемократического движения.

Одной из причин этого подъема были изменения, происшедшие в экономике и социальной структуре страны во время первой мировой войны. Значительно выросла тяжелая индустрия, что привело к росту промышленного пролетариата, наиболее организованного, стойкого отряда рабочего класса, который становится ядром забастовочного движения в 1919—1921 гг. Важнейшей причиной, обусловившей послевоенный подъем рабочего и социалистического движения, было влияние Октябрьской революции на Японию. Влияние Октября можно проследить и в мощном размахе «рисовых бунтов», и в характере требований, которые выставляются рабочими в забастовках этого периода. Еще одной причиной послевоенного подъема рабочего движения были последствия мирового экономического кризиса 1920—1921 гг. Кризис обнажил слабые стороны экономики Японии: неравномерность и скачкообразность развития отдельных отраслей, отставание сельского хозяйства ввиду сохранения полуфеодальных методов его ведения и эксплуатации крестьянства, обилие возникших во время войны торгово-промышленных предприятий спекулятивного характера. Годы кризиса, когда класс капиталистов усилил наступление на рабочий класс, явились периодом тяжчайших испытаний для трудящихся Японии. В то же время они обнаружили значительный рост классового самосознания. Наибольшую организованность показывают в это время металлисты — передовой отряд рабочих тяжелой индустрии; рабочие же текстильной, горнодобывающей и некоторых других отраслей промышленности были чрезвычайно слабо охвачены профсоюзными организациями. По указке правительства на государственных предприятиях с целью раскола рабочего класса создавались профсоюзы с реформистским, соглашательским руководством.

Репрессии против стачечников побуждали рабочих к сплочению профсоюзов. Движение за создание единого профсоюзного центра завершается созданием в начале 1920 г. «Родо кумиай домэйкай» — «Объединенной лиги профсоюзов», в которую вошли такие крупные организации, как «Юайкай», «Синъюкай», «Родо домэйкай» и ряд независимых союзов. В этом общедемократическом подъеме 1920—1922 гг. немалую роль сыграли и японские социалисты. Первые социалистические организации возникли в Японии в конце XIX в., однако до периода общедемократического подъема 1920—1922 гг. они были еще слабо связаны с рабочими организациями. Социалистическое движение характеризовалось наличием множества мелких организаций, не только обособленных от рабочих кружков, но и слабых в теоретическом отношении, реформизма и анархо-синдикализма. Рубежом в развитии японского социалистического движения явилась Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Понимание революционной роли рабочего класса было значительным шагом вперед для японских социалистов. 10 октября 1917 г. в журнале «Синсякай» была напечатана статья Ленина «Революция

в России и задачи рабочих всех стран», явившаяся первой ленинской работой, опубликованной в Японии. Созданное в декабре 1918 г. студентами Токийского университета «Общество новых людей» — «Синдзинкай», а также общества «Рэймэйкай» и «Аврора» стали пропагандистскими организациями, занимающимися просветительской деятельностью, пропагандой социализма. В университете Васэда возникло общество «Гёминкай», установившее связь с профсоюзом целлюлозной промышленности.

Впервые активные контакты социалистического движения с рабочими организациями устанавливаются весной 1919 г. Под влиянием социалистов члены профсоюзов переходят от борьбы за удовлетворение чисто экономических требований к выдвижению политических лозунгов и задач. В конце 1920 г. была создана Социалистическая Лига, объединявшая почти 1000 человек. Лига представляла собой искусственное объединение идеологически разнородных групп и организаций (социалисты, анархисты, коммунисты). Но несмотря на отсутствие единства и сильное влияние анархизма и синдикализма, правительство видело в Лиге опасную организацию, в мае 1921 г. она была распущена. Создание этой организации и ее роспуск еще раз показали пролетариату, что его политическое сплочение невозможно без образования коммунистической партии, которая в условиях японского полицейского террора могла существовать только нелегально.

После разгрома Лиги образовалось много социалистических групп и обществ. Среди них наиболее известны своей революционной программой «Суйёкай» («Общество среды»), куда входил Токуда Кюити, впоследствии Генеральный секретарь КПЯ, и общество «Мокуёкай» («Общество четверга»), возглавляемое Сакаи Тосихико. Влияние Великого Октября, рост революционных настроений и классового самосознания японского рабочего класса делали все более насущным создание боевой революционной партии пролетариата.

В январе — феврале 1922 г. в Москве проходил I съезд коммунистических и революционных организаций народов Дальнего Востока. На этом съезде присутствовали Сэн Катаяма, Токуда Кюити, Такасэ Киёси, Ёсида Хадзимэ, Вада Киитиро и другие видные японские революционеры. Делегаты съезда высказали твердую убежденность в необходимости объединения всех революционных сил Японии.

15 июля 1922 г. в Токио представители «Суйёкай», «Мокуёкай», «Гёминкай» провозгласили создание Коммунистической партии Японии (КПЯ). На этом учредительном съезде были приняты временный Устав партии и решение о текущих задачах. В декабре 1922 г. был создан японский комсомол. Но деятельность Компартии Японии с самого начала протекала в очень трудных условиях. Малочисленная и не имевшая достаточно широких связей с массами, она вынуждена была работать в условиях глубокого подполья. Партию ослабляла и внутренняя борьба. Значительная прослойка мелкобуржуазных элементов была серьезной базой активизации анархо-

Плотина и гидростанция на о-ве Кюсю

индивидуализма, способствовала развитию сектантства и фракционности. Но работа, которую вела Компартия, — разоблачение реакционной политики японской монархии, участие в создании и работе Лиги борьбы против интервенции в России, активная деятельность в профсоюзах пугала правящий лагерь. 5 июня 1923 г. было арестовано свыше 100 руководящих деятелей КПЯ.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение. (Наиболее пострадал район Токио — Иокогама.) Землетрясение повлекло за собой десятки тысяч человеческих жертв и огромный материальный ущерб. СССР сразу же откликнулся на это трагическое событие. Седьмого сентября пароход «Ленин», груженный продовольствием и медикаментами, взял курс на Иокогаму. Советским страна, всего лишь год назад освобожденная от японских интервентов и белогвардейцев, сама не оправившаяся от голода и войны, проявила пролетарскую солидарность, свойственную природе Советской власти.

Используя обстановку всеобщего замешательства в момент землетрясения, правительство, выдвинув против коммунистов новые обвинения в том, что они якобы виновны в пожарах и беспорядках, имевших место после землетрясения, провело массовые аресты коммунистов, социалистов, демократически настроенных

рабочих, спровоцировало погромы корейцев. Были зверски убиты 10 рабочих-революционеров во главе с Каваи Ёситаро, создателем и руководителем японского комсомола. Из рядов компартии были вырваны ее наиболее активные борцы, что ослабило партию и дало возможность правооппортунистическим элементам повести кампанию за ее ликвидацию. В марте 1924 г. ликвидаторы, возглавлявшиеся Ямакава, без созыва партийного съезда, вопреки протестам ее рядовых членов, добились решения о роспуске партии.

В обстановке продолжающихся арестов работать коммунистам было очень трудно. Тем не менее, несмотря на полицейский террор и предательство группы ликвидаторов, коммунисты вели самоотверженную борьбу за воссоздание партии. В январе 1925 г. в Шанхае партийное совещание с участием представителей Коминтерна приняло решение, осуждающее антимарксистские взгляды и действия ликвидаторов и поставило задачу скорейшего воссоздания партии. Комитет, созданный при роспуске партии, был реорганизован в Центральное бюро, в состав которого вошли Токуда, Ватанабэ, Итикава, Кокурё, Ямамото, Носака. Бюро стало не только основным центром по воссозданию компартии, но и организацией, разоблачающей деятельность реформистов, усиленно насаждающих в рабочих массах парламентские иллюзии. По выходе из тюрьмы Токуда, Ватанабэ и другие революционеры развернули активную деятельность. В сентябре 1925 г. был создан печатный орган группы коммунистов, борющихся за воссоздание компартии, — «Мусанся симбун» («Пролетарская газета»).

Глава 14

Япония в годы временной, частичной стабилизации капитализма (1924—1928)

Внутреннее положение

В 1924 г. Япония, как и весь капиталистический мир, вступила в полосу частичной, временной и неустойчивой стабилизации капитализма. Оживление промышленности страны после кризиса и депрессии 1920—1922 гг. было связано с восстановительным периодом, работами, развернувшимися после землетрясения 1 сентября 1923 г. В первые же дни после землетрясения правительство Ямамото оказало помощь крупным предпринимателям, отсрочив все виды платежей и выплатив компенсацию за понесенный ущерб. Для строительной, металлургической, судостроительной и других отраслей промышленности и торговли эта помощь стала базой восстановления и дальнейшего расширения. Но тем не менее экономическое и внутривнутриполитическое положение Японии оставалось напряженным. Крупный пассив внешней торговли был одним из свидетельств этого, хотя япон-

ские предприниматели удерживали позиции на азиатских рынках, экспортируя товары по предельно низким ценам. Наступление на права трудящихся, усиление эксплуатации было для монополий одним из методов выхода из трудностей, обусловленных слабостью финансовой базы японского капитализма.

Японский монополистический капитал стремился утвердить свою гегемонию в наиболее важных отраслях экономики. В тяжелой промышленности наращивали мощь концерны Мицубиси и Сумитомо. В банковской сфере, в области кредита и во внешней торговле решающие позиции занимали концерны Мицуи и Ясуда. Японские монополии получали сверхприбыли за счет жесточайшей эксплуатации рабочих, интенсификации труда. Усиление эксплуатации трудящихся вызвало новое обострение классовой борьбы. 1924—1926 гг. отличались упорством, продолжительностью и многочисленностью участников. В 1924 г. 88 стачек продолжались свыше 10 дней — в них участвовало более 20 тыс. человек, в 1926 г. только в одной стачке токийских трамвайщиков выступило 10 тыс. человек. Активно шло развитие классовой борьбы и в деревне. Продолжающийся со времени первой мировой войны хронический кризис сельского хозяйства, господство монополистического капитала и полуфеодальных помещиков привели к дальнейшему ухудшению положения крестьянства, к активизации крестьянских союзов и росту числа конфликтов. Все растущей тяге рабочих и крестьянских масс к организации и сплочению противостояла не только политика полицейских репрессий и реакционного законодательства, но и усилия подавить классовое самосознание пролетариата, расколоть и разобщить организации, подкупить профсоюзное руководство. Одной из основных проблем рабочего движения в этот период становится проблема единства, борьбы за преодоление разобщенности, против реформизма и соглашательства.

Активная деятельность организаций рабочего класса и создание Всеяпонского объединения крестьянских союзов подготовили базу для организации легальной партии, опирающейся на профессиональные и крестьянские союзы. 1 декабря 1925 г. в Токио была создана «Крестьянско-рабочая партия» (Номин родото). Но так как эта партия почти сразу же была запрещена, в марте 1926 г. она появилась под названием «Рабоче-крестьянская партия» (сокращенно Роното), председатель ЦК — Ояма Икуо (свыше 15 тыс. членов). Основной опорой Роното становится левое профсоюзное объединение Хёгикай и объединение крестьянских союзов, в то время как правые элементы Содомэй, выйдя из организации, образовали Социал-демократическую партию (Сякай минсюто). К концу 1926 г. в Японии было три легальные партии трудящихся — кроме Роното Социал-демократическая партия во главе с Абэ Исоо (88 тыс. членов) и Японская рабоче-крестьянская партия, возглавляемая Асо Хисаси (около 20 тыс. членов).

Серьезное значение для сохранения и продления частичной временной стабилизации в Японии играла политика правящего лагеря в отношении Китая. Революционное движение в Китае, встречающее

живой отклик среди японских трудящихся, стало стимулом движения солидарности с борющимся Китаем, революционизирования и сплочения сил японского пролетариата. Левым профсоюзным объединением Хёгикай в этот период была принята резолюция относительно «единения с профессиональным движением стран Дальнего Востока». Напуганные процессом революционизирования трудящихся масс, правящие круги Японии в сговоре со своими постоянными соперниками и конкурентами — США и Великобританией — усилили империалистический нажим на Китай. Но развитие китайской революции остановить было нельзя, героическая борьба китайского пролетариата, так же как и борьба других народов Востока, являлась одним из факторов, подрывавших капиталистическую стабилизацию.

Установление дипломатических отношений между Японией и СССР

После разгрома японской интервенции на советском Дальнем Востоке Советское правительство неоднократно предлагало Японии установить нормальные взаимоотношения. Японское правительство не спешило с ответными предложениями. Однако общий рост экономического и военного могущества Советского государства, его дипломатические успехи, отразившие укрепление международного положения СССР (установление дипломатических отношений с рядом капиталистических стран), явились причиной нормализации советско-японских отношений. Определенное значение в этом процессе имели сдвиги, происшедшие в самой Японии. Наиболее воинственные группировки правящей верхушки, ответственные за агрессивную внешнюю политику, в том числе и за проведение японской интервенции на советском Дальнем Востоке, оказались дискредитированными и потеряли свое влияние. Немалое значение имел возросший авторитет Советского Союза.

✓ После длительных советско-японских переговоров 20 января 1925 г. в Пекине была подписана советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений. Конвенция устанавливала дипломатические и консульские отношения между обоими государствами, к 15 мая 1925 г. Япония обязывалась вывести свои войска с Северного Сахалина. Япония и СССР заявляли о своем стремлении поддерживать мирные и дружественные отношения на основе принципа взаимного невмешательства во внутренние дела. Конвенция оставляла в силе договор, заключенный между Японией и Россией в Портсмуте 5 сентября 1905 г., но специальная советская декларация, приложенная к конвенции, подчеркивала, что это «никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора». Поскольку Портсмутский договор специально оговаривал, что маньчжурские железные дороги могут быть использованы лишь в коммерческих целях, подтверждение этого

договора могло служить делу мира на Дальнем Востоке. Советско-японской конвенцией были определены и основы экономических взаимоотношений обеих стран. Был обусловлен пересмотр русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., что впоследствии стало основанием для подписания новой конвенции в 1928 г. Была достигнута договоренность о предоставлении японским предпринимателям концессии на разведку и добычу нефти и угля на Северном Сахалине. Нормализация советско-японских отношений представляла собой чрезвычайно важный факт оздоровления обстановки на Дальнем Востоке. Но подписав конвенцию, Япония не отказалась от своей антисоветской политики, рассчитанной на провоцирование конфликтов с Советским Союзом. По вине японской стороны было сорвано заключение торгового договора, и в дальнейшем японское правительство чинило всевозможные препятствия для развития торговли СССР. Японские правящие круги не выполняли одну из важнейших статей конвенции — взаимное обязательство не допускать присутствия на территории, находящейся под их юрисдикцией, организаций или групп, претендующих стать правительством на какой-либо части территории одной из договаривающихся сторон. Имелись в виду прежде всего многочисленные белогвардейские организации в Маньчжурии и Японии. Японское правительство продолжало потворствовать им, а также провокациям мукденских властей против советских учреждений и советских должностных лиц (работников КНЖД) в Маньчжурии. Войска японских интервентов были выведены с Северного Сахалина только в 1925 г.

Закон о «всеобщих выборах». Борьба за воссоздание КПЯ

Несмотря на постоянное наступление на права рабочего и крестьянина, усиливая эксплуатацию, правящий лагерь Японии пытался поддерживать парламентские иллюзии среди трудящихся масс. Однако он не мог не учитывать растущей политической активности, укрепления позиций демократических сил в стране. В этих условиях правительство Като Такааки приняло закон о так называемом всеобщем избирательном праве для мужчин. Законопроект с поправками Тайного Совета содержал ряд ограничений, препятствовавших активному участию рабочего класса в выборах. Были лишены по-прежнему избирательных прав женщины, составлявшие более половины японского пролетариата. Возрастной ценз для лиц, пользующихся активным и пассивным избирательным правом, был определен в 25 и 30 лет. Устанавливался ценз оседлости — 1 год, что существенно ограничивало право рабочих, вынужденных в поисках работы часто менять место жительства, а также крестьян, с этой же целью переезжающих в город. Были лишены права участия в выборах все получающие частное или общественное пособие, т. е., по существу, это касалось всех неимущих. Одна из статей избирательного закона была рассчитана на ограничение возможностей выдвижения канди-

датов пролетарскими организациями. Статья устанавливала высокий денежный залог (2 тыс. иен) за каждого выдвигаемого кандидата. Вместе с тем при всех ограничениях избирательный закон значительно увеличивал количество избирателей — число имевших право выбирать увеличилось с 3,2 млн. до 12,5 млн. человек. Подъем общественного движения за расширение избирательного права был использован широкими буржуазными кругами для укрепления своего политического престижа, в ущерб силам, представляющим интересы монархии. Демократическая общественность, в том числе и представители Коммунистической партии, рассматривали избирательный закон и избирательную кампанию как средство привлечения трудящихся масс к политической активности, парламент — как легальную возможность разоблачения реакционной политики правительства.

Но, осуществив некоторое расширение избирательных прав, правительство Като сделало тут же шаг назад, издав закон об «Охране общественного порядка», красноречиво интерпретированный комментаторами как закон «об опасных мыслях». Если введение избирательного закона было отсрочено на 3 года (до выборов в 1928 г.), то введение в действие закона «об опасных мыслях» было осуществлено немедленно, в апреле 1925 г. Закон, предусматривавший наказание до 10 лет каторжных работ за любые антимонархические и антигосударственные идеи или действия, был, в сущности, направлен против революционных и прогрессивных сил.

Но несмотря на политику репрессий и террора, борьба за воссоздание КПЯ не прекращалась. Созданная в августе 1925 г. коммунистическая группа в обстановке стачечного подъема и роста конфликтов в деревне, используя растущее классовое самосознание трудящихся, правильно оценивших действия ликвидаторов, вела подготовительную работу по воссозданию КПЯ.

4 декабря 1926 г. состоялся съезд Коммунистической партии Японии, официально провозгласивший ее воссоздание. Были обсуждены и приняты манифест (декларация), программа, устав и тезисы, были выбраны руководящие органы. Основная подготовительная работа была проведена Катаяма, Ватанабэ, Итикава, последовательно и энергично добивавшихся воссоздания КПЯ. Воссоздание Коммунистической партии имело большое значение для развития профсоюзного и общедемократического движения в стране, для роста организованности и повышения классового сознания пролетариата. Но положение КПЯ все же оставалось крайне тяжелым, эти годы становятся периодом серьезной внутрипартийной борьбы. В противовес правому, смыкавшемуся с реформизмом уклону — ликвидаторству — возникает «левый» уклон — фукумотоизм (по имени представителя сектантской группировки Фукумото). Фукумотоизм признавал только идеологическую борьбу и полностью отрицал необходимость для пролетариата экономической и политической борьбы. Таким образом, эта сектантская группировка, отрицая существование массовых пролетарских организаций, превращала компартию в узкую, оторванную от масс группу революционеров.

Большое значение в разоблачении уклонов в партии принадлежит Катаяма Сэн, возглавившему трудную и длительную борьбу против оппортунистических течений в рядах молодой Коммунистической партии Японии.

Агрессивная политика кабинета Танака

Оживление японской экономики в 1924—1926 гг. носило временный, поддерживаемый искусственным напряжением всей экономики, характер. В условиях приближения мирового экономического кризиса, глубокая затянувшаяся депрессия в экономике и финансах Японии переросла в финансовый кризис 1927 г. Банкротство ряда крупных банков и связанных с ними фирм вызвало кризис правительства Вакацуки, представляющего партию кэнсэйкай. В апреле 1927 г. к власти пришло правительство, возглавляемое лидером партии сэйюкай генералом Танака.

Финансовый кризис ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся Японии. Новое наступление капитала выразилось в дальнейшей рационализации производства, повлекшей за собой массовые увольнения. Используя угрозу безработицы, предприниматели могли беспрепятственно усиливать эксплуатацию и снижать заработную плату. Пролетарские политические партии и профсоюзы возглавили борьбу рабочих против наступления монополий. Особенно эта борьба активизировалась в связи с тем, что правительство для оказания «помощи» терпящим крах банкам и фирмам прибегло к увеличению налогов, перекладывая таким образом тяжесть кризисной ситуации на плечи рабочих и крестьян. Обострение классовой борьбы проходило в эти годы в новой для Японии форме — организации делегатских собраний рабочих на заводах и фабриках.

Приход к власти правительства Танака означал откровенное усиление реакции во внутренней и внешней политике. В правящей группировке взяли верх элементы, требующие открытого наступления на трудящиеся массы Японии, а также агрессии против Китая. «Негативной» политике, предполагавшей тактику широкого, но «мирного» экономического проникновения, применению разнообразных, нередко завуалированных методов разрешения «китайского вопроса» правительство Танака противопоставило свою «позитивную» линию, сформулированную, в частности, в секретном меморандуме, представленном премьером императору 25 июля 1927 г. «Меморандум Танака» представлял собой программу завоевания японским империализмом мирового господства. В агрессивные планы, зафиксированные меморандумом, входило нападение на СССР, будущее японо-американских отношений было определено безапелляционно — «...сокрушить США».

Осуществление грандиозной программы агрессии кабинет Танака начал с высадки японских войск в Шаньдуне весной 1928 г. Спровоцировав инцидент, японские части заняли Цзинань (столица китайской провинции Шаньдун). После того как японские империалисты приняли активное участие в подавлении китайской револю-

Бумажные карпы, вешивающиеся над крышами домов в «День мальчиков»

ции 1924—1927 гг., введение войск в Шаньдун в 1928 г. стало попыткой открытой вооруженной интервенции Японии против Китая. Советское правительство выступило с осуждением действий Японии. Эта поддержка вместе с героической борьбой китайского народа сыграла важную роль в срыве военной авантюры Японии в Шаньдуне. Ни военные силы японцев, ни ставка на их давнюю марионетку в Северном Китае — Чжан Цзо-лина — не смогли обеспечить успех военной интервенции в Китае. В августе 1928 г. кабинет Танака начал вывод войск с территории Шаньдуна.

В период пребывания у власти правительства Танака в феврале 1928 г. были проведены выборы по избирательному закону 1925 г. Они проходили в обстановке коррупции, откровенного подкупа депутатов, жесточайшего полицейского нажима на демократически настроенную часть японского населения и прямых репрессий в отношении прогрессивных сил. Важным фактором активизации всего левого крыла рабочего движения было участие в избирательной кампании легальных пролетарских партий. Предвыборная кампания Роното, тесно связанной с Коммунистической партией Японии, вызывала ненависть правящих кругов. Полиция разгоняла митинги, на которых выступали депутаты от прогрессивных партий, осуществляла аресты и высылку агитаторов. Широко была распространена практика так называемых предупредительных арестов, когда задер-

онных агитаторов от Роното в течение длительного времени держали в полицейских участках без предъявления обвинений. И тем не менее, несмотря на неслыханный террор и произвол, пролетарские партии получили на выборах около полумиллиона голосов. От Роното, собравшей 190 тыс. голосов, в парламент прошли два кандидата, в том числе Ямамото Сэндзи, первый представитель трудящихся в японском парламенте. Бесстрашно разоблачая в своих речах в парламенте злодеяния представителей полицейского государства, Ямамото Сэндзи выступил против поправки к закону об охране общественного порядка, предусматривавшей смертную казнь за принадлежность к компартии вместо зафиксированной ранее десятилетней каторги. На следующий день после выступления в парламенте японская охранка расправилась с Ямамото — он пал от руки наемного бандита.

В марте 1928 г. депутатами пролетарских партий для разоблачения политики правительства был создан комитет совместных действий, который, по существу, должен был действовать как парламентская фракция в нижней палате парламента. Успех демократических сил на выборах показал правящему лагерю, что в стране растет сила, способная вести борьбу против его агрессивной политики. Героическая борьба КПЯ против интервенции в Китае, создание активно действующей Всеяпонской лиги невмешательства в дела Китая, массовая борьба, развернувшаяся под руководством Роното и Хёгикай за принятие законов по рабочему вопросу¹, широкое участие КПЯ в выборной кампании — все это ускорило наступление событий, известных в японской литературе как «буря 15 марта».

На рассвете 15 марта 1928 г. одновременно были проведены аресты в крупных центрах — Токио, Осака, Киото, а затем по всей стране. Эти полицейские репрессии официально были направлены против компартии, но в действительности среди нескольких тысяч арестованных наряду с членами КПЯ (1600 человек) было брошено в тюрьмы немало сочувствующих, профсоюзных активистов и прогрессивно настроенных трудящихся. Токуда Кюити, арестованный в эти дни, и Итикава Сёити прямо связывают аресты 15 марта с выступлением КПЯ на политической арене как революционного авангарда трудящихся, единственной партии, поддержавшей китайскую революцию.

В апреле 1928 г. правительство опубликовало указ о запрещении трех революционных организаций — Роното, левого профсоюзного объединения Хёгикай, входившего в Профинтерн, и Всеяпонской лиги пролетарской молодежи. Репрессиям подверглись даже организации, не имеющие прямого отношения к КПЯ, такие, как студенческая лига изучения социальных проблем и другие.

Массовые аресты нанесли жестокий удар коммунистическому

¹ В сентябре 1927 г. была начата борьба за законы по рабочему вопросу: о помощи безработным, об установлении минимума заработной платы, о восьмичасовом рабочем дне, о защите женского и детского труда, о пересмотре закона о страховании жизни. Был создан Всеяпонский совет единства действий.

движению Японии. Но все же деятельность партии не прекратилась. Восстанавливались и создавались заново ячейки на заводах и крупных предприятиях. Под руководством представителей КПЯ вела борьбу за свое восстановление Роното. В 1928 г. КПЯ начала издавать свой нелегальный печатный орган — газету «Сэки».

Глава 15

Мировой экономический кризис и создание очага войны на Дальнем Востоке (1929—1937)

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., начавшийся в октябре 1929 г. с биржевого краха в США, в силу тесных связей между японским и американским рынками особенно больно ударил по экономике Японии. Это усугублялось также общей экономической слабостью Японии по сравнению с другими странами, расшатанностью экономики, тяжелыми последствиями землетрясения 1923 г. и финансового кризиса 1926—1927 гг., а также хроническим переплетением кризиса в промышленности с аграрным кризисом. Сельское хозяйство, игравшее в Японии значительно большую роль, чем в других капиталистических странах, оказалось в числе первых отраслей экономики, испытавших на себе влияние кризиса. Особенно тяжелым было положение шелководства, которым в Японии было занято около половины всех крестьянских хозяйств. До 1930 г. шелк-сырец, преимущественно вывозившийся в США, составлял около 30% японского экспорта. В результате кризиса в США резко сократился вывоз японского шелка, и как следствие этого произошло катастрофическое падение цен на него. Число крестьянских хозяйств, занимавшихся шелководством, резко сократилось.

Снижение цен на шелк, рис и другие продукты дало сокращение объема сельскохозяйственной продукции на 40%. Значительно уменьшился и объем промышленной продукции, особенно в угольной, металлургической, хлопчатобумажной промышленности и судостроении. Сужение внутреннего рынка, а также сокращение экспорта привело не только к снижению уровня производства, но и к накоплению огромных товарных запасов. Столкнувшись с серьезными экономическими затруднениями, вызванными кризисом как внутри страны, так и на внешнеполитической арене, правящие классы Японии попытались переложить всю тяжесть кризиса на трудящиеся массы. Начались массовые увольнения и снижение заработной платы, усиливается капиталистическая рационализация труда. Количество безработных возрастает в этот период до 3 млн. Активный процесс концентрации производства и централизации капитала сопровождается массовым разорением мелкой и средней буржуазии. Возросла и без того жесточайшая эксплуатация колоний, что вызвало крупное восстание на Тайване в 1930 г. и расширение национально-освободительного движения в Корее.

Подъем рабочего и крестьянского движения в 1929—1931 гг.

Резкое ухудшение положения трудящихся масс в годы кризиса, наступление капитала на права рабочих и крестьян привело к расширению демократического движения в стране. 1930 и 1931 годы — время наибольшей остроты кризиса в Японии — стали рекордными по количеству трудовых и арендных конфликтов. В первых рядах выступавших шли металлисты, прядильщики, ткачи. Если для забастовочной борьбы 1930 г. характерно выдвижение экономических требований, то в 1931 г. на первый план выдвигаются требования политического характера. Предательская политика правореформистских профсоюзных бюрократов, срывающих и нередко предотвращавших возникновение стачек, все же не смогла сломить боевого духа рабочего класса, его неукротимой решимости отстаивать свои права в борьбе с капиталом. Крупными событиями революционной борьбы этих лет были двухмесячная забастовка прядильщиц компании Кансифути (на 36 фабриках в 18 префектурах бастовало около 40 тыс. работниц), забастовка 13 000 токийских трамвайщиков в 1930 г., длительная забастовка, сопровождавшаяся многочисленными столкновениями с полицией на металлообрабатывающем заводе Сумитомо в Осака, новые выступления трамвайщиков в 1932 г.

Стаечная борьба рабочего класса шла на фоне постоянно расширявшегося движения арендаторов и мелких собственников в деревне, активных выступлений безработных. Участились случаи протеста против сгона арендаторов с земли, выдвижения требований снижения долговых обязательств. Помещичья кабала и произвол вызвали активные конфликты с помещиками, с представителями судебных и полицейских властей. В течение 1931 г. было отмечено 2689 арендных конфликтов. В сентябре 1931 г. в префектуре Тотиги около 500 крестьян организовали нападение на полицейских, сумев отбить арестованных ими активных борцов, постоянно отстаивавших интересы крестьян в конфликтах с помещиками.

Отличительной и важной чертой рабочего движения этого периода являлась антивоенная кампания, возглавляемая и направляемая Коммунистической партией Японии. За три месяца до оккупации Маньчжурии КПЯ дала правильную оценку политике правительства как окровенному курсу на подготовку и развязывание агрессивной войны. Призывая массы к решительной защите мира, компартия организовала в главных городах страны выступления и антивоенные демонстрации под лозунгами: «Против империалистической войны!», «За полную независимость колоний!», «На защиту СССР!» Готовясь к захвату Северо-Восточного Китая, японские милитаристские круги предприняли наступление на демократические силы внутри страны. В сентябре 1931 г., стремясь задушить антивоенные настроения в стране и обезглавить антивоенное движение, правительство бросило в тюрьмы несколько тысяч революционных рабочих и представителей прогрессивной интеллигенции. Летом этого же года был начат провокацион-

ный судебный процесс против компартии, цель которого была не только репрессировать руководителей и наиболее активных деятелей КПЯ, но и дискредитировать революционный авангард трудящихся, представив его кучкой экстремистов-заговорщиков. Но возглавляемые Итикава и Токуда японские коммунисты сумели использовать процесс для провозглашения программы и обнародования истинных целей Коммунистической партии, борющейся за революционное преобразование общества. Итикава в своих выступлениях на суде осветил историю компартии, сделав достоянием гласности ее последовательно изложенную политическую линию и перспективы дальнейшей борьбы за уничтожение реакционного строя. Несмотря на самые разнообразные препятствия, чинимые полицейскими и цензурой, правда о судебном процессе над японскими коммунистами стала широко известна в стране.

Господствующие классы на пути фашизации и агрессия в Маньчжурии (1929—1931)

Последствия экономического кризиса и обострение внутренней социальной обстановки внесли изменения в общее направление политики и тактики правящего лагеря. Подъем классовой борьбы в годы экономических затруднений, рост влияния Коммунистической партии Японии привели к тому, что положение правящих кругов стало более неустойчивым и сложным, чем когда-либо ранее. Усилились противоречия внутри самого лагеря эксплуататоров. Кризис привел к массовому разорению мелкой и средней буржуазии, не выдержавшей конкуренции с крупными концернами. Расширявшийся в течение ряда лет аграрный кризис подрывал положение мелких и средних помещиков, терпевших убытки от падения цен на сельскохозяйственную продукцию. В этих слоях росло недовольство позицией основной группировки монополистического капитала, представлявшего интересы «старых» концернов Мицуи, Мицубиси, Ясуда, Сумитомо. Подвергалась критике и политика правительств, формировавшихся из представителей двух крупных парламентских партий — минсэйто¹ и сэйюкай, связанных все с теми же концернами. Пересмотр правительственного курса был требованием боссов так называемых новых концернов, возникших главным образом в период первой мировой войны в военных отраслях промышленности (цветная металлургия, самолетостроение и т. д.). Поднявшиеся на гребне военной конъюнктуры, заинтересованные в ней и тесно связанные с кругами военщины, «новые» концерны, однако, имели слабую финансовую базу. Это определяло их зависимость от старой финансовой олигархии и их конкурентную борьбу с ней, особенно обострившуюся в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и подготовки и развязывания агрессии.

¹ Минсэйто возникла в июне 1927 г. в результате слияния партий кэнсэйкай и сэйюконто.

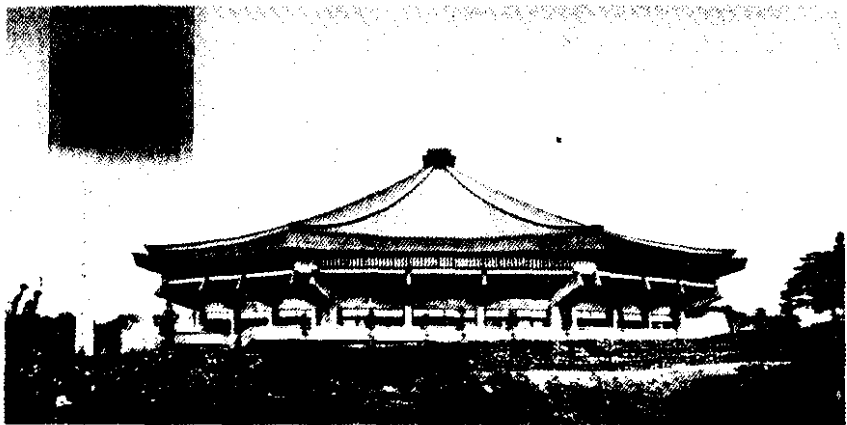
Так называемое молодое офицерство, связанное с «новыми», или «молодыми», концернами, открыто выражало недовольство как внутренней политикой, так и внешнеполитическим курсом «партийных» кабинетов. Изменившийся кадровый состав армии, особенно младший и средний комсостав — выходцы из мелкобуржуазных и мелкопомещичьих слоев, терпящих трудности кризисной обстановки, — отражал интересы и настроения этой социальной среды. Военщину возмущала «модернизация» армии, приведшая в 20-х годах к увольнению нескольких тысяч офицеров и снижению жалованья оставшимся на службе. Не меньшее раздражение вызвало Лондонское морское соглашение 1930 г., предполагавшее некоторое сокращение морских вооружений. Все это, как и неспособность снизить накал классовой борьбы, подавить революционное движение и избавить страну от возрастающих трудностей экономического кризиса, ставилось в вину «партийным» правительствам. Оппозиционное движение, представленное союзом военщины и «молодых» концернов, по своей социальной основе, классовой сущности было зарождавшимся японским фашизмом. Низшими ячейками этого движения являлись всевозможные шовинистические «клубы», «лиги», «общества» типа «Дзиммукай» («Общество императора Дзимму»), «Школа любви к родине» японских террористов «Айкёдзюку» («Школа любви к родине»). Широкое распространение шовинистических идей в армии привело к созданию ряда националистических организаций в среде высшего командного состава армии и флота. Наиболее известными такими организациями в начале 30-х годов были «Сакуракай» («Общество вишни») и «Кодзакуракай» («Общество малой вишни»), в которые входили офицеры генштаба и военного министерства.

Укреплению связей сторонников фашизма в армии и правительстве содействовало «Общество государственных основ» («Кокухонкай»), куда наряду с представителями армейских кругов входили также «киты» финансового мира, как члены правления концернов Мицуи, Ясуда и др.

Программа и лозунги «молодого» офицерства облекались в идеологическую «антикапиталистическую» фразеологию, которая преподносила военщину «защитницей» императора от засилья финансовой олигархии. Подчеркивая свою преданность императору, «молодые офицеры» требовали ограничения активности основной опорки «старых» концернов, выступали против парламента, буржуазно-помещичьих партий, представляющих концерны в правительстве, устраивали заговоры, организовывали террористические акты.

В то же время «антикапиталистическая» пропаганда не исключала реакционно-шовинистических расовых идей «ниппонизма», «японизма», подчеркивания священной миссии японского народа, призванного как «высшая раса» господствовать над всем миром.

К середине 30-х годов в правящем лагере Японии сложились две противоборствующие друг другу группировки фашиствующей военщины — «Группа императорского пути» («Кодоха»), возглав-

Спортивный комплекс Будокан

ляемая генералами Араки и Мадзаки, и «Группа контроля» («Тосэйха») во главе с генералами Нагата, МUTO и Тодзио. И та, и другая группировка добивались ликвидации существовавших в тот период буржуазно-демократических институтов и установления военной диктатуры, развязывания агрессии на материке и подавления революционного движения в стране. Разница была только в методах борьбы за власть, поскольку опорой шовинистических группировок были разные слои господствующего класса.

«Кодоха» опиралась на помещичьи круги и представителей «новых концернов» — Кухара Фусаносукэ, Аюкава Кисукэ и др. В армии их поддерживало «молодое» офицерство. Программным положением «Кодоха» было установление военно-фашистской диктатуры под эгидой «государственного социализма с императором в центре». Заговоры и путчи были методом осуществления этих планов.

Представители «Тосэйха», занимающие высокие посты в армии и тесно связанные с верхушкой финансовых кругов, являлись группировкой, обладающей реальной властью и поэтому не заинтересованной в организации заговоров и путчей. Ограничение деятельности «молодого офицерства», строгий контроль над их организациями (отсюда название «группа контроля») и вместе с тем скорейшая подготовка государственного аппарата к осуществлению агрессии на материке были основной линией действий «Тосэйха».

В целом вся финансовая олигархия, смыкающаяся с военщиной по своим классовым интересам и целям, являлась главной движущей силой японского милитаризма и агрессии во внешней и внутренней политике Японии.

Политика правительства минсэйто, находившегося у власти с 1929 г. по декабрь 1931 г., почти не отличалась от реакционной политики предшествующих ему сэйюкаевских кабинетов, была отмечена солидной долей социальной демагогии. Маскируя свои действия, представители минсэйто с широковещательными заявлениями

вносили в парламент проекты куучих реформ, которым так и суждено было остаться проектами.

Готовясь к развязыванию войны в Северо-Восточном Китае, правительство партии минсэйто продолжало репрессии в отношении всех, кто сколько-нибудь мог быть заподозрен в демократических настроениях. «Жестокие репрессии, — писал Токуда, — были обращены прежде всего против компартии, затем они распространились на профсоюзы, крестьянские союзы и студенческие организации; на все области культуры либерального направления. Вся жизнь народа, его мысли и действия были опутаны милитаристским рибством». В июле 1932 г. было проведено заключительное заседание суда по «делу компартии». Ему предшествовали закрытые процессы над японскими коммунистами в разных городах. Большая помощь коммунистам в их деятельности и борьбе на процессе была оказана Коминтерном, опубликовавшим тезисы по японскому вопросу в июле 1927 г. и мае 1932 г. Тезисы нанесли сокрушительный удар по ямакавизму и фукумотоизму. Они дали марксистский анализ расстановки классовых сил в стране и определили для КПЯ конкретные задачи и пути их решения. В Токио проходили демонстрации, митинги на заводах и фабриках с требованием освободить членов КПЯ. Итикава, Токуда были приговорены к пожизненному тюремному заключению.

По данным прогрессивной японской историографии, за пять лет, с 1929 по 1933 г., число арестованных по обвинению в коммунистической деятельности и нарушении «Закона об охране общественного спокойствия» достигло 50 тыс. человек.

За несколько лет от руки палачей пали видные деятели компартии Ватанабэ, Ивата, Уэда — члены ЦК КПЯ. Был схвачен и погиб от пыток известный пролетарский писатель Кобаяси Такидзи. После арестов 1932 г. ЦК КПЯ возглавлял Норо Эйтаро, героический борец и ученый, научный труд которого «История развития японского капитализма», представляющий интерес и сегодня, был первой в Японии марксистской работой о японском капитализме. Арестованный в конце 1934 г. Норо Эйтаро в 1935 г. умер в тюрьме от жестоких пыток. Правящий лагерь Японии не только обрушивал на коммунистическое движение полицейские репрессии, но и пытался взорвать изнутри организации КПЯ, засылая в них провокаторов и шпионов. Подрывала дело рабочего класса и соглашательская политика лидеров правых социал-демократов, ибо, оказывая влияние на значительную часть трудящихся, они, по существу, поддерживали политику правящего лагеря.

Захват Северо-Восточного Китая

Натруднения, вызванные экономическим кризисом, а также боязнь дальнейшего нарастания социальных конфликтов толкали правящий лагерь Японии на поиски выхода из тупика. Такой выход представлялся финансовой и военной клике Японии в скорейшем осуществ-

влении программы меморандума Танака, в развязывании войны на материке, тем более что развивающийся экономический кризис ослабил позиции ряда империалистических стран, конкурентов Японии в этом районе. Северо-Восточный Китай рассматривался японскими захватчиками не только как цель империалистических притязаний (природные богатства — руда, каменный уголь, золото, лес), но и как удобный плацдарм для агрессии против других районов Китая, против МНР и Советского Союза. Растущее обострение противоречий между империалистическими державами усилило их стремление к разрешению этих противоречий за счет СССР. Это обстоятельство давало японским милитаристам определенные надежды на то, что западные державы не будут чинить им препятствий в осуществлении агрессии против Китая. Действительность это подтвердила. В ночь на 18 сентября 1931 г. организовав «инцидент» и использовав этот явно выдуманный предлог, японская военщина вторглась в Маньчжурию. Пройдя за несколько дней всю Южную Маньчжурию, не встретив почти никакого сопротивления со стороны китайских войск, а также сколько-нибудь действенной, решительной реакции со стороны западных держав, японцы к концу осени заняли большую часть Северной Маньчжурии. К началу 1932 г. вся Маньчжурия была оккупирована японскими войсками. Создание плацдарма для дальнейшего развития агрессии было завершено.

Началу военных действий в Северо-Восточном Китае предшествовала клеветническая кампания против СССР и Китая в японской буржуазной прессе, инспирированная главным образом милитаристскими организациями и реакционной бюрократией. Оперативный план войны против СССР, разработанный японской военщиной в 1931 г. предполагал организацию провокаций на советских границах с целью создать повод для военных действий. После оккупации Маньчжурии провокационные вылазки японской военщины участились, откровенная антисоветская пропаганда приняла еще более разнузданный характер.

Учитывая сложившуюся обстановку на Дальнем Востоке и предвидя замыслы японских милитаристов, Советское правительство наряду с укреплением обороноспособности дальневосточных рубежей предложило Японии заключить пакт о ненападении. Японское правительство ответило отказом на это и повторное (в ноябре 1932 г.) предложение СССР о заключении пакта о ненападении и нейтралитете. В течение 1934—1935 гг. японские войска, расположенные вдоль советских и монгольских границ, все более нагло осуществляли вооруженные нападения на пограничные заставы и территории МНР и СССР. Только решительные удары советских и монгольских войск заставляли агрессоров откатываться назад с большими потерями. Эти пограничные инциденты использовались правящим лагерем Японии для раздувания в стране шовинистического угара, для создания лживого мифа о «советской угрозе».

Военно-инфляционная конъюнктура. Обострение классовой борьбы

Несмотря на активное проведение агрессивного внешнеполитического курса, действия кабинета Вакацукки вызвали открытое недовольство оппозиции.

Партия сэйюкай и фашистские организации военщины в декабре 1931 г. добились отставки минсэйтовского кабинета. К власти пришло правительство сэйюкай, возглавляемое Инукай, в котором заметно усилилось влияние «молодых» концернов Кухара, Аюкава, Цикадзима. «Молодое» офицерство было представлено главой армейских фашистов Араки, получившим в кабинете портфель военного министра.

Ставленники военно-фашистских кругов в правительстве сразу же взяли курс на развертывание военно-инфляционной конъюнктуры. Было наложено эмбарго на вывоз золота; отказ от золотого стандарта, выпуск бумажных денег и наводнение рынка государственными займами создали возможность для правительства дополнительных ассигнований на военные нужды. Этого требовало форсированное развитие военного производства, начавшееся особенно активно после оккупации Северо-Восточного Китая. Японским монополиям оно приносило наивысшие прибыли. За 1932—1936 гг. лучшие концерны получили военные заказы на сумму 5,5 млрд. иен, чистая прибыль японских акционерных компаний за те же годы увеличилась более чем в 2 раза. Военно-инфляционная конъюнктура была одной из важнейших причин, не только обусловивших выход Японии из экономического кризиса, но и обеспечивших в эти годы выживание ее в ряды крупных промышленных держав.

В то же время политика инфляции перекладывала бремя возрастающих военных расходов на трудящихся. Инфляция вела к росту дороговизны, сокращению реальной заработной платы, повышению налогов, к усилению общего не только относительного, но и абсолютного обнищания трудящихся. Чрезвычайно тяжелым было положение японского крестьянства. Сельское хозяйство Японии, испытывавшее постоянные трудности и до начала мирового экономического кризиса, в период военно-инфляционной конъюнктуры оказалось в состоянии деградации. Крестьяне-бедняки, составлявшие абсолютное большинство японской деревни, разорялись из-за катастрофического роста цен на промышленные товары, предметы первой необходимости, вздорожания химических удобрений. В то же время продукты сельского хозяйства они вынуждены были продавать по крайне низким ценам. Все это не только подрывало материальное положение японского крестьянина, но и приводило одновременно к сокращению площадей под такими важнейшими культурами, как рис, просо, тутовое дерево и др. Неурожай 1931 г. привел к повышению цен на рис и концентрации риса в руках помещиков и кулаков. Голодающие крестьяне создавали комитеты, ратовавшие под руководством компартии кампанию за бесплатную выдачу риса. На сессию парламента в марте 1932 г. были по-

сланы петиции с десятками тысяч подписей с просьбой о помощи деревне. В воззвании ЦК КПЯ в июле 1932 г. говорилось о массовых боях в стране за рис. Лозунг «Дайте рис!» энергично распространялся КПЯ среди трудящихся города и деревни, и борьба за продажу правительством дешевого риса под руководством коммунистов поднялась на новую ступень — началось массовое движение за насильственную экспроприацию риса у помещиков. В этой борьбе, приобретавшей все более широкий размах, принимали участие различные социальные слои — не только крестьяне-бедняки, но и трудящиеся города: рабочие, городская беднота, безработные.

Важным стимулом обострения классовой борьбы в Японии стала оккупация Маньчжурии.

Коммунистическая партия еще до начала военных действий в Северо-Восточном Китае разоблачавшая агрессивные замыслы военщины, в трудных условиях жесточайших полицейских преследований начала широкую антивоенную кампанию. Под руководством коммунистов и представителей левых профсоюзов проводились массовые антивоенные выступления в крупных городах и отдаленных деревнях. В сентябре 1931 г., в первые дни после начала военных действий в Северном Китае, в деревнях префектур Тояма, Аомори и других районах были проведены антивоенные митинги и демонстрации.

В регулярно выходящем центральном органе Коммунистической партии — газете «Сэки» последовательно и настойчиво разоблачались агрессивные планы японской военщины, поддерживалась миролюбивая политика СССР. День 7 ноября 1931 г. был отмечен коммунистами Японии проведением нелегальных собраний, посвященных годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Поводом для антивоенных выступлений часто являлась отправка солдат на фронт. В октябре 1931 г. при отправке войск на маньчжурский фронт КПЯ организовала широкие демонстрации протеста с митингами, на которых разоблачались и клеймились агрессивная политика правительства, грабительские цели ведущейся войны и провозглашались антивоенные лозунги.

Профсоюзные руководители и коммунисты организовали стачки, проходившие под лозунгом полной выплаты заработной платы мобилизованным, а также приема на работу вернувшихся из армии на прежних условиях. Одной из самых крупных была забастовка рабочих столичного метрополитена в марте 1932 г. Значительную роль в организации сопротивления рабочего класса силам реакции и войны сыграло в этот период созданное при участии коммунистов в 1934 г. левое профсоюзное объединение Родо кумиай дзэнкоку хёгикай. Борьба рабочих встречала поддержку в широком крестьянском движении, в авангарде которого активно действовало организованное в 1932 г. левое объединение крестьянских союзов — Дзэнкоку кайги. Дзэнкоку кайги возглавляло в эти годы, по существу, все классовые сражения в деревне — антивоенные выступления, борьбу за ликвидацию помещичьего землевладения, за отмену реакционных, фашистского толка, законов.

Важное значение имела работа КПЯ в армии и на флоте. Непосредственные результаты этой работы сказались в период интервенции японских войск в Шанхае в январе — марте 1932 г.: нередко были случаи отказа мобилизованных от поездки на фронт. В январе 1932 г. 200 японских солдат отказались выйти на позиции. В действующих под Шанхаем японских частях агитаторы-коммунисты распространяли листовки с антивоенными лозунгами, антивоенные брошюры. Существуют данные, что в воинских частях в этот период возникали новые ячейки Коммунистической партии. По данным буржуазной печати, аресты революционно настроенных солдат были произведены в 20 полках японской армии под Шанхаем. По инициативе коммунистов в 1932 и 1933 гг. в Японии был отмечен международный антивоенный день 1 августа.

Военно-фашистское движение и милитаризация страны. Путч 15 мая 1932 г.

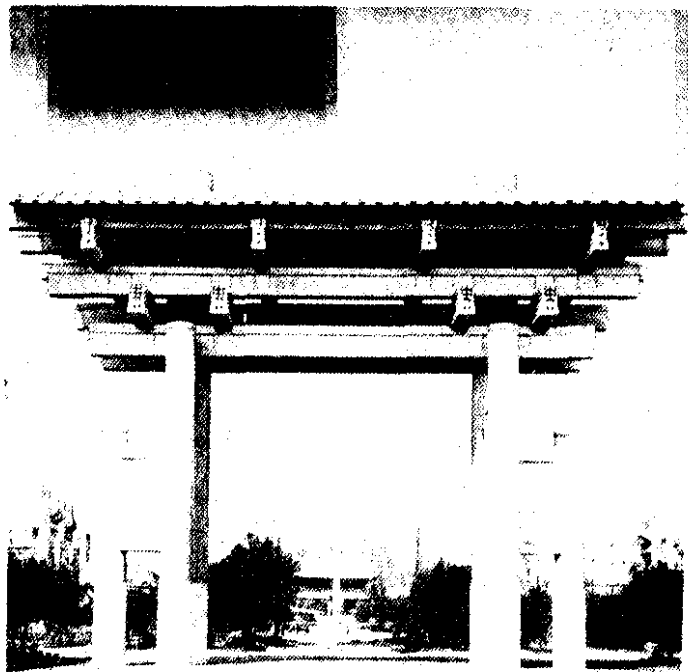
Накал классовой борьбы, широкий размах антивоенного движения не могли не вызвать усиления противоречий в правящем лагере. В этой сложной внутриполитической ситуации группы «молодого офицерства» предприняли шаги к захвату власти. 15 мая 1932 г. офицерами армии и флота был организован фашистский путч, убит глава правительства Инукаи. По ранее разработанному плану были совершены налеты на управление полиции и штаб-квартиру партии Сэйюкай. Были брошены бомбы в резиденцию хранителя печати Макино, в помещение банка Мицуи и управление Японского банка. У организаторов путча был найден список лиц, которых террористы намеревались убить, — в него входили известные парламентарии, деятели политических партий, представители «старых» концернов. За организациями террористов стояли высокопоставленные генералы и офицеры, связь с которыми тщательно скрывалась и правящим лагерем, и японской печатью. Во многих японских газетах представители «молодого офицерства», совершившие убийства и покушения, преподносились как «патриоты», выступившие борцами за благо народа. В заранее заготовленном обращении путчистов к воинским частям высокопарно утверждалось, что они выступают против капиталистов и политических партий, заботящихся о власти и собственных интересах, а защищают крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду. Подобная демагогическая программа была чрезвычайно удобным щитом для «молодого офицерства», так как, выступая «защитником» не только народа, но прежде всего «священной особы императора», притесняемого «алчными монополиями», оно рассчитывало на снисходительность правительственных кругов. Основания для подобных расчетов у военщины были. В октябре 1931 г. был раскрыт антиправительственный заговор, в подготовке которого участвовали крупные монархистские и фашистские организации в армии. Однако ни один из участников заговора, несмотря на его откровенно террористи-

ческий курс, не понес наказания. Этот факт отражал характерные черты развития фашистского движения в Японии. Если до 30-х годов фашистские идеи развивались оппозиционными правительству группировками правящих классов, то со времени агрессии в Маньчжурии за фашизацию государственного аппарата стали выступать самые влиятельные группировки господствующего класса. «Фашизация Японии, — подчеркивал Е. М. Жуков, — происходила не в форме перехода государственной власти в руки определенным образом сложившейся политической партии и не через создание диктатуры, опрокидывающей прежний государственный аппарат, а путем планомерного закрепления господствующей роли тех частей и элементов существующего государственного строя, которые и ранее несли в себе зачатки неприкрытой диктатуры».

Финансовая олигархия — главная движущая сила агрессии и реакции — была основным звеном господствующих классов, содействующим установлению военно-полицейского режима в стране. Фашизация проявлялась не только в полицейском терроре, периодических волнах репрессий, обрушивающихся на прогрессивные организации, на передовой отряд рабочего класса — КПЯ, но и в политике сращивания крупных монополий с государственным аппаратом, дающей возможность защиты интересов финансовой олигархии. Эти государственно-монополистические тенденции японского капитализма проявились в целом ряде законов, принятых в 30-х годах, которые обеспечивали государственную поддержку крупным монополиям и одновременно свидетельствовали о дальнейшем подчинении ими государственного аппарата.

Среди этих законов наибольшее значение имеет принятый парламентом в 1931 г. и продленный на новый пятилетний срок в 1936 г. закон о государственном контроле над главными отраслями промышленности. Он обеспечивал основным концернам решающие позиции в экономике страны. В 1934 г. был введен в действие закон о создании полугосударственного объединения металлургических заводов «Нихон сэйтэцу». Объединение включило государственные металлургические заводы и несколько крупных частных предприятий. Созданный трест «Нихон сэйтэцу» сосредоточил в своей сфере почти все производство чугуна в Японии, около половины выплавки стали. Возникновение объединения принесло в основном прибыли крупным концернам, так как и перекачивание государственных дотаций, которые раньше шли только государственным предприятиям, а теперь стали распределяться между всеми предприятиями «Нихон сэйтэцу», и серия законов о контроле над валютными операциями, о защите торговли и т. д. представляли воротилам дзайбацу реальные функции экономического регулирования и контроля.

Милитаризация государственного строя в Японии выразилась и в том, что после подавления путча 1932 г. по требованию милитаристских элементов был создан так называемый надпартийный кабинет, положивший начало новой тенденции в политической жизни Японии. С этого времени прекратилось существование «партий-

Каменные тории перед буддийским храмом

них» кабинетов. Резкое падение значения политических партий в жизни страны привело к тому, что до капитуляции Японии в 1945 г. не было правительств, представляющих партию, имеющую большинство в парламенте, и формирование кабинетов поручается лишь представителям военно-бюрократических кругов.

В кабинетах Сайто (май 1932 — июль 1934 г.) и Окада (июль 1934 — февраль 1936 г.), возглавляемых адмиралами, не принадлежащими ни к какой парламентской партии, главенствующие фигуры фашистского движения играют все большую роль. Члены партий минсэйто и сэйюкай, входящие в состав этих кабинетов, по существу, не имеют никакого влияния на формирование правительственной политики. Решающее значение принадлежит почти бессменному в обоих кабинетах министру финансов Такахаси, представителю основной группы финансовой олигархии, связанной с партией сэйюкай. «Старые» концерны, и прежде всего Мицуи, рассматривали Такахаси как свою политическую креатуру, способную оказать им серьезную поддержку в борьбе с военщиной, рвущейся к монополии политической власти и активному вмешательству в экономическую жизнь. «Молодое» офицерство добилось сохранения Араки на посту военного министра в кабинете Сайто после путча 1932 г.

Аракисты требовали оказания государственной помощи мелким помещикам и кулакам, которые терпели значительные трудности в связи с кризисом. Такахаси, защищая интересы финансового капитала, отказываясь удовлетворить эти требования, чем вызвал недовольство аракистских кругов, связанных с частью деревенской верхушки. Но скоро влияние Араки в среде «молодого» офицерства стало падать, так как захват Северо-Восточного Китая привел к укреплению экономического и политического положения «старых» концернов, обеспечив им новые привилегии. В то же время произошло ослабление позиций «новых» концернов, и связанная с ними военщина пришла к выводу, что их ставленник Араки не сумел добиться в правительстве проведения политических и экономических требований этой группы. В январе 1934 г. Араки под предлогом болезни вынужден был уйти в отставку. В последующие годы он занимает пост министра просвещения, используя его для активной шовинистической пропаганды и милитаризации идеологической жизни Японии.

Внешняя политика (1932—1936)

Захват Северо-Восточного Китая рассматривался империалистической Японией как один из этапов осуществления агрессивного внешнеполитического курса, сформулированного в меморандуме Танака. Заняв в конце 1931 — начале 1932 г. район Цзиньчжоу на юге Маньчжурии с целью расширения оккупированной территории и одновременно с определенным намерением заставить Чан Кайши признать захват Маньчжурии, японские вооруженные силы в январе 1932 г. начали наступление на Шанхай. Интервенция в Шанхае сопровождалась варварской бомбардировкой рабочего предместья Чапэй, истреблением мирного населения, уничтожением и разграблением культурных ценностей. Однако японские войска столкнулись здесь с героическим сопротивлением китайских рабочих и 19-й армии и после упорных боев, продолжавшихся свыше месяца, вынуждены были начать переговоры о прекращении военных действий. В мае 1932 г. было подписано соглашение с гоминьдановским правительством.

Однако неудача в Шанхае не остановила японскую агрессию в Маньчжурии. Осуществлялись поспешные мероприятия для провозглашения Маньчжурии «самостоятельным» государством, для превращения этой территории в плацдарм для агрессии против Советского Союза. 1 марта 1932 г. было создано государство Маньчжоу-го, во главе которого японскими империалистами был поставлен последний представитель маньчжурской династии Пу И. В сентябре 1932 г. был подписан протокол о «военном союзе» между Японией и Маньчжоу-го, предполагавший размещение японских войск на территории этого марионеточного государства. Попустительская политика западных держав развязывает руки агрессору, и в 1933 г., стремясь заставить Китай и Лигу Наций признать захват Маньчжурии, японские войска начинают новое наступление

« Северном Китае в провинциях Жэхэ и Хэбэй. Отказ Лиги Наций признать Маньчжоу-го приводит к выходу Японии в марте 1933 г. из Лиги Наций.

В то же время захват Северо-Восточного Китая дал возможность японским империалистам совместно с войсками Маньчжоу-го и белогвардейскими бандами совершать провокации и нападения на границы и в пограничных районах СССР и МНР. Объектом беспредельных беззаконий японских властей стала КВЖД. Разрушения пути, угон подвижного состава, обстрелы и налеты на поезда, аресты советских служащих и рабочих сделали неотложным для Советского правительства разрешение вопроса о КВЖД. Стремясь положить конец напряженности, пресечь обстановку непрерывных конфликтов в этом районе, добиться установления мирных отношений с Японией, Советский Союз в марте 1935 г. подписал соглашение о продаже властям Манчжоу-го КВЖД. Однако провокации на границах СССР и МНР продолжались и следующие годы. Эти годы характерны для внешнеполитической линии Японии попытками к сближению с империалистическими государствами, основой которого служили общие агрессивные планы в отношении СССР. Однако это не снимало империалистических противоречий, очередное обострение которых произошло в эти годы в связи с японским демпингом (продажа товаров по цене ниже себестоимости) на внешних рынках. Японские товары всегда отличались высокой внешнеторговой конкурентоспособностью, обусловленной полукOLONиальной эксплуатацией труда. Военно-инфляционная конъюнктура еще более усилила эту конкурентоспособность, создав возможности для демпинга, которому содействовало также эмбарго на вывоз золота. Прямым следствием этого было обесценение японской иены. Валюта, полученная вследствие такого экспорта, шла на закупку за границей стратегического сырья. В то же время, осуществляя демпинговую политику, предоставляя дотации экспортным компаниям, японское правительство стремилось к активному расширению внешних рынков. Но быстрое увеличение японского экспорта в различные капиталистические страны привело к политическим осложнениям между этими странами и Японией. Особенно обострились японо-английские отношения. По размерам экспорта хлопчатобумажных тканей Япония в эти годы обогнала Англию, прочно державшую в этой области в течение двух столетий первое место в мире. Но наибольшее обострение межимпериалистических отношений происходило в ходе борьбы за господство в Китае и на путях к нему.

В январе 1934 г. японский министр иностранных дел Хирота заявил в парламенте, что Япония является главной силой, ответственной за поддержание «порядка» в Восточной Азии. Эта же идея, только более решительно выраженная, составила содержание заявления представителя японского министерства иностранных дел Амо в апреле 1934 г. Амо заявил, что Япония будет препятствовать любому коллективному действию держав по оказанию

финансовой или технической помощи Китаю, снабжению оружием и военной техникой. Это откровенное предупреждение и предостережение державам от вмешательства в китайские дела получило наименование на Западе как «21 требование в новом издании». Правительства Англии и США выразили протест по поводу заявления Амо, нарушающего договор девяти держав, однако в целом официальная реакция этих стран была весьма сдержанна. Она отражала несомненные намерения этих стран направить агрессию Японии против СССР. Однако претензии японского империализма на монопольное господство в Китае не могли не привести к новому обострению империалистических противоречий. Это продемонстрировала подготовка к Лондонской морской конференции. В конце декабря 1934 г. японское правительство заявило, что оно отказывается от Вашингтонского договора об ограничении морских вооружений с момента окончания его срока 31 декабря 1936 г. На открывшейся год спустя, в декабре 1935 г. Лондонской конференции Япония, встретив совместный отказ Англии и США признать ее требование о паритете флотов, отказывается от подписания договора об ограничении морских вооружений и покидает конференцию.

Одновременно японский правящий лагерь продолжает агрессию в Северном Китае. Заключение соглашения с гоминьданом в Тангу в мае 1933 г., по которому северо-восточная часть провинции Хэбэй объявлялась демилитаризованной зоной, откуда выводились китайские войска, предоставило возможность японской военщине укрепиться не только в Маньчжурии, но и в пограничных с ней районах Северного Китая и инспирировать в них автономистское «движение во Внутренней Монголии».

В конце 1933 г. японские войска вступают в провинцию Чахар. В мае 1935 г. японские войска, нарушив соглашение в Тангу, вторглись в демилитаризованную зону провинции Хэбэй. Одновременно с организацией «автономистского» движения в Северном Китае японским правительством была выработана так называемая новая политика, которая была представлена китайскому правительству в виде «трех принципов» урегулирования японо-китайских отношений: первый принцип — дружественные отношения Китая с Японией, второй — прекращение антияпонской деятельности в Китае, третий — «совместное подавление коммунизма» в Китае, Японии и других странах Восточной Азии.

Однако попытка японского командования организовать автономистское движение в пяти северных провинциях Китая с целью организации там марионеточного государства наподобие Маньчжоу-го натолкнулась на сопротивление китайского народа. Огромная роль в организации широкого антияпонского движения принадлежала КПК. В Северо-Восточном Китае действовали партизанские отряды, по всей стране начался бойкот японских товаров. В конце 1935 г. в Бэйпине и Тяньцзине развернулось сильное студенческое антияпонское движение, вскоре оно перебросилось в Шанхай, Кантон и другие крупные города Центрального и Южного

...ия. Это движение сыграло значительную роль в создании единого национального антияпонского фронта в стране. Японским властям удалось установить «автономный режим» только в восточной части Хэбэя, в демилитаризованной зоне. Ставка японской дипломатии на создание марионеточного государства в пяти северных провинциях Китая провалилась. Это послужило одной из причин нового фашистского путча в конце февраля 1936 г.

Фашистский путч 1936 г.

Представители «новых» концернов и «молодого офицерства» все более открыто требовали милитаризации страны и дальнейшего расширения агрессии на материке. Рост антифашистских настроений, неудача в попытках прийти к власти парламентским путем заставила «молодое офицерство» добиваться реализации своих планов.

6 февраля 1936 г. в Токио произошел фашистский путч, в котором участвовало около 1500 солдат под командой «молодых героев». Отдельными частями столичного гарнизона были заняты важнейшие правительственные учреждения (парламент, военное министерство, главное полицейское управление). В течение трех дней путчисты контролировали центральные кварталы столицы, были убиты государственные деятели, которые считались особенно враждебными противниками «молодого офицерства», — недавний премьер-министр адмирал Сайто, министр финансов Такахаши, инспектор военного обучения генерал Ватанабэ. Тяжело был ранен адмирал Судзуки, премьер Окада случайно избежал смерти. Однако путчисты, не получив достаточной поддержки со стороны частей столичного гарнизона и морского флота и встретив явно враждебное отношение со стороны населения столицы, 29 февраля сложили оружие. Мятеж был ликвидирован без вооруженного столкновения между войсками путчистов и остальными частями гарнизона, но тем не менее правящие классы Японии увидели опасность момента в том, что в мятеже участвовало значительное количество рядовых солдат. При обострении классовой борьбы в стране, особенно напряженной ситуации в деревне, нарушение дисциплины в армии, подавляющая часть рядового состава которой состояла из крестьян, могло иметь серьезные последствия для всего правящего лагеря.

Антивоенное и антифашистское движение

Милитаризация экономики, проводившаяся до 1935—1936 гг. на фоне инфляции, лишь временно оживила отрасли тяжелой и военной промышленности. Уже в 1935 г. наблюдается снижение темпов роста производства, что было явным признаком надвигающегося нового кризиса.

Правящие классы, и прежде всего финансовая олигархия, получали от военных отраслей промышленности огромные прибыли, в то время как трудящиеся массы испытывали всю тяжесть военно-инфляционной конъюнктуры. Реакционная внутренняя и агрессивная внешняя политика японского правящего лагеря встретила растущее сопротивление трудящихся масс. Голод в деревне, растущая эксплуатация крестьянства на фоне кризисных явлений в сельском хозяйстве привели к значительному росту числа арендных конфликтов, основная масса которых возникала по поводу сгона арендаторов с земли и повышения арендной платы. В 1935 и 1936 гг. количество арендных конфликтов в два-три раза превысило их число в годы кризиса. Передовые крестьянские организации вели также борьбу за создание единого фронта против войны и фашизма.

Выросла классовая солидарность и классовое самосознание рабочего класса. Усилилось его сопротивление полицейскому гнету, что проявилось в первомайских демонстрациях 1934 г., а также в активной борьбе против войны и фашизма, в упорном стремлении прогрессивных рабочих организаций создать антифашистский народный фронт. Инициаторами этого движения выступили рабочие осацкого промышленного района. В г. Нагоя при участии профсоюзов был создан городской комитет антифашистской борьбы.

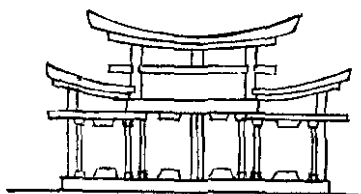
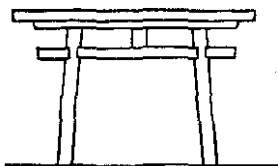
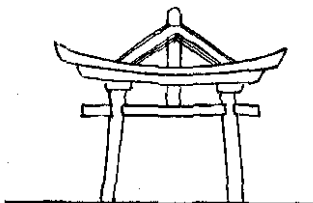
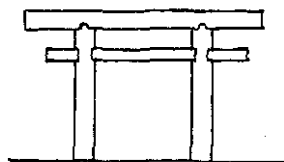
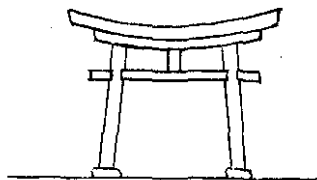
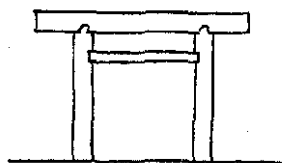
В эти годы наблюдается подъем стачечной борьбы японского пролетариата. По далеко неполным официальным данным, в 1937 г. произошло 2125 конфликтов, в которых участвовало 213 622 человека. Такого размаха стачечного движения в Японии не наблюдалось с 1919 г. Наиболее активными участниками забастовок были рабочие крупных промышленных предприятий — транспортники, машиностроители, прядильщики.

Известными конфликтами этих лет были стачки на сталелитейных заводах в Явата и в Омори, близ Токио в начале 1937 г. Отличалась особой активностью борьба транспортников. В апреле 1937 г. бастовали трамвайщики Токио, в мае — рабочие и служащие автобусных линий столицы и железнодорожных линий Токийского района.

Движение за создание единого профсоюзного фронта, в котором активное участие принимали коммунисты, вопреки противодействию правых профсоюзных лидеров, завершилось объединением двух профсоюзных организаций Центрального района Японии — Дзэнро и Содомэй. На их базе по инициативе низовых рабочих организаций в январе 1936 г. была создана Всеяпонская федерация труда (Дзэнсо), насчитывавшая около 100 тыс. членов.

Борьба трудящихся против войны и фашизма нашла отражение в префектурных выборах осенью 1935 г. и на парламентских выборах в феврале 1936 г.

В период до и после февральского путча правительственными кругами был проведен целый ряд реакционных мероприятий. Весной 1936 г. «Закон об охране общественного спокойствия» был пересмотрен: в новом варианте он усиливал полицейский произвол.

Деревянные тории перед синтоистским храмом

В системе образования также был установлен полицейский контроль. В правительственных органах началась разработка законопроектов, имевших целью сузить и без того незначительный диапазон буржуазного парламентаризма в Японии. Но наступление реакции не прекратило борьбу трудящихся за объединение рабочего фронта, усилило стремление к единству действий в борьбе против милитаризма и агрессивных войн. Для упомянутых выше избирательных кампаний этого периода характерно, что отдельные лица или организации, выступавшие с антифашистскими программами, пользовались поддержкой избирателей. В 1935 г. в нескольких районах страны возглавляемые коммунистами профсоюзы и крестьянские организации впервые сумели создать единый фронт антивоенной и антифашистской борьбы. Количество мест, полученных в префектурных органах представителями демократических организаций, увеличилось в два раза по сравнению с 1931 г. Успех демократических сил на префектурных выборах 1935 г. отражал общий рост антифашистских настроений в стране. Следующий этап наступил во время парламентских выборов, когда многие левые легальные рабочие и крестьянские организации выступили в избирательной кампании под лозунгом единого фронта борьбы против фашизма. По инициативе коммунистов на местах создавались временные организации единого фронта — рабоче-

крестьянские советы. Всеяпонский совет профсоюзов создал девять таких организаций, которые во время выборов добились большого успеха, получив значительное количество голосов в Осака, Фукуока, Нара, Окаяма, Кагосима и Фукуи. За партии, выступившие с антифашистскими лозунгами, голосовало в общей сложности более 5 млн. избирателей.

Борьба, возглавляемая коммунистами, внушала серьезные опасения правящему лагерю. Весной 1935 г. министр юстиции Охара был вынужден признать в парламенте, что коммунистическое движение пустило глубокие корни в стране и правительство до сих пор не может добиться его окончательного искоренения.

Борьба за распространение марксизма

Активному распространению марксистского учения в Японии содействовали широкие общественные движения, возникшие еще в 20-х годах и охватившие значительные слои прогрессивной интеллигенции, деятелей науки и искусства, — «Прорэтэриа бунка ундо» («Движение за пролетарскую культуру») и «Прорэтэриа кагаку ундо» («Движение за пролетарскую науку»). Одной из организаций, которая в тяжелейших условиях полицейского террора 30-х годов занималась изучением и распространением идей марксизма-ленинизма, было «Общество изучения материализма» («Юйбуцурон кэнкюкай»), созданное в 1932 г. Ему предшествовало создание в октябре 1929 г. Института пролетарской науки, объединившего исследователей-марксистов, стремившихся к созданию единой исследовательской организации. Активно действовали разнообразные секции института, издавался журнал «Прорэтэриа кагаку» («Пролетарская наука»). Норо Эйтаро, видный экономист и деятель КПЯ, руководил секцией изучения японского капитализма и фактически осуществлял теоретическое и политическое руководство институтом. Коллектив ученых, возглавляемый Норо Эйтаро, составил основу исторической школы «Кодзаха» и получил широкую известность серией работ по истории японского капитализма. «Кодзаха» известна также полемикой с другой исторической школой — «Роноха»¹, основа разногласий с которой была в оценке характера японского капитализма, основных элементов феодализма в современном японском обществе, прежде всего в оценке абсолютизма — японской монархии. Расхождения по теоретическим вопросам рождали разногласия по вопросам стратегии революционной борьбы. Признавая только легальные методы борьбы и выдвигая задачу превращения КПЯ в легальную партию, представители «Роноха» выступали за слияние всех пролетарских партий, включая и коммунистическую.

Подготовка японских правящих кругов к агрессии в Маньчжу

¹ Название школы взято от названия издававшегося ею журнала «Роно» «Рабочий и крестьянин». Его издавали Ямакава Хитоси, Иномата, Арахата, Сакаи, Курода Хисао и др.

рши усилила наступление на прогрессивные силы страны. Институт пролетарской науки был разгромлен. Организацией, которая сумела приспособиться к трудностям работы в условиях активизации милитаристских сил, усиливавших террор в стране, стало «Общество изучения материализма» («Юйбуцурон кэнкюкай»). Его организаторами и активными деятелями выступают такие известные японские марксисты, как Тосака Дзюн, Ока Кунио, Кинаути Тадахико и Нагата Хироси.

Объединенные в «Юйбуцурон кэнкюкай» представители почти всех областей науки и искусства принимают активное участие и в движении за создание единого народного антифашистского фронта. Деятельность «Юйбуцурон кэнкюкай» оказала большое влияние на распространение марксизма-ленинизма в Японии. В начале 30-х годов Общество издало в Японии «Немецкую идеологию» К. Маркса и Ф. Энгельса и «Философские тетради» В. И. Ленина. Опубликование «Немецкой идеологии», использование теоретического наследия В. И. Ленина дало японским марксистам теоретическое оружие в борьбе с идеологией господствующих классов, обусловило скачок в развитии общественной мысли в Японии. Но в условиях подготовки и развязывания агрессивной войны в Китае, в обстановке усиливающейся полицейской слежки и террора представителям Общества становилось все труднее вести пропагандистскую работу, издавать свой печатный орган. Волны арестов вырывали одного за другим активных деятелей науки и культуры, стоявших на марксистских позициях.

В марте 1938 г., когда становится ясным, что продолжение работы Общества в легальных условиях больше невозможно, принимается решение о его самороспуске.

Япония накануне войны в Китае

После 1936 г. правящий лагерь значительно усилил полицейские репрессии: были запрещены первомайские демонстрации, распущены профсоюзы рабочих военных заводов, подготовлены законопроекты об ограничении прав парламента, об отмене с трудом введенного всеобщего избирательного права для мужчин и т. д.

Обострение классовой борьбы усиливало внутренние противоречия японского империализма, толкая его на путь военных авантур. Обстановка военного режима, законы военного времени были чужды господствующим классам Японии, так как они позволили не только держать в узде демократические силы страны, но и далее беспрепятственно осуществлять агрессию, увеличивать военные ассигнования, расширять темпы и объемы строительства военно-морского флота и армии. Летом 1936 г. на секретном совещании представителей правительственной верхушки обсуждался перспективный план агрессивного курса «колониального расширения», который позволил бы Японии обеспечить свои «позиции в Восточной Азии». Были выработаны и сформулированы основные принципы внешней и внутренней политики, важнейшей зада-

чей которой было превращение Китая в прояпонское государство и антисоветский плацдарм, а также установление господства Японии в Восточной Азии и дальнейшее распространение ее влияния на юг. Готовясь к войне с Китаем и обостряя отношения с Советским Союзом, правительство Хироита берет курс на сближение с фашистской Германией. В конце ноября 1936 г. был подписан Антикоминтерновский пакт, направленный против Советского Союза и национально-освободительного движения в Китае. По существу, это было рождение фашистского милитаристского союза агрессоров, рвавшихся к переделу мира под демагогическими лозунгами «борьбы с коммунизмом».

В Японии политика развязывания войны в Китае и подготовки военного нападения на Советский Союз, несмотря на ожесточенные репрессии, встречала неослабевающее сопротивление трудящихся масс. Уроки избирательной кампании в феврале 1936 г. заставили даже буржуазно-помещичьи партии выступить в парламенте с осуждением фашистской политики Хироита. Маневрирование руководства политических партий, в том числе и сэйюкай, внешне демонстрировавшей свой отказ от профашистской позиции, сделало неизбежным отставку кабинета Хироита. Пришедший ему на смену очередной надпартийный кабинет генерала Хаяси вступил на путь дальнейшей милитаризации, демагогически называя его «путем обновления». Внешнеполитическая программа нового кабинета с его курсом на «большую войну» в Китае потребовала принятия военного бюджета, предполагавшего значительный рост производства вооружения. Увеличение военных расходов и вместе с ними и налогового бремени стало еще одним стимулом в развитии классовых боев пролетариата. В первом полугодии 1937 г. бастовало 200 тыс. рабочих, почти в 4 раза больше, чем за тот же период 1936 г. Это был наивысший показатель подъема рабочего движения до 1945 г. В стачечную борьбу этого периода влились новые отряды рабочего класса — рабочие крупных военных arsenалов и металлургических предприятий, число которых резко возросло в связи с созданием военно-промышленного комплекса. Активно и организованно выступают транспортники. Токийские трамвайщики и водители автобусов добивались повышения заработной платы так называемыми забастовками «тихого хода» — трамваи и автобусы едва двигались. Бастовали железнодорожные рабочие, портовые грузчики. В марте 1937 г. делегатская конференция Всеяпонской федерации профсоюзов грузчиков и портовых рабочих потребовала от предпринимателей повышения заработной платы на 20%. Требование повышения заработной платы на 30% было выдвинуто состоявшейся в мае этого же года в Токио конференцией работников государственных железных дорог.

Подъем забастовочного движения в стране создавал благоприятную обстановку для расширения борьбы за единый народный антифашистский фронт. Продолжали активную работу на местах созданные в период выборов в парламент в 1936 г. рабоче-крестьянские комитеты, несмотря на полицейский террор. В мае

1936 г. вопреки противодействию правосоциалистических лидеров они объединились во Всеяпонскую политическую рабоче-крестьянскую ассоциацию. На февральской конференции 1937 г. было решено преобразовать ассоциацию в Японскую пролетарскую партию («Нихон мусанто»). Конференция прошла под лозунгом борьбы за создание антифашистского фронта, требований повышения оплаты труда, уменьшения налогового бремени, немедленного издания законодательства о рабочих союзах и закона об аренде. В связи с тем что правительство Хаяси не учитывало напряженности социальной обстановки в стране, буржуазно-помещичьи партии сэйюкай и минсэйто, боясь потерять голоса избирателей, выдвинули на парламентских выборах 1937 г. лозунг свержения правительства. Это обеспечило им успех на выборах (они собрали 15% мест). Большого успеха добилась Социалистическая массовая партия (Сякай тайского). Выдвинув программу борьбы против фашизма, проведения мирной внешней политики, предполагавшей также заключение пакта о ненападении с СССР, Сякай тайского получила на выборах более миллиона голосов и провела в парламент в два раза больше депутатов, чем в 1936 г. В целом трудящиеся массы Японии, несмотря на обстановку преследований и террора, огромным большинством (из 10 млн. человек, принимавших участие в выборах, 9 млн. голосовало против правительства) продемонстрировали свой отпор фашизму, свою ненависть к войне. Правящий лагерь был поставлен перед задачей создания правительства, которое сумело бы осуществить проведение военно-фашистского курса более гибкими методами, не вызывающими столь яростного отпора народных масс. Сформированный в июне 1937 г. кабинет князя Коноэ, тесно связанный с милитаристской группой «Тосэйха», в качестве одного из методов разрешения внутренних противоречий правящего лагеря и одновременно средства подавления нарастающего народного движения избрал разжигание войны. Это была «большая война» за захват всего Китая, к которой давно рвался японский милитаризм.

Глава 16

Япония в период агрессивной войны в Китае (до начала военных действий на Тихом океане) (1937—1941)

Экономическое положение.

Новое наступление на права трудящихся

7 июля 1937 г. началось японское вооруженное вторжение в Северный Китай. Затем военные действия были распространены на всю территорию Китая. Экономика страны была поставлена на службу войне, которая поглощала огромные средства (военные расходы составляли 70—80% всех бюджетных расходов). Это явилось причиной серьезных материальных трудностей, крайне

тяжелого экономического положения Японии в 1937—1941 гг.

Постоянная потребность в военно-стратегическом сырье диктовала японскому правительству политику значительного увеличения импорта за счет снижения золотого запаса и усиленного экспорта товаров по низким, бросовым ценам. Активное развитие тяжелой, особенно военной, промышленности в ущерб отраслям, работающим на внутренний рынок, не могло не привести к деформации экономики, к все большему приспособлению ее к нуждам агрессивной войны. В связи с этим произошли изменения в составе пролетариата. Количество рабочих, занятых в металлургии, машиностроении и химии, в 1938 г. составило 48,2% по отношению к общему числу фабрично-заводских рабочих, в то время как удельный вес рабочих текстильных предприятий за тот же период сократился до 30,6%. Рост военной промышленности, мобилизация в армию привели к некоторому сокращению безработицы, но основную массу поступавших на вновь открывающиеся предприятия тяжелой промышленности составляли временные рабочие, поставленные в наиболее тяжелые условия труда, почти не имевшие прав и оказывавшие отрицательное влияние на положение постоянных рабочих, что вело к усилению эксплуатации. Официально установленный рабочий день продолжительностью 12—14 часов, как правило, затягивался до 14—16 часов, повышалась интенсификация труда.

Тяжелое положение было и в деревне. Кризисное состояние, характерное для японского сельского хозяйства, еще более обострилось в связи с войной. Мобилизация крестьян в армию лишала деревню самого трудоспособного слоя населения, прекращение поступления промышленных товаров и товаров химического производства для нужд сельского хозяйства привело к резкому падению уровня сельскохозяйственной продукции. Растущее налоговое обложение в связи с увеличивающимися потребностями милитаризации страны, продолжающийся стгон помещиками крестьян-арендаторов с земли, которую они обрабатывали, превращали деревню в арену острейших социальных конфликтов.

Вместе с тем, начав войну в Китае, кабинет Коноэ усилил борьбу с антимилитаристскими антивоенными настроениями в стране. Официально это называлось «движение по мобилизации национального духа». Все демократические организации, которые накануне японо-китайской войны выступали с антифашистских позиций, были разгромлены. 15 декабря 1937 г. полиция произвела массовые аресты коммунистов, профсоюзных деятелей и представителей прогрессивной интеллигенции. К марту 1938 г. число арестованных составило более 10 тыс. человек.

В целях поощрения и создания благоприятных условий для компаний, работающих на войну, а также для мобилизации всех сил и средств государства для войны правительство издало ряд законов. Среди них «О мобилизации военной промышленности», «О всеобщей мобилизации страны», закон об инвестициях, смысл которого был во всемерном развитии компаний, обслуживающих

ножное производство, специальный закон, ограничивающий потребление сырья, железа, стали, цветных металлов для мирной продукции.

Агрессия Японии в Китае и политика США и Англии

Нарожение японских империалистов в Китай не вызвало какого-либо серьезного противодействия со стороны западных держав, хотя японская агрессия ставила под угрозу их интересы на Дальнем Востоке. Рассчитывая направить японскую агрессию против Советского Союза и надеясь договориться с японской военщиной за счет Китая, США и Англия заняли позицию «невмешательства». Единственной страной, оказавшей Китаю бескорыстную помощь и заключившей с ним в августе 1937 г. договор о ненападении, был Советский Союз. На Брюссельской конференции в ноябре 1937 г. предложения СССР об оказании коллективной помощи Китаю и предложение Китая о применении экономических санкций против Японии не были приняты странами-участницами, и прежде всего Англией и США. Позиция «невмешательства» этих стран на деле была не чем иным, как поощрением, попустительством агрессору, выступившему против мира и безопасности народов Дальнего Востока.

В мае—июне 1938 г. милитаристские круги Японии развернули шумную пропагандистскую кампанию по поводу так называемых спорных территорий советского Приморья, граничащего с Маньчжу-го. В конце июля, выполняя заранее утвержденный правительством план, японские войска, вооруженные танками, артиллерией и авиацией, вторглись на советскую территорию в районе реки Хасан, захватили сопки Безымянную и Заозерную с целью дальнейшего продвижения к Владивостоку. В июле—августе 1938 г. реакционная пресса США, Англии и других стран поместила подробные комментарии к событиям у озера Хасан, тон и содержание этих статей были откровенной демонстрацией все той же политики поощрения. Однако планы японской военщины рухнули — в августе советские войска разгромили противника и полностью очистили советскую территорию. Позиция западных держав воодушевляла японских милитаристов на дальнейшее расширение агрессии на Дальнем Востоке. Именно так был воспринят и истолкован японской военщиной предательский сговор Англии и Франции в Мюнхене с гитлеровской Германией и фашистской Италией (сентябрь 1938 г.). К тому же за несколько месяцев перед этим в апреле 1938 г. Англия предоставила Японии свидетельство все того же курса, своеобразное проявление дальневосточной «мюнхенской политики». В период самых активных военных операций японских войск в Китае правительство Чемберлена передало Японии таможни на оккупированной территории Китая, ранее находившиеся под контролем Англии. Терпя значительный

ущерб от развития японских военных действий в Китае, Англия тем не менее осуществила этим актом определенное финансирование агрессора, кроме того, она оказывала ему постоянную помощь в вывозе угля из Северного Китая, предоставляла торговый флот для переброски военных грузов из Японии в Китай и обратно.

Еще большее значение для Японии имела позиция американских монополий, не только проявлявших благожелательное отношение к ее политике, но и оказывавших ей постоянную помощь. В общей сумме американского экспорта в Японию стратегические материалы (металлический лом, нефть, бензин и пр.) составляли более половины (на 1939 г. — 71%). Американские банки предоставляли кредиты крупнейшим японским монополиям (только в 1938 г. нескольким компаниям был предоставлен кредит на сумму 125 млн. долл.). Однако эти тесные связи не исключали естественного при межимпериалистических противоречиях обострения отношений. Денонсирование правительством США в июне 1939 г. японо-американского торгового договора (не прекратившее и в дальнейшем снабжения Японии важнейшими военными материалами) было подтверждением этого факта. Политика поощрения, фактическая поддержка со стороны Англии и США содействовала ускорению наступления японских войск в южных провинциях Китая. В октябре 1938 г. японская военщина захватила Кантон и Ханькоу.

3 ноября 1938 г. правительство Коноэ опубликовало декларацию, в которой официально заявлялось о создании «нового порядка в Восточной Азии».

Вооруженные провокации японских милитаристов — необъявленная война против СССР и МНР

Планы японских правящих кругов на быстрый захват и покорение Китая очень скоро обнаружили серьезные просчеты. К началу 1939 г. стало ясно, что японская военщина недооценила способность Китая к длительному сопротивлению, его колоссальных просторов, огромных людских и естественных ресурсов, не учла того важнейшего фактора, что в полуколониальном Китае существовала в то время такая мощная сила, как КПК и руководимая ею Народно-освободительная армия, способная поднять на героическую борьбу многомиллионные массы трудящихся Китая. Поддержка справедливой борьбы китайского народа против агрессора миролюбивыми силами мира также свидетельствовала о том, что правящие круги Японии ввергли свою страну в изнурительную, затяжную, кровопролитную войну. Крупные потери японских войск, понесенные вследствие ударов китайской Народно-освободительной армии и широкого партизанского движения, рост антивоенных настроений в самой Японии вызвали очередной правительственный кризис, приведший к смене кабинета. Прави-

господство возглавил барон Хиранума, представлявший милитаристские круги правящего лагеря, не только не сделавший вывод из позорного урока хасанских событий, но и продолжавший линию на провоцирование столкновений на границах, не ослабляя военных действий в Китае. На этот раз «проба сил» была осуществлена на границе Монгольской Народной Республики, в районе реки Халхин-Гол. Нападение на МНР было этапом на пути к войне с Советским Союзом, к которой давно готовился японский империализм. Об этом свидетельствовало создание военно-промышленного комплекса в Маньчжурии, строительство и размещение военных объектов, аэродромов, коммуникационных линий в Маньчжурии и Корее, увеличение численности Квантунской армии и организация всевозможных диверсий в приграничных с СССР районах. За период 1936—1938 гг. на границе СССР и захваченной японцами Маньчжурии произошло 230 конфликтов, из них 35 крупных боевых столкновений. На границах с СССР и МНР японцы создали 11 укрепленных районов, в которых велось строительство военных объектов, шоссе, дорог, размещались гарнизоны японской армии. Северная и Северо-Восточная Маньчжурия стала районом размещения основной группировки Квантунской армии. К лету 1939 г. ее численность была доведена до 350 тыс., вооружение войск включало более тысячи артиллерийских орудий, 385 танков и 355 самолетов.

Внезапное нападение японских войск 11 мая 1939 г. на пограничные части МНР в районе реки Халхин-Гол предполагало не только захват монгольской территории, но и вторжение в Уссурийскую, Хабаровскую и Амурскую области с целью отрезать советский Дальний Восток от СССР. Советским Союзом были предприняты меры по оказанию помощи МНР и организации отпора японским захватчикам. Военные действия японских войск (около 38 тыс. солдат) при поддержке крупных сил авиации, артиллерии и танков продолжались свыше четырех месяцев. 20 августа объединенные силы Красной Армии и Монгольской народно-революционной армии перешли в решительное наступление, осуществили операцию по окружению и полному разгрому японских войск, ставшую прообразом грандиозных операций, осуществленных в ходе Великой Отечественной войны.

Разгром японских милитаристов на Халхин-Голе имел далеко идущие исторические последствия. Была сохранена независимость МНР и обеспечена возможность ее развития по социалистическому пути. Крах японской интервенции получил огромный резонанс в борющемся Китае, вдохновляя китайскую Народно-освободительную армию, весь трудовой Китай, вселяя надежду и уверенность в их окончательную победу над японскими захватчиками. Сокрушительный разгром японских войск на реке Халхин-Гол означал провал десятилетнего внешнеполитического курса, направленного на развязывание войны с СССР. В разгар событий на Халхин-Голе, 23 августа 1939 г., был подписан советско-германский пакт о ненападении, что послужило еще одним ударом

по расчетам японских политиков на немедленное вступление гитлеровской Германии в совместную с Японией войну с СССР. Все это явилось причиной отставки кабинета Хиракумы в конце августа 1939 г.

Военно-фашистский курс во внутренней политике Японии. Тройственный пакт агрессоров

В июле 1940 г. к власти пришло правительство Коноэ, сразу же вступившее на путь усиленной милитаризации страны во внутренней политике и расширения агрессии во внешней. Курс на установление военно-полицейского режима нашел отражение в ликвидации всех политических партий. В июле и августе 1940 г. были «самораспущены» буржуазные партии сэйюкай и минсэйто. Вместо них была создана монархическая организация «Ассоциация помощи трону». Одновременно были разгромлены профсоюзы, все рабочие и демократические организации, в том числе Японская федерация труда (Содомэй). На предприятиях были созданы казенные так называемые общества служения отечеству через производство во главе с правительственными чиновниками. Создание «Ассоциации помощи трону» было организационным оформлением «новой политической структуры», провозглашенной правительством Коноэ. В дополнение к ней была декларирована «новая экономическая структура», которая имела в виду полное подчинение японской экономики интересам государственно-монополистического капитализма. «Новая экономическая структура» отражала стремление японских дзайбацу в условиях обострения общего кризиса капиталистической системы путем государственного жесткого «контроля» и «регулирования» создать оптимальные условия для осуществления агрессии и подавления демократического движения, для полного подчинения экономики целям ведущейся в Китае войны и подготовки новой империалистической войны на Тихом океане. Прогнозированием войны занимался созданный в 1940 г. Институт тотальной войны. В 1942 г. здесь был разработан проект создания под руководством Японии «Великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания». Это были притязания наглого империалистического хищника на монопольное политическое и экономическое господство не только в Китае, но и в Индо-Китае, Индонезии, Таиланде, Малайе, Бирме, на Филиппинах и в других странах Юго-Восточной Азии.

Продолжая курс на установление фактической военной диктатуры, правительство Коноэ 27 сентября 1940 г. подписало в Токио Тройственный пакт с гитлеровской Германией и фашистской Италией. В пакте признавалось «руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточноазиатском пространстве». В то же время Япония признавала такие же права за Германией и Италией в Европе. Таким образом, этот документ от-

скал официально зафиксированные претензии трех агрессоров на мировое господство, на передел мира.

Пакт, имевший открыто антисоветский характер, был одновременно направлен и против империалистических соперников Германии и Японии, т. е. США, Англии и Франции, интересы которых все более чувствительно затрагивались проникновением Японии в Китай и Юго-Восточную Азию.

Японо-американские переговоры. Советско-японский пакт о нейтралитете

Политика поощрения японской военщины и постоянная помощь, которую оказывали Японии США, «подталкивающие» ее к осуществлению агрессии на Север, не снимали большой напряженности японо-американских отношений, отражавших всю глубину остроту империалистического антагонизма претендентов на господство на Тихом океане. В конце 1940 г. кабинет Коноэ принял решение начать переговоры об «урегулировании отношений между этими странами». Япония добивалась в этих переговорах «узаконенного» содержания своих войск в Северном Китае и Внутренней Монголии в целях «борьбы с коммунизмом». Но фактически переговоры были не чем иным, как дымовой завесой, под прикрытием которой Япония овладевала базами и ресурсами в Индокитае и Восточной Азии, могущими обеспечить ведение войны против США. Демонстрируя мнимое желание добиться благоприятного для обеих стран завершения переговоров, длившихся девять месяцев, японская военщина разрабатывала непосредственную подготовку к операциям крупного масштаба против военных баз США и Англии.

Сокрушительный отпор, который получил японский империализм в спровоцированных им сражениях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, а также заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г. поставили японское правительство перед необходимостью маневра в отношениях с Советским Союзом. В апреле 1941 г. между Японией и СССР был подписан пакт о нейтралитете. Со стороны Советского Союза это было проявлением политики мира и добрососедских отношений, стремлением использовать любую возможность, ведущую к ограничению сферы второй мировой войны. Японское правительство, как документально установлено, не собиралось соблюдать пакт о нейтралитете. Министр иностранных дел Мацуока, подписывая пакт, был хорошо осведомлен о готовившемся нападении Германии на Советский Союз.

Через две недели после подписания пакта о нейтралитете генерал Умедзу, командующий Квантунской армией, сказал на совещании офицерского состава: «... в подготовку к войне с Россией договор не вносит никаких изменений, необходимо усилить разведывательную и подрывную работу. Надо расширять подготовку

войны против Советского Союза, которая в решительный момент принесет победу Японии». Правящие круги Японии рассматривали нападение гитлеровской Германии на СССР как представившуюся возможность разрешения «северного вопроса» и выжидали подходящей для этого обстановки на советско-германском фронте. В то же время японское правительство продолжало активную политику продвижения на юг. Еще в конце сентября 1940 г. японские войска оккупировали северную часть Индокитая, в начале 1941 г. правительство Виши отдало этот район, по существу, под полный контроль Японии. На очереди стояла южная часть Индокитая, захват которой завершил бы превращение этого района в японский плацдарм для дальнейшей агрессии в страны Юго-Восточной Азии.

Продолжающиеся в этот период американо-японские переговоры четко выявили не только возрастающие аппетиты империалистической Японии, но и попытки американской дипломатии достигнуть сделки за счет жизненных интересов китайского народа. 21 июня 1941 г., накануне вторжения гитлеровских орд на территорию Советского Союза, американским правительством был дан японскому послу официальный ответ на японские предложения в процессе переговоров. Он не только давал представление о том, как США предполагали осуществить урегулирование отношений между обеими странами, но вместе с тем и раскрывал очевидную политику «умиротворения» агрессора. Американское правительство возражало против японских претензий в Китае и западной части Тихого океана. Но если учесть, что американское правительство выражало готовность к обсуждению вопроса о «совместной обороне против коммунизма» в Китае, согласно было на переговоры о признании Маньчжоу-го и о пребывании японских войск в Китае, становится ясным, что провоцирование Японии на активизацию «северной линии» агрессии, готовность разрешить японо-американские противоречия за счет китайского народа представляли собой не что иное, как американский вариант «дальневосточного Мюнхена».

Начало войны на Тихом океане

22 июня 1941 г. произошло вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Для Японии это стало началом новой политики в отношении СССР, определенной 2 июля 1941 г. на совещании высших государственных и военных деятелей под председательством императора Хирохито. Рассчитывая, что Советский Союз, полагаясь на пакт о нейтралитете, перебросит войска с Дальнего Востока на Запад, правящий лагерь Японии принял особый военный план нападения на СССР. План имел кодовое название «Кантокуэн» («Специальные маневры Квантунской армии») и предполагал увеличение ее численности, а также выделение дополнительных ассигнований в несколько миллионов иен.

Нарушение фашистской Германией в СССР вызвало серьезные разногласия в правящем лагере Японии — решался вопрос о направлении агрессии — «северном» или «южном».

В июле 1941 г. Коноэ была проведена реорганизация кабинета. Замена Мацуока, министра иностранных дел, Тоёда, имевшего репутацию «либерала», была расценена западными странами, и прежде всего США, как надежда на скорейшее завершение переговоров. Однако надеждам не суждено было сбыться: Япония продолжала политику союза с Германией и Италией, а за кулисами японо-американских переговоров продолжала развивать агрессию в Юго-Восточной Азии. 16 октября 1941 г. кабинет Коноэ пошел в отставку. В официальном сообщении указывалась мотивировка — разногласия «по внешнеполитическим вопросам».

Падение кабинета Коноэ привело к выдвижению на должность премьер-министра генерала Тодзио, связанного с военно-фашистскими кругами. Приход к власти Тодзио не вызвал изменения в линии на продолжительное затягивание японо-американских переговоров, хотя новый премьер был сторонником немедленной войны.

Захват Японией в конце июля 1941 г. южной части Индокитая вызвал новое обострение японо-американских отношений. Принятие в США закона о «замораживании» японских фондов, а также аналогичные меры со стороны Англии стали сигналом к открытию экономической войны на Тихом океане. Тем не менее переговоры продолжались, и для создания впечатления, что Япония весьма заинтересована в результатах переговоров, в Вашингтон «на помощь» Номура направляется бывший посол Японии в Берлине Курусу. Новый маневр японского правительства был явно рассчитан на отвлечение внимания от лихорадочной подготовки к внезапному нападению на США. В ноябре японские представители передали на рассмотрение правительству США свой проект, выдвигавший требование монопольных прав Японии в Китае и Индокитае. Американская сторона в ответ потребовала вывода японских войск из Китая и Индокитая. 7 декабря Номура и Курусу вручили государственному секретарю Хэллу пространный меморандум, в котором отрицалась возможность для Японии достигнуть соглашения с США путем дальнейших переговоров. Но за несколько дней до этого военно-воздушные и военно-морские силы Японии произвели внезапное нападение на Пёрл-Харбор — военно-морскую базу США на Гавайских островах в Тихом океане. Началась война между Японией и США, двумя империалистическими странами — претендентами на господство в Тихом океане, на неизбежность которой еще в 20-х годах указывал В. И. Ленин.

Война на Тихом океане (1941—1945)

Внезапное нападение на военно-морские объекты США, расположенные на расстоянии более чем 6 тыс. км от Японских островов, нанесло огромный урон американским вооруженным силам. Одновременно японские войска вторглись в Таиланд, начали военные операции по захвату Бирмы, Малайи и Филиппин. Первый этап войны разворачивался успешно для японских милитаристов. После пяти месяцев войны ими были захвачены Малайя и Сингапур, Филиппины, основные острова Индонезии, Бирма, Гонконг (Сянган), о-ва Гуам, Уэйк, Новая Британия, Соломоновы острова. За короткое время Япония захватила территорию в 7 млн. кв. км с населением около 500 млн. человек (в подсчет не включены ранее захваченные территории Китая).

Сочетание факторов внезапности и численного превосходства обеспечило японским вооруженным силам успех и инициативу в военных действиях в первом периоде войны. Но в середине 1942 г. появились явные признаки замедления наступательных операций японских сил на Тихом океане. В мае 1942 г. в районе о-ва Мидуэй японскому флоту было нанесено первое поражение. Создание «великой Восточноазиатской сферы совместного процветания», о которой поспешили объявить японские империалисты, отнюдь не представляло безусловного свидетельства силы японского агрессора и тем более не гарантировало военных побед японскому оружию, несмотря на огромные людские и материальные резервы оккупированных стран.

В самой Японии уже в первый период войны стали обнаруживаться экономические трудности. Ограниченные сырьевые ресурсы страны с учетом даже всех накопленных за предвоенные годы запасов стратегического сырья не были достаточны для ведения большой, затяжной войны. Нехватка транспортных средств не позволяла Японии в достаточной мере использовать богатейшие ресурсы колоний и захваченных территорий. Все сильнее обнаруживалась недостаточность военно-промышленного потенциала, сказывалась относительная узость промышленной базы. Очень острой была нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной, ее не могли восполнить даже периодически проводившиеся «тотальные мобилизации» для промышленности. Серьезные затруднения испытывало сельское хозяйство, лишившееся значительной доли рабочей и тягловой силы, сокращалась посевная площадь, снижалась урожайность. Напряженное положение тыла и ухудшающееся положение японских вооруженных сил на тихоокеанском театре второй мировой войны сделало необходимым значительные изменения как в «новой экономической структуре», так и в «новой политической структуре», существовавших в основном в той форме, в какой они были созданы в 1940 г. при втором

На месте атомного взрыва в Нагасаки

кабинете Коноэ. С началом военных действий на Тихом океане усилился военно-экономический контроль над важнейшими отраслями промышленности и внешней торговлей и, следовательно, еще более укрепились позиции монополий, все активнее подчинявших себе государственный аппарат. Главными органами системы контроля оставались «контролирующие ассоциации», возникшие на основе «новой экономической структуры» в результате слияния акционерных компаний, действовавших в разных отраслях промышленности. Стремление дзайбацу добиться руководства военным производством было удовлетворено реформой 1943 г., которая предоставляла группам монополий значительные права по руководству военной промышленностью, еще более усилив контроль

монополий над государственным аппаратом. Все правительственные мероприятия — организация системы контроля, «трудовая и духовная» мобилизация нации — свидетельствовали о единстве целей всех слоев правящего лагеря, стремящихся поставить на службу агрессивной войне материальные и людские ресурсы страны. Однако это не снимало острой конкурентной борьбы между отдельными группами монополистического капитала.

Отражением этой борьбы были дальнейшие шаги к завершению фашизации японского государственного строя. Провозглашенная еще в 1940 г. «новая политическая структура» действовала как дополняющая «новую экономическую структуру» и развивающаяся на ее основе. Весной 1942 г. правительство Тодзио объявило о создании помимо «Ассоциации помощи трону» фактически параллельной ей организации — «Политической ассоциации помощи трону». Она должна была объединить бывших лидеров и представителей распущенных ранее буржуазно-помещичьих партий и этим ослабить их критику в адрес правительства. На получившую видимость объединения «профессиональных» политиков организацию возлагалось, согласно официальной декларации, «доведение до правительства мнения народа». В действительности правительство Тодзио, привлекая в организацию большинство депутатов парламента, предназначало ей роль органа, утверждающего «чрезвычайные» законопроекты, направленные на осуществление программы агрессивной войны.

Политика Японии в отношении СССР.

Нарушение пакта о нейтралитете

Несмотря на огромное напряжение сил, которое испытывала Япония, начав военные действия на Тихом океане и продолжая войну в Китае, японские правящие круги не оставили надежду осуществить поход «на Север», т. е. нападение на СССР. Заявляя о своей «верности» пакту о нейтралитете, правительство Тодзио на деле продолжало проводить резко враждебную политику в отношении Советского Союза. В 1942 г. численность Квантунской армии была доведена до 1100 тыс. человек, в нее входили лучшие танковые и авиационные части. Но несмотря на требование Гитлера начать войну против Советского Союза, японское правительство медлило в ожидании «решающих» побед немецкого оружия, рассчитывая именно тогда «малой кровью» захватить советский Дальний Восток. В кровопролитной борьбе с фашистскими агрессорами Советский Союз в течение 1941—1945 гг. должен был держать на границах с Северо-Восточным Китаем против угрозы нападения милитаристской Японии до 40 дивизий. Успехи японских войск в начальной стадии военных действий на Тихом океане явились сигналом для реакционной японской прессы, развернувшей широкую антисоветскую кампанию с призывами присоединить советский Дальний Восток к «Восточноазиатской сфере процветания».

Япония снабжала гитлеровскую Германию разведывательными данными экономического, политического и военного характера, представляемыми японскими военными и дипломатическими органами. Японские власти чинили разнообразные препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке (задерживали, топили, приливали советские торговые корабли), оказывая тем самым прямую помощь своему союзнику — гитлеровской Германии.

Главными причинами, которые удержали империалистическую Японию от вооруженного нападения на Советский Союз, были: его военная мощь — десятки дивизий на Дальнем Востоке; тяжелое положение японских войск, безнадежно застрявших в кровопролитной, изнурительной войне в Китае, народ которого вел многолетнюю героическую борьбу против захватчиков; победы Красной Армии и войны против гитлеровской Германии, опрокинувшие авантюристические планы «блиц-крига».

Перелом на Тихоокеанском театре военных действий. Крах японского «нового порядка» в Восточной Азии

Разгром немецко-фашистских армий под Сталинградом означал не только начало коренного перелома в Великой Отечественной войне, но и был одним из решающих событий, определивших ход военных операций на тихоокеанском театре второй мировой войны. Для японских милитаристов это было крушением стратегических планов, предполагавших их вторжение на советский Дальний Восток «в наиболее благоприятный момент». Героические победы, одержанные советским народом в 1941—1943 гг., предвещали поражение гитлеровской Германии, они стали основой активизации англо-американских сил перед отчетливой перспективой близкого разгрома гитлеровской Германии Советской Армией.

После нанесения поражения японскому морскому флоту в крупном морском сражении у о-ва Мидуэй в середине 1942 г. начина-

ется полоса активизации военных действий США на Тихом оке-

Весна и лето 1943 г. были для вооруженных сил США временем успешных боев в районе Соломоновых островов и Новой Гвинее. После занятия о-вов Гилберта в ноябре 1943 г. военный флот США начал продвижение к Марианским, Маршалловым и Каролинским островам, имеющим большое стратегическое значение, так как они наиболее близко расположены к Японии.

«Восточноазиатская сфера процветания», включающая оккупированные страны, использовала широкую демагогическую пропаганду японских милитаристов, в центре которой стояли такие лозунги, как «историческая миссия» Японии, создающей «равноправный союз» и «взаимную помощь и дружбу» азиатских народов. Идя на стремлении этих народов освободиться от колониальной зависимости и представляя себя подобными «освободителями», японские империалисты насаждали в оккупированных странах ма-

прионеточные «национальные» правительства, некоторым странам (Бирма, Филиппины) была предоставлена мнимая «независимость». Однако эти маневры японских агрессоров, беспощадно грабивших оккупированные страны, установивших в них полицейский террор, эксплуатирующих трудовое население, не могли обмануть ни народные массы стран Юго-Восточной Азии, ни передовых представителей японского народа. Народы этих стран поднялись на освободительную борьбу против японских агрессоров.

В ноябре 1943 г. состоялась конференция глав правительств США, Великобритании и Китая, на которой обсуждались проблемы Дальнего Востока, 1 декабря 1943 г. была опубликована Каирская декларация, в которой союзниками были сформулированы справедливые цели войны против Японии: лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны, а также возвратить Китаю территории, отторгнутые Японией — о-ва Тайвань, Пэнху-ледао и северо-восточные провинции. Перелом в ходе военных действий на советско-германском фронте, близившаяся к концу вторая мировая война являлись мощными стимулами для национально-освободительного движения, развивавшегося в оккупированных Японией странах, а также важнейшим фактором, стимулирующим активизацию военных действий на тихоокеанском театре войны. Летом 1944 г. после длительных ожесточенных боев американскими вооруженными силами были заняты Марианские острова. Наиболее упорное сражение (в течение месяца) шло за о-в Сайпан, являвшийся крупным опорным пунктом. В наступательных операциях американскими вооруженными силами использовались силы антияпонского движения (филиппинская антияпонская народная армия, бирманская армия под руководством Антифашистской лиги народного освобождения и др.). Весной 1945 г. были освобождены Филиппины и Бирма. В июне 1945 г. закончилось длительное сражение за Окинаву, последний стратегический рубеж перед собственно Японским архипелагом. Потеря важных опорных пунктов, отступление японских войск не могло не вызвать борьбы в правящем лагере Японии. В июле 1944 г., когда после длительного сопротивления был оставлен Сайпан, пал кабинет Тодзио, развязавший войну на Тихом океане.

Трудности внутреннего положения Японии. Борьба против милитаристского режима и агрессивной войны

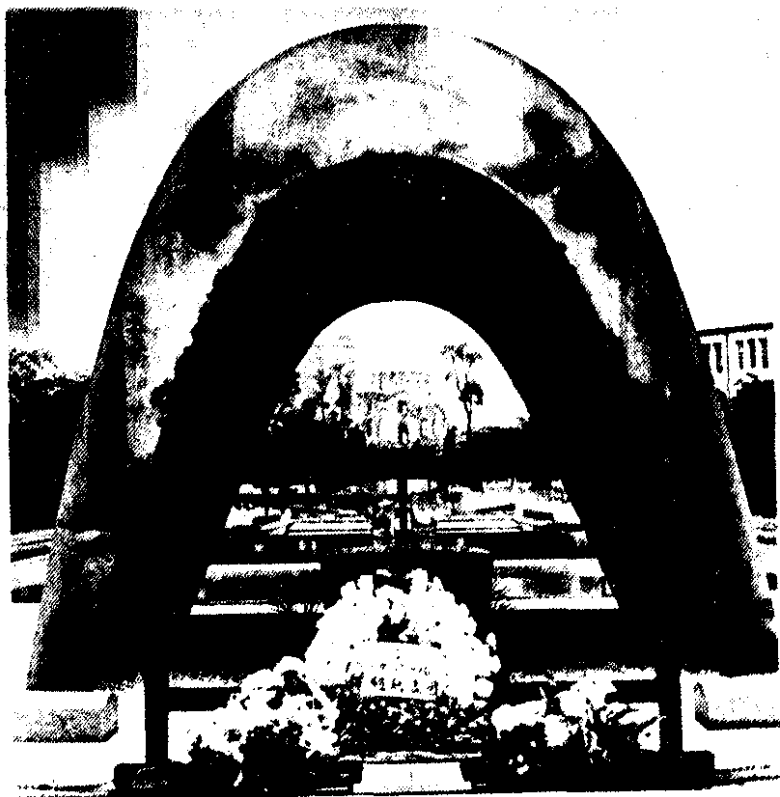
Экономическое положение Японии в годы войны на Тихом океане неуклонно ухудшалось, несмотря на многочисленные реформы правительства, ставившие целью «стабилизацию национальной жизни». Основной целью всех правительственных мероприятий было стремление обеспечить продолжение тихоокеанской войны, добиться перелома в ходе военных действий в пользу Японии и

сохранить оккупированные ею территории. Однако несмотря на то, что главное внимание по-прежнему направлялось на развитие тяжелой промышленности при явной крайней деформации экономики, даже важнейшие отрасли оказались в застое. В 1943/44 г. уровень производства в этих отраслях начал падать. Япония отставала от США по производству вооружения — самолетов, танков, военных кораблей.

В легкой промышленности, и в предвоенные годы находившейся в кризисном положении, в 1941—1945 гг. объем производства резко сократился. В то же время дзайбацу все более подчиняли себе государственный аппарат, широко используя для получения высоких прибылей методы «контроля» и регулирования важнейших отраслей экономики. В обстановке, когда все материальные и людские ресурсы были поставлены на службу все возрастающим военным нуждам, положение рабочего класса определялось условиями военно-каторжного режима, всеобъемлющими размерами «тотальной мобилизации». В связи с частыми дополнительными мобилизациями огромные трудности испытывало сельское хозяйство, не имевшее достаточной рабочей силы. Продовольственное положение страны все осложнялось. В апреле 1941 г. была введена карточная система на рис в шести крупнейших городах страны (Токио, Осака, Кобэ, Иокогама, Киото, Нагоя). Начало войны на Тихом океане вызвало многократное повышение цен на продовольственные и промышленные товары, пока организованное снабжение по нормам не прекратилось совсем, что вызвало голод по всей стране. Физическое истощение, безудержная эксплуатация при отсутствии элементарных человеческих прав были уделом трудящихся масс Японии. Меры по «мобилизации сил нации» предполагали мобилизацию мужского и женского населения в возрасте от 12 до 70 лет, с правом отправки мобилизованного в любой район страны. Малейшее проявление недовольства, попытка критики существующих порядков, антивоенные настроения грозили каторгой и смертной казнью. Но тем не менее, несмотря на строжайшие наказания, жесточайший полицейский террор, рабочий класс Японии продолжал упорную борьбу против фашизма и агрессии. Не прекращались забастовки, одной из форм борьбы японских трудящихся были организованные прогулы. В 1943 г. около 10% рабочих Японии участвовало в подобных выступлениях. Забастовки и антивоенное движение, конфликты в обнищавшей и разоренной деревне свидетельствовали об огромном недовольстве в стране политикой правящих кругов.

Разгром милитаристской Японии

11 февраля 1945 г. в Ялте состоялась конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. 11 февраля главы трех держав подписали соглашение по вопросам Дальнего Востока, в котором было предусмотрено вступление Советского Союза в

Памятник жертвам атомного взрыва в Хиросиме

войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

Систематические нарушения Японией советско-японского пакта о нейтралитете побудили Советское правительство в соответствии со статьей 3 заявить о денонсации пакта. Весной 1944 г. в ответ на осуществление Японией явно враждебной Советскому Союзу политики были ликвидированы японские концессии на Северном Сахалине.

9 мая 1945 г. капитулировала гитлеровская Германия. Военный разгром Германии означал не только крушение «рейха», но и крах фашистского союза двух стран-агрессоров — Германии и Японии. Но и после этого японские милитаристы не хотели сложить оружие и признать очевидный факт провала их авантюристической политики.

26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация США, Англии и Китая с требованием безоговорочной капитуляции Японии и предложениями о последующей демилитаризации и демократизации страны. К Потсдамской декларации присоеди-

Советский Союз. Японское правительство отказалось капитулировать и отклонило требования Потсдамской декларации. Стремясь к скорейшему установлению всеобщего мира, верный своему союзническому долгу, Советский Союз заявил о том, что с 1 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. К заявлению Советского правительства присоединилась и Монгольская Народная Республика.

6 и 9 августа 1945 г. американскими бомбардировщиками были брошены атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Погибли сотни тысяч людей. Атомные бомбардировки, принятые американским правительством, не являлись необходимыми и решающими акциями для разгрома японского империализма, они были средством шантажа, «психологического запугивания» мира, и прежде всего Советского Союза. Не атомные бомбардировки, а вступление СССР в войну против Японии явилось решающим в деле разгрома японского империализма и ускорения окончания второй мировой войны. 9 августа 1945 г. советские войска и корабли Тихоокеанского флота совместно с Монгольской народно-революционной армией начали боевые действия против японских империалистов. В Северном и Центральном Китае перешли в широкое наступление боевые силы китайского народа, активно действовали корейские партизаны. На всех оккупированных Японией территориях, развернулась массовая вооруженная борьба с японскими захватчиками. В Индонезии и Вьетнаме она привела к провозглашению независимости этих стран.

Разгром Квантунской армии, огромные потери, которые понесли на континенте японские империалисты, поставили Японию перед фактом безоговорочной капитуляции. 14 августа Япония официально уведомила союзников о принятии ею условий Потсдамской декларации, тем не менее Квантунская армия продолжала боевые действия. Мощные удары Советской Армии заставили упорно сопротивлявшиеся японские войска капитулировать. Это было самое крупное поражение японских сухопутных сил за время второй мировой войны. Разгромив войска японских империалистов, Советская Армия освободила Северо-Восточный Китай и Корею от японского колониального порабощения. Милитаристская Япония была вынуждена сложить оружие. 28 августа 1945 г. началась высадка американских войск на территории Японии.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан акт о капитуляции Японии.

Разгромом японского империализма закончилась вторая мировая война.

Культура Японии в 1918—1945 гг.

Культура Японии начального периода новейшей истории отражает исторические процессы превращения этой страны в развитое капиталистическое государство, вступившее в империалистическую стадию. Важнейшую роль в развитии культуры Японии на первом этапе общего кризиса капитализма сыграла победа Великого Октября в России. Она содействовала общедемократическому подъему в Японии 20-х — начала 30-х годов, ставшему временем активизации классовой борьбы, роста революционной сознательности и организованности рабочего класса. Создание Коммунистической партии, возглавившей классовую борьбу японского пролетариата оказало огромное влияние на формирование прогрессивного мировоззрения широких кругов пролетариата, интеллигенции, студенчества, на развитие всех сфер культуры.

Идеи Октября стали мощным стимулом развития пролетарской прозы и поэзии, массового участия в ней не только интеллигенции, но и представителей трудящихся масс. Пролетарская литература с ее боевыми демократическими традициями представляет собой важнейшее звено в развитии японской культуры новейшего времени.

Однако становление милитаристской Японии, формирование ее агрессивного внешнеполитического курса обусловили натиск реакции, наступление на все сферы культуры. В общественной жизни и культуре Японии начинается «эпоха мрака». Используя все доступные средства давления милитаристские власти создали пропагандистский аппарат, опирающийся на сотрудничество деятелей культуры, которые послушно выполняли задачу навязывания японцам идеи национального единства и «паназиатской солидарности». Вся культурная жизнь страны была подчинена контролю и поставлена на службу милитаристскому государству. Литература, музыка, изобразительное искусство, кино использовались только для реакционной демагогии или военной пропаганды. Тотальное наступление на японскую культуру не встретило в стране должного отпора. Несмотря на сопротивление отдельных писателей и поэтов, на развивающееся антивоенное и антифашистское движение, в стране не сложились условия для создания и действия единого антифашистского фронта.

Причины возникновения подобной ситуации определялись тем, что деятельность прогрессивной интеллигенции в области культуры и общественной жизни не была связана с рабочим и крестьянским движением. Немалая часть японской интеллигенции разделяла идеалистические взгляды абстрактного «преклонения перед человечностью», а также испытывала сильное влияние либеральных и реформистских идей.

Коммунистическая партия Японии, ослабленная непрерывными репрессиями, находилась в глубоком подполье. Социал-демократические лидеры саботировали попытки объединения профсоюзов и предложения левых легальных организаций о совместных действиях.

Рабочий класс был слабо организован. Значительная часть крестьянских союзов находилась под влиянием реформизма. Прогрессивные силы нации были разобщены.

Таким образом, несмотря на широкое распространение антияпонских и антифашистских настроений трудящиеся массы Японии не смогли предотвратить наступления сил реакции и войны, установления «эпохи мрака», приведшей к полному уничтожению культурной жизни в стране.

Пролетарская литература

Общедемократический подъем 20-х годов ознаменовался ростом демократических настроений и широким распространением социалистических идей в среде японской интеллигенции. Возникшие под влиянием Октября социалистические студенческие организации стали базой распространения марксистских идей. Марксистское учение не только оказывало все более широкое воздействие на общественную жизнь страны, но и стимулировало развитие передовых идей во всех областях искусства: Литература испытала особенно значительное их воздействие. Зачинателем движения за создание новой, пролетарской литературы стал журнал «Сеятель» (1921—1923), основанный Комаки Оми и его сподвижниками — прогрессивными писателями, поэтами и критиками. Журнал стал первым пропагандистом марксистской теории литературы, он популяризировал положения марксизма о классовом характере искусства, помещал статьи на антивоенные темы, анализировал сущность буржуазной культуры.

В начале 20-х годов появилось множество других журналов («Самум», «Разрушитель» и пр.), издававшихся радикально настроенной интеллигенцией и выступавших с острой критикой буржуазной культуры. Но выступая в основном с анархистскими, нигилистическими лозунгами, эти издания не могли предложить какую-либо положительную программу. Репрессии, начатые правительством после землетрясения 1923 г., в результате которых были закрыты прогрессивные издания, как бы завершили первый период развития пролетарской литературы.

Традиция «Сеятеля» стал развивать журнал «Литфонд», издававшийся с 1924 по 1933 г. В декабре 1925 г. была создана Лига японской пролетарской литературы и искусства. Несмотря на то что Лига объединила людей с разными политическими взглядами, значительная часть ее членов тяготела к марксизму, сотрудничала с газетой «Пролетарий», являвшейся, по существу, полулегальным органом КПЯ, и пыталась установить непосредственную связь с рабочими организациями.

Отсутствие четких идейных позиций было характерно для всего движения пролетарской литературы. Не случайно период с 1925 по 1927 г. был назван «годами борьбы» — идейная и теоретическая борьба с «уклонами», ведущаяся в КПЯ, непосредственно воздействовала на обстановку в творческих кругах литературной общественности и вызывала ожесточенные столкновения среди писателей, поэтов и критиков. Все это определило кризис и раскол Лиги. Однако влияние «периода борьбы» на развитие пролетарской литературы не было однозначным.

Столкновение взглядов и мнений помогало очищению марксистской теории от анархистских, нигилистских тенденций, укрепляя идейную базу новой литературы, содействуя появлению прогрессивных, с революционной тематикой произведений. В то же время жесткость догматических установок и отсутствие широты взглядов, необходимой для понимания творческого поиска художника, содействовали уходу из прогрессивного лагеря многих представителей пролетарской литературы.

Тем не менее именно в «период борьбы» увидели свет лучшие произведения писателей, представляющих пролетарскую литературу: Куросима Дэндзи, Татэно Нобуюки, Хаяма Ёсики, поэтов Накано Сигэхару, Цубои Сигэдзи, писательниц Хирабаяси Тайко, Сакаэ Цубои. К движению пролетарской литературы в эти годы присоединились уже получившие известность писатели-модернисты Такэда Ринтаро, Катаока Тэппей, Хаяси Фусао.

Одной из наиболее значительных тем, характерных для произведений пролетарских писателей, является показ социальной несправедливости, жестокости и трагизма жизни людей из народа. Таковы рассказы Хаяма Ёсики (1894—1945) «Письмо из цементной бочки» (1926), «Корабль без матросов» (1926). Первый рассказ имеет форму письма, которое находит рабочий в мешке с цементом. Девушка-работница, которая шьет этот мешок в далеком местечке на другом краю Японии, пишет, что ее любимый погиб, упав в дробильную машину, изготавливающую цемент. Она просит сообщить, на что будет использован этот цемент, ведь он перемешан с прахом дорогого ей человека. Второй рассказ о корабле, который бесцельно носится по волнам с судовой командой, обреченной на смерть — администрация отказалась изолировать и лечить заболевшего холерой матроса.

Если в рассказах автор прибегает к крайней экстремальной ситуации, то роман «Люди, живущие на море», написанный с реалистических позиций, изображает изо дня в день монотонно тяжелый труд матросов на грузовом судне, перевозящем уголь. Хаяма показывает жесточайшую эксплуатацию матросов, приводящую к забастовке, а потом и расправу над ними.

Серьезное отражение в пролетарской литературе нашла и антивоенная тема. Наиболее ярко она раскрывается в произведениях известного пролетарского писателя Куросима Дэндзи (1898—1944) «Сибирские рассказы» и «Вооруженный город».

В «Сибирских рассказах» Куросима с позиций солдата, вчерашнего крестьянина показывает жестокость, бесправие и произвол, классовые противоречия в японской армии. Цели интервенции, захватнической войны на советском Дальнем Востоке были глубоко чужды солдатам, многие из которых сочувствовали русским людям, отстаивавшим независимость своей страны (рассказы «Стая ворон», «Сани» и др.). Роман «Вооруженный город» отражал возросшую идейную и художественную зрелость художника — изображая события интервенции японских войск в Шаньдуне в мае 1928 г., Куросима дает четкий анализ милитаристской сущности японского империализма. «Вооруженный город» был сразу же запрещен властями, не допускавшими критического отношения к политике правительства, тем более разоблачения ее ультраимпериалистической и милитаристской направленности.

Подъем пролетарской литературы (1928—1932)

В апреле 1928 г. революционными деятелями пролетарской литературы вместо прежней Лиги была создана новая организация — Японская федерация пролетарского искусства (НАПФ). На инициативу одной из секций НАПФ начал действовать Союз пролетарских писателей, объединивший работников литературы вокруг издаваемого им журнала «Сэнки» («Боевое знамя», 1928—1931).

Период с 1928 по 1932 г. ознаменовался расцветом пролетарской литературы, занявшей видное место в развитии общенациональной литературы. Появляется целое созвездие писателей имен, таких, как Кобаяси Такидзи (1903—1933), Накано Сигэхару (1903), Токунага Сунао (1899—1958), Миямото (Тюдзэ) Юрико (1899—1951) и др. Движение пролетарской литературы отличается в эти годы широкой общественно-политической, пропагандистской деятельностью, участием писателей в демонстрациях и собраниях, а также выпуском различных воззваний и обращений к массам. Важным фактом было вступление в 1930 г. Союза пролетарских писателей Японии в Международное объединение революционных писателей. Благодаря тесным связям с КПЯ пролетарские писатели сумели в это тревожное время правильно оценить внутриполитическую обстановку в стране — подготовку японского империализма к развязыванию войны на Дальнем Востоке.

Главной темой произведений пролетарской литературы этих лет становятся классовые бои японских рабочих на рубеже 20—30-х годов. Таковы произведения пришедшего в профессиональную литературу из рядов рабочих-печатников Токунага Сунао «Улица без солнца», «Токио — город безработных». В своих ранних рассказах Токунага затронул антивоенную тему и показал жизнь японской деревни в годы русско-японской войны

(«Записки о войне»). Однако подлинно мировую известность ему принесли написанные живо и образно романы о тяжелой жизни печатников, о том, как складывалась и крепла в борьбе трудового народа рабочая солидарность, как рождались боевые традиции пролетарских масс Токио.

Особое место в пролетарской литературе занял один из руководителей Союза пролетарских писателей, член Коммунистической партии Японии Кобаяси Такидзи. Правительственная политика репрессий вынудила Кобаяси перейти на нелегальное положение, но он продолжал литературный труд, не прекращая также и партийной деятельности. 20 февраля 1933 г. Кобаяси был арестован и зверски убит в полиции. Несмотря на то что писатель прожил короткую жизнь, его литературное наследие обширно. Характерной чертой его творчества является не просто показ бесконечных страданий народа, но и попытка дать действенный ответ на эксплуатацию, показать формирование классового сознания и активного сопротивления. Эту тему раскрывают его широко известные повести «Краболов», «Организатор», «Фабричная ячейка». Кобаяси впервые вывел на страницы художественного произведения образ профессионального революционера, мужественного человека, талантливого организатора трудящихся масс. Повесть «15 марта 1928 года» была немедленной реакцией писателя на страшную волну репрессий, обрушившихся на страну.

Другой значительной темой творчества Кобаяси была жизнь японского крестьянина. Повесть «Снегозащитная роща» и полудокументальная повесть «Отсутствующий помещик» являются художественным отображением жизни нищей японской деревни, задавленной засильем помещика, но вместе с тем обретающей силу сопротивления.

Не менее актуальна для Кобаяси и «женская» тема — ей посвящены пьесы «Арестантки», «Женщина, нашедшая свой путь». И снова для писателя важен не только показ бесправного положения японской женщины, но и поиск реального выхода из сложной социальной ситуации. В повестях последних лет жизни писатель выводит героинь с ясно осознанной целью. Эта цель — борьба за социальную справедливость, и женщины-революционерки, посвятившие себя этой борьбе, духовно несгибаемы, бесстрашны и стойки в любых испытаниях. Такой предстает революционерка Ито в повести «Жизнь для партии», образ которой, как и образ матери рабочего-коммуниста, отражает несомненное влияние романа Горького, получившего широкую известность в эти годы в Японии.

Но в целом писательская манера Кобаяси отличается большой индивидуальностью, он писал ярко и темпераментно, стремясь в соответствии с теорией пролетарской литературы создать обобщенный образ борющегося пролетариата.

Тема борьбы рабочего класса и крестьянства против эксплуатации и угнетения, становления революционной интеллигенции явля-

ведущей и в творчестве писательницы Миямото (Тюдзё) Юри. Родившаяся в семье известного архитектора, она получила широкое образование. Однако уже в начале 20-х годов, порвав с семьей и буржуазной средой, Миямото становится одним из активных деятелей движения пролетарской литературы. Решающим для формирования ее мировоззрения оказалось пребывание в Советском Союзе в 1927—1930 гг. и общение с Катаяма и Горьким. После возвращения из СССР в 1930 г. писательница вступает в КПЯ и ведет активную публицистическую работу. Она — ответственный редактор прогрессивного журнала «Трудящаяся женщи-

В эти годы выходят ее очерки о Советской стране, статьи о творчестве Тургенева, Толстого, Белинского. В 1935 г. вышла ее книга «Зимующая почка», представляющая собрание литературно-публицистических статей с анализом движения пролетарской литературы. Романы и повести Миямото (автобиографический роман «Нобуко», «Грудь», «Весна 1932 года», «Час за часом») рисуют новый тип японской женщины, целеустремленной и бесстрашной как в противостоянии буржуазной среде, так и в тяжелых испытаниях в тюремных стенах. Миямото и сама не раз подвергалась арестам и длительному тюремному заключению.

В 1931 г. была создана Всеяпонская федерация пролетарской культуры, объединившая прогрессивную интеллигенцию всех областей искусства. В том же году Япония начала агрессию в Маньчжурии, одновременно устроив «чистку тыла», расправляясь с оппозиционными демократическими представителями нации. В 1932 г. было арестовано около четырехсот членов Всеяпонской федерации пролетарской культуры, в том числе многие руководители Союза пролетарских писателей: Кобаяси Такидзи, Курахара Корэхито, поэты Накано Сигэхару, Цубои Сигэдзи.

Под ударами полицейских репрессий в феврале 1934 г. Союз пролетарских писателей объявил о самороспуске. Наступление «эпохи мрака» насильственно прекратило развитие пролетарской литературы. Тем не менее влияние пролетарской литературы на общественную жизнь страны огромно. Она явилась серьезным фактором, содействующим формированию мировоззрения самых разных социальных слоев японцев и подготовила почву для творческих идей следующего поколения представителей культуры.

Литературные течения

Значительное место в развитии японской литературы занимали писатели, группирующиеся вокруг журнала «Береза» («Сиракаба», 1910—1923), творчество которых литературоведы называют «неоидеализмом». В условиях наступления реакции эти писатели обратились к идеям гуманизма, рассматривая «самоусовершенствование личности» и «любовь к ближнему» как возможность разрешения всех социальных проблем. Творчество Л. Толстого оказало несомненное влияние на взгляды группы «Береза», но в то же время и ее деятельность способствовала новому, более глубокому

взгляду на творчество русского писателя и необычайно возросшей с этого времени популярности его произведений. Несмотря на идеалистические взгляды, гуманистические позиции группы, ее ненависть к войне и отстаивание идеалов справедливости оказали большое влияние на развитие общей духовной атмосферы в стране и формирование взглядов многих прогрессивных писателей.

Одним из известных представителей «Березы» был Мусякодзи (1885—1976), написавший много пьес, повестей, пьес-сказок, эссе, в которых развиваются идеи «всеобъемлющего братства». Наибольшую известность имели его пьесы «Его младшая сестра», «Сон одного юноши», обличающие жестокость войны.

Другой группой, сыгравшей также немалую роль в развитии японской литературы, было объединение неореалистов «Новое мастерство», в которое входили писатели Кикиути (Кан) Хироси, Кумэ Масао, Акутагава Рюноске и др. Они критиковали натуралистическое направление японской литературы за «поверхностное» отображение действительности и считали необходимым глубокий психологический анализ в изображении духовной жизни человека.

Выдающимся представителем неореалистов был Акутагава Рюноске, ставший классиком японской литературы. Хотя его новеллы делят на исторические и современные, писатель в том и другом случае рассказывает о современном человеке, его сложном духовном мире, попытках постигнуть как свой внутренний мир, так и окружающее его общество. Форма же изложения — притча, сказка, заимствование сюжетов из мифов, старинных летописей — лишь помогает осуществлению этой главной задачи. Пишет ли Акутагава о христианской проблеме в Японии (новеллы «О-гин», «Показания Огата Рёсай») или об отношении искусства к жизни (новелла «Муки ада»), всегда это скрупулезное исследование «внутренней обоснованности», духовной причинности каждого жизненного поступка человека.

Важной темой творчества для писателя является неприятие милитаризма (новеллы «Генерал», «Рассказ об отрубленной голове»), а также резкая, уничтожающая критика социальных отношений буржуазного общества. Такова новелла «В стране водяных», где в остросатирической форме изображается современная ему Япония — ее политический строй, агрессивная милитаристская политика, мораль и система образования. С уничтожающей иронией описано «производство» литературы: конвеер, с одного конца которого закладывается чистая бумага и порошок из высушенных, толченых ослиных мозгов, с другого конца нескончаемым потоком сыплется уже готовые, в красочных обложках романы, повести, рассказы.

Акутагава с огромным интересом встретил весть об Октябрьской революции, внимательно следил за развитием отражавшей влияние Октября японской пролетарской литературы, но не примкнул к этому движению. Он считал недостижимым уничтожение буржуазного общества, хотя и был одним из самых активных его

Борцы школы национальной борьбы «сумо»

критиков. Эта позиция была следствием глубокого внутреннего кризиса, который вскоре привел его к самоубийству.

В литературе шло формирование различных направлений, в том числе и тех, что отражали влияние Запада, — декадентских и модернистских. Одним из ярких представителей декаданса в прозе был Танидзаки Дзюнитиро (1886—1965), в произведениях которого чувствуется влияние представителей западной литературы — Э. По, Ш. Бодлера, О. Уайльда, и в то же время проявление чисто японской эстетической концепции — поклонения красоте (би). Эстетическое обоснование проблемы «красоты» получает теоретическое развитие в известном эссе «Похвала тени», в котором Танидзаки противопоставляет национальное понимание красоты (приглушенность, неброскость и, следовательно, истинность) примитивным (кричащая яркость) критериям Запада.

В 30-е годы, когда военщина активно осуществляла фашизацию

государства, Танидзаки все решительнее уходил от общественной жизни. В конце 30-х годов он начал писать большой бытовой роман «Мелкий снег», публикация которого в 1943 г. была запрещена из-за его несоответствия общим идеологическим установкам, мобилизующим нацию на «большую войну». Танидзаки был одним из немногих писателей, которые не подчинились милитаристскому контролю «над мыслями», работал над продолжением романа, переводил на современный язык «Повесть о Гэндзи» (XI в.). Они были напечатаны уже после окончания второй мировой войны.

Начало 20-х годов было для японской литературы временем развития модернистских направлений в прозе и поэзии. Наибольший интерес представляло сформировавшееся в конце 20-х — начале 30-х годов направление так называемого неосенсуализма, считавшего, что краеугольным камнем творчества писателя должны быть его ощущения, «чувствование» окружающего мира. Неосенсуалисты группировались вокруг журнала «Бунгэй дзидай» «Литературная эпоха», (1924—1927 гг.) и в противовес социальным идеалам пролетарской литературы выдвигали требование «революции» лишь в области литературной формы.

Известным представителем неосенсуализма был Кавабата Ясунари (1899—1972). Его повести «Танцовщица из Идзу», «Девушки Асакуса», роман «В стране снегов» — это изысканное, с налетом грусти, поклонение красоте в любом ее проявлении — красоте природы, душевной красоте человека, прекрасному, утонченному облику женщины, красоте самых обыденных и незаметных для невнимательного глаза вещей.

Модернистские тенденции стали характерны в эти годы и для поэзии. С 1928 по 1931 г. центром, объединявшим поэтов-модернистов, стал журнал «Поэзия и поэтика». В нем печатались Хирато Рэнкити (1893—1929), Хагивара Сакутаро (1886—1942) и др.

Большое значение для развития современной поэзии имели произведения поэтов реалистического направления, использовавших форму свободного стиха и разговорный язык. Это лирический цикл Такамура (1883—1956), известного скульптора и поэта; поэтический сборник «Акулы» Канэко Мицухару (1895—1975) с острой социально-критической направленностью; демократические стихи Кусано Симпэй (род. 1903).

В конце 30-х годов в обстановке усиливавшейся военной истории деятельность всех поэтических организаций стала преследоваться властями и фактически была прекращена до конца второй мировой войны.

Литература в годы «большой войны» (1937—1945)

Начало военных действий летом 1937 г. в Китае и дальнейшее неуклонное расширение агрессивной войны привело к развертыванию широкого идеологического наступления на трудящиеся мас-

сы Японии. Кампания «тотальной мобилизации национального духа» была одним из видов идеологической обработки нации. В сентябре 1937 г. при правительстве было создано Управление информации для контроля над идеологической жизнью страны. Особое внимание было уделено литературе, она должна была лишь прославлять «священную войну». По приказу Управления были созданы «отряды воинов пера», направлявшиеся в действующую армию. Официально поощрялась литература военного репортажа, славящая «подвиги» японской военщины, сложился даже новый жанр — «повести о героях», который служил разжиганию шовинистических настроений.

В марте 1938 г. после вступления в силу закона «о всеобщей мобилизации народного духа» были распущены существовавшие ранее объединения писателей, вместо них создана единая организация — Общество японских литераторов. Управление информации получило право цензуры над всей печатной продукцией и даже привлечения к суду и аресту неугодных писателей. Так был предан суду Исикава Тацудзо (род. 1905) за опубликование повести «Живые солдаты», реалистически изображающей военные действия японских войск в Китае — зверства, расправы солдат с мирным населением оккупированных районов. Писателя обвинили в клевете на «императорскую армию», а повесть квалифицировали как «клеветническую» и «антипатриотическую». К уголовной ответственности был привлечен крупный ученый Цуда Сокити, был арестован известный историк Хани Горо, видные деятели движения за пролетарскую культуру Миямото Юрико, Курахара Корэхито, Кубокава Цурудзиро, Накано Сигэхару и др. В Токийской тюрьме умер философ-марксист Тосака Дзюн. Необычным образом закончилась дискуссия о развитии японского капитализма, которая велась учеными двух группировок — Кодзаха и Роноха: все ее участники были арестованы.

В 1942 г. было создано «Японское литературное общество служения родине» — реакционная организация, объединившая писателей, поддерживавших своим творчеством политику милитаристского правительства. Деятельность этой организации находилась под строжайшим контролем Управления информации. Цензурные ограничения были направлены против прогрессивной литературы: печатались только произведения, прославляющие «исключительно» японскую культуру, идеи японизма, непосредственно служившие военной пропаганде. В начале 1945 г. литераторам в официальном порядке было вменено в обязанность создание романов Японской колониальной империи, «о содружестве азиатских народов под эгидой Японии». Однако в годы милитаризации и японизации японского государства возникло и сопротивление этим процессам. Например, группа японских писателей отказалась от сотрудничества с журналом «Литературный мир», наиболее безостановочно пользовавшимся приемами политической демагогии и шовинизма. Несмотря на то что всю японскую литературу этих лет, по выражению послевоенной критики, «обрядили в мундир

цвета хаки», многие писатели не надели этот «мундир». Это деятели движения за пролетарскую литературу, в условиях преследований властей продолжавшие публикацию произведений, в которых они прибегали к эзоповскому языку (Миямото); писатели, использовавшие молчание как форму протеста (Симадзаки, Тосон, Танидзаки Дзюньитиро, Нагаи Кафу); литераторы, тайно писавшие антимилитаристские, антифашистские произведения, увидевшие свет лишь после капитуляции Японии (Нагаи Кафу и др.).

Кино и театр

Политика «мобилизации народного духа» была использована военной и для установления жесткого контроля в области кино, которому предназначалось стать самым активным оружием пропаганды. В 1939 г. был принят закон о кино, фактически представлявший собой систему превращения кинематографа в действенное оружие идеологической обработки населения. В то же время закон давал возможность контролировать как деятельность компаний, так и «идейность» кинематографистов, которые должны были подтверждать свою лояльность правительственному курсу на ежегодных экзаменах по мастерству.

В конце 1940 г. кинематограф был передан в подчинение Управлению информации. Для централизованного руководства киноискусством были созданы три кинокомпании — «Тохо», «Сётику» и «Дайэй», объединившие все прежние компании по производству художественных фильмов.

Получив беспрепятственную возможность воздействовать на общественное мнение, правительство стало усиленно насаждать идеи «справедливой» войны за «освобождение народов Азии» от господства белых, за установление «нового порядка в Восточной Азии».

Кинорежиссерами, поддерживавшими милитаристский правительственный курс, ставились фильмы, прославлявшие успехи японской армии. Выпускались серии фильмов «о национальной политике», — фактически пропагандирующие колониальную политику Японии, ее «миротворческую», «освободительную» миссию. С января 1940 г. для всех кинотеатров страны стала обязательной демонстрация хроникальных и документальных фильмов, откровенно пропагандирующих шовинизм, «успехи» нации на трудовом и военных фронтах.

В условиях разгула реакции и постоянных преследований некоторым режиссерам удавалось все же избегать пропагандистских тем, обращаясь к проблемам общечеловеческих ценностей — миру детских надежд, любви и добра. Другие режиссеры даже в пределах жестких регламентаций военного кинематографа сумели поставить фильмы, сразу привлечшие внимание зрителей (Акира Куросава, Киносита Кэйсукэ). В 1944 г. Киносита Кэйсукэ поставил фильм «Армия», который рассказывал о судьбах представителей трех поколений одной семьи, служивших в императорской

армии. Гуманистическая позиция режиссера, определившая развитие темы, отличное от принятого победно-«патриотического» стиля, вызвала резкое осуждение представителей милитаристских кругов.

Однако приближающийся крах империалистической Японии, вызывавший еще большее ужесточение контроля, сделал невозможной деятельность представителей японской культуры даже с весьма умеренными взглядами. Программа пропагандистского оболванивания японца требовала единой позиции нации — беспрекословной верности идеалам милитаризма.

Не менее кризисное положение было характерно и для японского театра, деятельность которого была подчинена задаче мобилизации «патриотического» духа нации. Иная тематика строго воспрещалась. Но развернувшееся в середине 30-х годов антифашистское и антивоенное движение трудящихся масс, интеллигенции, студенчества содействовало стихийному возникновению различных культурных организаций, в том числе и оказавших значительное влияние на театр. В 1936 г. был создан клуб прогрессивных журналистов, объединявший литсотрудников шестидесяти журналов. По инициативе этой интеллигенции собрался съезд деятелей японской культуры, который с целью защиты науки и искусства от полицейских регламентаций создал Общество свободной науки и искусства. Осенью 1936 г. члены этого общества поставили в театре Цукидзи «На дне» Горького, «Разбойники» Шиллера и другие пьесы. Однако начало войны в Китае и тихоокеанской войны стало рубежом решительного наступления на театр. Только классические театры Ноо и Кабуки подвергались меньшему преследованию, чем левый театр, стоявший немало пьес современной социальной тематикой. Так, в начале 40-х годов несколько прогрессивных трупп нового театра были распущены, актеры и режиссеры арестованы. Задачи идеологической обработки населения и осуществления всеобщего гражданского повиновения обусловили ряд мероприятий Управления информации. В 1941 г. был создан Японский союз передвижных театров, предусматривающий отправку передвижных театральных коллективов для выступлений в воинских частях, в различных провинциях страны. Цель, которая преследовалась органами идеологического контроля, — все та же «мобилизация национального духа». Опубликование новых постановлений Управления в 1944 г. полностью опшило японский театр какой-либо самостоятельности.

Изобразительное искусство и архитектура

Влияние эстетических представлений европейской культуры, воспринятых японцами в послемеэйдзийский период, привело к возникновению тенденций обновления канонов школы национальной живописи — «нихонга». Ведущими художниками этого направления в первые десятилетия XX в. стали Симомура Кандзан (1873—

1930), Ёкояма Тайкан (1868—1958), Хисида Сюндзо (1874—1911). Воспитанники Токийской художественной школы (ставшей впоследствии Токийским институтом изящных искусств), они работали в Академии изящных искусств. В 1919 г. была учреждена Императорская Академия изобразительных искусств. Среди ее художников, работавших в стиле «нихонга», был один из выдающихся мастеров национальной живописи Томиока Тэссаи (1836—1924). В 1914—1941 гг. действовали три группы творческих объединений мастеров «нихонга»: первая выставила свои произведения на ежегодных правительственных выставках, вторая — на академических, третья была представлена работами Киотоской школы, известной изысканной художественной традицией.

Традиционные особенности национальной живописи, сложившиеся в средневековье, были восприняты и новыми школами «нихонга». Сохранена была сложная поэтическая символика, предполагающая понимание зрителем художественных ассоциаций, а также традиционная тематика: исторические сюжеты, декоративные композиции с изображением цветов и деревьев с применением ярких и глубоких тонов, нередко с позолотой. Однако следование художественной системе «нихонга» в творчестве крупных мастеров не было простым копированием старых канонов. Изучение европейского искусства позволило этим художникам использовать некоторые его приемы, например светотень и линейную перспективу, в целях гармонического обогащения традиционной живописи. Интересно в этом плане творчество Ёкояма Тайкан, которому принадлежат портретная живопись и многоцветные сюжетные композиции. Но наиболее значительны его работы, выполненные черной тушью (серия «Времена года»). Пейзажная живопись с приглушенной легкостью и мягкостью колорита характерна и для другого крупного художника «нихонга» — Каваи Гёкуро («Золотая осень», «Дождь», «Под деревом» и др.).

Попытка связать традиционное наследие с реализмом европейской живописи видна в портретах и композициях Ито Синсуй, Ясуда Юкихико, Кобаяси Кокэй, Цутида Бакусэн.

Наибольшую связь с национальными формами обнаруживает живопись на ширмах, декоративность которых продолжает традиции знаменитых мастеров средневековья Сотацу и Корина. Например, «Цветущее дерево сливы» Маэда Сэйсон, «Ирисы» Фукуда Хэйхатиро.

Живопись «ёга», следовавшая канонам европейской художественной культуры, обогащала эстетические представления японца, знакомя его со сложным психологизмом портрета, разнообразной социальной проблематикой. Значительная роль в начальный период развития «ёга» принадлежала Курода Сэйки (1865—1924), создавшему еще в 1896 г. при Школе изящных искусств в Токио факультет западной живописи. В 20—30-х годах XX в. приобретают значительную известность мастера «ёга» Умэхара Рюдзабуро

род. 1888), Ясуи Сотаро (1888—1955), Исии Хакутэй (1882—1938). Ясуи Сотаро в 30-х годах был известен как инициатор движения за сохранение традиционных видов искусства, народного ремесленного производства.

В период сильного западного влияния (первые десятилетия XX в.) национальная живопись Японии оказалась под воздействием различных течений импрессионизма, а затем фовизма. В 1914 г. Ясуи Сотаро и Умэхара Рюдзабуро создали общество «Никакай», ставшее центром объединения художников «ёга» и пропаганды европейского искусства. К концу 20-х годов в Японии усилилось распространение влияние последователей Матисса — фовизма [объединения художников во главе с Сатоми Кацудзо (р. 1895)]. Начало 30-х годов было отмечено действием групп, стоящих на позициях кубизма (Иноуэ Огава и др.) и экспрессионизма (Вакита Кудзу). В 1939 г. было создано общество сюрреалистов (Фукудзава Итиро, Фурусава Ивами и др.).

Значительное влияние на развитие изобразительного искусства в конце 20-х — начале 30-х годов оказало движение за пролетарскую культуру, одним из руководителей которого был талантливый художник-график Инасэ Масаму (1900—1945). Активными участниками были получившие после второй мировой войны всемирную известность графики Уэно Макото и Судзуки Ёндзи.

В 1928 г. был создан Японский союз пролетарских художников, сыгравший значительную роль в объединении прогрессивных графиков и живописцев. Союз выпускал журнал «Пролетарское искусство», массовую «Художественную газету», организовал несколько выставок пролетарского искусства. Большое влияние на развитие движения оказала экспозиция русского искусства, демонстрировавшаяся в 1927 г. в нескольких городах Японии (Токио, Осака, Нагоя).

Для живописи пролетарских художников была характерна работа только маслом, создание больших, часто плакатного характера, полотен с обобщенными образами людей из народа, с обязательным политическим сюжетом. За короткое время пролетарскими художниками были созданы значительные по идейной и художественной значимости произведения. Таковы работы Ивамацу Дзюн «Заводские организаторы», Окамото и «Забастовка рабочих электропромышленности» и др. Во второй половине 30-х годов, когда в стране начинается укрепление реакции, все организации прогрессивных художников запрещены, некоторое время продолжали действовать лишь объединения мастеров «нихонга», в художественных приемах которых все больше обнаруживается нарочитая архаизация и влияние сюрреализма и абстракционизма. С началом тихоокеанской войны и эти объединения подверглись репрессиям, разрешена была деятельность только одной организации, вставшей на позиции верноподданности милитаристскому правительству, — Обществу помощи войне средствами искусства.

Архитектура и строительство

Длительное время после революции физическая структура японского города менялась очень медленно. Еще в конце XIX в. тип жилища буржуазии во многом заимствовался у феодалов. Но уже в начале XX в. складывается тип капиталистического особняка. Если резиденция феодала обслуживала обычно и личную, и общественную сторону жизни его семьи (картинные галереи, залы для приемов гостей, личные храмы и молельни) и своим обликом должна была свидетельствовать о его социальном и имущественном положении, то капиталистический особняк, будучи обособленным жилищем, еще больше, чем феодальный замок, подчеркивал имущественное положение хозяина.

Особняки, выраставшие в центре японского города, своим обликом перекликались со зданиями делового района. Они не только были объединены территориально, и те, и другие строились в различных стилях, заимствованных с Запада (иногда в смешении этих стилей), и те и другие использовали техническую оснащенность, свойственную жилищу в западных странах, — отопление, освещение, канализацию, подъемники, и те и другие имели приблизительно одинаковую этажность, манеру облицовки фасада, возводились из одних и тех же, в основном нетрадиционных, материалов. В столице это были особняк барона Сибудзавы, двухэтажное здание в итальянском стиле, и дворец императорской фамилии в Акасака — оба в центральной части города.

В то же время шел процесс, свойственный любому капиталистическому городу, — формировался тип рабочего жилища, создавались рабочие районы как совершенно новые образования, начинающие играть значительную роль в развитии городской структуры. В отличие от средневековых городских районов рабочие кварталы были заселены людьми одного социального положения. Одним из важнейших элементов строительства в рабочих районах становится «типовая» квартира.

В японском городе подобные районы в конце XIX в. возникали очень быстро в силу того, что после открытия страны и революции Мэйдзи были ликвидированы многие преграды, задерживавшие развитие капиталистического способа производства. Основные элементы структуры японского города — феодальный дворец, капиталистический особняк, жилые частные строения и здания общественного назначения, промышленные объекты и торговые помещения — пополнялись наемным жилищем.

Вместе с тем промышленные фирмы по примеру Запада начали возводить для своих рабочих вблизи предприятий жилые корпуса барачного типа. При текстильных фабриках строились общежития для работниц, законтрактованных фирмой в деревнях. Первыми городами, где появляются доходные дома и районы, заполненные бараками и казарменного типа зданиями, были Токио и Иокогама. Вокруг шелкоткацких и шелкомотальных фабрик в Иокогаме вырос целый район одноэтажных и двухэтажных обще-

Дом и сад зажиточного японца

житий, нередко изолированных от остальной части города. Работники содержались в них на строгом казарменном режиме.

Поскольку ни один японский город этого периода не имел определенного, учрежденного правительством или какой-либо городской организацией плана строительства, фабрично-заводские предприятия и возникавшие возле них рабочие кварталы оказывались нередко в центральных городских районах. В качестве примера могут быть приведены застройки Иокогама, Кобэ, Нагоя, Нагасаки, Фукуока и даже столицы.

С развитием промышленного производства ремесленные кварталы начинали входить в рабочие районы. Сыновья ремесленников поступали работать на промышленные предприятия. Но спецификационного быта, обеспечивавшая почти стабильный спрос на многие изделия ремесла (предметы из шелка, соломки, лака, пищевые продукты и т. д.) определяла жизненность ремесленных районов.

Одинаковые конструктивные принципы и использование одних и тех же материалов (дерево, черепица) при строительстве жилища зажиточных и неимущих классов не только не создавали единого типа строения, единообразия в городской структуре, напротив, огромное их различие подчеркивало пропасть между кварталами ремесленников, простолюдинов и аристократическими районами. Тем не менее наличие индивидуалистического начала, свойствен-

ного национальной строительной тенденции, оказалось тем важным фактором, который определил длительное сохранение и городской структуре, особенно в зонах проживания трудового люда, кварталов сугубо национального облика. Эту тенденцию не изменило и многоэтажное строительство, ориентированное на общность типа жилища.

Начатое в конце XIX в. широкое общественное строительство в японском городе пережило в 20-е годы XX в. большое влияние градостроительства США. Многие общественные здания в Японии строились американскими архитекторами. Использование стальных и железобетонных конструкций и объемно-пространственных принципов, свойственных американским деловым зданиям, привело к тому, что на японскую почву начали «пересаживаться» нью-йоркские многоэтажные здания. Но даже самые новейшие материалы и методы строительства этого периода не могли обеспечить многоярусным конструкциям достаточную сейсмоустойчивость. К тому же сооружения-параллелепипеды с большой площадью остекления еще значительно резче, чем другие заимствования, противоречили национальному облику города. Тем не менее тип американского делового здания (несколько сниженной этажности) неоднократно повторяется в деловых районах центральных японских городов. В Токио это, например, Японский промышленный банк (1923) и здание Маруноути, в Осака и Нагоя — банковские комплексы. Японский промышленный банк был сооружен по проекту архитектора Ватанабэ Сэцу и представлял собой семиэтажное здание железобетонной конструкции с банковским помещением на нижних этажах и оффисами — на верхних, с арками, капителями ионических колонн и решетчатым фасадом. Здание, копирующее классический стиль, было абсолютно чуждым облику японского города.

Широкое распространение в 20-х годах идей конструктивизма сыграло значительную роль в развитии всех видов строительства японского города, особенно в формировании районов промышленной застройки, а также строительства зданий общественного назначения. Ле Корбюзье, Гроппиус, Ауд, Мендельсон — основоположники так называемой новой архитектуры — во многих странах имели своих последователей. Социально-экономические предпосылки возникновения этого архитектурного направления были созданы быстрым развитием капитализма, которое требовало широкого строительства промышленных, гражданских, инженерно-технических сооружений.

Простота и четкость композиционного рисунка, скупой декор или полное его отсутствие, стандартизация элементов здания — эти черты были также свойственны и японскому национальному зодчеству. В то же время необыкновенно точное взаимодействие всех элементов строения, равновесие масс и редкое чувство гармонии в соотношении здания с окружающим пространством являлись той основой национального зодчества, которая исключала «сухость», «формальную бедность», все то, в чем обвиняли конструк-

тивистов их многочисленные противники. Но национальный дом наряду с его положительными качествами имел немало и отрицательных. В нем отсутствовали отопление, канализация, кухонное помещение. Малоэтажность жилых комплексов и объемно-пространственное решение отдельных строений и улицы как элементов застройки вступали в XX в. в противоречие с быстрым ростом городского населения. Вопросы синтеза традиции с достижениями техники, соотношения ручного и машинного труда становились все более актуальными для японских архитекторов.

Таким образом, в 20—30-е годы поиски нового шли через отказ от национального архитектурного наследства. Для городской застройки этого времени характерно подражательное перенесение на японскую почву западных образцов, смешение традиционного и западных стилей, что свойственно и самому раннему периоду «вестернизации». Но более всего появлялось зданий в так называемом соревновании стилей. Они были полностью лишены национальных черт, зато отичались изобилием элементов стилей разных стран и эпох (купол или башня посередине, симметричные крылья, греческие колонны, богато орнаментированные фасады).

30-е годы были тяжелым периодом для архитектурно-строительного развития японского города. Военно-бюрократический режим, готовясь к большой войне на материке, взял курс на сдерживание жилого и общественного строительства в стране. Наступило «архитектурное безвременье». В районах интенсивной урбанизации (Токио — Осака, север Кюсю) возводились только фабричные и заводские корпуса, здания барачного типа для размещения рабочих. Но именно в этот период архитектурная школа Японии достигла того, к чему зодчие стремились десятилетиями, — был найден путь соединения традиционного и современного. В 1937 г. на Международной выставке в Париже японский павильон, спроектированный Сакакура Дзюндзо, вызвал всеобщее восхищение. Простое и строгое здание представляло гармоничное соединение традиционных канонов с современным конструктивным решением и современными материалами. Бетон, сталь, бумага, штукатурка, дерево вошли в логичное и закономерное соединение.

Однако политика правительства, начавшего войну в Китае и считавшего сталь из строительства как стратегический материал, насильственным путем прекратила дальнейшее развитие японской архитектурной школы.

С захватом японским империализмом Маньчжурии и созданием на континенте марионеточного государства Маньчжоу-го правительство Японии приступило там к строительству новых городов в псевдояпонском, весьма далеком от истинно национальной традиции, стиле. Бетонные многоэтажные коробки с глубоко изогнутыми на концах крышами представляли основной тип «колониальной архитектуры». План, по которому строились города Маньчжурии, предполагал размещение в центре города разного рода административных зданий вокруг центральной квадрат-

ной площади. Впервые в структуре японского города появляется площадь — казарменный плац — олицетворение власти военной диктатуры. Стандартный и неукоснительно соблюдаемый план расположения кварталов, бетонная серость и унылость эстетического облика застройки, примитивность конструктивно-пространственных схем сооружений и города — таковы «достижения» японской архитектуры этих лет. Засилье военщины во всех сферах политической и социальной жизни страны прервало творческое развитие архитектурно-строительной традиции, отбросив на долгие годы назад как архитектурную школу Японии, так и формирование морфологии города, в том числе и его архитектурного облика.

Япония после второй мировой войны

Глава 19

Американская оккупация.

Восстановление экономических и политических позиций Японии (1945—1956)

Начальный период оккупации

После окончания военных действий на Дальнем Востоке и подписания акта о капитуляции Японии она была оккупирована американскими войсками, выступавшими от имени всех союзных держав. Верховная власть в стране перешла в руки американской оккупационной армии, возглавлявшейся генералом Д. Макартуром.

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. было решено создать из представителей государств, воевавших с Японией, Дальневосточную комиссию с местопребыванием в Вашингтоне для определения общей политической линии союзников в отношении Японии, а также Союзный совет для Японии в Токио из представителей США, СССР, Великобритании и Китая для консультации и советов главнокомандующему оккупационными войсками по вопросам управления Японией.

Основы послевоенной политики союзных держав в отношении Японии были определены Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г. В ней говорилось о необходимости искоренить навсегда милитаризм в Японии, устранить препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций в японском народе, установить свободу слова, вероисповедания и мышления, уважать основные человеческие права.

В Потсдамской декларации нашли отражение изменения в расстановке сил на мировой арене в результате разгрома фашистской Германии и усиления антифашистских, антимилитаристских, демократических настроений во всем мире. Декларация отвечала и чаяниям японского народа, стремившегося освободиться от военного полицейского гнета.

США как главная оккупирующая держава были вынуждены по крайней мере в первые послевоенные годы, придерживаться основных положений Потсдамской декларации, хотя довольно скоро выяснилось, что подлинные цели американского империализма в отношении Японии значительно расходятся с линией, определенной в этом документе. Однако американским оккупационным властям приходилось считаться с волей народных масс Японии, решительно требовавших осуществления демократических преобразований, проведения подлинно миролюбивой политики, выступавших против втягивания страны в новые военные авантюры.

Правящие круги США стремились не допустить возрождения угрозы своим интересам на Тихом океане со стороны японского империализма. Одной из первоочередных задач они считали бессмертное ослабление японского конкурента, установление над Японией не только военного и политического, но и экономического контроля.

Однако американская политика ослабления вчерашнего врага имела свои пределы, диктовавшиеся общностью классовых интересов. Оккупационные власти, вынужденные на первом этапе проводить политику демилитаризации и демократизации Японии, делали все от них зависящее, чтобы проводимые преобразования не разрушали основ капиталистического строя и не переросли в революцию.

В свою очередь, господствующие классы Японии, больше всего опасавшиеся, как бы поражение в войне и капитуляция не привели к революции в стране, видели в недавнем противнике — США — не только классового союзника, но и спасителя. Во имя своих классовых интересов они были готовы пойти на сделку с американским империализмом, чтобы сохранить в Японии буржуазный строй. Правящая верхушка Японии широко использовала тактику запугивания оккупационных властей, чтобы добиться от них уступок в принципиально важных для себя вопросах, например о сохранении иерархии.

В противовес этому Советский Союз последовательно добивался полного и неукоснительного выполнения Потсдамской декларации, проведения подлинной демократизации и демилитаризации Японии, осуществления в стране таких коренных преобразований, которые служили бы надежной гарантией против возрождения милитаризма и агрессии, обеспечили бы превращение Японии в мирное, демократическое государство. В этих целях СССР активно пользовался Дальневосточной комиссией, а также Союзный совет в Японии, несмотря на их ограниченные возможности. Аргументированно критикуя половинчатость и непоследовательность

американской политики в отношении Японии, СССР вынуждал правящие круги США идти по пути преобразований дальше, чем они намеревались.

Такая политика Советского Союза встречала одобрение и поддержку трудящихся, всех прогрессивных сил Японии, которые видели в ней выход из послевоенных экономических трудностей, путь к защите их демократических прав и жизненных интересов.

На основе Потсдамской декларации оккупационные власти издали ряд директив по демократизации и демилитаризации Японии.

Была разрешена деятельность политических партий, освобождены политические заключенные, в том числе и коммунисты, принят закон о профсоюзах, впервые в истории Японии предоставлявший всем рабочим право на организацию профсоюзов, коллективные переговоры и стачки. Введено всеобщее избирательное право как для мужчин, так и для женщин. Провозглашены демократические свободы — слова, печати, собраний, организаций, вероисповедания.

Все вооруженные силы Японии были демобилизованы, а военные учреждения и тайная полиция ликвидированы. Милитаристские и шовинистические организации подлежали роспуску. Суду Международного военного трибунала были преданы 28 главных японских военных преступников. Была проведена чистка государственных учреждений и политических организаций от лиц, связанных в прошлом с военно-фашистской деятельностью, охватившая свыше 200 тыс. человек.

Американские оккупационные власти взяли в свои руки внешнеполитические функции, внешнюю торговлю и финансы Японии, поставили под контроль юридические и полицейские органы. Вместе с тем был в основном сохранен старый государственный аппарат, его лишь несколько обновили в ходе чистки. Этому аппарату, полностью послушному оккупационным властям, и было поручено выполнение директив о послевоенных преобразованиях. Цель состояла в том, чтобы не допустить подлинной демократизации Японии.

В таких условиях осуществление директив о демилитаризации и демократизации Японии всячески тормозилось. Несмотря на чистку, в государственном аппарате осталось много милитаристских, профашистских элементов. Не были привлечены к суду многие военные преступники, в том числе руководители крупных концернов — дзайбацу — вдохновители и организаторы агрессии японского милитаризма.

После окончания войны японская экономика оказалась в состоянии разрухи, хотя ее производственно-техническая база сравнительно мало пострадала от военных действий. Импорт сырья, топлива и продовольствия был практически прекращен. Большинство промышленных предприятий не работало. Уровень промышленного производства в январе 1946 г. составлял 14% довоенного (среднегодового за 1935—1937 гг.). В стране свирепствовала

жестокая инфляция: количество бумажных денег с 1945 по 1947 г. увеличилось в четыре раза. В конце 1945 г. реальная заработная плата рабочих составляла лишь 13% довоенного, тоже крайне низкого уровня.

В результате прекращения военного производства, демобилизации армии и флота, репатриации японцев из бывших колоний и оккупированных территорий массовая безработица достигла почти 10 млн. человек.

Японские монополии саботировали восстановление экономики, ссылаясь на то, что действующие предприятия могут быть демонтированы за счет репараций. Закрывались заводы под предлогом нерентабельности, отсутствия сырья, недостатка денежных средств и т. д. В течение двух лет после войны промышленное производство в Японии не превышало одной трети довоенного уровня.

В начальный период оккупации США не ставили своей задачей восстановление японской экономики, добивались прежде всего максимального ослабления опасного конкурента. Но из-за опасения социальных конфликтов и массового революционного движения они были вынуждены оказывать Японии экономическую помощь.

Сразу же после капитуляции стали восстанавливаться старые и возникать новые политические партии. Впервые получила возможность легальной деятельности Коммунистическая партия Японии, во главе ее встали освобожденные из тюрем в октябре 1945 г. деятели, активно работавшие в партии еще до войны. В ноябре 1945 г. возобновила свою деятельность Социалистическая партия Японии.

При содействии оккупационных властей формировались буржуазные политические партии. В ноябре 1945 г. была образована Либеральная партия (Дзюто), основное ядро которой составили члены довоенной буржуазно-помещичьей партии Сэйюкай. Тогда же возникла Прогрессивная партия (Симпото), в которую вошли члены довоенной буржуазной партии Минсэйто. Лидер Сэйюкай — Сидэхара в октябре 1945 г. был поставлен во главе правительства. В декабре 1945 г. была создана Японская партия сотрудничества (Нихон кёдотэ), выражавшая интересы средней и отчасти мелкой буржуазии.

Поражение в войне, ликвидация репрессивного аппарата и другие преобразования создали совершенно новую, благоприятную для развития рабочего и демократического движения обстановку в стране. Подъему борьбы трудящихся за демократические права и жизненные интересы способствовали и послевоенная экономическая разруха, массовая безработица, инфляция, продовольственный кризис.

Быстрыми темпами стали создаваться организации рабочего класса, в первую очередь профсоюзы. В 1947 г. в профсоюзах было объединено 5,6 млн. рабочих, а в 1949 г. — 6,6 млн., или 55,8% всех рабочих и служащих страны. Многие профсоюзы находились под влиянием коммунистов.

Забастовка рабочих в послевоенной Японии

Сразу же началась борьба между революционными и реформистскими силами за руководство бурно разраставшимся профсоюзным движением. В августе 1946 г. правыми реформистами была образована Японская федерация профсоюзов (Содомэй), ставшая проводником политики сотрудничества труда и капитала и объединившая 850 тыс. человек. Тогда же по инициативе коммунистов и левых профсоюзных деятелей был создан Всеяпонский конгресс производственных профсоюзов (Самбэцу кайги), в который вошел 21 отраслевой профсоюз с 1,6 млн. членов (43% всех членов профсоюзов страны).

В первые послевоенные годы ведущей силой профсоюзного движения был Самбэцу кайги. Он выдвинул требование гарантированного минимума заработной платы, 8-часового рабочего дня, социального страхования за счет капиталистов, восстановления национальной экономики. Добиваясь удовлетворения этих требований, рабочие широко прибегали к забастовкам.

В ответ на саботаж предпринимателей, отказывавшихся восстанавливать производство, профсоюзы стали брать предприятия в свои руки, устанавливать рабочий контроль над производством.

Движение за установление рабочего контроля вышло за рамки отдельных предприятий, стали возникать советы восстановления производства по отраслям. Японское правительство и оккупационные власти расценили такие действия рабочих как посягательство на частную собственность. В июне 1946 г. рабочий контроль над производством был объявлен незаконным.

Борьба рабочего класса способствовала росту активности дру-

их слоев трудящихся Японии. Крестьяне поднимались на борьбу за землю, за демократизацию деревни, в ходе которой по всей стране создавались крестьянские союзы, в феврале 1946 г. объединившиеся во Всеяпонский крестьянский союз (Нитино). Все это вынудило правящие круги Японии и США пойти на существенные уступки из опасения более серьезных социальных потрясений.

Борьба трудящихся, требовавших немедленного разрешения продовольственной проблемы, образования демократического правительства, нарастала. Осенью 1946 г. в забастовочной борьбе участвовало более 2 млн. человек. В массовых митингах и демонстрациях в Токио принимали участие по полмиллиона человек. Оккупационные власти перешли к репрессивным мерам против массовых выступлений. Когда Всеяпонский комитет совместной борьбы профсоюзов принял решение о проведении всеобщей забастовки 1 февраля 1947 г., генерал Макартур за несколько часов до начала стачки издал указ о ее запрещении. Тем самым были разоблачены иллюзии в отношении «прогрессивного», «демократического» характера американских оккупационных властей.

Репрессивные меры лишь усилили стремление рабочего класса к единству. В марте 1947 г. был создан Национальный совет связи профсоюзов (Дзэнрорэн), объединивший около 4,5 млн. человек, или 84 % организованных рабочих и служащих страны.

Послевоенные реформы и преобразования

Правящие круги США не могли не считаться со сложившейся после второй мировой войны в мире и в Азии обстановкой, а также с нарастающими в Японии требованиями политических, экономических и социальных преобразований. Они были вынуждены провести в Японии ряд реформ.

Одной из них был роспуск монополистических концернов — дзайбацу, несших прямую ответственность за развязывание агрессии японского милитаризма.

Были распущены головные компании крупнейших монополистических концернов — дзайбацу Мицуи, Мицубиси, Сумимото, Ясуда. Принадлежавшие головным компаниям дзайбацу акции и другие ценные бумаги подлежали распродаже преимущественно среди служащих этих компаний. Были приняты меры с целью не допустить возрождения крупных монополистических концернов. В 1947 г. вступили в силу закон о запрещении монополий и обеспечении справедливых сделок и закон о запрещении чрезмерной концентрации экономической мощи. Эти законы запрещали создание головных держательских компаний, картелей и других монополистических объединений, а также владение более чем 25% акций других компаний.

Сразу же после окончания войны остро встал вопрос об аграрной реформе, скорейшего проведения которой требовало без-

земельное крестьянство. Попытки правящих кругов сохранить помещичье замлевладение, нашедшие отражение в принятом парламентом в декабре 1945 г. первом законе об аграрной реформе, вызвали резкие протесты со стороны крестьянских организаций и других демократических сил. Этот закон был подвергнут резкой критике советским представителем в Союзном совете для Японии, который предложил советский проект аграрной реформы, предусматривавший конфискацию большей части помещичьей земли и передачу ее тем, кто ее обрабатывал.

Советский проект оказал большое влияние на разработку второго закона об аграрной реформе, принятого парламентом в октябре 1946 г. По этому закону размер земельной собственности ограничивался площадью 3 тё (на Хоккайдо — 12 тё). Остальная помещичья земля подлежала выкупу с дальнейшей продажей преимущественно обрабатывающим ее арендаторам.

К 1950 г. государство выкупило и продало крестьянам около 2 млн. тё, т. е. 80% всей арендной земли. В результате частнособственническое крестьянское хозяйство стало преобладать в японской деревне. Реформа создала более благоприятные условия для развития капитализма в сельском хозяйстве.

Среди других реформ большое значение имело введение в 1947 г. нового трудового законодательства, установившего 8-часовой рабочий день, систему оплачиваемых отпусков, охрану труда женщин и подростков и т. д. Это законодательство, однако, не устранило дискриминацию в оплате труда в зависимости от пола, размера предприятия, не ликвидировало систему временных рабочих, также носившую дискриминационный характер.

В 1947 г. была осуществлена реформа системы образования. Период обязательного и бесплатного обучения был увеличен с шести до девяти лет. Из школьного обучения была устранена шовинистическая и националистическая пропаганда. Важную роль в контроле над обучением стали играть выборные школьные комиссии с участием представителей населения.

В апреле 1946 г. состоялись первые после окончания войны выборы в японский парламент. Наибольшее число мест (140) получила Либеральная партия, за ней следовали Прогрессивная (94) и Социалистическая (92). Коммунисты завоевали 5 депутатских мест. Лидер Либеральной партии Ёсида сформировал новое правительство, в котором приняла участие и Прогрессивная партия.

В ноябре 1946 г. парламент утвердил новую конституцию Японии, которая вступила в силу 3 мая 1947 г. Конституция сохранила монархический строй, но статус императора был коренным образом изменен: из почти абсолютного монарха он превратился в «символ единства нации» и был фактически лишен политической власти. Была провозглашена суверенная власть народа.

Конституция провозгласила равенство всех граждан перед законом и основные демократические права и свободы. Парламент был объявлен высшим и единственным законодательным органом власти. Правительство, ранее назначавшееся императором, стало избираться

ся парламентом и нести перед ним ответственность. Обе палаты парламента — палата представителей и палата советников — стали избираться прямым голосованием.

В конституцию была включена статья 9, в которой записано, что «японский народ навсегда отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Был зафиксирован также отказ от создания вооруженных сил. Эти положения конституции стали возможными в обстановке сильных антивоенных настроений, широко распространившихся в стране в результате разгрома японского милитаризма. Они отражали также решительные требования мировой общественности не допустить возрождения агрессивного японского милитаризма.

Американские оккупационные власти стремились использовать реформы для стабилизации социально-политической обстановки в стране, для укрепления капиталистического строя. Вскоре после прекращения всеобщей забастовки были назначены выборы в парламент — первые по новой конституции.

Перед выборами была осуществлена перегруппировка сил в буржуазно-либеральных кругах, рассчитывавших привлечь на свою сторону массы трудящихся. На базе распущенной Прогрессивной партии и с участием некоторых деятелей Либеральной партии, вышедших из нее, была образована Демократическая партия (Минсюто), провозгласившая лозунги «исправленного капитализма» и «политики среднего пути». Тогда же возникла Народно-кооперативная партия в результате слияния двух мелких партий.

Этот маневр, однако, не достиг цели. Наибольшего успеха на состоявшихся 25 апреля 1947 г. выборах в палату представителей добилась Социалистическая партия, которая в ходе предвыборной кампании обещала вывести страну из экономического кризиса, покончить с инфляцией, национализировать основные отрасли промышленности, принять меры по повышению жизненного уровня народа. Социалисты получили 143 депутатских мандата. Либеральная партия — 131, Демократическая — 124, Народно-кооперативная — 31, Коммунистическая — 4.

Хотя буржуазные партии вместе получили большинство мест в нижней палате, формирование нового правительства было поручено Катаяма — лидеру Социалистической партии, имевшей крупнейшую депутатскую фракцию. В правительство вошли также представители Демократической и Народно-кооперативной партии. Либералы отказались участвовать в нем, хотя принимали участие в разработке четырехпартийного соглашения о правительственной политике.

Такой состав правительства устраивал и оккупационные власти, которые рассчитывали руками социалистов осуществить ряд непопулярных экономических мер, чтобы затем в случае взрыва народного возмущения возложить на них ответственность.

Правительство Катаяма начало свою деятельность с установления контроля над заработной платой и ценами, причем соотноше-

ние между ними было значительно хуже для трудящихся по сравнению с довоенным уровнем. Политика государственных субсидий на восстановление производства, саботировавшегося монополиями, привела к повышению налогов. Инфляцию остановить не удалось.

Правительство оказалось неспособным осуществить национализацию угольной промышленности, которую оно обещало, поскольку против этой меры выступила Демократическая партия, не говоря уже об оппозиционной Либеральной.

В конечном счете кабинет Катаяма не оправдал возлагавшихся на него ожиданий трудящихся масс и в обстановке острых межпартийных разногласий был вынужден уйти в отставку в феврале 1948 г. Новое, также коалиционное правительство сформировал лидер Демократической партии Асида. В кабинет Асида вошли представители тех же партий, которые были в правительстве Катаяма.

Правительство Асида взяло курс на решение экономических проблем посредством привлечения иностранного капитала и наступления на жизненный уровень трудящихся (повышения налогов, железнодорожных тарифов и т. д.).

Участие социалистов в правительстве Асида, откровенно выражавшем интересы крупного капитала, привело к обострению внутренней борьбы в СПЯ. Левые социалисты проголосовали в парламенте против правительственного проекта государственного бюджета. Они были исключены из Социалистической партии и в декабре 1948 г. образовали Рабоче-крестьянскую партию (Роното).

Поворот в политике США. «Обратный курс»

Крах кабинета Катаяма совпал с переменами в глобальной политике США, в которой резко усилились антикоммунистические, антисоветские тенденции. Этот поворот проявился в переходе к «холодной войне», в принятии «доктрины Трумэна», «плана Маршалла», в образовании НАТО и т. д. В отношении Японии новый курс США выразился в их фактическом отказе от согласованных решений союзных держав.

Успехи народной революции в Китае, которому в первые послевоенные годы отводилась роль главной опоры антикоммунистической стратегии США в Азии, побудили Вашингтон сделать основную ставку на Японию. В оккупационной политике Соединенных Штатов в Японии возобладали новые тенденции — отказ от политики демократизации, содействие восстановлению позиций японского монополистического капитала как наиболее надежного союзника американского империализма, возрождение военной мощи Японии.

Составной частью новой оккупационной политики, получившей название «обратного курса», стало наступление на рабочее и демократическое движение, на права трудящихся. По указанию генера-

ла Макартура правительство Асида в июле 1948 г. приняло декрет № 201, который лишал права на забастовки государственных служащих — самый боевой отряд трудящихся, составлявший около трети всех организованных рабочих Японии.

Оккупационные власти и правящие круги Японии направили удар против профсоюзов, чтобы расколоть крупнейшую профсоюзную организацию того времени — Самбэцу кайги — и тем самым ослабить массовую опору компартии. При прямой поддержке оккупационных властей и японских реакционных сил соглашательские элементы начали кампанию «за демократизацию профсоюзов».

Начало этому «движению» было положено созданием в октябре 1947 г. правыми силами в профсоюзе работников государственных железных дорог «Антикоммунистической лиги», выступившей за ликвидацию коммунистических групп в этом профсоюзе под фальшивым предлогом, что они якобы используются компартией в качестве «инструмента» для совершения насильственной революции.

В январе 1948 г. правореформистская Японская федерация труда (Содомэй) разработала программу «движения за демократизацию профсоюзов». В феврале 1948 г. правые создали «Лигу демократизации Самбэцу кайги» и потребовали от профсоюзов большего сотрудничества с предпринимателями.

В 1948—1949 гг. «лиги демократизации» были созданы во всех отраслевых профсоюзах, входивших в Самбэцу кайги. В условиях массовых увольнений профсоюзных активистов и членов КПЯ из государственных предприятий правым силам удалось захватить руководство в целом ряде отраслевых профсоюзов и вывести их из Самбэцу кайги. В результате численность этого профцентра сократилась с 1,2 млн. человек в 1948 г. до 770 тыс. в конце 1949 г.

Раскол Самбэцу кайги, переход руководства многими профсоюзами в руки деятелей «движения за демократизацию», стоявших на позициях классового сотрудничества, ослабили рабочее движение и облегчили оккупационным властям проведение мер по усилению американского экономического и политического контроля над Японией.

С переходом США к курсу на укрепление Японии как главного американского плацдарма в Азии Вашингтон стал уделять больше внимания восстановлению японской экономики.

В 1948 г. промышленное производство в Японии составляло половину уровня 1937 г., тогда как в Западной Германии и Италии довоенный уровень был практически восстановлен. В Японии свирепствовала инфляция, препятствовавшая возрождению экономики.

Опасаясь обострения социальных конфликтов и нового подъема рабочего и демократического движения, оккупационные власти и правительство Японии приступили с начала 1949 г. к осуществлению «плана экономической стабилизации». Этот план предусматривал, в частности, сбалансирование государственного бюджета путем увеличения налогов и ограничения субсидий, стабилизацию заработ-

ной платы, установление контроля над ценами. Экономическую «стабилизацию» явно стремились осуществить за счет трудящихся.

Одновременно был нанесен удар по наиболее организованному отряду рабочего класса — работникам государственных предприятий и учреждений. В ноябре 1948 г. был принят закон о трудовых отношениях на государственных предприятиях, согласно которому работникам этих предприятий было запрещено участвовать в забастовках, ограничивалось их право на ведение коллективных переговоров.

Наряду с наступлением на рабочее движение принимались меры по укреплению политических позиций буржуазии. В марте 1948 г. Либеральная партия, к которой присоединились некоторые вышедшие из Демократической партии деятели во главе с Сидэхара, была преобразована в Демократическо-либеральную партию. Возглавил ее Ёсида.

Создание Демократическо-либеральной партии означало, что как оккупационные власти, так и японские господствующие классы готовы к замене коалиционного кабинета с участием социалистов и что его падение — это всего лишь вопрос времени. С ростом недовольства масс политикой правительства Асиды ему пришлось уйти в отставку осенью 1948 г. Новое правительство возглавил Ёсида.

После того как в декабре палата представителей выразила недоверие новому правительству, она была распущена и назначены новые выборы. Крупный капитал оказал значительную финансовую поддержку Демократическо-либеральной партии, которая смогла также расширить свое влияние в деревне за время развертывания аграрной реформы.

В результате выборов, проводившихся в январе 1949 г., абсолютное большинство в палате представителей (264 места) получила Демократическо-либеральная партия. Тяжелое поражение потерпела Социалистическая партия, скомпрометировавшая себя сотрудничеством с буржуазными партиями. СПЯ получила всего 48 депутатских мест, потеряв 3 млн. голосов.

Потерпела поражение и Демократическая партия, получив 69 мест — почти вдвое меньше, чем на предыдущих выборах. Такой исход был результатом широкого массового недовольства политикой правительства Асиды.

Большого успеха на выборах добилась Коммунистическая партия, несмотря на ожесточенную антикоммунистическую кампанию перед выборами, во время которой власти не останавливались даже перед арестом кандидатов-коммунистов. За кандидатов КПЯ голосовало 3 млн. избирателей (на предыдущих выборах 975 тыс.). Партия получила 35 мест в палате представителей, в 9 раз больше, чем на предыдущих выборах.

Успех коммунистов напугал реакционные силы. Вновь ставший премьер-министром Ёсида заявил после формирования нового правительства, что одной из его важнейших задач будет «отпор деятельности КПЯ».

«Линия Доджа»

После завершения перегруппировки политических сил оккупационные власти приступили к реализации плана стабилизации японской экономики. Эту работу возглавил назначенный главным советником по экономическим и финансовым вопросам штаба оккупационных войск известный американский финансист Додж.

Додж разработал проект государственного бюджета Японии на 1949 финансовый год, предусматривавший резкое сокращение правительственных расходов и одновременное увеличение доходов. Додж предлагал ликвидировать государственные субсидии на поддержание цен и восстановление производства важнейших видов продукции. Безвозмездные государственные субсидии должны были быть заменены коммерческими банковскими кредитами.

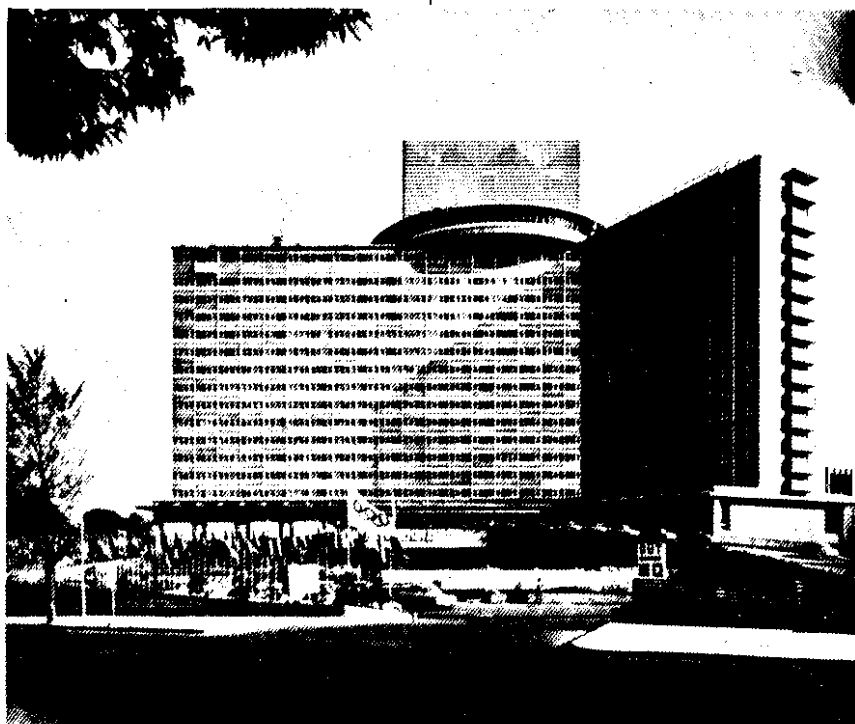
Главный путь повышения государственных доходов Додж видел в крупном (на 62%) повышении налогов. Представленный Доджем проект государственного бюджета был одобрен парламентом.

По рекомендации Доджа были внесены изменения и в систему американской экономической помощи Японии — был создан «эквивалентный фонд», пополнявшийся средствами от продажи в Японии американских товаров, которые поставлялись в порядке помощи. Этот фонд был предназначен для долгосрочного кредитования крупных компаний под контролем оккупационных властей.

В целях сокращения американской помощи были приняты меры по расширению японского экспорта, в том числе и тех товаров, острый недостаток которых ощущался в самой Японии, и уменьшению пассивного сальдо внешнеторгового баланса Японии. Был установлен твердый обменный курс в соотношении 360 иен за 1 доллар США.

Важной частью «линии Доджа» была осуществленная в 1949 г. реформа налоговой системы Японии, проект которой был разработан группой американских экспертов во главе с Шоупом. Суть реформы состояла в увеличении налогов в целях «преодоления инфляции и стабилизации экономики». Одновременно произошло перераспределение налогового бремени — снижены налоги на корпорации путем переоценки стоимости постоянного капитала, отменены налоги на сверхприбыли за счет увеличения налогообложения трудящихся.

Тем самым были созданы благоприятные условия для ускоренного накопления капитала и повышения темпов экономического роста. Однако начавшийся рост экономики имел узкую базу, поскольку покупательский спрос широких слоев трудящихся был весьма ограниченным. Более того, отмена государственных субсидий на стабилизацию цен привела к их быстрому росту, ухудшила положение многих мелких и средних предприятий, большее число которых обанкротилось. Стремление предпринимателей сократить издержки производства в этих условиях привели к его «рационализации», сопровождавшейся интенсификацией труда, массовыми увольнениями, снижением заработной платы.

*Гостиница Нью-Отани в Токио — первое высотное
17-этажное здание в Японии*

По рекомендации Доджа правительство Ёсида разработало план упорядочения административного аппарата и реорганизации предприятий, в соответствии с которым в течение 1949 г. было уволено свыше полумиллиона рабочих и служащих.

Чтобы ослабить сопротивление трудящихся «линии Доджа», в июне 1949 г. были пересмотрены закон о профсоюзах и закон о регулировании трудовых отношений в сторону ограничений прав профсоюзов (обязательного согласия профсоюзов при увольнении, свободы профсоюзной деятельности на предприятиях и т. д.).

В процессе наступления на рабочее движение реакция не останавливалась перед прямыми провокациями. В 1948 г. был организован ряд инцидентов (крушение поезда, убийство полицейского и т. д.), использованных для ареста профсоюзных активистов и коммунистов, для организации судебных процессов над ними с вынесением суровых, в том числе смертных, приговоров («дело Мацукава», «дело Симояма», «дело Митака»). Эти провокации послужили предлогом для проведения массовых репрессий против коммунистов и профсоюзных руководителей, для ослабления движения протеста против массовых увольнений, против ухудшения условий жизни.

В политике оккупационных властей, направленной на подчинение рабочего движения Японии идеологии сотрудничества труда и капитала, важное место занимали планы создания общенационального профцентра, стоящего на соглашательских позициях. Этим целям должно было служить образование в июле 1950 г. Генерального совета профсоюзов Японии (Сохё) в результате объединения профсоюзов, отколовшихся от Самбэцу кайги, с союзами моряков, текстильщиков и левым крылом Японской конфедерации труда (Содомэй). В Сохё вошли профсоюзы общей численностью 2 млн. 760 тыс. человек — почти половина всех организованных в профсоюзы японских рабочих.

По замыслам инициаторов создания Сохё, он должен был придерживаться антикоммунистических позиций. Эта линия была включена в документы учредительного съезда профцентра, таких взглядов придерживались его первые руководители. Однако Сохё, созданный сразу же после начала войны в Корее, под влиянием массового антивоенного движения принял активное участие в борьбе за мир. Второй съезд Сохё высказался в поддержку борьбы за нейтралитет Японии, против ее ремилитаризации, за вывод американских военных баз. Одновременно съезд отверг предложение руководства о вступлении Сохё в международную конфедерацию свободных профсоюзов, известную своей правореформистской, антикоммунистической направленностью.

Сохё стал уделять первостепенное внимание борьбе за демократические права и жизненные интересы рабочего класса. Это увеличивало его авторитет в рабочих массах, способствовало утверждению лидирующей роли Сохё в профсоюзном движении страны.

Война в Корее и Япония

Американский империализм отводил Японии важную роль в развязанной им в июне 1950 г. войне в Корее. Япония стала основной базой, с которой осуществлялась переброска американских войск в Корею.

Война в Корее сыграла ключевую роль в восстановлении японской экономики, находившейся на грани серьезного кризиса. Резко возросший в результате войны спрос на вооружение и военные материалы, на военные перевозки и услуги, на продовольствие и т. д. создал военно-инфляционный бум в японской экономике. Поступления от американских «спецзаказов» в 1950—1953 гг. достигли почти 2,5 млрд. долл. Они позволили Японии покрыть внешнеторговый дефицит и расширить импорт сырья.

Для выполнения американских военных заказов были пущены в ход мощности японской промышленности, сохранившиеся вследствие фактического отказа США от изъятия японского промышленного оборудования в счет репараций. В этих же целях оккупационные власти почти полностью сняли ограничения в области промышленности и внешней торговли, установленные сразу же после

окончания второй мировой войны. В 1949—1951 гг. объем промышленного производства вырос более чем в полтора раза, превысив довоенный уровень. Оборот внешней торговли Японии за 1950—1954 гг. был почти в 10 раз больше, чем в период 1945—1949 гг.

Еще до начала войны в Корее оккупационные власти допускали возможность ремилитаризации Японии под предлогом «самообороны». Через несколько дней после начала войны генерал Макартур потребовал от правительства Ёсида создания вооруженных сил под видом резервных полицейских частей. В августе 1950 г. был издан правительственный указ о создании резервного полицейского корпуса численностью 75 тыс. человек. Хотя формальной целью его создания было укрепление полиции в связи с переброской из Японии на корейский фронт значительной части американских оккупационных войск, этот корпус и по структуре, и по техническому оснащению с самого начала был воинским формированием. Большинство командных постов в нем заняли бывшие офицеры императорской армии.

Подготовка и развязывание войны в Корее были использованы оккупационными войсками и японской реакцией для нового наступления на рабочее и демократическое движение Японии. Незадолго до начала войны, 6 июня 1950 г., генерал Макартур распорядился отстранить от политической деятельности 24 членов ЦК Компартии Японии, а на следующий день — 17 ответственных работников газеты «Акахата», которую издает КПЯ.

Сразу же после начала войны Макартур издал директиву о запрещении газеты «Акахата» и других изданий КПЯ. В июле было запрещено проведение любых митингов и демонстраций по всей стране. В августе был распущен Национальный совет связи профсоюзов (Дзэнрорэн), входивший во Всемирную федерацию профсоюзов.

С изданием в июле директивы штаба оккупационных войск об увольнении коммунистов и сочувствующих им лиц из органов массовой информации началась так называемая чистка красных, в ходе которой увольнялись члены КПЯ, профсоюзные активисты, наиболее активные участники борьбы трудящихся. Эта антикоммунистическая кампания охватила всю страну. Всего в ходе «чистки красных» было уволено около 20 тыс. человек.

Несмотря на репрессии, Компартия Японии решительно выступала против агрессивной войны США в Корее, разоблачала политику фактического соучастия Японии в этой войне, вела борьбу против наступления реакции на демократические права трудящихся, против ремилитаризации страны. Положение КПЯ в то время было особенно трудным из-за отсутствия единства в ее руководстве. Часть созданного после начала войны в Корее легального временного руководства КПЯ придерживалась левоавантюристической тактики вооруженных выступлений. Эта ошибочная линия была использована реакционными силами для усиления репрессий против КПЯ. Левацкий авантюризм нанес значительный ущерб компартии, ослабил ее влияние в массах.

Сан-Францисский мирный договор и Сан-Францисская система

После начала войны в Корее, фактическое соучастие в которой принимала Япония, еще более актуальным стал вопрос о заключении мирного договора с Японией. Советский Союз последовательно добивался заключения такого мирного договора, который служил бы гарантией против возрождения японского милитаризма и в то же время открывал путь для мирного, демократического развития Японии. Это способствовало бы упрочению мира и безопасности в Азии.

СССР предлагал возложить подготовку мирного договора с Японией на Совет министров иностранных дел четырех держав (СССР, США, Англии, Китая), который принял бы во внимание интересы всех государств, внесших свой вклад в победу над Японией. США же всячески стремились обойти Совет министров иностранных дел, в котором существовал принцип единогласия, и сосредоточить всю подготовку договора в Дальневосточной комиссии, где у них было послушное большинство.

Правящие круги США рассматривали мирное урегулирование с Японией с позиций «холодной» войны, как средство превращения Японии в участника агрессивного военно-политического блока, направленного против социалистических и освободившихся от колониальной зависимости стран. США стремились к тому, чтобы закрепить в мирном договоре или в сопутствующих ему соглашениях экономические и политические позиции, которые они приобрели в период оккупации, сохранить свой контроль над Японией.

Эта линия США в целом находила поддержку со стороны монополистического капитала Японии, видевшего в американских войсках главную опору восстановления своего пошатнувшегося экономического и политического господства в стране. Ради сохранения и укрепления своих позиций монополии готовы были на ограничение национального суверенитета Японии и после заключения мирного договора.

США попытались навязать другим странам, участвовавшим в войне с Японией, свои условия мирного договора. Американский проект мирного договора исходил из сохранения американских войск в Японии после его заключения, из признания права Японии на перевооружение. СССР высказал замечания по этому проекту, указав, что в нем игнорируются международные обязательства союзных держав по обеспечению демилитаризации и демократизации Японии, не устанавливаются ограничения на военные приготовления Японии, а также сроки вывода оккупационных войск после заключения мирного договора. Советское правительство вновь предложило созвать совещание Совета министров иностранных дел для подготовки мирного договора, который обеспечил бы демилитаризацию и демократизацию Японии, отменил бы все ограничения на развитие мирной экономики страны.

Стремление правящих кругов США навязать Японии зависи-

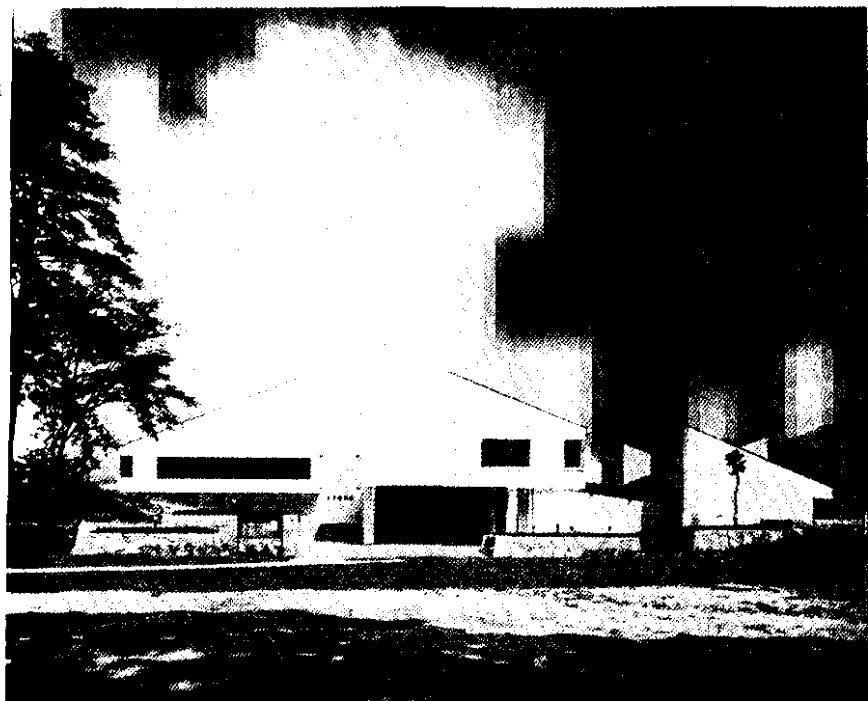
мое положение под видом мирного урегулирования вызвало протесты японских демократических сил. В стране развернулось массовое движение за всесторонний мирный договор, с участием всех стран, воевавших с Японией. В январе 1951 г. по инициативе Коммунистической, Рабоче-крестьянской партий, ряда демократических организаций был создан Совет патриотического движения за всесторонний мирный договор. Он организовал сбор подписей под обращением о заключении всестороннего мирного договора, против ремилитаризации страны. Под этим обращением было собрано 4,8 млн. подписей. Кроме того, 6,4 млн. человек подписались под Стокгольмским воззванием Всемирного Совета Мира за запрещение атомного оружия. Движение за всесторонний мирный договор стало основой развернувшегося в дальнейшем широкого движения за мир.

Продолжавшаяся война в Корее способствовала усилению антивоенных настроений в Японии. На VII съезде СПЯ в январе 1951 г. вопреки сопротивлению правого крыла были приняты «три принципа мира» — ликвидация американских военных баз, заключение всестороннего мирного договора, обеспечение нейтралитета Японии. В марте 1951 г. на II съезде Сохё были единодушно приняты «четыре принципа мира» — три, выдвинутых ранее социалистами, а также недопущение ремилитаризации Японии.

В сентябре 1951 г. США при поддержке Англии создали в городе Сан-Франциско мирную конференцию, которой был представлен разработанный этими государствами проект мирного договора с Японией. СССР принял приглашение участвовать в конференции, с тем чтобы содействовать заключению подлинного демократического мирного договора.

Несмотря на настойчивые требования СССР, на Сан-Францисскую конференцию не были приглашены КНР, КНДР, МНР и ДРВ. Индия и Бирма, не согласные с американо-английским проектом мирного договора, не приняли в ней участия. На конференцию были приглашены многие государства, в основном латиноамериканские, фактически не участвовавшие в войне против Японии. Всего на конференции были представлены 52 страны.

Советская делегация на конференции подвергла аргументированной критике американо-английский проект мирного договора с Японией, подчеркнув, что такой договор должен основываться на совместных решениях союзных держав периода второй мировой войны — Каирской и Потсдамской декларациях, Ялтинском соглашении, а также на решениях Дальневосточной комиссии. Делегация СССР выдвинула ряд конструктивных предложений и поправок к представленному на конференции проекту, создававших основу для превращения его в подлинно демократический, всесторонний мирный договор. Однако эти предложения даже не обсуждались. При сложившихся обстоятельствах советская делегация, а также делегации Польши и Чехословакии не сочли возможным подписать Сан-Францисский мирный договор.

Спортивный комплекс в Кансайском районе

Сан-Францисский мирный договор, формально восстанавливавший суверенитет Японии, в то же время допускал возможность размещения или сохранения иностранных вооруженных сил на ее территории, если об этом будет заключено специальное соглашение. Договор не устанавливал ограничений на ремилитаризацию Японии, ее участие в военных блоках.

В договоре говорилось, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»¹. В нем зафиксирован также отказ Японии от Тайваня, о-вов Пэнхуледао и др. Вместе с тем в договоре не было указано, что Южный Сахалин и Курильские острова возвращаются Советскому Союзу, а Тайвань и о-ва Пэнхуледао — Китаю, как это было предусмотрено соглашениями союзных держав военного времени.

«Договор безопасности»

Одновременно с мирным договором в Сан-Франциско был подписан «договор безопасности» между США и Японией, по которому

¹ История войны на Тихом океане. М., 1958. Т. 5. С. 337.

США получили право содержать свои войска в Японии и после заключения мирного договора под предлогом ее «обороны» и «предотвращения вооруженного нападения на Японию».

«Договор безопасности» санкционировал прямое вмешательство США во внутренние дела Японии в случае непосредственной угрозы существующему строю: в нем предусматривалось использование американских войск «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков».

И Сан-Францисский мирный договор, и японо-американский «договор безопасности», серьезно ущемлявшие суверенитет Японии, вызвали резкие протесты демократических сил страны. Коммунистическая и Рабоче-крестьянская партии, многие профсоюзы и другие массовые демократические организации выступили против ратификации обоих договоров.

Полную поддержку договорам оказывали правящая Либеральная партия (Дзюто), образовавшаяся в марте 1950 г. на базе Демократическо-либеральной партии, а также другая буржуазная партия — Народно-демократическая (Кокумин минсюто), созданная в апреле 1950 г. в результате слияния Демократической и Народно-кооперативной партий.

Отношение к договорам вызвало острые разногласия внутри Социалистической партии. Правое крыло СПЯ при поддержке части центристов сумело в октябре 1951 г. провести на заседании ЦИК партии незначительным большинством свою линию, предусматривавшую поддержку мирного договора и несогласие с «договором безопасности», вопреки возражениям левого крыла, выступавшего против обоих договоров.

Для определения окончательного отношения партии к заключенным договорам в октябре 1951 г. был созван внеочередной VIII съезд СПЯ, большая часть делегатов которого, представлявшая местные партийные организации, поддерживала левых социалистов. Правые покинули съезд, который так и не принял никакого решения. На отдельных заседаниях правой и левой группировок были избраны их руководящие органы. Председателемлевой СПЯ стал Судзуки, правой — Каваками. Из парламентской фракции социалистов на долю правых приходилось 60 депутатских мест в обеих палатах, левых — 46.

В октябре 1951 г. палата представителей ратифицировала мирный договор 307 голосами против 47. Японо-американский «договор безопасности» был ратифицирован 289 голосами против 71.

В соответствии с «договором безопасности» 28 февраля 1952 г. США и Япония заключили административное соглашение, установившее конкретные условия размещения американских войск на японской территории. Американские войска сохранили все привилегии, а также базы и другие военные объекты, которыми они располагали во время оккупации. Более того, США получали право при необходимости создавать новые базы на территории Японии. Количество американских войск, которые могли быть введены в Японию, не ограничивалось, они не подпадали под дей

ствие японских законов о регистрации иностранцев и контроле над ними. Американские военнослужащие и их семьи освобождались от уплаты налогов. Базы США находились под полным контролем американских властей.

В первое время после заключения административного соглашения на весь личный состав вооруженных сил США фактически распространялся статус экстерриториальности. Лишь в сентябре 1953 г. США согласились внести поправки в соглашение, в результате чего японские власти получили ограниченную уголовную юрисдикцию над личным составом американских войск на территории Японии.

После заключения Сан-Францисского мирного договора США всячески побуждали Японию как можно скорее нормализовать отношения с Тайванем и Южной Кореей. В этом они видели путь к укреплению своих позиций на Дальнем Востоке.

Однако начатые в октябре 1951 г. переговоры Японии с южнокорейским режимом Ли Сын Мана оказались безрезультатными из-за острых противоречий между Токио и Сеулом в экономической области. США потребовали от Японии признания чанкайшистского правительства и отказа от каких-либо отношений с КНР в качестве условия ратификации Сан-Францисского договора американским конгрессом.

Мирный договор Японии с чанкайшистским режимом на Тайване был подписан в апреле 1952 г. Он осложнил отношения Японии с КНР, на многие годы отодвинул нормализацию японо-китайских отношений.

Сан-Францисский мирный договор, японо-американский «договор безопасности» и административное соглашение вступили в силу 28 апреля 1952 г. Они создали правовую основу военно-политического союза США и Японии — так называемой Сан-Францисской системы. Эта система закрепила неравноправное положение Японии в союзе с США, привязала ее к агрессивной политике американского империализма, противопоставила Японию социалистическим и освободившимся от колониального гнета развивающимся странам Азии.

С вступлением в силу Сан-Францисского мирного договора завершился оккупационный период, хотя американские войска продолжали оставаться на территории Японии. Контроль оккупационных властей над политической и экономической деятельностью японского правительства ликвидировался.

Обострение внутривнутриполитической борьбы

В числе первоочередных мер японского правительства после завершения оккупационного периода было укрепление позиций японского монополистического капитала. В 1952 г. были сняты ограничения на связи между крупными компаниями и их «дочерними» предприятиями. Начался обратный процесс слияния раз-

дробленных в первые годы оккупации компаний, входивших ранее в монополистические концерны дзайбацу.

Огромную роль в консолидации монополистического капитала сыграли не затронутые мерами оккупационных властей по декартелизации крупнейшие банки, входившие ранее в состав дзайбацу. Соответствующие банки стали центрами сложившихся к 1952—1953 гг. монополистических финансово-промышленных групп Мицубиси, Мицуи, Сумитомо. Другие возникшие в то же время финансово-промышленные объединения также формировались вокруг крупных банков — Фудзи, к которому прикнули бывший концерн Ясуда, предприятия бывших концернов Ниссан, Асано, Окура, Мори; Дайити, к которому тяготели бывший концерн Сибудзава, предприятия бывших концернов Кавасаки, Фурукава; Санва и т. д.

Новые монополистические финансово-промышленные группировки не были простым воспроизведением довоенных дзайбацу. Их структура была реорганизована в соответствии с послевоенными экономическими условиями в целях приспособления к развитию государственно-монополистического капитализма. На смену семейной форме руководства монополистическими концернами пришла практика коллективного управления ими в форме совещаний президентов важнейших компаний, входящих в финансово-промышленную группу.

В 1952 г. промышленное производство Японии достигло довоенного уровня, а сельскохозяйственное производство и национальный доход превзошли этот уровень. Однако японская промышленность была в то время технически отсталой. Более 70% станочного парка крупных и средних предприятий имело возраст свыше 10 лет. Сельское хозяйство не обеспечивало страну продовольствием, значительную часть которого приходилось импортировать.

Важным источником финансовых средств для развития японской экономики продолжала оставаться американская помощь. После заключения мирного договора эта помощь в прежних формах прекратилась. В 1952 г. «эквивалентный фонд» был реорганизован в «Специальный счет для промышленных инвестиций». Средства с этого счета в японской валюте использовались японским правительством для оплаты американских товаров, главным образом сельскохозяйственной продукции, а затем Соединенными Штатами для финансирования японской промышленности и т. д. Из этого фонда были образованы в значительной части капитал полугосударственных Экспортно-импортного банка, Банка развития, Банка долгосрочного кредита и других, созданных в 1951—1952 гг.

Даже после завершения оккупационного периода и передачи японскому правительству всего объема внешнеполитических и внешнеэкономических функций, внешняя политика Японии была довольно ограниченной, она не имела связей с социалистическими государствами и не была членом ООН. Основной упор в 50-х

годах японское правительство делало на развитие внешнеэкономических связей. В 1952 г. Япония вступила в Международный валютный фонд.

Нарушение традиционных связей Японии с СССР, Китаем и другими странами привело к резкому росту удельного веса США во внешней торговле Японии. Необходимость импортировать в больших количествах сырье, топливо и продовольствие, ограниченность экспортных ресурсов и низкая конкурентоспособность ряда японских промышленных товаров непрерывно увеличивала дефицит внешнеторгового баланса Японии.

Японское правительство стремилось ослабить зависимость страны от внешних рынков и уменьшить дефицит внешней торговли путем усиления протекционистских мер. В соответствии с принятыми еще во время американской оккупации законами о контроле над валютой и об иностранных инвестициях был установлен строгий контроль над экспортно-импортными операциями, над всеми валютными поступлениями, импортные лицензии выдавались на закупки оборудования и сырья для восстановления промышленности, проникновение в Японию иностранного капитала ограничивалось. В 1952 г. был принят закон, разрешавший образование экспортных картелей. В целях поощрения экспорта широко практиковалось его субсидирование.

Борьба в правящем лагере и антидемократические меры правительства

С прекращением оккупации потеряли силу многие антидемократические законы, ограничивавшие права трудящихся. Правящие круги воспользовались этим для укрепления реакционных сил, для принятия нового репрессивного законодательства. В день вступления в силу Сан-Францисского договора была объявлена амнистия всем бывшим государственным служащим и политическим деятелям, подвергшимся чистке за сотрудничество с военно-полицейским режимом. В июле 1952 г. вступил в силу закон о предотвращении подрывной деятельности. Тогда же для контроля над организациями и частными лицами было создано Следственное управление общественной безопасности. По инициативе правительства были приняты поправки к закону о контроле над демонстрациями и к закону о выборах, ущемлявшие права прогрессивных партий и демократических организаций. В августе 1952 г. вступил в действие закон об образовании Управления безопасности, в ведении которого находились силы безопасности общей численностью около 120 тыс. человек.

Наступление реакции вызвало отпор демократических сил, несмотря на трудное положение, в котором они находились (репрессии против КПЯ, раскол СПЯ и т. д.). В охвативших всю страну выступлениях протеста против законопроекта о предотвра-

жении подрывной деятельности участвовали более миллиона человек. И хотя демократическим силам не удалось предотвратить принятие этого закона, власти не решались пойти на его широкое применение.

1 мая 1952 г. полиция напала на праздничную демонстрацию трудящихся на площади перед императорским дворцом. В результате столкновений было ранено более тысячи человек, 1300 арестовано. Власти обвинили в этом столкновении компартию. Лишь через 20 лет Верховный суд оправдал обвинявшихся по этому делу.

Используя первомайские события в Токио в качестве предлога, правительство подтвердило введенное в период американской оккупации запрещение забастовок работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений. В трудовое законодательство были внесены поправки, направленные на ограничение забастовочной борьбы трудящихся, на запрещение всеобщих стачек.

В октябре 1952 г. состоялись первые после прекращения оккупации выборы в палату представителей, досрочно распущенную правительством. Они внесли изменения в расстановку политических сил. Консерваторы (Либеральная партия и партия Кайсинто) потеряли 25 мандатов, обе социалистические партии вместе приобрели 22 новых депутатских места, из них 16 достались левым социалистам. Компартия утратила свои позиции в парламенте. Она была ослаблена как репрессиями, так и ошибочной, левацкой тактикой ее временного руководства, механически применявшего китайский опыт партизанской борьбы в совершенно иных, японских условиях и недооценивавшего необходимость использования парламента.

Итоги парламентских выборов послужили толчком к обострению внутренней борьбы в правящей Либеральной партии. Против премьер-министра Ёсида выступила группировка во главе с И. Хатояма, потребовавшая полной смены партийного руководства. В интересах сохранения власти в руках консерваторов четыре ведущие организации монополистического капитала (Кэйданрэн, Ниссё, Кэйдзай доюкай и Никкэйрэн) выступили с требованием создания «сильной администрации» и передали ее обоим враждовавшим группировкам правящей партии. Это давление дало результаты. Новое правительство опять возглавил Ёсида.

Однако его позиции в результате внутрипартийных распрей оказались ослабленными. Этим воспользовалась оппозиция. В конце 1952 г. ей удалось добиться отставки министра внешней торговли и промышленности Икэда, а в марте 1953 г. провести через парламент вотум недоверия премьер-министру. Эта акция сопровождалась расколом Либеральной партии, из которой вышла группа Хатояма. Не желая уходить в отставку, Ёсида распустил парламент.

Выборы в палату представителей, состоявшиеся в апреле 1953 г., привели к ослаблению консервативных и к укреплению левых сил.

Либеральная партия потеряла одно депутатское место, группа Хатояма — 4, партия Кайсинто — 9. Напротив, левые социалисты получили 18 новых депутатских мест, правые социалисты увеличили свое представительство на 9 человек, Рабоче-крестьянская партия — на одного. КПЯ получила один депутатский мандат. Аналогичная тенденция проявилась и на выборах в палату советников, состоявшихся через несколько дней.

Четыре организации монополий вновь потребовали от консервативных политических партий создать «стабильную администрацию», чтобы предотвратить «нежелательные события». И вновь правительство сформировал Ёсида, хотя Либеральная партия не располагала абсолютным большинством в парламенте.

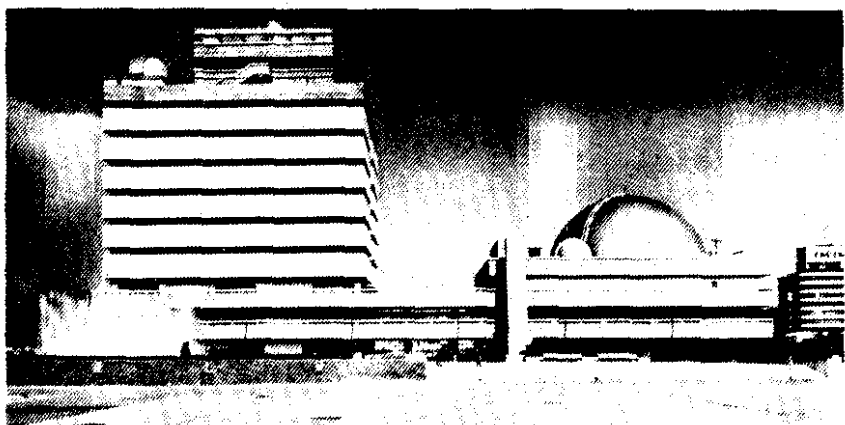
Правительство Ёсиды рассчитывало укрепить свои позиции путем расширения сотрудничества с США. За несколько дней до парламентских выборов, в начале апреля 1953 г., был заключен договор о дружбе, торговле и мореплавании между Японией и США сроком на 10 лет. В октябре США передали японскому правительству право распоряжаться средствами Эквивалентного фонда.

8 марта 1954 г. было подписано соглашение о помощи в обеспечении взаимной безопасности между Японией и США. Япония обязалась прилагать усилия для укрепления своей обороны, соблюдать навязанные Соединенными Штатами ограничения на экономические связи с социалистическими странами. США продолжали предоставлять Японии «спецзаказы» для нужд американских вооруженных сил, размещенных на японской территории.

Одновременно были заключены соглашения о закупке Японией у США сельскохозяйственных продуктов и о гарантиях капиталовложений. Правительство Японии обещало закупать крупные партии американской сельскохозяйственной продукции. Оно гарантировало более благоприятные условия для американских капиталовложений. США ограничились расплывчатыми обещаниями экономической и финансовой помощи Японии.

Экономический спад, начавшийся с окончанием войны в Корее летом 1953 г., обострил внутренние противоречия японского капитализма. За три года этой войны японская экономика, непрерывно получавшая американские «спецзаказы», развивалась довольно быстро. Объем промышленного производства возрос в 1950—1953 гг. в 1,85 раза. Тем чувствительнее был спад. Сократилось производство не только на предприятиях, выполнявших заказы непосредственно для американской армии, воевавшей в Корее, упала добыча угля, снизилось производство станков, судов и некоторых других товаров. Сократились и общие темпы экономического роста.

Чтобы избежать экономического кризиса, правительство и монополистический капитал взяли курс на перестройку ключевых отраслей промышленности Японии на базе современной техники. Несмотря на снижение темпов экономического роста, капиталовложения в промышленность не сокращались, а, наоборот, росли. Еще в марте 1952 г. вступил в силу закон о содействии рационали-

Промышленный комплекс в районе Осака

зации предприятий, согласно которому оказывалась государственная помощь, предоставлялись налоговые и другие финансовые льготы для предприятий, осуществлявших модернизацию производства, обновления оборудования. По этому же закону выделялись крупные государственные средства на развитие инфраструктуры — дорог, портов и т. д.

Перестройка ключевых отраслей японской промышленности сопровождалась дальнейшим наступлением монополий на завоевания трудящихся. Капиталистическая «рационализация» производства обернулась массовыми увольнениями, ухудшением условий труда, снижением заработной платы. Трудящиеся автомобилестроительной, металлургической, химической, целлюлозно-бумажной промышленности поднимались на борьбу за свои права и жизненные интересы. Широкую известность в Японии получили забастовочные выступления рабочих крупнейших в стране металлургических заводов в городе Муроран на Хоккайдо, работников шелкоткацкой компании «Оми кэнси» и т. д. Однако они не переросли в общенациональную борьбу рабочего класса.

Этому способствовало и изменение тактики предпринимателей, все чаще прибегавших к созданию на предприятиях расколнических, «вторых» профсоюзов, в задачу которых входил срыв забастовочной борьбы, сотрудничество с администрацией.

В 1953—1954 гг. деятельность левого профцентра Самбэцу кайги, стоявшего во главе профсоюзного движения первых послевоенных лет, была практически приостановлена. Главным объектом давления монополий стал Сохё, правое крыло которого взяло курс на раскол этого объединения. В феврале 1953 г. реформистское руководство четырех крупных профсоюзов, входивших в Сохё, — моряков, текстильщиков, работников радио и работников кино, — поддержанное руководителями ряда других отраслевых профсоюзов, объявило о создании в рамках Сохё Всеяпонского

совета связи демократического профсоюзного движения (Минро-рэн). Предлогом для этой акции послужило недовольство тактикой Сохё, якобы отдававшего предпочтение политической борьбе трудящихся в ущерб их экономическим интересам.

В апреле 1954 г. указанные профсоюзы вышли из Сохё и вместе с профобъединением Содомэй образовали новый реформистский профцентр — Всеяпонский конгресс профсоюзов (Дзэнро). Общая численность вошедших в него профсоюзов составляла 850 тыс. рабочих и служащих, занятых главным образом в ведущих отраслях промышленности. Дзэнро, стоявший на позициях классового сотрудничества и антикоммунизма, вступил в Международную конфедерацию свободных профсоюзов.

Рост антивоенного движения

Прекращение военных действий в Корее не только не ослабило японское движение за мир, но, наоборот, придало ему новые силы. В 1953—1955 гг. это движение достигло общенационального размаха. Одной из его форм стала борьба крестьян против американских военных баз на японской земле. Своеобразным символом этой борьбы стало выступление в апреле — июне 1953 г. жителей небольшой деревни Утинада около города Канадзава против американской военной базы. Борьба крестьян против реквизиции земель под американский военный полигон получила поддержку трудящихся различных районов Японии. Она послужила детонатором таких же выступлений в ряде других префектур, а также на предприятиях, контролируемых американскими военными властями.

В тесной связи с движением за мир развивалась борьба против замышлявшегося японской реакцией пересмотра конституции, ее антивоенных статей. В январе 1954 г. была создана Национальная лига защиты конституции, которая координировала эту борьбу. Наличие у демократических сил более трети мест в парламенте также помогало срывать происки реакции, поскольку для внесения изменений в конституцию требовалось более двух третей голосов депутатов.

1 марта 1954 г. в результате испытательного взрыва американской водородной бомбы на атолле Бикини (Маршалловы острова) в Тихом океане небольшая японская шхуна «Фукурю-мару № 5» подверглась заражению радиоактивным пеплом, выпавшим после взрыва, хотя судно находилось далеко за пределами объявленной запретной зоны. Один из членов экипажа, радист Кубояма, умер. Оказались зараженными рыба и другие морепродукты на значительных просторах Тихого океана, где вели промысел японские суда.

Трагедия Бикини напомнила японскому народу о недавнем прошлом — американских атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Она послужила толчком к развертыванию массового

антиядерного движения в Японии. Особенностью этого движения с самого начала стал его широкий характер. В мае 1954 г. организация женщин-домохозяек токийского района Сугинами выступила с «Обращением ко всем честным людям Японии», призывав начать движение по сбору подписей с требованием запретить ядерное оружие. Этот призыв нашел отклик по всей стране.

В августе 1954 г. был создан Национальный совет движения по сбору подписей за запрещение атомного и водородного оружия. Всего в Японии было собрано 30 млн. подписей. В десятую годовщину атомной бомбардировки Хиросимы, 6 августа 1955 г., в этом городе состоялась первая конференция за запрещение атомного и водородного оружия, в которой приняли участие и зарубежные представители. После конференции ее подготовительный комитет объединился с Национальным советом по сбору подписей за запрещение атомного и водородного оружия, в результате чего был создан Японский совет борьбы за запрещение атомного и водородного оружия (сокращенное японское название — Гэнсуйкё). Новая организация была создана на широкой основе, с участием коммунистов и социалистов, профсоюзов и других массовых демократических организаций.

Размежевание политических сил.

Активизация демократического движения

Активизация демократического движения и продолжение распрей в правящем лагере ослабляли позиции правительства Ёсида. Значительный ущерб ему нанес скандал вокруг «политических жертвований» члену кабинета министров Сато. Чтобы не допустить разрастания скандала Ёсида отдал приказ министру юстиции аннулировать ордер на арест Сато, однако оппозиция возбудила дело против премьера, обвинив его в нарушении присяги.

На состоявшемся в ноябре 1954 г. совещании руководителей делового мира Японии был сделан вывод, что объединение консервативных партий и стабилизация их власти возможны только после отставки правительства Ёсида. Фактический отказ монополий от дальнейшей поддержки кабинета предопределил его судьбу.

Сразу же после этого группа Хатояма и партия Кайсинто, которую возглавлял Сигэмицу, образовали Демократическую партию Японии (Нихон минсюто), которая с самого начала получила поддержку монополистического капитала, рассчитывавшего, что новая партия станет базой консолидации всех консервативных сил.

В программе Демократической партии подчеркивалось стремление к независимости и самостоятельности японской политики и экономики, к установлению связей со всеми странами включая СССР и КНР. Партия высказалась за пересмотр «договора безопасности» с США, с тем чтобы придать ему равноправный характер. Демократы заявляли о своем стремлении к более быстрому созданию самостоятельных японских вооруженных сил и к пересмотру конституции.

В декабре 1954 г. в парламент был внесен вотум недоверия правительству Ёсида. Оно ушло в отставку, и 10 декабря было сформировано новое правительство во главе с лидером Демократической партии Хатояма. Заместителем премьера и министром иностранных дел стал Сигэмицу. Обе социалистические партии поддержали кандидатуру Хатояма на пост премьер-министра.

Правительство Хатояма провозгласило политику «восстановления независимости Японии», подразумевая под этим ослабление политической и экономической зависимости от США. Новое правительство подтвердило намерение нормализовать отношения с Советским Союзом.

Вместе с тем правительство Хатояма выдвинуло в качестве своих важнейших задач скорейшее создание японских вооруженных сил и пересмотр конституции. Была начата разработка первого пятилетнего «плана развития и укрепления вооруженных сил». Планы пересмотра конституции и перевооружения встретили решительное противодействие демократических сил.

В январе 1955 г. правительство распустило парламент, а в феврале состоялись выборы в палату представителей. Они принесли крупный успех Демократической партии, получившей 185 мест, на 61 место больше, чем до выборов. Сказались выступления партии за независимость Японии и нормализацию отношений с СССР. Демократы продвинулись вперед за счет Либеральной партии, которая потеряла почти столько же мест. В целом консервативный лагерь лишился семи мандатов. Обе социалистические партии увеличили свое представительство в нижней палате, причем левые социалисты — на 15 мест. КПЯ получила два депутатских мандата.

Одной из важнейших внешнеполитических задач нового правительства во главе с Хатояма, сформированного в марте 1955 г., стало восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. Значительную активность в этом вопросе проявлял сам премьер-министр. На скорейшем восстановлении отношений настаивали многие влиятельные политические деятели, представители делового мира, рыбопромышленные круги, многочисленные общественные организации. Настроение деловых кругов отражало создание в январе 1955 г. Общества японо-советской торговли (Ниссо боэки кай), объединившего около 60 промышленных и торговых компаний. Президентом общества был избран крупный финансист Китамура. Левые социалисты заверили премьер-министра, что поддержат его шаги, направленные на нормализацию отношений с СССР.

Но в Японии имелись и силы, препятствовавшие восстановлению отношений с СССР. В самом правительстве такую позицию занимал министр иностранных дел Сигэмицу, его взгляды разделяли некоторые руководители Либеральной партии и монополистических кругов. США оказывали давление на Японию, чтобы затормозить восстановление ее отношений с СССР.

По инициативе Советского Союза в июне 1955 г. в Лондоне

начались советско-японские переговоры. Хотя советская сторона сразу же предложила свой проект мирного договора, японские представители, по существу, уклонялись от его обсуждения до визита Сигэмицу в США в августе. США рекомендовали японскому правительству не спешить с установлением отношений с СССР. Во исполнение этой «рекомендации» японская сторона представила свой проект мирного договора, в котором выдвинула необоснованные претензии на принадлежащие Советскому Союзу южную часть Курильских островов (Кунашир и Итуруп) и Малую Курильскую гряду (Шикотан, Юрий, Зеленый, Полонского, Танфильева, Сигнальный и т. д.). Переговоры зашли в тупик и были прерваны 8 сентября 1955 г.

Борьба в Японии по вопросу о восстановлении отношений с СССР становилась все более острой. Правые силы разжигали антисоветскую кампанию. Демократические силы, включая КПЯ, обе соцпартии, Сохё, другие массовые организации создали в октябре 1954 г. Национальный совет борьбы за восстановление отношений с Советским Союзом и КНР, который развернул активную деятельность.

Значительное внимание японское правительство уделяло развитию отношений с азиатскими странами, видя в этом возможность ослабить зависимость от США. Еще в июне 1952 г. был заключен мирный договор с Индией. Не предпринимая попыток восстановить государственные отношения с КНР, Япония развивала торговые связи на неправительственной основе благодаря усилиям демократических организаций и отдельных деятелей.

В ноябре 1954 г. были заключены мирный договор между Японией и Бирмой и двустороннее соглашение о репарациях и экономическом сотрудничестве. Япония обязалась выплатить Бирме в течение 10 лет репарации в сумме 200 млн. долл. в виде поставок японских промышленных товаров и предоставления услуг, а также вложить в смешанные японо-бирманские предприятия 50 млн. долл.

В 1956 г. были заключены репарационные соглашения с Филиппинами и Индонезией.

После длительных переговоров в сентябре 1955 г. Япония стала членом Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ).

В середине 50-х годов в японском профсоюзном движении стала применяться тактика борьбы по отраслям промышленности, которая получила широкое распространение и помогла вовлечь массы рабочих в борьбу за свои права. Весной 1955 г. на такой основе состоялись выступления пяти крупнейших отраслевых профсоюзов, входивших в Сохё, — шахтеров, рабочих синтетической химии, частных железных дорог, целлюлозно-бумажной промышленности и энергетиков. Эта борьба положила начало «весенним наступлениям», которые на многие годы стали наиболее боевой формой массового движения японских трудящихся.

Инициаторы новой тактики борьбы японских рабочих — пред-

седатель Федерации профсоюзов синтетической химии Ота и председатель Федерации профсоюзов государственных железных дорог Иваи на VI съезде Сохё в июле 1955 г. были избраны соответственно председателем и генеральным секретарем этого профцентра.

Трехлетнее существование двух социалистических партий не принесло позитивных результатов демократическим силам Японии. Наступление монополий на права трудящихся, попытки правящих кругов пересмотреть конституцию, курс на перевооружение страны требовали сплоченности прогрессивных сил, чтобы противодействовать этим проискам реакции. Левые социалисты поставили вопрос о восстановлении единства СПЯ вскоре после ее раскола, но натолкнулись на отказ правых, которые согласились в 1953 г. лишь на единство действий обеих соцпартий в парламенте.

Только в октябре 1955 г. была достигнута окончательная договоренность об объединении двух социалистических партий. На раздельных съездах обе партии были распущены, и объединенный, XII съезд СПЯ избрал председателем партии Судзуки, а генеральным секретарем — Асанума. Преобладающие позиции в объединенной партии заняли левые социалисты.

Принятая съездом программа объединенной СПЯ представляла собой компромисс идейно-политических взглядов левых и правых сил в партии. Она определяла СПЯ как партию рабочего класса и союзных с ним других слоев трудящихся. В ней говорилось о необходимости борьбы японского народа против американского империализма, подчеркивалась важность массовой борьбы трудящихся за экономические и политические требования.

Вместе с тем в программе СПЯ указывалось, что осуществление социалистической революции возможно лишь мирными средствами, путем завоевания большинства в парламенте. Не обошлось в ней и без антикоммунистических выпадов.

Объединение Социалистической партии не сопровождалось ликвидацией раскола профсоюзного движения, хотя социалисты в то время занимали в нем лидирующие позиции. Профцентр Дзэнро, служивший массовой опорой правой СПЯ, не пошел на сближение с Сохе. Тем самым были сохранены потенциальные возможности нового обострения внутренних противоречий в СПЯ.

При объединении СПЯ правые социалисты высказались против присоединения к ней Рабоче-крестьянской партии, опасаясь «чрезмерного» полевения соцпартии. Рабоче-крестьянская партия вошла в СПЯ лишь в январе 1957 г.

В 1955 г. было восстановлено единство рядов Компартии Японии, отсутствие которого в течение ряда лет создавало серьезные препятствия для деятельности партии. В июле состоялась VI Национальная конференция КПЯ, которая ликвидировала раскол, подвергла критике допущенные левацкие, сектантские ошибки, наметила новый политический курс партии на укрепление связей с массами.

Создание Либерально-демократической партии и формирование ее политического курса

Укрепление сплоченности левых партий, активизация рабочего движения, нарастание борьбы против атомного оружия и американских военных баз встревожили японские монополии, опасавшиеся, что консервативные партии, острые противоречия между которыми продолжались, не смогут удержать власть в своих руках. Крупнейшая организация монополистического капитала — Федерация экономических организаций (Кэйданрэн) высказалась за объединение буржуазных партий. С таким же призывом выступила Федерация предпринимательских организаций Японии (Никкэйрэн). Четверка ведущих организаций монополистического капитала выделила более 100 млн. иен для «содействия» объединению буржуазных партий.

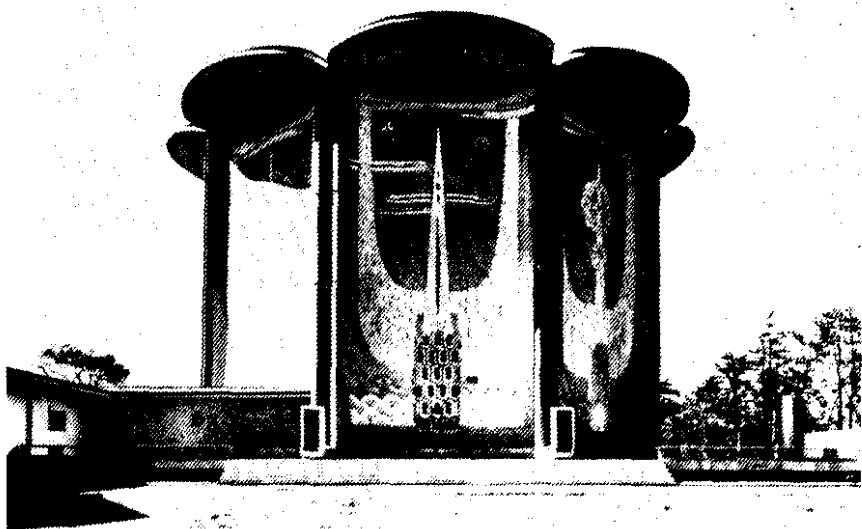
15 ноября 1955 г. произошло объединение Демократической и Либеральной партии, новая партия получила название Либерально-демократической (ЛДП). Она стала располагать 298 мандатами из 467 в палате представителей и 119 из 250 — в палате советников японского парламента.

ЛДП представляла интересы монополистического капитала, защищала существующий капиталистический строй в Японии, хотя в интересах обеспечения массовой опоры прикрывалась демагогическими лозунгами создания «государства всеобщего благосостояния», превращения всего народа в «средний класс».

Таким образом, в 1955 г. в Японии произошло четкое политическое размежевание. Сложившееся тогда соотношение сил на многие годы предопределило политическую жизнь страны. Его главными особенностями были, с одной стороны, наличие постоянного большинства в руках буржуазной Либерально-демократической партии, несмотря на не утихавшую в ней борьбу между соперничавшими группировками, а с другой — обладание оппозиционными партиями более чем одной третью депутатских мест, что создавало препятствие попыткам ЛДП пересмотреть конституцию и осуществить коренные изменения политического строя страны.

Образование ЛДП не ликвидировало внутренние противоречия в ее рядах, главным образом вокруг борьбы за власть. С самого начала эта партия представляла собой объединение различных группировок, или фракций, сохранивших свою внутреннюю организацию. Группировка, к которой принадлежал лидер ЛДП, как правило, не имела надежного большинства в партии, что вынуждало его прибегать к содействию других фракций, идти на компромиссы с ними, допускать их представителей в правительство.

На такой основе было образовано и первое правительство ЛДП, главой которого стал Хатояма. Он еще не был безоговорочным лидером правящей партии, поскольку при создании ЛДП в качестве ее высшего руководящего органа был образован исполнительный комитет из четырех человек, в состав которого вошел и Хато-

Императорский музыкальный театр

яма. Председателем ЛДП Хатояма стал лишь в апреле 1956 г.

Хатояма, стремясь заручиться поддержкой своих противников в ЛДП или хотя бы нейтрализовать их, стал на путь проведения жесткого курса во внутренней политике. Его правительство приняло меры к увеличению численности японских вооруженных сил, которая в 1956 г. достигла 215 тыс. человек. Таким путем Хатояма надеялся добиться более благосклонного отношения США к идее пересмотра «договора безопасности».

Правительство Хатояма приняло меры, направленные на ограничение прав и свобод, завоеванных японским народом в упорной борьбе. Один из вносимых тогда в парламент законопроектов предусматривал создание правительственной комиссии по изучению конституции, целью которой была бы ликвидация статьи 9, налагающей запрет на перевооружение Японии. После острых дискуссий этот законопроект был принят обеими палатами парламента, но комиссия так и не начала работу, поскольку демократически настроенные юристы отказались принять в ней участие.

Правительственный законопроект о малых избирательных округах, внесенный в парламент весной 1956 г., предусматривал со-

здание вместо 118 округов по выборам в палату представителей 467 мелких округов по числу депутатов. Таким путем правящая партия рассчитывала получить более двух третей мест, необходимых для пересмотра конституции. Против подобной реформы избирательной системы решительно выступили левые партии. В результате законопроект даже не обсуждался в парламенте.

Правящей партии, однако, удалось провести через парламент два антидемократических законопроекта — о новых комитетах по вопросам просвещения и о школьных учебниках. Они были направлены на изменение системы просвещения таким образом, чтобы поставить ее под контроль правительства, отстранив широкую общественность от участия в определении содержания и методов школьного обучения.

Законопроекты вызвали резкие протесты со стороны демократических организаций и профсоюза учителей. Они были утверждены парламентом лишь после того, как туда была вызвана полиция для наведения порядка.

Ответом на наступление правящей партии на демократические завоевания народа был подъем борьбы трудящихся за свои права. В «весеннем наступлении» 1956 г. приняли участие 3,5 млн. человек. Борьбу работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений поддержали многие профсоюзы рабочих частных предприятий.

8 июля 1956 г. состоялись выборы в палату советников, на которых правящая партия рассчитывала получить две трети депутатских мест в верхней палате. Эти расчеты не оправдались: ЛДП провела всего 113 депутатов. Напротив, значительно увеличили свое представительство социалисты, завоевав 48 мест. Одно место получила КПЯ.

Итоги выборов были расценены как неудача правящей партии. Соперники премьер-министра Хатояма в ЛДП стали требовать его отставки.

Восстановление отношений с СССР

В этой обстановке правительство возлагало большие надежды на нормализацию отношений с СССР, видя в решении этого вопроса путь к повышению своего престижа.

Еще в январе 1956 г. в Лондоне начался второй этап переговоров о заключении мирного договора между СССР и Японией. Текст договора был в значительной степени согласован, однако из-за территориальных притязаний японской стороны в марте переговоры были прерваны.

В связи с принявшим большие масштабы хищническим промыслом японскими рыбопромышленниками лососевых в районах, прилегающих к побережью Камчатки и Курильских островов, Совет Министров СССР принял в марте 1956 г. постановление «Об охране запасов и регулировании промысла лососей в открытом море

в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Японское правительство заявило о готовности провести переговоры о сохранении рыбных ресурсов. Такие переговоры были проведены в Москве в апреле — мае 1956 г. Для участия в них в СССР прибыл один из ближайших сторонников Хатояма, министр сельского и лесного хозяйства Японии Коно.

В результате переговоров были подписаны конвенция по рыболовству и соглашение об оказании помощи людям, терпящим бедствие на море. Было предусмотрено, что оба документа вступят в силу одновременно с мирным договором или с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Японией.

В Японии нарастали требования скорейшего восстановления отношений с Советским Союзом. С такими требованиями выступали Коммунистическая и Социалистическая партии, массовые демократические организации. К возобновлению переговоров с СССР призывали рыбопромышленники, часть деловых кругов.

Советско-японские переговоры были возобновлены в августе в Москве, на этот раз на уровне министров иностранных дел. Хотя проект мирного договора был выработан, но достигнуть окончательного решения не удалось из-за территориальных притязаний японской стороны.

Эти притязания были в бесцеремонной и ультимативной форме «поддержаны» администрацией США, стремившейся сорвать нормализацию советско-японских отношений. Государственный секретарь США Даллес заявил министру иностранных дел Японии Сигэмицу, что если по мирному договору с СССР Япония признает Южный Сахалин и Курильские острова территорией Советского Союза, то США навечно сохраняют за собой о-ва Рюкю, которые американские войска продолжали оккупировать со времени окончания второй мировой войны. В сентябре государственный департамент США направил памятную записку правительству Японии, в которой говорилось, что США не признают Ялтинское соглашение как имеющее юридическую силу в отношении передачи территорий. Правительство США утверждало, будто Сан-Францисский мирный договор оставил территориальный вопрос открытым, не определив принадлежность территорий, от которых отказалась Япония.

Открытое вмешательство США в переговоры с СССР вызвало возмущение и протесты в Японии.

Премьер-министр Хатояма, стремясь завершить переговоры о восстановлении отношений с СССР, заявил о своем намерении лично направиться в Москву с этой целью. Поскольку его соперники в ЛДП утверждали, что премьер-министр хочет таким образом укрепить свои позиции и остаться у власти, он объявил, что нормализация отношений с СССР является важнейшей задачей правительства, по выполнению которой он намерен уйти в отставку.

В результате советско-японских переговоров на высшем уровне в Москве 19 октября 1956 г. была подписана Совместная деклара-

ция СССР и Японии. В ней говорилось, что со дня вступления декларации в силу между Советским Союзом и Японией прекращается состояние войны, восстанавливается мир, а также дипломатические и консульские отношения.

СССР и Япония подтвердили намерение руководствоваться в своих отношениях принципами Устава ООН и взяли на себя обязательство не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

Советский Союз проявил добрую волю, обещав поддержать просьбу Японии о принятии ее в ООН, а также освободить и репатриировать в Японию всех осужденных в СССР за военные преступления японских граждан.

СССР и Япония согласились в возможно более короткий срок вступить в переговоры о заключении торговых договоров или соглашений.

Одновременно с Совместной декларацией был подписан протокол о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации.

Подписание Совместной декларации, закладывавшей основу для налаживания добрососедских отношений между СССР и Японией, было с одобрением встречено широкими слоями японского народа. Уже в конце ноября она была одобрена палатой представителей японского парламента. В начале декабря ее ратифицировал Президиум Верховного Совета СССР. 12 декабря 1956 г. в Токио состоялся обмен ратифицированными грамотами и Совместная декларация вступила в силу.

В соответствии с декларацией СССР поддержал просьбу Японии о вступлении в ООН. 18 декабря 1956 г. Генеральная Ассамблея по рекомендации Совета Безопасности приняла Японию в Организацию Объединенных Наций.

Глава 20

Высокие темпы роста японской экономики.

Превращение Японии в один из основных центров империалистического соперничества (1957—1973)

Ускорение экономического роста и его противоречивый характер

С середины 50-х годов японская экономика, восстановившая несколько ранее довоенный уровень производства и переживавшая крупномасштабную перестройку, вступила в период высоких тем-

пов роста, продолжавшийся более 15 лет. Начало ему было положено экономическим подъемом 1955—1957 гг., который не был связан непосредственно с увеличением военного производства и оказал значительное влияние на последующее развитие японской экономики.

Экономический подъем был вызван к жизни такими факторами, как массовое обновление основного капитала, расширение внутреннего рынка в результате аграрной реформы, которая привела к появлению в деревне большого числа хозяйств крестьян-собственников, предьявлявших все возрастающий спрос на сельскохозяйственные машины и орудия, химические удобрения, гербициды и т. д. Заметное воздействие на ускорение темпов экономического роста оказало широкое использование в японской экономике, в первую очередь в промышленности, иностранных научно-технических достижений. Япония закупала много патентов и лицензий на технологию, экономя значительные средства и время на научно-технические исследования. Сыграло свою роль и определенное повышение жизненного уровня трудящихся, достигнутое в результате упорной борьбы рабочего класса за свои интересы и вызвавшее увеличение потребительских расходов. Важной причиной быстрого роста экономики была сохранявшаяся высокая степень эксплуатации рабочей силы, проявлявшаяся в сравнительно низком уровне заработной платы.

Повышение темпов экономического роста, однако, довольно быстро выявило слабые места японской экономики. Расширение производства вызвало резкое увеличение импорта, прежде всего из США, что привело к росту дефицита внешнеторгового баланса. В процессе обновления основного капитала увеличивались диспропорции «двойственной структуры» японской экономики, полюсами которой были, с одной стороны, оснащенные современной техникой крупные заводы и комбинаты передовых отраслей, а с другой — многочисленные мелкие предприятия в различных отраслях с отсталой техникой и низкой производительностью труда.

Вскоре после поездки в Москву и подписания Совместной декларации СССР и Японии Хатояма был вынужден подать в отставку с поста премьер-министра под давлением его противников в правящей партии. Новым председателем ЛДП и премьер-министром в декабре 1956 г. стал Исибаси, разделявший в основном взгляды Хатояма. Он выступил за заключение мирного договора с СССР, ослабление зависимости от США и пересмотр «договора безопасности» в сторону большего равноправия, за расширение торговли с КНР. Исибаси выдвинул лозунги создания «государства благосостояния», расширения занятости, сокращения налогов и т. д.

Однако в связи с болезнью Исибаси он практически даже не смог приступить к выполнению провозглашенной им программы. Были лишь установлены дипломатические отношения с Польшей и Чехословакией. Уже в конце января 1957 г. во главе правительства фактически встал министр иностранных дел Киси. В феврале

Киси и формально был утвержден премьер-министром. Он сразу же заявил о необходимости укрепления отношений Японии с США.

В июне 1957 г. был утвержден первый «план развития и укрепления вооруженных сил» (на 1958—1961 гг.). Он предусматривал создание сухопутных войск, военно-морского флота и авиации.

После прихода к власти Киси неоднократно заявлял, что пересмотр конституции является одной из основных целей его правительства. Но, не имея двух третей голосов в парламенте, правительство не могло пойти на такой шаг. Попытки привлечь Социалистическую партию к работе в комиссии по изучению конституции потерпели неудачу. Поэтому были предприняты усилия, чтобы убедить японский народ, будто конституция не запрещает «укрепление обороны» Японии.

Эти шаги правительства Киси были с одобрением встречены в Вашингтоне.

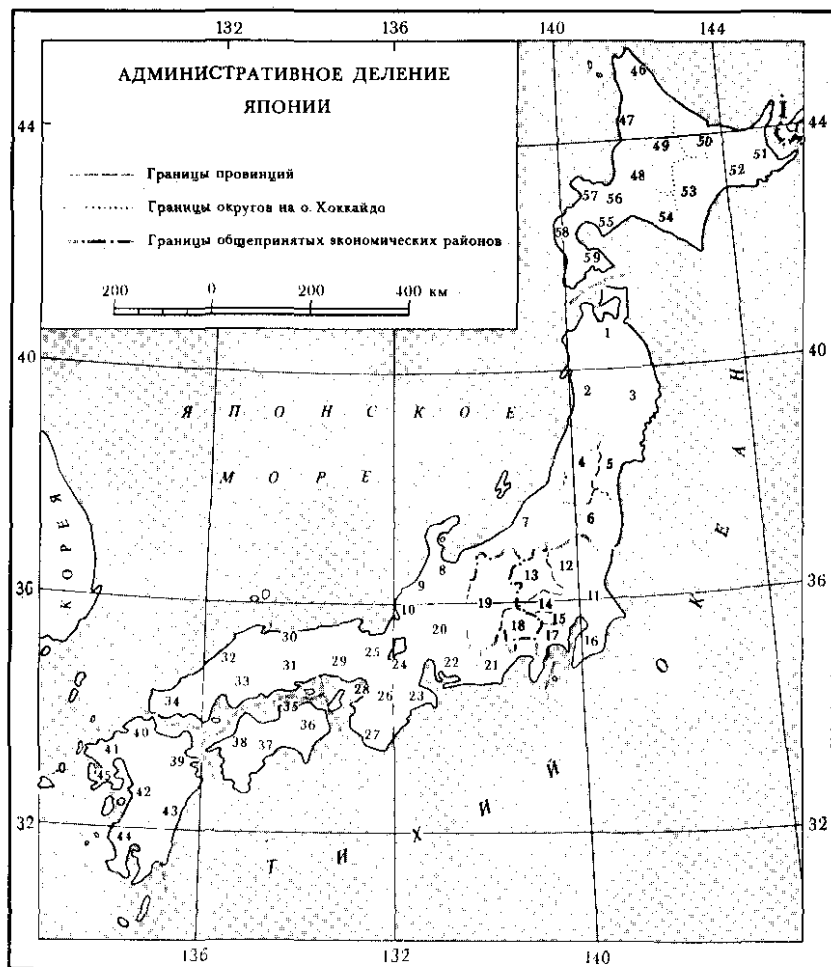
В июне 1957 г. Киси совершил поездку в США, где провел переговоры с президентом Эйзенхауэром. Этот визит преподносился правящей партией и правительством Японии как начало «новой эры» в отношениях с США. На переговорах была достигнута договоренность о выводе из Японии части размещенных там американских сухопутных войск.

В совместном коммюнике президент США и премьер-министр Японии заявили, что считают заключенный в 1951 г. «договор безопасности» временным. Так был сделан первый шаг по пути пересмотра «договора безопасности».

Чтобы избежать впечатления чрезмерно проамериканского крена в политике Японии, правительство Киси активизировало внешнеполитическую деятельность на разных направлениях. В феврале 1957 г. премьер-министр провозгласил «три принципа внешней политики» Японии — «приверженность ООН, сотрудничество со свободным миром, укрепление позиции Японии как азиатской страны». Заручившись поддержкой ряда государств, Япония на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН была избрана постоянным членом Совета Безопасности, однако первые же шаги японской дипломатии в ООН показали, что она в значительной степени идет в фарватере внешнеполитического курса США.

Стремясь восстановить и укрепить позиции Японии в азиатских странах, правительство Киси при активном участии ведущих организаций монополистического капитала разработало ряд политических и экономических мероприятий, получивших название «экономической дипломатии». «Экономическая дипломатия» ставила перед собой задачу создать благоприятные условия для проникновения японских монополий в азиатские государства и не допустить перехода развивающихся стран на путь, ведущий к социалистическим преобразованиям.

Для закрепления в странах Юго-Восточной Азии Япония широко использовала репарации, выплачивавшиеся в форме поставок машин и оборудования и предоставления услуг японских специа-

О. Хонсю

Оу (Тохоку). 1. Аомори. 2. Акита. 3. Иватэ (Мориока). 4. Ямагата. 5. Мияги (Сендай). 6. Фокусима.

Хокурику. 7. Ниигата. 8. Тояма. 9. Исигава (Канадзава). 10. Фукуи. Канто. 11. Ибараки (Мито). 12. Тотиги (Уцунумия). 13. Гумма (Маэбаси). 14. Сайтама (Урава).

15. Токио-фу. 16. Тиба. 17. Канагава (Иокогана).

Тосан. 18. Нагано. 19. Яманаси (Кофу). 20. Тифу.

Токай. 21. Сидзуока. 22. Айти (Нагойя). 23. Миэ (Цу).

Кансай. 24. Сига (Оцу). 25. Киото-фу. 26. Нара. 27. Вакаяма. 28. Осака-фу. 29. Хиого (Кобэ).

Тюгоку. 30. Тоттори. 31. Окаяма. 32. Симане (Мацуэ). 33. Хиросима. 34. Ямагути.

О. Сикоку

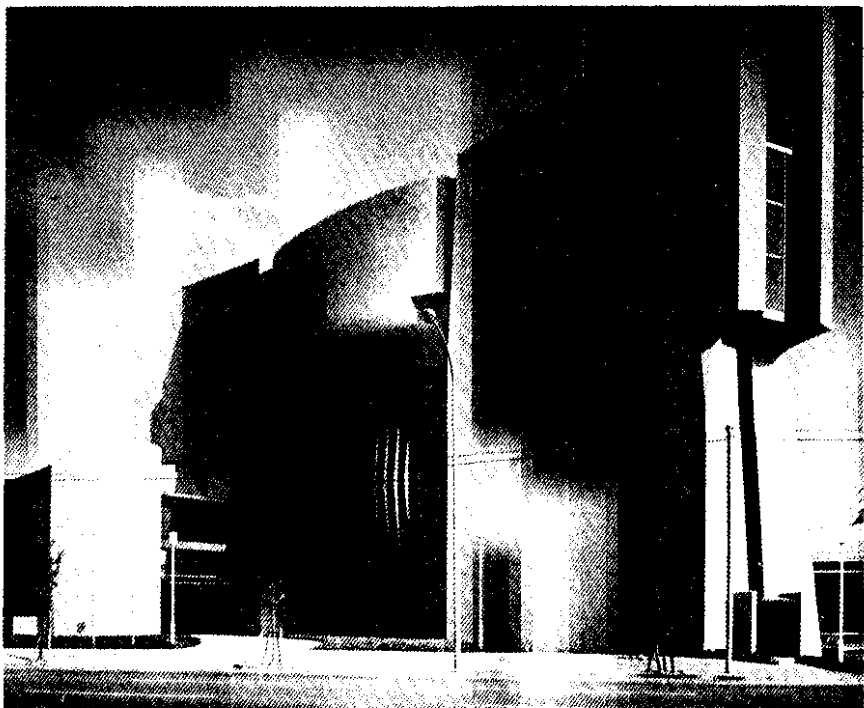
35. Кагава (Такамацу). 36. Токусима. 37. Коти. 38. Эхиме (Мацуяма).

О. Кюсю

39. Оита. 40. Фукуока. 41. Сага. 42. Кумамото. 43. Миядзаки. 44. Кагосима. 45. Нагасаки.

О. Хоккайдо (округа)

46. Соя (Вакканай). 47. Румои. 48. Сорати (Ивамидзава). 49. Камикава (Асахигая). 50. Абасири. 51. Немуро. 52. Куширо. 53. Касай (Обихоро). 54. Уракава. 55. Ибури (Муроран). 56. Исикари (Саппоро). 57. Сирибэси (Куттян). 58. Хияма (Эсаси). 59. Осима (Хакодате).

Современное общественное здание

листов. Ремонтные соглашения, как правило, включали статьи об «экономическом сотрудничестве», что облегчало дальнейшее проникновение японских монополий в азиатские страны.

Первой попыткой организованной японской экспансии в страны Юго-Восточной Азии был разработанный правительством Киси план, согласно которому японские фирмы, используя предоставленные американскими банками кредиты, должны были разрабатывать ресурсы этих стран, направляя туда оборудование, технический персонал и т. д. Чтобы выяснить отношение азиатских стран к этой программе, премьер-министр Киси посетил в течение 1957 г. Индию, Пакистан, Бирму, Таиланд, Камбоджу, Лаос, Малайю, Сингапур, Индонезию и Филиппины. Однако в большинстве этих стран с настороженностью и опасениями встретили японский экспансионистский план.

Под давлением деловых кругов, стремившихся к развитию торгово-экономических связей с СССР, правительство Киси заключило в декабре 1957 г. предусмотренный Совместным заявлением СССР и Японии торговый договор, а также соглашение о товарообороте и платежах.

Советско-японские связи в области культуры развивались в основном на неправительственном уровне. Большую роль в этом

сыграло создание в июне 1957 г. в результате реорганизации Общества японо-советской дружбы Общества «Япония — СССР», первым президентом которого стал бывший премьер-министр Хатояма.

Японские правящие круги упорно отказывались от установления государственных отношений с КНР, несмотря на быстрое развитие неправительственных японо-китайских связей, особенно торговли. В результате происшедшего в мае 1958 г. «инцидента в Нагасаки», когда со здания торговой выставки был сорван флаг КНР, связи между Японией и Китаем были почти полностью прерваны.

Переговоры о пересмотре «договора безопасности» и обострение внутривнутриполитической борьбы

Считая свои позиции достаточно прочными, Киси в апреле 1958 г. распустил парламент. В мае состоялись досрочные выборы в палату представителей. ЛДП получила 287 депутатских мест, на 10 мест меньше, чем получили Либеральная и Демократическая партии на выборах 1955 г. Социалистическая партия обеспечила себе 166 мест (раньше у обеих социалистических партий было 156 мест). КПЯ получила одно место.

После выборов правительство вплотную приступило к подготовке пересмотра «договора безопасности» с США. Эта задача становилась все более неотложной, поскольку неравноправный договор вызывал растущее недовольство народных масс, а сохранение многочисленных американских военных баз на японской территории, наглядно символизировавших возможность втягивания Японии без ее ведома и согласия в войну в случае развязывания ее американским империализмом, способствовало усилению антиамериканских настроений. В Японии начало распространяться мнение о целесообразности проведения страной политики нейтралитета.

Правящие круги Японии считали эти тенденции опасными для будущего японо-американского союза и, следовательно, для сохранения их власти, поскольку этот союз был главной ее опорой. Правительство Киси рассчитывало путем пересмотра «договора безопасности», устранения из него положений, носящих открыто неравноправный характер, ослабить накал антиамериканских настроений, предотвратить разворачивание в Японии массовой борьбы против американских военных баз, за проведение политики нейтралитета.

США, придававшие Японии большое значение как своему важнейшему союзнику на Дальнем Востоке, также проявляли готовность пойти на пересмотр «договора безопасности», чтобы, сохранив его основное содержание, в том числе свое военное присутствие в Японии, сделать договор по форме более «приемлемым» если не для японского народа, то хотя бы для господствующего класса Японии.

Переговоры о пересмотре «договора безопасности» начались в Токио в октябре 1958 г., однако уже через месяц они были прерваны из-за острых разногласий между сторонами, а также в связи с обострением внутривластной обстановки в Японии.

Мировой экономический кризис, начавшийся в 1957 г., обострил конкурентную борьбу на рынках, осложнив экспорт японских товаров. Резкий рост импорта вызвал в Японии валютный кризис, побудивший правительство ограничить ввоз сырья. Это привело к сокращению производства, которое и без того обогнало возможности платежеспособного спроса населения.

Многие предприятия текстильной, металлургической промышленности и других отраслей стали систематически ограничивать производство. Снизились общие темпы роста, сократились инвестиции, возросли товарные запасы. Японская экономика оказалась в состоянии спада.

Монополистический капитал пытался преодолеть спад за счет рабочего класса, других слоев трудящихся. В ряде отраслей была принудительно сокращена рабочая неделя. Сотни тысяч рабочих были временно освобождены от работы. Во второй половине 1958 г. начались массовые увольнения в металлургической, текстильной и угольной промышленности.

Наступление крупного капитала активизировало борьбу трудящихся за свои жизненные интересы.

Правительство Киси готовило удар по демократическим завоеваниям трудящихся в виде новой системы аттестации учителей, которая имела целью установление контроля правительства над воспитанием молодого поколения. С ее помощью правящие круги рассчитывали получить мощное средство воздействия на преподавателей, придерживающихся прогрессивных взглядов. Новая система аттестации была призвана расколоть и ослабить Всеяпонский профсоюз учителей, бывший в то время самым крупным и одним из наиболее боевых в Японии.

Борьба, развернутая профсоюзом учителей против введения новой системы аттестации, превратилась в мощное движение протеста трудящихся Японии за свои демократические права. В поддержку профсоюза учителей выступили Сохё, СПЯ и КПЯ. В марте по всей стране прошли митинги и демонстрации протеста с участием более 600 тыс. человек. Забастовка учителей, проведенная в апреле, охватила почти все школы страны.

Демократическим силам не удалось добиться отмены новой системы аттестации, но и власти были вынуждены внести в нее ряд существенных поправок.

Еще одна общенациональная кампания борьбы широких народных масс за демократические права развернулась осенью 1958 г. против попыток правительства пересмотреть закон о полицейской службе. Этот пересмотр был фактически направлен на возрождение довоенного закона об охране общественного спокойствия, на основе которого во время войны были ликвидированы элементарные права и свободы.

После внесения правительством законопроекта в парламент депутаты левых партий потребовали снять его с рассмотрения, а когда это требование было отклонено, они заявили о бойкоте заседаний парламента.

Это был своего рода сигнал к разворачиванию массового внепарламентского движения протеста. Для его координации был создан Национальный совет борьбы против пересмотра закона о полицейской службе, объединивший более 200 демократических организаций.

Кульминационным моментом движения протеста против реакционного законопроекта стала общая политическая стачка 5 ноября 1958 г., в которой приняло участие свыше 4,5 млн. человек. Правительство было вынуждено отступить и начать переговоры с оппозицией. На встрече премьер-министра Киси с председателем СПЯ Судзуки была достигнута договоренность, что правительство отзовет законопроект о расширении полномочий полиции, а Социалистическая партия прекратит бойкот парламента.

Борьба прогрессивных сил за нейтралитет Японии

Активное участие в массовой борьбе демократических сил принимали японские коммунисты. После VI Национальной конференции КПЯ взяла курс на укрепление своего влияния в массах. Этот курс был подтвержден на состоявшемся в июле 1958 г. VII съезде, поставившем задачу превращения КПЯ в массовую авангардную партию.

Съезд принял «Хартию Коммунистической партии Японии», в которой были сформулированы стратегические задачи борьбы партии. В этом документе отмечалось, что господствующими силами в Японии являются американский империализм и подчиненный ему японский монополистический капитал, что Япония, являясь высокоразвитым империалистическим государством, тем не менее превратилась в зависимую страну, полуоккупированную американским империализмом. На основе такой оценки делался вывод о необходимости борьбы против двух врагов — американского империализма и японского монополистического капитала.

В соответствии с этой стратегической линией съезд подчеркнул важность решительной борьбы за полную независимость нации, за ликвидацию Сан-Францисской системы, за возвращение Японии о-вов Окинава и Огасавара, за вывод всех американских войск и ликвидацию военных баз на территории Японии.

VII съезд КПЯ избрал председателем ЦК партии Носака, Генеральным секретарем — Миямото.

В связи с намерениями правительства США и Японии пересмотреть «договор безопасности» таким образом, чтобы еще глубже вовлечь Японию в агрессивную военную стратегию американского империализма, в центр политической борьбы встал вопрос

о путях дальнейшего развития страны. Прогрессивные силы противопоставили плану реакции, стремившейся к продлению японо-американского военного союза, концепцию нейтралитета Японии, нашедшую поддержку широких народных масс.

Позитивный отклик у японской общественности нашла нота Советского правительства, в которой говорилось, что «проведение Японией политики нейтралитета явилось бы важным конструктивным вкладом в дело укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и в развитие международного сотрудничества». Советский Союз выразил готовность взять на себя обязательство уважать нейтралитет Японии¹.

Японское правительство отвергло это предложение. Однако демократические силы продолжали настаивать на том, что Япония должна сделать выбор в пользу политики нейтралитета. КПЯ выразила твердое убеждение, что независимость Японии может быть обеспечена только на путях нейтралитета и отказа от военного сотрудничества с США. Председатель СПЯ Судзуки также высказался за нейтралитет Японии.

Важную роль в активизации борьбы демократических сил против «договора безопасности», за нейтралитет Японии сыграло решение Токийского окружного суда по «делу Сунагава». Несколько профсоюзных активистов обвинялись в организации борьбы против американской военно-воздушной базы вблизи деревни Сунагава. После почти двухлетнего разбирательства суд в марте 1959 г. оправдал всех обвиняемых. В решении суда говорилось, что пребывание американских войск на территории Японии противоречит конституции страны. Это судебное решение вызвало широкий резонанс в Японии.

Движение против «договора безопасности» набирало силу. Остро встал вопрос об объединении усилий его участников. В ряде районов страны местные советы борьбы против пересмотра закона о полицейской службе стали превращаться в постоянно действующие организации борьбы за мир и демократию, объединившие коммунистов и социалистов.

В феврале 1959 г. представители более 30 демократических организаций провели Национальную конференцию борьбы против пересмотра «договора безопасности». Она сыграла важную роль в создании единой организации по руководству движением протеста.

Такая организация — Национальный совет борьбы против «договора безопасности» — была образована в марте 1959 г. По заявлению Совета, главные цели его состояли в том, чтобы воспрепятствовать заключению нового «договора безопасности», добиться нейтралитета Японии, покончить с японо-американской «системой безопасности».

В Национальный совет борьбы против «договора безопасности» вошли 134 организации. Вопреки протестам правых социалистов

¹ См.: Правда. 1958. 3 дек.

в нем участвовала КПЯ, правда, в качестве наблюдателя. Однако влияние коммунистов на деятельность Совета было довольно значительным. Во всех 46 префектурах были также созданы советы борьбы против «договора безопасности», объединявшие около 2 тыс. местных организаций.

Создание Национального совета борьбы против «договора безопасности» стало важной вехой в развитии рабочего и демократического движения Японии. Фактически был образован единый фронт демократических сил на основе сотрудничества Коммунистической и Социалистической партий.

По призыву Национального совета массовые выступления против «договора безопасности» проводились скоординированно в масштабах всей страны в форме «волн единых действий» — демонстраций, митингов, кратковременных забастовок, сбора подписей под петициями и т. д.

Вместе с тем в некоторых молодежных организациях, например во Всеяпонской федерации органов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн), получили довольно широкое распространение левозэкстремистские настроения. Считая, что в Японии сложилась революционная ситуация, некоторые лидеры Дзэнгакурэн призывали к «прямым», насильственным методам борьбы. Левацкие действия использовались властями и полицией в качестве предлога для попыток дискредитировать движение против «договора безопасности», для репрессий против демократических сил.

В острую стычку с полицией вылились выступления во время восьмой «волны единых действий» 27 ноября 1959 г., когда после массовых митингов, проходивших в различных районах Токио под лозунгами «Долой договор безопасности!», «Долой правительство Киси!», одна из колонн демонстрантов (более 10 тыс. человек) ворвалась на территорию парламента. Левые экстремисты попытались 16 января 1960 г. захватить токийский аэропорт и воспрепятствовать отлету премьер-министра Киси в США для подписания «договора безопасности», однако мобилизованные специально на этот случай силы полиции сорвали эту попытку.

Заключение «договора безопасности»

19 января 1960 г. в Вашингтоне был подписан договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности. Он предусматривал проведение совместных военных операций и использование американскими вооруженными силами баз на японской территории для действий на Дальнем Востоке. Японская сторона обязывалась наращивать свой военный потенциал.

Одновременно с подписанием договора был произведен обмен нотами, в которых США выразили согласие проводить консультации с японским правительством в случае значительных изменений в расположении и вооружениях американских войск, дислоцированных в Японии.

В новый договор не было включено имевшееся в прежнем

тексте положение, позволявшее американским войскам принимать участие в подавлении «крупных внутренних беспорядков» в Японии. Был установлен десятилетний срок действия договора.

«Договор безопасности» 1960 г. представлял собой военный союз, который Япония в отличие от договора 1951 г. заключила добровольно. Заключение договора отражало прежде всего стремление японского монополистического капитала, рассчитывавшего, что укрепление военно-политического союза с США на новой, более равноправной, основе будет содействовать укреплению японо-американских торгово-экономических отношений. Важными для японских монополий были перспективы получения из США новейшей технологии и сырья, расширения ассортимента и увеличения сбыта японской промышленной продукции на американском рынке. В планы японских монополий входило также и укрепление экономических позиций и усиление конкурентной борьбы в странах Азии, находившихся в зависимости от американского капитала. Пропагандистская деятельность консерваторов имела целью создать иллюзию, что пересмотр «договора безопасности» означает серьезное изменение внешнеполитического курса Японии.

В действительности, дав согласие на размещение на своей территории американских военных баз, нацеленных на Советский Союз и социалистические страны Азии, Япония становилась соучастницей агрессивной политики США на Дальнем Востоке, представлявшей прямую угрозу миру и безопасности народов.

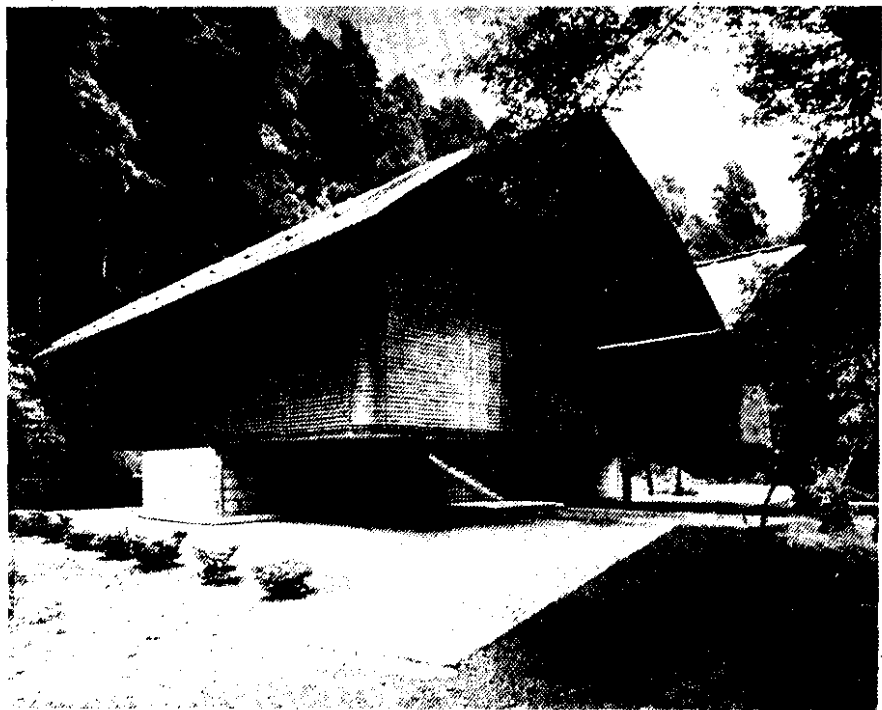
После заключения «договора безопасности» демократические силы Японии поставили своей главной задачей не допустить его ратификации. Японская реакция со своей стороны попыталась ослабить движение против договора. Ей удалось расколоть Социалистическую партию. Еще в октябре 1959 г. группа правых социалистов заявила о своем несогласии с активным участием СПЯ в борьбе против «договора безопасности» и о намерении создать новую партию. В январе 1960 г. было провозглашено создание Партии демократического социализма (ПДС). Ее председателем был избран Нисию, генеральным секретарем — Соно.

В ПДС перешло всего около 5 % членов СПЯ, но среди них были 41 депутат палаты представителей и 18 — палаты советников. Новую партию поддержал реформистский профцентр Дзэнро.

Создание ПДС нанесло определенный ущерб движению против «договора безопасности». Партия заявила, что не будет выступать за немедленную и безоговорочную денонсацию договора, а предлагает его «постепенную и поэтапную» ликвидацию.

Тем не менее Национальный совет борьбы против «договора безопасности» успешно продолжал тактику одновременных массовых выступлений в виде «волн единых действий». Тринадцатая такая «волна» в марте 1960 г. собрала более 5 млн. участников в 600 городах и населенных пунктах страны. Параллельно проводился сбор подписей под призывами против «договора безопасности». Всего было собрано 3,3 млн. подписей.

В мае 1960 г. голосами одних (и то не всех) либерал-демокра-

Образец традиционного сооружения из современных материалов

тов с помощью полиции, силой удалившей из зала заседаний парламента депутатов оппозиционных партий, «договор безопасности» был ратифицирован. Такая «силовая» ратификация вызвала бурю возмущений в стране. Движение против «договора безопасности» приняло еще более массовый характер. Социалистическая партия объявила бойкот заседаний парламента. Сохё призвал трудящихся к проведению всеобщей политической забастовки. Такая забастовка, проведенная 4 июля, была одной из крупнейших в истории японского рабочего движения. В ней приняло участие 5,6 млн. человек.

Массовые выступления протеста сорвали запланированный визит в Японию президента США Эйзенхауэра. Прибывший в Токио для подготовки этого визита секретарь Белого дома по вопросам печати Хэгерти в аэропорту попал в окружение демонстрантов и был вынужден спастись на военном вертолете.

Демонстрации против «договора безопасности» с участием сотен тысяч человек следовали одна за другой. 15 июня была проведена вторая политическая забастовка с участием 5,8 млн. человек. На следующий день правительство было вынуждено отменить приглашение президенту США в связи с невозможностью обеспечить ему «теплую» встречу.

Национальный совет борьбы против «договора безопасности» продолжал кампанию под лозунгом роспуска парламента и отставки правительства. 22 июня была организована третья политическая стачка, в которой участвовало 5,4 млн. человек.

23 июня состоялся обмен ратификационными грамотами «договора безопасности», и сразу же после этого премьер-министр Киси заявил о своей отставке.

Демократические силы не смогли воспрепятствовать пересмотру «договора безопасности», но они продемонстрировали господствующим классам как Японии, так и США свою мощь. Японское правительство не могло не считаться с этим существенным фактором внутривнутриполитической жизни и было вынуждено изменить тактику, чтобы сохранить неприкосновенным существующий строй.

Движение против «договора безопасности» было тесно связано с борьбой японских трудящихся в защиту своих жизненных интересов, против наступления капитала. Одним из самых известных примеров такой борьбы в то время была забастовка шахтеров угольных копей Миикэ компании «Мицуи кодзан» на севере о-ва Кюсю. Забастовка была объявлена в знак протеста против увольнения 1200 шахтеров под предлогом «рационализации» производства, а затем и против локаута, прекращения компанией работы на всех шахтах Миикэ.

Борьба шахтеров была поддержана другими отраслевыми профсоюзами, входящими в Сохё, который принял решение превратить ее в общенародное движение против капиталистической «рационализации» и пересмотра «договора безопасности». Был создан Национальный центр содействия борьбе шахтеров Миикэ и организован сбор средств в пользу бастующих.

Забастовка шахтеров Миикэ сопровождалась кровопролитными столкновениями с нанятыми предпринимателями гангстерскими бандами и полицией, но рабочих сломить не удалось. Вместе с ними в боевых пикетах, преграждавших путь штрейкбрехерам из созданного предпринимателями «второго профсоюза», стояли рабочие, прибывшие в знак солидарности со всей страны. Эта поддержка и солидарность помогли шахтерам Миикэ стойко держаться в течение 313 дней и добиться частичного удовлетворения своих требований. Борьба рабочих Миикэ дала ценный опыт всему рабочему движению Японии.

Политика правительства Икэда. Новая тактика либерал-демократов

После вынужденной отставки правительства Киси в ЛДП развернулась борьба за пост ее председателя, который при наличии у правящей партии большинства в парламенте становился и премьер-министром. Победу в этой борьбе одержал лидер одной из сильнейших фракций в ЛДП Икэда. Он и сформировал новое правительство Японии в июле 1960 г.

В чрезвычайно сложной внутривнутриполитической обстановке непо-

средственно после беспрецедентных массовых политических выступлений трудящихся правительство Икэда поставило своей главной задачей смягчение внутривнутриполитической напряженности и стабилизацию положения в стране. Чтобы расколоть антиправительственный фронт и привлечь на сторону правящей партии широкие слои населения, Икэда выдвинул «план удвоения национального дохода». Пропагандистская машина ЛДП сразу же начала энергично популяризировать этот план, утверждая, будто удвоение национального дохода автоматически приведет к удвоению заработной платы, и обещая «процветание» всем слоям народа.

Одновременно правительство попустительствовало разгулу правых сил. В октябре 1960 г. во время массового митинга правым террористом был убит председатель ЦИК СПЯ Асанума, один из руководителей борьбы против «договора безопасности», пользовавшийся большой популярностью в массах трудящихся.

Правительство сочло создавшуюся обстановку благоприятной и в октябре 1960 г. распустило парламент. Демагогические обещания ЛДП, ослабление СПЯ из-за убийства ее руководителя и фактический отказ социалистов от совместной борьбы с коммунистами в ходе избирательной кампании помогли либерал-демократам упрочить свои позиции. В результате состоявшихся в ноябре выборов в палату представителей ЛДП получила 296 депутатских мест, увеличив на 13 мест свое представительство в нижней палате, хотя и потеряла часть голосов избирателей. СПЯ получила 145 мест (на 23 больше, чем у нее было), в основном за счет ПДС, которая потеряла 23 места, получив всего 17. Коммунисты провели в палату представителей 3 депутатов, на два больше, чем имели раньше.

Укрепив свои позиции, правительство ЛДП попыталось перейти от обороны к наступлению против демократических сил, используя активизацию правых шовинистических организаций, которые в большом количестве возникли в стране во второй половине 50-х годов, получая финансовую поддержку монополистического капитала. Во время всенародной борьбы против «договора безопасности» ультраправые организации выступали в поддержку военного союза с США, участвовали в погромах и избиваниях бастовавших шахтеров Миикэ. После ратификации «договора безопасности» они, продолжая террористические нападки на левые силы, в то же время демагогически обвиняли правительство в «попустительстве коммунизму», подталкивая его все дальше вправо и создавая правящим кругам удобный предлог для наступления на демократические права трудящихся.

После убийства Асанума ультраправые совершили покушение на редактора либерального журнала «Тюо корон», на видного деятеля СПЯ Судзуки. В декабре 1961 г. был раскрыт заговор с целью осуществления государственного переворота, в ходе которого правые экстремисты планировали устроить массовую резню коммунистов и социалистов.

Правительство воспользовалось разгулом правых национа-

листов для наступления на демократию. В мае 1961 г. в парламент был внесен проект закона «о предотвращении политического насилия». Подлинная направленность законопроекта — против демократического движения — была видна из того, что он относил к политическому насилию такие массовые действия, как демонстрации, митинги на улицах, пикетирование и т. д.

Либерал-демократам при поддержке Партии демократического социализма удалось провести через палату представителей законопроект о предотвращении политического насилия. Но развернувшееся под руководством коммунистов и социалистов массовое движение протеста во всей стране, включая стотысячную демонстрацию в районе парламента в день голосования в палате советников, заставило правящую партию снять законопроект с парламентской повестки дня. Это была крупная победа демократических сил.

Во второй половине 50-х годов Япония добилась заметных успехов в области экономики благодаря почти непрерывному (за исключением периода 1957—1958 гг.) экономическому подъему.

В 1955—1960 гг. среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 16,1%, а ВВП Японии в 1956—1960 гг. увеличился в среднем за год на 9,75%. Наряду с традиционными отраслями промышленности в эти годы стали быстро развиваться новые отрасли: электрорадиотехника, нефтехимия, производство синтетических материалов и т. д.

Однако несмотря на значительные успехи японской экономики, Япония еще сильно отставала от США и стран Западной Европы, особенно по производительности труда и объему национального дохода на душу населения. «Двойственная структура» экономики (сосуществование современных крупных и отсталых мелких и средних предприятий) хотя и создавала относительно благоприятные условия для ускорения экономического роста за счет повышения степени эксплуатации, в то же время вела к увеличению диспропорций в экономике страны.

Правительство Икэда уделяло особое внимание вопросам экономики, видя в ускорении экономического роста путь к укреплению политической и социальной стабильности, т. е. к упрочению позиций ЛДП и ее правительства. Этими целями в конечном счете было продиктовано и выдвижение «плана удвоения национального дохода».

Этот план-прогноз на 60-е годы, получивший также название «план Икэда», был утвержден правительством в конце 1960 г. Он предусматривал в целях удвоения национального дохода за десятилетний период ежегодный прирост объема производства на 9%, а также ставил задачи модернизации сельского хозяйства, мелкой и средней промышленности, развития отсталых районов, увеличения конкурентоспособности Японии на мировом рынке.

ЛДП развернула широкую пропаганду «плана Икэда», а левые партии выступили против него, подчеркивая, что он отвечает прежде всего интересам монополий. СПЯ опубликовала свой план экономического развития страны, рассчитанный на четыре года. План

СПЯ включал такие принципиальные моменты, как отказ от политической и экономической ориентации на США, увеличение доли трудящихся при распределении национального дохода, повышение жизненного уровня трудящихся, в том числе установление гарантированного минимума заработной платы, введение бесплатной медицинской помощи и т. д.

Важное место в экономической политике правительства Икэда занимали разработка и проведение курса на капиталистическую модернизацию сельского хозяйства. Этот курс был сформулирован в Основном сельскохозяйственном законе, который был принят японским парламентом в июне 1961 г.

Главной целью сельскохозяйственной политики, воплощенной в этом законе, был перевод сельскохозяйственного производства с мелкотоварного на капиталистическое. Правительство обосновывало его необходимость сильной экономической отсталостью японской деревни, являвшейся помехой в конкурентной борьбе Японии с другими капиталистическими странами.

Для достижения этих целей ставилась задача приоритетного развития крупных хозяйств за счет мелких. Имелось в виду несколько сократить долю производства риса, требовавшего крупных государственных субсидий из-за низкой производительности труда, увеличить производство продуктов животноводства, овощеводства и плодородства.

Против аграрной политики правительства, закреплённой в Основном сельскохозяйственном законе, выступили левые партии. Она вызвала недовольство и крестьянских организаций, поскольку была направлена на ликвидацию значительного числа мелких крестьянских хозяйств. Непопулярность аграрной политики обусловила в конечном счете неспособность правительства добиться ее выполнения.

Активное участие в массовом движении в конце 50-х — начале 60-х годов принимали японские коммунисты, что способствовало росту авторитета компартии, укреплению ее связей с массами. Это отмечалось на VIII съезде КПЯ, который проходил в июле 1961 г. По сравнению с предыдущим съездом численность КПЯ увеличилась вдвое, достигнув 100 тыс. человек.

VIII съезд КПЯ принял программу партии, закрепившую стратегическую линию, которая была намечена в утвержденной еще на VII партийном съезде Хартии КПЯ. В программе была поставлена задача создания под руководством рабочего класса и на базе союза рабочих и крестьян единого национально-демократического фронта, объединяющего всех трудящихся города, интеллигенцию, женщин, молодежь, студентов, мелких и средних предпринимателей и всех, кто любит мир и родину и защищает демократию.

Серьезная неудача Партии демократического социализма на парламентских выборах 1960 г. нанесла сильный удар по планам реакции с помощью этой правореформистской партии продолжать линию на раскол СПЯ и изоляцию Компартии. Тем большие надежды реакционные силы возлагали на то, что удастся осуществ-

ить перестройку профсоюзного движения на основе сотрудничества труда и капитала.

В апреле 1962 г. правые профсоюзные объединения Дзэнро и Содомай создали Всеяпонский конгресс федераций труда (Домэй кайги). Новая организация, стоявшая на позициях классового сотрудничества и антикоммунизма, объединила профсоюзы общей численностью свыше 1 млн. человек.

Домэй кайги, выступавший в поддержку Международной конфедерации свободных профсоюзов (МКСП), развернул раскольническую деятельность в отношении профсоюзов, входивших в Сохё, сячески поощряя создание «вторых профсоюзов». Расчет при этом делался на сотрудничество с руководством тех отраслевых профсоюзов-членов Сохё, которые входили в МКСП.

«Линия Кеннеди—Рейшауэра»

Процессы из политических битв, происходивших в Японии вокруг заключения «договора безопасности», пришлось извлечь не только Токио, но и Вашингтону. Тактику нужно было менять не только японскому, но и американскому правительству.

«Новый подход» к Японии связывался с именем президента США Дж. Кеннеди, занявшего свой пост в январе 1961 г. В марте он назначил новым послом США в Японии известного американского ученого-япноведа Э. Рейшауэра. В связи с этим новая тактика США получила известность как «линия Кеннеди—Рейшауэра».

Эта линия предусматривала значительно более гибкое, чем прежде, отношение к внутривнутриполитической обстановке в Японии, и в частности расширение контактов с правореформистскими силами в целях раскола демократического движения, ослабления и изоляции компартии.

Однако «новый подход» США к Японии не помог да и не мог помочь урегулированию японо-американских экономических противоречий, обострившихся с укреплением позиций Японии в мировой капиталистической системе. Провозглашенная администрацией Кеннеди политика «защиты доллара» наносила ущерб японскому экспорту в США, а проводившееся правительством Кэда под нажимом Вашингтона ослабление ограничений на ввоз в страну американских товаров увеличивало дефицит внешнеторгового баланса Японии. Визит премьер-министра Икэды в США в июне 1961 г. также не способствовал ослаблению японо-американских экономических противоречий.

В 1961—1962 гг. в экономике Японии произошел очередной спад. Значительно снизились темпы экономического роста, уменьшилась загрузка оборудования в промышленности. Этот спад произошел в обстановке обострения экономических противоречий с США, в особенности из-за наплыва японских текстильных изделий на американский рынок. В начале 1963 г. США потребовали ограничить экспорт японских текстильных товаров. Обстановка в отно-

шениях между двумя странами настолько накалилась, что ее характеризовали как «текстильную войну». В конечном счете ради сохранения союзных отношений с Японией, в которых они были весьма заинтересованы, США сняли почти все свои требования, и вопрос был урегулирован. Однако причины внешнеторговых противоречий между Японией и США не были устранены, и в последующем они неоднократно обострялись вновь.

В условиях экономического спада в японских экономических и политических кругах становилось все более очевидным, что чрезмерная внешнеторговая ориентация на США чревата серьезными последствиями для экономики Японии. В Токио стали обращать больше внимания на других перспективных внешнеторговых партнеров, например на западноевропейские государства, не говоря уже о странах Азии.

Значительную активность правительство Икэда проявило в отношении Юго-Восточной Азии, форсируя экономическую экспансию в этот район. Эти цели преследовала поездка японского премьер-министра в Индию, Пакистан, Бирму и Таиланд в ноябре 1961 г. Однако она не привела к улучшению отношений Японии с названными странами, опасавшимися чрезмерного проникновения японских монополий в их экономику. По этой же причине не встретила поддержки и японская идея создания «азиатского общего рынка», которую усиленно пропагандировал Икэда.

В этот период наблюдается значительное расширение товарооборота между СССР и Японией: его прирост в 1961 г. составил 48%, в 1962 г. — 24%. Большое значение для расширения торговли между двумя странами имела советская торгово-промышленная выставка в Токио, открывшаяся в августе 1961 г. Прибывший на церемонию открытия выставки первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян имел беседы с руководителями японского правительства и деловых кругов Японии, которые показали наличие больших возможностей для развития торгово-экономических связей между двумя соседними государствами.

Успехи в развитии советско-японской торговли сделали возможным переход от ежегодных торговых соглашений к трехгодичным, что повышало стабильность торговых связей. Первое такое соглашение на 1963—1965 гг. было подписано в феврале 1963 г. Одновременно был произведен обмен письмами о прибрежной торговле — между районами советского Дальнего Востока и обрабатываемыми на Советскому Союзу районами Японии, — что позволяло вовлечь в торговый оборот дополнительные местные ресурсы, привлечь к торговле с Советским Союзом мелкие и средние фирмы в районах, имевших традиционные торгово-экономические связи с нашей страной.

Японская сторона сделала ряд шагов к расширению торговых связей с Китаем, восстановленных еще в 1959 г., после годичного перерыва, вызванного «нагасакским инцидентом». Премьер-министр Икэда провозгласил в отношении КНР принцип «отделения

литики от экономики», оправдывая тем самым нежелание политически признать КНР. В 1962 г. в Китай были направлены два дных деятеля ЛДП — Мацумура и Такасаки. На переговорах ацумура с Чжоу Энлаем в Пекине была достигнута договоренность о расширении торговли между двумя странами и о «постепенной» нормализации японо-китайских отношений. Такасаки подписал с председателем китайского Комитета развития международной торговли Ляо Чэньчжи соглашение о развитии двусторонней торговли на долгосрочной основе, получившее название «соглашение Ляо—Такасаки».

Внутриполитическая борьба и демократическое движение

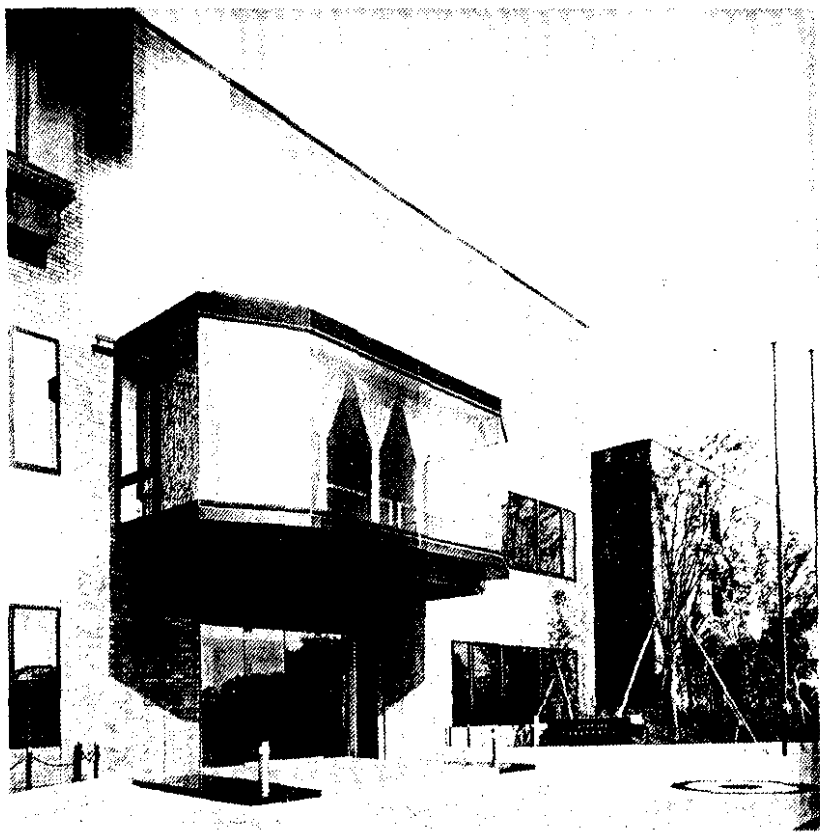
и избирательные кампании 1962—1963 гг., хотя и не привели к значительным изменениям в расстановке политических сил, выявили некоторые довольно интересные тенденции во внутриполитической борьбе.

На выборах в палату советников в июле 1962 г. уменьшилась я избирателей, голосовавших за ЛДП и ПДС, и увеличилось ло голосов, отданных кандидатам СПЯ и КПЯ. Значительного еха добилась новая политическая организация — Лига чистой итики (Косэйрэн), созданная специально для участия в избирельных кампаниях массовой религиозно-общественной организацией Сока гаккай (Общество установления ценностей). В ходе двыборной кампании Косэйрэн выдвинула лозунги борьбы проядерного оружия в защиту мирной, демократической конституции, призвала к проведению справедливых выборов. Она добилась рания всех девяти выдвинутых ею кандидатов.

На выборах в органы местной власти в апреле 1963 г. ЛДП вь потеряла ряд депутатских мест, а СПЯ, напротив, увеличила число. Кандидаты СПЯ были избраны мэрами крупных городов — Осака, Иокогама, Китаakyо. Внушительных успехов доса на этих выборах Косэйрэн, проведя в местные собрания личных ступеней 824 депутата — почти всех выдвинутых канатов. Тяжелое поражение потерпела ПДС, впервые после своего дания выступившая на местных выборах. Ей не удалось записаться в органах местной власти.

Небольшими изменениями завершились выборы в палату предзителей в ноябре 1963 г. Наименее удачными они были для Я, потерявшей 23 места. На 9 мест увеличила свое представительство ПДС, в частности потому, что ее кандидатам отдали гоа многие избиратели, поддерживавшие Косэйрэн, которая не ствовала в этих выборах. Компартия получила 5 мест (вместо инее). Либерал-демократы потеряли 3 места.

В сентябре 1963 г. Верховный суд Японии оправдал всех осужных в 1949 г. по «делу Мицукава». Это решение было итогом голетней упорной борьбы прогрессивных сил в защиту неспра-

Кооперативные дома в современном японском городе

ведливо осужденных, выступавших за демократические права. Эта победа способствовала активизации демократического движения.

Рабочий класс, боровшийся за защиту своих жизненных, интересов, против наступления монополистического капитала, активно выдвигал и политические требования. Например, в «весеннем наступлении» 1964 г. профсоюзы требовали от правительства ратифицировать 87-ю конвенцию Международной организации труда о праве на забастовки и коллективные переговоры, прекратить переговоры о нормализации отношений с южнокорейским режимом, запретить заходы американских атомных подводных лодок в японские порты и т. д.

На 17 апреля была запланирована массовая забастовка работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений, лишенных по закону о государственных служащих права на забастовки. Эта забастовка должна была стать центральным событием «весеннего наступления». Поддержать ее выразили готовность профсоюзы частных железных дорог, шахтеров, электриков

т. д., так что общее число забастовщиков должно было составить около 4 млн. человек.

Однако накануне забастовки против ее проведения выступила Компартия Японии. Некоторые руководители КПЯ на том основании, что в руководстве профсоюзов, запланировавших забастовку, были и проамерикански настроенные деятели, ошибочно расценили ее как «провокационную, замышляемую американским империализмом», и фактически поставили главной целью не допустить ее проведения. В дальнейшем сама КПЯ признала, что это была ошибка, совершенная в результате отхода от программной линии на создание антиимпериалистического, антимонополистического, национально-демократического фронта.

Ошибки, допущенные компартией в отношении забастовки 17 апреля, были исправлены в сравнительно короткий срок, но тем не менее они нанесли весьма заметный ущерб влиянию КПЯ в профсоюзах. Сама же забастовка не состоялась. Руководители Сохё были вынуждены пойти на переговоры с правительством, в результате которых был достигнут компромисс и забастовка отменена.

Трудное положение сложилось и в японском движении за запрещение атомного и водородного оружия. В нем усилились разногласия между коммунистами и социалистами, в частности по вопросу об отношении к испытаниям ядерного оружия. Эти разногласия еще более обострились после подписания в Москве в августе 1963 г. Договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах — в воздухе, в космическом пространстве и под водой между СССР, США и Великобританией. Китай не подписал этот договор, и китайская делегация на 9-й международной конференции за запрещение атомного и водородного оружия подвергла его резкой критике. На конференции произошел раскол, она завершилась двумя параллельными мероприятиями. В последующем раскол был оформлен и организационно: наряду с продолжавшим свою деятельность Японским советом за запрещение атомного и водородного оружия (Гэнсуйкё), находившимся под влиянием КПЯ, был создан Национальный конгресс борьбы за запрещение ядерного оружия (Гэнсуйкин), следовавший линии СПЯ и Сохё.

Нападение США на Демократическую Республику Вьетнам в августе 1964 г. было осуждено Коммунистической и Социалистической партиями Японии как неприкрытая агрессия. Они призвали японское правительство потребовать прекращения агрессии и не разрешать США использовать в агрессивных целях военные базы, расположенные на территории Японии. Правительство же Японии, верное военному союзу с США, встало на путь оправдания действий Вашингтона. В дальнейшем оно пошло на прямое сотрудничество с США, превратив территорию Японии в базу материально-технического снабжения американской армии во Вьетнаме в расчете на выгодные «спецаказы» от США.

Вскоре после начала агрессии США против Вьетнама японское правительство официально разрешило американским атомным подлодкам заходить в японские порты, хотя вопрос этот рас-

сма­три­вал­ся в те­че­ние бо­лее чем по­лу­то­ра лет. Это ре­ше­ние вы­за­ло протес­ты де­мо­кра­ти­че­ских сил. В пор­тах Са­сэ­бо и Йо­ко­су­ка, ку­да раз­ре­шал­ось за­хо­дить аме­ри­кан­ским ато­м­ным под­вод­ным лод­кам, бы­ли про­ве­де­ны ми­тин­ги, по­тре­бо­вав­шие от­ме­ны это­го ре­ше­ния пра­ви­тель­ства. Раз­вер­ну­в­шее­ся дви­же­ние протес­та бы­ло на­прав­ле­но не толь­ко про­тив за­хо­дов аме­ри­кан­ских ато­м­ных под­вод­ных лод­ок в япон­ские пор­ты, но и про­тив аг­рес­сии США в Ин­до­ки­тае.

В ок­тя­бре 1964 г. Икэ­да по­дал в от­став­ку с по­стов пре­се­да­те­ля ЛДП и пре­мь­ер-ми­ни­стра Япо­нии в свя­зи с тя­же­лой бо­лез­нью. Новым ли­де­ром пра­вя­щей пар­тии и гла­вой пра­ви­тель­ства Япо­нии стал Са­то.

От­но­си­тель­ная ста­би­ли­за­ция кон­сер­ва­тив­но­го ре­жи­ма. Фор­ми­ро­ва­ние мно­го­пар­тий­ной си­сте­мы

Сфор­ми­ро­ван­ное в но­яб­ре 1964 г. пра­ви­тель­ство Са­то по­шло тра­ди­ци­он­ным для ли­бе­рал-де­мо­кра­тов пу­тем, на­чав с под­твер­жде­ния при­вер­жен­но­сти во­ен­но-по­ли­ти­че­ско­му со­ю­зу с США. Это бы­ла гла­вная цель ви­зи­та Са­то в США и его пе­ре­го­во­ров с пре­зи­ден­том Джон­со­ном в ян­ва­ре 1965 г. Уже то­гда от­чет­ли­во да­ла се­бя знать ли­ния на рас­ши­ре­ние это­го со­ю­за: в со­вмес­тное аме­ри­ка­но-япон­ское ком­мю­ни­ке бы­ли вклю­че­ны по­ло­же­ния о под­дер­жке Япо­нией чан­кай­шист­ско­го ре­жи­ма на Тай­ване и о го­тов­но­сти фор­си­ро­вать за­клю­че­ние до­го­во­ра с Юж­ной Ко­реей.

Од­ной из важ­ней­ших за­дач но­во­го пра­ви­тель­ства ста­ло пре­одо­ле­ние эконо­ми­че­ско­го спа­да, по­ра­зив­ше­го япон­скую эконо­ми­ку в 1964—1965 гг. Спад про­яв­ил­ся в сни­же­нии про­из­вод­ства в хи­ми­че­ской, цел­лю­ло­зно-бу­маж­ной, тек­стиль­ной и не­ко­то­рых дру­гих от­рас­лях про­мыш­лен­но­сти, в со­кра­ще­нии об­щих тем­пов эконо­ми­че­ско­го ро­ста.

Для пре­одо­ле­ния спа­да пра­ви­тель­ство ши­ро­ко при­бе­га­ло к ме­рам го­су­дар­ствен­но-мо­но­по­ли­сти­че­ско­го ре­гу­ли­ро­ва­ния — соз­да­нию кар­те­лей в це­лях ог­ра­ни­че­ния про­из­вод­ства, а так­же к кон­цен­тра­ции про­из­вод­ства и цен­тра­ли­за­ции ка­пи­та­ла. Боль­шое вни­ма­ние пра­ви­тель­ство уде­ля­ло уве­ли­че­нию япон­ско­го экс­пор­та, по­вы­ше­нию кон­ку­рен­тос­по­соб­но­сти япон­ских то­варов на ми­ро­вых рын­ках: сни­жа­лись на­ло­ги с кор­по­ра­ций, про­из­во­дя­щих экс­порт­ную про­дук­цию, умень­ша­лись та­мо­жен­ные та­ри­фы на им­порт сы­рья и по­лу­фа­бри­ка­тов, ис­поль­зуе­мых для про­из­вод­ства экс­порт­ных то­варов, пред­ос­та­вля­лись льго­тные го­су­дар­ствен­ные кре­ди­ты для экс­пор­те­ров.

Дру­гим на­прав­ле­нием пре­одо­ле­ния спа­да был рост по­треб­и­тель­ских цен на пред­ме­ты пер­вой не­об­хо­ди­мо­сти, а так­же та­ри­фов на ком­му­наль­ные ус­лу­ги. Ина­че го­во­ря, вы­ход из спа­да в не­ма­ло­й сте­пени осу­ществ­ля­лся за счет ши­ро­ких сло­ев тру­дя­щих­ся. В то

е время политика правительства Сато, направленная на создание возможно более благоприятных условий для крупного капитала, вела к массовому разорению мелких и средних предприятий. В 1965 г. обанкротилось 6141 предприятие — больше чем когда-либо за послевоенные годы.

Правительство уделяло неослабное внимание поощрению и укреплению тех сил в рабочем и демократическом движении, которые готовы были идти на сотрудничество с монополиями, стать проводниками их идеологического и политического воздействия на рабочий класс и другие слои трудящихся. Еще в мае 1964 г. был образован Японский совет Международной конфедерации металлообрабатывающих отраслей, независимо от их принадлежности к существующим профцентрам. Благодаря этой организации, с самого начала ратовавшей за сотрудничество труда и капитала, правореформистские силы получили новый канал распространения своего влияния внутри Сохё в целях ослабления боевых позиций этого профцентра.

В ноябре 1964 г. Домэй кайги, созданный двумя годами ранее как консультативный орган правореформистских профсоюзов, был преобразован в единый профцентр — Всеяпонскую конфедерацию труда (Домэй). В Домэй вошли профсоюзы общей численностью 1,8 млн. человек. Новый профцентр заявил о поддержке Партии демократического социализма, став ее массовой базой, и вступил в МКСП. Руководство Домэй заявило, что будет добиваться объединения профсоюзного движения на антикоммунистической основе.

Появление массового профцентра, стоящего на позициях классового сотрудничества, стало возможным вследствие крупных изменений в социальной структуре японского общества и в составе рабочего класса. Структурные сдвиги в экономике страны, выразившиеся в возрастании удельного веса тяжелой и химической промышленности, привели к появлению новых отраслей — электротехники, автомобилестроения, нефтехимии и т. д., для которых с самого начала было характерно преобладание крупных предприятий.

С развитием промышленности быстро росла численность рабочего класса, который в начале 60-х годов впервые превысил половину самостоятельного населения Японии. Рабочий класс пополнялся преимущественно за счет выходцев из деревни. Это способствовало распространению мелкобуржуазных взглядов и представлений среди рабочих, делало их более уязвимыми к проникновению буржуазной идеологии.

Кроме того, с возникновением новых отраслей промышленности, в ряде случаев имевших важное стратегическое значение, монополии с самого начала стремились не допустить распространения влияния прогрессивных партий и организаций на крупных предприятиях этих отраслей. В частности, принимались меры к тому, чтобы в случае создания на этих предприятиях профсоюзов они попадали под идейно-политический контроль монополий и не

сотрудничали с Сохё. Так было положено начало процессу, который привел к сосредоточению многих профсоюзов частных предприятий современных отраслей промышленности в Домэй.

В ноябре 1964 г. на политической арене Японии появилась новая партия — Комэйто (Партия чистой политики). Она была создана массовой религиозно-общественной организацией Сока гаккай на базе Косэйрэн, которая была распущена. Сока гаккай, насчитывавшая в то время свыше 10 млн. человек, стала массовой базой Комэйто.

Комэйто провозгласила своей целью установление в Японии «справедливого общества» — «общества третьей цивилизации», или «несоциалистического общества», отличающегося якобы как от капитализма, так и от социализма. Она провозгласила себя выразительницей интересов простых людей и выдвинула программу, включавшую такие требования, как борьба с нищетой, стабилизация цен, отмена подоходного налога с низкой заработной платы, помощь мелким и средним предпринимателям, строительство жилья для трудящихся и т. д. Партия выступила за «очищение» японской политики от коррупции, широко распространившейся в государственном аппарате в условиях господства либерал-демократов. Она осуждала попытки пересмотра конституции, в том числе ее статьи 9, требовала запрещения ядерного оружия, мирного развития Японии.

Комэйто стремилась опираться на мелкобуржуазные и полупролетарские слои городского населения, численно быстро возрасавшие в процессе урбанизации и не занявшие еще стабильного положения в новой жизненной среде. Особое внимание партия уделяла привлечению на свою сторону не организованных и профсоюзы рабочих мелких и средних предприятий, составляющих значительную часть рабочего класса. Вместе с тем в руководстве Комэйто преобладали представители мелкой и средней буржуазии, что увеличивало непоследовательность ее политики, и в частности склонность к закулисным комбинациям с правящей партией.

Создание Домэй, укрепившее базу Партии демократического социализма и позволившее ей активизировать свою деятельность, а также образование Комэйто завершили складывание в Японии многопартийной системы вместо существовавшей с середины 50-х годов фактически двухпартийной системы (позиции КПЯ и то время были слабыми и она не могла оказывать сколько-нибудь заметного влияния на политическую жизнь страны).

Особенностью многопартийной системы в Японии было то, что она образовалась «слева от ЛДП» — возникли новые или дробились уже существующие оппозиционные партии. Само по себе увеличение числа оппозиционных партий распыляло политические силы, противостоящие монополистическому капиталу и выразительнице его интересов — ЛДП, и тем самым способствовало упрочению позиций правящей партии и правительства. Кроме того, появление новых оппозиционных партий усиливало соперничество в

оппозиционном лагере, обостряло борьбу за влияние в массах, что в конечном счете также было на руку ЛДП.

Две новые политические партии — ПДС и Комэйто заняли центристские позиции, провозгласив себя «партиями среднего пути». При этом ПДС отклоняла сотрудничество с КПЯ, тогда как Комэйто в зависимости от обстановки время от времени шла на совместные действия с коммунистами.

Появление новых соперников поставило «традиционные» партии — ЛДП и СПЯ перед необходимостью определенной перестройки, чтобы лучше приспособиться к новой политической обстановке в стране. На XXII съезде СПЯ в мае 1965 г. руководство перешло в руки представителей левого крыла. Председателем партии был избран Сасаки. Новое руководство стало постепенно восстанавливать практику совместных действий с коммунистами, особенно в движении протеста против агрессии США во Вьетнаме, против использования американских баз на территории Японии для нужд этой агрессии.

Тогда же встала на путь «модернизации» и правящая партия. В сентябре 1965 г. премьер-министр Сато объявил о роспуске своей фракции и обратился с призывом к другим фракционным лидерам последовать его примеру, чтобы способствовать консолидации ЛДП для успешной борьбы с оппозицией. В правящей партии был создан специальный орган для разработки конкретного плана «модернизации», но фракции в ЛДП так и не удалось ликвидировать, поскольку они выражали интересы различных группировок господствующего класса.

Первой пробой сил в условиях многопартийной системы стали выборы в палату советников парламента, состоявшиеся в июле 1965 г. Они принесли новые депутатские места СПЯ, Комэйто и КПЯ, тогда как ЛДП и ПДС потеряли часть имевшихся у них мандатов. Третьей по значению политической силой в верхней палате стала Комэйто, ее роль в политической жизни заметно возросла.

Итоги выборов в палату советников вызвали в ЛДП опасения по поводу, возможного ослабления своих позиций в парламенте. Правящая партия вновь попыталась изменить существующую избирательную систему, чтобы создать небольшие округа, от которых избиралось бы лишь по одному депутату. Таким образом, она рассчитывала значительно укрепить свои позиции и обеспечить увеличение мест в парламенте.

Левая оппозиция расценила попытки либерал-демократов ввести систему малых избирательных округов как шаг по пути к пересмотру конституции. Эту позицию поддержала и Комэйто. В декабре 1965 г. СПЯ и Комэйто договорились о совместной борьбе против замыслов либерал-демократов, о координации движений в защиту конституции и против системы малых избирательных округов. Они обратились к КПЯ и ПДС с призывом присоединиться к этой борьбе.

В марте 1966 г. СПЯ, КПЯ и Комэйто создали Совет связи

для борьбы против введения системы малых избирательных округов. Решительная борьба демократических сил вынудила правящую партию отказаться от своих замыслов.

Стремясь сохранить и укрепить свои позиции, правительство и ЛДП разжигали в стране националистические настроения, рассчитывая таким образом внести разлад в ряды демократических сил. В течение ряда лет правящие круги пытались возродить довоенный праздник, служивший символом японского милитаризма, — День основания империи (Кигэнсэцу). В декабре 1966 г. либерал-демократы провели через парламент закон об утверждении его под новым названием — День основания государства (Кэнкоку кинэмби) в качестве общегосударственного праздника.

Внешнеполитические позиции Японии

Правительство Сато считало одной из своих важнейших задач укрепление отношений с США в рамках двустороннего военно-политического союза. Путь к повышению роли и голоса Японии в этом союзе оно видело в неуклонном наращивании военного потенциала страны. После выполнения разработанного в 1962 г. второго «плана развития и укрепления вооруженных сил» их численность составила в 1966 г. 247 тыс. человек. В ноябре 1966 г. был утвержден третий «план развития и укрепления вооруженных сил», предусматривавший значительное увеличение ассигнований на военные расходы.

США придавали большое значение Японии не только как своему важнейшему союзнику на Дальнем Востоке, но и как возможной основе антисоветского военного блока, который стал бы плацдармом американской агрессивной политики в Азии. Подобные намерения американского империализма усилились по мере эскалации агрессивной войны во Вьетнаме. В этой связи США упорно добивались от японского правительства нормализации отношений с Южной Кореей. Это требование было выдвинуто президентом США Джонсоном на переговорах с премьер-министром Сато в Вашингтоне в январе 1965 г.

Урегулирование отношений с южнокорейским режимом отвечало и интересам японского монополистического капитала, его планам проникновения в экономику Южной Кореи. Однако неоднократно проводившиеся японо-южнокорейские переговоры не приводили к успеху, в том числе и из-за решительных протестов японской демократической общественности.

В феврале 1965 г. договор Японии с Южной Кореей был заключен. Его антисоциалистическая направленность отчетливо проявилась в признании японским правительством «права» режима Пак Чжон Хи выступать от имени всего корейского народа, в отказе Токио от установления отношений с КНДР.

Подписание договора с сеульским режимом было расценено демократическими силами Японии как новый опасный для страны

шаг по втягиванию ее в агрессивную систему, создаваемую американским империализмом на Дальнем Востоке. В Японии развернулось мощное движение протеста против договора с режимом Пак Чжон Хи. Коммунисты и социалисты совместно организовывали массовые митинги и демонстрации. К массовому движению примкнула и Комэйто, вначале выступавшая в поддержку нормализации отношений с Южной Кореей.

В целях противодействия движению протеста была проведена мобилизация правых сил. В октябре 1965 г. правыми организациями был создан «Совместный комитет борьбы за ратификацию договора», координировавший действия реакции по срыву массовых демонстраций протеста.

12 ноября 1965 г. договор с Южной Кореей был ратифицирован в японском парламенте голосами депутатов ЛДП и ПДС. Депутаты КПЯ, СПЯ и Комэйто в знак протеста бойкотировали заседание.

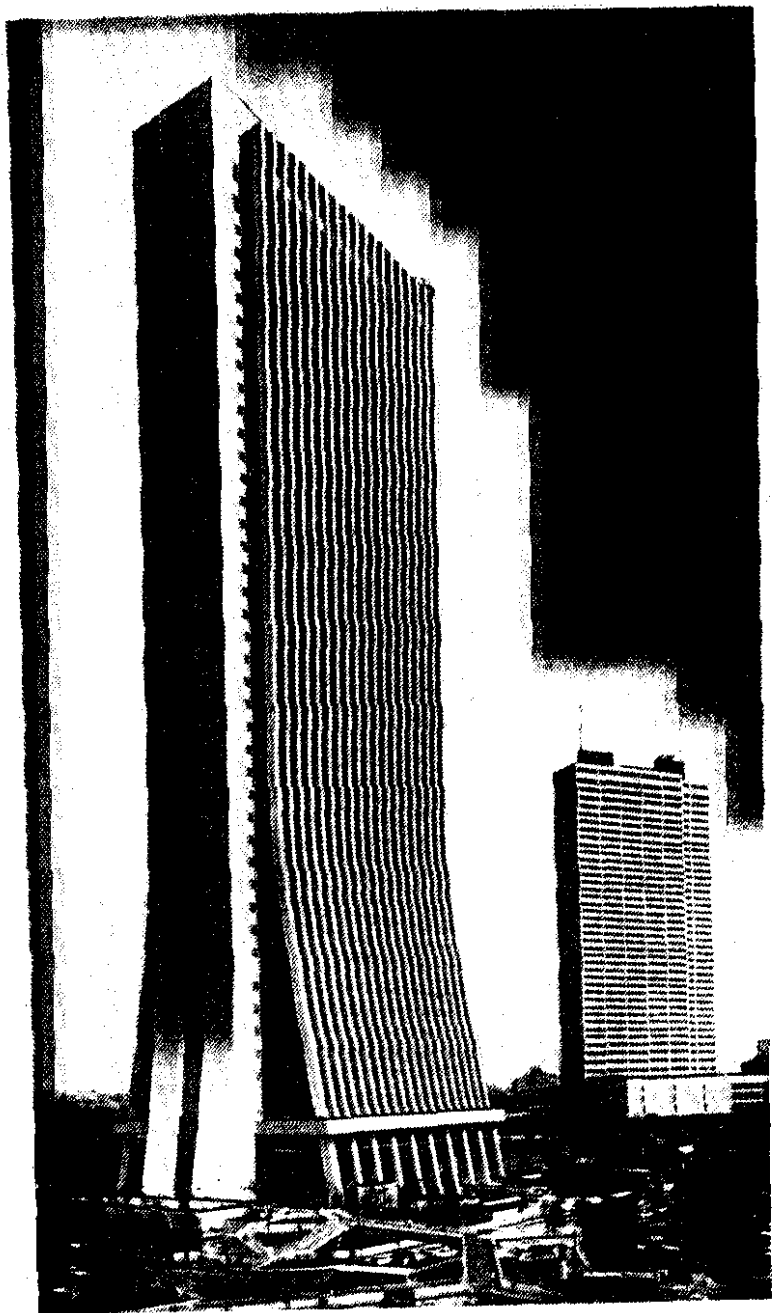
Еще одним шагом по вовлечению Японии в агрессивную стратегию США было ее участие совместно с Тайванем, Южной Кореей, Южным Вьетнамом, Таиландом, Филиппинами, Австралией и Новой Зеландией в проведенной в июне 1966 г. в Сеуле конференции, на которой был создан Азиатско-тихоокеанский совет (АЗПАК). Вступая в эту политическую группировку, создание которой отвечало американским замыслам консолидации антикоммунистических сил в регионе, правящие круги Японии рассчитывали занять лидирующее положение в ней и использовать АЗПАК для расширения экспансии японского монополистического капитала.

Правительство Сато укрепляло отношения с Тайванем, рассматривая эту бывшую японскую колонию как «естественную» сферу влияния Японии и в новых условиях. В ЛДП сформировалось влиятельное «протайваньское лобби», организованное в «Обществе по изучению проблем Азии». В него входило более ста депутатов парламента, и оно оказывало заметное влияние на политику правительства.

В то же время в правящей партии имелись сторонники развития связей с КНР вплоть до установления дипломатических отношений. В 1965 г. они объединились в «Общество по изучению проблем Азии и Африки», в которое входило около 90 депутатов.

Такая расстановка сил в правящей партии позволяла правительству лавировать в китайском вопросе под предлогом проведения линии на «отделение политики от экономики». В Японии продолжало функционировать китайское торговое представительство, созданное в августе 1964 г. в соответствии с «соглашением Ляо — Такасаки». В январе 1965 г. японское торговое представительство было открыто в Пекине.

В обстановке очередного спада, в котором японская экономика оказалась в 1964—1965 гг., важное значение приобретало развитие связей с различными странами, независимо от их социаль-

Высотные здания в токийском районе Синдзюку

ного строя. Деловые круги Японии возлагали надежды на расширение торговли с Советским Союзом. Летом 1965 г. Советский Союз посетила делегация влиятельных представителей деловых кругов Японии во главе с вице-президентом Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Уэмура. Во время этого визита было подписано соглашение о создании советско-японского и японо-советского комитетов экономического сотрудничества, перед которыми была поставлена задача изыскивать наиболее эффективные формы и методы долговременного взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами.

Большой интерес к развитию добрососедских связей с СССР проявляла японская общественность. В марте 1965 г. была создана Ассоциация депутатов парламента Японии за дружбу с Советским Союзом, в которую вошли 175 депутатов. В том же году были созданы новые организации, выступавшие за укрепление взаимопонимания и дружбы между японским и советским народами, — Общество японо-советской дружбы и Общество японо-советских связей. Это свидетельствовало о вовлечении все более широких слоев населения Японии в движение за дружбу с Советским Союзом.

Большое значение для развития отношений СССР и Японии имел обмен официальными визитами министров иностранных дел обеих стран. В январе 1966 г. министр иностранных дел Японии Сиина посетил СССР. В итоге этого визита были подписаны два важных документа. Впервые было заключено пятилетнее соглашение о товарообороте и платежах на 1966—1970 гг. В соответствии с другим соглашением с апреля 1967 г. устанавливалось прямое воздушное сообщение между Москвой и Токио.

В июле 1966 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко посетил Японию. Это был первый визит министра иностранных дел СССР в Японию за всю историю отношений между двумя странами. В итоге визита была подписана Консульская конвенция, в соответствии с которой в 1967 г. были открыты генеральные консульства: СССР — в городе Саппоро и Японии — в городе Находка.

Изменение положения Японии в мире

Экономический рост Японии в 60-х годах стал новым подтверждением закона неравномерности развития капиталистических государств в эпоху империализма. Среднегодовой прирост промышленного производства в 1951—1970 гг. составлял в Японии 15,2 %, тогда как в ФРГ и Италии — 7,4, во Франции — 6,2, в США — 4,0, в Англии — 3,0 %. В 1950 г. удельный вес Японии в промышленном производстве капиталистического мира составлял 1,7 %, а в 1970 г. — 10,1 %. В 1961—1970 гг. среднегодовые темпы прироста валового национального продукта составляли в Японии 11 % (во Франции — 5,8 %, в Италии — 5,6, в ФРГ — 4,9, в США — 4,1, в Англии — 2,8 %).

Высокие темпы роста экономики Японии привели к концу 60-х годов к значительному укреплению ее позиций в мировой капиталистической системе. В течение 60-х годов Япония перегнала по объему ВВП сначала Италию и Францию, а затем Англию и ФРГ и в 1968 г. вышла на второе после США место в капиталистическом мире. В 1969—1970 гг. она утвердилась на втором месте в капиталистическом мире и по объему промышленного производства. В 1970 г. Япония занимала четвертое место в мировом капиталистическом экспорте: на ее долю приходилось 7% (США — 15,5%, ФРГ — 12,5, Англии — 7,1% и т. д.).

Одним из важнейших факторов быстрого экономического роста в Японии в 60-х годах была более высокая степень эксплуатации рабочего класса по сравнению с другими странами развитого капитализма. Норма эксплуатации в Японии в этот период была примерно вдвое выше, чем в США. Реальная часовая заработная плата рабочих в обрабатывающей промышленности Японии в 1969 г. была вчетверо меньше, чем в США, на 40% меньше, чем в Англии и ФРГ.

Япония превзошла другие страны развитого капитализма и по уровню накопления капитала. Доля инвестиций в основной капитал по отношению к ВВП в 1969 г. составляла в Японии 35,2% (во Франции — 25,4%, в ФРГ — 24,3, в Италии — 20,5, в Англии — 17,4, в США — 14,1%).

Крупные накопления позволили осуществить массированные инвестиции в оборудование в целях ускорения темпов развития экономики. В 1950—1970 гг. промышленные инвестиции в Японии росли в 2,6 раза быстрее, чем в Англии, Франции и ФРГ, в 4 раза быстрее, чем в США. В 1968 г. инвестиции в основной капитал составили в Японии 34,7% ВВП по сравнению с 14% в США.

Ускорению темпов экономического роста содействовал и сравнительно низкий уровень военных расходов Японии.

Наконец, благоприятным для Японии фактором были сохранявшиеся в течение длительного времени низкие цены на нефть и другие виды сырья, импортировавшегося Японией, при сравнительно высоких ценах на машины, оборудование и другие товары японского экспорта.

Внутриполитическая борьба в конце 60-х годов

Проводившаяся правительствами ЛДП, в том числе и кабинетом Сато, политика высоких темпов экономического роста, отвечавшая прежде всего интересам монополистического капитала, приводила к росту диспропорций в японской экономике, к быстрому росту цен, загрязнению окружающей среды. Неспособность правительства выполнить социальную программу, провозглашавшую улучшение жизненного уровня широких слоев населения, пошатнула престиж правящей партии. Резкие протесты вызывало факти-

ческое соучастие Японии в агрессии США в Индокитае. С возмущением встречались сообщения о раскрытии многочисленных фактов коррупции представителей правящей партии.

В связи с серией скандалов, в которых были замешаны видные деятели ЛДП и члены правительства, все оппозиционные партии в октябре 1966 г. договорились о согласованной борьбе в парламенте против коррупции ЛДП с целью отставки кабинета Сато и роспуска палаты представителей. В этих условиях правительство было вынуждено уступить требованиям оппозиции и в декабре 1966 г. распустить парламент.

В январе 1967 г. состоялись досрочные выборы в палату представителей. ЛДП получила 277 мест (было 278), СПЯ — 140 (было 144), КПЯ — 5 (было 4). ПДС увеличила свое представительство с 23 до 30 мест, Комэйто, впервые участвовавшая в выборах в палату представителей, провела в нее 25 депутатов.

Успех «партий среднего пути» объяснялся главным образом тем, что они смогли привлечь на свою сторону избирателей, разочаровавшихся в политике правящей партии (за кандидатов ЛДП голосовало 48,8% избирателей — меньше чем когда-либо раньше), но недостаточно сознательных политически, чтобы отдать свои голоса левым партиям.

Оппозиционные партии, в первую очередь Комэйто, укрепили свои позиции и на выборах в органы местной власти в апреле 1967 г. Самым крупным событием этих выборов, имевшим общенациональное значение, было избрание на пост губернатора Токио совместного кандидата СПЯ и КПЯ Минобэ. Это был серьезный удар по правящей партии и в то же время наглядная демонстрация возможностей совместных действий коммунистов и социалистов. Избрание кандидата левых сил губернатором Токио оказало большое влияние на внутривнутриполитическую борьбу в последующие годы.

Ускоренный экономический рост, выдвижение Японии в число ведущих империалистических государств широко использовались правящими кругами для распространения среди японского народа идей национализма, «исключительности» японской нации. Расчет явно делался на то, что усиление националистических настроений создает благоприятную атмосферу для массовой поддержки курса на наращивание военной мощи Японии, реваншистских притязаний на советские территории.

Националистические тенденции ярко проявились во время празднования в 1968 г. столетнего юбилея реставрации императорской власти в результате победы над сёгуном. Была развернута широкая пропагандистская кампания, направленная на фактическое оправдание режима, толкнувшего Японию на путь агрессивных войн и национальной катастрофы. Важной целью ее было убедить народные массы, что своими успехами Япония обязана национальному единству под эгидой императора.

В 1968 г. правые силы создали Национальный совет в поддержку договора безопасности, в который вошли депутаты парламента от ЛДП, промышленники и финансисты и т. д. В его задачу входило развертывание кампаний за укрепление «сил самообороны», за укрепление сотрудничества, в том числе и военного, Японии с США.

Наиболее экстремистские силы в правящем лагере сочли обстановку достаточно благоприятной для форсирования перевооружения страны. В феврале 1968 г. министр сельского и лесного хозяйства Кураиси заявил о необходимости для Японии атомного оружия и по меньшей мере 300-тысячной армии. Это заявление вызвало широкое возмущение в стране. Оппозиция потребовала отставки министра и начала бойкот парламента, работа которого была парализована в течение трех недель. Правительство было вынуждено уступить: министр подал в отставку. Однако правящая партия воспротивилась принятию резолюции об отказе Японии от ядерного оружия и его запрещении, проект которой внесли в парламента СПЯ, КПЯ и Комэйто.

Выступления оппозиции в парламенте против милитаристской политики правительства опирались на широкое массовое антивоенное движение, развернувшееся в Японии. Оно проходило под лозунгами прекращения содействия американской агрессии во Вьетнаме, недопущения ввоза ядерного оружия в Японию, ликвидации японо-американского «договора безопасности». Появление в ноябре 1967 г. в порту Сасэбо американского атомного авианосца «Энтерпрайз» было встречено бурными демонстрациями протеста. Движение против захода американских атомных кораблей в японские порты приобрело новый размах. Кроме коммунистов и социалистов в нем стали принимать участие и сторонники Комэйто.

21 октября 1968 г. был проведен общенациональный день единых действий против войны во Вьетнаме. В 600 городах страны прошли забастовки, митинги и демонстрации против агрессии США в Индокитае и фактического соучастия Японии в этой агрессивной войне.

В конце 60-х годов университеты Японии стали ареной массовых студенческих выступлений. Быстрый рост числа студентов вследствие непрерывного увеличения спроса на квалифицированных специалистов с развитием научно-технической революции привел к снижению уровня высшего образования из-за недостатка преподавателей, учебных пособий и оборудования, к повышению платы за обучение. Студенчество требовало принять меры по улучшению условий учебы и жизни.

Недовольство студентов политикой правительства в области образования попытались использовать левозэкстремистские студенческие группировки, считавшие единственным методом решения всех проблем насильственную борьбу с властями. Выходки экстремистов наносили серьезный ущерб демократическим силам, вызывая настороженное отношение у общественности к студенческому

движению вообще и создавая предлог для принятия властями репрессивных мер против всего демократического движения.

Действия экстремистов привели к тому, что возникший в январе 1968 г. конфликт между студентами и администрацией Токийского университета продолжался почти год и сопровождался кровопролитными схватками. В январе 1969 г. здания университета были заняты полицией в итоге двухдневного штурма с участием 8,5 тыс. человек, применением броневиков с водяными пушками и вертолетов. Правительство Сато использовало бурные события в Токийском университете как повод для усиления контроля над высшим образованием и для наступления на демократическое движение.

В июле 1968 г. состоялись выборы в палату советников. ЛДП потеряла на этих выборах два места, СПЯ — восемь. КПЯ, Комэйто и ПДС приобрели по четыре дополнительных места каждая. Поскольку правящая партия все же сохранила большинство в верхней палате, она продолжала утверждать, что пользуется поддержкой народа. Выборы помогли Сато сохранить за собой пост председателя ЛДП на третий срок.

По-иному закончились выборы в палату представителей, досрочно проведенные правительством в конце декабря 1969 г. Им придавалось особое значение в связи с заканчивавшимся в 1970 г. сроком действия «договора безопасности». Монополии оказали громадную финансовую помощь правящей партии, предоставив ей 5 млрд. иен. Не поддавалась подсчетам «косвенная» помощь либерал-демократам со стороны крупного капитала: выборы были назначены на тот период, когда трудящимся выплачиваются ежегодные предновогодние пособия, и многие предприниматели увеличили их размеры, давая ЛДП возможность пропагандировать свои достижения в создании «государства всеобщего благоденствия».

ЛДП получила на выборах 288 мест, и к ней присоединились 12 «независимых» депутатов, правящая партия заметно упрочила свои позиции. Серьезное поражение потерпела СПЯ, получив всего 90 мест и потеряв 50. Нового успеха добилась Комэйто, увеличив свое представительство в нижней палате с 25 до 47 депутатов. Напротив, ПДС продолжала пребывать в состоянии застоя, проведя в парламент 31 депутата, на одного больше, чем на предыдущих выборах. Значительно продвинулась вперед КПЯ, получив 14 депутатских мест, тогда как раньше у нее было всего пять.

На итогах выборов в палату представителей сказались особенности японской многопартийной системы: соперничество оппозиционных партий привело к перегруппировке их сил и позволило ЛДП не только сохранить, но и укрепить свои позиции.

Неудача Социалистической партии на декабрьских выборах 1969 г. активизировала деятельность правореформистских сил в рабочем движении. Эти силы полагали, что ослабление СПЯ скажется и на Сохэ и создаст благоприятную обстановку для

поворота этого движения к классовому сотрудничеству. Правые профсоюзные лидеры выдвинули лозунг «объединения трудового фронта» на основе разрыва связей профсоюзов с Компартией, а председатель ПДС Нисимура в июне 1970 г. предложил осуществить также «реорганизацию оппозиционных партий», т. е. создать путем объединения ПДС, СПЯ и Комэйто новую реформистскую партию, которая, соперничая с ЛДП, стояла бы на антикоммунистических позициях.

Планы «реорганизации оппозиционных партий» и «объединения трудового фронта» были составными частями разработанной монополистическим капиталом программы создания в Японии двухпартийной системы. Таким путем правые силы рассчитывали помешать сплочению демократического движения, объединить партии «среднего пути» на почве антикоммунизма, ликвидировать «чересчур левую» Социалистическую партию, изолировать Компартию и не допустить ее дальнейшего роста и укрепления.

В начале 1970 г. создан Национальный совет председателей профсоюзов крупных частных предприятий (Дзэнминкон), ставший активным проповедником идеи «объединения трудового фронта». Вошедшие в него 16 лидеров профсоюзов крупных компаний были тесно связаны с руководителями монополий и координировали с ними свою деятельность.

Однако правые происки встретили отпор трудящихся и прогрессивных сил. Сохё высказался за единство профсоюзного движения на основе решительной борьбы против капитала. КПЯ на своем XI съезде в июле 1970 г. подчеркнула, что для достижения единства рабочего движения необходимо усилить борьбу против монополий, за интересы рабочих, ликвидировать антикоммунизм в профсоюзном движении, добиваться единства действий профсоюзов, несмотря на их различный подход к политическим задачам.

Идея «реорганизации оппозиционных партий» вызвала негативную реакцию и у СПЯ. В декабре 1970 г. 34-й съезд СПЯ принял резолюцию, в которой говорилось, что «если реорганизация оппозиционных партий означает создание новой партии путем роспуска СПЯ, то Социалистическая партия не будет рассматривать вопрос о такой реорганизации».

Продление «договора безопасности»

Укрепление позиций Японии в капиталистическом мире внесло определенные коррективы в ее отношения с США. Новые акценты в подходе США к их азиатским союзникам, и прежде всего к Японии, прозвучали в выступлении президента Никсона на о-ве Гуам в июле 1969 г. Сформулированная Никсоном концепция, предусматривавшая большой вклад азиатских государств в «оборону» этого района, отказ США от непосредственного участия своими вооруженными силами в возможных военных конфликтах при

охранении Вашингтоном положения «арбитра», подкрепленного ядерной мощью, получила название «гуамской доктрины».

В свете этой доктрины усиливалось значение «договора безопасности» как механизма, способного удержать Японию в общих рамках американской стратегии на Дальнем Востоке даже при озрастании ее роли в союзе с США. Но и правящие круги усмотрели в «гуамской доктрине» благоприятную возможность для укрепления позиций японских монополий в Азии при официальной поддержке США.

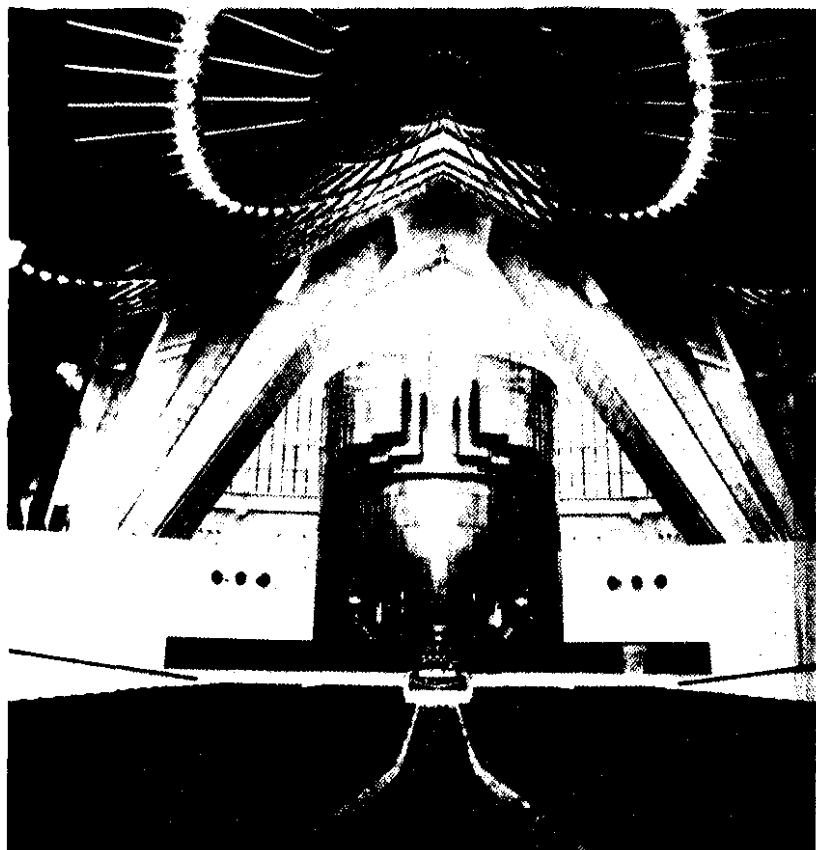
Урегулированию японо-американских отношений в новой обстановке были посвящены переговоры президента Никсона и премьер-министра Сато в январе 1969 г. В совместном коммюнике по итогам переговоров они объявили о «твердом намерении обоих правительств сохранить договор безопасности». Это заявление за полгода до истечения срока договора фактически означало договоренность правящих кругов США и Японии продлить двусторонний союз на неопределенный срок.

В совместном коммюнике отмечалось, что «безопасность Корейской Республики чрезвычайно важна для безопасности Японии», что «поддержание мира и безопасности в районе Тайваня является чрезвычайно важным фактором в деле обеспечения безопасности Японии». Правящие круги Японии, таким образом, заявили о своем намерении воссоздать в новых формах былую японскую «сферу влияния» и заручились одобрением Вашингтона.

Другим важным результатом японо-американских переговоров на высшем уровне было согласие правительства США возвратить Японии в 1972 г. административные права на о-ва Рюкю (Окинава), находившиеся с конца второй мировой войны под управлением американского военного командования. Одной из целей этого шага было стремление американской администрации укрепить позиции ЛДП, помочь ей удержаться у власти. Однако японское правительство было вынуждено согласиться с тем, что на Окинаве останутся в неприкосновенности многочисленные американские военные базы. Это вызвало бурю возмущения народных масс в Японии и на Окинаве, дало новый толчок активизации борьбы за полное и безусловное возвращение Окинавы, за ликвидацию на островах всех американских военных баз.

Борьба за возвращение Окинавы становилась составной частью массового движения за расторжение военно-политического союза с США, которое активизировалось в связи с приближением окончания срока действия «договора безопасности».

Правящие круги Японии опасались, что повторение событий, происходивших в период массовой борьбы против «договора безопасности» в 1959—1960 гг. могло бы привести к краху политического господства ЛДП. Усиленно распространяя измышления о будто бы намеченной левыми силами на 1970 г. «революции», они увеличили численность полиции, сформировали специальные мобильные полицейские части, оснащенные самой современной техникой, для подавления демонстраций.

Интерьер современного буддийского храма Тайсэкидзи

Прогрессивные силы намеревались развернуть еще более массовое, чем в 1959—1960 гг. движение протеста против военно-политического союза с США, чтобы не допустить ни продления срока действия «договора безопасности», ни заключения нового договора. Они опирались на широкую поддержку: во время опросов общественного мнения, проводившихся в конце 60-х годов, примерно 70% опрошенных высказались против «договора безопасности».

Однако в 1970 г. в отличие от периода 1959—1960 гг. в Японии не существовало единой организации, которая могла бы возглавить совместные действия демократических сил. Массовыми выступлениями руководили две организации — Центральный комитет борьбы против японо-американского «договора безопасности», в поддержку требований народа, руководящую роль в котором играла Компартия, и Национальный комитет борьбы

против «договора безопасности», в защиту мира и демократии, созданный Социалистической партией, Сохё и их сторонниками.

Эти две организации нередко сотрудничали друг с другом — во время выступлений против заходов американских атомных подводных лодок в японские порты, против агрессии США в Индокитае и превращения Японии в базу этой грязной войны, за возвращение Окинавы и ликвидацию американских военных баз на этом острове. Однако такое сотрудничество не приобрело постоянного характера, оно, как правило, было ограничено коротким сроком, почему и получило название «однодневной совместной борьбы».

Центристские политические силы — ПДС и Комэйто не приняли участия в борьбе против «договора безопасности», поскольку ПДС выступала за сохранение договора, а Комэйто — за его постепенную, поэтапную ликвидацию. Они рассчитывали в случае обострения внутривнутриполитической борьбы в 1970 г. занять выжидательную позицию, не присоединяясь ни к одному из противостоящих лагерей, чтобы в решающий момент выступить в качестве силы, способной предложить компромиссное решение.

В конце 60-х годов на политическую арену Японии выдвинулись новые общественные группы — так называемые новые левые. Движение «новых левых», которое вначале приобрело довольно массовый характер, не было однородным по своему социальному составу и единым в идеологическом или организационном отношении. В него входили представители городской леворадикальной интеллигенции, молодые рабочие, студенты и т. д. Платформа «новых левых» представляла собой мешанину разного рода мелкобуржуазных левозэкстремистских, в том числе троцкистских и маоистских, воззрений.

Провозглашая «революционные» лозунги, призывая к «прямым», радикальным действиям, «новые левые» на первых порах сумели привлечь к себе значительные массы молодежи, стремившейся как можно скорее «разделаться» с существующим строем. Они развернули ожесточенную борьбу против КПЯ, обвиняя ее в «предательстве революции». Тем самым «новые левые» объективно препятствовали сплочению демократического движения, дезориентировали массы молодежи, увлеченные радикальными лозунгами.

Отсутствие в программных установках «новых левых» позитивных лозунгов, их склонность к «бунтарским» выступлениям, нередко граничившим с откровенным хулиганством и погромами, постепенно привели к отходу молодежи от левозэкстремистских групп. Движение «новых левых» стало ослабевать.

«Новые левые», выступая против «договора безопасности», не примкнули к борьбе демократических сил за расторжение союза с США, продолжали кампанию против КПЯ. Это отвлекало молодежные массы, поддерживавшие в то время «новых левых», от реальной борьбы против «договора безопасности».

Правящая партия и правительство прилагали все усилия, что-

ны не допустить подъема массовой борьбы против «договора безопасности». Заручившись согласием Вашингтона, правящие круги Японии вели дело не к заключению нового договора с США, а к автоматическому продлению существующего договора на определенный срок в соответствии с его статьей 10. Они рассчитывали, что определенные изменения в соотношении политических сил в результате выборов в палату представителей в декабре 1969 г. и особенно значительное ослабление СПЯ позволят имительно спокойно осуществить этот маневр.

Еще в октябре 1969 г. руководство ЛДП объявило, что правящая партия считает необходимым сохранить «договор безопасности» на довольно длительный срок. Само же официальное объявление о продлении договора было сделано лишь накануне истечения срока его действия, т. е. 22 июня 1970 г.

В течение десяти дней, предшествовавших продлению «договора безопасности», по всей Японии проходили демонстрации и митинги протеста. Они достигли наибольшего размаха 23 июня, в день истечения срока действия договора. В 400 пунктах состоялись совместные выступления демократических сил с требованиями аннулировать «договор безопасности», вывести американский войска с территории Японии, прекратить поддержку агрессии США в Индокитае и т. д. В них приняло участие свыше 100 тыс. человек.

В целом массовые выступления против «договора безопасности» в июне 1970 г. были значительно меньшими по сравнению с борьбой 1959—1960 гг. Однако сам факт, что японское правительство не решилось пойти на заключение договора с США, — это было сделано в 1960 г., убедительно свидетельствует о мощи демократических сил, о боязни правящих кругов вступить в открытую борьбу с ними.

В начале 70-х годов заметно обострились экономические противоречия между Японией и США как следствие укрепления позиции Японии в капиталистическом мире. Еще с середины 60-х годов произошел поворот в японо-американской торговле: хронический пассивный для Японии сальдо превратилось в неизменно активное. Такое положение наглядно отражало нарастающую зависимость японских монополий на рынок США.

В 1971 г. Япония испытала «два шоковых удара» со стороны США. Одним из них были жесткие валютно-финансовые меры, предпринятые правительством США для преодоления кризиса доллара и выравнивания платежного баланса. Отмена золотого паритета доллара и введение дополнительного 10% налога на импорт были направлены против всех основных конкурентов США, но их главной мишенью была Япония. Ей пришлось согласиться на введение «плавающего» курса иены, а затем провести ревальвацию иены почти на 17% и «добровольно» ограничить экспорт своих текстильных товаров в США.

Вторым «шоковым ударом», на этот раз в политической сфере, было объявление о визите президента США Никсона

в Пекин. Этот шаг, осуществленный ближайшим союзником Японии без каких-либо консультаций, на которые она, казалось, могла бы рассчитывать в соответствии с «договором безопасности», вызвал серьезное потрясение в правящих кругах Токио. Напряженность в японо-американских отношениях не была полностью устранена даже в результате двух встреч на высшем уровне — в январе и августе 1972 г.

В обстановке нарастания японо-американских противоречий правящим кругам США пришлось выполнить данное в 1969 г. обещание возвратить Японии административные права на Окинаву, чтобы не допустить возникновения серьезного кризиса в союзнических отношениях. Соответствующее соглашение было подписано в июне 1971 г.: Окинава полностью переходила под управление Японии и становилась 47-й префектурой, но США сохранили за собой право использовать находившиеся там военные базы.

Правительство Сато рассчитывало использовать соглашение о возвращении Окинавы для укрепления своего престижа и политических позиций ЛДП. Однако демократические силы решительно осудили капитуляцию японского правительства перед США, выразившуюся в сохранении американских баз на Окинаве. Сделка между Токио и Вашингтоном была расценена как «окинавизация» Японии, поскольку она означала заметное увеличение числа американских военных баз на японской земле.

Реакция японского народа на соглашение о возвращении Окинавы была продемонстрирована на выборах в палату советников парламента в июне 1971 г. Либерал-демократы получили меньше депутатских мест, чем на таких же выборах в 1968 и 1965 гг. Напротив, Социалистическая и Коммунистическая партии увеличили свое представительство.

Массовое движение за возвращение Окинавы без американских баз приобрело особенно большие масштабы в ноябре 1971 г., когда в парламент для ратификации было внесено соглашение о возвращении Окинавы. Во всеобщей забастовке рабочих и служащих Окинавы приняли участие около 100 тыс. человек. По всей Японии были проведены массовые политические забастовки с участием около 2 млн. рабочих и служащих.

Правящей партии удалось добиться ратификации соглашения только при поддержке ПДС и Комэйто.

Церемония возвращения Окинавы была проведена 25 мая 1972 г. с большой торжественностью. Демократические силы Японии отметили этот день новой волной протеста против сохранения американских баз на Окинаве и дальнейшего втягивания Японии в военно-стратегическую систему США.

Население Окинавы выразило свое отношение к политике правящих кругов Японии на первых выборах губернатора префектуры в июне 1972 г. Кандидат единого фронта демократических сил Яра нанес сокрушительное поражение кандидату ЛДП. Либерал-демократы понесли урон и на выборах в префектуральное собрание Окинавы, утратив там большинство, которым рас-

полагали в течение длительного времени. Исход выборов на Окинаве был, по существу, завершающим ударом по кабинету Сато, поскольку еще раньше либерал-демократы утратили посты губернатора префектуры Сайтама и мэров ряда крупных городов. Премьер-министр Сато заявил об уходе в отставку.

Восстановление отношений с Китаем

В начале июля 1972 г. после ожесточенной внутренней борьбы председателем ЛДП был избран Танака, занимавший в кабинете Сато пост министра внешней торговли и промышленности. Главной задачей нового правительства было укрепление серьезно подорванных позиций правящей партии. Во внутреннем плане эта задача возлагалась на концепцию «преобразования Японских островов», с которой Танака выступил еще до прихода к власти и которая фактически стала внутриполитической программой его правительства.

Эта программа, призванная выправить наиболее глубокие диспропорции японской экономики, образовавшиеся в процессе быстрого экономического роста, предусматривала ликвидацию чрезмерной концентрации промышленности и населения в крупнейших городах, порождающей загрязнение окружающей среды, жилищный и транспортный кризис; создание новых индустриальных районов в менее развитых частях страны и перевод туда многих предприятий из старых промышленных зон; строительство новых городов с населением примерно по 250 тыс. человек, скоростных железных и шоссейных дорог и т. д.

Основной целью этой программы было преодоление депрессии, поразившей японскую экономику в начале 70-х годов и характеризовавшейся резким замедлением темпов экономического роста в результате перепроизводства многих видов продукции. Однако провозглашение плана «преобразования Японских островов» еще больше подхлестнуло инфляционные процессы в экономике. Перспективы строительства новых городов, промышленных предприятий, железных и шоссейных дорог привели к сильной спекуляции земельными участками, к беспрецедентному повышению цен на землю и к общему росту цен. В сентябре 1973 г., например, потребительские цены были более чем на 20% выше, чем в тот же период 1972 г.

Острая инфляция заставила правящие круги затормозить осуществление программы «преобразования Японских островов», вызвавшей резкую критику демократической общественности, которая указывала, что эта программа служит прежде всего интересам монополистического капитала, ухудшая в то же время жизненные условия трудящихся.

Правительству была остро необходима какая-либо эффективная акция, которая могла бы радикально укрепить позиции правящей партии и изменить в ее пользу расстановку полити-

ческих сил в стране. Такой акцией стало восстановление отношений с Китаем. Демократические силы Японии в течение многих лет выступали за урегулирование японо-китайских отношений, так что правительство Танака не только могло не опасаться сопротивления со стороны оппозиционных партий, но и рассчитывало обратить в свою пользу результаты длительного массового движения за восстановление отношений с Китаем.

Попытки найти путь к сближению с Китаем предпринимались еще правительством Сато. Однако после опубликования в ноябре 1969 г. совместного американо-японского коммюнике, провозгласившего «жизненную важность» безопасности в районе Тайваня для безопасности самой Японии, китайское руководство категорически отказывалось вступать в переговоры о восстановлении межгосударственных отношений с кабинетом Сато. После формирования кабинета Танака новый премьер-министр получил приглашение нанести визит в Китай для переговоров о нормализации отношений.

Однако перед поездкой в Китай Танака встретился на Гавайских островах с президентом США Никсоном, договорившись с ним, что нормализация японо-китайских отношений не будет осуществляться в ущерб связям Японии с США, в том числе и обязательствам по «договору безопасности».

В сентябре 1972 г. премьер-министр Танака посетил Китай. В итоге переговоров было принято совместное заявление правительств КНР и Японии, в котором объявлялось об установлении дипломатических отношений между двумя странами и об их намерении провести в дальнейшем переговоры с целью заключения договора о мире и дружбе, а также соглашений о торговле, мореплавании, авиационном сообщении, рыболовстве и т. д.

Япония признала правительство КНР единственным законным правительством Китая и заявила, что «целиком и полностью» уважает его позицию, заключающуюся в том, что Тайвань является неотъемлемой частью территории КНР. Одновременно с подписанием совместного заявления министр иностранных дел Японии заявил, что в связи с установлением дипломатических отношений Японии с КНР японо-тайваньский «договор о мире и дружбе» «утратил смысл своего существования и поэтому прекратил действие».

Чанкайшистское правительство немедленно объявило о разрыве дипломатических отношений с Японией, однако это не привело к сколько-нибудь заметному свертыванию экономических и других связей Японии с Тайванем. Японские монополии, занявшие довольно прочные позиции в экономике Тайваня, не хотели терять их. Когда японское посольство на Тайване и тайваньское в Японии официально прекратили свою деятельность, в Японии и на Тайване были созданы «неправительственные организации», которым было поручено заниматься вопросами развития двусторонних отношений якобы на «частной» основе.

В ходе японо-китайских переговоров в Пекине китайская сторона сняла выдвигавшиеся ранее требования получения репараций с Японии (одно время называлась даже сумма в 50 млрд. долл.). Дело ограничилось «извинением» премьер-министра Танака за агрессию японского милитаризма в Китае в 30—40-х годах, нанесшую китайскому народу огромный ущерб.

Обострение внутриполитической борьбы

Нормализация отношений с Китаем способствовала известному росту престижа кабинета Танака, упрочила его положение. Либерал-демократы сочли обстановку благоприятной для проведения досрочных выборов в палату представителей, с тем, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу. В ноябре 1972 г. правительство распустило парламент, а в декабре состоялись выборы.

Однако их результаты оказались не такими, на какие рассчитывала правящая партия. Либерал-демократы получили всего 271 место, на 17 меньше, чем на выборах 1969 г. Хотя после выборов к правящей партии присоединились 14 «независимых» депутатов, она не смогла восстановить прежнюю численность своей фракции. Разочарование масс политикой ЛДП, служащей интересам монополий, оказалось гораздо сильнее, чем ожидало правительство.

Одним из важнейших результатов выборов был крупный успех левых сил, увеличивших свое представительство в нижней палате в 1,5 раза (со 104 до 156 мест). Социалистическая партия получила 118 депутатских мест, на 28 больше, чем на предыдущих выборах. Значительно продвинулась вперед Компартия, которая провела 38 депутатов (в 1969 г. — 14).

Выборы привели к серьезному ослаблению позиций «партий среднего пути» — Комэйто и ПДС. Комэйто получила 29 мест, на 18 меньше, чем на предыдущих выборах, а ПДС потеряла 12 мест, сохранив лишь 19.

Сдвиг влево, обозначившийся в результате выборов, создал более благоприятную обстановку для развития совместных действий демократических сил, хотя на этом пути оставались немалые трудности.

Чтобы упрочить свое положение, либерал-демократы после выборов решили осуществить давнее намерение — уменьшить размеры избирательных округов и число депутатов от каждого округа (до одного вместо 3—5). Правящая партия рассчитывала определить границы избирательных округов таким образом, чтобы, получив на выборах 40% голосов избирателей, обеспечить себе 80% депутатских мандатов. Это открыло бы путь к пересмотру конституции и беспрепятственному наступлению на демократические права и свободы.

Демократические силы выступили против этих опасных планов. В парламенте удалось наладить сотрудничество всех оппозиционных партий, в том числе и ПДС, руководство которой опасалось, что введение системы малых избирательных округов приведет к окончательному ее вытеснению из парламента. Однако руководство ПДС, согласившись на сотрудничество с другими оппозиционными партиями в парламенте, отказалось участвовать во внепарламентской борьбе совместно с демократическими силами.

Движение протеста против намерений правящей партии ввести систему малых избирательных округов приняло общенациональный характер. В мае 1973 г. массовые митинги и демонстрации с участием более 500 тыс. человек были проведены в 30 префектурах. Для координации борьбы был создан Центральный совет связи за срыв планов введения системы малых избирательных округов. В него вошли 233 организации, объединившие около 14 млн. человек, т. е. больше, чем во время массовой борьбы против «договора безопасности» в 1959—1960 гг.

Размах движения протеста вынудил правящую партию не выносить на обсуждение сессии парламента законопроект о введении системы малых избирательных округов. Победа демократических сил еще раз продемонстрировала эффективность совместных действий, сочетания парламентских и непарламентских средств борьбы.

В начале 70-х годов в особенно больших масштабах проводились традиционные «весенние наступления» японских трудящихся. В создаваемые ежегодно объединенные комитеты совместной борьбы, основу которых составляли Сохё и Тюрицу рорэн, входили профсоюзы общей численностью более 8 млн. человек. Характерной особенностью «весенних наступлений» того времени было выдвижение наряду с экономическими требованиями и политических задач (аннулирование «договора безопасности», прекращение агрессивной войны США в Индокитае и т. д.).

В ходе «весенних наступлений» широко использовались забастовки, в том числе общенационального масштаба. В апреле 1972 г. была проведена общенациональная забастовка с участием 55 отраслевых профсоюзов общей численностью 1,6 млн. человек. В апреле 1973 г. прошла 72-часовая всеобщая забастовка транспортников и государственных служащих с участием 68 отраслевых профсоюзов общей численностью 3,1 млн. человек. Это было крупнейшее выступление трудящихся за почти 20-летнюю историю весенней борьбы. Оно продемонстрировало мощь организованного рабочего движения, готовность трудящихся отстаивать свои права в упорной борьбе. Характерно, что в итоге всеобщей забастовки трудящиеся добились самого крупного до тех пор повышения заработной платы.

Чтобы укрепить свой пошатнувшийся авторитет внутри страны, правительство Танака активизировало внешнеполитическую деятельность. В августе 1973 г. состоялась новая встреча Танака

с президентом США Никсоном, на этот раз в Вашингтоне. Она была проведена как демонстрация «единства» США и Японии, чтобы подкрепить позиции обеих ее участников. В начале октября Танака посетил Англию, Францию и ФРГ, чтобы продемонстрировать «многосторонний» характер японской дипломатии и расширение сферы ее внешнеполитических интересов.

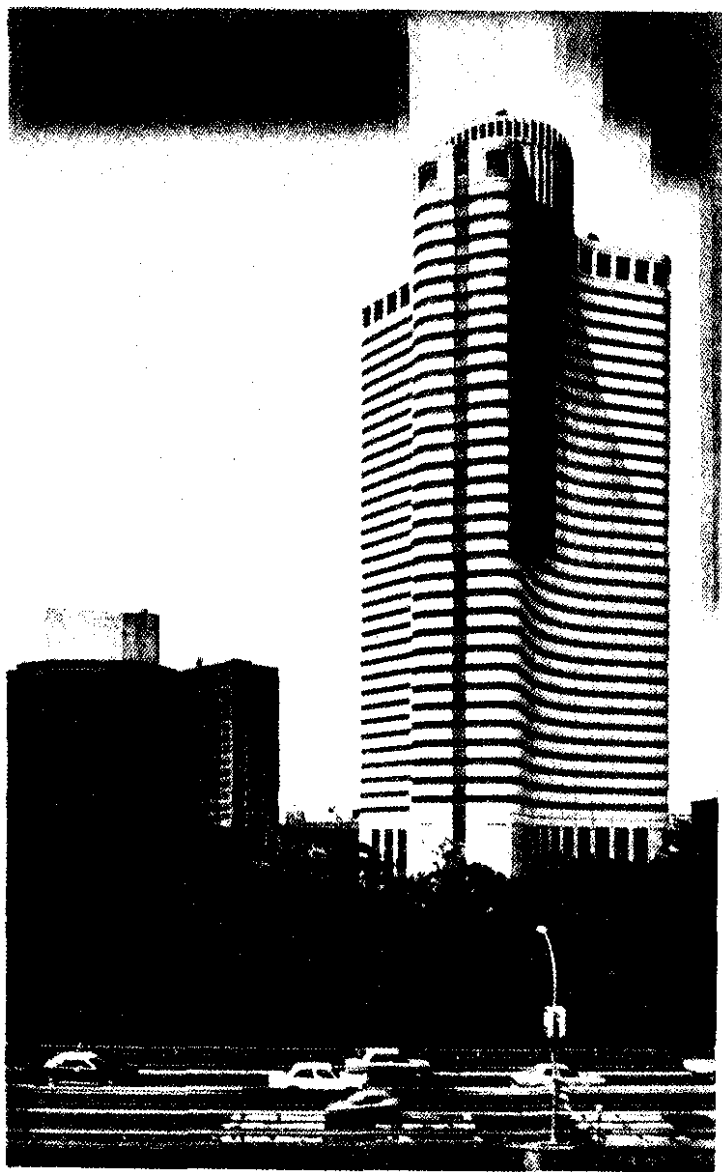
Большое внимание правительство Танака уделяло и развитию отношений с СССР. В 1971—1972 гг. в этих отношениях произошли определенные позитивные сдвиги. Быстро развивались торгово-экономические связи: в 1972 г. товарооборот между СССР и Японией достиг 816 млн. руб. (в 1957 г., когда был заключен торговый договор, — 15,4 млн. руб.). Развитию торговли способствовали долгосрочные соглашения — о сотрудничестве СССР и Японии в развитии лесных ресурсов советского Дальнего Востока, заключенное в 1968 г., и в строительстве морского порта в бухте Врангеля, подписанное в 1970 г. В 1971 г. было заключено соглашение о поставках в СССР в кредит оборудования для производства технологической щепы и о поставках этой щепы в Японию.

В сентябре 1971 г. СССР и Япония заключили второе пятилетнее торговое соглашение на 1971—1975 гг. Оно предусматривало удвоение товарооборота по сравнению с предыдущим пятилетием (почти до 5 млрд. руб.).

Заметным вкладом в развитие советско-японских отношений стал визит министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Японию в январе 1972 г. Чтобы поставить развитие советско-японских отношений на еще более устойчивую основу, министры иностранных дел двух стран согласились приступить в 1972 г. к переговорам о заключении мирного договора. Обмен мнениями по вопросу о мирном договоре был продолжен в Москве в октябре 1972 г., когда Советский Союз посетил министр иностранных дел Японии Охиро. Стороны договорились о дальнейшем продолжении этих переговоров. Министр иностранных дел Японии информировал Советское правительство о нормализации отношений между Японией и КНР.

Важную роль в создании благоприятного климата в отношениях между двумя странами сыграл обмен посланиями между Генеральным секретарем ЦК КПСС и премьер-министром Японии в марте 1973 г., показавший стремление обеих сторон к дальнейшему расширению и углублению советско-японских связей на основе принципов мирного сосуществования. Обмен посланиями открыл путь к проведению советско-японских переговоров на высшем уровне.

Премьер-министр Танака нанес официальный визит в СССР в октябре 1973 г. В итоге переговоров было принято совместное советско-японское заявление, подчеркнувшее решимость обеих сторон прилагать усилия для дальнейшего развития отношений между СССР и Японией. Была отмечена важность урегулирования нерешенных вопросов, оставшихся со времени второй мировой войны, и заключения мирного договора между

Новое здание гостиницы Нью-Отани в Токио

СССР и Японией для установления подлинно добрососедских и дружественных отношений между двумя странами. Стороны договорились продолжать в будущем переговоры с целью заключения мирного договора.

В совместном советско-японском заявлении была зафиксиро-

нана договоренность о том, что правительства обеих стран будут содействовать осуществлению двусторонней торговли и экономического сотрудничества и проводить межправительственные консультации в этих целях. Были подписаны также соглашения о научно-техническом сотрудничестве между двумя странами, а также соглашения об обмене учеными и аспирантами, печатными изданиями и распространении информационных материалов.

Советско-японские переговоры на высшем уровне показали наличие благоприятных возможностей для сотрудничества СССР и Японии не только в сфере двусторонних отношений, но и в международном плане. В совместном заявлении были указаны некоторые важнейшие направления, по которым сотрудничество между двумя странами могло бы быть особенно актуальным. Это достижение разоружения под эффективным международным контролем, скорейшее осуществление ядерного разоружения.

Переговоры с премьер-министром Танака в Москве, состоявшиеся в значительной степени благодаря разрядке напряженности, сами способствовали дальнейшему развитию этого процесса.

Глава 21

Структурная перестройка японской экономики. Поиски политического равновесия (1974—1987)

Экономический кризис 1974—1975 гг.

В итоге сравнительно длительного периода высоких темпов экономического роста Япония создала второй в капиталистическом мире по масштабам экономический потенциал. Однако с ростом японской экономики увеличивалась ее уязвимость и нестабильность.

Одним из важнейших факторов быстрого экономического роста в Японии был низкий уровень издержек на сырье и энергоносители, в первую очередь благодаря заниженным ценам на нефть. Практически не имеющая собственных ресурсов Япония потребляла огромные количества импортируемого сырья и топлива для производства промышленной продукции, значительная часть которой экспортировалась по сравнительно высоким ценам.

Поэтому, когда военный конфликт на Ближнем Востоке осенью 1973 г. привел к сокращению добычи нефти и ее экспорта из этого района, откуда Япония получала 75 % потребляемой ею нефти, это вызвало не только резкий рост цен на нефть и нефтепродукты

в Японии, но и сделало невозможным нормальное функционирование в прежнем виде ее экономического механизма.

«Нефтяной шок» 1973 г. ускорил наступление экономического кризиса в Японии, но этот кризис имел глубокие внутренние причины. Он был порожден прежде всего обострением противоречий в японской экономике в результате ее в значительной мере однобокого быстрого роста, сопровождавшегося усилением неравномерности развития различных отраслей.

Японская экономика в 1974 г. столкнулась с такими трудностями, каких она не знала со времени послевоенной разрухи. Промышленное производство сократилось на 2% по сравнению с 1973 г., в том числе производство электроэнергии — на 5,9%, автомобилей — на 7,2, станков — на 20,8, этилена — на 30%. Валовой национальный продукт уменьшился на 1,8%. Разразился самый глубокий экономический кризис за всю послевоенную историю Японии, осложнившийся к тому же беспрецедентной инфляцией: розничные цены в течение года выросли на 31,3%. Сочетание спада с непрерывной инфляцией усугубило действие экономического кризиса.

Кризис привел к возникновению массовой безработицы: в конце 1974 г. число полностью безработных превысило 750 тыс. человек, или 1,4% всего самодеятельного населения, понизился жизненный уровень широких слоев трудящихся. Потребление в семьях трудящихся в городах сократилось в 1974 г. на 1,9%. Число банкротств (в основном мелких и средних предприятий) в 1974 г. составило 11 681, значительно превысив наивысший уровень прошлых лет. Банкротства способствовали еще большему росту безработицы. Предприниматели широко использовали практику «добровольного» окончания работы до достижения рабочими установленного возраста в 55 лет. Значительно сократилась численность временных и внештатных рабочих, а также занятых неполный рабочий день. По опубликованным в печати оценкам, число безработных в Японии в то время превышало 2 млн. человек, или 4% всего трудоспособного населения.

Рост безработицы тяжело отразился и на положении крестьянства. Свыше 80% крестьянских семей в Японии не обеспечивают своего жизненного уровня доходами от сельского хозяйства и вынуждены искать дополнительные источники дохода вне сельскохозяйственного производства. Члены крестьянских семей всегда составляли значительную часть городских временных и сезонных рабочих, а также занятых неполных рабочий день, и сокращение занятости этих категорий уменьшило для крестьян возможность дополнительного заработка.

Ухудшение экономического положения, снижение жизненного уровня трудящихся еще больше обострили противоречия между монополистическим капиталом и народными массами.

Экономический кризис 1974—1975 гг. продемонстрировал, что сложившаяся к тому времени экономическая структура уже не может быть сохранена. В обстановке стремительного роста цен на

нефть и многие виды сырья целый ряд энерго- и материалоемких отраслей японской промышленности (например, производство алюминия, нефтехимия и др.) утратил конкурентоспособность.

Все это поставило Японию перед необходимостью начать с середины 70-х годов крутую перестройку структуры своей экономики. Эта перестройка осуществлялась по таким основным направлениям, как обеспечение приоритета наукоемких производств, не требующих больших затрат сырья, энергии и рабочей силы; сокращение энерго- и материалоемких производств; реконструкция отраслей, переживавших тяжелый кризис вследствие усиления иностранной конкуренции (текстильная промышленность, судостроение и т. д.).

Структурная перестройка японской экономики приняла особенно большие масштабы с начала 80-х годов, когда возникли производства и целые отрасли, порожденные прогрессом науки, техники и технологии, — производство микроэлектронной техники, больших и сверхбольших интегральных схем, новых видов счетно-измерительной и медицинской аппаратуры, средств связи, промышленных роботов, биотехнология и т. д.

Характер структурной перестройки японской экономики неизбежно вел к сокращению доли и объема живого труда, к обострению проблемы занятости. Возникновение новых отраслей означало лишь временное ослабление этих тенденций, но не их устранение.

Экономический кризис, резко обостривший социальные противоречия японского капитализма, создал объективные предпосылки для нового подъема рабочего движения, для расширения социальной базы и программы этой борьбы. Даже традиционная борьба за повышение заработной платы стала более упорной и острой, поскольку монополии обвиняли рабочих в том, что они своими требованиями якобы способствуют росту инфляции.

Подобные утверждения ставили целью вызвать недоверие к рабочему классу среди других слоев населения и тем самым не допустить создания широкого антимонополистического союза.

Кризис и инфляция обусловили необходимость выдвижения рабочим классом, наряду с лозунгом повышения заработной платы, таких требований, как установление минимального уровня заработной платы, усовершенствование системы социального, особенно пенсионного обеспечения.

Японские трудящиеся выражали резкое недовольство усилением монополистического контроля над экономикой, которое стало особенно заметным во время кризиса. Создание в конце 1973 — начале 1974 г. многочисленных картелей для регулирования объема производства и уровня цен стало одной из непосредственных причин усиления инфляции и снижения жизненного уровня трудящихся масс. Выражая настроения рабочего класса, профсоюзы требовали принятия нового антимонополистического законодательства, которое бы не допускало создания таких картелей, препятствовало установлению монополистического контроля над целыми отраслями экономики страны. Выдвижение лозунга уси-

ния антимонополистического законодательства придавало массовым выступлениям японских рабочих четко выраженный политический характер.

Забастовочная борьба в 1974 г. значительно превзошла уровень предшествующих лет: в течение года произошло почти 10,5 тыс. трудовых конфликтов с участием более 14,3 млн. человек. По призыву Сохё была достигнута договоренность всех общенациональных профцентров, включая Домэй, о совместных действиях в борьбе за права и интересы рабочих. В феврале 1974 г. в Токио был проведен массовый митинг протеста против инфляции, участники которого потребовали, чтобы правительство пересмотрело экономическую политику, в большей степени учитывая нужды трудящихся.

Правительству пришлось согласиться на переговоры с профсоюзами, а предпринимателям — на повышение заработной платы в среднем по стране на 32,7%. Однако непрерывная инфляция уже через несколько месяцев в значительной степени ликвидировала результаты этого завоевания.

Боевые выступления японских рабочих в защиту своих жизненных интересов способствовали привлечению на сторону рабочего класса других социальных слоев, недовольных политикой монополистического капитала. В частности, значительно увеличившиеся в период инфляции организации потребителей стали важным отрядом массового движения за прекращение роста цен, повышение жизненного уровня. Подъем этого движения создал возможность для формирования общенациональной организации — Народного совета координации борьбы против инфляции, роста цен и падения жизненного уровня населения. Он был создан в январе 1974 г. более чем 70 массовыми демократическими организациями, включая КПЯ, СПЯ и Комэйто, а также Сохё и Тюрицу рорэн. Под руководством Совета в марте 1974 г. по всей стране было одновременно проведено более 2,5 тыс. «народных собраний» с участием 1,4 млн. человек, из них 250 тыс. собрались на массовый митинг в Токио.

Развитию широкого массового движения способствовало и то, что Объединенный комитет совместной борьбы, руководивший «весенним наступлением», поставил задачу превращения его в общенародное движение, в котором могли бы принять участие вместе с рабочими и другие слои трудящегося населения. Главным направлением этой «общенародной борьбы» стало требование обуздать инфляцию, остановить непрерывный рост цен. Оно отражало интересы широких слоев трудящихся, способствовало правильному пониманию ими задач борьбы рабочего класса.

Массовые выступления рабочего класса, других слоев трудящихся нанесли сильный удар по позициям правительства Танака и правящей ЛДП.

Показателем широкого недовольства политикой правительства стали результаты выборов в палату советников. ЛДП потеряла 8 мест, а ПДС — одно. СПЯ приобрела три новых депутатских

места, Комэйто — одно. Большого успеха добилась КПЯ, число депутатов которой в верхней палате увеличилось с 11 до 20.

В итоге выборов ЛДП, по существу, утратила большинство в палате советников и обеспечила превосходство над оппозицией в семь голосов лишь после присоединения к ней нескольких «независимых» депутатов. Палата советников превратилась в самый неустойчивый элемент системы политической власти ЛДП.

Внешнеполитическая активность

Правительство Танака уделяло повышенное внимание вопросам внешней политики, рассчитывая восстановить свой пошатнувшийся престиж и расширить зарубежные рынки для японских товаров, чтобы путем увеличения экспорта облегчить выход японской экономики из кризиса.

Премьер-министр Танака в 1974 г. посетил 12 стран — Филиппины, Таиланд, Сингапур, Малайзию, Индонезию, Мексику, Бразилию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Бирму. Однако поездка Танака в страны Юго-Восточной Азии привела к вспышкам антияпонских настроений, особенно в Таиланде и Индонезии, порожденных массовым недовольством местного населения хозяйничаньем японских монополий в экономике названных стран. В Бангкоке, Сингапуре, Куала-Лумпуре и Джакарте состоялись антияпонские демонстрации. В Мексике и Бразилии главе японского правительства было заявлено, что эти страны не согласятся снять ограничения на проникновение японского капитала в ключевые отрасли их экономики. Приурочивавшееся к визиту Танака в Австралию подписание японо-австралийского договора, который регулировал бы политические и торгово-экономические отношения обеих стран, не состоялось: австралийцы не пошли на предоставление Японии равных условий в инвестиционной и коммерческой деятельности, опасаясь усиления экспансии японского капитала.

Министр иностранных дел Японии Кимура в ноябре 1974 г. посетил Гану, Нигерию, Заир, Танзанию и Египет. Это был первый визит японского министра иностранных дел в страны Черной Африки. И там японская политика подверглась критике как в отношении торговой экспансии Японии, так и в связи с нарушением ею установленных Советом Безопасности ООН санкций на торговлю с ЮАР.

В ноябре 1974 г. состоялся первый в истории японо-американских отношений визит президента США (тогда им был Дж. Форд) в Японию. Он был призван подчеркнуть исключительно важное значение, которое придавали США своим отношениям с дальневосточным союзником. В совместном коммюнике, опубликованном по итогам визита, всячески подчеркивалось «единство» двух стран в подходе к сложным проблемам современного мира.

В 1974 г. получили дальнейшее развитие экономические связи между СССР и Японией. В апреле в Токио был подписан межпра-

вительственный протокол о предоставлении Японией Советскому Союзу банковского кредита на сумму более 1 млрд. долл. для осуществления трех проектов экономического сотрудничества — разработки южноякутских угольных месторождений, промышленной разведки якутского природного газа и разработки лесных ресурсов Дальнего Востока.

В июне в Москве было заключено Генеральное соглашение о поставках из СССР в Японию южноякутского угля и о поставках из Японии в СССР оборудования, машин, материалов и других товаров для разработки южноякутского угольного бассейна. В июле в Токио стороны подписали Генеральное соглашение о расширении разработки лесных ресурсов Дальнего Востока.

Дипломатическая деятельность Японии способствовала известному укреплению ее позиций на международной арене. Однако она не могла преодолеть развитие внутривнутриполитического кризиса.

Уже неудачные для правящей партии итоги выборов в палату советников в июле 1974 г. привели к обострению внутренних противоречий в ЛДП. Через несколько дней после выборов заместитель премьер-министра Мики, а затем министр финансов Фукуда и государственный министр Хори вышли из правительства. Мики и Фукуда, возглавлявшие влиятельные фракции в ЛДП, потребовали отставки Танака и проведения реформы правящей партии.

Престиж правительства подрывали и ставшие известными накануне выборов в палату советников многочисленные факты прямого вмешательства крупного капитала в избирательную кампанию в интересах ЛДП, вызвавшие взрыв общественного возмущения. В августе 1974 г. совещание руководства Кэйданрэн постановило прекратить практику политических пожертвований входящих в нее компаний в фонд ЛДП через так называемую Народную ассоциацию (Кокумин кёкай), специально созданную в 1961 г. для финансирования правящей партии крупным капиталом. С участием лидеров монополистического капитала был создан комитет по модернизации парламентской политики, разработавший план перестройки системы финансирования ЛДП. Этот план предусматривал реорганизацию Кокумин кёкай, чтобы она могла финансировать не только ЛДП, но и другие партии, согласные «защитить свободное общество и помогать развивать здоровую парламентскую демократию», т. е. служить интересам монополий.

В октябре 1974 г. в одном из популярных общественно-политических журналов «Бунгэй сундзю» была опубликована статья, в которой детально исследовались источники крупного состояния, приобретенного премьер-министром, а также методы, которые он использовал для личного обогащения. Публикация этой статьи нанесла последний удар по правительству Танака в условиях провала его внутренней политики, неспособности справиться с неотложными экономическими и социальными проблемами. В конце ноября 1974 г., едва дождавшись завершения визита президента США Форда в Японию, Танака заявил об уходе в отставку.

Правительство Мики

Сразу же разгорелась острая борьба в ЛДП за пост ее председателя и, следовательно, премьер-министра. Основными соперниками выступили лидеры крупных внутрипартийных фракций Фукуда и Охира, однако ни один из них не смог получить необходимого большинства для избрания председателем ЛДП.

Обострение внутрипартийных разногласий было чревато серьезными последствиями для ЛДП, поэтому соперничавшим группировкам пришлось пойти на компромисс и согласиться на избрание председателем ЛДП Мики, известного своей репутацией «либерала», подвергавшего критике недостатки правящей партии, призывавшего к ее реформе и, наконец, провозгласившего необычную для ЛДП готовность к «диалогу с оппозицией». В декабре 1974 г. Мики сформировал правительство из представителей всех фракций ЛДП, продемонстрировав, таким образом, ее «единство». Оно, однако, носило формальный характер, поскольку глубокие разногласия в ЛДП сохранялись и были лишь временно сглажены перед лицом опасности утраты политической власти либерал-демократами. Позиции самого Мики в ЛДП были довольно слабыми.

Важнейшими задачами правительства стали восстановление пошатнувшихся позиций либерал-демократов, придание ЛДП «нового облика». Исходя из этого, правительство избрало вначале довольно гибкую тактику во внутренней политике, стремясь избегать обострения обстановки. Однако классовая направленность его политики, определяемой монополистическим капиталом, осталась неизменной.

Правительство Мики начало свою деятельность с попыток изменить экономическую политику, перенеся центр тяжести с обеспечения высоких темпов экономического роста на решение неотложных социальных проблем. Первоочередной задачей правительства была объявлена борьба с инфляцией. Премьер-министр обещал бороться с коррупцией, добиться принятия законов, которые ограничили бы вмешательство крупного капитала в политику. Среди провозглашенных им целей значилась и ликвидация фракционных группировок в ЛДП, «модернизация» правящей партии.

Новым для внутриполитической жизни Японии был выдвинутый правительством Мики лозунг «диалога с оппозицией», который отличался от прежней тактики конфронтации, применявшейся либерал-демократами. Это была вынужденная мера либерал-демократов, продиктованная ослаблением их позиций в стране и в парламенте. Избегая столкновений с оппозицией, либерал-демократы стремились в то же время разобщить ее. Одна из важнейших задач ЛДП состояла в том, чтобы не допустить создания единого фронта оппозиции, который мог бы поставить под угрозу власть либерал-демократов.

Такая тактика принесла известные результаты. ПДС и отчасти СПЯ объявили о намерении сотрудничать с правительством, пока

оно будет придерживаться «диалога с оппозицией». В ходе весенней борьбы рабочего класса в 1975 г. руководители ряда профсоюзов согласились «добровольно» ограничить выдвижение рабочими требования о повышении заработной платы, несмотря на продолжавшуюся в стране инфляцию.

Правящая партия внесла в парламент законопроект о выборах законодательных органов, предусматривавший ограничения на распространение пропагандистских печатных материалов во время предвыборных кампаний. Эти ограничения затрагивали прежде всего КПЯ и Комэйто, которые выпускают ежедневные газеты крупными тиражами и имеют базу для издания массовыми тиражами листовок, плакатов и других пропагандистских материалов, и ставили в более выгодное положение ЛДП, а также СПЯ. КПЯ и Комэйто выступили против законопроекта, но он все же был утвержден голосами депутатов ЛДП, СПЯ и ПДС.

«Диалог с оппозицией», предоставив правительству известную передышку, в то же время привел к обострению внутренней борьбы в самой правящей партии: соперники Мики восприняли эту тактику как попытку премьер-министра укрепить свои позиции. Они перешли к прямому саботажу инициатив правительства. Разработанный правительством новый антимонополистический закон был утвержден палатой представителей, но не был одобрен палатой советников под предлогом необходимости его «дополнительного изучения» правящей партией. Некоторые депутаты ЛДП не являлись на заседания парламента при голосовании правительственных законопроектов, что создавало большие трудности для их принятия.

В конечном счете под нажимом своих противников в ЛДП Мики был вынужден отказаться от «диалога с оппозицией». С другой стороны, «диалог» перестал оправдывать себя и с точки зрения оппозиции, особенно когда выяснилась неспособность правительства выполнить значительную часть данных им ранее обещаний.

К тому же экономическое положение страны продолжало ухудшаться. В июле 1975 г. объем промышленного производства был на 11,2% ниже, чем годом раньше. Несмотря на широко рекламированную антиинфляционную программу, индекс потребительских цен в сентябре был на 10,3% выше уровня сентября 1974 г. По данным канцелярии премьер-министра, средний месячный доход рабочей семьи в июле 1975 г. был в реальном исчислении на 2,2% ниже, чем в тот же период 1974 г.

Проводившаяся правительством Мики «борьба» с инфляцией вновь наглядно продемонстрировала экономическую и социальную ограниченность государственно-монополистического регулирования. Антиинфляционные мероприятия, основывавшиеся прежде всего на сдерживании спроса, осуществлялись таким образом, чтобы не нанести ущерб интересам крупного капитала, они способствовали дальнейшему замедлению прироста производства, вели к превращению массовой безработицы в постоянное явление. Число

полностью безработных, достигшее в феврале—марте 1975 г. миллиона человек, в ноябре превышало уже 1,3 млн.

К осени 1975 г. в Японии сложилась такая обстановка, когда ни правящая партия, ни оппозиция не стремились к возобновлению «диалога». Социалистическая партия отказалась от сотрудничества с правительством, вернувшись на позиции борьбы против ЛДП.

Была возобновлена совместная борьба демократических сил против инфляции, за повышение жизненного уровня трудящихся, которая оказалась фактически в состоянии застоя с началом политики «диалога». В октябре в Токио был проведен массовый митинг, организаторами которого были СПЯ, КПЯ, Комэйто, Сохё, Тюрицу рорэн и еще 70 массовых демократических организаций. Его участники потребовали снять с рассмотрения в парламенте законопроект о повышении цен.

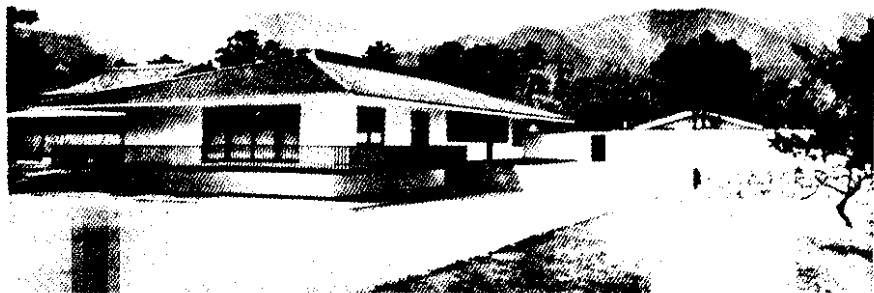
Боевой характер приобрела в 1975 г. осенняя борьба японских трудящихся. Ее кульминационным пунктом стала общенациональная стачка 800 тыс. работников государственных железных дорог, почт, телеграфа и т. д., проходившая с 26 ноября по 4 декабря под лозунгом восстановления права на забастовку для рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений и имевшая ярко выраженный политический характер. Правительство потребовало немедленного и безоговорочного прекращения «незаконной политической забастовки», угрожая строгим наказанием ее организаторам.

Несмотря на упорную борьбу, рабочим не удалось вынудить правительство удовлетворить их требования. Однако и правительство Мики понесло серьезный ущерб, окончательно утратив ореол «либерализма». Были развеяны иллюзии в способности Мики «обновить» политику ЛДП.

В области внешней политики правительство Мики продолжало курс на укрепление союзнических отношений с США. С целью демонстрации «теснейших уз дружбы» США и Японии в октябре 1975 г. была предпринята первая за всю историю отношений между двумя странами поездка императора Хирохито в США. Укреплению двустороннего сотрудничества были посвящены переговоры Мики с президентом США Фордом в Вашингтоне в августе 1975 г. США и Япония выступали согласованно на состоявшемся в ноябре 1975 г. в Рамбуйе (Франция) первом совещании руководителей ведущих капиталистических государств.

С приходом к власти премьер-министр Мики заявил о намерении развивать добрососедские отношения с Советским Союзом. Этому способствовали переговоры министров иностранных дел обеих стран в январе 1975 г. в Москве и в январе 1976 г. в Токио.

В августе Советский Союз посетила делегация Кэйданрэн во главе с ее председателем Доко. Переговоры делегации в Москве показали наличие больших возможностей для разви-

Современный традиционный дом японца

тия взаимовыгодного долгосрочного экономического сотрудничества между СССР и Японией. В 1976 г. между двумя странами был заключен ряд крупных контрактов.

Однако перспектива дальнейшего расширения и укрепления советско-японского сотрудничества не устраивала определенные круги в Токио.

С весны 1976 г. Япония начала выбираться из тяжелого экономического кризиса. К концу года индекс промышленного производства почти достиг высшего докризисного уровня. Однако полностью докризисное положение не было восстановлено. Не удалось преодолеть инфляцию, число полностью безработных находилось на уровне 1 млн. человек, замедлились темпы роста экономики, продолжало расти число банкротств мелких и средних предприятий (1976 г. — 15 641). Массовое недовольство политикой правительства ЛДП, приносившего в жертву интересы народных масс, не ослабевало.

В феврале 1976 г. в результате проводившегося в США расследования деятельности одного из крупнейших американских авиастроительных концернов «Локхид» выяснилось, что этот концерн расходовал огромные суммы на подкуп видных деятелей ряда капиталистических стран, в том числе Японии, чтобы продвинуть свою продукцию на рынки этих стран. На подкуп руководящих деятелей правительственных кругов и делового мира Японии было истрачено около 13 млн. долл. В аферах «Локхида» оказалось замешано несколько сот человек. Арестовано было около 20 человек, в том числе бывший премьер-министр Танака (выпущенный через несколько дней под залог в 200 млн. иен).

«Дело «Локхид»» вылившееся в беспрецедентный политический скандал в Японии, серьезно подорвало престиж ЛДП, вызвало огромное возмущение народа коррупцией в правящей партии. Попытки замять скандал успеха не имели, поскольку премьер-министр Мики, сам не замешанный в нем и выступавший за «чистую» политику и борьбу с коррупцией, рассчитывал нажить на расследовании «дела «Локхида» политический капитал и укрепить свои позиции.

Скандалные разоблачения по «делу «Локхида» побудили некоторых деятелей ЛДП отмежеваться от правящей партии. В июне шесть депутатов парламента во главе с Коно вышли из ЛДП в знак протеста против коррупции в ее рядах и создали самостоятельную консервативную организацию — Новый либеральный клуб. Это было наглядным свидетельством тяжелого кризиса, в котором оказалась правящая партия.

Позиция Мики, допустившего арест недавнего премьер-министра Танака и падение престижа ЛДП, подверглась резкому осуждению в правящей партии. В ее руководстве сложилась коалиция, поставившая целью добиться отставки Мики. Премьер-министр вызвал недовольство и крупного капитала, особенно в связи с попытками усилить антимонополистическое законодательство. Была начата кампания с целью принудить Мики уйти в отставку.

Еще одним серьезным ударом для ЛДП стали результаты состоявшихся в начале декабря 1976 г. выборов в палату представителей. Правящая партия получила 41,8% голосов и 249 депутатских мест, т. е. не смогла обеспечить себе большинства в нижней палате. Лишь присоединение 11 «независимых» депутатов позволило ЛДП получить возможность формировать однопартийное правительство. Напротив, СПЯ увеличила свое представительство до 123 мест, Комэйто — до 55 (с 29) и ПДС — до 29 (с 19). Новый либеральный клуб на волне созданного вокруг него «бума» завоевал 17 мест и сразу же стал заметной политической силой.

В трудном положении оказалась КПЯ. Реакция, напуганная ростом влияния коммунистов, провела ряд акций, специально направленных против компартии, — от изменения избирательного закона до фальшивок и клеветы против руководящих деятелей КПЯ. И хотя число голосов, поданных за кандидатов-коммунистов, несколько увеличилось, КПЯ смогла провести всего 19 депутатов вместо 38 на выборах 1972 г.

Итоги выборов предопределили судьбу правительства Мики. Он вышел в отставку, приняв на себя ответственность за неудачу ЛДП на выборах. Новым председателем ЛДП и премьер-министром Японии стал Фукуда.

Укрепление позиций ЛДП

Одной из неотложных задач нового правительства стало урегулирование отношений с СССР в области рыболовства.

24 февраля 1977 г. Совет Министров СССР принял постановление о введении в силу с 1 марта Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1976 г. «О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР». Это была вынужденная ответная мера в связи с предпринятыми ранее односторонними действиями США и западноевропейских стран,

установивших 200-мильные зоны, в результате чего СССР понес большие потери.

В японской печати в связи в этом шагом СССР была развернута шумная антисоветская кампания, в ходе которой предпринимались попытки искусственно связать необходимость урегулирования вопросов о рыбной ловле с СССР с необоснованными и незаконными претензиями Японии на южную часть Курильских островов. Однако попытки оказать психологический нажим на СССР не имели успеха, и японское правительство было вынуждено приступить к переговорам с СССР по вопросам рыболовства.

В феврале — апреле 1977 г. в Москве побывали министр земледелия и лесоводства Японии Судзуки и генеральный секретарь кабинета министров Сонода, а также большая группа депутатов японского парламента. В мае было подписано соглашение о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана. Оно предусматривало признание Японией суверенных прав СССР на живые ресурсы в морских районах, прилегающих к побережью Советского Союза, шириной до 200 морских миль, а также регулировало условия промысла японскими рыбаками в этих районах. В связи с введением Японией 200-мильной зоны в августе в Токио было подписано соглашение, предусматривающее сохранение традиционных возможностей лова рыбы в этой зоне советскими рыбаками.

Достижение договоренности по сложным проблемам, связанным с рыболовством, вновь подтвердило наличие возможностей для принятия взаимоприемлемых решений при наличии доброй воли с обеих сторон.

В 1977 г. были предприняты важные шаги, направленные на развитие торгово-экономических отношений между СССР и Японией. В мае было подписано новое пятилетнее торговое соглашение на 1976—1980 гг., предусматривавшее увеличение товарооборота примерно в 1,5 раза. В ноябре в Токио было заключено соглашение между Государственным комитетом по атомной энергии СССР и Атомным форумом Японии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях.

Уже в первые месяцы 1977 г. обнаружилась противоречивость политики правительства Фукуда. Выступая с обещаниями «коренных реформ», премьер-министр, по существу, проводил прежний курс. Его политика «оживления национальной экономики» целиком исходила из интересов монополистического капитала.

Нежелание правящих кругов удовлетворить требования трудящихся о повышении жизненного уровня предопределило боевой характер «весеннего наступления» 1978 г., которым руководил Объединенный комитет, представлявший профсоюзы с общим числом членов около 9 млн. человек. В марте — апреле было проведено несколько массовых забастовок, охвативших

целый ряд отраслей. В одной из них приняло участие около 1 млн. человек. Администрация государственных предприятий и учреждений и частные компании были вынуждены пойти на некоторое удовлетворение требований трудящихся, повысив заработную плату в среднем по стране на 8,8%, хотя это повышение едва компенсировало снижение жизненного уровня трудящихся в результате роста цен.

Массовое забастовочное движение отражало широкое недовольство политикой либерал-демократов, которое проявилось и в ходе выборов в палату советников в июле 1978 г. Правящая партия не смогла обеспечить даже половину депутатских мест (у нее стало 124 мандата из 252 мест в верхней палате), так что лишь благодаря присоединению к фракции ЛДП трех «независимых» депутатов она приобрела минимальное большинство.

Центристские партии — Комэйто и ПДС — на этот раз увеличили свое представительство в палате советников соответственно до 28 и 11 мест.

Неудачными оказались выборы для СПЯ, потерявшей 5 мандатов, и КПЯ, которая утратила 4 места.

Вопреки прогнозам, не добился особых успехов и Новый либеральный клуб, сумевший провести всего трех депутатов.

В итоге выборов в обеих палатах японского парламента возникла совершенно небывалая до тех пор ситуация близкого к равенству соотношения сил между правящей партией, с одной стороны, и оппозиционным лагерем — с другой. ЛДП оказалась в очень трудном положении, но ей помогло то, что значительная часть оппозиции была отвлечена собственными внутренними проблемами.

Вскоре после выборов руководители СПЯ, принимая на себя ответственность, заявили о намерении уйти с занимаемых ими постов. Однако процесс смены руководства партии затянулся на несколько месяцев из-за обострения внутрипартийной борьбы. Лишь в декабре 1978 г. было избрано руководство СПЯ во главе с бывшим мэром города Иоккогама Асуката.

В ноябре 1978 г. на внеочередном съезде ПДС произошла смена руководства и этой партии.

После выборов в палату советников в центристских партиях усилились тенденции к отходу от сотрудничества с СПЯ и КПЯ и к сближению с Новым либеральным клубом. В ПДС стали даже раздаваться голоса в пользу коалиции с ЛДП.

Одним из главных направлений своей внешнеполитической деятельности правительство Фукуда избрало всемерное развитие связей со странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), — Филиппинами, Таиландом, Малайзией, Сингапуром и Индонезией — в целях укрепления позиций японских монополий в этих странах.

Государства — члены АСЕАН являются важными поставщиками сырья и топлива для Японии и покупателями многих видов японской промышленной продукции. По общему объему товаро-

оборота со странами АСЕАН Япония обгоняет другие развитые капиталистические государства, включая США, что позволяет ей оказывать значительное воздействие на экономику этих стран.

Важной вехой японской экспансии в Юго-Восточную Азию стал визит премьер-министра Фукуда в страны АСЕАН и Бирму в августе 1978 г. В Куала-Лумпуре состоялось совещание руководителей Японии и стран АСЕАН по вопросам развития экономических и политических связей между ними. На этом совещании Фукуда обещал предоставить 1 млрд. долл. в форме кредитов на льготных условиях для строительства по одному крупному промышленному проекту в каждой из стран АСЕАН, удвоить в течение пяти лет государственную помощь развитию, рассмотреть вопрос об отмене или ослаблении тарифных барьеров на экспорт из стран АСЕАН в Японию, чтобы сократить их огромное отрицательное сальдо в торговле с Японией.

В Маниле Фукуда выступил с речью, в которой сформулировал три основных принципа японской политики в Азии, получивших название «доктрины Фукуда». Он заявил, во-первых, что Япония не будет стремиться стать мощной военной державой и полна решимости внести вклад в дело мира и процветания в Юго-Восточной Азии. Во-вторых, Фукуда обещал, что Япония будет укреплять отношения взаимного доверия между ней и странами Юго-Восточной Азии в политической, экономической, социальной и культурной областях. В-третьих, было выражено намерение сотрудничать с государствами — членами АСЕАН, укреплять в то же время отношения и со странами Индокитая в интересах мира и безопасности в Азии.

«Доктрина Фукуда» была предназначена для того, чтобы отвлечь внимание стран АСЕАН от подлинных целей проникновения японских монополий. Что касается обещаний Фукуда о «помощи» странам АСЕАН, то они в значительной степени остались на бумаге.

12 августа 1978 г. в Пекине после почти пятилетних переговоров был подписан договор о мире и дружбе между КНР и Японией. Его цель состояла в том, чтобы закрепить наметившееся после восстановления отношений в 1972 г. сближение между двумя странами и придать ему необратимый характер.

Однако договор по своему содержанию выходил за рамки двусторонних отношений. В статье 2, на включении которой в договор настаивала китайская сторона и которая стала причиной длительной задержки переговоров, говорилось, что «ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе или в любом другом районе и каждая из сторон выступает против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии».

В договор по настоянию Японии была включена статья 4, гласящая, что «настоящий договор не будет влиять на позицию каждой из договаривающихся сторон в отношениях с третьими странами».

Заключение японо-китайского договора привело к быстрому развитию связей между двумя странами в различных областях. За пять месяцев после его подписания в Японии дважды побывал Дэн Сяопин.

«Доктрина Фукуда», заключение договора с Китаем как бы олицетворяли «многостороннюю дипломатию», которую провозгласило тогдашнее японское правительство в качестве основополагающего внешнеполитического курса страны. На практике, однако, эта «многосторонность» была довольно ограниченной. Сам премьер-министр Фукуда заявлял, что «многосторонняя дипломатия — это не дипломатия равных расстояний», что ее основой является союз с США. В отношении Советского Союза японская политика была значительно более сдержанной. Когда во время визита министра иностранных дел Японии Сонода в СССР в январе 1978 г. ему был передан советский проект договора о добрососедстве и сотрудничестве, японская сторона, по существу, даже отказалась обсуждать его.

Такая позиция официальных кругов Токио в отношении Советского Союза подвергалась резкой критике со стороны демократических сил Японии. На переговорах, состоявшихся в декабре 1978 г. в Москве между делегацией КПСС и делегацией Социалистической партии Японии во главе с председателем ЦИК СПЯ Асуката, японские социалисты подтвердили стремление своей партии не допускать втягивания Японии в какую-либо коалицию антисоветского характера. КПСС и СПЯ выразили намерение развивать взаимные отношения «в интересах совместной борьбы против империализма, за мир, демократию и социальный прогресс, за дружбу и сотрудничество между советским и японским народами»¹.

Развитие многопартийной системы и борьба против наступления реакции

В 1978 г. получили дальнейшее развитие начавшиеся ранее процессы расширения многопартийной системы в Японии. В феврале состоялся учредительный съезд Нового либерального клуба (НЛК), завершивший оформление этой организации в политическую партию. Председателем НЛК, численность которого во время съезда составляла 30 тыс. человек, был избран Коно. С позиции «нового либерализма» НКЛ выступил за «более упорядоченную свободную экономическую систему».

Критикуя ЛДП за ее утрату способности к политическому руководству страной, НЛК добивался «улучшения консервативного режима». Новая партия видела свое будущее в возможности прихода к власти в случае формирования коалиционного правительства, а такое развитие событий руководители НЛК считали неизбежным.

¹ Правда. 1978. 23 дек.

В марте 1978 г. возникла еще одна политическая партия — Социал-демократический союз (СДС). Ее создатели — деятели правого толка, вышедшие в 1977 г. из Социалистической партии. СДС предпринял попытку оказать влияние на широко распространенные в то время в Японии гражданские движения, в том числе на организации потребителей, но безуспешно.

Ни Новый либеральный клуб, ни Социал-демократический союз не имели массовой опоры в стране. Однако НЛК получал определенную поддержку со стороны крупного капитала, усматривавшего в этой партии средство для привлечения избирателей в случае их отхода от ЛДП.

Острая борьба в 1978 г. развернулась вокруг продолжавшихся попыток реакции лишить трудящихся демократических завоеваний первых послевоенных лет. Правительство, используя в качестве предлога неоднократные случаи террористических действий левых элементов, в частности угоны самолетов, попыталось провести через парламент закон, допускающий применение судопроизводства без участия защитников.

Прогрессивные силы, понимая антидемократический характер задуманной реформы, организовали массовые выступления протеста.

Народный совет связи в защиту самостоятельного и демократического законодательства, в котором сотрудничали коммунисты и социалисты, организации защиты конституции и демократические юристы, профсоюзные, молодежные, женские организации, направлял это движение, в ходе которого в парламент были переданы протесты более 6 тыс. организаций. Подготовленные законопроекты так и не были поставлены на голосование.

В июле 1978 г. правительство дало указание разработать законодательство о действиях вооруженных сил в чрезвычайных, военных обстоятельствах. Намерение принять такое законодательство вызвало острые дебаты в парламенте. С решительным разоблачением замыслов реакции выступили КПЯ и СПЯ, расценившие попытки создать чрезвычайное законодательство как антидемократические, милитаристские замыслы, угрожающие интересам японского народа. В октябре был проведен день единых действий против чрезвычайного законодательства. В митингах и демонстрациях, организованных в 32 префектурах, активно участвовали коммунисты и социалисты. Под влиянием массовых выступлений руководство Комэйто, долгое время колебавшееся в этом вопросе, осудило попытки разработки чрезвычайного законодательства.

Учитывая резко отрицательное отношение широких масс в отношении планов принятия чрезвычайного законодательства, правительство и ЛДП не решились пойти дальше общей дискуссии в парламенте.

Многopатийная система привела к обострению борьбы между различными партиями за влияние на избирателей. Массовость партий приобретала в этой борьбе большое значение, поэтому

многие партии стали уделять повышенное внимание увеличению числа своих членов.

Компартия Японии еще с конца 50-х годов вела постоянную работу по превращению в массовую партию, и в 1978 г. ее численность достигла 400 тыс. человек. На 42-м съезде СПЯ в марте 1978 г. ее председатель Асуката выступил с предложением о превращении СПЯ в «миллионную партию».

Широкую кампанию за увеличение своей численности провела в 1978 г. ЛДП. Организаторы кампании не скупились на демагогию, уверяя, что вступивший в правящую партию и участвующий в выборах ее председателя тем самым будто бы сможет оказать непосредственное влияние на избрание премьер-министра страны.

В результате этой кампании число членов ЛДП увеличилось более чем втрое, превысив 1,5 млн. человек, или более чем вдвое численность оппозиционных партий, вместе взятых. Разумеется, значительная часть новых членов была вовлечена в правящую партию чисто номинально, поскольку для этого требовалось лишь уплатить небольшой вступительный взнос, что делали депутаты парламента от ЛДП за многих своих избирателей. Тем не менее кампания по увеличению численности ЛДП способствовала укреплению ее позиций.

Для создания «нового» облика правящей партии в ноябре 1978 г. впервые в истории ЛДП были проведены выборы ее председателя с непосредственным участием всех ее членов. Выборы были призваны продемонстрировать «демократический» характер партии, связь с массами и способность к «обновлению». Конечно, и при новой системе выборов председателя ЛДП фактический контроль над партией по-прежнему оставался в руках довольно узкого круга политических деятелей — лидеров крупнейших внутрипартийных группировок, тесно связанных с верхушкой финансовой олигархии.

Хотя победу на выборах, в которых участвовало четыре кандидата, практически единодушно предсказывали премьер-министру Фукуда, в первом туре вперед вышел генеральный секретарь ЛДП Охира, использовавший для укрепления своих позиций партийный аппарат, которым он руководил, и получивший поддержку влиятельной фракции Танака. Фукуда отказался от дальнейшей борьбы, и Охира на специально созванном съезде ЛДП без голосования был объявлен председателем правящей партии.

Возглавив правительство, Охира выдвинул концепцию «частичной коалиции», которая предусматривала привлечение центристской оппозиции к сотрудничеству с правящей партией в проведении тех или иных законопроектов через парламент. Концепция Охира была направлена на углубление размежевания оппозиции и изоляцию левых партий.

Правящая партия прилагала большие усилия для укрепления своих позиций в органах местной власти, многие из которых в первой половине 70-х годов перешли в руки прогрессивных сил. В середине 70-х годов в Японии было 210 прогрессивных местных

администраций, управляющих территориями с населением 48 млн. человек.

Перелом наступил в 1977 г., когда кандидаты, которых поддерживала ЛДП, победили на выборах губернаторов во всех семи префектурах, где эти выборы проводились, и в 108 случаях из 128 — на выборах мэров городов. В 1978 г. консервативные кандидаты получили посты губернаторов в семи случаях из восьми, а посты мэров городов — в 160 городах из 192, в которых проводились выборы. В 1979 г. кандидаты, пользовавшиеся поддержкой ЛДП, победили на выборах губернаторов в 20 префектурах из 22.

Некоторые из упомянутых выборов имели принципиально важное значение с точки зрения дальнейшего развития внутриполитической борьбы в масштабах всей страны. Консерваторы завоевали посты губернаторов префектур Киото, Окинава, Осака, пост мэра крупного города Иокогама, которые до тех пор в течение многих лет находились в руках прогрессивных сил. Большое воздействие на расстановку политических сил в стране оказала победа консервативного кандидата на выборах губернатора Токио в апреле 1979 г.

Успехи консерваторов на местных выборах в 1977—1979 гг., способствовавшие росту престижа ЛДП, в то же время выявили и определенную слабость правящей партии — ее неспособность добиваться побед на местах собственными силами. Все чаще ЛДП была вынуждена блокироваться с центристскими партиями, что и сделало возможным подавляющее большинство побед консервативных кандидатов на местных выборах в 1977—1979 гг. Так обстояло дело в Токио, Осака, Киото, на Хоккайдо и т. д.

Таким образом, на выборах многих руководителей местных администраций в конце 70-х годов фактически сложилась коалиция ЛДП и центристских партий, хотя в каждом конкретном случае состав такой коалиции был различен. При этом кандидаты ЛДП и центристов, как правило, выступали в качестве «независимых».

Блокирование правящей и некоторых оппозиционных партий на выборах руководителей местных администраций было еще одной формой применения на практике «частичной коалиции».

Парламентские выборы 1979—1980 гг.

Укрепление позиций ЛДП было расценено ее руководством как благоприятная возможность для того, чтобы попытаться положить конец неустойчивому равновесию в парламенте, затруднявшему деятельность правительства. В сентябре 1979 г. палата представителей была распущена, и 7 октября состоялись досрочные выборы в палату представителей.

Результаты выборов показали, что расчеты либерал-демократов не оправдались, ЛДП получила 248 депутатских мест, на одно

меньше, чем на предыдущих выборах, и вновь смогла обеспечить себе большинство в палате представителей лишь после присоединения десяти «независимых» депутатов. Таким образом, неустойчивое равновесие в этой палате между правящей партией и оппозицией сохранилось.

Вместе с тем на выборах 1979 г. ЛДП сумела преодолеть почти десятилетнюю тенденцию сокращения числа и доли избирателей, голосующих за ее кандидатов. Значительную роль в этом сыграло то обстоятельство, что в результате новой кампании, проводившейся в течение 1979 г., правящая партия довела свою численность почти до 3 млн. человек, хотя в последующем она вновь уменьшилась.

Неудачными оказались выборы и для СПЯ, получившей 107 мандатов и потерявшей 16.

Партии «среднего пути» увеличили свое представительство: Комэйто — на два места (до 55), а ПДС — на шесть (до 35). Новый либеральный клуб не смог удержать завоеванных раньше позиций и обеспечил себе лишь четыре места (в 1976 г.—17). Социал-демократический союз потерял одно место из имевшихся у него трех.

Большого успеха на выборах добилась КПЯ. Она получила 39 мест. Таким образом, были восстановлены и даже упрочены позиции, завоеванные в 1972 г., но частично утраченные в 1976 г.

Итоги выборов вызвали новую вспышку внутренней борьбы в ЛДП. Противники Охира, расценившие исход выборов как неудачу ЛДП, требовали его отставки. Дело дошло до того, что впервые за все время существования ЛДП от нее были выдвинуты два кандидата на пост премьер-министра — Охира и Фукуда. Правящая партия разделилась на два лагеря и фактически оказалась на грани раскола. Охира с большим трудом добился переизбрания на пост премьер-министра.

Оппозиционные партии расценили обострение внутренних противоречий в ЛДП после выборов как свидетельство реальной возможности появления в недалеком будущем коалиционного правительства и начали готовиться к этому. В декабре Комэйто и ПДС заключили соглашение о платформе возможного коалиционного правительства. Обе партии высказались за сохранение как японско-американского «договора безопасности», так и «сил самообороны». Они заявили, что их цель — положить конец однопартийному господству ЛДП и что они не исключают сотрудничества с отдельными группами либерал-демократов, но не пойдут на коалицию с ЛДП. Комэйто и ПДС выступили против участия КПЯ в коалиционном правительстве.

В январе 1980 г. соглашение о платформе коалиционного правительства подписали также СПЯ и Комэйто. СПЯ согласилась исключить Компартию из числа участников возможного коалиционного правительства.

Эти два соглашения закрепили поворот вправо центристской

части оппозиции и СПЯ, осложнили отношения между социалистами и коммунистами. Отход СПЯ от сотрудничества с Компартией ослабил оппозиционный лагерь в целом, сыграв в конечном счете на руку ЛДП.

В мае 1980 г. разразился новый политический кризис. Палата представителей выразила вотум недоверия правительству Охира. При обсуждении проекта резолюции о недоверии правительству депутаты оппозиционных партий осудили политику либерал-демократов как противоречащую интересам народа. Оппозиция обвинила правительство в том, что оно не принимает необходимых мер для прекращения роста цен и безработицы, борьбы с коррупцией. Резкой критике был подвергнут курс кабинета Охира на милитаризацию страны и укрепление военного союза с США. Принятие этой резолюции стало возможным благодаря тому, что свыше 70 депутатов ЛДП отказались принять участие в голосовании.

Охира предпочел не уходить в отставку, а распустить палату представителей и провести досрочные выборы. Они были назначены на тот же день, что и очередные выборы в палату советников — 22 июня. Это было сделано с явной целью осложнить положение оппозиционных партий, которые не располагали необходимыми средствами для проведения одновременно двух избирательных кампаний. Сама же правящая партия недостатка в средствах не испытывала: монополии предоставили ей для проведения выборов 15 млрд. иен.

В самый разгар предвыборной кампании скоропостижно скончался премьер-министр Охира. Смерь лидера сплотила ЛДП, вызвала сочувствие к ней у некоторой части населения.

Проходившие в такой необычной обстановке выборы принесли победу правящей партии. Она получила 284 места в палате представителей, обеспечив стабильное большинство. В палате советников у ЛДП стало 135 мест, т. е. и там положение ЛДП упрочилось.

Оппозиции пришлось отступить. СПЯ сохранила свои места в нижней палате, но потеряла пять мандатов в верхней. Комэйто потеряла 25 мест в палате представителей и два — в палате советников. КПЯ утратила 12 мест в нижней палате и четыре — в верхней. ПДС потеряла четыре места в палате представителей, но приобрела два в палате советников. Новый либеральный клуб увеличил свое представительство в нижней палате с 4 до 12 мест, сохранив свои два места в палате советников. Социал-демократический союз приобрел одно место в палате представителей и утратил одно место в палате советников.

Таким образом, к началу 80-х годов либерал-демократам удалось укрепить свои политические позиции в стране. Кроме уже называвшихся этому способствовал и ряд других факторов. Начавшийся в 1978 г. экономический подъем использовался правящей партией в качестве доказательства правильности ее политики. В результате перестройки структуры экономики обострилась проб-

Многоэтажные здания в деревянной застройке города

лема занятости, снизился накал борьбы японских трудящихся, в том числе и традиционных «весенних наступлений». Известному росту престижа правительства способствовал приезд в Японию в июне 1979 г. руководителей США, ФРГ, Англии, Франции, Италии и Канады для проведения очередной, пятой по счету встречи на высшем уровне семи ведущих государств капиталистического мира.

Однако база укрепления позиций ЛДП была непрочной, поскольку продолжали действовать факторы, вызвавшие многолетнюю тенденцию ослабления влияния правящей партии. Углублялись противоречия между монополистическим капиталом, интересы которого отстаивают либерал-демократы, и подавляющим большинством населения.

Углубление военных связей с США и политика «санкций»

На рубеже 70—80-х годов в связи с резким поворотом политики США от разрядки к конфронтации, к взвинчиванию гонки вооружений заметно активизировались усилия американской администрации, направленные на повышение военной роли Японии в рамках союза с США и ее вклада в глобальную милитаристскую стратегию империализма. Как показала серия японо-американских переговоров на различных уровнях в 1980 г., в том числе встреча премьер-министра Охирэ с президентом США Рейганом в мае, США, преследуя свои глобальные цели, добивались от Японии форсированного наращивания ее военного потенциала. Вашингтон ставил перед Японией задачу самостоятельно вести противолодочные и противовоздушные операции в западной части Тихого океана, что позволило бы перебросить часть вооруженных сил США из Тихого океана в Индийский. Конкретно от Японии требовалось в случае «чрезвычайных обстоятельств» блокировать близлежащие проливы.

Новым шагом на пути вовлечения Японии в стратегическую систему США стало участие японских кораблей и самолетов совместно с флотом и авиацией США, Канады, Австралии и Новой Зеландии в военно-морских маневрах под кодовым названием «Римпак-80» («Тихоокеанское кольцо») в феврале — марте 1980 г.

Во время визита нового японского премьер-министра Судзуки в США в мае 1981 г. Вашингтон продолжал требовать от Японии увеличения ее военных расходов, наращивания военного потенциала, расширения сферы действия японских вооруженных сил. Японский премьер обязался обеспечить патрулирование морского и воздушного пространства на удалении до 1 тыс. миль от ее берегов. По оценкам Пентагона, выполнение одной лишь этой задачи приведет к увеличению тоннажа японского военно-морского флота вдвое, а числа самолетов морской авиации — в 1,5 раза.

В начале 80-х годов резко изменилась обстановка в отношениях между СССР и Японией. Японское правительство поддержало курс Вашингтона на нагнетание международной напряженности и безудержную гонку вооружений.

В Токио с гораздо большей готовностью, чем в столицах ряда других государств — союзников США по военным блокам, откликнулись на требования американской администрации ужесточить отношение к СССР под предлогом вначале событий в Афганистане, затем в Польше и т. д. Отбросив провозглашавшуюся ранее концепцию «многосторонней дипломатии», т. е. политики развития взаимовыгодных отношений со всеми странами, японское правительство стало активно подчеркивать принадлежность своей страны к «западному лагерю», необходимость отдавать приоритет «западной солидарности», под которой понималось следование в фарватере политики США. В значительно большей степени, чем раньше, политика Токио, в том числе и в отношении СССР,

стала определяться глобальной империалистической стратегией, инициатором и направляющей силой которой неизменно выступали США.

Вслед за Вашингтоном японское правительство в начале 1980 г. в одностороннем порядке приняло меры по ограничению политических контактов с Советским Союзом. Межправительственные связи оказались фактически в замороженном состоянии. Был отложен на неопределенный срок официальный визит в Японию делегации Верховного Совета СССР, намечавшийся в январе 1980 г. Были введены экономические «санкции» в отношении СССР, включавшие запрещение экспорта технологически сложной продукции, ограничение правительственного кредитования торговли, отказ от рассмотрения новых проектов долгосрочного экономического сотрудничества. Приостановлено было выполнение соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Япония бойкотировала XXII Олимпийские игры в Москве летом 1980 г.

Введение «санкций» сопровождалось активизацией территориальных притязаний к СССР. В январе 1981 г. правительство Судзуки приняло решение об установлении ежегодного «дня северных территорий». С тех пор этот день, 7 февраля, используется для оживления кампании за «возвращение северных территорий», а также для вовлечения оппозиционных партий и стоящих за ними общественно-политических сил в орбиту политики территориальных притязаний.

Даже торговлю с СССР в Токио пытались увязать с территориальными притязаниями. Официальные представители Японии неоднократно выступали с заявлениями о том, что стабильное и широкое развитие экономических связей между двумя странами якобы невозможно без решения так называемого территориального вопроса.

В целом политика «санкций» в отношении СССР не принесла Японии никаких дивидендов. Попытки ограничения политических контактов с Советским Союзом пришли в противоречие с интересами самой Японии, усиленно добивавшейся повышения своей политической роли в мире и признания этого другими странами, в том числе и Советским Союзом. В результате введения экономических «санкций» против СССР японские фирмы лишились многих выгодных контрактов, которые перешли к конкурентам, прежде всего к западноевропейским. Общий ущерб, понесенный Японией в результате введения «санкций», превысил 4 млрд. долл. Со второго места среди партнеров СССР из развитых капиталистических стран Япония отошла на пятое. Когда же администрация Рейгана была вынуждена отменить эмбарго на продажу зерна СССР, а затем и ограничения на экспорт некоторых видов строительной техники, бесперспективность политики «санкций» стала для Токио еще более очевидной.

Опасаясь лишиться перспективного советского рынка, Япония подписала летом 1981 г. очередное пятилетнее соглашение с СССР о товарообороте и платежах на 1981—1985 гг.

курс правящих кругов Японии на ускорение милитаризации, расширение военного сотрудничества с США вызвал нарастание в стране антивоенных настроений. Это была естественная реакция трудящихся масс на опасное обострение международной обстановки, на втягивание Японии в развернутую США конфронтацию с социалистическими странами, на усиление милитаристских амбиций реакционных сил самой Японии. Особое беспокойство у японского народа вызвало размещение на авиабазе Мисава на северо-востоке Хонсю американских самолетов Г-16, способных нести ядерное оружие, и оснащение кораблей 7-го флота США, заходящих в японские порты, крылатыми ракетами «Томагавк» с ядерными боеголовками. Японская общественность сознавала, что эти действия свидетельствуют о намерении американской военщины превратить Японию в свою ядерную базу.

Эта угроза способствовала вовлечению в антивоенное движение самых широких слоев населения Японии, независимо от политических и идеологических взглядов. Среди его организаторов и участников были и коммунисты, и социалисты, и даже некоторые представители правящей партии. В то же время антивоенные выступления нередко возникали снизу, без какой-либо связи с существующими организациями. Такие движения назывались «куса-но нэ» («корешки травы»).

Одной из наиболее массовых форм антивоенного движения стали кампании по сбору подписей под призывами к разоружению и запрещению ядерного оружия. Их проводили специально созданные для этой цели организации, имевшие широкую массовую опору. Всего в стране в начале 80-х годов было собрано 82,5 млн. подписей. Они были переданы второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

Большому размаху кампании сбора подписей под призывами к разоружению и запрещению ядерного оружия способствовали многочисленные антивоенные заявления известных японских ученых, литераторов, деятелей искусства, журналистов.

Сбор подписей сопровождался массовыми антивоенными выступлениями под лозунгами предотвращения ядерной войны и запрещения ядерного оружия. Наиболее крупными были антивоенные манифестации в марте 1982 г. в Хиросиме с участием свыше 200 тыс. человек, в мае — в Токио (400 тыс.), в октябре — в Осака (500 тыс.).

Еще одной формой антивоенного движения стало принятие органами местного самоуправления резолюций с требованиями запретить ядерное оружие и содействовать разоружению. В 1981—1982 гг. такие резолюции были приняты 42 префектурными и 424 городскими собраниями. В марте 1982 г. небольшой город Цусима в префектуре Айти объявил себя зоной, свободной от ядерного оружия. В 1986 г. число префектур, городов, поселков и деревень, провозгласивших себя такими зонами, превысило 1000.

Японии, планам дальнейшего расширения военного сотрудничества с США. В марте 1982 г. на совместном заседании представителей правительства и руководства ЛДП во главе с премьер-министром Судзуки было рекомендовано принять меры к тому, чтобы антиядерное движение «не стало антиамериканским» и «не пошло на пользу Советскому Союзу». В местные организации ЛДП были направлены инструкции сдерживать принятие местными собраниями антиядерных деклараций и объявление различных районов страны безъядерными зонами. ЛДП требовала от своих членов не участвовать в сборе подписей против ядерного оружия. Либерал-демократам удалось сорвать одобрение отдельными органами местной власти принятие антиядерных резолюций. В частности, они не допустили принятия декларации о провозглашении Токио безъядерной зоной. Тем не менее антиядерное движение не было остановлено. Под влиянием этого движения обе палаты японского парламента в мае 1982 г. единогласно утвердили резолюцию с призывом принять международные меры в целях запрещения применения ядерного оружия и его ликвидации. В парламенте была создана Ассоциация содействия международному разоружению, в которую вошли депутаты от всех политических партий.

В Японии нашли широкий отклик инициативы Советского Союза, направленные на укрепление мира и безопасности на Дальнем Востоке. На XXVI съезде КПСС в 1981 г. была выдвинута идея мер доверия на Дальнем Востоке, и СССР обратился к заинтересованным государствам, включая Японию, с предложением провести конкретные переговоры по этому вопросу. В 1982 г. СССР высказался за заключение соглашения о гарантиях строгого соблюдения безъядерного статуса Японии и неприменения против нее ядерного оружия.

Эти предложения, продиктованные стремлением СССР укреплять добрососедские отношения с Японией, убедительно показали полную беспочвенность и несостоятельность проводимой определенными кругами этой страны кампании вокруг пресловутой «советской угрозы», которая приняла в 80-х годах особенно шумный и широкий характер.

Отставка кабинета Судзуки

Правительство Судзуки одной из главных задач своей экономической политики провозгласило осуществление административно-финансовой реформы. Непосредственной целью этой реформы была ликвидация хронического дефицита государственного бюджета, достигавшего 40% его общей суммы. В 1981 г. Судзуки пообещал разрешить эту проблему в течение трех лет начиная с 1982/83 финансового года и заявил, что готов связать свою политическую судьбу с достижением этой цели.

Вместе с тем административно-финансовая реформа была нацелена и на решение другой, более далеко идущей задачи — со-

вершенствования государственно-монополистической системы управления в обстановке крупных изменений экономической и социальной структуры страны, и в частности сокращения государственного аппарата, разбухшего в период высоких темпов экономического роста. Правительство поручило разработать конкретный проект реформы специально сформированному в марте 1981 г. Консультативному комитету во главе с одним из ведущих представителей монополистических кругов Доко. Был образован также штаб содействия административно-финансовой реформе при правительстве и ЛДП.

Рекомендации, подготовленные Консультативным комитетом, отражали мнение монополий и преследовали цель «экономии» за счет сокращения государственных расходов на социальные нужды. Они предусматривали реорганизацию и передачу в частные руки государственных предприятий — железных дорог, телефонно-телеграфной корпорации и корпорации по производству и продаже товаров государственной монополии (табачных изделий и спиртных напитков). Одновременно предлагалось провести «рационализацию» железных дорог, т. е. увольнение нескольких десятков тысяч рабочих.

Это последнее предложение было расценено левыми партиями и профсоюзами как попытка нанести удар по Всеяпонскому профсоюзу работников государственных железных дорог (Кокуро), игравшему важную роль в профсоюзном движении страны.

Несмотря на массовые протесты, правительство утвердило программу мероприятий по административно-финансовой реформе в соответствии с рекомендациями Консультативного комитета. Демократические силы выступили против планов «экономии» за счет трудящихся. Они потребовали прекращения милитаризации, сокращения военных расходов, уменьшения налоговых и других льгот монополиям и расширения социальных программ.

Правительство было вынуждено признать свою неспособность выполнить обещание оздоровления государственных финансов. В сентябре 1982 г. премьер-министр Судзуки объявил о «чрезвычайном положении в области финансов», поскольку государственный долг приблизился к 100 трлн. иен.

СПЯ и КПЯ потребовали от Судзуки взять на себя ответственность за провал экономической политики. Компартия призвала к улучшению финансового положения страны путем отказа от ориентации на интересы крупного капитала. Три крупнейших профцентра совместно выступили с заявлением протеста против попыток правительства выйти из кризиса, взвалив дополнительное бремя на плечи трудящихся.

Решение кабинета заморозить заработную плату рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений лишь ухудшило его положение, усилив массовое недовольство правительственной политикой. В октябре Судзуки был вынужден заявить, что не будет выдвигать свою кандидатуру для переизбрания на пост председателя ЛДП.

Этот кризис наглядно показал, что само по себе прочное большинство правящей партии в парламенте не гарантирует стабильности ее правительства в случае проведения им политики, идущей вразрез с интересами широких народных масс.

Попытка «подведения итогов послевоенного периода». Правительство Накасонэ

Уход Судзуки вновь обострил внутреннюю борьбу в ЛДП. Выборы председателя правящей партии второй раз пришлось проводить с участием рядовых членов партии. Более половины голосов получил Накасонэ, которого поддержала крупнейшая в ЛДП фракция Танака. В конце ноября он сформировал правительство.

Накасонэ развил бурную деятельность, явно рассчитывая таким образом создать себе репутацию «сильной личности», способной успешно решить стоящие перед Японией сложные экономические и политические проблемы. Он выразил решимость провести в жизнь административно-финансовую реформу путем скорейшего претворения в жизнь предложений Консультативного комитета.

Практические действия нового кабинета свидетельствовали об активизации милитаристских тенденций и о дальнейшем сближении с США в военной области. В январе 1983 г. Накасонэ первым из японских премьер-министров посетил с официальным визитом Сеул, где поддержал курс на всемерное наращивание военного потенциала Южной Кореи. Этот шаг полностью отвечал планам американской администрации по созданию тройственного альянса Вашингтон — Токио — Сеул.

1983 год ознаменовался активными контактами между США и Японией. В январе Накасонэ совершил поездку в США, где вел переговоры с Рейганом. Их новая встреча произошла в мае в связи с очередной встречей руководителей ведущих капиталистических государств в Вильямсберге. В ноябре Рейган нанес официальный визит в Японию.

В ходе этих встреч США требовали от Японии расширения ее военных функций в американской военно-стратегической системе в Азии, увеличения расходов на содержание американских баз на японской территории и закупок американской боевой техники, а также передачи США технологии производства оружия и изделий, применяемых в военных целях.

Одновременно США в связи с быстрым ростом дефицита в торговле с Японией добивались ограничения наплыва японских товаров на американский рынок и создания более благоприятных условий для американского экспорта в Японию.

В этих условиях правящие круги Японии, придавая важное значение торгово-экономическим отношениям с США, взяли курс на то, чтобы путем уступок в политической и военной областях добиться некоторого смягчения разногласий в сфере торговли. Накасонэ заявил, что «Япония и США стали полноправными членами одной команды и связаны общей судьбой. Во время

пребывания в Вашингтоне он объявил о намерении превратить Японию в «непотопляемый авианосец». На встрече руководителей семи ведущих капиталистических государств в Вильямсберге Накасонэ высказался за безусловное размещение американских ядерных ракет в Западной Европе, даже если это приведет к срыву советско-американских переговоров в Женеве. Тем самым он оказал поддержку США в нажиме на колебавшихся западноевропейских союзников. В ноябре 1983 г. было заключено японо-американское соглашение, которое устанавливало процедуру передачи США японской технологии производства приборов, оборудования и материалов для военных целей.

Во время визита в Японию федерального канцлера ФРГ Г. Коля в октябре 1983 г. было принято «токийское заявление», в котором указывалось на необходимость «солидарности и сплоченности США, Японии, Западной Европы, а также других стран свободного мира».

Большую активность проявляло правительство Накасонэ и в отношениях с Китаем. В марте 1984 г. Накасонэ нанес визит в Китай. Имел место ряд других японо-китайских встреч на высоком уровне. В ходе всех этих контактов не только обсуждались текущие проблемы двусторонних отношений, но и декларировалось стремление развивать дружественные отношения на длительную перспективу.

Была достигнута договоренность о создании «Японо-китайского комитета дружбы XXI века» для разработки мер по дальнейшему углублению сотрудничества в экономической, научно-технической, культурной и других областях.

Не осталось без внимания и такое приоритетное направление внешней политики Японии, как страны АСЕАН. В мае 1983 г. Накасонэ совершил поездку на Филиппины, в Индонезию, Сингапур, Малайзию, Таиланд и Бруней, а Абэ принял участие в расширенной конференции министров иностранных дел стран АСЕАН в Бангкоке в июне. Японские руководители стремились ослабить недовольство стран АСЕАН экономической политикой Японии, разоряющей их экономику с помощью хронического активного сальдо своей торговли с ними, и в то же время создать условия для еще более глубокого проникновения японских монополий в эти страны.

Повышенная внешнеполитическая активность правительства Накасонэ не принесла значительного укрепления его позиций. Напротив, милитаристская направленность внешней и внутренней политики кабинета подвергалась все более резкой критике как оппозицией, так и прессой. Недовольство населения политическим курсом Накасонэ сказалось на результатах трех избирательных кампаний, проведенных в 1983 г.

На состоявшихся в апреле общенациональных выборах в органы местной власти ЛДП в целом сохранила свои позиции. Вместе с тем ей был нанесен чувствительный удар: правящая партия потеряла посты губернаторов крупной индустриальной префектуры

Фукуока и острова Хоккайдо, которые перешли в руки прогрессивных сил.

На выборах в палату советников в июне ЛДП несколько увеличила число депутатских мест, но тревожным для нее симптомом было уменьшение доли избирателей, голосовавших за кандидатов правящей партии. Да и приобретение новых депутатских мест в немалой степени объяснялось тем, что в выборах приняли участие 12 возникших незадолго до этого «мини-партий», которые отвлекли на себя часть избирателей, голосовавших ранее за «традиционные» политические партии, создав тем самым более благоприятные условия для ЛДП. Две такие партии — Новая партия przyjaci и Партия благосостояния сумели даже провести своих представителей в парламент, получив соответственно два и одно депутатских места в верхней палате.

В октябре 1983 г. в стране возник новый острый политический кризис в связи с вынесением токийским окружным судом приговора по делу Танака. Бывший премьер-министр был признан виновным в получении взяток от компании «Локхид» и приговорен к четырем годам тюремного заключения и штрафа в 500 млн. иен. Сразу после суда Танака был вновь выпущен на свободу под залог в 100 млн. иен.

После вынесения приговора оппозиционные партии потребовали поставить на голосование в парламенте предложенный ими проект резолюции о лишении Танака депутатских полномочий. Правительство отказалось удовлетворить эту просьбу, поскольку ключевые посты в нем занимали члены фракции бывшего премьер-министра, хотя сам Танака с началом судебного процесса над ним вышел из ЛДП и считался «независимым». Тогда оппозиционные партии единодушно приняли решение бойкотировать заседание парламента. Бойкот продолжался больше месяца.

Компартия развернула кампанию сбора подписей под петицией с требованием изгнать Танака из парламента. Местные собрания в 18 городах приняли резолюции такого же содержания. Лозунги борьбы против коррупции в правящей партии заняли важное место в ходе массовых выступлений в день единых действий 21 октября, в которых по всей стране приняло участие свыше 500 тыс. человек.

Даже многие видные деятели ЛДП, включая бывших премьер-министров Мики, Фукуда и Судзуки, высказывались за то, чтобы Танака ради спасения «доброго имени» правящей партии сложил с себя депутатские полномочия. Однако он отказался сделать это.

Чтобы преодолеть кризис, правительству пришлось распустить парламент и провести в декабре 1983 г. досрочные выборы в палату представителей. Они завершились крупным поражением ЛДП, потерявшей 36 депутатских мест. Она получила 250 мандатов, не добившись большинства, что поставило под вопрос способность либерал-демократов сформировать однопартийное правительство.

В неудачном для ЛДП исходе выборов немаловажную роль сыграло «дело Танака», серьезно подорвавшее престиж правящей партии в глазах избирателей. Вместе с тем исход выборов отражал несогласие народных масс с курсом правительства Накасонэ на милитаризацию Японии, на расширение военно-стратегического сотрудничества с Вашингтоном.

Социалистическая партия, которую в сентябре возглавил ее видный деятель Исибаси, получила 113 мест (перед выборами было 101), Комэйто — 59 (было 34), ПДС — 39 (было 31). КПЯ и НЛК потеряли по два депутатских места. Свои три мандата сохранил СДС.

Хотя в рядах правящей партии выдвигались требования отставки Накасонэ, большинство ее видных деятелей предпочло оставить его на своем посту. Правда, премьер-министру пришлось публично признать свою ответственность за неудачу ЛДП на выборах и дать заверение «ликвидировать политическое влияние Танака».

Чтобы обеспечить себе большинство в палате представителей, ЛДП была вынуждена заключить соглашение о сотрудничестве с Новым либеральным клубом. Представитель НЛК был введен в правительство. Это уже было коалиционное правительство, хотя и состоявшее из одних только консервативных партий.

Несмотря на неудачу ЛДП на выборах, правительство Накасонэ продолжило курс на расширение военного сотрудничества с США. Оно согласилось с требованиями США об «обороне» морских коммуникаций на протяжении 1000 миль, о непрерывном повышении военных расходов Японии.

Вместе с тем правительство Накасонэ активно добивалось повышения политической роли Японии в мире, приведения ее в соответствие с укрепившимися позициями страны в мировой экономике. Широкомасштабная экспансия японских монополий привела к тому, что в торговле с большинством стран, за исключением экспортеров нефти, Япония имела крупное и постоянно возрастающее активное сальдо. Исключением не были и самые мощные капиталистические государства — США, западноевропейские страны. В торговле с США, например, активное сальдо Японии составило в 1985 г. 49,7 млрд. долл.

Приток в Японию в результате экспортной экспансии огромных валютных средств позволил ей резко увеличить экспорт капитала, достигший почти 50 млрд. долл. в 1985 г. Занимая третье место по общему объему зарубежных инвестиций после США и Англии, Япония превратилась в «мирового банкира».

Опираясь на возросшую экономическую мощь, правительство Накасонэ выдвинуло лозунг «подведения итогов послевоенной политики», чтобы через 40 лет после поражения Японии во второй мировой войне приступить к ликвидации всех институтов и систем, порожденных этим поражением и связанных с ним. Этот лозунг был нацелен на превращение Японии в военную державу.

Правительство Накасонэ стало добиваться отмены установленного ранее «потолка» военных расходов на уровне 1% валового национального продукта. Оно внесло в парламент проект «закона о государственной тайне», предоставлявшего властям большие полномочия по ограничению свободы печати и т. д. Еще один законопроект предусматривал частичный пересмотр в пользу ЛДП размеров избирательных округов.

А в августе 1984 г. был учрежден временный Совет по реформе образования для подготовки предложений по этой реформе с целью восстановить многие элементы довоенного шовинистического воспитания и обеспечить более широкий контроль ЛДП над процессом образования.

Когда прогрессивное человечество отмечало 40-летие разгрома японского милитаризма, премьер-министр Накасонэ в официальном порядке посетил синтоистский храм Ясукуни, в котором обожествлены японцы, погибшие в агрессивных войнах, развязанных правящей милитаристской кликой, а также главные японские военные преступники, повешенные по приговору Международного военного трибунала в Токио в 1948 г. Эта акция была воспринята и в Японии, и за рубежом как попытка оправдать преступления японского милитаризма и реабилитировать его.

Посещение Накасонэ храма Ясукуни вызвало резкую реакцию со стороны Китая, который осудил это как шаг к возрождению милитаризма в Японии. В ряде китайских городов состоялись антияпонские студенческие демонстрации.

Резкой критике в Японии, причем не только со стороны демократических сил, но и в рядах правящей партии подверглись и другие меры правительства. Многие видные деятели ЛДП, включая бывших премьер-министров, высказались против отмены предела военных расходов — 1% ВВП. Под давлением массового движения в конце 1985 г. были сняты с рассмотрения в парламенте законопроект «о государственной тайне» и о частичном изменении избирательных округов.

Сдвиги в советско-японских отношениях

Правящие круги Японии не могли не сознавать, что политика ограничения связей с Советским Союзом не оправдала себя и нанесла ущерб самой Японии. В условиях обострения торгово-экономических противоречий Японии с США и западноевропейскими странами свертывание торговли с СССР (а она сократилась в 1983 г. более чем на 20% и в 1984 г. — еще почти на 4%) лишь усугубляло трудности, которые переживала японская экономика.

В деловых кругах выражалось недовольство недалеким политикой правительства в отношении СССР. Отражением стремления к развитию взаимовыгодных связей была поездка в Москву в феврале 1983 г. авторитетной японской экономической делегации в составе более 250 человек, включавшей руководителей многих ведущих японских компаний и возглавляв-

шейся президентом торгово-промышленной палаты Японии, председателем Японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству Нагано.

За улучшение отношений с СССР активно выступала японская общественность.

Японское правительство было вынуждено смягчать ограничения на политические контакты. Возобновились прерванные одно время двусторонние консультации на уровне заместителей министров иностранных дел.

С весны 1984 г. Токио стал призывать к «развитию диалога» с СССР. Были возобновлены связи на парламентском уровне. В октябре 1984 г. состоялся визит делегации Верховного Совета СССР в Японию, а в сентябре 1985 г. делегация японского парламента посетила Советский Союз.

В марте 1985 г. в Москве состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с премьер-министром Японии Накасонэ. В ходе этой встречи М. С. Горбачев подчеркнул, что Советский Союз готов развивать взаимовыгодные связи с Японией в различных областях и выступает за придание отношениям между обеими странами добрососедского характера.

В 1986 г. состоялся обмен визитами министров иностранных дел обеих стран. Во время пребывания министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Японии в январе были подписаны соглашение о товарообороте и платежах на период с 1986 по 1990 г. и конвенция об избежании двойного налогообложения. В мае в Москве, куда прибыл министр иностранных дел Японии С. Абэ, было заключено межправительственное соглашение о культурных связях, вступившее в силу в конце 1987 г.

Выступая во Владивостоке 28 июля 1986 г. М. С. Горбачев отметил, что объективное положение Советского Союза и Японии в мире требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого. М. С. Горбачев высказал ряд предложений по развитию сотрудничества между двумя странами в различных областях, выступил с новыми инициативами, направленными на укрепление мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. Эти предложения были с большим интересом восприняты в Японии.

Однако в Японии сохраняли значительное влияние силы, не заинтересованные в улучшении отношений с Советским Союзом. Они развязали в 1987 г. новую недружественную нашей стране кампанию, добились усиления ограничений на торговлю с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Это привело к охлаждению советско-японских отношений. Выравнивание этих отношений в последующем, уже после формирования в ноябре 1987 г. нового правительства во главе с Н. Такэситой, потребовало больших усилий и стало одним из результатов позитивных сдвигов на международной арене в результате активной инициативной, внешней политики СССР.

Культура Японии в 50—60-е годы

Основные тенденции развития

В первые послевоенные годы был издан ряд директив и законов, ликвидирующих прежнюю систему фашистско-бюрократического контроля в области культуры. Были провозглашены основные демократические права и свободы, выпущены из тюрьм прогрессивные деятели культуры, распущены организации интеллигенции, служившей фашистскому режиму. В то же время весь процесс демократизации страны был поставлен под контроль американских оккупационных властей.

Одним из важнейших мероприятий политики демократизации было отделение синтоистской религии от государства. Директива от 15 декабря 1945 г. воспрещала отправление синтоизма как государственного культа и запрещала распространение доктрин синтоизма.

Конституция, провозгласившая свободу религии, ликвидировала прежнее положение императора как «живого бога на земле», оставляя, однако, за ним право исповедовать любую религию. Это привело к сохранению особого положения синтоизма, даже к неофициальному использованию им ореола государственности, поскольку император, уже не будучи первосвященником, продолжал отправлять синтоистский культ.

Большое значение в процессе демократизации имело изменение японской системы просвещения. Были закрыты все военные учреждения Японии и осуществлена переквалификация преподавательского состава с целью устранения из системы образования бывших военнотружеников, а также лиц с шовинистическими настроениями. Одновременно во всех японских школах были запрещены ранее регулярные чтения императорского рескрипта о воспитании, а также преподавание курсов морали и этики. Из учебников истории был изъят начальный, опирающийся на мифологию, период японской истории, запрещено преподавание по старым учебникам истории и географии.

В августе 1946 г. был создан Совет по реформе образования, к началу 1947 г. проведены основные этапы политики преобразования системы просвещения. Новая школьная система охватывала 16 лет обучения (6 лет — начальная школа, сёгакко; 3 года — младшая средняя школа, тэгакко; 3 года — старшая средняя школа, котогакко; 4 года — высшая школа, дайгакко). Бесплатное обязательное обучение продлевалось с 6 до 9 лет, вводилось совместное обучение мальчиков и девочек. Децентрализация управления просвещением привела к передаче права контроля за учебно-школьным процессом специальным выборным комитетам, что ослабило позиции государства в области просвещения.

Главные задачи просвещения были сформулированы в ос-

ном законе о просвещении, предусматривавшем полный просмотр школьных программ довоенного и военного времени.

Политика демократизации содействовала возрождению японской культуры, длительное время находившейся под господством реакционной военщины. 30 декабря 1945 г. в Токио состоялся едительный съезд организации, объединившей демократические силы в области литературы — Общество литературы новой Японии (ОЛНЯ). Среди его инициаторов были известная писательница, талантливая представительница пролетарской литературы Японии Миямото Юрико, писатель и общественный деятель Кита, пролетарский поэт Цубои и др.

Почти одновременно с ОЛНЯ было создано другое литературное объединение прогрессивных литераторов — Послевоенная группа (СЭНГОХА). Для нее было характерно утверждение идеалов гуманизма, однако социальные позиции этих литераторов были весьма расплывчаты, что и определило отсутствие тесной связи их идеалов с целями и задачами демократического движения. Вместе с тем в произведениях писателей, входивших в группу, осуждалась война, показывались страдания «маленького человека», пережившего крушение ложных идеалов ищущего свое место в сложном послевоенном мире (писатели Иина Риндзо, Камбаяси Акацука, Ота Ёко).

Постепенно восстанавливали свою деятельность кино и театр. Однако широкое участие масс в процессе демократизации культурной жизни, не входившее в планы оккупационных властей и правящих кругов Японии, стало толчком к реакционному повороту в политике. Этот курс на ограничение демократических свобод был назван в японской печати «обратным курсом».

В области культуры эта политика означала усиление контроля над различными ее сферами, а также преследование прогрессивных деятелей культуры.

«Чистки красных» обрушились на кинокомпании, прежде всего на «Тохо», выпустившую на экраны фильм «Война и мир», ставший значительным явлением в жизни послевоенной Японии. «Обратный курс» встретил сопротивление уже сложившихся демократических сил в области культуры. Наиболее активными оказались прогрессивные представители японской кинематографии и литературы. Кинематографисты, уволенные из компаний из-за «красных взглядов», образовали независимые киностудии и приступили к выпуску собственных фильмов, положив начало «независимой кинематографии», ставшей одной из самых значительных в национальном, а потом и мировом кино. Успехом независимой компании «Синсэй эйга» стал выпуск фильма «А все-таки мы живем», поставленный прогрессивным режиссером Имаи Тадаси, активным участником довоенного движения за пролетарскую культуру.

Плодотворно работал один из организаторов независимой Ассоциации киноискусства Куросава Акира, создавший в эти годы ряд выдающихся произведений, из которых наиболее известны

ми стали фильмы «Расёмон» по новелле Акутагава Рюноске и «Идиот» по роману Ф. М. Достоевского. Получивший Большой приз на Международном кинофестивале в Венеции «Расёмон» стал важным этапом, ознаменовавшим выход японской кинематографии на международную арену.

В связи с развязанной американской военной войной в Корею особенно важной стала и в кинематографе, и в литературе антивоенная тема. Фильм Имаи Тадаси «До новой встречи» (сценарий по произведению Р. Роллана «Пьер и Люс») и фильм «Слушай голос океана», впервые открыто показавшие ужасы и жестокость войны, получили огромную известность.

Антивоенная тема в литературе была поднята романом известного писателя Исикава Тацудзо «Тростник под ветром», открыто разоблачавшего преступления и жестокость императорской армии, трагическую ситуацию первых послевоенных лет, и произведениями Хотта Ёсио («Одиночество на площади» и др.), поставившими вопрос о моральной ответственности человека и активной борьбе со злом.

Просвещение

50-е годы были для Японии периодом бурного экономического развития и началом научно-технической революции, охватившей все отрасли экономики.

Интенсивная техническая модернизация страны повысила роль образования как базы для подготовки высококвалифицированной рабочей силы. В соответствии с потребностями развития экономики началась структурная перестройка системы образования. Но если в первые послевоенные годы реформа затронула начальную и неполную среднюю школу, то годы развития НТР сделали необходимой перестройку ее средней и высшей ступеней, а также системы профессионального обучения. Подготовка квалифицированных, лояльных специалистов должен был помочь «Закон о содействии промышленному обучению», принятый в 50-е годы под нажимом промышленных кругов. Закон позволил ввести дифференциацию учащихся — одни после окончания школы включались сразу в производственный процесс, существенно пополняя рабочие кадры, другие могли поступать в вузы. Таким образом резко снизилась база общеобразовательной подготовки.

Стремление монополистического капитала максимально использовать сферу образования для воспроизводства технически подготовленной рабочей силы на разных этапах развития японской экономики осуществлялась по одной схеме: сокращение возможностей равного образования, усиление утилитарной трудовой ориентации (в 60-е годы в программе полной средней школы насчитывалось около 400 специальных курсов), ранняя дифференциация, селективность в системе обучения). Стремясь обеспечить экономику не только технически грамотными, но и

орально преданными работниками, правительство в 1962 г. разработало «Программу формирования человека» (Хитодзуку-и), задача которой определялась как «повышение уровня научно-технического образования и усиление нравственного воспитания в целях формирования у молодежи добродетелей и патриотизма, лояльности и оборонного сознания». Разработанная ДП политика в области просвещения провозглашала «необходимость воспитания преданности обществу... повышения производительности труда для собственного счастья и счастья других людей». «Новый патриотизм» послушных и преданных фирме работников был основой, позволяющей объявить целью жизни японца «растворение в работе» и обязанность «вкладывать в нее всю душу».

Подготовка специалистов с высоким уровнем научно-технического образования стала одной из важнейших задач государственной политики. С 1950 по 1960 г. расходы на образование оставили 4,5—5,5 % национального дохода. Быстро увеличивалось число высших учебных заведений, технических колледжей, почти во всех префектурах были созданы университеты. В 1962 г. были основаны новые специальные учебные заведения для одготовки среднего звена технических специалистов — технические колледжи с пятилетним сроком обучения.

Вместе с тем правительство усилило идеологический контроль над просвещением, особенно над школой. В 1953 г. в школе началась «чистка красных» (коммунистов и прогрессивно настроенных преподавателей); учителям, приравненным к служащим государственных учреждений, запрещалось участие в политической деятельности. Ужесточению правительственного контроля служил и новый порядок переаттестации учителей, введенный в 1957 г. и устанавливающий профессиональную пригодность преподавателя в соответствии с анкетой из 160 вопросов. Аттестационная оценка была не только средством давления на преподавателя, но и давала возможность дирекции избавиться от негодных. Реакционный правительственный курс выразился в усилении централизации управления народным образованием, предоставлении министерству просвещения права руководства и контроля над местными органами образования, а также установлении единых для всей страны учебных программ и учебников. Прогрессивная общественность, особенно профсоюз учителей (Никкёсо), развернули активную борьбу против реакционной политики в сфере образования. Однако несмотря на порное сопротивление демократических сил, правительство обилье проведения в жизнь основных положений разработанного им реакционного курса.

Литература и искусство

На развитие литературы 50—60-х годов оказали значительное влияние перемены в социально-политической и экономической

обстановке. Высокие темпы экономического развития и повышение в связи с этим уровня благосостояния населения, «обратный курс» и реакционная политика японского правительства привели к значительному изменению идеологической обстановки в стране. Как никогда ранее, благодаря широко развивающимся средствам массовой информации (масукоми) правительство получило возможность влиять на формирование духовных идеалов японца, воздействовать на общественное мнение. Рост количества газет, факсимильный способ передачи газетного материала, первый в Японии и во всем мире опыт использования фототелеграфной техники для передачи на места текста номеров («Асахи»), увеличение числа газет с вечерними выпусками, а также периодических изданий на английском языке сделали возможным охват разнообразной информацией огромной части населения.

С февраля 1953 г. радиовещательная корпорация Эн-Эйч-Кей начала ежедневные телепередачи, которые с 1957 г. выходят в цвете. С 1950 г. начинается выпуск цветных фильмов, с 1953 г. работает первая коммерческая телестудия «Ниппон тэ-рэби». Прерываемая рекламой программа коммерческих студий состояла из многосерийных японских фильмов.

От литературы в этих условиях требовалась прежде всего занимательность, и отражением этого процесса стал бум «промежуточной литературы», т.е. литературы, представляющей середину между «чистой» и бульварной. Известные представители «промежуточного романа» этих лет — Мацумото Сэйтё (1909) («Стена перед глазами»), писавший в жанре детектива, Ямаока Сохати, автор многих исторических романов, наиболее знаменитым из которых был «Токугава Изясу», повествующий о феодальном диктаторе XVII в. Немало произведений этого жанра используют в качестве привлечения читателей тему секса.

Конец 50-х — начало 60-х годов были отмечены творчеством двух знаменитых мастеров слова — Танидзаки Дзюнитиро и Кавабата Ясунари. Общим для произведений этих писателей являются философское восприятие мира и поиски красоты в человеке, природе, красоты, «спасающей мир». Красота и любовь, соответствие и несоответствие идеалу «моно но аварэ» («очарование вещей») объясняет, согласно точке зрения Кавабаты, тот высочайший миг, когда человек и мир приходят в соприкосновение. В 1967 г. произведения Кавабата Ясунари, его статьи и эссе об искусстве были удостоены Нобелевской премии.

Изменения в общественной жизни 50—60-х годов, настроения неведения молодого поколения в ценности буржуазного мира, ухода от общественной жизни и скептицизма стали темой работ молодых писателей, в том числе Исихара Синтаро. Самым известным его произведением, ярко отразившим жизнь и настроения молодежи, стал «Солнечный сезон», бестселлер, положенный в основу фильма того же названия, имевшего огромный успех. Облик и поведение главного героя (его играл брат

писателя, молодой актер Исихара Юдзиро) стали образцом для подражания молодежи этих лет, которую привлекал протест против фальши и лицемерия окружающего мира. Однако каущийся радикализм как автора «Солнечного сезона», так и «Солнечного племени» (такое название получила эта молодежь) не шел дальше демагогического отрицания буржуазной морали, ретивопоставить которой они могли лишь отсутствие социальных идеалов и жизненной активности, внутреннюю опустошенность и пессимизм.

В начале 50-х годов завоевал популярность молодой писатель Мисима Юкио (1925—1970). Литературные критики оценили его первые произведения как продолжающие тематику Послевоенной группы» (Сэнгоха), остро ставившей социальные вопросы. Однако очень скоро выяснилось другое, по существу, модернистское направление его творчества, с апологией человеческой отчужденности и пессимизма, неверия в активную жизненную позицию человека, возвышения психической уязвимости до утонченности чувств.

Одним из известных произведений этого периода считается «Золотой храм», в котором герой, человек психически неполноценный, сначала преклоняется перед прекрасным произведением архитектуры, затем сжигает его, считая несовместимыми красоту и жизнь.

К 50-м годам относится и начало писательской деятельности одного из наиболее известных писателей послевоенной Японии Абэ Кобо. Произведением, которое сделало его известным, стала сатирическая повесть «Стена», удостоенная литературной премии Акутагава Рюноске. В первой половине 60-х годов он выпускает романы «Женщина в песках», «Чужое лицо», «Сожженная карта», в которых, используя аллерию, притчевую, философскую форму повествования, поднимает вопросы острого социального и нравственного звучания. Место человека в буржуазном обществе и его стремление вырваться из жестокой системы ненавистного, навязанного ему существования, жестокость окружающего мира и проблема отчуждения личности составляют главное направление творчества писателя.

Самым молодым писателем, ставшим известным в 50-е годы, был Оэ Кэндзабуро (род. 1935). Свой первый рассказ он опубликовал в студенческие годы, в 23 года получил премию Акутагава Рюноске.

Художественное познание действительности, раскрытие острых социальных проблем, прежде всего затрагивающих судьбы молодежи в современном мире, характеризует его известные романы «Опоздавшая молодежь» и «Футбол 1860 года». Роман «Опоздавшая молодежь» показывает трагизм последних лет войны и послевоенного периода, оказавших необратимое влияние на формирование духовного мира подростка. «Опоздавшее поколение» — это опутанное националистической пропагандой, утратившее веру в социальную справедливость, обманутое по-

коление. Чрезвычайно сложный по построению роман Оэ «Футбол 1860 года», в котором современные события (борьба против «договора безопасности» 1960 г.) развиваются в тесной связи с прошлым (крестьянское восстание 1860 г.), так же, как и другие произведения Оэ, раскрывает глубокое чувство неуверенности, характерное для всего послевоенного поколения Японии, показывает его размышления о жизни и месте в ней человека.

Таким образом, развитие литературы 50—60-х годов, круг ее тем обнаруживает две тенденции. В 50-х годах герой литературных произведений ненавидит милитаристское прошлое своей страны, хотя и бессилен что-либо изменить в ее развитии. В 60-е годы появляется герой, ищущий свое место в обществе прагматических идеалов и приходящий к одиночеству, отчужденности, духовной опустошенности.

Кино

В развитие кинематографии 50—60-х годов большой вклад внесло «движение независимых». За несколько лет, последовавших за образованием первой независимой компании «Синсэй эйга» (1950), сложилась система независимого проката, свободная от идеологического давления властей и опирающаяся на материальную поддержку зрителей. Это позволило выпускать фильмы, которые по широте и смелости постановки социальных проблем были в корне отличны от ранее выходивших на экраны картин.

К подобным фильмам относятся обличающие войну «Дети атомной бомбы», режиссер Синдо Канэто, и «Хиросима», режиссер Сэкигава Хидэо. Развитие демократического движения, идеи революционного подъема в стране в 20-х годах легли в основу экранизации известной повести пролетарского писателя Кобаяси Такидзи «Краболов», режиссер Ямамура Со, а также фильма «Улица без солнца», режиссер Ямамото Сацуо. Однако во второй половине 50-х годов из-за противодействия крупных кинокомпаний, цензуры, комитета по регулированию морального содержания фильмов независимые кинокомпании одна за другой начинают распадаться, а режиссеры вынуждены возвращаться в крупные компании. На эти годы приходится активная деятельность нескольких прогрессивных режиссеров, в том числе Куросава Акира, Мидзогути Кэндзи, Имаи Тадаси, молодых режиссеров Имамуре Сёхэй (род. 1926), Масумура Ясудзо (род. 1924) и других. Известные фильмы Куросава этого периода — «Жить» (отмечен премией Международного кинофестиваля) — о черноте человеческого долгу, «На дне» по пьесе М. Горького. Фильмы Куросава принесли известность талантливому актеру Мифунэ Тосиро, играющему почти во всех картинах режиссера.

В эти годы ставятся фильмы по произведениям классиков японской литературы.

Мидзогути Кэндзи поставил по произведениям Ихара Сай-

каку два фильма, получивших огромную известность: «Женщины Сайкаку» и «Рассказы Тикамацу». В 1953 г. им была снята по мотивам традиционной литературы лента «Рассказы, навеянные туманной луной после дождя». Все эти фильмы раскрывают тему на основе принципов, характерных для национальной художественной культуры, — концепции национальной эстетики и традиционных приемов художественной выразительности. Эта специфика японских фильмов сделала их чрезвычайно интересными для мировой кинематографии. Фильмы были отмечены международными премиями. Широкий общественный отклик получили фильмы антивоенного содержания. Трагическим судьбам женщин, погибших во время захвата американскими войсками о-ва Сайпан во время второй мировой войны, посвящен фильм режиссера Кусуда Киёси «Последние женщины Сайпана».

Не менее трагична судьба отряда девочек-школьниц, погибших во время военных операций американских войск при взятии о-ва Окинава в 1945 г. Об этом поставлен фильм «Обелиск красных лилий» режиссером Имаи Тадаси.

Огромную известность имела экранизация романа Ном Хиреси «Зона пустоты», осуществленная режиссером Ямамото Сацуо. Фильм показывает японскую военщину и ее нравы, удручающую атмосферу жестокости, превращающую императорскую армию в зону пустоты, в которой не может существовать нормальный человек.

В противовес антивоенным демократическим тенденциям в культуре реакционные силы пытались возродить милитаристские настроения. Этому должен был содействовать выпуск милитаристских военных фильмов, откровенно пытавшихся оправдать и даже прославить как героев представителей японской военщины. В фильме «Трагедия полководца Ямасита Томобути» героем был генерал Ямасита, популярность которого выражал своеобразный титул «малайский тигр». Несколько фильмов было посвящено видному деятелю японских военных кругов, маршалу Ямамото Исороку — «Орел Тихого океана» и «Бог войны маршал Ямамото Исороку и соединенная эскадра». Финансовая поддержка Управления национальной обороны позволяла выпускать цветные зрелищные фильмы-колоссы, рассчитанные на широкую аудиторию.

Японские кинематографисты ставят в эти годы много фильмов. Известными режиссерами и актерами были основаны самостоятельные фирмы («кинофирмы звезд», «старпродакшэн» или «стар-про») — «Куросава-про», «Исихара-про», «Мифунэ-про» и др. Число фильмов с 215 в 1950 г. возрастает до 547 в 1960 г. Однако с начала 60-х годов позиции киноиндустрии начинают сильно ущемляться развивающимся телевидением.

Тем не менее в эти годы выходят наиболее известные фильмы талантливых режиссеров, такие, как картины режиссера Тэсигахара Хиреси, экранизовавшего несколько романов Абэ Кобо — «Западня», «Женщина в песках», «Чужое лицо» и «Сож-

женная карта». Все эти фильмы используют один композиционный прием — реальная картина действительности подается через призму философской притчи. Это и действия убитого профсоюзного лидера, ставшего духом и как бы со стороны наблюдающего кипящий противоречиями мир живых («Западня»), и человек с его вечными проблемами поиска смысла жизни, взаимоотношений с обществом и определения в нем собственной позиции («Женщина в песках», «Чужое лицо»).

С гуманистических позиций снята Куросава историко-художественная лента «Красная борода». Огромную известность в это время приобретали фильмы, поднимавшие острые социальные проблемы. Так, фильм Имаи Тадаси «Повесть о жестокости бусидо» развенчивает миф об уникальности отношений между сюзереном и вассалом, зафиксированных в кодексе самурайской чести — бусидо. Он раскрывает беспрецедентный цинизм и жестокость военщины, возрождавшей во время второй мировой войны феодальную самурайскую мораль, которая стала основой фанатизма и принесения в жертву как в армии, так и в тылу тысяч жизней молодых японцев.

Театр

50—60-е годы для театрального искусства были периодом значительной перестройки. После длительного периода трудностей театр Ноо вступил в полосу резкого увеличения числа театральных постановок, вызванного снятием цензурных ограничений со стороны оккупационных властей. Укрепление позиций театра произошло в связи с возникшей в общественной жизни страны тенденцией повышенного внимания к национальной культурной традиции (классическому театру, литературе, прикладному искусству, чайной церемонии, икэбана, бонсай и т. д.).

С 1955 г. вступил в силу Закон об охране культурных ценностей, в соответствии с которым театр Ноо был отнесен к «важным духовным ценностям». Почетного звания «человек — национальная ценность» («Нингэн кокухо») были удостоены старейшие талантливые актеры Ноо, Кабуки, Бунраку. Вместе с тем классические театры впервые в их истории предприняли попытку отказаться от традиционных пьес и создать новые тексты на современном языке. В театре Ноо была поставлена пьеса «Записки Тизко», а в Кабуки — инсценировка классического романа «Повесть о принце Гэндзи». Кукольный театр дзёрури Бунракудза (две его труппы «Тинамикай» и «Мицувакай») восстановил постановку классических пьес и произведений западной драматургии.

С 1963 г. Бунракудза был переименован в «Асахидза», и весь театр (труппа и ее искусство) был объявлен «важной культурной ценностью», находящейся под покровительством государства.

Изменилась обстановка и в новом театре (сингэки), его труппы Хайюдза и Бунгакудза широко обращаются к мировой драматур-

гии. С середины 50-х до начала 60-х годов Хайюдза были поставлены пьесы: «Лисистрата» Аристофана, «Три сестры», «Вишневый сад» Чехова, «Тартюф» Мольера, «Трехгрошовая опера» Брехта. Из пьес японских драматургов интерес вызвало произведение Абэ Кобо «Призрак среди нас» — о судьбе бывших солдат в послевоенной Японии.

Труппа Бунгакудзе наряду с японскими пьесами ставила и авангардистские пьесы европейского театра («Носорог» Ионеску).

В 1947—1950 гг. в Японии появляются первые оперные труппы, целью которых была пропаганда оперного искусства и создание национальной оперы. С европейским балетом японцы познакомились лишь в 1922 г., во время гастролей русской балерины Анны Павловой. Затем были попытки организовать национальную школу балета. В 1958 г. создана балетная ассоциация, ставящая целью объединение различных балетных трупп и помощь им в постановке спектаклей.

В 50-е годы развернулось массовое демократическое движение хоровых коллективов «Поющие голоса Японии». В движении, участники которого занимались распространением национальной музыки и песенного искусства в массах, участвовало более миллиона человек. Оно было возглавлено певицей Сэки Акико, за свою деятельность удостоенной Международной Ленинской премии Мира.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство Японии послевоенного периода отражало переплетение разных факторов: влияние американской буржуазной культуры, насаждаемой оккупационными властями, и борьбу демократических и реакционных тенденций в национальной культуре. Менее всего было затронуто иностранным влиянием и сохранило связь с национальной художественной традицией искусство гравюры.

В 1949 г. прогрессивные мастера гравюры создают организацию, которая выдвигает лозунг «японской народной гравюры» (дзиммин ханга). «Общество японской гравюры» объединило художников-реалистов, основным направлением работ которых стала социальная тематика. Ядро общества составили художники Уэно Макото, Судзуки Кэндзи, Такидайра Дзиро, Нии Хирохава, Иино Нобуя. Особенно активно работал Оно Тадасигэ, выступающий не только как художник, но и как критик, искусствовед, один из крупнейших специалистов по истории гравюры. Широко известны его работы «Черный дождь» и гравюры, посвященные Хиросиме: «Хиросима», «Воды Хиросимы».

Многие японские художники отражают в своих произведениях антивоенные настроения. Таковы черно-белые листы серии «Миру—мир» художника Судзуки Кэндзи. 57 гравюр одна за другой развивают сюжет во времени, в них очевидно заимствование формы живописных свитков «эмаки», распространенных в дешевых массо-

вых изданиях, близких и понятных людям из народа. Известна также серия гравюр Судзуки «Ниидзима», в которых показана борьба японцев, развернувшаяся на этом острове против строительства американских баз.

Большим мастерством и высоким идейным содержанием отличаются работы крупного художника-графика Уэно Макото. Его работы посвящены трудовому человеку Японии. В гравюрах «Материнская любовь», «Жажда», «Старик нищий» показана нелегкая жизнь тружеников, задавленных нуждой. В 1962 г. он завершил серию из семнадцати гравюр, посвященных жертвам атомной бомбардировки Нагасаки. За эти работы художник получил премию Всемирного Совета Мира.

Архитектура

Развитие послевоенной японской архитектуры шло сложными и неоднозначными путями. В годы войны был разрушен жилищный фонд почти всех крупных городов Японии — уничтожено около 3,5 млн. зданий, 4,2 млн. человек остались без крова. Поэтому особенно сложной оказалась проблема жилищного строительства. Правительство не имело плана разрешения жилищного кризиса, так же как и общей градостроительной программы, строительство велось стихийно, без учета потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня города. Лишь со второй половины 50-х годов началось широкое жилое строительство. Разрешению жилищного кризиса должно было содействовать строительство микрорайонов (данти) с многоквартирными жилыми домами. Для них сносились традиционные деревянные жилые кварталы или дома возводились на городских окраинах. Квартиры в четырех-пятиэтажных домах (апато) этих районов имели «западный» тип планировки и интерьера. Жилое строительство использовало новые индустриальные методы и нетрадиционные материалы (бетон) и повторяло схемы западноевропейского или американского строительства.

Но даже такое малокомфортабельное (отсутствие лифта, мусоропровода и пр.), непритязательного эстетического облика строительство было доступно только среднеобеспеченным японцам. Большую часть жилого фонда города составляли деревянные дома традиционного строительства (без ванн, кухонь и нередко без канализации).

Жилищная проблема еще более усугубилась в 60-е годы, когда высокие темпы роста экономики, интенсивное строительство промышленных предприятий вызвали фактически неконтролируемую урбанизацию страны. Индустриальное поточное строительство четырех-пятиэтажных зданий, которое рассматривалось как временная мера в городском строительстве первых послевоенных лет, стало главным направлением в разрешении жилищной проблемы.

В то же время уже с начала 50-х годов, прежде всего в крупных, а потом и провинциальных центрах, началось массовое строи-

тельство зданий общественного назначения. Одним из стимулов к этому явился Закон о социальном образовании (1948), призванный усилить идеологический контроль над воспитанием молодежи и предусматривающий строительство культурных и молодежных центров. В 60-х годах широкое распространение получила практика сооружения в городах с населением свыше 100 тыс. человек культурных общественных центров (бунка кайкан). Они предназначались для театральных и концертных выступлений, занятий различных кружков, художественных выставок. К концу 60-х годов 124 города страны имели такие культурные центры. Кроме того, муниципалитетами и префектуральными организациями строились спортивные комплексы, концертные залы, музеи, библиотеки, деловые и торговые центры.

50—60-е годы стали для японского градостроительства периодом поиска наиболее рациональных форм и методов реконструкции города, в значительной мере сохранившего черты феодального наследия — деревянный жилой фонд, лишенный бытовых удобств, запутанность узких улиц, отсутствие активной связи городского пространства с региональной системой коммуникаций.

Перед архитектурой этих лет стояли те же, что и в предвоенные годы, проблемы: совмещение нескольких начал — традиционного и современного, интернационального и национального. Именно строительство общественных зданий позволило японским архитекторам уже к началу 60-х годов достичь своеобразного воплощения элементов национальной художественной традиции в сооружениях, использующих современные материалы и архитектурные достижения Запада. Здания с железобетонным каркасом, воспроизводившие принципы функционализма, были в то же время по эстетическому облику и системе конструкций близки национальному дому — его каркасной структуре с несущими стенами. Связь интерьера с окружающим пространством, которая в национальной архитектуре осуществлялась с помощью раздвижных стен, теперь достигалась через большие поверхности остекления. Чистота форм, строгость пропорций, четкая линейность силуэтов, ярко выраженная функциональность, гармоническое соединение интернационального и национального стали характерными чертами творчества японских архитекторов этих лет. Ведущую группу архитекторов составили архитекторы старшего поколения Маэкава Кунио, Сакакура Дзюндзо, Танигути Ёсиро, Того Мурано и более молодые архитекторы Тангэ Кэндзо, Отака Масато, Отани Сатио, Ёкояма Кимио.

В эти годы были созданы такие известные сооружения, как Музей современного искусства в Камакура (архитектор Сакакура Дзюндзо), комплекс сооружений в мемориальном Парке мира в Хиросиме (Тангэ Кэндзо), Национальный музей науки в Токио (Танигути Ёсиро), библиотека и концертный зал в Иокогама (Маэкава Кунио).

Внимание японской и мировой архитектурной общественности привлекли работы Тангэ Кэндзо, осуществленные в период подго-

товки к Олимпийским играм 1964 г., — спортивный центр в Ёёги, а также комплекс в Комадзава, где наряду с проектированием зданий был использован принцип традиционной ландшафтной архитектуры. Строительство в Токио периода подготовки к Олимпийским играм стимулировало реконструкцию всего района между Токио и Осака — строительство городских и региональных автомагистралей, спортивных комплексов, отелей, в частности Окура и Нью-Отани — семнадцатизажного, первого высотного антисейсмического сооружения. Были также построены скоростная железная монорельсовая дорога, скоростная автострада и другие объекты.

Высокий технический и художественный уровень этих сооружений свидетельствовал о создании в Японии самобытной архитектурной школы, ставшей значительным явлением мировой культуры. Однако строительство отдельных уникальных по архитектуре сооружений не могло стать методом разрешения в целом ни социальных, ни архитектурных, ни градостроительных проблем. Художественная значимость таких сооружений проигрывала от строительства их в гуще хаотической деревянной застройки. Это было прямым следствием отсутствия единого градостроения.

Все это стало поводом для обращения архитекторов к теоретической разработке проблем градостроительства. В 1960 г. на международной конференции в Токио молодые архитекторы Кикутаке Киёнари, Отака Масато, Маки Фумихико, Курокава Кисё и архитектурный критик Нобору Кувадзоэ создали группу метаболистов¹. Была сформулирована теоретическая платформа нового архитектурного направления, которое рассматривало весь город и каждое отдельное здание как живой, развивающийся организм. Наиболее важной частью теории считалась идея незавершенности, «открытости» структур (здания или города), готовности их к дальнейшему развитию. Исходя из этих принципов Тангэ, присоединившийся к этим архитекторам, предложил в качестве единой для всех городов системы пространственной организации «метаболистическое дерево». Борьбу со стихийно расплзающимся городом, с хаотичностью застройки Тангэ предполагал начать с организации четко построенной транспортной системы, вдоль которой концентрировались бы жилые кварталы. Вместо классической прямоугольной сетки улиц или их радиального расположения организующим началом города становился «ствол» — несколько параллельно идущих крупных транспортных артерий, переходящих в региональную систему связи. Стабильной, долговременной структурой являлся транспортный скелет города, все остальное — жилые кварталы, отдельные здания были элементами недолговечными, изменяемыми и заменяемыми, как листья на дереве.

Попыткой реализовать градостроительную часть программы метаболизма был «План перестройки Токио» (1960) Тангэ Кэндзо, в котором, используя идею транспортного «ствола», он предпола-

¹ От греческого слова «метаболе» — перемена.

гал осуществить реконструкцию застройки столицы. С помощью «ствола», продолженного в бухту, вокруг которого размещались платформы с жилыми кварталами на сваях, вбитых в морское дно, архитектор проектировал разрешить жилищный кризис Токио, переселив в «город на воде» около 5 млн. человек. В 1962 г. Кикутакэ Киёнори также предложил проект морского города на искусственно созданных платформах. В те годы подобные проекты, рассчитанные на высокий технический потенциал и крупные денежные затраты, были восприняты как утопические.

Решение архитектурной задачи в духе метаболизма на примере отдельного здания Тангэ воплотил в проектировании и строительстве Центра прессы и радикоммуникаций в городе Кофу. Огромное здание, в котором все системы инженерного обслуживания введены в полые железобетонные колонны, имитирующие единый мощный ствол, по облику действительно напоминает «растущую» метаболистическую «древесную» структуру. Все здание в целом обладает незавершенностью композиции и по мере необходимости может быть расширено за счет «роста» ствола вверх и наращивания «сучьев» и «листьев» — этажей.

С начала 60-х годов в японской архитектуре происходят стилистические изменения, связанные с появлением новых материалов, в частности монолитного бетона. В отличие от легких каркасных конструкций 50-х годов с большими поверхностями остекления появились здания с глухими поверхностями, криволинейными очертаниями, в которых использование национальной традиции выражалось не в визуальном сходстве (легкости и открытости), а в ассоциациях с пластической выразительностью масс древних сооружений. Это был отход от идей функционализма к движению за индивидуализацию в проектировании. Движение было возглавлено молодыми тогда архитекторами Кикутакэ, Отани, Маки, Хара и др. Воплощением идей этого направления являлись многие строившиеся в это время культурные центры. Особенно выразительным произведением архитектуры является Международный конференц-зал в Киото, архитектор Отани (1966). Не имеющий прямых заимствований из арсенала архитектуры прошлого, он по общей эстетике облика, мощным формам и типу организации внутреннего и внешнего пространства представляет собой шедевр национальной архитектуры, символ культурной преемственности поколений.

Подготовка к международным Олимпийским играм 1964 г., в целом имевшая большое значение для развития архитектуры и градостроительства, стала не только стимулом к обширным работам по реконструкции столицы и всего района между Токио и Осака, но и началом совершенно нового этапа в истории строительства на Японских островах — сооружения высотных зданий. В этот период в Японии впервые был отменен лимит высоты в 31 м, существовавший ранее, и в Токио построена семнадцатизэтажная гостиница Нью-Отани. Появление новых материалов и разработка новых конструкций позволили проектировщикам пе-

рейты к строительству небоскребов. Первый был построен в 1968 г. в Токийском районе Касумигасэки (36 этажей, 147 м высоты). В этом сооружении японские архитекторы впервые отказались от принципа значительного заглубления и увеличения массивности опорной плиты. Она была погружена в землю лишь на 18 м, а устойчивость здания, проверенная в моделях на стендах, достигалась за счет облегчения каркаса и покрытия стен — стенные панели были изготовлены из легкого пенобетона.

Через несколько лет были построены здания Фудзи-фильм (высота 79 м), отель Кэйо-Плаза (высота 70 м), здание фирмы Сумитомо (52 этажа).

Высотное строительство внесло кардинальное изменение в общий силуэт городской застройки и стало важным этапом в реконструкции японского города и решении градостроительных проблем в целом. Высотные здания, как правило, сооружались в деловых районах города и не содействовали разрешению жилищной проблемы, в них размещались административный, управленческий аппарат, помещения фирм, банки и прочие учреждения.

Первый этап высотного строительства был связан с планами реконструкции двух столичных районов — Синдзюку и Икэбукуро, где муниципалитетом была выкуплена земля у частных владельцев.

Важным направлением реконструкции стало и развитие подземного строительства, которое дало дополнительную обширную площадь перегруженному японскому городу. Первая очередь крупномасштабного подземного строительства (1964) была запланирована при реконструкции столичных районов Синдзюку, Сибуя, Икэбукуро. Затем в Осака и других крупных городах началось размещение под землей торговых и зрелищных заведений. Подземные кварталы соединялись эскалаторами со станциями метро и электричек, холлами универмагов и вестибюлями общественных зданий, наземными площадями и улицами. В будущем предполагалось размещать в подземном пространстве библиотеки, фонотеки, выставочные залы, службы справочного характера и т. д.

В середине 60-х годов продолжающаяся урбанизация, особенно в центральном районе о-ва Хонсю, привела к стихийному распространению и слиянию городов в зоне между Токио и Осака. Группа архитекторов во главе с Тангэ выступила с проектом разрешения кризисной ситуации в градостроительстве, в основу которого была вновь положена метаболистическая идея транспортного «стволо». Архитекторы предложили план создания между Осака и Токио грандиозного городского образования — мегалополиса, объединяющего все большие и малые города этого района. Железнодорожные линии, скоростные магистрали, монорельсовая дорога (метро будущего города) должны были стать тем транспортным костяком огромного урбанизированного массива, «общественной осью», на основе которой может сформироваться самый большой в мире город с 90-миллионным населением. Формирование так называемого мегалополиса Токайдо было намечено на 1985 — 2000 гг.

Культура Японии в 70—80-е годы

середине 60-х годов Япония превратилась в одну из сильнейших экономически развитых стран капиталистического мира. Экономические успехи Японии были использованы правительством для провозглашения программы создания «общества всеобщего благоденствия». Идеи национализма и национальной исключительности становятся основой идеологической обработки населения, активного наступления на демократическое движение.

В области культуры важную роль начинает играть разностороннее и долговременное планирование, разработкой которого с 1968 г. занималось Управление по делам культуры. Политика в области культуры прежде всего предполагала установление контроля над всеми ее сферами.

Просвещение

В начале 70-х годов изменение социально-экономической обстановки, правительственный курс на развитие наукоемких отраслей промышленности, отражавший развитие НТР в Японии, а также программа формирования «информационного общества» обусловили необходимость пересмотра системы просвещения.

Был подготовлен проект реформы, по которому предусматривалось экспериментальное введение в ряде школ новой системы начального и среднего образования. Вместо прежних сроков обучения 6—3—3 предлагались новые: 4—4—6. В школе для младшего возраста обучались дети с 4 до 8 лет, в начальной школе — с 8 до 12 лет, в средней школе — с 12 до 18 лет. Сущность нововведений в системе образования заключалась в ранней дифференциации обучения на основе выявления тестированием «способных» и «неспособных» учеников и организации групп в соответствии с выявленными способностями. Подобная дифференциация означала, что в 12-летнем возрасте ребенок должен был определить свою будущую профессию. Стратегия промышленных кругов на «интеллектуализацию производства», возникшая потребность в профессиональной мобильности и многоплановой деятельности рабочего, обусловленные развитием НТР, привели к изменению целей обучения школьника, его допрофессиональной подготовки. Основой школьного обучения становится комплексное действие трех звеньев: трудовой подготовки, формирования моральной, психологической подготовленности к труду и профориентации.

Однако новая реформа не только вводила раннюю дифферен-

циацию обучения на раннем этапе

образования благодаря так называемым гибким учебным планам. «Гибкость» подразумевала возможность замены общеобразовательных обязательных предметов специальными, профессиональными. Таким образом, в условиях капиталистической страны реформа предполагала еще более резкое разделение уровней школьной подготовки для элиты и малообеспеченных слоев населения, сокращение школ, дающих полное среднее образование. В то же время формировалась группа престижных школ, обеспечивающих своим выпускникам поступление в элитарные университеты.

Проект реформы образования широко обсуждался в стране. Демократическая общественность выступила с его резкой критикой. Японский профсоюз учителей, требующий создания такой системы просвещения, которая бы содействовала формированию всесторонне развитой личности, указал на опасность установления над школой контроля со стороны буржуазного государства. Но наиболее острой критике подверглось положение проекта о дифференциации обучения — оно квалифицировалось как откровенное приспособление школы к нуждам экономического развития.

Реформа системы просвещения предполагала значительные изменения и в системе высшего образования. Важное значение придавалось ускоренной профессиональной специализации студента. Благодаря приобретению в укороченные сроки зачетов (кредитов) значительно сокращался период обучения, и тем самым выполнялся социальный заказ монополий. В наикратчайшее время они получали высококвалифицированную и конформистски настроенную рабочую силу (вследствие интенсификации обучения для студента становилось невозможным участие в студенческом движении и политической жизни страны).

Развитие НТР вызвало потребность в подготовке значительного числа специалистов по вычислительной технике. В 1972 г. Совет по обучению методам обработки информации объявил о создании во всех вузах центров обучения методам и навыкам работы с ЭВМ. Таким образом, овладение методами обработки информации было объявлено необходимым для любой специальности, она становилась элементом общего образования, звеном в подготовке страны к «эпохе информации».

Первым объектом перестройки высшего образования должен был стать созданный в 1969 г. на базе Токийского педагогического института университет Цукуба (город, расположенный в 60 км к северо-западу от Токио). Организация университета на принципах «рационализации» учебного процесса с тестируемыми «выявлением способностей», с упразднением университетского самоуправления и централизацией управления вызвали критическую оценку демократической общественности, оценившей проект реорганизации высшего образования как нарушение конституционных свобод. Контроль над деятельностью частных университетов был установлен при помощи политики финансирования. Несмотря на многочисленные протесты демократических слоев населения реформа системы просвещения в большинстве своих аспектов

вступила в силу. В 1974 г. были начаты эксперименты по раннему обучению (с 4-летнего возраста), введены изменения в программах и слияние младшей и старшей средней школы в шестигодичный курс. С 1974 г. началось обучение в новом университете Цукуба. Было принято решение создать на базе этого города научный и учебный центр, куда предполагалось перевести из столицы значительное количество вузов и научно-исследовательских учреждений. В 1985 г. Цукуба стал местом проведения Всемирной выставки ЭКСПО-85.

Перестройка системы просвещения осуществлялась комплексно, одновременно с моральным и социальным воспитанием, идейной основой которого была провозглашена феодальная философия группы и ориентация на сохранение и совершенствование «традиционных качеств личности». В качестве конкретной программы использовался «Императорский рескрипт о воспитании», в первые послевоенные годы признанный парламентом как не соответствующий целям и духу демократизации страны. В 1966 г. в обстановке пропагандистской шумихи был опубликован проект «Программы формирования желательного образа человека», в котором были сформулированы черты «идеального японца», члена семьи и общества. Программа, подчеркивающая «надклассовый характер моральных качеств идеального японца», преподносилась как теоретическая база идеологического воспитания молодого поколения.

Несмотря на возмущение и протесты общественности, идеи моральной и социальной консолидации нации активно насаждаются в общественной жизни, в сфере культуры современной Японии. Важное место в реализации этого правительственного курса принадлежит городским общественным центрам, занимающимся воспитанием молодежи, и молодежным центрам, работа которых призвана повысить культурный уровень и физическую подготовку молодежи.

Литература

Конец 60-х — начало 70-х годов были временами заметного влияния на японскую литературу творчества писателей, получивших известность как «третьи новые», или «третье послевоенное поколение». К ним относятся Ясуока Сётаро, Ёсиюки Дзюнноскэ, Эндо Сюсаку, Кодзима Нобуо и др. Название «третьи новые» должно было подчеркивать не столько преемственность, сколько новые позиции в оценке окружающей действительности. Если расцвет деятельности предшествующих писателей совпал с послевоенной демократизацией страны и центральной темой их творчества был социальный роман, то для «третьих новых» типичен отход от масштабных проблем, сосредоточенность на внутреннем мире, проблемах «маленького человека». Об этом повести и новеллы Ясуока Сётаро «Хрустальные башмачки», «Дезертирство», «Дурная компания», в которых показан «слабый» человек, «чужой» в обществе, не способный к социальной активности, аутсайдер

Вместе с тем для произведений Ясуока Сётаро, Кодзима Нобуо, Эндо Сюсаку характерна также и критическая оценка социальной действительности современной Японии. Так, в произведениях Кодзима Нобуо «Винтовка», «Американская школа» раскрываются причины «слабости» «маленького человека». «Слабость» — его оружие, нежелание, неспособность стать сильным и жестоким — противопоставляется автором культу торжествующей силы и раскрывается как гарантия человечности, как своеобразный социальный протест.

В 60-е — первой половине 70-х годов одной из самых значительных тем в японской литературе становится тема социального отчуждения человека, характерного для капиталистического мира.

Трагическая тема одиночества особенно тревожно начинает звучать на фоне социальной обстановки, с одной стороны, отражающей экономическое усиление страны, промышленный бум и научно-техническую революцию, т. е. все то, что привело к повышению жизненных стандартов, с другой — кризис нравственно-психологической атмосферы капиталистического общества с нарастанием духа эгоизма, равнодушия, бездуховности.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов выходит несколько произведений Абэ Кобо — «Друзья», «Человек, превратившийся в палку», «Человек-ящик». Сложная манера повествования писателя, использующего и философскую притчу, и принцип изображения не самой жизни, а только ее глубинной сути, отражающейся в судьбах героев, позволяет создать и показать через абсурдные ситуации мир страха и неуверенности, духовной разобщенности и отсутствия надежды.

Поколение писателей, следующее за «третьими новыми» (70-е — начало 80-х годов), начавшее свой творческий путь в эпоху НТР, обнаружило еще большую отстраненность от значительных социальных проблем. Ему свойственно обращение к скрупулезным исследованиям внутреннего мира человека. Не случайно эти писатели были названы «найко но сэдай» («интроверты»), т. е. поколение, обращенное в себя.

Но даже выдвигая на первое место проблемы исследования мироощущения человека, «интроверты» не могли уйти от анализа первопричины этого явления — социальных и экономических условий существования личности в капиталистическом обществе. Появилось целое направление, так называемая литература многоквартирных домов, описывающая жизнь японца, мигрировавшего из провинции в город в годы высоких темпов роста экономики. Лишенный прежнего социального окружения, словно растение с вырванными корнями, он переживает в многоэтажном доме глубокий душевный кризис, не в состоянии постичь причины его возникновения. «Обращенность в себя», таким образом, становится выходом на социальную тематику — показом одного из последствий многопланового процесса урбанизации.

В то же время обращение к социальной тематике было характерно для демократического направления в литературе. Одной из глав-

их тем по-прежнему остается тема войны — проблема ответственности за бедствия, обрушившиеся на миллионы людей, последствия ошной бомбардировки, отношение к войне во Вьетнаме. Эти проблемы поднимаются в романе Арима Ёритика «Передавший письмо умершего друга», в антимилитаристском произведении известного писателя Оока Сёхэй «Военные записки с острова Янтё», в очерках Кубота Сэй «Сражающийся Вьетнам».

Так же как и раньше, прогрессивные писатели уделяют значительное внимание теме рабочего класса, особенно изменению его положения под влиянием научно-технической революции. Проблеме техники и человека в условиях капиталистической рационализации посвящен роман Киносита Дзюндзи «Бесконечные улыбки». Картину жизни современной Японии во всем ее многообразии и разительном отличии от пропагандистского преподнесения «общества всеобщего благоденствия» (муниципальные выборы, полное страданий существование городских низов) показывают романы Накадзато Кисё «Недолгий сон» и Фукудзава Ситиро «Жизнь простого человека».

Со второй половины 60-х — начала 70-х годов официальной государственной политикой в области культуры становится поощрение национальных видов искусства. Этому содействовала широкая идеологическая кампания, рекламирующая Японию как государство «народного капитализма» и «всеобщего благосостояния». Пропагандистский бум, представляющий японскую действительность как идеальную «модель», в том числе и в сфере культуры, особенно усилился после торжественного празднования в 1968 г. столетия «Мэйдзи исин». Стремление подчеркнуть «уникальность» всего японского стало поощряться во всех областях культуры. Националистическими кругами, официальной критикой был окружен ореолом восхищения Кавабата Ясунари, сложное и противоречивое творчество которого преподносилось как исключительно прославляющее специфическое японское видение мира и понимание красоты. Получение им Нобелевской премии было истолковано националистическими силами как дополнительное подтверждение признания исключительности японской культуры.

Откровенная пропаганда японизма и милитаризма становится важнейшей частью творчества Мисима Юкио. Занимаясь в 50-х годах современной интерпретацией классических образцов пьес драматурга Ноо, он и тогда стремился представить японскую историю и культуру как образец уникальных высот человеческого духа. В середине 60-х годов он открыто прославлял самурайские области и требовал возрождения божественности императора как фетиша для поклонения новых поколений японцев (эссе «Солнце и железо»). Его попытки философского обоснования избранности нации привели к признанию идей гитлеризма (пьеса «Мой брат Гитлер»). Однако не удовлетворившись пропагандой взглядов японизма и милитаризма, Мисима создал на собственные средства ультраправую военизированную организацию «Общество чиста». В ноябре 1970 г. Мисима пытался, используя войска национальной

самообороны, совершить военный путч. Не получив поддержки, он совершил самоубийство традиционным способом — сэппуку.

Театр и кино

Конец 60-х — 70-е годы — это период расцвета театра в Японии, и в особенности традиционного театра. В 1966 г. открылся первый в истории театрального искусства Государственный театр, что представляло собой значительное явление в развитии культурной жизни страны. Театр, оснащенный на уровне новейших технических достижений в области театрального дела, предназначен для традиционных видов зрелищного искусства. Театр используется также для представлений родившихся в послеэмэйдзийский период новых национальных театральных жанров (симпа и синкокугэки). Они возникли как промежуточное явление между традиционным и новыми стилями, отражающими влияние европейского театра. В 1972 г. начались представления симпа, в 1975 г. был поставлен первый спектакль развлекательного жанра синкокугэки.

Театр также начал деятельность по пропаганде традиционного искусства в стране и за рубежом. В 1969 г. впервые в истории театра Кабуки была создана двухгодичная школа подготовки молодых актеров. Одновременно началась популяризация народного искусства Японии — на сцене театра регулярно устраивались концерты коллективов танцевального, кукольного искусства провинций.

Политика поощрения национальных видов культуры содействовала активной деятельности кукольного театра, дальнейшему развитию жанра дзёрури. Но особенно благотворно она повлияла на положение театра Ноо, олицетворяющего официальный традиционализм в японском театральном искусстве. Во второй половине 70-х годов в стране работало более 50 сцен для представлений Ноо. Театр принимал активное участие в праздновании столетия реставрации императорской власти.

Новым для театральной атмосферы 60—70-х годов было возникновение движения малых театров, создание микротеатров современной драмы (Сингэки). Экономические трудности, расколы крупных коллективов стали причиной возникновения малых театральных трупп, работающих в непригодных для зрелищного искусства помещениях — подвалах, маленьких на 50—80 мест залах. Содержа театр на собственные средства, труппа приобретала свободу выбора репертуара: ставятся современные пьесы японских авторов и авангардистские западные произведения.

Наряду с мини-театрами существует самый крупный в стране театр сингэки Ниссэй гэкидзё.

Танцевальное искусство Японии сохраняет возникшее в послеэмэйдзийский период деление на традиционное — буё и европейское — балет. Вышедший из традиционного театра и начавший самостоятельное существование буё в 60—70-е годы вступил в период особого поощрения. В 1962 г. была организована Школа

онского танца, выпускники которой регулярно принимают участие в праздниках искусств.

Развитию балета, устройству с 1963 г. ежегодных фестивалей этого искусства содействует Японская балетная ассоциация, созданная еще в 1958 г. В 1960 г. в Токио начала работать балетная кола им. Чайковского, созданная под руководством советских летмейстеров. Ее выпускники стали создателями и актерами летной труппы «Токио балет». Представители японского балетно-искусства участвуют в международных конкурсах и гастрольных поездках по стране и за рубежом. С 60-х годов в Японии регулярно походят гастрольные зарубежные балетные коллективы, в том числе советских.

В эти годы продолжает развиваться также и опера, жанр, возникший в стране гораздо раньше, чем балет. В 70-х — начале 80-х годов государственные организации культуры стали уделять значительное внимание развитию нетрадиционных искусств — оперы, балета и симфонической музыки.

Для японского кино 60-е — начало 70-х годов были тяжелым временем. Конкуренция телевидения, трудности финансового положения киностудий, низкий уровень фильмов и резкое сокращение их выпуска подтолкнули крупные компании в целях сохранения прибылей к производству примитивных фильмов, рассчитанных на низменные инстинкты зрителя. Так, после длительной злославы самурайских фильмов японский экран заполнили киноленты о бандитах, преступниках-вымогателях, гангстерских синдикатах, так называемые фильмы о гангстерах («якудза-эйга»). Они должны были конкурировать с зарубежными фильмами ужасов, пугающими в Японии. Однако общее положение кинокомпаний осложнялось начавшимся с наступлением периода НТР так называемым бумом досуга. Ухудшение условий жизни, вызванное интенсивным темпом урбанизации, все усиливающаяся интенсификация интеллектуального и физического труда требовали иных, чем ранее, условий восстановления рабочей силы. Программы организации свободного времени стали для монополистического капитала не только возможностью получения высоких прибылей в сфере индустрии досуга, но и средством идеологической обработки, способом отвлечения трудящихся от политической борьбы. В этот период большим вниманием стали пользоваться активные виды отдыха — туризм, лыжи, коньки, плавание и другие, в то время как к посещению театров, кино интерес резко упал. Крупные кинокомпании начали вкладывать капитал в промышленность развлечений — казино, клубы, рестораны, торговые центры и т. д., а с другой стороны — сотрудничать с фирмами «независимых», «фирмами звезд». Фирмы «Тоэй», «Тохо», «Сётику» делали совместные киноленты с «независимыми», ставшими к концу 70-х годов важнейшим направлением в японском кинематографе. Так, фирмой «Мифунэ-ро» — «Тохо» был выпущен в 1967 г. исторический фильм «Восставший».

Совместная работа Мифунэ с «Исихара-про» «Солнце над

Куробэ» посвящена реальным трагическим событиям, происшедшим на одном из крупных промышленных объектов. Участие крупных фирм, а также сотрудничество «независимых» обычно обеспечивало создание грандиозных, красочно-костюмных исторических лент, пользующихся популярностью у зрителя и приносящих огромные прибыли. Ярким примером является фильм «Праздник Гион» совместного производства «Мифунэ-про» с кинокомпанией, возглавляемой известным актером Накамура Кинносукэ. Красочный фильм о Киото XVI в. стал толчком к возрождению жанра «исторических представлений», материал которых обычно становился фоном для развития и утверждения идеи об уникальности японских истории и культуры.

В 1969 г. известными режиссерами Куросава, Киносита, Итикава и Кобаяси было создано объединение «Четыре всадника», объявившее своей целью борьбу с низкопробностью вкусов, насаждаемой коммерческим стандартом. Объединение поставило фильм Куросава «Под стук трамвайных колес» по роману Ямамото Суюгоро «Улица без времен года». Фильм, рассказавший о тяжелой жизни обездоленных людей в равнодушном к их судьбам современном городе, стал значительным явлением в японской кинематографии. Он обозначил поворот к созданию произведений социальной тематики.

70-е годы стали временем огромного успеха кинолент об обыденных жизненных проблемах человека. Таковы произведения о рабочей молодежи режиссеров Морикава Токихиса и Ямада Ёдзи. Начиная с 1969 г., когда кинокомпанией «Сётику» был выпущен первый фильм, давший название серии из 20 фильмов, объединенных одним героем, жизнь рядового японца становится важной кинематографической темой. Кроме того, работы Морикава имеют большое значение для развития теории японского киноискусства — он первый показал молодой режиссуре возможность раскрытия темы на основе твердых марксистских позиций. В то же время духовные идеалы этих деятелей киноискусства далеко не всегда находят отклик в среде пришедшего в середине 80-х годов в японское кино нового поколения кинематографистов. Их позиция обусловлена продолжающимися изменениями в социальной и политической обстановке страны, породившими дух прагматизма, правительственной поддержкой националистических и шовинистических тенденций, сохранением в кинематографе и телевидении проповеди насилия, жестокости, сексуальной свободы. Тем не менее прогрессивные деятели японского кинематографа, убежденные в общественной значимости своей деятельности, продолжают в борьбе против потребительских ценностей отстаивать идеалы социальной справедливости и гуманизма.

Архитектура

Вторая половина 60-х годов была для японской архитектуры периодом, когда ее достижения были признаны как серьезный

вклад в развитие современной художественной культуры мира. Большое значение для архитектуры и градостроительства страны имела подготовка к всемирной выставке ЭКСПО-70. Разработка и осуществление генерального плана выставки стали важнейшей вехой в теоретическом и практическом развитии японской архитектуры. Вместе с тем ЭКСПО в разработке автора и главного архитектора экспозиции Тангэ — это попытка на территории в 330 га представить урбанистическое будущее Японии и мира, наглядно продемонстрировать метаболистическую схему как костяк, скелет города будущего. Строительство павильонов, их облик были яркой иллюстрацией теории, воплощением возможностей экспериментального конструирования, применявшего самые новейшие технические достижения.

Архитектурные и технические достижения ЭКСПО-70 легли в основу реконструкции застройки Осака и окружающего ее района. В годы после закрытия выставки вокруг Осака сложилось «ожерелье» спутников — система городов, разнообразных по количеству и характеру деятельности населения, для которых Осака стал центром экономического и социального притяжения. С севера это Суйта, Сэнри и Ибараки, с востока — Моригути, Яо, Хигасиока, с юга — Сакаи и Сэмбоку, города, сосредоточившие сталелитейные и машиностроительные заводы, нефтехимические комплексы. Такое же окружение мелкими и средними городами Токио, активно влияющего на их развитие, происходило и в столичной зоне. Строительство японских городов-спутников обычно имеет ориентацию на собственное независимое от крупного города развитие, в действительности чаще всего они становятся городами-спальнями, с постоянной «челночной» миграцией рабочей силы (на работу в большой город и обратно).

Выставка содействовала распространению высотного строительства во многих крупных городах страны. Сверкающие стеклом призмы небоскребов разнообразили силуэт малоэтажного горизонтально-протяженного города, давали ему новую доминанту. Однако отсутствие планового градостроения, стихийные экономические процессы, откровенная борьба фирм за наибольшую «престижность» своего представительства привели к скоплению в центре столицы высотных гигантов, каждый из которых строился выше предшественного. В 1976 г. в Синдзюку было построено здание компании Мицуи (55 этажей), в 1978 г. в Икэбукуро — самое высокое здание «Саншайн» (60 этажей).

В 70-е годы метаболизм в архитектуре начинает быстро терять свое влияние. Ориентация архитекторов на неограниченные возможности техники, на архитектурные средства, которые помогут кардинально преобразовать социальную среду и разрешить социальные коллизии, в условиях капиталистической действительности обнаружила свою полную утопичность. На смену грандиозным градостроительным программам и глобальному проектированию «плавающих» и «парящих» городов пришло обращение к локальным задачам — проектам отдельных сооружений. Этому повороту

содействовал разразившийся в середине 70-х годов экономический кризис и замедление темпов роста. Они привели к отказу от большей части проектов, а отрицательное социально-психологическое воздействие на человека условий большого урбанизированного массива обнаружило несостоятельность стремлений метаболистов к городским образованиям грандиозных масштабов.

Метаболизм, представлявший единое течение, сменяется несколькими направлениями, которые получают в архитектурном мире Японии название «постметаболизм». Архитекторы этих направлений не имеют объединяющей их профессиональной концепции. Разнообразны и сферы, в которых они работают: одни проектируют жилые дома для города и деревни, как правило, противостоящие конструктивным решениям стандартизованных зданий, другие строят спортивные комплексы, общественные сооружения. Общее для всех представителей постметаболизма: на первый план выступает деятельность архитектора не как «исцелителя» социальных недугов средствами архитектуры, а как творца, прежде всего вносящего свой вклад в развитие культуры, а потому техника выступает лишь как средство реализации его индивидуальных художественных замыслов.

Идеи постметаболизма не представляют собой исключительно и только японского явления. В противостоянии модернизму «новой архитектуры» постметаболизм смыкается с постмодернизмом, новым направлением в архитектуре Запада, отражающим кризисные явления в буржуазной культуре.

Наиболее яркие представители постметаболизма — это Исодзаку Арата и Курокава Кисё. Обращение к опыту традиционного зодчества, переоценка исторического, историко-культурного социального наследия определяют творчество многих представителей постметаболизма. Курокава активно использует в своих сооружениях традиционную для японской архитектуры организацию пространства. Исодзаку известен поисками новых архитектурных форм, особенно часто он использует неожиданные сочетания монолитных объемов — цилиндра и куба — с компонентами национального строительства.

Значительный интерес представляют работы Исии Кадзухиро, Кидзима Ясуфуми, Исияма Осаму, Айда Такэфуми и Модзуна Монта. Работы этих архитекторов отличаются явно выраженной индивидуальностью проектирования. Отказываясь от прежней практики, когда определяющим в архитектуре были только рационализм, конкретная функция, игнорирующие национальную и региональную специфику, они ищут пути решения как современных задач японского зодчества, так и возвращения ему традиционной духовной значимости.

В развитии современного японского города немалую роль играет создание искусственных территорий — осушение мелководных частей прибрежной морской зоны или частей озер. В конце 70-х годов артификационные территории (намытые и на сваях) составили половину протяженности прибрежной зоны страны

710 км). Но, как правило, эти земли не используются для решения городских проблем — на них размещаются промышленные предприятия.

Промышленное развитие страны в основном определяет современные перспективы развития городов. Значительное место в градостроительной политике последних лет заняла программа создания технополисов — сравнительно небольших промышленных онов, концентрирующих ультрасовременные отрасли промышленности (атомная, космическая, электронная, новейшие фармакология, биотехнология и пр.). Центры района технополиса предлагается создавать на базе прежних мелких и средних городов. Технополис строго ограничен по размеру территории (130 тыс. га) и количеству населения (не более 150 тыс. человек). Фактически градостроительная система такого городского образования не повторяет систему города-спутника, имеющего международную модель застройки. Эти планы предполагают и постепенную замену подобным строительством современных малых и средних городов Японии, которые в середине 80-х годов еще являются «остатками» традиционного быта японского города.

Активное развитие строительной техники, использующей новейшие достижения научно-технической революции, позволили связать железнодорожными и автомобильными магистралями четыре главных острова Японии. В апреле 1988 г. был открыт для движения гигантский двухъярусный мост Сэто охаси, соединивший остров Хонсю (г. Курасики) с островом Сикоку (г. Сакандэ). Сэто охаси представляет собой комплекс из шести мостов, переброшенных через пять маленьких островов, около 10 км приходится на пролеты над морем. Конструкции моста (нижний ярус — железнодорожная, верхний — автомобильная магистрали) отличаются исключительной прочностью, прошли испытания на толчки сильных землетрясений и ураганные ветры.

Почти одновременно с Сэто охаси вступил в строй Сайкан — действующее транспортное сооружение — 54-километровый железнодорожный тоннель, соединивший остров Хонсю с островом Кайдо.

* * *

Для культуры Японии 70—80-х годов характерно более контролируемое выражение тех тенденций общественного и культурного развития, которые сложились или наметились в предшествующие десятилетия, прежде всего преобладающего влияния воплощения идей научно-технического прогресса. Средства массовой информации содействовали формированию так называемой массовой культуры, сущность которой выражают буржуазные гребительские стандарты и идеалы, нивелирование условий жизни и труда, все возрастающая значимость техники, в конечном итоге усиливающая отчуждение и дегуманизацию личности.

Рекомендуемые источники и литература

Источники

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1956. Т. I—II; Идзумо-фудоки. Перевод К. А. Попова. М., 1966; Исэ моногатари. Перевод, статья и примечания Н. И. Конрада. М., 1979; Древние фудоки. Перевод К. А. Попова. М., 1969; Свод законов «Тайхорё». Перевод К. А. Попова. М., 1985. Ч. I—II; Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984; Манъёсю. Перевод А. Е. Глускиной. М., 1971—1972. Т. I—III; Камо-но тэмэи. М., 1988. Ким Бусик. Самук саги. Перевод М. Н. Пака. М., 1959; Кодзики. Перевод К. Черевко. Восточный альманах «Дневная звезда». М., 1974. Вып. 2; Ки-но Цураюки. Дневник путешествия из Тоса. Горегляд В. Н. Ки-но Цураюки. Приложение. М., 1983; Культовая поэзия древней Японии. Перевод Н. А. Невского. Восток. Сб. I. Литература Китая и Японии. М., Л., 1935; Кэнко-хоси. Цурадзургуза (Записки от скуки). Перевод В. Н. Горегляда. М., 1970; Кюнёр Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961; Марко Поло. Книга. Перевод старофранцузского текста. М., 1956; Повесть о доме Тайра. Перевод И. Львовой. М., 1982; Рай Санъё. Нихон гайси. Перевод Мендрина. Мендριν В. История сёгуна в Японии. Владивосток, 1910—1915. Кн. I—VI; Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. Перевод В. Марковой. М., 1975; Тикамацу Мондзаэон. Перевод В. Марковой. М., 1968; Ямато-моногатари. Перевод Л. М. Ермаковой. М., 1982; Сказание о Ёсицуноэ. Перевод А. Стругацкого. М., 1984; Хрестоматии: по истории средних веков. М., 1963, 1965. Т. I—II; по новой истории. М., 1963—1965. Т. I—III; по новейшей истории. М., 1960. Т. I—II; 1961. Т. III. Ч. I.

Литература

Алиев Р. Ш.—А. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов. М., 1986; Анарина Н. Г. Японский театр Ноо. М., 1984; Арская Л. П. «Открытая экономика» и рабочий класс Японии. М., 1972; Научно-техническая интеллигенция Японии. М., 1974; Аругунов. С. А. Современный быт японцев. М., 1968. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. Восточноазиатский этнографический сборник, 2. М., 1961; Аругунов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М., 1968; Археология зарубежной Азии. М., 1986; Бедник И. Я. Япония в период перехода к империализму. М., 1962; Бедник И. Я., Гальперин А. Л., Гришелева Л. Д., Подпалова Г. И., Попов В. А., Топеха П. П., Эйдус Х. Т. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958; Боронина И. А. Классический японский роман («Гендзи моногатари» Мурасаки Сикибу). М., 1981; Бугаева Д. П. Японские публикации конца XIX в. М., 1978; Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904—1910). М., 1975; Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культура каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982; Века неравной борьбы. М., 1967. Т. I; Вербицкий С. И. Японо-американский военно-политический союз (1951—1970 гг.). М., 1972; Виноградова Н. А. Японская скульптура III—XVI вв. М., 1981; Власов В. А. Закабаление мелких предприятий Японии монополистическим капиталом. М., 1968. Научно-техническая революция в Японии. М., 1975. Японская промышленность. Научно-технический прогресс и его последствия. М., 1979; Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1959; Япония в III—VII вв. М., 1980; Гальперин А. Л. Англо-японский союз. М., 1947. К вопросу о генезисе капитализма в Японии. Сб.: О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.). М., 1962; Очерки социально-политической истории Японии. М., 1963; Георгиев Ю. В. Япония накануне 1970 года. М., 1969; Гольдберг Д. И. Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1868—1908 гг. М., 1975; Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X—XIII вв. М., 1975; Гринин В. С. Акутагава Рюноске. М., 1980; Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М., 1979; Японская литература XX века. М., 1983; Григорьева Т. П., Логунова В. В. Японская литература. Краткий очерк. М., 1964; Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Культура послевоенной Японии. М., 1981; Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры. М., 1986; Гринина В. А. Исикава Токубоку — критик и публицист. М., 1981; Громковская Л. Л. Токутоми Рока. М., 1983; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978; Деревянко А. Н. Палеолит Японии. Новосибирск, 1984; Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсы. М., 1972; Этногенез и этническая история корейцев. М., 1979; Долгоруков П. Д. Экономика Японии: подъем или рост неустойчивости? Япония 1985. Ежегодник. М., 1986; Жуков Е. М. История Японии. Краткий очерк. М., 1939; Политика Хидэёси в отношении крестьянства//АН СССР. Серия истории и философии. М., 1946. Т. 3. № 6; Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. М., 1987; Игнатущенко С. К. Экономическая экспансия японских монополий после второй мировой войны. М., 1966; Япония и США: партнеры и конкуренты. М., 1970; Иванова Г. Д. Котоку революционер и литератор. М., 1959; «Дело об оскорблении трона». М., 1972; Мори Огай. М., 1982; Иофан Н. А. Культура древней Японии. М., 1974; Искендеров А. А. Феодалный город Японии. М., 1961; Тоётоми Хидэёси.

М., 1984; История Японии 1945—1975. М., 1978; *Ихара Сайкаку*. Новеллы. Перевод Е. Пякус и В. Марковой. М., 1959; *Кин Д.* Японцы открывают Европу. 1720—1830. М., 1972; Японская литература XVII—XIX столетий. М., 1978; *Коваленко И. И.* Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979; Очерки истории Коммунистической партии Японии после второй мировой войны 1945—1961. М., 1981. Коммунистическая партия Японии. М., 1987; *Козловский Ю. Б.* Философия экзистенциализма в современной Японии. М., 1975; Современная буржуазная философия в Японии. М., 1977; *Конрад Н. И.* Японская литература в образах и очерках. Л., 1927. Ч. I. Избранные труды. История. М., 1974; Японская литература. М., 1974; Избранные труды. Литература и театр. М., 1978; Очерки истории культуры средневековой Японии. М., 1980; *Кузнецов Ю. Д.* Социально-классовая структура современной Японии. М., 1983; Внутрполитическое положение Японии//Япония. Ежегодник. М., 1981, 1983, 1985, 1986; *Кундадзе Г. Ф.* Японо-китайские отношения на современном этапе 1972—1982. М., 1983; *Кутаков Л. Н.* Портсмутский мирный договор. М., 1961; Очерки новейшей истории Японии 1918—1963. М., 1965; Россия и Япония. М., 1988; *Латышев И. А.* Конституционный вопрос в послевоенной Японии. М., 1959; Правящая либерально-демократическая партия Японии. М., 1967; Семейная жизнь японцев. М., 1985; *Лещенко Н. Ф.* «Революция Мэйдзи» в работах японских историков-марксистов. М., 1984; *Маркарян С. Б.* Сельскохозяйственная кооперация Японии. М., 1975; Проблемы агропромышленной интеграции в Японии. М., 1982. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., 1987; *Мещеряков А. Н.* Японские легенды о чудесах IX—XI вв. М., 1984; Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987; Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988; *Нивалицкая Г. Б.* По Японии. М., 1965; Бамбуковый город. М., 1975; Нагасаки. М., 1979; Осака. М., 1983; *Невский Н. А.* Айнский фольклор. М., 1972; Фольклор островов Мияко. М., 1978; Материалы по говорам языка Цоу. М., 1981; *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982; *Николаева Н. С.* Художественная культура Японии XVI столетия. М., 1986; Японские сады. М., 1975; *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М., 1979; *Пасков С. С.* Япония в раннее средневековье VII—XII вв. М., 1987; *Петров Д. В.* Американская экспансия в Японии в середине XIX в. М., 1959; Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965; Япония в мировой политике. М., 1973; *Подпалова Г. И.* Крестьянское петиционное движение в Японии. М., 1960; Социалистическая партия Японии 1946—1972. М., 1975; Правая социал-демократия Японии. 1960—1980. М., 1981; *Поздняков И. Г.* Роль кэнти в закреплении японского крестьянства во второй половине XVI в. // Япония. Вопросы истории. М., 1959; К вопросу о генезисе капитализма в Японии//Генезис капитализма в промышленности/Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1963; *Попов В. А.* Земельная реформа и аграрные отношения в Японии. М., 1959 Развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии. М., 1970; Формирование социально-экономической структуры японской деревни. М., 1987. *Попов К. М.* Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964; *Певзнер Я. А.* Государственно-монополистический капитализм в Японии. М., 1961; Государство в экономике Японии. М., 1976; *Поселов Б. В.* Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974; *Радуга-Загуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М., Л., 1947; Андо Сёкки философ, материалист XVIII в. М., 1961; Из истории материалистических идей в Японии. М., 1972; *Рамзес В. Б.* Мелкие и средние предприятия в послевоенной Японии. М., 1965; Социально-экономическая роль сферы услуг в современной Японии. М., 1975; *Савин А. С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979; *Саркисов К. О.* Япония и Организация Объединенных Наций. М., 1975. *Светлов Г. Е.* Путь богов. М., 1985; Нитирэн и современность. Сб.: Религия мира 1985. М., 1986; *Саиридов Г. Г.* Японская средневековая проза сзэцу. М., 1981. *Сенаторов А. И.* Пионер японского коммунистического движения//Коммунист. 1984. № 17; *Совастеев В. В.* Проблемы буржуазной революции Мэйдзи в японской историографии. Владивосток, 1984; *Степавковский А. Б.* Самурай — военное сословие Японии. М., 1981. СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1978; *Сутягина М. В.* Мицубиси. М., 1973; Группа «Сумитомо». М., 1979. *Сырцын И. М.* Борьба японских трудящихся против войны и фашизма. М., 1960; Статьи по японской историографии феодального землевладения//Вестник МГУ. Востоковедение. МГУ. 1970. № 2; 1978. № 1; 1985. № 4. Агрессивные планы японского милитаризма в 30-е — начале 40-х годов/Там же 1986. № 2; *Тодер Ф. А.* Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978; *Толехва П. П.* Рабочее движение в Японии 1945—1971. М., 1973; *Файнберг Э. Я.* Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX в. М., 1954. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960; *Хани Горо*. История японского народа. М., 1957; *Ханин З. Я.* Социальные группы японских париев. М., 1973; Парии в японском обществе. М., 1980; *Хлынов В. Н.* Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции. М., 1978; *Чегодарь Н. И.* Человек и общество в послевоенной литературе Японии. М., 1985; Человек и мир в японской культуре. М., 1985. *Шарков А. М.* Япония и США (анализ современных экономических отношений). М., 1971; *Эддус Х. Т.* Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968; Японский милитаризм. М., 1972; Япония. Ежегодник 1972—1986. М., 1973—1987; Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985.

Оглавление

Предисловие	3
1 Древняя Япония. 40 тыс. лет до н. э. — VI в. н. э.	
<i>Глава 1.</i> Первобытнообщинная формация	8
2 Феодалная Япония. VII в. — середина XIX в.	
<i>Глава 2.</i> Становление феодальных отношений (VII—IX вв.)	46
<i>Глава 3.</i> Развитие феодальных отношений (X—XIV вв.)	64
<i>Глава 4.</i> Япония в период развитых феодальных отношений (XV—XVII вв.)	89
<i>Глава 5.</i> Культура в XV—XVII вв.	119
<i>Глава 6.</i> Япония в период кризиса феодальных отношений	140
<i>Глава 7.</i> Япония накануне буржуазной революции	146
<i>Глава 8.</i> Культура Японии в период позднего феодализма	162
3 Развитие капиталистических отношений. Середина XIX в. — начало XX в.	
<i>Глава 9.</i> Становление капиталистической Японии	174
<i>Глава 10.</i> Японский капитализм и либеральное движение	182
<i>Глава 11.</i> Становление японского империализма	189
<i>Глава 12.</i> Культура капиталистической Японии	202
4 Япония в новейшее время. 1918—1987 гг.	
Япония на первом этапе общего кризиса капитализма. 1918—1945 гг.	216
<i>Глава 13.</i> Подъем демократического и рабочего движения в Японии после Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1923)	216
<i>Глава 14.</i> Япония в годы временной, частичной стабилизации капитализма (1924—1928)	228
<i>Глава 15.</i> Мировой экономический кризис и создание очага войны на Дальнем Востоке (1929—1937)	236
<i>Глава 16.</i> Япония в период агрессивной войны в Китае (до начала военных действий на Тихом океане) (1937—1941)	257
<i>Глава 17.</i> Война на Тихом океане (1941—1945)	266
<i>Глава 18.</i> Культура Японии в 1918—1945 гг.	274

Япония после второй мировой войны	292
Глава 19. Американская оккупация. Восстановление экономических и политических позиций Японии (1945—1956)	292
Глава 20. Высокие темпы роста японской экономики. Превращение Японии в один из основных центров империалистического соперничества (1957—1973)	326
Глава 21. Структурная перестройка японской экономики. Поиски политического равновесия (1974—1987)	371
Глава 22. Культура Японии в 50—60-е годы	403
Глава 23. Культура Японии в 70—80-е годы	418
Рекомендуемые источники и литература	429

Учебное издание

КУЗНЕЦОВ Юрий Дмитриевич
НАВЛИЦКАЯ Галина Брониславовна
СЫРИЦЫН Игорь Михайлович

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина
 Редактор Н. В. Павлова
 Младший редактор С. А. Бугаенко
 Художник А. В. Алексеев
 Художественный редактор Т. А. Коленкова
 Технический редактор З. А. Муслимова
 Корректор М. М. Сапожникова

ИБ. № 6742

Изд. № ИСТ-1. Сдано в набор 20.10.87. Подп. в печать 06.09.88. А—11504. Формат 60×90/16. Бум офс. № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Объем 27 усл. печ. л. + + форзац 0,25 усл. печ. л. 54,5 усл. кр.-отт. 28,29 уч.-изд. л. + форзац 0,41 уч.-изд.л. Тираж 30 000 экз. Заказ № 965.
 Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4,
 Неглинная ул., д. 29/14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.